

ЖЕРАР КЛЕЙН

БОГИ ВОЙНЫ

Сборник
научно-фантастических
произведений

ПЕРЕВОД С ФРАНЦУЗСКОГО

Новосибирск
«ЭЯ»
1992

ББК 84.4 Фр
К48

Составитель: *В. П. Кирчев*

Клейн Ж.

К48 Боги войны: Сб. науч.-фантаст. произведений /
Пер. с фр.— Н. «ЭЯ», 1991.— 496 ст.
ISBN 5—87216—005—4

В сборник произведений известного французского писателя-фантаста вошли повести «Непокорное время» и «Звездный гамбит» (в переработанном переводе) «Боги войны», последний роман и некоторые рассказы ранее не издавались на русском языке.

ББК 84.4 Фр

ISBN 5—87216—005—4

© Состав. Кирчев В. П., 1991
© Художественное оформление, 1991
О. Г. Полищук

НЕПОКОРНОЕ ВРЕМЯ

*Моим родителям, бросившим
меня в Реку Времени*

Там, где господствует эго,
должна властвовать совесть.

Д-р Лагаш

1 Громадный черный прямоугольник, казалось, излучал мрачный, почти невидимый свет — Служба времени Альтаира готовила отправку третьей за год экспедиции. Ветераны помнили времена, когда экспедиции снаряжались значительно реже. Надумай они сопоставить факты, их непременно обеспокоили бы участвовавшие путешественники во времени. Но здесь не принято было задавать лишних вопросов, и они не задумывались над тем, что не относилось к их непосредственной работе. На Альтаире каждый занимался только своим делом.

Инженеры Службы времени обеспечивали настройку мультитензоров пространства Горовица с точностью до шестнадцатого знака после запятой. Начинали работу машины. Затем инженеры приступали к тонкой настройке вручную, и успех зависел только от их умения. А оно граничило с искусством. Никто не думал об опасности, хотя риск был необычайно велик из-за невероятного количества энергии, которого требовало успешное завершение операции. Нельзя безнаказанно манипулировать силами, способными нарушить стабильное равновесие времени и пространства. В большинстве своем жители Альтаира II, единственной обитаемой планеты в системе, считали, что последствия ошибки сведутся всего лишь к потере командос и тем самым к гибели семи человек. О вероятности такого исхода старались не вспоминать — смерть для них была редким и неприятным событием. К тому же подготовка каждого члена командос темпоральных исследований и воздействий обходилась чрезвычайно дорого.

Федерация объединяла около шести тысяч миров. Но

Печатается по изд.: Клейн Ж. Непокорное время: В сб. Клейн Ж. Звездный гамбит: Пер. с фр. — М.: Мир, 1985. Пер. изд.: Klein G. Le temps n'a pas d'odeur. — Paris, Denoel, 1963.

© перевод на русский язык, «Мир», 1985

альтаирцы не ведали истины. В тайну были посвящены только Арх, члены его совета и инженеры Службы времени. Они знали, что в лучшем случае ошибка приведет к нарушению будущего Альтаира II, а это чревато катастрофой для всей Федерации. В худшем случае — катаклизм уничтожит часть Галактики, и разрушительная волна покатится до границ Вселенной. Но инженеры Службы времени не совершали ошибок. Они не допускали даже малейшей их возможности, а потому не предпринимали мер для ликвидации гипотетических последствий. Этим занимались другие. На Альтаире II все обязанности были строго определены.

Инженеры Службы времени имели дело с тончайшими структурами Вселенной. Объяснить на словах характер воздействия, какое оказывают искривители на пространство Горовица, невозможно. И, разговаривая с непосвященными, инженеры прибегали к аналогии. «Представьте себе, — говорили они, — Вселенную в виде воздушного шарика. Мы находимся в некой точке на его внутренней поверхности. Приложив значительную энергию в определенном направлении, мы можем локально деформировать шарик и проткнуть в нем крохотное отверстие, которое позволяет выбраться наружу. Если деформация недостаточна, вы рискуете застрять в стенке шарика, и вас оттуда не извлечь никакими силами. При избыточной деформации в шарике может возникнуть постоянное отверстие. В этом случае шарик либо медленно опадет, либо лопнет».

В этот момент объяснявший обычно делал паузу и внимательно оглядывал слушателей. Гиды редко обманывались в своих ожиданиях — туристы из центральных миров при этих словах неизменно теряли всю свою самоуверенность. Они глядели на черный прямоугольник, дверь в Абсолютное Вневремя, как на омерзительную гадину. Они не знали, какой конец страшнее — мгновенный ли взрыв, который перемелет Вселенную в пыль элементарных частиц, или медленный распад Вселенной, из которой, как из проколотого иголкой шарика, потихоньку утекают в никуда пространство, материя, время. Выбор оказывался невелик — лопнувший мыльный пузырь или опавший детский шарик. Одна только мысль о этом не сулила приятного. Но, уверенные в своем могуществе, которое они отождествляли с могуществом человечества, жившего в освоенной части Галактики и уже посылавшего свои корабли к иным звездным скоплениям, они предпочитали закрывать глаза на то, что кажущаяся незыблемой Вселенная, их обитель, обладает устойчивостью и прочностью мыльного пузыря или воздушного шарика. Подобные сравнения унижали их. Им не нравилось также, что в распоряжении инженеров Службы времени имеются чудовищные силы. Но они понимали — это вызвано необходимостью. Для утверждения своего могущества правители Федерации долж-

ны были подчинить себе время, и, подчиняя его, они все отчетливей сознавали, сколь хрупок его носитель — Вселенная. Постоянная опасность была неперенным спутником Федерации.

Глядя на посетителей, инженеры Службы времени только усмехались. Для них опасность была отвлеченным понятием в отличие от конкретного понятия искривителей, абстрактную идею которых человек усваивал долгие века, хотя ему помогали совершеннейшие компьютеры. Инженеры знали, что черный прямоугольник служит дверью. По эту сторону двери простирался континуум с мириадами галактик, состоящих из мириад звезд, которые в свою очередь состояли из мириад частиц. По ту сторону двери лежало ничто. — Непостижимое ничто. Никакой информации о природе Абсолютного Вневремени не существовало. Дверь открывалась в первозданный хаос, в отрицание пространства, которое предшествовало первому мгновению существования Вселенной, первому сверхатому, взрыв которого привел к ее появлению. Вот почему эта дверь позволяла попасть в любое место, в любой миг истории Вселенной. Но имелись определенные условия, которые суживали возможности перемещения во времени и пространстве. Однако границы были достаточно емкими, чтобы вместить значительно больший промежуток времени, чем вся история человечества.

Поэтому командос темпоральных исследований и воздействий ныряли через эту дверь в ничто, в Абсолютное Вневремя, и оказывались в иных мирах либо в прошлом, либо в будущем.

Дабы воздействовать на время. Дабы изменить прошлое или будущее. Дабы обеспечить Федерации могущество, которое непрестанно подтачивалось временем, и исключить малейшую вероятность ее гибели.

Семь человек командос вошли в зал. Увешанные снаряжением комбинезоны делали людей неразличимыми. Детекторы, оружие, инструменты, которые они несли на себе, позволяли им выжить практически в любых условиях — и в сердце звезды, и в пустоте, разделяющей галактики. Их не пугал ни один противник. Им ничего не стоило уничтожить целый мир, выстоять против космического флота. Генераторы ординизлучения позволяли им видеть сквозь толщи гор. Генераторы поля давали возможность летать над планетой на любой высоте с почти неограниченной скоростью. Симбиотические комплексы обеспечивали им питание и дыхание на любом исходном сырье. Их могущество можно было сравнить с могуществом мифологических богов.

Но самым эффективным инструментом были их нервная система, знания, тренированность. Даже оказавшись наг и гол

в самых неблагоприятных условиях, член командос имел больше шансов остаться в живых, чем любой другой житель Галактики. Тайна этого крылась во врожденных особенностях каждого, подмеченных выборщиками, и в длительном самосовершенствовании.

Они мгновенно оценивали любую ситуацию, отражали любую угрозу. Во всяком случае, ту, с которой они сами или их предшественники сталкивались в своих путешествиях. Их концепция мира исключала возможность поражения. Даже поодиночке они были практически неуязвимы. А их было семеро.

Эта семерка не раз боролась со временем и его ловушками и стала единым целым. И сейчас она снова готовилась переступить порог в прошлое неизвестного мира ради процветания Федерации, ради того, чтобы ничто не могло угрожать ее могуществу даже в далеком завтра.

В семерку входили координатор Йоргенсен, Арне Кносос, Марио, Ливиус, Шан д'Арг, Эрин и Нанский. Номинально руководил семеркой Йоргенсен, но на практике она не нуждалась в командире. Она работала сама по себе, как хорошо отлаженный механизм.

Ни один из членов семерки не отличался узкой специализацией. В командос темпоральных исследований и воздействий каждый мог с равным успехом заменить другого. Когда начинались первые путешествия во времени, командос составлялись из различных специалистов, но результаты оказались плачевными, а часто и катастрофическими. Любой узкий специалист беспомощен вне рамок своих знаний и возможностей.

Мало кто завидовал их статусу специалистов широкого профиля. Какими обширными и разнообразными ни были их знания, они не позволяли им соперничать со специалистами в конкретной области. Их способности, взятые в отдельности, были посредственными, но в комплексе поражали своей уникальностью. Редкий человек мог по достоинству оценить многогранность их черт и знаний. В глазах большинства людей, гордых своей узкой специализацией, члены командос выглядели монстрами. А члены командос умели подавлять в себе неприязнь ко всем тем, кто с оговоркой принимал их право быть полноправными создателями цивилизации, чье будущее они защищали. Они ни с кем не делились своим богатым опытом; их замкнутые лица с поджатыми губами редко меняли свое выражение, и никто не знал, какие чувства их булвуют. Их стихией были самые невероятные и неожиданные ситуации.

Семерка решительно направилась к черному прямоугольнику. Инженеры Службы времени удалили из зала всех посторонних. Проследовав по сложному лабиринту, начертанному на полу, семеро людей ступили на прямоугольник, и их окутали

голубые сполохи пламени.

По периметру черного прямоугольника вспыхнула оранжевая полоса. Семерка отправлялась в прошлое планеты, которую ее члены никогда не видели и названия которой не слышали до вчерашнего вечера, когда их ознакомили с порученной им миссией. Существовало строгое правило: никого и ни о чем заранее не предупреждать. Они должны были быть всегда готовы отправиться в путь. И всегда могли отказаться от выполнения данной миссии. Они не знали, кто принимает решение об их посылке в тот или иной мир, в ту или иную эпоху, но это их не волновало. Они получали точные инструкции и беспрекословно выполняли их.

Чернота прямоугольника вспучилась и непроглядным туманом потекла вверх по ногам. Тьма постепенно поглотила их и тут же обернулась белой вспышкой столь пронзительной яркости, что могла ослепить любого наблюдателя, не успевшего закрыть глаза.

Свет быстро пошел на убыль — черный прямоугольник и стоявшие на нем люди исчезли. Дверь Вселенной захлопнулась — семерка отправилась на планету Игона в созвездии Сфинкса, ход истории которой им надлежало изменить.

Накануне старта Йоргенсен отдыхал в студии своего приятеля Арана на планете Игор II. Он с интересом наблюдал, как художник работает над новой скульптурой. В прозрачном блоке вещества колебались цветные объемные формы, похожие на бледный сигаретный дымок, тающий в недвижимом воздухе, или на разводы от упавшей в чистую воду капли чернил. Аран создавал невероятные пространственные комбинации в сероватых тонах. Его произведения украшали красивейшие здания Федерации.

— Мне нравится твоя профессия, — не раз повторял Йоргенсен. — Глядя на тебя, хочется заняться тем же. Твои творения надолго переживут тебя. Ты — счастливый человек. Удивительно, как твое произведение меняется при каждом прикосновении пальцев.

Скульптор поднял голову и усмехнулся.

— Я придаю форму дыму, а ты — времени. Что важнее? Я живу в мечтах, а ты в действии. Что лучше?

Йоргенсен не ответил. Он не отрывал взгляда от творения друга. Абстрактные контуры будили в душе тревогу, тревогу сменяло умиротворение, какая-то едва ощутимая радость. Он чувствовал, что скульптуры Арана оказывают на него какое-то необъяснимое действие. Ему хотелось понять его природу. Йоргенсен посмотрел на свои руки. Сильные, костистые, ловкие, они не способны были ни на что подобное. Они умели владеть оружием, но не могли очертить изящный контур. Йоргенсен часто ловил себя на мысли, что любит

наблюдать за работой Арана потому, что в глубине души хочет делать то же самое.

Йоргенсен был высоким, худощавым человеком. Наголо выбритый череп подчеркивал худобу его немного скуластого, сурового лица с очень светлыми глазами. Горькие складки в уголках тонкогубого рта говорили о давней усталости. Он не находил удовлетворения ни в себе самом, ни в мире, где он жил. Он любил свою странную профессию за то, что она помогала ему бежать от самого себя. Он часто задавал вопросы и с изрядной долей скептицизма сам же отвечал на них, завидуя спокойной уверенности Арана.

— Меня постоянно мучает один вопрос,— наконец решился Йоргенсен,— не слишком ли односторонне мы действуем. На некоторых планетах получают развитие какие-то цивилизации. Кто-то решает, что на определенной стадии они могут стать опасными для Федерации. Тогда на сцену вступаем мы. Наше вмешательство меняет ход их истории. Мы, конечно, стараемся остаться незамеченными. Но миры, которые мы покидаем, уже никогда не достигнут расцвета, а потому никогда не станут соперниками Федерации. Нет, я не формирую время. Я стерилизую его. Я его ограничиваю. Я его ампутую, обрубаю его живые ветви.

— Стоит ли терзаться?— мягко возразил Аран.— И я в своих произведениях нередко устраняю некоторые возможности, хотя и сожалею о потерях. Но они нарушили бы равновесие и в конце концов красоту целого. Федерация контролирует время по праву сильного. Она поддерживает порядок во всей Галактике. И предупреждает войны. Разве ради этого не стоит приостановить развитие одной-двух неведомых цивилизаций?

— Не знаю,— неуверенно буркнул Йоргенсен. Он привык быть со скульптором предельно откровенным. В другом месте он, возможно, на это и не решился бы, чтобы не вызвать подозрений у агентов Арха. Он наклонился к окну, которое опоясывало мастерскую. Местность снаружи поражала дикостью и буйством природы. Но только несведущего. На самом деле она была плодом ухищрений мастера-садовника. У горизонта небо подпирали высокие горы, по склонам которых сползал фиолетово-красный лес; его сменяла бескрайняя саванна, зелень оттеняла голубизну трех рек. Кое-где возвышались разрозненные купы деревьев. Само жилище Арана окружали цветущие луга. То здесь, то там легкими прыжками проносились и исчезали вдаль быстроногие антилопы. Невидимое красное солнце заливало розовым светом небо, окрашивало пурпуром вершины гор. Весь этот пейзаж навевал удивительное чувство покоя, хотя на самом деле был чужд планете.

Здесь даже горы были другими.

— Меня многое беспокоит,— вновь заговорил Йорген-

сен.— Я столько успел повидать. Самые разные миры. Я прошупал их прошлое и предугадал будущее. И все ради того, чтобы уничтожить. Каждый из миров менялся или стремился к перемене. Лишь Федерация с незапамятных времен остается неизменной и недвижимой, как стоячее болото. Почему?

— Тебе известно изречение Арха: «Федерация — проявление зрелой уравновешенной цивилизации. Она достаточно могущественна, чтобы предотвратить всякий кризис, старение и смерть, которые для любой эфемерной цивилизации губительны. Она стабильна — и в этом ее сила».

— Мне это известно. Однако прав ли Арх? Не защищает ли он свою собственную власть? Все меняется в этом мире — от твоих творений до звезд. Лишь Федерация застыла в своей неизменности. И эту ее стабильность создаем мы, солдаты времени, бросая к ее ногам освежаемые туши юных миров.

Пальцы Арана легко скользили по его детищу, и каждое прикосновение меняло форму цветных струек дыма внутри. Жесты скульптора исключали случайность. Аран вдруг выпрямился.

— Хочешь знать мое мнение?— резко спросил он.— Думаю, поведение Федерации пагубно. Убежден, она допускает ошибку, контролируя время. Возможно, она тем самым предотвратила свою старость, но одновременно она и убила в себе жизнь. Мы не имеем права ради собственного процветания искажать будущее других миров. Другие миры имеют полное право жить и развиваться. Знаешь ли ты, что моему искусству уже сотни лет и оно неизменным прошло через века? Думаешь, я не устал повторять одно и то же? Думаешь, я не в силах создать нечто новое? Я ведь творец, а не просто специалист, каких плодит наша Галактика для любого рода деятельности. Даже для искусства. А как хочется уйти от этого неизменно повторяющегося совершенства. Что из того, что в Федерацию входят тысячи обитаемых миров? Все равно в ней пахнет затхлостью. Иногда, глядя на это небо, я чувствую, что попал в тюремную камеру. А затем заставляю себя улыбнуться и вновь берусь за работу, заново обретаю счастье от занятий своим делом.

Послышался мелодичный звон.

— Слушаю,— откликнулся Аран.

— Мне нужен Йоргенсен,— отрубил мужской металлический голос.

— Слушаю,— отозвался Йоргенсен. Он знал, кому принадлежит этот голос. Знал, что последует дальше. Радость охватила его, мышцы рук непроизвольно напряглись.

— Вам поручена новая миссия,— сообщил голос.— Завтра вы отправляетесь на планету Игона для проведения коррекции ее истории. Возвращайтесь на Альтаир.

— Буду вечером.

— Прекрасно. До свидания.

Йоргенсен повернулся к Арану.

— Игона. Никогда не слышал о такой планете. Коррекция истории. Любимый эвфемизм.

— А вот и ответ,— сказал Аран.— Федерация не терпит конкуренции. Ее право — право сильнейшего.

— Я могу отказаться, но не откажусь. В этих миссиях смысл моего существования. Как смысл твоего — в твоих скульптурах.

Внизу появился ребенок — дочка Арана. Она играла с красным мячом, современным чудом техники. Сложные механизмы позволяли мячу кружить вокруг ребенка и ускользать от него в момент, когда, казалось, игрушка уже в руках. Сложность игры можно было регулировать. Изредка мяч допускал ошибку и позволял приблизиться к себе. Девчушка заливисто смеялась и пинала мяч ногой. Он откатывался и возвращался.

Игру изобрели несколько веков назад, но интерес к ней не остывал.

Накануне старта Арне Кносос занимался рыбной ловлей на Гидре. Его страстью было море. Он знал подводную флору и фауну сотен планет лучше, чем их рыбоводы. Глиссер скользил по волнам. Арне сам разработал и построил его с помощью роботов. В конструкции было множество хитрых решений. Он мог мгновенно выдвинуть две тончайшие мачты с прозрачным парусом — из древних книг он узнал, что человеческие цивилизации тысячелетиями использовали ветер в качестве движущей силы. Потом секреты такого плавания канули в Лету. Арне Кносос заново изобрел паруса и наслаждался, один на один меряясь силами с ветром и морем. Случалось, отключив двигатель, он сутками носился по волнам, отдавшись прихоти течений и ветров. Его концепция времени во многом зависела от общения с морем.

Между путешествиями во времени Кносос чаще всего жил на Гидре, одной из редких планет Федерации, полностью покрытой океаном. В морских безднах скрывалось несколько городов, живших на доходы от туризма и разведения редких водорослей. Но Кносос избегал появляться там, разве только когда иссякали запасы пищи. Кносос любил одиночество.

Он с удовольствием погружался в океанские бездны, исследовал морское дно, осматривал коралловые рифы, наблюдал за стаями разноцветных рыб и иногда охотился на морских гигантов. Но никогда не превращал он охоту в бессмысленную бойню. Каждый его трофей был добыт в честном бою. Однажды в глубоководной расщелине он выиграл схватку с гигантским кольчатым червем и с тех пор, несмотря на странности своего образа жизни, пользовался на Гидре особым авторитетом.

Сегодня на корме его глссера красовалось название почти всеми забытого произведения — «Одиссея». Он плыл в пелене густого тумана. Детекторы прощупывали туман и воду, чтобы исключить столкновение с судном из морских глубин. Арне предавался мечтам.

Резкий звук вернул его к действительности.

— Кносос,— раздался безликий женский голос.

— Да,— отозвался он.

— Завтра вы отправляетесь на Игону. Срочно возвращайтесь на Альтаир.

— Хорошо.

Он нажал клавишу на щитке управления. Парус сложился, телескопические мачты бесшумно скрылись в корпусе суденышка. Глссер ринулся вперед, едва касаясь воды.

Марио в равной степени увлекался музыкой, математикой и женщинами, а поэтому часто путешествовал. Накануне старта на Игону ему удалось примирить все три свои страсти в районе Прочиона. На планете Энгеран III проходил фестиваль синтетической оперы. Там-то он и повстречал Ору, пленительную певицу-блондинку. Сам Марио был черняв и коренаст. Пронзительный взгляд и высокий покатый лоб не делали его красавцем, но в обаянии ему нельзя было отказать. Он знал это и умело пользовался своим даром.

В командос он попал случайно. Марио родился на одном из центральных миров во влиятельной семье, близкой к семье Арха, и карьера его с самого рождения казалась предreshенной. Но нравы правителей Федерации пришлись ему не по вкусу. Некоторое время он без особых целей скитался по Галактике, участвуя время от времени в математических турнирах, коллекционируя интрижки и развивая музыкальный вкус. Но даже это безделье утомило его. У него не было специальности, да он и не хотел ее приобретать. Немалое состояние оберегало его от любых невзгод, кроме скуки, которая к тридцати годам буквально задушила его. Ему предложили несколько почетных должностей, но он отказался от них. Однажды случай свел его с Йоргенсеном, и они сдружились. Два года спустя Йоргенсен предложил ему место в командос. Не желая расставаться со свободой и мало веря в то, что ненавистная ему Федерация нуждается в защите, он долго колебался. Но все же последовал за Йоргенсеном. Новая роль пришлась ему по вкусу — здесь опасность имела свой конкретный смысл.

Возвратившись в номер, он сразу заметил озабоченное лицо Оры. Она без улыбки ожидала его, прислонившись к мраморной колонне. Марио сразу понял, что это значит. Он обнял ее и спросил, не успев поцеловать:

— Миссия?

Она молча кивнула. Он взлохматил копну ее золотистых волос, не испытывая никаких сожалений. Его вновь охватило знакомое чувство триумфа. Он уже был далеко от Оры.

— Игона,— сказала она.— Я даже не знаю, где это. И в атласе ничего не сказано. Какой-нибудь мирок на окраине Галактики?

— Уж не какой-нибудь,— возразил он,— коли требуется наше вмешательство.

Она посмотрела на него широко раскрытыми глазами. Он чувствовал жар ее прильнувшего к нему тела.

— Ты вернешься?

— Конечно,— в его голосе не было большой уверенности.

И откуда ей было взяться? Никто и ничто не могло надолго захватить Марио, кроме темпоральных командос.

Накануне старта Ливиус бродил по предместьям Шенграна в поисках собутыльников, драки или любого другого скандального дела. По натуре своей Ливиус был авантюристом. Вкус к опасности и насилию привел его в темпоральные командос. Его не волновали высокие принципы. Он жил согласно собственным инстинктам. Ливиус родился на одном из бедных и перенаселенных миров и, наверное, занялся бы пиратством или иными темными делишками, не предложи ему выборщики иную долю. Он покинул родную планету раз и навсегда и свободное время проводил в больших городах старых миров, не заботясь о своей репутации. Он знал, что профессия защитит его от агентов Арха и нередко злоупотреблял этим. О его схватках с полицией ходили легенды. Когда он бывал в хорошем расположении духа, ему хватало разбить десяток роботов, чтобы внести, как он говорил, оживление в свою скучную жизнь. Он не связывал себя семейными узами, выбирал друзей на один день и не сожалел о расставании с ними. Когда этот высокий, сутулый и угловатый человек с лицом, покрытым шрамами, которые он отказывался удалить с помощью биопластических операций, появлялся в тавернах, в них тут же поднимался радостный шум. Он любил успех, но презирал льстецов. Себя он считал одиноким волком и терзался лишь в те моменты, когда снисходил до жалости.

В тот вечер его грызла скука. Ливиус хотел было угнать корабль с астродрома, обманув роботов-охранников, и ради острых ощущений промчатся на нем вместе с приятелями вблизи солнца. Но как-то вдруг эта затея показалась ему детской забавой. Он ощущал зуд в руках. Близился кризис. В такие дни его томило неосознанное желание либо принять участие в необычном путешествии в другую галактику, либо вернуться на родную планету. Тогда даже нежные руки шенгранских женщин не могли вывести его из глубокой тоски, а психологов к себе он никогда не подпускал. Это его состоя-

ние однажды ощутили на себе агенты Арха: он убил одного из них, но скандал замяли. Агентов Арха не любили, да и заменить их было легче, чем членов командос.

Из кармана донесся резкий звук. Ливиус достал передатчик.

— Ливиус? — спросил робот.

— Он самый.

— Вы можете принять участие в миссии или отказаться от нее, — сообщил робот, четко выговаривая слова. — В случае согласия завтра отправляетесь на Игону.

— Кто командир? — хриплым голосом осведомился Ливиус.

— Координатором назначен Йоргенсен.

— Согласен.

Лицо Ливиуса просветлело.

— Да будет благословенно имя Арчимбольдо Урцайта, — тихо пробормотал он.

— Простите? — поинтересовался робот.

— Ничего. Я отблагодарил некоего Арчимбольдо Урцайта.

— Мне не известен ни одной живой человек, носящий это имя, — проговорил робот. — Но пять веков назад существовала историческая личность с таким именем. Доктор Арчимбольдо Урцайт разработал математический принцип и провел первые практические опыты по путешествиям во времени.

Роботы не упускали случая щегольнуть своими знаниями, и это бесило Ливиуса. Он весьма сожалел, что кибернетики сочли необходимым снабдить роботов небольшой долей разума.

— Именно его я и имел в виду, — сказал Ливиус и не без злорадства подумал, какое смятение вызвал в мыслительных цепях робота.

Робот помолчал, затем после паузы проговорил:

— Я регистрирую ваше согласие. Да будет вечным величие Арха.

На Шенгран опускался вечер. В терминах универсального времени у него было в запасе еще двадцать часов. Он посмотрел на небо, где уже зажглись искусственные луны. Двадцать четыре уровня улиц сплелись в громадный сверкающий лабиринт. Из подвесных садов исходил пьянящий запах. Над астеродромом темной гигантской тенью висел пузатый коммерческий корабль с потушенными ходовыми огнями.

— Ну что ж, пойдем выпьем на последний сегир во славу старика Арчимбольдо Урцайта, — громко проговорил Ливиус, расправляя складки плаща.

Шан д'Арг утверждал, что прибыл из Солнечной системы, мифической колыбели человечества. И как ни удиви-

тельно, акты гражданского состояния подтверждали его слова. Он немало гордился своим происхождением, утверждая, что некогда его род пользовался известностью на Соль IV, как тогда называли Марс. Он уже дважды участвовал в экспедициях за пределы Галактики, сражался против кристаллов Капеллы, истреблял мыслящих насекомых Сириуса, которые в результате непонятной мутации смогли покинуть свой родной мир и стали расселяться по всей Галактике. Дело предполагалось решить с помощью командос темпорального воздействия, но оказалось, что мутация была следствием вмешательства одной из командос. Не желая рисковать, Федерация решила сбросить на «зараженные» планеты миллионы роботов и несколько воинов. Люди шли на верную смерть. Но Шан д'Арг сумел остаться в живых.

У Шан д'Арг была желтая кожа и раскосые глаза. Антропологи считали его редчайшим представителем одной из древнейших рас. В нем в полной чистоте сохранились ее признаки. Это было большой редкостью — в Федерации первичные расы смешались настолько, что стерлись все соматические различия. Правда, по мере расселения в разных мирах появились новые отличия. Излучения солнца, состав воздуха, гравитация, климатические условия — вот долговременные факторы формирования новой расы.

Шан д'Арг увлекался историей, с его уст не сходили названия битв и имена забытых героев. Он говорил об античности Солнечной системы как о благословенной эпохе, когда люди сражались с радостью и страстью. Ему хотелось подобно им владеть мечом, топором, пулеметом. Он искусно управлялся с древним оружием. Ему случилось на Танатосе принять участие в турнире гладиаторов, но он вернулся оттуда, исполнившись отвращения, ибо не разделял вульгарного вкуса к убийству.

Накануне старта на Игону он томился в неясном ожидании у себя дома среди оружия, книг, блоков магнитной памяти. Когда его терпению пришел конец, он вызвал Альтаир.

— Хочу отправиться с миссией, — коротко потребовал он.

— Завтра отбывает одна из них, — ответил робот. — Но выборщики не предусмотрели вашего участия. Однако я могу предложить вашу кандидатуру.

— И побыстрее, — сухо приказал Шан д'Арг.

Он с нетерпением ждал ответа, занимаясь точкой меча — столь тонкую работу он не доверял автоматам. Услышав ответ, он вздохнул полной грудью:

— Ну что ж, Игона так Игона.

Эрин, молчаливый гигант с непокорной копной рыжих волос, накануне старта шел на приступ труднейшей вершины Тиморгских гор на Зефионе VI. Голубоватое поле энергети-

ческого шлема защищало его лицо от холода и позволяло нормально дышать даже в разреженном воздухе больших высот. Он шел по гребню гладкой, как стекло, черной скалы, на которой ему помогали удерживаться присоски на ботинках. Преодолевая ледяные порывы ветра, он медленно приближался к острому, словно игла, шпилью, который вознесся над горным массивом. Эрин уже начал ощущать усталость. В глазах рябило от легких туристических летательных аппаратов, которые весь день носились вокруг. Когда-то он и сам любил кружить на них над горами, но теперь предпочитал радость неторопливого продвижения, чувство усталости и триумф нелегкой победы. Он брал с собой лишь минимум снаряжения.

Стоя над горами, он упивался ощущением могущества и безмятежного спокойствия. Он часто рисковал в космосе, проносился в опасной близости от звезд, приближался к планетам с такой скоростью, что они в мгновение ока вырастали на экране из булавочной головки в необъятный шар, на котором проступали очертания континентов, тени горных хребтов и города, похожие на светящиеся шляпки гвоздей. Но все это не шло ни в какое сравнение с тем чувством, которое обуревало его на покоренной вершине — он ощущал принадлежность к окружающему миру и, застыв между небом и землей, в полном безмолвии созерцал проделанный путь.

Горы нигде так и не покорились человеку окончательно, и только загнанный на задворки души страх перед ними заставлял туристов кружить вокруг них под надежной защитой техники. Эрин относился к горам с опаской и уважением. Он понимал, почему народы древности селили своих богов на самых недоступных вершинах и карабкались к ним, проникшись смирением.

Он знал, что тысячеметровый обрыв имеет куда большую протяженность, чем миллион километров в космосе. Космос смазывает расстояния, излечивает от головокружения, уничтожает глубины, выстраивает звезды в одну линию, словно пешки на шахматной доске. Летающие туристы и не подозревали, сколько тайны и страха в каждой расщелине, трещине, отвесной стенке, качающейся скале, утонувшем во мраке откосе.

Эрин уже собирался расположиться на ночь у подножия острроверхой вершины, когда в наушниках прозвучал негромкий сигнал.

— Эрин слушает.

— Миссия на Игону. Отбываете завтра вместе с Йоргенсеном.

— Хорошо,— ответил Эрин и бросил взгляд на вершину. Он еще вернется сюда. А она подождет. Ждала миллион лет, подождет и еще немного.

— На Альтаире следует быть сегодня вечером.

— Это невозможно. Я нахожусь в горах Тиморг, в двух сутках ходьбы от ближайшего передатчика материи. У меня нет летательного аппарата. Однако даже с ним мне пришлось бы добираться несколько часов. Но вы можете прислать за мной корабль. Он подберет меня здесь и немедленно переправит на Альтаир.

— Я постараюсь.

Не пришлось ждать и нескольких минут.

Гигантская масса Патрульщика материализовалась над головой Эрина. Федерация не скупилась на расходы, если дело касалось членов командос. Корабль бесшумно возник из пространства. В его брюхе, словно глаз, распахнулось отверстие, куда и всосало Эрина. Он еще не успел отдышаться, как Патрульщик уже покинул систему Зефиона.

Нанский был одержим космосом. Накануне старта на Игону он находился на борту своей фотонной яхты в поясе астероидов малоизвестной системы. С ним вместе его жена Нелле и двое сыновей. Оба подростка настолько свыклись с путешествиями в космосе, что не теряли присутствия духа даже во время нейтринной бури.

Они занимались поисками корабля, который потерпел крушение несколько веков назад, во времена расцвета навигации в пространстве. Нанский надеялся найти корабль и переправить его в музей космических судов, который давно организовал у себя дома, в системе Глон.

Нанский знал, что благополучие Федерации зиждется на передатчиках материи, которые позволяли мгновенно пересылать людей и грузы на любую планету. Он понимал, что упадок классической космической навигации вполне логичен и отражает нормальный исторический процесс. Ведь Федерация неуклонно превращалась в гигантский город размеров в пол-Галактики, обитатели которого с каждым годом все больше теряли ощущение огромности расстояний, разделяющих звезды, поскольку для перехода из одной солнечной системы в другую требовалось лишь переступить порог передатчика.

Нанский не хотел мириться с подобным отрицанием космоса. Он жил ради него, как Йоргенсен — ради мучивших его вопросов, как Марио — ради музыки, как Ливиус — ради разгула, как Кносос — ради моря и как Шан д'Арг — ради звона оружия.

Время было другим измерением. Оно позволяло Нанскому заново открывать космос.

Вызов Альтаира приняла Нелле. Она переживала за мужа каждый раз, когда он отправлялся в очередную экспедицию, о которых почти не говорил, хотя не имел секретов от жены. Ее страшила не угрожавшая ему опасность, а его пребывание там, где существовал соблазн встречи с молодой цивилиза-

цией, имеющей развитый космический флот. Она так до конца и не поняла Нанского. Он был человеком скрытным и мог однажды, оседлав комету, навсегда удалиться к иным берегам. Она понимала, что рискует, когда пятнадцать лет назад выходила за него замуж. И все это время она таила страх в себе, хотя каждая миссия Нанского заново пробуждала ее тревогу.

Нелле в двух словах пересказала сообщение мужу. Он проницательно посмотрел на нее.

— Как поступим? Могу тебя оставить здесь?

— Мы продолжим поиск. Ведь ты скоро вернешься.

— Не уверен. Лучше возвращайся на Тлон. Сюда прилетим позже.

Все было сказано. Она ни разу не пыталась уговорить мужа отказаться от участия в темпоральных экспедициях. Фотонная яхта перешла в подпространство и вынырнула в космосе вблизи планеты, где стоял передатчик материи. Нанский поцеловал жену и покинул яхту. Он метеором пронесся через атмосферу в автономной шлюпке и сел рядом с Центром межзвездных путешествий. Стояла глубокая ночь, и гигантский купол Центра сверкал в свете искусственных лун.

Так все семеро почти в один и тот же час универсального времени перешагнули порог передатчика материи и оказались на Альтаире в одном зале. Они явились из разных концов Галактики благодаря изобретению тысячелетней давности, сделанному в эпоху, когда еще не существовало Федерации.

Лишь Йоргенсен и Нанский знали, что значат передатчики материи для Федерации. Но только Йоргенсен задавался вопросом, а не создается ли сходная сеть связи во времени между веками, сеть, которая обеспечит единство сложного из тысяч миров галактического города не только в пространстве, но и во времени.

2 Год? 3161.

Место? Планета Игона, которая вращается вокруг ничем не примечательного желтого солнца.

У Йоргенсена мелькнула невольная мысль, что ему суждено родиться через двести пятьдесят лет в нескольких десятках световых лет отсюда. Но он не мог окончательно убедить себя в этом. Он существовал в Настоящем. И не допускал, что в его родном мире его еще нет, а живут давно забытые предки. И в то же время он знал, что так оно и было. Даже если разум находил подобную ситуацию совершенно невероятной.

— Принцип первый,— цедил Йоргенсен, почти не разжимая губ.— Путешествие во времени возможно лишь при одновременном перемещении в пространстве на достаточно

большое расстояние, чтобы не внести интерференций в причинную ткань Вселенной.

Это была физическая истина. Хотя первый принцип не совсем точно выражал ее суть. Но был близок к ней. При любом путешествии во времени возникали интерференции. Но, поскольку расстояния между точкой старта и точкой финиша были велики, с интерференцией можно было не считаться.

«Логично,— подумал Йоргенсен.— Если было бы возможно вернуться в свое собственное прошлое, прошлое родного мира, изменения, привнесенные в его историю этим возмущающим возвратом, создали бы ряд парадоксов. Писатели, жившие в эпоху начала освоения времени, любили жонглировать такими возможностями. Они выдумывали путешественников во времени, которые убивали своих предков и тем самым переставали существовать, а вследствие этого не могли совершить роковое путешествие и снова оказывались в мире живых и так далее и тому подобное.

Но реальность исключала парадоксы. Писатели, если можно так выразиться, оставались на бобах. В свое собственное прошлое вернуться было нельзя, а потому и исключалась возможность его изменения. Вернее, путешествие было возможным, но для этого следовало преодолеть сопротивление континуума, что требовало чудовищного количества энергии, равного тому, которое будет израсходовано на создание новой вселенной со всеми изменениями, внесенными в ее причинную ткань.

Реальность допускала путешествие во времени при наличии определенных условий. Между двумя удаленными мирами почти нет причинных связей. Все происходит, как если бы речь шла о двух независимых вселенных. А потому возможно, затратив количество энергии, необходимое для компенсации этого «почти», перенестись в прошлое или будущее одного из этих удаленных друг от друга миров».

Второй принцип — причинная ткань конкретного мира может быть представлена в качестве конуса, вершина которого устремлена в прошлое, а основание находится в будущем. Первое следствие: чем глубже надо проникнуть в прошлое, тем больше интерференций вносится в глобальную структуру причинности и тем выше расход энергии на путешествие. Второе следствие: чем дальше в космосе находится точка старта, тем глубже можно проникнуть в прошлое исследуемого мира. Третье следствие: при определенном количестве затрачиваемой энергии точка прошлого планеты, в которую может попасть путешественник во времени, есть функция расстояния между этой планетой и точкой старта.

Именно поэтому центром Федерации был выбран Альтаир. Ближайшие к нему миры держались Федерацией в крепкой узде. И командос производили коррекции истории на большом отдалении — либо в центре Галактики, либо на ее про-

тивоположном краю.

— Я появлюсь на свет через двести пятьдесят лет,— тихо повторил Йоргенсен.— Мне известна история Федерации на три века вперед, до самого моего рождения. Что будет дальше, я не знаю. Но, быть может, в данный момент в Галактике есть путешественники из далекого будущего, которые знают, что будет после нас, после Федерации; и в глазах этих людей далекой цивилизации мы выглядим просто варварами. Если бы мы могли встретить их, узнать будущее, узнать, чем завершится наше путешествие на Игону!

Третий принцип категорически исключил такую возможность. «Любое путешествие в будущее, а если говорить шире, любое общение с будущим требует затрат энергии больших, чем ее истрачено за все время существования континуума. Ибо положение путешественника во времени определяется не по отношению к абсолютной системе отсчета, а относительно точки его старта. А значит, искажения и интерференции, вносимые в цепь причин и следствий, могут оцениваться лишь относительно точки старта».

Третий принцип был самым простым. Это был перенос на структуры времени принципов относительности, которые в глубочайшей древности сформулировал, по мнению одних, Пифагор, а по мнению других,— Эйнштейн.

Игона выглядела гостеприимной. Они стояли на поляне, окруженной зарослями гигантских грибов. Никаких животных. Красная почва, голубое небо. Ласковое солнце. Спокойный влажный воздух.

Нанский и Марио занимались установкой темпорального маяка, чтобы отыскать вход в Абсолютное Вневременье и вернуться в свой век на Альтаир. Остальные молча, настороженно наблюдали за ними. Но лица их этого не обнаруживали.

Когда маяк был закончен, его замаскировали под обычную скалу — если кто-то пройдет мимо, ничего не заметит, а коснувшись, получит легкий удар током.

— Далаам, так называется город, в котором нам предстоит действовать,— начал Йоргенсен, когда члены командос собрались вокруг.— Он находится в десятке километров к северу отсюда. Тропинка, которая ведет вниз, к подножию обрыва, где раскинулся город, проходит рядом. Но мы не пойдем по ней. Лучше как можно дольше оставаться незамеченными.

Он на мгновение замолк и критически оглядел снаряжение своих товарищей. Он проводил осмотр трижды еще до того, как покинуть Альтаир, он доверял своим людям, но малейшая небрежность могла свести на нет их шансы на успех.

Соседний гриб с резким хлопком выбросил в воздух тучу

спор. Вся семерка мгновенно бросилась врассыпную, схватившись за оружие. Затем, сунув оружие за пояс, они медленно вернулись на прежнее место. Пурпурный туман, повисший над грибом, напомнил Йоргенсену спирали в скульптурах Арана. На губах Марио играла ироническая улыбка.

— Уже нервничаем! А что будет через неделю?

Остальные промолчали.

— Войдем в Далаам пешком,— сказал Йоргенсен.— Так мы привлечем меньше внимания и лучше познакомимся со страной. Использовать оружие и защитные поля разрешаю лишь в крайнем случае. Если нам придется разлучиться, сбор в этой точке. Те, кто вернется первым, обязаны ждать остальных в течение трех месяцев. Затем могут возвращаться на Альтаир. Связь с Игоной будет прервана, и ее практически не удастся восстановить. Опоздавшие навечно останутся пленниками этого мира.

Все согласно кивнули. Эту возможность они учитывали в любом путешествии. Случалось, целые командос намеренно оставались в прошлом, хотя это было категорически воспрещено из-за серьезных нарушений причинной ткани. Но Федерация практически не располагала средствами наказать тех, кто растворялся в глубине времен.

— Не думаю,— добавил Йоргенсен, с трудом выдавив из себя улыбку,— что эта экспедиция столкнется с существенными трудностями. Скорее всего, нас ждет приятное времяпрепровождение.

— И даже драчки не предвидится?— с надеждой в голосе спросил Ливиус.

— Надеюсь, нет. Туземцы пользуются репутацией мирных людей.

— Однако через четыре-пять веков грозят Федерации великими опасностями?— осведомился Марио.

— По-видимому, если их техника быстро развивается. Я знаю не больше вашего. Это заботы прогнозистов. Они, не вдаваясь в подробности, указывают нам, какие операции следует осуществить. Для меня сущая загадка, какими неприятностями грозит Федерации такой мир, как Игона.

— Быть может, мы узнаем это,— заметил Шан д'Арг.— Хотя, судя по сообщенным нам сведениям, эти люди до противности миролюбивы. У них богатый язык, но в нем практически отсутствуют термины, относящиеся к оружию. Они даже не знают, что такое война.

Семерка двинулась в путь. Шан д'Арг и Ливиус шли во главе. За ними следовали Йоргенсен и Марио. Арне Кносос прикрывал левый фланг, а Нанский — правый. Замыкал шествие Эрин.

Они шли, лавируя меж гигантских грибов. Дважды сменили направление, чтобы отойти от тропы — простой проселочной дороги с глубокой колеей. Шан д'Арг презрительно

сплюнул сквозь зубы.

— И этих людишек боится Федерация,— пробурчал он.

— Бывали и быстро прогрессирующие миры,— возразил Марио.— Федерация предпочитает не рисковать.

— Я-то думал, что они по меньшей мере овладели атомной энергией и начали запускать в космос корабли.

— Не стоит судить о развитии цивилизации по проселочной дороге. Вы прекрасно знаете, что их техника в зачаточном состоянии. Или вы невнимательно отнеслись к информации?

— Ну, на память не жалуюсь, но ума не приложу, зачем мы сюда явились.

— В наши функции это и не входит.

«Как бы не так,— хотел было возразить Йоргенсен.— Если мы не будем вникать в события, кто делает это за нас? Специалисты? Куда им. Мы, наверное, единственные, кто может системно оценить проблему, постичь суть вещей, ведь наше восприятие не ограничено шорами узких знаний».

Но промолчал. Они обсуждали эту тему уже сотни раз.

Выйдя вторично на тропу, они едва не столкнулись с аборигеном, трусившим верхом на какой-то местной зверюге. Это был тучный человек преклонного возраста, его удлинённый череп казался длиннее из-за громадной лысины. На нем была коротенькая туника, не закрывавшая болтавшихся по бокам животного ног. Его «конь» имел приплюснутую голову с двумя треугольными глазами, длинную шею рептилии и короткий темно-голубой мех. Животное семенило на шести странно сочленённых ногах. С первого взгляда трудно было определить относилось ли оно к живородящим или яйценосам или способ его размножения был столь же необычен, как и облик. Абориген явно был человеком. Маловероятно, чтобы эволюция на этой планете породила гуманоида, скорее всего, цивилизация на Игоне возникла после крушения звездолета. Уцелевшие пассажиры размножились и заселили эту мирную планету.

Семерка прижалась к земле, спрятавшись за грибами. Животное помотало головой влево и вправо, но не остановилось. Всадник выглядел весьма довольным собой. Он беззаботно глядел в небо и не заметил бы семерки, даже если бы она пересекла тропу перед самым его носом. Пришельцы из будущего успели заметить, что глаза животного двигались независимо друг от друга.

Вскоре абориген скрылся из виду.

— Он направляется в Далаам,— шепнул Йоргенсен.

— Похоже, торговец,— добавил Ливиус.

— На Игоне нет торговли,— поправил его Марио.

— Так нам сказали. Но не бывает планет, где нет купли и продажи.

— Но существует Игона,— продолжал настаивать Марио.

— Прежде чем поверить, следует проверить,— возразил Ливиус.— Эти ребята из разведки считают себя всезнайками, а в половине случаев ошибаются. Вспомните-ка Мизар. Они утверждали, что техника туземцев не превышает уровня К—. А на самом деле оказалось, что они добрались до верного Д+. Просто туземцы предпочитали глинобитные хижины баракам из железобетона, пластической стали и стекла.

— Ошибка была исправлена,— заметил Марио.

— Исправили ее мы. В последний момент.

Они снова двинулись вперед. Грибной лес стал редеть, а сами грибы едва превышали человеческий рост. Семерка продолжала путь с предосторожностями.

Уже была видна граница плато. Вдали, по ту сторону гигантского разлома, в легком тумане проглядывала скалистая вершина. Далаам лежал внизу, в каньоне, и пока оставался невидимым.

Солнце спустилось уже к самому горизонту, когда они вышли на край обрыва. Период обращения Игоны вокруг своей оси составлял сто девяносто два стандартных часа, и им следовало привыкнуть к длинным дням и ночам. Они сделали большой круг, чтобы оставить тропу в стороне. Здесь местность была совершенно открытой. Позади них над грибами плавал красноватый туман, ленивый ветерок разгонял его.

Нападение застигло их врасплох. Они не успели ни броситься на землю, ни увидеть оранжевую вспышку — их окружило жаркое пламя. Но снаряжение сработало быстрее рефлексов. Энергетические щиты закрыли их до того, как излучение достигло опасного уровня. На шлемах с клацаньем раскрылись и пришли во вращение антенны датчиков, призванных установить источник термоизлучения.

Атака длилась не более сотой доли секунды.

Ливиус с кривой ухмылкой достал оружие.

— Успокойся,— крикнул Йоргенсен,— ты даже не знаешь, где они!

Стрелки индикаторов невозмутимо вращались с той же скоростью, что и антенны, не собираясь замирать. А ведь оружие такой мощности должно было иметь мощный генератор из металла, излучающий громадную энергию. Засечь такую штуку было проще простого. Но датчики не показывали ничего.

Люди даже не знали, в какой стороне укрыться. Конечно, энергетические щиты могли прикрыть их от любого излучения, но тратить запасы энергии, еще не вынудив противника нанести решающий удар, было неосмотрительно.

— Однозначного вывода сделать нельзя,— категорично заключил Шан д'Арг.— Либо на нас никто не нападал и мы стали на сотые доли секунды жертвой галлюцинации, ока-

завшей воздействие на наши датчики, либо излучатель находится на расстоянии более тридцати километров, а это мало вероятно. Возможно, наш противник располагает миниатюрным адекватным снаряжением, которое практически нельзя засечь. Последняя гипотеза ничуть не менее фантастична, чем предыдущие. Подобным оружием в весьма ограниченном количестве располагает только Федерация. Оно предназначено для темпоральных командос и некоторых патрулей космической службы. Для его изготовления требуется уровень А+, то есть уровень развития передовых миров Федерации.

— Поищем укрытие, — предложил Нанский. Ему было явно не по себе. Его никто не считал трусом, но термоизлучение потрясло его. Отправляясь на Игону, он не допускал вероятности нападения. К тому же против них впервые использовалось могучее оружие. Он никогда не разделял прекрасодушной уверенности остальных в техническом превосходстве Федерации. Ему приходилось находить в космосе корабли, конструкция которых была ему совершенно непонятна, а происхождение и возраст неизвестны, и это не могло не давать пищи для размышлений. В космосе явно существовали, а может, и существуют цивилизации, уровень развития которых ни в чем не уступает Федерации.

— Зачем? — спросил Йоргенсен, следя за Ливиусом, срывов которого всегда побаивался. — Щиты работают, а противник с легкостью отыщет нас в любом укрытии. Мы же не знаем ни где они, ни кто они.

— Думаю, будет разумным считать противника жителем данной планеты, и он прекрасно осведомлен о цели нашего прибытия, — с расстановкой произнес Арне Кносос. — Никто не стреляет по незнакомым людям без предупреждения, даже если они носят непривычную одежду. И только обитателям этой планеты есть смысл уничтожить нас.

Они уселись в кружок. Энергетические щиты светились непривычно ярко.

— На Альтаире появился предатель, — решительно заявил Ливиус. — Кто-то продал им оружие и сведения о нашей миссии.

Марио расхохотался.

— Среди твоих друзей слишком много уголовников, и ты привык смотреть на мир их глазами. Игонцы сами могли создать такое оружие.

— Значит, ошиблась разведка, присвоив им уровень К+.

— Возможно. Развитие Игоны могло быть весьма быстрым. Когда собирала свои сведения разведка? Пятьдесят или сто лет назад? И мы действуем на несколько десятков лет позже. Некоторые миры за такой промежуток времени успевают многое.

— Из твоих слов, Марио, вытекает и другое, — процедил Нанский. Его лицо посерело, черты заострились. — Они умеют

перемещаться во времени. И перемещаются в пределах своей планеты. А потому знают, зачем мы явились.

— Глупости,— проворчал Эрин.

Йоргенсен поднял руку.

— Вы что-то хотите сказать,— спросил он, поворачиваясь к Нанскому.

Астронавт кивнул. Его руки слегка дрожали. Он глубоко вздохнул, приоткрыл рот, но никак не мог заставить себя заговорить.

— Есть одно предположение,— наконец начал он.— Никто из вас не решается выдвинуть его. Представьте, что наш противник явился не с Альтаира и он не уроженец Игоны. Он может представлять совсем иную цивилизацию.

— Невоз... — начал было Ливиус, но слова застряли у него в горле. Он уставился на Нанского. Потом медленно обвел взглядом лица остальных — скептические улыбки не могли скрыть ужаса.

«Такую возможность трудно представить, однако в глубине души каждого из нас поселился страх,— подумал Йоргенсен.— Только Нанский мог выдвинуть такую гипотезу, уж он-то знает космос. Другие просто не в состоянии допустить, что в Галактике может существовать иная межзвездная цивилизация, кроме Федерации. Всякий раз, отправляясь в экспедицию, мы задаем себе один и тот же вопрос: «Кто нас ждет, настоящий противник или нет? Может быть, этот противник уничтожит нас и тем самым преподнесет горький урок Федерации».

Враг из космоса.

Или из времени.

— Нам надо избрать новую тактику,— сказал Йоргенсен.— Наши инструкции предполагали уничтожение ключевых пунктов Далаама и психологическую обработку некоторого количества аборигенов. Но теперь возникла принципиально новая ситуация.

Он отвечал за командос. В обычных условиях каждый из них знал, что должен делать. Но сейчас наступил кризис.

Он вдруг ощутил, как одиноки и беззащитны они, несмотря на свое вооружение и могущество. Сейчас Федерация ничем не могла им помочь. Надо было самим спасти собственную жизнь и обеспечить успех экспедиции.

Йоргенсен принял решение. Они снова двинулись в путь, но избрали иной боевой порядок. Они рассыпались по местности, удалившись на несколько сотен метров друг от друга. Время от времени они вглядывались в оставшийся позади грибной лес.

Они достигли края плато, нависшего над глубокой расщелиной. Туманная дымка скрадывала детали.

Они подошли к самому обрыву и расположились в защитном порядке. Антенны на шлемах непрерывно вращались.

Йоргенсен лег на землю на самом краю пропасти и заглянул вниз. Рядом с ним стоял Эрин — носки его ботинок были буквально в миллиметре от пустоты.

Судя по картам, они вышли прямо к Далааму. Он должен был лежать у подножия.

Йоргенсен поискал глазами город — его не было. Он ожидал увидеть строения, улицы, машины, оживленную сутолоку. А внизу был лишь голубовато-оранжевый лес с пятнами полян. Деревья были настоящими великанами, некоторые экземпляры достигали трехсотметровой высоты.

Йоргенсен сменил настройку бинокля. Расстояние словно исчезло. Перестали мешать хлопья тумана. Йоргенсену казалось, что он парит над вершинами деревьев. Его внимание привлекло какое-то белое пятно — оно выделялось на фоне леса и земли. Строение. Неподалеку ещё одно. И еще. Город постепенно обретал очертания.

Лес не просто скрадывал контуры города — он был его частью. Туземцы вырастили лес прямо в городе — у Йоргенсена исчезли всякие сомнения в этом. В остальной части ущелья не было даже признаков деревьев. В полученных ими данных о лесе не упоминалось. Там говорилось об обычном городе, характерном для формации полеводов и животноводов. Деревья в момент сбора информации еще не существовали.

«Сколько времени надо дереву, чтобы достигнуть трехсотметровой высоты? — спросил себя Йоргенсен. — Пятьсот, тысячу лет?».

Он еще раз переключил бинокль. Теперь он видел сквозь густую листву леса. Он словно опустился на дно ущелья. И сделал удивительное открытие — города как такового не существовало.

Йоргенсен встал и подозревал Марио.

— Что скажешь?

Марио пожал плечами. Он жевал питательную таблетку.

— Не будь этого солнца, рельефа и растительности, полностью соответствующих разведанным, я бы сказал, что мы не туда попали. Слишком много несоответствий.

— И город, — добавил Йоргенсен. — Он находится на указанном месте, но совсем не похож на город.

— Ну и что? — саркастически хмыкнул Марио. — А собственно говоря, что такое город?

«В самом деле. А что такое город? — задумался Йоргенсен, пытаясь осмыслить отсутствие упорядоченности в расположении белых домиков, скрытых под сенью деревьев. — Место для совместной жизни множества людей? Комплекс расположенных по единому плану зданий, монументов и площадей?».

Он видел города более чем на сотне планет. Подземные города, города-небоскребы с многоэтажными улицами, под-

водные города и даже города в открытом космосе. Первобытные деревянные города и ультрасовременные города из стали и стекла. Но у всех у них была одна общая особенность. Улицы. словно сеть или система капилляров.

В Далааме не было улиц. Только тропинки между домами, которые никуда не вели. Отсутствовало и подземное движение. Датчики обнаружили бы его. Движения вообще не было. Изредка они видели туземца, который поспешно трусил по тропинке, исчезал в густой тени у самого ствола дерева, затем появлялся снова или не появлялся вовсе. Обычно туземец шел с пустыми руками. И цель его перемещения оставалась неясной.

Не было в Далааме и памятников. И ничего, что хотя бы отдаленно напоминало официальное здание, общественное сооружение, мэрию, завод или даже просто хлев. Не просматривались дороги, по которым в город извне доставлялись бы продукты и промышленные товары. И никаких полей ни вокруг города, ни под деревьями.

Йорнгенсен попытался прикинуть, сколько человек жило в этом лесу. Его аппаратура не позволяла заглянуть внутрь жилищ. У них были слишком толстые стены. Видно было с полсотни домиков, каждый из которых мог приютить пять-шесть человек. Лес раскинулся на несколько десятков квадратных километров. В Далааме могло жить тысяч пятьсот. Если не миллион.

А им сказали двадцать пять тысяч. В крупнейшем городе Игоны! Двадцать пять тысяч людей, занятых возделыванием земли, разведением скота, охотой. Никакой торговли. И никаких деревьев.

Сведения явно были ложными.

Йорнгенсен выпрямился. Чистое небо. Солнце почти не сдвинулось. События на Игоне казались невероятными. Но реальность весомее любых, даже самых достоверных сведений.

Они ощутили движение земли под ногами через четверть секунды после того, как сработали датчики, и отпрянули от края пропасти. Вибрация усилилась. Противно заныло в лодыжках.

Йорнгенсен понял, что последует дальше. Он подал знак «Прочь от края». Кнососа подвела нерасторопность. Трещина разверзлась раньше, чем он отшатнулся от бездны. Весь край обрыва рухнул в пустоту.

— Инфразвук,— рявкнул в наушниках голос Марио.

Кносос падал вместе с громадным обломком скалы. Когда скорость падения достигла угрожающего предела, автоматически включился антигравитационный парашют. Кносос завис над ущельем, глядя, как катятся вниз громадные камни. Когда до остальных донесся грохот, они бросились к краю пропасти. Обвал чудом не затронул лес.

А может быть, не чудом?

Кносос парил внизу, словно паук на паутинке. Затем он включил двигатель, медленно взмыл вверх и опустился рядом со всеми. Он улыбался, но в его лице не было ни кровинки.

— На этот раз пронесло, — вздохнул он.

Вторая атака была столь же внезапна, как и первая. Йоргенсен с тоской прикинул, какое по счету нападение сломит их дух. Морально они не были подготовлены к обороне, за исключением, наверное, молчаливого Эрина с его стальными нервами.

Йоргенсен вдруг сообразил, что слышит в наушниках голос. Говорил Марио, остальные внимательно следили за его речью.

— ...не были в настоящей опасности. До сих пор наши системы защиты срабатывали как надо. Если противник действительно осведомлен о наших целях и средствах, сомнительно, чтобы он стремился нас уничтожить. Это, скорее, похоже на предупреждение. Эдакий ультиматум — покиньте планету, иначе вам несдобровать. Думаю, нас хотят просто напугать.

Голос Марио был спокоен. Его слова, словно ледяной душ, окатили остальных, и Йоргенсен почувствовал, как тают его собственные страхи. По правде говоря, ни он сам, ни его компаньоны настоящего страха не испытывали. Их смтение объяснялось другим — они попали в центр невероятных событий, никак не вязавшихся с полученной информацией. Обстановка была выше их понимания. И посланца всемогущей Федерации, отправленного на захудалую планетенку, это не могло не унижать.

Йоргенсен снова посмотрел на город. Кое-что начало проясняться. Казалось, низкие строения объединены в группы от восьми до двенадцати домиков, связанных тропками. Группы между собой соединяли петляющие меж деревьев дорожки. Издали это все казалось формацией из гигантских живых клеток.

Поведение туземцев по-прежнему ставило в тупик — большую часть времени они разгуливали с пустыми руками и, похоже, не подозревали, что такое работа. У них не было даже никакого разделения труда. Более того, жители Далаама, казалось, вообще не имели профессий.

«Как живут туземцы? Где добывают пищу? Кто одевает их?»

Люди выглядели беззаботными — большего Йоргенсен с тысячеметровой высоты уловить не мог.

Быть может, в Галактике Игона наилучшим образом соответствовала понятию рая? Чиновники Арха обосновали необходимость «коррекции истории» Игоны «агрессивными и воинственными устремлениями ее обитателей». Это совершенно не вязалось с тем, что наблюдал Йоргенсен. Но официальные соображения Арха редко совпадали с истинными.

Они просто позволяли излишне щепетильным членам командос не испытывать угрызений совести. Единственное, что двигало Архом, было укрепление собственной власти.

Принципы «коррекции истории» были на удивление просты. В первые времена вмешательство командос было чисто материальным — физическое уничтожение неугодных людей, городов и целых планет. Но с веками появились иные способы воздействия. Командос обрабатывали коллективную психику общества. Они вводили в подсознание некоторого количества индивидуумов понятия, мнения, иными словами, «архетипы» мышления, которые через несколько десятилетий проникали в коллективное подсознание. И тогда вспыхивали войны, процветающие цивилизации загнивали по неведомым причинам. И никто не подозревал, что зародыши их гибели были привиты им десятилетия назад командос темпорального воздействия. Чаще всего эти зародыши представлялись безобидными мелочами, но, развиваясь, оборачивались социальным раком.

Таким чудовищно-безжалостным, невидимым и неотразимым оружием пользовалась Федерация в своей неправой борьбе с будущими конкурентами.

«Это — преступное оружие», — говорил себе Йоргенсен, наблюдая спокойную и счастливую жизнь далаамцев. В тщательно опечатанной металлической коробке, которая лежала в одном из его карманов, хранились записи для гипнотического внушения разрушительных идей. Ему захотелось выхватить эту коробку и забросить подальше. Но он не мог решиться на это. Его слишком долго воспитывали в духе верности Федерации.

«Что думают другие? Марио, по-видимому, все понимает, об этом говорит его снисходительная улыбка. Ливиус подчинился без рассуждений. Кносос — загадка, лицо редко отражает истинные эмоции этого человека. Остальных заботит собственно действие, а не цель, которую оно преследует».

Марио тронул Йоргенсена за плечо.

— Что будем делать?

— Меня мучает тот же вопрос, — ответил Йоргенсен.

Он обдумал все. Существовал лишь один выход, который на время разрешал все проблемы. «Неизвестно, согласятся ли остальные с моим решением», — подумал он.

— Надо возвращаться на Альтаир. Считайте это отступлением. Возникло слишком много новых факторов. Я не уверен в эффективности предложенного мне плана. Гипнотическое внушение может вызвать у туземцев непредвиденную реакцию и принести больше вреда, чем пользы. Быть может, туземцы способны создавать мозговой барьер. Я не могу брать на себя ответственность за возможный провал.

Здесь он лгал самому себе. И боялся, что другие прочтут

правду на его лице. Он пытался понять, разгадал ли Марио истинную подоплеку его решения.

— Это означает, что на первом этапе туземцы одержали победу,— усмехнулся Марио.— Мы оставляем их будущее в покое. Они сумели посеять в наших душах достаточную панику, чтобы поколебать нас.

— Туземцы или кто-то другой,— тихо напомнил Йоргенсен.

— Вы верите в тезис Нанского?

— Не знаю,— признался Йоргенсен.— Но если он обоснован...

Марио глубоко вздохнул. Он старался казаться невозмутимым, но его снедало беспокойство.

— Понятно,— наконец выговорил он.— Я считаю ваше решение мудрым. И присоединяюсь к нему. Пусть ситуацию разберут люди Арха.

Йоргенсен облегченно вздохнул. Пока он одержал победу. Но он недолго радовался ей.

Небо над их головой было пустым и светилось, словно внутренняя поверхность раковины. На Игоне не водилось птиц.

Ливиус уже в третий раз упрямо повторял одно и то же:

— Такого еще никогда не случалось. Никогда ни одна командос не отступала.

— Неверно,— ледяным тоном перебил его Йоргенсен.— Сто двадцать семь лет назад одна из командос вернулась, не выполнив программы. Ее члены единогласно решили, что вероятность успеха равна нулю. Именно такое решение я вам и предлагаю принять сегодня.

Марио, Кносос и Нанский присоединились к нему. Ливиус был против. Эрин молчал. Шан д'Арга мучила нерешительность, он колебался между желанием рискнуть и чувством верности Йоргенсену.

— Мы станем посмешищем Федерации,— сказал Ливиус.

— Но это лучше, чем вызвать ее гибель.

Ливиус разъярился.

— Меня ничем не напугаешь.

Лицо Нанского исказилось от гнева.

— Замолчи,— глухо сказал он.— Мы сотни раз доказывали, что не относимся к разряду трусов. Я боюсь лишь одного — допустить оплошность.

В разговор вмешался Шан д'Арг.

— Ливиус, я солдат. И ухожу от опасности, кляня себя за трусость. Но Йоргенсен прав. Дело касается не только нас. Есть Федерация. И есть туземцы.

Лицо Йоргенсена просветлело. Еще один голос. Эрин

присоединится к большинству. Осталось убедить одного Ливиуса.

— Можешь оставаться здесь, Ливиус,— отрезал Йоргенсен.— Веди войну в одиночку. Либо согласишься с большинством. Ты имеешь право выбора.

И тут же Йоргенсен сообразил, что допустил промах. Из-за волнения он сказал больше, чем хотел.

— Мы вернемся,— добавил он.— Мы отправляемся за новыми директивами. Следует предупредить Федерацию о наличии хорошо вооруженного противника. И обо всех изменениях. Мы не капитулируем. Времени у нас хватает и для отступления, и для победы.

Ливиус смотрел в землю и играл оружием. Он бросил взгляд в направлении Далаама. Деревья по-прежнему скрывали неведомую реальность. Он вспоминал о прошлых экспедициях, об империи полумразумных ящериц, которую они развалили на планете джунглей Бании, о кристаллах-математиках, которые свели с ума узальских гуманоидов на Ломире. Каждый раз задача была простой и конкретной. Здесь же не было никакой ясности. Его коробило от сознания, что он бежит от неразгаданной тайны.

— Будь по-вашему.

С его лица не сходила горькая усмешка.

Споры гигантских грибов покрыли землю толстым ковром красноватой пыли. Люди шли молча, держа оружие наготове. На шлемах вращались антенны датчиков. Йоргенсен ощупывал небольшую металлическую коробку. Далаам победил. Но жители его, казалось, вовсе и не подозревали о своей победе.

— Мы столкнулись с оригинальным обществом,— проговорил Марио.— У них, похоже, нет ни правительства, ни экономики, ни централизации. И в то же время они способны защитить себя. Интересно, что случилось бы, попытайся мы уничтожить лес?

— Думаю, мы потерпели бы крах,— задумчиво ответил Йоргенсен.

— Мне тоже так кажется. Город выглядел таким спокойным, а жители и не подозревали о нашем присутствии. И одновременно от леса веяло какой-то силой. И пока я смотрел на лес, мне было не по себе.

Остальные почти хором согласились.

— Вы считаете, что на нас пытались оказать психологическое воздействие?— спросил Нанский у Марио.

— Не исключено. Датчики не сработали. Но мы в принципе защищены от любой формы внушения. У меня сложилось впечатление, что лес скрывает что-то очень ценное, живое и могущественное, и мы не вправе уничтожать это. Интуитивное ощущение. Не больше.

— Я тоже ощущал нечто подобное,— согласился Йоргенсен.

— Прежде я никогда ничего похожего не испытывал,— признался Марио.— Может, иногда, слушая симфоническую музыку. Чувство, что ты на пороге какого-то нового, неизвестного мира, в сущность которого до конца не проникнешь и к которому никогда не будешь принадлежать. Скорее всего, гнев Ливиуса вызван именно этим обстоятельством.

Ливиус шел в одиночестве, в стороне от других. Вдруг в наушниках взревел сигнал датчика, и все мгновенно застыли на месте.

— Там,— Ливиус махнул рукой в сторону двух грибов.

В красном тумане спор что-то двигалось. Несомненно, это был человек, но очертания его фигуры были неясными, словно он шел под защитой энергетического щита. Все бесшумно бросились врассыпную, пытаясь окружить незнакомца. Йоргенсен потерял их из виду, но благодаря датчикам знал точное местонахождение каждого.

— Может, наберем высоту?— предложил Ливиус. Голос его дрожал от возбуждения.

— Ни в коем случае. Остаться на земле.

Это мог быть следивший за ними туземец. Но тогда почему так долго безмолвствовали датчики? «Туземец обнаружил себя сознательно»,— подумал Йоргенсен.

Если это был туземец.

Первый разряд пронесся белой молнией, сбив шляпки с десятка вспыхнувших грибов. В небо взвились клубы красного дыма. Автоматически включилась защита.

— Не стрелять,— крикнул в микрофон Йоргенсен в момент, когда раздался второй энергетический залп. Разряд попал прямо в Ливиуса. Его щит налился белизной и снова стал невидимым, сыграв свою защитную роль.

Все семеро кинулись за туземцем. Заросли грибов становились реже, началась зона обвалов. Они часто теряли друг друга из вида, но датчики точно указывали положение каждого. Еще немного, и они достигнут беглеца.

— Взлет?— заорал Ливиус.

Йоргенсен колебался. Они могли включить антигравитационные блоки и пролететь над лабиринтом скал. Но тогда они станут уязвимыми, а у незнакомца вполне могло быть мощное и опасное оружие. Кроме того, они сразу открывали противнику свои тактические возможности. Рассудительность требовала хранить козыри до решающего хода.

— Давайте!— наконец решился Йоргенсен.

И почти тут же услышал яростный вопль Ливиуса.

— Мой блок не работает. Попробуйте свои.

Йоргенсен машинально нажал крохотную кнопку у пояса. Но вверх не взлетел. Он огляделся. В воздухе не было и остальных.

— Нейтрализующее поле,— крикнул Марио.— Ребята весьма сильны.

В его голосе слышалась нотка удовлетворения. Он оценивал ситуацию, как игрок.

И почти тут же он выстрелил. Энергетический разряд был средней силы, чтобы не убить, а оглушить беглеца. Выстрел попал в цель, но человек не остановился и скрылся за скалой.

— Шиты,— отчаянным голосом выкрикнул Нанский.

Йоргенсен кинул взгляд на бегущего впереди Марио. Защитного ореола у него не было. Йоргенсен не мог видеть собственный энергетический экран, но, бросив взгляд на контрольную шкалу на правом запястье, понял, что тоже остался без защиты.

Неведомый противник затеял с ними опасную игру.

Но не похоже, чтобы он стремился их уничтожить. Лишить их защитных экранов — значит, располагать более совершенной технологией и практически неиссякаемым источником энергии. Такой мог уничтожить их с самого начала. А он стремился их запугать. Может, это элементарный садизм? А может, желание доказать, что ни одно их оружие не причиняет ему ни малейшего беспокойства?

— Прекратить преследование,— приказал Йоргенсен.

— Попался,— раздался голос Марио в наушниках.

Марио выстрелил два раза. Йоргенсен не видел, как он стрелял, но отчетливо слышал легкий треск разрядов.

— Я прикончил его,— произнес Марио.

Но раздались новые залпы, и один разряд пронесся так близко от Йоргенсена, что на мгновение ослепил его. Он бросился на землю, затем вскочил на ноги и пустился бежать туда, где исчез Марио. Вскарабкавшись на скалу, он увидел внизу небольшую ложбину. Йоргенсен скользнул вниз и замер, оглушенный безмолвием. Некоторое время он стоял в полном оцепении, глядя на бешено вращающиеся стрелки датчиков. Ему вдруг стало понятно, что такое заблудиться. Он вспомнил, как давным-давно, еще в детстве, заблудился на Игоре II. И хотя планета была мирной и ему ничто не угрожало, все звуки приобрели какой-то зловещий оттенок. Он шел вперед, ни разу не остановившись до самой зари. Отец отыскал его на берегу реки. Он ничего ему не сказал. Так и не перемолвившись ни словом, они вернулись домой.

Йоргенсен отогнал воспоминания. С большим трудом он вскарабкался на противоположный откос. Снова скалы. Он взобрался на самую высокую. Он никого не видел, наушники онемели. Он слышал лишь стук собственного сердца.

Стоит ли бояться? Если бы их хотели уничтожить...

Вдруг он заметил в расщелине Марио. Он махнул Марио рукой, но тот его не заметил. Йоргенсен бесшумно подошел к нему, стараясь не наступать на округлые камешки. Жарко припекало солнце, а комбинезон перестал предохранять от его лучей.

Марио не отрываясь смотрел на что-то лежащее позади

скалы. Йоргенсену не надо было задавать вопросов, чтобы понять — произошло что-то невероятное. Йоргенсен подошел к Марио вплотную, но тот даже не повернул головы. Ему пришлось отодвинуть Марио в сторону, чтобы понять причину такого оцепенения.

Убитый был распростерт у подножия скалы. Ни один робот-хирург не смог бы вернуть его к жизни. Залп практически перерубил человека пополам.

На трупе была форма темпоральных командос. Но не это было главным.

Он как две капли воды походил на Марио.

Они с трудом передвигали ноги.

— Вы уверены, что мы идем правильно?— спросил Йоргенсен.

Эрин кивнул. Датчики отказали. Их единственной надеждой на спасение был темпоральный маяк. Если его удастся активизировать... Они сохранили при себе бесполезное теперь оружие. Мышцы налились усталостью. Из-под шлемов струился пот. «Мы уязвимы, как младенцы,— усмехнулся про себя Йоргенсен.— Беззащитны. Обнажены перед лицом неведомого и могущественного противника. И столь же безоружны, как, похоже, и жители Далаама».

Эта мысль поразила Йоргенсена. Может, именно в этом крылся ключ к разгадке? Может, это и хотел внушить им невидимый противник? В предыдущих экспедициях их противники не имели и шанса на успех. А командос действовали под защитой своих энергетических щитов, шлемов, термокомбинезонов. Их постоянно охранял кокон из аппаратуры. Они могли летать над континентами и океанами, общаться через толщу гор, они ежесекундно знали, где находится каждый член командос, где установлен темпоральный маяк, где расположен нужный город. Они всегда верили в себя и в свое оружие.

Но не сейчас. И не здесь. Сейчас и здесь, на Игоне, они были наги и безоружны. Всегда между членами командос и реальностью стояли машины. Иногда, ради спортивного интереса, они убирали их. Но машины были всегда рядом, готовые прийти на помощь, выручить, спасти от боли, усталости, смятения. Они никогда не вступали в настоящую драку. За них сражались машины, а им казалось, что они управляют ими. Федерацию охраняли машины, и люди верили, что, не будь их, они жили бы в постоянной опасности.

Но не сейчас и не здесь.

«Жители Далаама знают, что такое настоящая борьба»,— с горечью думал Йоргенсен, и его мнение разделяли остальные. Они шли молча, опустив головы, борясь с жаждой (система регенерации воды тоже отказала), жарой и уста-

лостью. «Жители Далаама преподают тебе урок, не спрашивая твоего согласия. Может, они хотят изгнать тебя со своей планеты. А может, желают, чтобы ты спустился к ним, под сень их деревьев?».

Они оставили тело Марио-2 на месте гибели, поспешно осмотрев его. Сомнений не оставалось. Это был Марио. А другой Марио шел вместе с ними. Там, в герметичном мешке, остался абсолютный двойник Марио, с теми же отпечатками пальцев, теми же шрамами. Более тщательного обследования они сделать не могли — их инструменты не функционировали. Но иных доказательств и не требовалось. Они знали, с чем столкнулись.

С абсолютной идентичностью двух организмов.

Быть может, и существовали различия на клеточном уровне, но играло ли это сейчас какую-то роль? Во Вселенной не может одновременно существовать два совершенно идентичных предмета или существа, но в данный момент и в данной точке существовали два идентичных Марио. Различие между ними было небольшим. Один из них оказался проворнее и убил другого. Однако идентичное оружие у обоих не было отрегулировано на смертельную дозу. Сейчас один Марио лежал в герметичном мешке, а другой боролся с жаждой и усталостью.

«С кем из них я покинул Альтаир?» — спрашивал себя Йоргенсен, стараясь не глядеть в сторону товарища. — С кем из них я говорил о Далааме? С тем, кто умер? Тогда с нами идет лже-Марио, убивший одного из нас. А может, это мы одержали верх над противником? Или уничтожили призрака, предназначенный ввести нас в заблуждение?».

Все хранили угрюмое молчание. Ведь если идущий рядом Марио враг, они могут снабдить его информацией, которая обернется против них. Марио не протестовал против решения Йоргенсена. Необходимость его была очевидной.

Инженеры Службы времени и выборщики смогут решить задачу, если командос удастся вернуться на Альтаир.

Йоргенсену вдруг захотелось, чтобы их постигла неудача. У него мелькнула новая мысль. А не разыграли ли здесь, на Игоне, с ними мизансцену, дабы облегчить проникновение на Альтаир, в цитадель Федерации, вражеского агента, шпиона, посланного для раскрытия тайн путешествий во времени? Но в этом предположении отсутствовала логика. Невидимый противник показал свое очевидное могущество. И Йоргенсен не сомневался — такому врагу ничего не стоило незаметно просочиться на любую планету Федерации. Возможно, он не мог попасть туда в нужный ему год. Тогда невидимка стремится выйти к истокам наших коррекций времени, чтобы в свою очередь воздействовать на будущее Федерации.

Йоргенсена терзали сомнения.

— Я не узнаю местности,— сказал он.— Вот эти грибы были слева. Теперь они должны быть справа.

Эрин упрямо покачал головой.

— Нам осталось идти с час. Может, часа два. Но мы идем верно. Поглядите на горы.

Вся семерка доверилась его умению ориентироваться в горах. Если они пройдут мимо маяка, то не отыщут его и за десять лет. Красные споры скрыли все их следы.

«Час на размышления»,— подумал Йоргенсен. Он попытался представить себе произведения Арана — тонкие хитросплетения дымчатых спиралей, принимающие окончательную форму под руками скульптора. Ему казалось, что они отражали образ времени, образ их судьбы, образ Игоны.

И любой щелчок извне мог изменить линии их судьбы.

З Эрин поднял руку, и Йоргенсен сразу узнал поляну. Близилась ночь. Она продлится девятью шесть часов, а за столь долгое время сильно похолодает. Их генераторы энергии не функционировали. Термоустройства комбинезонов отказали. Они рисковали погибнуть от холода, если не сумеют вернуться на Альтаир.

Да, это была поляна, на которую они прибыли несколько часов назад. Ливиус и Кносос рванулись вперед, несмотря на невероятную усталость. Один Шан д'Арг сохранил свою быструю, упругую походку.

— Стойте,— крикнул Йоргенсен.

Все замерли на месте.

Йоргенсен потер лоб. Ему не нравилось то, что надлежало сделать.

— Марио. Бросьте оружие на землю,— приказал он твердо.— Расстегните пояс. Шлем можете оставить.

Марио медленно повернулся к нему. Потом улыбнулся. Его лицо было серым от пыли, под глазами чернели круги.

— Я вас понимаю,— произнес он.— Вы мне не доверяете и не уверены, враг я или нет.

— Я не имею права рисковать.

Йоргенсен расправил плечи, погладил правой рукой рукоять мертвого оружия. Закатное солнце бросало на его лицо красные блики. Марио устало уронил оружие к ногам. Затем открыл магнитную застежку пояса, и тот соскользнул на землю. Встроенный генератор энергии, антигравитационный блок, ядерные гранаты, симбиотический комплекс — все не работало, все превратилось в мертвый груз. Однако пояс служил еще и символом беспредельного могущества посланцев Федерации. «Теперь предел этому могуществу установила Игона»,— подумал Йоргенсен. Он понимал чувства Марио, если тот был своим.

— Ливиус.

- Слушаю,— отозвался тот с недовольной гримасой.
— У вас сохранился кинжал?

Вопрос был излишним. Ливиус никогда с ним не расставался. Он был единственным в командос, кто искусно владел этим древним оружием. Он умел и метать его, и драться им. Даже Шан д'Арг побаивался его ножа.

— Конечно,— ответил Ливиус, отбросив со лба прилипшие волосы.

— Будете следить за Марио,— Йоргенсен избегал смотреть на них.— При малейшем подозрительном жесте убейте его. Вы поняли? Повторите.

Ливиус посмотрел на Марио, потом на Йоргенсена и снова на Марио.

— При малейшем подозрительном жесте убить его,— едва слышно выговаривал он.

Остальные молчали. Их сапоги были запорошены красной пылью спор.

— Попробуем вернуться на Альтаир. Маяк прямо перед нами. Вы понимаете, что я не могу рисковать. Если подлинный Марио мертв, а с нами его копия, то в момент активации маяка его оружие заработает, и он, перестреляв нас, в одиночку отбудет на Альтаир и...

Он не кончил фразы.

— Я понимаю,— заговорил Марио.— На вашем месте я поступил бы точно так же. У меня нет средств доказать, кто я на самом деле.

«Никто из нас не может доказать, кто он,— вдруг сообразил Йоргенсен. На лбу его проступили бисеринки холодного пота.— Никто. Во время погони каждый из них на какие-то мгновения оставался один. Быть может, под одной скалой лежит труп Ливиуса, под другой — Коноса, под третьей — Нанского, а под четвертой... Я не могу доверять ни одному. И в состоянии ответить лишь за себя. А если я ошибаюсь и в самом себе?».

Он не решился поделиться своими соображениями.

— Идите первым, Марио,— приказал он, с трудом сглотнув слюну.

Марио повернулся и, переставляя одеревеневшие ноги, двинулся вперед. Ливиус, подобрав с земли оружие и пояс, пошел за ним следом. Остальные нехотя тоже тронулись с места. Небо слева горело адским пламенем, и только вершины гор сияли белыми шапками.

Замаскированный маяк высился посреди поляны. Йоргенсен облегченно вздохнул и едва сдержался, чтобы не рвануться вперед, подобно Кнососу и Ливиусу. Он уже не надеялся отыскать поляну и боялся, что маяка на ней не окажется.

Он приблизился к скале, провел ладонью по шероховатой поверхности и почувствовал легкий укол тока. Кончи-

ками пальцев он нащупал выступ, за которым пряталась клавиша контакта. И нажал на нее. Но ничего не произошло. И прекратилось покалывание в пальцах.

Йоргенсен стал торопливо ощупывать выступ.

— Ливиус,— он пытался совладать с собственным голосом,— передайте мне оружие Марио.

Поймав брошенный пистолет, Йоргенсен ударил рукояткой по выступу — что-то могло заклинить.

Оружие со звоном отскочило от камня. Йоргенсен ударил сильнее. Болели все мышцы. Нестерпимо хотелось вновь услышать резкий и четкий алтайский говор. Скала крошилась, летели осколки. Йоргенсен с остервенением колотил по камню. Наконец, обессилев, он повернулся к товарищам. Слова были лишними. Маяк стоял на прежнем месте. Но дверь на Алтай захлопнулась. Замаскированный под скалу маяк, неизвестно отчего, стал камнем.

Марио, по-видимому, все понял и расхохотался. Их, как маленьких, обвели вокруг пальца. Они спрятали маяк, а противник отрезал им путь к отступлению, превратив его в скалу.

Они стали пленниками Игоны и скоро станут пленниками ночи. К тому же среди них, возможно, имеется враг.

Ножки грибов полыхали светлым пламенем. Ливиусу удалось разжечь костер самым древним способом — высекая искры из камня.

Члены командос с недоумением смотрели на пламя — большинство из них видели огонь впервые.

Они инстинктивно уселись вокруг костра, протянув к огню озябшие руки и ноги. Ливиус играл кинжалом, искоса поглядывая на Марио и напевая песенку, которая с детства запала в памяти.

«Итак, мы заброшены на тысячу лет назад. Нет, не на тысячу, на сто лет назад,— думал Йоргенсен.— Мы впервые совершили настоящее путешествие во времени. Попали в эпоху, когда человек с голыми руками один на один выходил на дикого зверя, высекал огонь и даже не подозревал, что когда-то покинет Землю и поселится в космосе».

Ножки грибов горели с веселым треском. Отрешившись от всего, Марио не мигая смотрел на пламя.

«Еще девяносто часов ночи»,— прикидывал Йоргенсен. У него пересохло в горле. Они выпили всю воду, выработанную симбиотическим комплексом. С рассветом придется отправиться на поиски воды, а она, скорее всего, находится на дне ущелья, рядом с Далаамом.

«Кроме огня и голых рук нас с нашими далекими предками сближает еще одно,— решил Йоргенсен.— Недоверие». Они замкнулись в себе, не зная, кто прячется за лицом друга,

бок о бок с которым не раз приходилось сражаться. Наверно, нечто подобное испытывали первобытные охотники. Сотрудничество, взаимное доверие явились плодом многовекового пути вверх по ступеням цивилизации.

«Недоверие — истинная причина нашего пребывания здесь,— неожиданно осекло Йоргенсена, и эта мысль словно разогнала мрак ночи.— Именно потому, что Федерация не доверяет будущему иных миров, мы и призваны действовать. Самый сильный или самый умный из первобытных охотников постоянно был начеку, боясь и сородича, и соседнего племени. И вот Федерация, могущественное цивилизованное объединение миров Галактики, мыслит и действует столь же примитивно, как и первобытный охотник».

Зловещая тень недоверия как-то сразу разделила и семерых членов командос, и то же недоверие опутало тяжелыми кандалами Марио. Но оно было лишь отражением недоверия Федерации к иным мирам. Они боялись, что Марио окажется чужаком, врагом — возможно ли допустить, что чужой может быть другом, ведь они сами прибыли на Игону тайно, по-воровски.

Так и случилось.

Обитатели Игоны, возможно, жители Далаама, а может, таинственные пришельцы, поставившие их в критическое положение, расплатились с ними их собственной монетой. Семерка явилась на Игону в полной уверенности, что далаамцы бессильны против нее, а теперь беспомощной оказалась она. Каждый из них нес в себе недоверие, страхи и ненависть Федерации, и все это обернулось против них.

«Игсена стала зеркалом,— размышлял Йоргенсен.— Она отразила наше истинное лицо. Явись мы сюда безоружными, с сердцем, исполненным дружбы и доверия, спроси мы далаамцев, что они думают о жизни и что мы можем им предложить... А что мы могли бы им предложить?

Наше могущество?

Но они раздавили нас, как мух.

Явись мы с нашими проблемами, нашими жизнями, нашим будущим ради того, чтобы договориться, а не разрушать, был бы иным результат?

Нет на это ответа. И не будет, если только не пойти с запросами к жителям города. Ведь они не убили нас, как поступили бы на их месте мы. Они пригрозили нам нашим же оружием, они оглушили нас дубинкой нашего же страха. И на этом не остановятся, сомневаться не приходится. Они ни к чему не принуждают нас. Они всего-навсего обращают против нас наше оружие, топят нас в болоте наших же проблем».

Напрашивалось единственное решение. Оно было светлым, как огонь, жгучим, как огонь, страшным, как огонь, и, словно огонь, оно могло рассеять мрак ночи.

Йоргенсен решил сделать шаг к восстановлению доверия.

— Спрячь кинжал, Ливиус,— начал он.— А ты, Марио, забудь о моих словах. Я ошибся. Я верю, что ты свой. Думаю, тот Марио в скалах был лишь ловкой подделкой, дабы ввести нас в заблуждение. Не обмануть, а направить наши мысли по новому пути. До сих пор мы шли ложной дорогой.

— Вы хотите нашей гибели,— прервал его Ливиус.— Только осторожность может нас спасти.

Шан д'Арг отвернул лицо от огня.

— Я не столь категоричен, как Ливиус,— сказал он,— но я тоже не понимаю вас. Откуда вдруг столь резкая перемена?

— Мне кажется, я кое в чем разобрался,— ответил Йоргенсен.— Я могу ошибиться, но готов пойти на риск. Предлагаю вам последовать за мной.

— Что вы понимаете под риском?— резко спросил Нанский.

Йоргенсен не стал отвечать ему.

— Я хочу отправиться в Далаам,— сказал он.— Я спущусь в город и вступлю в контакт с аборигенами. Я хочу понять, что происходит, и уверен, Далаам поможет мне в этом.

— Вы не имеете права так поступать,— вмешался Кносос.— Правила запрещают всякий контакт с туземцами. Альтаир...

Йоргенсен подбросил в огонь ножку гриба. В небо взметнулся вихрь искр.

— Альтаир!— воскликнул он.— Кто из вас может показать мне на небе, где находится Альтаир? И в каком веке истории Альтаира мы живем в данный момент? Есть ли у нас шанс попасть на Альтаир в наше время? И вспоминают ли о нас люди Альтаира?

Он поднялся. На фоне костра плясала его тень. «Прекрасная мишень,— мелькнула мысль.— Пусть она будет еще больше, чтобы далаамцы, следящие за нами из тьмы знали, что я не боюсь нападения с их стороны».

— Альтаир и его правила, Федерация и ее законы — мертвые слова для нас в нашем положении. Рядом с нами другой мир. Мне надлежит отправиться туда и понять, что происходит.

— Еще ни одна командос...— начал Кносос.

— Знаю. Но еще ни одна командос и не оказывалась пленницей планеты. Такое, наверно, должно было случиться. В какой-то мере я рад, что это случилось с нами, а не с другими.

— Почему?

Йоргенсен заколебался.

— Не знаю. Не в силах вам объяснить. Пока. Уверен только, что я прав.

Он не мог толком объяснить своих ощущений. Интуитив-

ное понимание того, что ответ следует искать именно в Даламе, пришло внезапно. В путь следовало тронуться немедленно, пока сомнения не изменят принятого им решения. Каждый должен был прийти к этому сам. Он оказался первым. А может, Марио понял все раньше его и именно поэтому появился мертвый двойник...

— Вы больны, — сказал Кносос. — Вас бьет дрожь.

Йоргенсен покачал головой.

— У меня еще никогда голова не работала с такой ясностью.

— Вы идете навстречу смерти.

— Навстречу? Думаю, вы понимаете, мы живы сейчас по их воле. Если бы они собирались перебить нас, они давно бы это сделали, не подвергая себя опасности. Они могли убить нас, заменить двойниками и отправить их на Альтаир.

— А вместо этого они отрезали нам путь к отступлению.

— И приглашают нас тем самым в их город. Они намерены встретиться с нами. Не думаю, чтобы они питали к нам ненависть. Скорее всего, ими движет любознательность. Мне следовало понять это, увидев их поселение. Но я думал лишь о выполнении нашей разрушительной миссии.

— А теперь? — спросил Кносос.

— Теперь я хочу встретиться с ними.

— И сообщить им, зачем мы сюда явились, что нам известно о путешествии во времени?

— Возможно. К тому же, полагаю, этих тайн для них не существует. Оружие наше потеряло силу. Путешествия во времени для нас прекратились. Остались они и мы.

— Я не пушу вас, Йоргенсен. Координатора можно сместить во имя командос.

— Вы ошибаетесь, Кносос. У нас нет ни оружия, ни аппаратуры, а значит, нет и командос. В чем сила и слитность командос? В технической оснащенности, в невероятном могуществе. У нас ничего не осталось кроме людей. Каждому следует глянуть истине в глаза. Не усложняйте создавшегося положения, Кносос. Клянусь, я знаю, что делаю.

Кносос кинулся прямо через костер на Йоргенсена. Он оглушил бы Йоргенсена рукояткой пистолета, если бы координатор не отклонил голову. Удар пришелся по плечу. Йоргенсен скривился от боли, отскочил назад и принял оборонительную позу. Он жалел, что снял шлем. И едва успел согнуться, чтобы парировать удар ногой. Но все же носок сапога пришелся ему в живот — у Йоргенсена потемнело в глазах. Превозмогая боль, он бросился вперед. Правым кулаком с силой ткнул Кнососа в грудь, а ребром левой ладони попытался ударить по горлу, но Кносос отскочил в сторону. Йоргенсен потерял равновесие и рухнул лицом вперед. Он тут же сжался в клубок и мгновенно вскочил на ноги. Его тренированное тело сражалось само, а разум наблюдал за схваткой как бы со стороны.

«Мы сцепились, как первобытные охотники, голыми руками, не хватает пустить в ход когти», — подумал он.

Йоргенсен слышал прерывистое дыхание соперника и стук ударов. Кносос споткнулся. Йоргенсен прыгнул и ногой ударил по руке Кнососа, сжимавшей оружие. Оно отлетело далеко в сторону.

Но тут Кносос схватил Йоргенсена за ноги и крикнул: — Помогите мне! Держите его!

Никто не шелохнулся. Люди с застывшими лицами наблюдали за схваткой. Дерущиеся свалились на землю рядом с костром. Йоргенсен оказался внизу. Пальцы Кнососа вцепились в его горло. Йоргенсен напрягся, выгнулся и переброшил противника через себя.

Йоргенсен открыл глаза, с наслаждением вдохнул воздух и медленно привстал. Тело ломило. Вдруг он услышал нечеловеческий вой и понял, что слышит его уже давно...

Выл Кносос. Он лежал посреди костра. Остальные оцепенело смотрели на него.

«Я победил, — думал Йоргенсен, потирая подбородок. — Вот я и великий охотник».

Он бросился в огонь, схватил Кнососа за руку, выволок его из костра и, оттащив подальше, тяжело опустился на землю. Как во сне, он слышал стоны Кнососа и видел, как Шан д'Арг разрезал на нем одежду и достав из пояса флакончик, стал втирать его содержимое в обгоревшую кожу.

Йоргенсен поднялся, чувствуя дрожь в ногах. У Кнососа была повреждена рука, и Шан д'Арг осторожно ощупывал ее.

— Ничего страшного, — сказал он. — Еще легко отделался.

— Почему никто из вас не вмешался? — спросил Йоргенсен.

— Это был ваш бой. Вы победили, — ответил за всех Шан д'Арг. — Если бы не бросил вызов Кносос, вам пришлось бы иметь дело со мной.

Йоргенсен молчал, глубоко дыша. Он отбросил свой пояс в сторону, подобрал кинжал Ливиуса и разрезал комбинезон.

— А теперь? — спросил он.

— Вы можете спокойно отправляться в Далаам. Вы победили. Я не могу драться с вами после того, как вы истратили все силы.

— Сильный всегда прав, — с горечью проговорил Йоргенсен, сплевывая кровь.

— Сила здесь не при чем, — возразил Шан д'Арг. — Это была схватка мужчин. Вы победили. Вот и все.

Йоргенсен задумчиво глядел на него. Он с трудом понимал Шан д'Арга, который хорошо разбирался в рукопашном бою, умел понять и победителя, и проигравшего. В его словах крылась истина, но Йоргенсен едва угадывал ее. Для Шан д'Арга главным было то, что точка зрения Йоргенсена проти-

воречила принципам командос. Кто-то должен был вызвать Йоргенсена на дуэль, чтобы защитить ее честь. Теперь Йоргенсен победил, и понятие собственной чести не позволяло Шан д' Аргу ставить под сомнение исход и смысл дуэли. Он не будет драться с усталым человеком. С его точки зрения, это было бы низостью. Победив Кнососу, Йоргенсен завоевал право поступать по-своему.

— Я ухожу,— сказал он.

— Будь по-вашему,— согласился Шан д' Арг.— Подождите секунду.

Он открыл одну из коробок, висящих на поясе, и достал мешочек, наполовину наполненный водой — все, что осталось от его симбиотического комплекса. Он протянул его Йоргенсену.

— Возьмите. Он вам пригодится. У меня хватит воды для Кнососу.

— А вы сами?

— Завтра мы спустимся в долину и отыщем источник.

— Спасибо,— поблагодарил Йоргенсен. Он не имел права отказываться. Он посмотрел на костер и четверку остальных, затем повернулся и сделал несколько шагов.

— Я иду с вами,— крикнул Марио.

— Нет,— ответил Йоргенсен не оборачиваясь.— Позже, если захочешь, пойдешь. Но сейчас я должен идти в одиночку.

У него кружилась голова. «Дрался я в одиночку. А потому и должен идти один. Каждый из них должен сам понять, почему ему следует идти в Далаам».

Он подобрал и застегнул на себе пояс. Сунул за него кинжал Ливинуса. Отныне он был орудием труда.

— Прощайте,— сказал он так тихо, что его, похоже, и не услышали.

Он ускорил шаг и растворился во мраке ночи. Вскоре небосвод потемнел, звезды затянуло тучами, и огромные капли дождя освежили его разгоряченное тело.

Когда Йоргенсен проснулся, его удивило, что все еще стояла ночь. Он глянул на часы — проспал пятнадцать часов. До рассвета оставалось еще целых шестьдесят часов.

Он расстегнул пояс и взмахом кинжала срезал с него оружие и аппаратуру. Затем принял кромсать на себе одежду. Синтетическая ткань поддавалась с трудом, что только удвоило его рвение. Он хотел войти в город, как туземец, оставив только часы, хотя вовсе не был уверен в том, правильно ли они идут.

Босиком, полунагой, Йоргенсен ощутил себя свободным. Он провел рукой по лицу, пальцы нащупали запекшуюся кровь и щетину пробившейся бороды.

Он сложил все в кучу — может, туземцам сгодится. Затем

поднял фонарик. Он был размером с палец, и его луч бил на добрый километр. Сейчас же он светил не ярче свечки. Странно, что он вообще работал. Видно, нейтрализующее поле не совсем вывело его из строя. А может, таинственный противник решил дать им шанс в этой непроглядной ночи.

Он побаивался спуска в Далаам и решил идти по тропе.

Та отыскалась у самого обрыва — ее обозначали едва светящиеся камушки. Этого было достаточно, чтобы не сбиться с пути. Далаамцы, по-видимому, пользовались тропой и по ночам.

Дорожка втянулась в узкое ущелье и круто пошла вниз. Йоргенсен замедлил шаг. Стена справа исчезла. По слабой фосфоресценции вдоль края тропы он угадал пропасть. Она была бездонна, как небо, но пугала сильнее — в ней не светились ни огоньки, ни звездочки.

Некоторое время он шел, прислушиваясь к шороху камушков, срывававшихся из-под ног. Шагать вдоль вертикального обрыва в темноте ночи было легко и приятно. Даже пропасть уже не страшила, а манила своей неизвестностью.

Глянув вниз, Йоргенсен увидел на дне ущелья бледноватое свечение. И чем ниже он спускался, тем четче вырисовывались контуры этого опалового облачка. Выделялись более светлые участки, а темные зоны походили на наброшенную сверху сеть. Это был ночной Далаам.

Свечение не было искусственным и, похоже, рождалось в воздухе. С высоты, где находился Йоргенсен, было видно, что свет исходит не от фонарей. Он как бы пронизывал лес. Скорее всего, светились сами деревья. Светящиеся камушки вдоль тропы свидетельствовали, что в почве много фосфоресцирующих веществ. По-видимому, деревья накапливали энергию в дневное время, а ночью освещали город.

Такой симбиоз города с лесом поразил Йоргенсена. Если туземцы специально вывели такой вид деревьев, значит, они обладают глубокими познаниями в области генетики. Еще одна загадка Йгоны!

Как только огромные круглые листья сомкнулись над головой Йоргенсена, ярче засветилась тропа. Он понял, в чем дело, через несколько метров: тропинка бежала вдоль чудовищных размеров ветви, во всем повторяя ее изгибы. После двух или трех поворотов он оказался у широкого отверстия в стволе.

Йоргенсен застыл в нерешительности. Не иначе, это был вход в город. Ни охраны, ни предохранительных устройств. Тишину нарушал только шорох листвы. Вокруг ни души. Решившись, Йоргенсен сделал шаг внутрь дерева. В конце концов, он явился в город с открытым забралом и без оружия в руках. Само по себе это было риском.

Туннель вился внутри ствола. Свет сочился из его гладких овальных стен, потолка и пола. Метров через двести туннель

кончился. Дорожка снова наклонно побежала вдоль ветви. Дерево, росшее рядом с обрывом, было самым громадным в лесу. Земли еще не было видно. В глубине леса было темнее, кроны деревьев служили здесь не только источником света, но и своего рода крышей.

Дорожка раздвоилась. Ветвь поменьше уходила вверх, а побольше — вниз. Йоргенсен без колебаний выбрал спуск. Ему хотелось поскорее оказаться в городе. Поражал размах ветвей. Позже он понял, что мощные ветви опирались на кроны более низких деревьев, вернее, лес состоял из нескольких связанных друг с другом ярусов, и именно они составляли «кварталы» города. Пока все это вызывало только восхищение.

Он ступил на землю, почти не заметив перехода. Но через несколько метров дорожка, петлявшая среди слабо фосфоресцирующей травы, оборвалась.

Йоргенсен в недоумении остановился. В разные стороны разбегалось с полдюжины узеньких тропок, которые исчезали позади циклопических стволов. Он немного помедлил, а потом двинулся по крайней левой. Он осторожно шел вперед, пока не заметил сложенное из огромных камней жилище — низкое одноэтажное строение с плоской крышей и высокими узкими окнами. Внутри было темно. Тропинка упиралась прямо в крылечко со светящейся дверью.

Никаких признаков жизни. Ни шума, ни дымка над крышей. Йоргенсен обогнул жилище на почтительном расстоянии и наткнулся на другую тропинку, которая вела к еще одному такому же домику — из-за стволов виднелась лишь часть его стены. Именно таким он видел город в окуляры своего ордзи-бинокля.

Йоргенсен вернулся на первую тропинку, не зная, что предпринять. Можно было подойти к двери и постучать. Если ему откроют, он постарается объяснить на игонском — мнотехники обучили их местному языку еще на Алтаире. Если никого не окажется, он обследует жилище и отдохнет.

Но Йоргенсена смущало, что его внешний вид может отпугнуть туземцев. К тому же он слишком мало знал обычаи далаамцев, а потому решил прилечь в траву и понаблюдать. Он лежал у самого ствола, не спуская взгляда с двери дома. Ожидание длилось так долго, что он потерял всякое ощущение времени. Раза два или три он даже засыпал.

Начинала мучить жажда. Воду он выпил еще по дороге. Оставалось только проглотить несколько питательных таблеток. Таблетки сразу прибавили сил. Лицо перестало саднить, но тело нещадно ломило.

Его разбудил легкий скрип открывающейся двери. Чья-то тень выскользнула наружу. Оказалось, это женщина, юная женщина, даже девушка. Коротко стриженные светлые волосы, легкая туника. Девушка казалась гибкой и отличалась великолепным сложением. Она было красива какой-то природ-

ной диковатой красотой, спокойной и умиротворяющей, — полная противоположность вызывающей и утонченной красоте женщины, к которой привык Йоргенсен.

Девушка несла деревянное ведро — оно тоже светилось. Она прошла мимо Йоргенсена, не заметив его. Он пропустил ее вперед и, по-кошачьи крадучись, двинулся вслед за ней.

Вначале ему показалось, что она идет босиком, но потом он заметил на тропинке следы сандалий. Она свернула за дерево, и он потерял ее из виду. Йоргенсен ускорил шаг, думая, что она ушла вперед, но так и не догнал ее, хотя дошел до развилки. Он повернул назад, внимательно оглядываясь по сторонам, и разглядел едва приметную тропу, уходившую в сторону гигантского ствола. Он поднял глаза — над головой, метрах в тридцати, светился сплошной свод листвы.

Йоргенсен решительно направился к дереву. Тропинка огибала его. Трава была примята, значит, девушка только что прошла здесь.

Он едва не миновал узкое отверстие в стволе и только краем глаза уловил движение внутри. Йоргенсен осторожно заглянул в дупло. Девушка напевая выполняла какую-то непонятную работу. Закончив, она набрала воды в ведро и выпрямилась.

Йоргенсен отскочил за ствол и упал в траву. Но девушка не заметила его и спокойно удалилась с ведром в руке.

Он выждал несколько минут и осторожно приблизился к дуплу. Внутри, как он и ожидал, было светло. Дупло не походило на дело рук человеческих — нигде не было следов инструмента, кора выглядела нетронутой. Дерево не было пустым, как это бывает с мертвыми гигантами. Оно, казалось, так и выросло.

Йоргенсен проник в отверстие. Внутри было просторней, чем казалось с первого взгляда, и совершенно пусто. Вначале он решил, что дупло служит жилищем или хранилищем. В глубине складки древесины образовали круглые корытца. Через край одного из них переливалась прозрачная жидкость. Другое было доверху наполнено какой-то сметаноподобной кашцей. Но больше всего Йоргенсена поразило содержимое третьего корытца. В нем были плоды.

Карман в толще древесины служил естественным укрытием для плодов. Цветки и плоды не могли развиваться на ветвях — их опыление и созревание в условиях Игоны были невозможны. Эволюция нашла выход. «А может, это туземцы создали вид, наилучшим образом отвечавший их потребностям?» — мелькнула мысль у Йоргенсена. Так было легче собирать урожай. Корытца служили поддонами, как при гидроронике.

Йоргенсен окунул палец в жидкость и поднес его к губам. Вода. Чистая и свежая. Он набрал ее в ладони и напился. Затем плеснул в лицо и сразу ощутил прилив бодрости. Уро-

вень воды в корытце не понизился.

Он попробовал кашу. Сладковатая масса имела вкус миндаля. Но Йоргенсен не решился утолить голод. Он слишком мало знал о флоре Игоны. Даже вода могла оказаться опасной.

Его охватило какое-то эйфорическое состояние. Ему стало ясно, почему далаамцы не возделывали земли и не занимались коммерцией. Их кормили деревья.

И даже одевали. Рядом с последним корытцем виднелась расщелина, но на самом деле то была тонкая пленка отслоившейся растительной ткани. Йоргенсен пощупал ее — она напоминала тонко выделанную кожу.

Воздух был насыщен запахом ванили. Он глубоко вздохнул. Вдруг на него навалилась усталость. В дереве он чувствовал себя в полной безопасности и решил отдохнуть тут же на полу.

Сон сморил Йоргенсена почти мгновенно. Потом начались сновидения.

4 В своем сновидении Йоргенсен шел среди толпы по улицам города. Но люди глядели сквозь него, словно его не существовало. И сам он не успевал рассмотреть их лиц. Он шел слишком быстро. Иногда он пытался замедлить шаг, но ничего не получалось. Улицы вели вниз и становилось все уже, так что вскоре, несмотря на середину дня, его окружил полумрак. Высокие стены домов едва не соприкасались в вышине. Он силился увидеть небо, но не мог поднять голову — мышцы не повиновались ему.

Неожиданно Йоргенсен очутился на громадной пустой площадке, окаймленной лестницами, и спустился к центру этой гигантской круглой арены. Он чувствовал, что площадь кишит народом, но никого не видел. Ему все труднее было пробираться вперед, хотя путь, казалось, никто не преграждал.

Он увидел в центре площади скульптуру, которой до сих пор не замечал. Это был шар, установленный на широком пьедестале. «Не иначе, символ времени», — подумал он. Шар имел и еще какой-то другой смысл, он когда-то знал его, но теперь забыл. Стершиеся неровности на поверхности шара напоминали лицо. Знакомое лицо, но он не помнил имени этого человека. Он направился к шару, чтобы лучше рассмотреть его.

Из-за шара выпрыгнул человек, одетый в яркие, слепящие одежды, похожие на необычный комбинезон. Человек был очень высок, череп его сиял, словно выбитый. Йоргенсен откуда-то знал, что незнакомец помешает ему приблизиться к шару, а возможно, и убьет. Ему хотелось скрыться. Он чувствовал себя беззащитным. Но отступать было некуда.

Толпа отрезала все пути к отступлению и несла его прямо к шару.

Он бросился назад, надеясь уйти от преследователя. Площадь превратилась в арену, которая с каждым мгновением сужалась. Вдруг ему показалось, что он будет спасен, если коснется шара.

Задышавшись, он рванулся к шару, но враг вдруг преградил ему путь, сжимая в руке оружие.

Йоргенсен впился глазами в лицо противника и узнал... самого себя. Это не было отражением в зеркале. Перед ним стоял он сам, собственной персоной. И Йоргенсен понял, что умрет от руки своего двойника, как и Марио.

Он шевельнулся. Сон оборвался, затем возобновился. И каждый раз он знал, что уже попадал в подобную ситуацию, но не помнил когда. Каждое сновидение кончалось одинаково. И с каждым разом в душе его росло желание узнать, что случится после того, как его убьют, но в последнее мгновение сон прерывался. С каждым сновидением он чувствовал себя все более изможденным. Он знал, что в конце концов его убьют по-настоящему.

Чьи-то руки трясли его за плечи. Но он не хотел просыпаться. Он ощутил, что его подняли и куда-то понесли.

Йоргенсен открыл глаза. В комнате царил полумрак. Сквозь узенькое оконце сочился дневной свет, выхватывая полоску деревянного пола. Он услышал далаамскую речь. Глуховатый голос принадлежал молодой женщине.

— Вы вернулись издалека. И как вы умудрились заснуть внутри дерева. Это могло окончиться смертью. Вам повезло, что я наткнулась на вас.

Во рту у Йоргенсена так пересохло, что первые звуки, которые ему удалось выдавить, походили на кваканье. Он сделал глотательное движение. Голова разламывалась от боли. Он приподнялся на локте и узнал девушку. Это ее он видел накануне ночью. Накануне ли? Значит, прошло около сорока часов. Неужели он проспал все это время? Что случилось с остальными?

Он лежал совсем голый под одеялом из того же вещества, что и туника девушки.

— Пить,— с трудом выдавил Йоргенсен.

Девушка поднесла ему деревянную миску, полную воды. Он с жадностью осушил ее.

— Меня зовут Анема.

— Йоргенсен. Я... прибыл издалека.

— Знаю. Вы уроженец другого мира. Лежите спокойно. Случившееся с вами уже не имеет никакого значения.

— Откуда вам это известно?

Он не так представлял себе первую встречу с игонцами.

— Неужели вы думаете, что далаамец может довести себя до такого состояния? Посмотрите на себя.

Она протянула ему металлическое зеркальце. Он инстинктивно отпрянул. Его отражение напоминало ему стершееся воспоминание, которое никак не желало всплывать в его сознании. Лицо в зеркале выглядело невероятно худым. Черты лица заострились. Перед ним была маска человека, увидевшего нечто более ужасное, чем сама смерть.

Анема положила зеркальце на низенький столик, как бы выросший из пола. Йоргенсен пригляделся к нему. Столик в самом деле рос из пола и был его частью. Он походил на нарост дерева. «Почему далаамцы не живут в домах, выращенных деревьями?» — подумалось ему. И тут же он ответил сам себе — деревья выделяли продукты распада.

— Я отравился,— попытался он было объяснить девушке.

Анема покачала головой.

— Нет,— ответила она.— Деревья не могут причинить зла. Они не хотели вас отравить.

— Но у деревьев нет воли,— возразил он. Ему было трудно выразить свою мысль по-далаамски.

— Нет,— повторила она.— Все иначе.

Она задумалась.

— Можно сказать, что деревья в какой-то мере делают то, что хотят. Они соглашаются давать нам то, что дают. Я не очень в этом разбираюсь. Лучше спросите у моего третьего отца. Он долго изучал взаимоотношения между нами и деревьями. Он говорит, что не знает точно, в полной или неполной зависимости находимся мы от деревьев.

Йоргенсен про себя отметил ее слова «третий отец». Такого понятия не было в том игонском, которому его обучили мнемотехники. Казалось, и сам язык Игоны изменился. Он понимал некоторые слова, произнесенные Анемой, лишь добываясь до их корней. Язык Игоны отражал совершенно иную концепцию мира, чем язык Федерации. Но пока было рано решать, в чем истинный смысл различий.

Анема быстро и непринужденно сдернула с него одеяло. Йоргенсен побагровел. Он привык придерживаться иных манер, но совладал с собой и старался сохранять бесстрастное выражение лица, пока девушка растирала его тело каким-то бальзамом.

— Когда вас принесли сюда, ваши мышцы были затвердевшими, как дерево. Я никогда не видела столь напряженного тела. Будь ваши кости более хрупкими, вы не обошлись бы без переломов. Я боялась, что вас разобьет паралич. Но теперь вам значительно лучше.

Йоргенсен так не считал. Ему казалось, что на теле не было живого места. Неприятные воспоминания цеплялись за границу сознания.

— Но кто виноват, что я чувствую себя таким больным

и разбитым,— спросил он,— если деревья не могут причинить зла?

Ответ был мгновенным и совершенно неожиданным.

— Вы сами,— сказала Анема.— Вы, наверно, до смерти ненавидите самого себя, если дошли до такого состояния. И едва не убили себя. Зло сидит в вас.

«Она говорит, как психоаналитик,— подумал он.— Совпадение ли это? Она считает, что виной всему мой сильнейший невроз».

Эта мысль ему не понравилась. В своем мире он считался нормальным человеком. Но в каждом обществе свои нормы, а с момента, когда с вершины обрыва Йоргенсен увидел Далаам, он вел себя не свойственным ему образом и сознавал это.

— Вам следует поспать.

Она положила руку ему на лоб.

— Вы заснете.

— Я боюсь. Я не хочу засыпать.

Анема удивленно раскрыла глаза.

— Вы помните свое сновидение?

— Сновидение? Какое?

— Жаль,— вздохнула она.— Если бы вы помнили сновидение, то были бы практически здоровым. Однажды вам придется вернуться в дерево, чтобы досмотреть свой сон. Деревья не могут вылечить столь больного человека, как вы, за один сеанс. Вы получили массивную дозу. Для начала хватило бы нескольких минут.

Он понял лишь какую-то часть ее слов.

— Я был болен? Деревья могут лечить?

Лицо Анемы вдруг сделалось серьезным.

— Нам это известно с детства. Деревья помогают понять самого себя. Я забыла, что вы пришелец.

— Объясните.

— Не знаю, имею ли на это право. Это может причинить вам зло. Вы испытали сильнейший шок. И почти открыли для себя, кто вы есть на самом деле. Мне известно лишь самое элементарное. А вот мой третий отец знает почти все, что можно знать.

— Попытайтесь,— в его голосе звучали умоляющие нотки.

Она закрыла глаза и сосредоточилась. Затем заговорила медленно и тягуче, выбирая самые простые слова.

— Любое человеческое существо скрывает в себе несколько личностей. Это, конечно, не личности в полном смысле этого слова, а скорее грани личности человека. Пока человек юн, они практически не подозревают о существовании друг друга. Позже они могут сосуществовать или сражаться друг с другом. Одна из граней состоит в прямом контакте с внешним миром. У остальных контактов меньше или нет совсем. Некоторые из них слепы и глухи, лишены воли и логики. Иногда они, как у вас, являются пленниками и пытаются

ся ускользнуть из-под контроля. Они прилагают невероятные усилия, чтобы освободиться и возобладавать над остальными. А тем приходится тратить много усилий на сдерживание бунтарей. Если схватка слишком жестока, личность может разорваться, как разрывает скалу замерзшая вода. И человек сойдет с ума.

— Понятно. Сознание и подсознание. Сознание подавляет некоторые элементы подсознания, которые стремятся подняться на поверхность обходными путями, оказывая давление на сознание. Когда давление постоянно, возникает невроз. Если подсознание взламывает хрупкую оболочку сознания, наступает безумие, сумасшествие, бред.

— Но есть и золотая середина,— продолжала Анема,— она помогает наладить взаимоотношения между людьми. Вы можете в полном объеме общаться с себе подобными, если совершенно здравы рассудком, если полностью сознаете самого себя. В этом-то нам и помогают деревья. Деревья помогают связать различные грани личности. Мы оставляем детей ежедневно на некоторое время внутри деревьев, чтобы они познали самих себя. Мой третий отец говорит, что деревья в нашей цивилизации играют важнейшую роль. Он считает, что благодаря деревьям Игона стала привилегированным миром. Он говорит, что только мы по-настоящему счастливые люди во всей Галактике.

Она употребила не слово «Галактика», а использовала иной, более общий термин, означающий комплекс миров. В корне слова присутствовали понятия общности и города. Кажется, она считала каждый мир Галактики эквивалентным кварталу своего родного города. Полный смысл слова остался для Йоргенсена скрытым. Он перевел его как «Галактика», но решил, что позже вернется к этому.

— Я не знаю, как действуют деревья. Они посылают сны. Когда вы начинаете помнить их, значит, вы стали взрослым, уравновешенным человеком. Я очень хорошо помню свои сны. Мой третий отец утверждает, что я удивительно уравновешенна для моего возраста.

Она явно была довольна собой, но в голосе ее не было и следа тщеславия. «Тщеславие,— сказал себе Йоргенсен,— чувство невротическое, основанное на ощущении превосходства, а в конечном итоге и на отрицании остального мира. Федерация лопается от тщеславия. Федерация страдает глубочайшим неврозом».

«По отношению к Игоне»,— мысленно поправил он себя.

Йоргенсен почувствовал себя отдохнувшим. Он знал, что может наконец спокойно заснуть.

— Деревья принадлежат всем. Мне кажется, что они передают друг другу сны разных людей, может быть, всех. Мой отец говорит, что среди деревьев нет индивидуалистов, как у нас. Но он также утверждает, что мы отличаемся один

от другого лишь поверхностно. В остальном нас роднит нечто общее, свойственное человеку, и это общее зависит и от общества, в котором мы живем, и от каждого дерева. Но каждое общество стремится вложить в людей свое понимание общего, а потому различия между представителями разных обществ куда глубже, чем поверхностные различия между двумя людьми одного круга. Если мы доберемся до сути вещей, то вновь увидим общечеловеческие черты, несмотря на различия обществ. И быть может, когда-нибудь с помощью деревьев нам удастся объединить всех людей.

«Теперь она говорит, как социолог», — мелькнула мысль в голове сонного Йоргенсена. Голос уплывал вдаль. Анеме еще не исполнилось и двадцати лет, а она так просто оперировала понятиями, над которыми явно или тайно бились самые просвещенные умы Федерации, поскольку Арх косо смотрел на их исследования. Вначале Йоргенсену показалось, что она суеверна — допускает существование внутренних демонов, вызывающих болезнь или безумие, и верит в способность деревьев их изгонять.

Но, находясь на грани сна, Йоргенсен пытался нащупать истинный смысл ее слов, а быть может, и ответ на давний, мучительный вопрос о смысле собственного существования. Мысли обрели ясность и чистоту. Его сознание медленно погружалось в глубины тела. Ему хотелось там затаиться, несмотря на неясную боль, которая никак не уходила. Оставалось узнать, как действуют деревья. Быть может, они насыщали воздух дурманом? Или существовало иное, более фантастическое объяснение? А что, если между деревьями и людьми устанавливается телепатическая связь? Быть может, ему угрожала смертью общая память деревьев, в которой хранились сновидения всех людей, прошедших через них? Ему не верилось, что он стремился уничтожить самого себя. Мозг постепенно очистился от тревожных мыслей; и Йоргенсен погрузился в глубокий сон.

Когда он проснулся, у его изголовья сидела Анема со своим третьим отцом. Увидев этого человека, Йоргенсен спросил себя, действительно ли туземцы Игоны вели род от человека? В каждой отдельной его черте не было ничего необычного, но все вместе они создавали странное ощущение. Громадная голова и широко расставленные глаза наводили на мысль о сосредоточенном внимании и каком-то снисходительном спокойствии. Даже поза его свидетельствовала о необычной гибкости тела и силе мышц. Он на удивление свободно владел своим телом. В его движениях сквозила грация хищника, лишённого страха и агрессивности. Рядом с ним Йоргенсен, несмотря на свои специальные тренировки, ощутил себя неуклюжим увальнем. А по глазам человека понял, что между ними лежит и интеллектуальная пропасть.

Одновременно он заметил в Анеме то, на что не обратил

внимания в первый раз. Она была излишне гибкой и живой, но нервной не казалась. В ее глазах светилось такое же сверхчеловеческое спокойствие, как и в глазах ее отца. И тот же снисходительный огонек умерял их удивительный самоцветный блеск.

Быть может, это результат случайной мутации? А если это следствие направленного генетического опыта? Йоргенсен постепенно начинал понимать, что Игона представляет собой лишь клеточку на гигантской шахматной доске Вселенной, что обитатели города деревьев с их странными нравами являются пешками в руках могущественных и пока неведомых сил.

Он и сам был пешкой в руках Федерации.

И тут он отвел взгляд от глаз мужчины. Нет, этот человек не мог быть пешкой. Еще никто в глазах Йоргенсена так полно не воплощал свободу, свободу без всякого страха перед будущим. Никто, кроме Анемы.

— Вы чувствуете себя лучше, — произнес мужчина. — Что вы собираетесь делать?

Вопрос застиг Йоргенсена врасплох. У мужчины был спокойный, размеренный голос.

— Не знаю, — пробормотал Йоргенсен. — Я собирался некоторое время пожить в городе.

— Вы свободны. Можете оставаться здесь, сколько захотите. Но не думаю, что вам понравится здешняя жизнь. Впрочем, со временем вы все решите сами.

Йоргенсен хотел было возразить — жизнь далаамцев его вполне устраивала. Но он вовремя сдержался, поняв скрытый смысл слов собеседника. Тот не собирался ни запугивать его, ни намекать на плохой прием. Просто не очень приятно жить в городе, где ты менее младенца знаешь о мире и о самом себе. Это означало находиться во власти комплекса неполноценности. Йоргенсен понимающе поглядел на мужчину.

— Я — Даалкин, — промолвил последний. — Это одновременно и имя, и должность. Кажется, малышка вам уже кое-что объяснила. Не знаю, хорошо ли она поступила. Она приняла решение самостоятельно, исходя из вашего положения. Можете задать мне любые вопросы, но полагаю, что вы лучше разберетесь в нашей жизни, посмотрев на нее со стороны. Я знаю, что вас мучит любопытство.

Он помолчал и с легкой иронией добавил:

— Здесь никто ничего не скрывает. Но не все можно понять сразу.

— Вы выглядите удивительно спокойным и счастливым, — неожиданно для себя сказал Йоргенсен.

Он провел ладонью по черепу и почувствовал, что волосы немного отросли. Он вдруг позавидовал густой черной шевелюре Даалкина. Обычай брить голову показался ему абсурдным.

— У нас есть свои проблемы,— ответил Даалкин.— Но это настоящие проблемы.

Йоргенсен прикусил губу и отбросил одеяло.

— Я могу встать?!

Это был и вопрос и утверждение.

— Если хотите.

Йоргенсен сел и осторожно опустил ноги на пол. Затем встал. Он почувствовал себя бодрее, чем ожидал. Обойдя комнату, он выглянул в узенькое окошко, увидел тропинку, которая исчезала среди громадных стволов, и только тут сообразил, что на нем ничего нет.

— Мне хотелось бы одеться,— начал он и понял, что его смущение в глазах Анемы и Даалкина выглядело смешным.

Анема достала из шкафчика тунику и обувь. Йоргенсен оделся с ее помощью. Даалкин тем временем поставил на стол несколько мисок. Йоргенсен подкрепился и утолил жажду.

— Вы позволите задать вам один вопрос?— после некоторого колебания начал он.— Надеюсь, он не покажется вам оскорбительным. Анема несколько раз называла вас третьим отцом. Меня интересует смысл этого выражения. Биологически...

Даалкин расхохотался. Анема тоже рассмеялась. Йоргенсен вежливо улыбнулся, ничего не понимая.

— Наше общество несколько необычно,— наконец заговорил Даалкин,— во всяком случае, по сравнению с вашим, о котором у меня сложилось некоторое впечатление. Естественно, я могу ошибаться. Но ваше общество несет на себе глубокий отпечаток древних времен. В нем переплелись черты индивидуализма и рабства — наследие ваших предков-охотников. Ваша цивилизация частично решила этот внутренний конфликт путем специализации. Но такое решение ошибочно и чревато опасностью взрыва.

Йоргенсен поднял глаза от стола. Даалкин говорил о Федерации без всякого почтения, хотя был всего-навсего туземцем с неприметной планеты, которую флот Федерации в мгновение ока мог превратить в горстку пепла. Он сравнивал Федерацию с громадным муравейником. Его слова были жестоки, но диагноз точен. Несколькими фразами он сумел вызвать давние сомнения Йоргенсена.

— Каждый индивидуум ревностно относится к своей свободе,— продолжал Даалкин,— а единство может быть обеспечено лишь силами взаимного притяжения. Один индивидуум проявляет враждебное отношение к другому. Стену этой враждебности очень трудно преодолеть, потому-то и трудно установить контакт с другим индивидуумом. Все это отражается на взаимоотношениях.

Он склонился над Йоргенсеном, и тот прочел в глазах Даалкина сострадание.

— Вам кажется, что вся Вселенная завидует вашему могуществу. А мы вас жалеем. Вы — народ одиночек. Логическое следствие — ваша теоретическая моногамия, а на практике — полигамное общество. Я мог бы сказать, что мы придерживаемся противоположного взгляда на семейную жизнь, но боюсь, вы неправильно меня поймете.

Он немного помолчал, задумчиво глядя в одну точку. Его пальцы постукивали по столешнице. Йоргенсен впервые заметил некоторую нервозность собеседника. Анема, подперев подбородок ладонями, переводила взгляд с одного на другого.

— Эмоциональный мир человеческого существа, — продолжил Даалкин, — отличается невероятной сложностью. На всем протяжении жизни оно теснейшим образом связано с теми, кто его окружает. Оно может в полной мере проявить себя только благодаря окружению. Естественно, человек не способен наладить равные эмоциональные отношения со множеством людей. Но нескольких из них он может любить почти в равной степени. В этом случае он внутренне обогащается больше, чем если связан лишь с одним лицом. Одновременно он способствует обогащению тех, с кем общается.

Даалкин старался говорить так, чтобы не шокировать собеседника, и Йоргенсену казалось, что сам он превратился в малого ребенка, которого осторожно знакомят с тайнами жизни.

— Наши семьи — сложные и подвижные комплексы. Обычно они состоят из шести-семи человек. Существует разветвленная сеть связей между мужчинами и женщинами, родителями и детьми. Выражаясь вашим языком, я имею нескольких жен, но впрочем, и каждая женщина имеет нескольких мужей. Наши семьи не являются замкнутыми системами. Каждый свободен покинуть ее и войти в другую семью, если контакт с ее членами больше устраивает этого человека. Кроме того, благодаря переходам людей из одной семьи в другую между семьями существуют теснейшие эмоциональные узы. И в это же время каждая семья очень стабильна и куда прочней ваших семейных пар. Надеюсь, вам понятна моя мысль.

— Не совсем, — кивнул Йоргенсен. Он подумал, что сеть тропок, которую он видел с вершины обрыва, отражала это тонкое равновесие между «семьями», их многочисленные, стабильные и одновременно изменчивые связи. Общество далаамцев покоилось на доброжелательности и любви. Древняя мечта человечества.

— А ревность? — спросил он, наконец подыскав в игонском языке подходящее слово.

— Ревность, ревность, — повторил Даалкин. — Не признак ли бессилия эта самая ревность? Деревья излечивают от нее.

Он встал и, подойдя к Анеме, жестом любящего отца взъерошил ее волосы.

— Дети воспитываются всеми «родителями». Их любят все. Со временем они сами выбирают себе тех, с кем им лучше и интереснее. И это не всегда их биологические родители. Я не первый, а третий отец Анемы, другими словами; я помог ей выйти из отрочества. Первый отец дал ей жизнь, второй — провел через детство. Вам понятно?

Йоргенсен утвердительно кивнул.

— Анема будет красивее матери. Я иногда сожалею, что не прихожусь ей биологическим отцом. Это — одна из величайших проблем нашего общества. Сколько времени мы бы выиграли, если бы в ребенке одновременно сочетались гены нескольких родителей, их наиболее благоприятные черты. Надеюсь, нам удастся решить и эту проблему.

«Это — идея биолога, генетика, ученого, стремящегося разумно управлять природой», — подумал Йоргенсен. И это в то время, когда ученые Федерации в своих тайных лабораториях замыслили преступления против жизни. Этот человек был иным. Он слишком любил жизнь. Во всех ее проявлениях. И искал средства сделать ее еще более яркой. Общество Далаама не было утопическим, оно не походило на какой-то застывший в своем совершенстве рай. Этот мир постоянно менялся и развивался. Он решал проблемы будущего, а не одну-единственную проблему вечного сохранения настоящего по образу и подобию прошлого.

Йоргенсену стало ясно, почему Федерация страшится Игоны. Он ощутил, как заныли старые шрамы. В словах Далакина была доля правды. Йоргенсен принадлежал к миру одиночек, гривыкких бороться против всей Вселенной, к миру безмолвных и печальных. Он не мог вынести прямого взгляда Анемы. Его лицо залила краска стыда.

Он даже не знал, о чем говорить с ней, а ведь у него за плечами культура тысяч миров и тысячелетий. «Неужели я так и останусь нем как рыба перед этой золотоволосой девушкой?»

— У вас есть еще вопросы? — спросил Даалкин, отрывая его от горьких мыслей.

— Нет. Пока нет. Мне надо подумать.

— Хорошо, — согласился Даалкин. — Мы встретимся позже. Деревья передают мне странную информацию.

Его толстые губы сложились в хитрую усмешку. Неуловимо гибким движением он скользнул к двери и исчез.

Четыре игонских дня Йоргенсен бродил по Далааму. Иногда один, иногда в сопровождении Анемы. Туземцы почти не обращали на него внимания, хотя были вежливы и гостеприимны. Они не задавали никаких вопросов. Но из отдельных

бесед Йоргенсен понял, что они лучше разбираются в делах Федерации, чем он в делах Игоны. Однако нигде не видел никаких следов аппаратуры, способной перехватывать сообщения Федерации. На Игоне отсутствовала всякая техника.

Жизнь туземцев выглядела мирной и бесхитростной. Деревья, похоже, давали им все необходимое. Далаамцы прогуливались, вели бесконечные дискуссии, размышляли, занимались разнообразными искусствами. Лишь однажды Йоргенсен почувствовал, что столкнулся с чем-то иным. Он заметил человека, сидящего на пороге хижины и выводившего на листе дерева какие-то математические символы. Они были незнакомы Йоргенсену. Он чувствовал их исключительную простоту, но в математике простота могла быть следствием абстракции, исключительно трудной для понимания.

Йоргенсен понял, что сделал важное открытие. Он пытался расспросить Анему, но математика ее не интересовала. Она сказала только, что человек этот стремился описать развитие Далаама, исходя из взаимодействия между семьями. Йоргенсен ничего не понял. Страстью Анемы была биология, вернее, генетика. По ее словам, она «с помощью деревьев» проводила удивительные опыты. Но он никогда не видел в ее руках лабораторных инструментов. Наверное, существовали иные методы исследований, чем те, которыми кичились ученые Федерации.

Далаамцев в основном занимали науки о жизни. Они разбирались в физике, но это их не увлекало. И на то были причины — физика требует развитой технологии, а следовательно, узкой специализации, что противоречило структуре их общества. Если Федерация развивалась под давлением исторической необходимости, то Далаам, казалось, рос и развивался по воле его жителей. Их цивилизация была продуктом сознательного усилия, а не рабского труда человеческого муравейника.

Далаам не имел городских властей. Однако некоторые жители исполняли общественные функции, которые брали на себя добровольно и так же добровольно передавали другим. Отсутствие коллективной организации наложило отпечаток на планировку Далаама. Здесь имелись две или три площади, которые были заложены очень давно и происхождение которых было неясно даже самим далаамцам. Однако эти площади, украшенные фонтанами, похоже, играли какую-то важную роль. Далаамцы в определенные часы собирались на них и с какой-то особой сосредоточенностью пили воду, текущую из-под земли. У далаамцев существовал подлинный культ воды. В каждом жилище постоянно текла холодная и горячая вода, наполняя бассейны, где далаамцы купались в любой час дня и ночи. Йоргенсену так и не удалось понять, как она подается в дома и подогревается. Объяс-

снения Анемы изобиловали совершенно непонятными терминами. Ему осталось предположить, что и здесь не обошлось без благожелательной помощи деревьев.

Он наткнулся на первую площадь случайно и испытал сильнейшее потрясение. Это была площадь его сновидений. Лицо человека на пьедестале явно было знакомо. Он знал этого человека. Он явно видел его изображения на Альтаире и других планетах Федерации. Но не мог вспомнить, при каких обстоятельствах.

— Кто это? — повернулся он к Анеме.

Она мечтательно посмотрела вдаль.

— Человек. Самый первый.

Смысл ее слов был не ясен. Они могли означать и что это первый на Далааме человек, и что это первая по значимости историческая личность. Подробностей ему узнать не удалось.

С каждым днем Йоргенсену становилось все очевиднее, сколь велика пропасть между ним и далаамцами — он не разделял их видения мира, меньше, чем они, знал о человеке вообще и об их обществе в частности. Однажды Анема сказала ему:

— Я нахожу вас увлекательным.

Вначале ее слова польстили ему, хотя и удивили — он не надеялся на такой успех, — затем расстроили.

Она смотрела на него серьезно, хотя, как всегда, в глазах ее плясали иронические огоньки.

— Добрую половину ваших слов я не понимаю, — продолжила она. — Я не знаю, о чем вы думаете. С далаамцами проще, даже если кто-то мне незнаком, его мысли и склонности мне известны наперед. С вами иначе. Вы — иноземец. Это чудесно.

Йоргенсен разом сник: «Я для нее навсегда останусь иноземцем. Предметом любопытства. Только потому она и не расстается со мной».

Она почувствовала, что ее слова задели его:

— Мне надо спешить, чтобы понять ваш образ мышления. Вы скоро станете таким же, как мы. Деревья вам помогут. Вот увидите.

Йоргенсен резко ответил:

— Нет. Я скоро уйду.

— Это ваше право, но почему вы должны уйти?

Он покачал головой.

— Я должен вернуться туда, откуда прибыл. Меня ждут друзья. А здесь я навечно останусь иновременином.

— Это так неприятно?

Он отвел глаза.

— Вы по-прежнему ненавидите себя, — сказала она. — Деревья почти ничем вам не помогли. Вам не хочется уходить, а вы терзаете себя, думая об уходе. Разве вы не в со-

стоянии видеть вещи такими, какие они есть?

Она подошла вплотную к нему, взяла его лицо в ладони и заставила глядеть прямо в глаза.

— Вы — ребенок. Почему я должна объяснять вам все? Между нами не может быть сейчас ничего. Быть может, позже, не знаю. Но разве вы не видите, что с вашими постоянными страхами, вашей ненавистью вы принадлежите к иному миру.

— Я для вас просто животное, — оборвал он ее. Эта мысль уже не раз приходила ему в голову.

— Вы неразумны. Но это не ваша вина. Ваше общество... деревья...

Он отступил на шаг и, легко оттолкнув ее, едва не бросился прочь. На глаза набежали слезы. Но мимолетная слабость прошла. Он снова обрел твердость. Он был надломлен, но все же нашел в себе силы для решительных слов:

— Я уйду.

— Как хотите.

Они больше ни разу не затрагивали этой темы. Ему еще случалось ходить с ней, брать ее за руку, но она больше не возвращалась к этому разговору. И он почувствовал ее правоту и ненавидел себя.

Лицо на площади было еще одной загадкой, отделявшей его от Анемы. «Уж не Адам ли это или бог, или то и другое вместе?» — спрашивал он себя. Но это никак не вязалось с образом мышления далаамцев.

Тяжелые черты одутловатого лица отражали волю и ум — это не был абстрактный портрет. Забытый скульптор, который создал этот бюст во времена, когда здесь стоял город из камня, имел в виду конкретного человека.

Йоргенсен невольно приблизился к Анеме. Он был на голову выше ее, а потому наклонился и вдохнул ее запах. Ему хотелось уничтожить разделявшее их расстояние. Он был бессилен изменить судьбу. В мире Йоргенсена игральные кости были брошены в первое мгновение его существования. Ставка была сделана. Расстояние между ними не сокращалось, даже если он касался девушки. Даже если вдыхал запах ее кожи и волос, запаха, который удивил его, — ведь женщины Федерации стремились уничтожить или подавить его. От Анемы исходил запах сильной жизни.

На площадь выскочил мальчишка лет восьми, он катил перед собой шар, самый обычный деревянный шар.

Шар. Йоргенсен перевел взгляд с прыгающего по ступенькам шара на бюст у фонтана. Между ними существовала какая-то связь. Но какая? Если он найдет ее, то обретет свободу — он был уверен в этом.

Все остальное он получит в придачу. Он положил ладони на плечи Анемы.

Но разгадка не приходила.

— Пошли отсюда, — сказал он.

Йоргенсен часами беседовал с Даалкином, Анемой и Далаалкой, матерью Анемы, с Буркином, Лоордином, Синева, членами «семьи» Анемы. Они говорили о Федерации, об Игоне, о проблемах человека и его будущем. Йоргенсен часто отмалчивался, внутренне сожалея об этом — хозяева говорили с полной откровенностью. Он все еще не решался отвергнуть свою старую веру в Федерацию. Не мог отказаться от своего прошлого. И не осмеливался сказать им, зачем явился на Игону, туманно намекая на исследования.

Однажды, когда все разошлись, он остался в темной комнате вдвоем с Даалкином. Они не спеша потягивали пьянящий напиток, который хозяин налил в кубки из черного полированного дерева. Было истинным наслаждением поглаживать гладкое бархатистое дерево и вглядываться в радужные отблески напитка.

— Итак, — начал Даалкин, перегнувшись через стол, — что вы думаете о Далааме? Считаете ли вы, что мы действительно представляем большую опасность для Федерации?

Вопрос застиг Йоргенсена врасплох. Впервые с ним разговаривали так откровенно. До сих пор сдержанность далаамцев позволяла ему давать уклончивые ответы.

Он не стал отвечать прямо.

— Далаам — оазис счастья в Галактике, — осторожно начал он. — Ваше общество коренным образом отличается от общества Федерации.

— Я задал вам конкретный вопрос, — сказал Даалкин. — Вы можете ответить на него или нет? Когда вы пришли сюда, вас пожирали страх, ненависть, внутренний разлад. Вы были отравлены своим состоянием. Впрочем, вы и сегодня еще не совсем отошли от этого. Но по крайней мере вы можете сказать, что удостоверились в наших мирных намерениях?

— Не знаю, — ответил Йоргенсен. — Я почти не понимаю вас.

Он опустил щит. До сих пор его немногословие могло сойти за уверенность. А сейчас он предстал перед Даалкином в своем истинном обличье, обличье взрослого ребенка. Его даже не утешала мысль о том, что на Альтаире Даалкин чувствовал бы себя не лучше. Впрочем, уверенности в последнем у него не было.

— Во всяком случае, — добавил Даалкин, — ваши друзья, похоже, опасаются нас. Они некоторое время бродили по долине в окрестностях города, а теперь разбили лагерь у внешних ворот, на повороте дороги, ведущей к реке. Я не совсем понимаю, что они собираются предпринять, может, хотят совершить вылазку в город, чтобы «освободить» вас — ведь они уверены, что мы удерживаем вас насильно.

У Йоргенсена перехватило дыхание. Это был ответ на вопрос, который он не осмеливался сформулировать с первого дня пребывания в Далааме. Он верил, что остальным

шести членам командос удалось остаться незамеченными.

— Вы чего-нибудь опасаетесь?— спросил он.— Вы хотите, чтобы я отправился к ним, успокоил их и попросил прийти сюда?

— Они не пойдут за вами,— отрезал Даалкин.— У них сложилось о нас странное мнение. Не думаю, что при нынешнем положении дел они могут повредить нам, но они хладнокровно рассматривают возможность нашего уничтожения.

Он говорил спокойно, как обычно, будто речь шла вовсе не о судьбе его города.

— Думаю, к ним следует отнестись как к безумцам,— добавил он после некоторого размышления.

Йоргенсен едва не выпалил, что в таком случае сумасшедшими надо считать почти все население Федерации.

— Вы показали им все ваше могущество,— сказал он.— И они, естественно, побаиваются вас.

Голос Даалкина стал резче.

— Ничего мы вам не показывали. Мы позволили вам предпринять все, что вы хотели, не собираясь вмешиваться. Однако мы знали, что ваша миссия состояла в уничтожении нашей цивилизации. Мы не собирались обороняться, во-первых, потому, что у нас нет средств, которые могли бы противостоять вашему оружию. По крайней мере тому, которым вы располагали по прибытии на Игону.

— Вы же привели его в негодность,— дрожащим от гнева голосом перебил Йоргенсен.— Я не хочу упрекать вас ни в чем, но вы сами напали на нас и, похоже, даже убили одного из нас. В лучшем случае подкинули нам труп, как две капли воды похожий на него; вы вывели из строя нашу аппаратуру и, наконец, уничтожили объект, который позволил бы нам покинуть ваш мир.

Даалкин искренне удивился.

— Ничего подобного мы не делали. Можете мне поверить. Уверяю вас.

— Тогда кто это сделал?— спросил Йоргенсен.— Есть ли на Игоне иная цивилизация, равная нам в своем могуществе?

— Сейчас нет,— ответил Даалкин.— Но была. И наверно, будет еще.

— Во времени?

— В прошлом и, быть может, в будущем. Вам известно, что нас мало интересует физика. Вы лучше нас знаете тонкую природу времени, хотя этот вопрос мы не обсуждали.— Он усмехнулся.— Все наши знания о времени добыты при изучении людей и нашего общества. В каждом человеке существуют прочные связи между прошлым и настоящим. На определенном уровне зрелости настоящее и даже образ будущего воздействуют на прошлое, пытаясь упорядочить его. А упорядоченное прошлое в свою очередь оберегает чело-

века от повторения ошибок.

Он помолчал.

— Думаю, что такая связь характерна и для общества. Любое общество берет под больший или меньший контроль свое собственное развитие. Как видно, ваша Федерация достигла этой стадии, но пошла по пути насилия.

— Вы знаете, что мы путешествуем во времени?— от напряжения Йоргенсен даже уронил кубок, который покатился по полу, оставляя за собой мокрую дорожку. Жидкость тут же впиталась в дерево.

— Да,— ответил не колеблясь Даалкин.— Мы знали о прибытии инновремян до вашего появления. И давно ожидаем, когда сложится критическая ситуация. Наши традиции содержат предсказания подобного события.

— Пророчество?— удивился Йоргенсен.

— Да, если вы называете пророчеством предсказания ваших астрономов. Не знаю, каким образом вы путешествуете во времени, но мне известно, что Федерация осуществляет систематический контроль над прошлым, чтобы обеспечить свое незыблемое будущее. Быть может, наша цивилизация поступала так в прошлом или будет поступать в будущем, и ваши противники, как и вы, не принадлежат к нашему настоящему. Во всяком случае, не думаю, что они обошлись бы с вами так же, как Федерация обошлась бы с ними в сходных обстоятельствах.

— У вас нет уверенности?

— Ни малейшей. Я даже вижу еще одну возможность. Но она придется вам не по вкусу.

— Говорите.

— Ну что ж,— задумчиво сказал Даалкин.— В настоящий момент во Вселенной существуют две державы — наша и ваша. Ваши противники могли явиться из прошлого или будущего одной из них. И ваши странные враги, быть может, не кто иные, как вы сами.

Йоргенсен в бешенстве вскочил на ноги.

— Это невозможно.

— Я сказал «может быть»,— возразил Даалкин.— Но такая возможность кажется мне наиболее вероятной. Вспомните, как вы ненавидели себя, придя в город, и как едва не погибли в дереве!

— Это неправда! Я едва не задохнулся, я был отравлен!

— Как вам угодно. Возможность, указанная мной, может и не соответствовать действительности. Но ясно одно, у Федерации нет большого врага, чем она сама. Примиритесь с самим собой, и вы сможете жить в мире и здесь, и в любом другом месте Вселенной.

Даалкин встал и подошел к двери. Распахнув ее и словно сожалея, прежде чем исчезнуть, он бросил:

— Прощайте!

Йоргенсен не ответил. Он даже не заметил его ухода. Он сидел, упершись локтями в стол и спрятав лицо в ладони, и боролся с черной мглой, которая подымалась из глубин его существа,— его мучил невысказанный вопрос.

Он долго расхаживал по комнате, а затем бросился наружу. Стояла глубокая ночь. Он до мелочей четко припомнил, как явился сюда. Ему следовало узнать больше. Его разговор с Даалкином привел к появлению новых проблем и не разрешил старых.

Он двинулся по тропинке, петлявшей в траве. Стволы и свод листвы чейрко светились. Казалось, вокруг сомкнулся светящийся горизонт, близкий и далекий одновременно.

Он добежал до низенького дома Даалкина и тихо постучал. Ему ответили. Он вошел и увидел Даалкина с Синевой. Исходивший от пола бледный свет подчеркивал удивительную красоту женщины, ее длинные черные волосы оттеняли мраморную белизну кожи. Даалкин и Синева работали над каким-то художественным произведением — повсюду валялись наброски и эскизы, символы чередовались на них с четкими линиями. Далаамцы, по-видимому, не делали большого различия между искусством и наукой.

— Я сожалею о том, что сейчас произошло,— сказал Йоргенсен.

— Это не имеет значения,— отозвался Даалкин. В его глазах плясали насмешливые огоньки.

— Я хотел бы задать еще один вопрос. Всего один.

— Слушаю вас.— Даалкин присел на край стола, откинув назад голову.

— Я хочу знать, откуда вы явились, как ваша цивилизация обосновалась на Игоне? Я не могу поверить, что она развилась самостоятельно. Новый город не так уж древен. Предыдущий — не жил в симбиозе с деревьями. И в те времена на Игоне возделывали землю, процветала торговля, а может, и промышленность. Как вы пришли к нынешнему состоянию? Какова ваша история?

Даалкин повернулся к жене.

— Наш гость явно вырос,— сказал он,— и даже поумнел. И начинает схватывать, что людей можно по-настоящему понять, лишь справившись об их происхождении. Это вселяет надежды.

Синева рассмеялась, и ее смех разрядил обстановку. В ее внезапном веселье не было ни насмешки, ни презрения. Йоргенсен спросил себя, сколько ей лет. Временами она выглядела не старше Анемы, хотя принадлежала к поколению ее родителей.

— Отвечу вам откровенно,— Даалкин стал серьезным.— Если бы вы набрались смелости задавать интересующие вас вопросы раньше, мы сразу на них бы и ответили. Но вы были убеждены, что мы постараемся обмануть вас. Именно так поступает Федерация.

— Вы правы,— беззлобно подтвердил Йоргенсен.

— Должен вас разочаровать. Мы почти ничего не знаем о своем происхождении. Это одна из наших величайших проблем. У нас нет летописи исторических событий. Нет ни единого документа. Словно кто-то все стер. От прошлого сохранились лишь некоторые традиции.

— Что за традиции?— спросил Йоргенсен.

— Комплекс наших коллективных знаний,— ответил Даалкин.— В основном они восходят к периоду, который предшествовал появлению города. В них изложены почти все физические сведения о Зселенной, о других мирах Галактики, о Федерации, о зрении и многом другом. Мы не располагаем возможностями расширять свои знания в этой области. Мы не в силах определить свое место в мире и избежать кризисов. Но религиозное озарение здесь не при чем. Нет и двусмысленных текстов, которые можно толковать по-разному. Мы располагаем научным изложением фактов. Эти факты требуют научного анализа, а не слепой веры, хотя существует и несколько аксиом, оспаривать которые не приходится, к примеру существование Федерации,— закончил он с улыбкой.

— Понятно. Ваши предшественники как бы подвели итог своим исследованиям, а затем занялись чем-то другим или избрали иной образ жизни. Традиции служат для поддержания равновесия в вашем обществе, которое ориентировано только на науки о жизни.

— Совершенно верно,— согласился Даалкин. Он вдруг стал озабоченным.

— Но тут возникает опасность,— холодно начал Йоргенсен. Он словно врос ногами в пол и скрестил руки на груди. Он вдруг заметил трещину в совершенном здании далаамского общества.— Эти традиции — застывший раз и навсегда комплекс знаний. А действительность меняется. Вы не можете бесконечно передавать из поколения в поколение абстрактные знания. Уже сегодня то, что вы называете традициями, вряд ли полностью отражает действительность. Вы явно обрекаете себя на застой, по крайней мере в некоторых областях.

Даалкин нахмурился.

— Вы были бы правы,— сказал он после недолгой паузы,— если бы традиции оставались неизменными. Но это не так. Они меняются. В Далааме этого почти никто не знает, кроме, может быть, меня и Синева. Вот эти-то изменения нам совершенно не понятны. Новые знания вытесняют старые.

— Но это же невозможно! Ведь вы не занимаетесь исследованиями. У вас нет необходимой аппаратуры. Вы не покидаете своего мира. У вас нет контактов с другими мирами.

— Я твержу себе то же самое,— признался Даалкин.—

Но у меня есть подтверждение того факта, что традиции меняются. Едва заметно. Видите ли, у нас своеобразная система обучения детей, с одной стороны, их по книгам учат взрослые, с другой — деревья с помощью гипнопедии. Я убежден, что от поколения к поколению традиции меняются. Наше общество остается стабильным. Мы не прилагаем никаких усилий для приобретения знаний в целом ряде областей науки, получая их в готовом виде. Наше общество не такая уж замкнутая система, как вам кажется. Оно общается с внешним миром, но мы не знаем как. Это беспокоит меня. Быть в постоянной зависимости от неведомого источника опасно для любого общества.

— Значит, ваш источник столь же неведом, как и наш противник,— резюмировал Йоргенсен.

— Я думал об этом. Подобная ситуация не приносит мне успокоения.

— Итак, теперь вы сказали мне все?

— Я перечислил ряд возможных вариантов. Действительность сложнее. Она может содержать на первый взгляд противоречивые элементы.

— У вас, наверно, существует теория по поводу этой неведомой державы?— спросил Йоргенсен.— Теория, учитывающая все факты.

— У меня их несколько. Но ни одна из них не выглядит достаточно убедительной.

— Я вас слушаю.

«Положение радикально изменилось»,— с тайной радостью подумал он. Оказывается, далаамцы не знали ни своего происхождения, ни тех, кто управляет их судьбами.

— Первая возможная теория наилучшим образом соответствует образу нашего мышления,— сказал Даалкин.— Она предполагает наличие некоего коллективного подсознательного целого, появившегося в результате развития нашего общества под воздействием деревьев, которое позволяет познавать действительность без участия сознания. Подобные функции свойственны каждому человеческому существу. Быть может, нам случайно удалось сделать их коллективными. В таких условиях Далаам может рассматриваться как единое живое существо, клетками которого мы являемся не только в социальном, но и в органическом плане. Я не могу себе представить всех возможностей такой сверхжизни, но думаю, ей ничего бояться даже могущественной Федерации.

Вторая возможная теория нравится мне куда меньше. Она зиждется на предположении, что мы зависим от некой цивилизации, державы, которая передает нам без нашего ведома информацию, необходимую для умственной деятельности, и защищает нас, позволяя нам продолжать исследования. Эта теория не менее фантастична, чем первая.

— Цивилизация, создавшая Далаам, стершая все следы его прошлого, давшая Далааму все необходимое для существования оригинального общества, в том числе и деревья, выбравшая для вас образ жизни, определившая программу исследований и к тому же совершенно неизвестная Федерации?!

— Именно так. Поэтому мне больше по душе первая гипотеза. Но я не могу окончательно отбросить вторую. Кстати, одна не исключает другую.

Йоргенсен закрыл лицо ладонями. Он не продвинулся ни на шаг и по-прежнему блуждал во мраке.

— Я уйду, — внезапно сказал он. — Я должен вернуться к друзьям, пока они не натворили беды. Я хочу защитить этот город.

— От кого? — спросил Даалкин. — От Федерации?

Впервые в его голосе Йоргенсен уловил жесткие нотки.

— Отпусти его, Даалкин, — сказала Синева. — Он вернется. В день, когда он примирится с самим собой, он вернется. Он нашел здесь то, что не рассчитывал найти. Ты возвратишься сюда, Йоргенсен, и деревья помогут тебе отыскать путь к Анеме.

— Прощайте.

Он не знал, что будет делать, когда встретится с остальными. Решение они будут принимать сообща.

5 Сначала он увидел Марио, его силуэт вырисовывался на фоне светлого неба. Он не прятался от постороннего глаза, но внимательно наблюдал за окрестностями. Йоргенсен еще не успел выйти из-под прикрытия высокой травы, как Марио уже обернулся в его сторону. Йоргенсен помахал рукой, чтобы его сразу узнали.

— Привет, — сказал Марио.

И тут же в нескольких шагах от него возникла массивная фигура Эрина.

Йоргенсен ожидал более бурной встречи. Ведь он отсутствовал четыреста часов, то есть шестнадцать суток универсального времени.

— Остальные спят? — тихо спросил он.

— Да. Их разбудить?

Йоргенсен нерешительно отмахнулся.

— Не стоит. Пока не стоит. Расскажите, что здесь произошло.

Он подметил полный любопытства взгляд Марио. «Ему придется подождать». Йоргенсену совсем не хотелось рассказывать о городе светящихся деревьев.

— Мы некоторое время бродили вблизи Далаама, — сказал Марио. — Наткнулись на источник. Но так и не решились последовать за вами. Мы сделали кое-какое открытие, но об этом позже. Хочу предупредить, настроение у людей резко

изменилось. Каждый замкнулся в себе, нас не покидает чувство тревоги. Пора найти выход из тупика.

— Я не нашел его. Как чувствует себя Кносос?

— Он выздоровел. Вряд ли он таит на вас злобу, но, откровенно говоря, не уверен. Каждый хранит все в себе. Только Эрина, похоже, это совсем не задело. Правда, он никогда не был особенно разговорчивым.

— Они не доверяют друг другу?

— Не совсем так. Они сами себя изводят сомнениями.

В голосе Марио звучало удовлетворение.

— Вы сказали, что кое-что обнаружили?— вспомнил он первые слова Марио.

— Сейчас покажу.

Он подошел к спящим, поднял с земли пояс и, вернувшись, протянул его Йоргенсену.

— Зачем он мне?

— Посмотрите на датчики.

Йоргенсен взглянул на крохотные циферблаты. На одном стрелка застыла в необычном положении. Он постучал по корпусу. Стрелка качнулась и вернулась в прежнее положение.

— Датчик вышел из строя,— сказал Йоргенсен.

— Да, он едва работает,— подтвердил Марио.— Но все же положение стрелки кое о чем говорит.

Йоргенсен вздрогнул.

— Это невозможно. Откуда здесь взяться темпоральному маяку?

— Мы тоже так думали. Однако провели поиски. И нашли. Дверь в Абсолютное Вневременье существует. В шести-семи километрах отсюда. В моренной расщелине.

— Надеюсь, вы не проверили, куда она ведет?— у Йоргенсена перехватило дыхание.

— Не решились. Хотелось прежде встретиться с вами.

«Итак, между Игоной и внешним миром существует связь, и связь постоянная».

Вот что-то и проясняется. Йоргенсен застегнул пояс и уселся на землю. В небе Игоны сверкали звезды. Светящийся туман скрывал город.

— Мы должны переступить порог двери, Марио,— сказал он.— Надо рискнуть и узнать, куда она ведет. У нас нет другой возможности покинуть этот мир. А теперь послушайте о том, что я видел в Далааме.

Рассказ длился несколько часов. Наконец, Йоргенсен замолчал. Некоторое время он сидел, вслушиваясь в ночные шорохи, затем вытянулся на траве и почти мгновенно заснул.

— Далаам следует уничтожить, — резко сказал Ливиус.
— Неужели? — удивился Йоргенсен. — Каким образом?
— Не знаю. Надо найти подходящее средство. Вы сказали, что у них нет оружия и что на нас напали не они.

— Хотелось бы быть уверенным в этом.

В разговор вмешался Марио.

— Даже если бы у нас были средства, нет уверенности, что нам позволят это сделать. Прежде следует узнать, кто защищает Далаам и кто поставил нас на грань провала.

— Совершенно верно, — подхватил Йоргенсен. — Существует девять шансов из десяти, что ответ находится по ту сторону этой двери.

Все молча посмотрели на черный прямоугольник — темное пятно на рыжей земле. Нагромождение скал скрывало расщелину от чужих глаз. День уже занялся. Небо было синим. Дул сильный ветер.

— Не сказал бы, что горю желанием попытаться счастья за этой дверью, — обронил Шан д'Арг. — Она слишком смахивает на западню. У нас нет ни оружия, ни защитных полей. Мы можем вынырнуть лицом к лицу с врагом или очутиться в смертельно опасном для нас мире с непригодной атмосферой, температурой, сумасшедшей радиацией.

— И все же следует рискнуть, — настаивал Йоргенсен. — У нас нет другой возможности покинуть Игону. Надо найти тех, кто дергает за веревочки.

— Говорите яснее, я хочу знать, — настаивал Ливиус, — к чему вы стремитесь? Что пытаетесь отыскать?

Йоргенсен пожал плечами, не отрывая взгляда от черного прямоугольника. Вокруг никакой аппаратуры. Или генератор находится по ту сторону?

— Не знаю, — признался он. — Я даже не стремлюсь вернуться на Альтаир. Я хочу понять этот мир и узнать, кто создал Далаам.

— У меня есть иные соображения по поводу ваших намерений, Йоргенсен, — прервал его Ливиус. — Я много размышлял над вашими словами. Вы опасаетесь, что, оставшись на Игоне, мы причиним городу зло! Вот вы и хотите, чтобы мы как можно скорее убрались из этого мира. Вы предали Федерацию и больше не желаете защищать ее! Вы забыли и о благородной роли темпоральных командос, и о коррекции истории. Вы возвращаетесь из этого города и говорите нам об этих дикарях так, словно они гении или полубоги.

— Не знаю, — тихо ответил Йоргенсен. — Раньше я верил в Федерацию, верил в правоту командос. Теперь думаю, что ошибался. Я сомневался всегда. Теперь обрел уверенность. У Федерации нет права делать то, что она делает. Думаю, мы превратились в преступников.

— Вас обвели вокруг пальца, — не унимался Ливиус. — Уж я-то побывал в разных уголках Вселенной и знаю лишь

один закон — закон силы. Федерация, наверно, впервые за свою историю встретила могущественного врага, а вы хотите остаться чистеньким и решать лишь свою личную проблему.

— Замолчи, Ливиус,— процедил сквозь зубы Шан д'Арг.— Я доверяю Йоргенсену. Он достойнее тебя. И переступлю порог вместе с ним.

— Я думал, Ливиус, что ты ненавидишь Федерацию,— проговорил Марио.— А теперь ты вступился за нее.

Ливиус злобно ощерился.

— Когда я в Федерации, я ненавижу ее. Это мое право. Поглядите на самих себя. Вы тоже ее ненавидите, но отказываетесь признать это. Вы ненавидите ее, потому что специалисты не считают вас равными себе. Почему Кносос любит море, Эрин — горы, Нанский — космос, Шан д'Арг — оружие, а Марио — музыку и женщин? Почему Йоргенсен мучает себя вопросами? Он хранит это в тайне, но их можно прочесть на его лице. Да потому, что Федерация отвергла вас всех. Со мной Федерация вообще обходилась, как с крысой, пока я не нашел в себе силы вырвать у нее все, что хотел. Да, когда я нахожусь в Федерации, то мечтаю о ее гибели. Но в космосе или в ином времени я превращаюсь в человека Федерации. Она сделала меня таким. Она дала мне могущество. В ее стенах я — голодный волк. Вне ее — цепной пес.

«Даалкин прав. Ненависть и недоверие. Невроз»,— подумал Йоргенсен.

— Оставайтесь здесь, Ливиус,— устало промолвил он.— Оставайтесь. Нет нужды переступать порог этой двери всем. Только прошу ничего не предпринимать против города, пока я не возвращусь.

«На этот раз командос распалась. Это — начало падения Федерации. Крохотная трещина в крохотной детали. Пройдет немало времени, пока заест весь механизм,— он остановится, а потом обратится в прах. Все начнется на Иго-не, незаметной планетке. Нет, все началось на Альтаире. Все началось накануне нашего старта. Кто мы были? Что мы делали? О чем думали? Два с половиной века назад ответ на вопрос был найден, поскольку мы отправились в свое прошлое».

— Я пойду с вами,— сказал Марио.

Йоргенсен вспомнил о желании Марио сопровождать его в Далаам. Он улыбнулся.

— Хорошо. Кто еще?

— Я,— одновременно отозвались Эрин и Шан д'Арг.

— Да будет так. Оставайтесь. Ливиуса назначаю координатором. Ждите нас в окрестностях Далаама. Если понадобится пища, обратитесь к далаамцам. Желаю успеха.

Ливиус невозмутимо улыбался.

Нанский и Кносос отвели глаза в сторону.

— В городе есть один человек по имени Даалкин,— до-
бавил Йоргенсен.— Если мы не вернемся, сообщите ему, что
я сделал попытку исследовать прошлое Игоны. Он поймет.

Ливиус не ответил.

Четыре человека шагнули на черный прямоугольник и
растаяли во тьме.

Горячий воздух был насыщен пряными запахами. Дверь
пропустила их в джунгли — буйный зеленый мир, сплетение
лиан, бархатистые стволы, причудливая листва. Было влаж-
но. На толстенных стеблях покачивались гигантские цветки.
Люди инстинктивно жались друг к другу.

Но на поляне, где они оказались, всю растительность слов-
но срезали бритвой. Землю по краю черного прямоугольника
покрывал ковер из мха. И опять никакой аппаратуры.

«Второй этап»,— подумал Йоргенсен, поднимая голову.
Сквозь плотную завесу облаков с трудом пробивался свет
громадного, скорее всего, голубого солнца.

— Мы, конечно, не на Игоне,— сказал Йоргенсен.— Мы
переместились и во времени, и в пространстве. Осталось
узнать, где мы и в каком году.

Задача была практически неразрешимой. Даже увидев
звездное небо, они могли не узнать созвездий. Ну а о дате во-
обще не приходилось говорить. Привязка во времени спра-
ведлива лишь по отношению к конкретному миру. Мы видим
звезды такими, какими они были в прошлом. Настоящее лю-
бого мира не что иное, как острие иглы, чей тупой конец ухо-
дит в прошлое тем глубже, чем дальше наш взгляд прони-
кает в космос.

«Второй этап,— повторил про себя Йоргенсен,— и нас
занесло еще дальше во времени и пространстве от Альтаира
и Федерации, но мы обрели часть себя, остались наедине с
собой и должны принимать решение сами. А второй ли это
этап? Быть может, ложная смерть Марио была первым эта-
пом, исчезновение оружия — вторым, а посещение Дала-
ама — третьим? А может, были и другие этапы, которых мы
не заметили?»

Их явно загоняли в лабиринт. Йоргенсен был уверен в
этом. И поэтому без страха переступил порог двери. Ему хо-
телось пройти этот лабиринт из конца в конец, даже если на
это понадобится добрая половина жизни. Ведь выход из ла-
биринта означал решение всех проблем.

Все, не сговариваясь, посмотрели на датчики. Они рабо-
тали не лучше, чем на Игоне. Нейтрализующее поле действо-
вало и в этом мире.

Однако кое-что индикаторы показывали и здесь — на-
правление на темпоральный маяк. Расстояние до него было

от двадцати до семисот километров. Разброс был достаточно велик.

— Во всех случаях,— сказал Марио,— надо двигаться к маяку.

«Они вновь обретают веру в себя»,— подумал Йоргенсен. Это было главным. Важнее, чем наличие оружия. Они решили идти до конца, найти разгадку, и снова стали единым целым, хотя их было меньше. Правда, изменились цели. Этого, повидимому, и добивались их таинственные противники.

— Это будет нелегко,— сказал Эрн, окидывая взглядом джунгли. Вдали слышался звериный рык.

Они приблизились к зеленой стене. Вблизи джунгли не казались столь непроходимыми. Можно было протиснуться между деревьями, продраться сквозь заросли.

— Топорики бы,— вздохнул Йоргенсен.

Обычно они расчищали себе путь в джунглях лучевым оружием. Даже пропитанные влагой стволы и те мгновенно превращались в прах. Энергетические щиты предохраняли их от любого нападения. Но сейчас они были с джунглями один на один.

Йоргенсен возглавил цепочку. Ходьба отнимала все силы. Они то и дело возвращались назад, искали новый проход, натывались на непроходимые заросли колючего кустарника, обходили его, ползли, карабкались, опасаясь громадных и, возможно, ядовитых насекомых.

Часа через два ходьбы джунгли изменились. Почва стала суше. Деревья перестали тесниться и казались выше. Громадные переплетающиеся корни выступали из земли. Люди шли почти в полной темноте, то и дело поглядывая на циферблат, чтобы не сбиться с нужного направления.

Жара была угнетающей. Однажды пришлось сделать крюк с добрый километр, чтобы обойти настоящую реку из насекомых, петлявшую среди деревьев. Были ли это насекомые? Времени на выяснение не было.

— Жизнь,— сказал Йоргенсен.— Жизнь в первозданном виде. Постоянная жестокая конкуренция. Самые большие деревья впитывают свет и тепло солнца. Гниль пожирает деревья. Насекомые питаются и гнилью и древесиной.

— Любой саперный корабль Федерации расчистит этот мир за несколько суток,— заметил Шан д'Арг,— и превратит его в цветущий сад. Это и есть цивилизация.

— Наша цивилизация,— вступил в разговор Марио, утирая со лба крупные капли пота.— А как поступили бы даламцы?

— Не думаю, что они могут представить себе подобные джунгли,— ответил Йоргенсен.— Их опыт — опыт управляемого по человеческим меркам мира.

— Может быть,— неохотно согласился Марио.

Путь преградила косая трещина. Им показалось, что это

дорога, но как только Йоргенсен ступил на гладкую зеленую поверхность, он тут же по плечи провалился в жижу. Его вытащили из воды.

— Нам повезло, что мы наткнулись на эту речонку,— насквозь промокший Йоргенсен провел ладонью по лицу, оставляя на нем следы ила.

Все с удивлением посмотрели на него.

— Дальше можно двигаться вплавь или по дну,— пояснил он.— Не придется делать обходов.

— В воде могут водиться ядовитые твари,— заметил Марио.

Йоргенсен пожал плечами.

— Одной опасностью больше, одной меньше. У нас нет иного выбора,— и он первым прыгнул в илистую воду. После секундного колебания остальные последовали его примеру. Они жались как можно ближе к берегу. Вода доходила до пояса, идти было трудно, но они двигались вперед.

— Будем идти до наступления ночи,— сказал Йоргенсен.

Ночь оказалась довольно светлой — взошли две огромные оранжевые луны, окрасившие воду в желтоватый цвет. Иногда из зарослей доносился треск веток, видно, сквозь джунгли ломались крупные животные. Вода в реке становилась все чище. Илистое дно сменилось песком. Идти стало легче, хотя мешало несильное встречное течение. Иногда они останавливались, чтобы перевести дух.

— В нормальных условиях,— мечтательно протянул Шанд'Арг во время одной из таких остановок,— мы летели бы над этими джунглями на высоте двухсот метров, не подвергаясь опасности и не затрачивая никаких сил.

Йоргенсен усмехнулся.

— Тем не менее мы обходимся без машин. Мы оказались выносливей, чем предполагали.

— Сколько мы прошли?

— Километров десять-двенадцать.

— А мне кажется, что мы сделали не менее пятидесяти.

— Здесь труднее, чем в горах,— сказал Эрин.

Йоргенсен ощущал невероятную усталость, но в то же время и духовное спокойствие, и ясность мысли. Вскоре до их ушей донесся глухой рокот. Пройдя еще несколько сотен метров, они поняли, что впереди грохочет водопад.

— Конец пути,— вздохнул Марио.

Река разлилась в округлое озерцо, ограниченное с одной стороны обрывом, с которого низвергался поток воды, а с другой — зеленой стеной джунглей. У подножия скалы, почти над самым водопадом, мерцал огонь. Это не был костер. Свет горел ровно и холодно, как электрическая лампа.

Они переплыли реку и по крупной гальке с трудом выбрались на берег. Обе луны спокойно светили в безоблачном небе.

Образовав полукруг, путники осторожно, в полном молчании двинулись к огню. Они подошли вплотную, когда одновременно увидели и маяк, и хижину.

Темпоральный маяк был древней модели — они никогда не видели таких. Но ошибки быть не могло. Маяк никто не пытался замаскировать, его просто занесло песком. Только на вершине горел вечный свет. Нигде никаких дат. Ручки управления оказались заблокированными. Надписи на пульте состояли из совершенно непонятных им символов.

Они повернулись к хижине из металла. Она стояла здесь, по-видимому, с незапамятных времен. Дверь ее была открыта. Они вошли в единственную пустую комнату, утонув по колено в пыли. В неверном свете своих фонарей они увидели на столе металлическую медаль на стальной цепочке — такие же медали с указанием имени, планеты и даты рождения хронавта носили они сами. Металл, из которого делались медали, был практически неразрушаем.

Йоргенсен повернул медаль. Едва светящиеся в темноте буквы складывались в имя.

АРЧИМБОЛЬДО УРЦАЙТ.

Невероятное, мифическое имя. Имя ученого, который в отдаленном прошлом Федерации сделал реальностью путешествия во времени.

Рядом с медалью лежала книга в бронзовом переплете. Йоргенсен взял ее в руки и открыл. Листы задрожали, на мгновение словно зависли в воздухе, а потом рассыпались и осели на стол кучкой серой пыли. На внутренней стороне бронзовой обложки неровными буквами было нацарапано имя Арчимбольдо Урцайта.

Записи ученого исчезли навсегда.

Петля замкнулась. Путешествия во времени привели их к организатору этих путешествий.

— Невероятно, — пробормотал Марио. — Урцайт побывал здесь задолго до нас.

— Да, — протянул Йоргенсен. Постепенно все становилось на места. Урцайт побывал на Игоне. Поставил там опыт. Скорее всего, он-то и создал Далаам, новый Далаам. Затем расставил в континууме некоторое количество темпоральных дверей, позволявших путешествовать во времени и пространстве и издали наблюдать за течением эксперимента. «Но почему же спустя двести пятьдесят лет — или не двести пятьдесят?» — спросил себя Йоргенсен. Он не мог сказать, в каком веке они находились, ведь в архивах Федерации не сохранилось никаких упоминаний об опыте Урцайта.

Почему личность Урцайта окружена тайной? Почему о нем почти ничего не известно? В конце концов, пять веков

не такая уж непроницаемая завеса времени. О жизни куда более древних лиц были известны мельчайшие подробности. А об авторе монументальных научных трудов ходили лишь рассказы, больше похожие на вымысел. Быть может, этого хотел сам Урцайт? Быть может, он сам смешал карты? А может, о целом разделе учения Урцайта сознательно умалчивали по приказу Арха? Быть может, Урцайт разгадал опасность столь могущественного оружия, как путешествия во времени, оказавшегося в руках Федерации? Или его ликвидировали по распоряжению Арха? А командос послали на Игону, чтобы уничтожить последние следы Урцайта?

И здесь Федерация просчиталась. Если Урцайт был на самом деле основателем нового Далаама, он снабдил город мощной защитой, чтобы оградить его от любого врага. А далаамцы не подозревали о защите. Или лгали... или...

Йорнгенсен хотел дойти в своих рассуждениях до конца.

А может, сам Урцайт или кое-кто из его учеников защищали Далаам. От Федерации. От завоевателей-иновремен.

Йорнгенсен провел рукой по лбу. Его била дрожь. Если его предположение было верным, Федерация боролась против себя самой. Настоящее Федерации отторгло ее прошлое. В определенный момент ее истории появились две возможности, и, хотя вероятности их развития были неравными и в них были задействованы неравные силы, менее вероятная возможность начала брать верх над более вероятной.

Планета джунглей не была последним прибежищем Урцайта. Об этом свидетельствовал маяк. Он позволял перейти в следующий мир. В любой. Быть может, на Альтаир. За этим миром мог быть третий, и четвертый, и так далее до бесконечности. Гений Урцайта был всеобъемлющим. «Но никто в Федерации, — подумал Йорнгенсен, — не подозревает об этом».

Четверка переглянулась. Слова были лишними. Они решительно направились к засыпанному песком маяку. Он сверкал, словно глаз циклопа. Он излучал путеводный свет не только в пространство, но и во время. Это был вызов окружающей действительности. Весомое доказательство существования оборотной стороны вещей, как бы изнанки ткани, в которой переплелись нити космоса, настоящего, прошлого и будущего.

«Вся четверка, — сказал себе Йорнгенсен, — готова схватиться за рукоятку маяка, чтобы открыть подлинное лицо действительности. Не понять — действительность слишком сложна. Не увидеть во всей полноте — действительность слишком необъятна. Лишь приоткрыть завесу над одной из ее возможностей».

Он опустил рукоятку. Темная вспышка подхватила и унесла их из мира джунглей.

Безоблачное небо. Безмерные песчаные просторы пустыни. Они сразу узнали громадное голубое солнце. Низко над горизонтом, словно два огромных шара, плыли оранжевые луны.

— Та же планета,— прошептал Шан д'Арг.— Невозможно. Мы переместились во времени, а не в пространстве.

— Который год?— спросил Марио, не рассчитывая на ответ.

— Как знать,— ответил Йоргенсен.— Если бы наши инструменты работали, можно было бы исследовать солнце и состав почвы. А сейчас даже трудно сказать, до джунглей мы или после.

Они были так возбуждены, что не сразу сообразили, в какое отчаянное положение попали. Пустыня уходила к горизонту. Маяк за ними не последовал. Они не могли вернуться ни в джунгли, ни в Далаам.

— На этот раз,— сказал Марио,— мы, похоже, достигли конца пути.

Бездействовал и датчик — ни дверей во Вневременье, ни темпорального маяка. Стрелки застыли на нуле.

— А может, и нет,— с возбуждением, удивившим его самого, вскричал Эрин.— Глядите. Узнаете?

Они повернули головы и увидели вдали едва различимую овальную скалу, полумесяцем выраставшую из песка.

— Рельеф не изменился,— добавил Эрин.— Там был водопад.

— Или будет,— поправил его Йоргенсен.

И то и другое было равновероятно. Сколько времени надо, чтобы джунгли уступили место этой бесплодной пустыне или пустыня покрылась кишащими жизнью джунглями?

Десять миллионов лет? Миллион? Тысячу? Без вмешательства человека джунгли и пустыню могли разделять целые геологические эпохи. Здесь же причинная ткань, структура действительности была трансформирована. Кем? Урцайтом?

Наверно, у подножия скалы по-прежнему стояла хижина. А маяк совсем утонул в песках. Несбыточная надежда. Но несбыточным было и совершенное кем-то ответвление потока времени в этом безымянном мире. Все имело смысл — Далаам, джунгли, пустыня. «Некто» заманил их в этот лабиринт не без умысла. Последовательность событий имела глубокое значение, как фраза, составленная из слов.

Но, к сожалению, у них не было ключа к шифру. В безднах времени им встретился сфинкс. Если они отгадают загадку, они останутся в живых и новое понимание происходящих событий распахнет перед ними врата нового мира. Если они потерпят неудачу...

Игона, джунгли, пустыня.

Три стадии. На Игоне царило сотрудничество леса и города. Законом джунглей была жестокая конкуренция. И

только пустыня была мертвой — она либо предшествовала жизни, либо следовала за ней. Смерть была несовместима с жизнью.

Йоргенсен облизал пересохшие губы. Он чувствовал жалость к своим товарищам по оружию. Это было новое чувство. Он вдруг открыл в себе привязанность к Марио, Эрину, Шан д'Аргу, и она была глубоким человеческим чувством, совершенно не свойственным их сообществу карателей. Он открыл, что каждый существует сам по себе, а не как объект его собственного мира. Он открыл, что у них есть своя собственная история — прошлое, будущее и настоящее. Он открыл, что никогда этого не замечал, хотя ему казалось, знает их давно. Он открыл, что, осознав их индивидуальность, стал лучше понимать каждого.

— Сожалею, что увлек вас сюда за собой, — сказал он. — Боюсь, мы попали в безвыходную ситуацию.

Марио слабо улыбнулся.

— Мы пошли за тобой, потому что так решили. И все. Ты ни в чем не виноват. Однако лучше поскорее добраться до скалы.

Йоргенсен хотел было сказать «спасибо», но вздохнул и произнес только: «Будь по-вашему». Затем двинулся вперед — его сапоги вязли в песке и вздымали облака пыли. Остальные последовали за ним, и четверо измотанных людей, песчинки среди необъятной пустыни, потянулись к скале вдоль невысоких дюн, причудливых творений ветра.

— Хочу пить, — сказал Эрин. — Помню, как однажды взбирался на Цирcee на лавовые горы. Тысячи лет назад там бушевали огненные потоки, но когда я добрался до вершины плато, вскарабкавшись на гладкий отвесный обрыв, то увидел в центре крохотное озерцо чистой воды, которая изливалась с противоположного склона тремя прекрасными каскадами в пламенных брызгах пены. Ночью звезды блистали в воде, как второе небо. Вода была ледяной. Она обжигала глотку, как раскаленное железо, а прозрачностью соперничала с космосом. Хотелось бы снова полюбоваться на эту воду.

Песок стал совсем тонким, и их ноги оставляли в нем глубокие борозды. Они шли и беседовали — такое случилось впервые. Они говорили о Федерации и о ее мирах, о своих тайных желаниях и никому не ведомых поражениях. Йоргенсен говорил об Игоне и мечтал о встрече с Анемой. Эрин о головокружительных высотах. Шан д'Арг — о страхе смерти. Марио — об ужасе, который ему внушало время. Смертельно усталые люди разом ощутили пользу откровенности и необходимость слов.

Внезапно начались миражи.

То вблизи, то вдаль в пустыне возникли джунгли. Пахло водой. Появилось зеленое пятно. Послышался звериный рык.

Тонкая спираль лианы обвила ствол дерева.

Йоргенсен протер глаза. Мир наполнился блесками. «Начинается бред», — без всякого отчаяния решил он. Позади вдруг ставшей прозрачной дюны он различил силуэт Ливиуса. Прямо перед ним в почву впились и исчезли корни далаамского гиганта. Под его ногами распахнулась и захлопнулась бездна.

Йоргенсен в недоумении остановился. Его друзья выглядели прозрачными. До него долетали их удивленные, искаженные голоса. Обрывки ночи застилали солнце.

«Галлюцинации», — решил он, но, бросив взгляд на бешеную пляску стрелок детекторов, сжался в комок от страха. Крик Шан д'Арга подтвердил страшную догадку.

— Темпоральная буря!

Изнасилованное, деформированное время мстило за дурное обращение с ним. Силы, которые удерживали в равновесии параллельные возможности, не выдержали безудержного натиска действительности. Темпоральная буря. Командос боялись этого катаклизма как чумы. Иногда такое случалось в некоторых районах пространства, где энергетические разряды достигали такой мощности, что нарушали структуру континуума. Но чаще всего темпоральные бури были результатом неудачного вмешательства. Происходил локальный обвал времени. Обломки прошлого карежили будущее. Настоящее рушилось. Человек, попавший в темпоральный ливень, мог увидеть, как морщится кожа на его вдруг ставшей старческой руке, как его тело становится зародышем в утробе матери, и в последней вспышке сознания он понимал — время мстило за все. Подобная катастрофа уничтожила семь планет в созвездии Лебедя. Одна из звезд стала сверхновой. Погибло двадцать миллиардов людей. Оставшиеся в живых так и не оправились от сумасшествия — они видели нечто более страшное, чем собственную смерть, они видели гибель Вселенной.

Джунгли. Пустыня. Эта безымянная планета голубого солнца стала ареной противоречивых вмешательств. И мир распадался на куски. Правда, Йоргенсену казалось, что хроноклизм не был случайным — он был завершающей точкой непонятной фразы, составленной из слов «Далаам», «джунгли», «пустыня». После бесплодия — гибель. Наглядное предсказание судьбы Федерации. Манипулируя временем, она подкладывала мину под фундамент Вселенной. Защищая свое настоящее, она подточила свое будущее. И когда пробьет час расплаты, взорвется Галактика и десятки миллионов звезд разлетятся в разные стороны в вихре сменяющих друг друга десятков миллиардов возможностей...

Голоса друзей, вернее, их удивленные восклицания доносились до него бессмысленными всплесками звуков. Он еще изредка замечал остальных как беглые отражения в оскол-

ках зеркала на фоне однообразной пустыни. Он вдруг увидел, как из ниоткуда вынырнули Ливиус, Нанский и Кносос. Невероятная случайность или умелое вмешательство? Что втянуло их в темпоральную бурю и забросило в этот мир? Вся семерка, сблизившаяся и разобшенная одновременно, в полном безмолвии вступила в бой с разгулом времени.

Йоргенсен, как бы отрешившись от своего естества, перенесся вперед и увидел семь силуэтов, сгибавшихся под напором порывов времени. Все они — Марио и Шан д'Арг, Кносос и Эрин, Ливиус и Нанский, и он сам — шли вперед, спотыкаясь и борясь с собственным головокружением и сошедшим с ума космосом. Он видел всю семерку такой, какой она была десять лет назад. Он вдруг узнал, что останется жив и встретится с Анемой, а через секунду капля времени стерла из его памяти это воспоминание из будущего.

Позади первых семи силуэтов он различал семь иных, бледных и почти прозрачных теней, — они преследовали семерку, угрожали ей, готовились к расправе. Он различал черты лиц этой семерки преследователей и узнавал в них своих друзей — в лабиринте времени разворачивалась безжалостная охота на самих себя.

Он хотел предупредить их. Но из горла вырвались лишь бессвязные звуки. Обе командос неслись к горизонту. Он закрыл глаза и бросился вперед, упал, вскочил на ноги, снова упал, не чувствуя опоры и не зная, разверзся космос или нет. Волны времени доносили до него мысли других.

Частица времени пронизала его мозг. И забытые воспоминания всплыли на поверхность сознания. Он вспомнил свое сновидение. На круглой площади его преследовал человек, и у этого человека было лицо Йоргенсена. А громадная толпа далаамцев с ужасом наблюдала за его гибелью. Он пытался добраться до убежища в центре площади и коснуться каменной статуи с загадочным лицом, единственной недвижимой точки в этом бешеном вихре, но знал, что никогда не доберется до спасительной гавани.

Он вспомнил слова Анемы. «Если вспомнишь сон, то наступит выздоровление. Ты перестанешь ненавидеть самого себя». Йоргенсен радостно вскрикнул, ибо вспомнил свое сновидение. Он вышел победителем из жестокой схватки и обрел потерянное я. Лицо его противника внезапно изменилось. Его второе я шло ему навстречу со спокойной улыбкой на лице и протягивало ему дружески руку.

Йоргенсен узнал сновидения других. В это мгновение каждый из них испытывал то, что испытал он внутри дерева в Далааме. Каждый решал свою проблему сам. А он, беспомощный зритель, присутствовал на смертельной схватке каждого из шестерых с собственным «я».

Ливиус в своем сновидении — а может, это была действительность, принесенная бурными волнами времени, —

оказался на родной планете. Он бежал по узким улочкам мрачного города. Растрескавшиеся стены вздымались до самого неба, окна миллионами глаз следили за ним, словно он был в тюрьме. Он хватался за бесполезное оружие, стрелял наугад, и позади рушились стены. Он убегал, не зная почему. Он бежал прочь, скатывался по кривым лестницам, нырлял в крытые проходы под монолитами зданий.

Булыжная мостовая была жирной и скользкой. На ближайшем перекрестке он бросился в боковую улочку, она была такой узкой, что можно было коснуться домов, даже не разводя рук в стороны. Вдали послышался топот ног его преследователя. Где-то наверху, над головой Ливиуса, в мрачной стене виднелось похожее на иллюминатор оконце, упирравшееся в противоположную стену, как в искусственную скалу... Он поднял голову и сразу узнал ее. Именно там, в мрачной пещере наверху, он родился и провел первые годы своей жизни. Из оконца выглянуло лицо, он узнал себя, и из его легких вырвался вопль ярости и ужаса. Шаги преследователя раздавались поблизости, тень его росла, он узнал собственный силуэт и походку. Мертвую тишину разрывали только шаги охотника и металлический лязг. Все жители города забились в свои норы, спрятались от охотника — Ливиуса-волка, и Ливиус остался наедине со своим двойником.

Он отступил в проулок, поскользнулся и потерял равновесие. Он хотел вырваться за пределы города, на открытое пространство. Узенькая зеленая полоска неба высоко над головой словно издевалась над ним. Он обернулся и ринулся прочь. Нескончаемая улочка заканчивалась вонючим сплетением проходов. И вдруг с громадным облегчением он увидел, что оказался на зеленом лугу, и узнал парк, где верховодил в опасных детских играх, который находился совсем в другой части города. Он бросился к рошнице, где надеялся спрятаться, как это часто бывало в детстве, когда ему приходилось удираТЬ от банды соперников. Ему надо было пересечь круглую эспланаду, в центре которой был фонтан.

Шаровидный звездолет прочертил небо, и он недоуменно поднял глаза вверх, затем его взгляд упал на фонтан, где высилась статуя с загадочной улыбкой на лице.

Преследователь с его чертами, в его комбинезоне, с оружием в руках вышел из кустов. Ливиус выстрелил в него, но тот — высокая фигура на худых ногах — неумолимо шел навстречу, медленно поднимая оружие...

Кносос в своем сновидении исследовал коралловые пещеры в морской бездне. Его грызла глухая тоска. Над ним юрким угрем промелькнула чья-то тень, он быстро развернулся и через стекло маски различил в зеленоватой мгле, которую рассекал луч фонаря, тень человека.

Он узнал в нем своего двойника...

Эрин шел по крутому отвесному склону, боясь оглянуться, но не из страха увидеть под собой пропасть, а из опасения различить позади себя упрямого преследователя.

— Поднимайся,— раздался его собственный голос.

Он с усилием подтянулся на усталых руках. Окровавленные пальцы судорожно цеплялись за камень. Ногти пытались зацепиться за малейшую неровность.

Когда он вскарабкался на край обрыва и поднял голову, то увидел над собой массивный силуэт. Это был он сам. Сапог двойника расплющил ему пальцы. Эрин с воплем разжал руки и полетел вниз — он успел увидеть, что падает к тому, кто преследовал его, чтобы убить, к тому, у которого было его собственное лицо...

Марио преследовал женщину в городе-парке на Энгера-не III. Где-то вдали играл оркестр, и до него доносилась древняя, печальная музыка. По лбу Марио стекал пот. Он знал, что должен нагнать женщину и задать ей один вопрос, но не знал какой. Он не знал ее имени. Близилась ночь.

На женщине был плащ, который развевался на ветру. Цвет плаща постоянно менялся, капюшон скрывал волосы женщины.

Следовало догнать ее до того, как она выбежит на площадь, где шел концерт, на громадную круглую площадь, на которой толпились люди. Громадный стеклянный шар висел над оркестром и отражал звуки в сторону публики.

Он бросился через кустарник наперерез женщине и на миг потерял ее из виду, а когда увидел снова, ему показалось, что она замедлила бег и стала выше. Он бежал за ней, удивляясь, что она растет на глазах. Вдруг она остановилась и повернулась к нему.

Он в страхе замер. Плащ скрывал лицо и тело. Марио уже догадался, что это не женщина. Плащ медленно скользнул на землю... Марио не сразу понял, кто перед ним. Он знал одно. Его ждет смерть. От руки двойника. Мертвый двойник с Игоны вернулся, чтобы отомстить...

За кораблем Нанского, затерянным в беззвездном пространстве, гнался неведомый звездолет. В страхе Нанский позвал на помощь Нелле. Но та не ответила. Он был на борту один. Чужой корабль рос на экране с чудовищной быстротой. В нем распахнулся люк, и в космос шагнул человек без скафандра. Он шел в пустоте, постепенно заполняя экран. На секунду Нанскому показалось, что он смотрит в зеркало. Затем человек выпрыгнул из экрана и поднял оружие...

Шан д'Арг ждал своего противника на арене Танатоса. Он знал, что бой будет безжалостным. Публика бесновалась. Искусственные стервятники, вооруженные телекамерами, бесшумно кружили в небе на крыльях из черного металла, не спуская с него своего единственного недвижимого глаза.

Крохотное солнце, огненный шарик, плавало над ареной, заливая ярким светом песок. Шан д'Арг сжимал в левой руке лук, за поясом его торчали три стрелы, правая рука держала дубинку. Он неотрывно смотрел на далекую дверь, темную арку, откуда должен был появиться соперник.

Впервые в жизни он дрожал накануне схватки. В глубине арены возник тонкий силуэт его противника. Вопли усилились.

Шан д'Арг ждал... В руке противника был лучевой пистолет. Шан д'Арг выхватил из-за пояса стрелу, положил ее на тетиву и прицелился. Бесшумный стервятник спикировал прямо на него и отвел стрелу в сторону.

Убийца подошел ближе, и Шан д'Арг узнал его. Во всей Галактике не было второго человека с такой желтой кожей, такими плоскими скулами, такими раскосыми глазами под черными стрелками бровей...

Йоргенсен со стороны наблюдал, как каждый встречается с своим двойником и принял смерть от его руки. Это было неотъемлемой частью лабиринта. Йоргенсен знал, что каждый видит сновидения остальных. И каждый должен решить свою проблему до того, как умрет. Он уже прошел через это, и они могли воспользоваться плодами его успешного опыта. Решение было простым, если знать ответ заранее. Принять себя таким, каков ты есть. Изгнать из своей души раздвоенность. Путь к цели лежал через логику и переплавку личности. А неотвратимость смерти способствовала радикальной трансформации духа и разума.

Это было логично. Это был выход из лабиринта. Их загнали сюда ради метаморфозы. Далаам, джунгли, пустыня были ступенями испытаний.

Но кто подверг их этим испытаниям? Вопрос оставался без ответа. Лабиринт еще скрывал неисследованные закоулки.

Все стихло. Земля под ногами Йоргенсена снова обрела твердость. Темпоральная буря продолжала свирепствовать, но он оказался в зоне затишья. В центре циклона. В глубине воронки.

Он открыл глаза и увидел, что буря помогла ему приблизиться к скале. Остальные отстали и пока еще не вырвались из лап мучивших их кошмаров.

Скала нависла над его головой, загораживая небо. Он заметил хижину, засыпанную песком. Дверь была приоткрыта.

Он скользнул внутрь. Когда его глаза привыкли к сумраку, он увидел, что песку намело почти до столешницы, на которой лежала книга. Он протянул руку, чтобы взять ее, и заметил белый предмет, выступавший из песка с противоположной стороны стола.

Человеческий череп. А под ним стальная цепочка с медалью. Он знал, что на ней выбито имя Арчимбольдо Урцайта.

Значит, Урцайт закончил свои дни здесь. Других ходов в лабиринте не было. Он закончился тупиком. Много веков назад Урцайт создал этот лабиринт, чтобы защитить Далаам и преобразить его возможных врагов. Но его усилия оказались тщетными.

Они никогда не получают ответа на вопрос «Почему?». Они прошли испытания без пользы для дела.

Йоргенсена охватило отчаяние.

Он открыл книгу и, по-видимому, включил скрытый механизм, поскольку мир вокруг него взорвался красками. Его снова выбросило в Абсолютное Вневремя, его отправили в новое путешествие во времени.

6 Год? Не известен.

Место? Не известно. Планета под голубым солнцем. Райский уголок. Громадные деревья с кронами, укрывающими от зноя, обширные луга. Невысокие холмы. Неторопливые водные потоки. Тучная земля. Зелень трав. Прозрачная, светлая, невесомая вода, похожая на жидкий бриллиант.

Йоргенсен протер глаза. Из-за кустов бесшумно вышел громадный рыжий зверь, глянул на него и величественно удалился. На все лады свистели птицы. Река сверкала серебряными всплесками — в волнах резвились рыбы.

Он прибыл на ту же планету, но куда делись джунгли и пустыня? Он был уверен, что попал в тот же мир, в еще одну возможность этого мира. Он затаил дыхание, чтобы не пропустить ни звука. До его ушей доносились лишь шорохи леса. Он крикнул. Никто не ответил. Где остальные? Остались в пустыне или темпоральная буря забросила их в иные секторы времени?

Он узнал местность. Река кончалась водопадом. Та самая река, что вывела их из джунглей. Хижина, а может, и маяк, по-прежнему, стояли у подножия скалы.

Йоргенсен быстро двинулся вперед. В голове прояснилось. Он чувствовал необычайный прилив сил и бодрости. Теперь он знал смысл лабиринта. Это было испытание и лечение одновременно. Испытание позволило разделаться с предрассудками Федерации. Лечение принесло духовное выздоровление.

Однако через некоторое время он ощутил пустоту — ему

не хватало Анемы, друзей. Он был один. А рай хотелось разделить с другими. Но новое одиночество не имело ничего общего с тем, которое угнетало его раньше. Это не было одиночество от недоверия, свойственное людям Федерации. Это было временное физическое одиночество, поскольку он знал, что может использовать все резервы своего существа, чтобы отыскать других и слиться с ними в единой духовной общности.

Он сорвал с ветки золотистый плод.

На повороте тропинки у реки появился улыбающийся человек. Он был толст и стар, почти лыс. Он смотрел на идущего к нему Йоргенсена. Его глаза светились умом. Большие пальцы пухлых рук были засунуты за пояс. На нем была выцветшая хламида некогда оранжевого цвета. Человек сунул правую руку в карман, достал трубку и неторопливо раскурил ее. Потом дружелюбно помахал рукой.

— Привет! Хорошая погода.

Покрытое пылью и потом лицо Йоргенсена и его изодраный комбинезон, казалось, не удивили его.

— Привет,— ответил Йоргенсен.

Облик человека поразил его больше, чем радушный прием. Он ни разу не видел стариков. Даже тучных людей не было в Федерации. Ее биологи давно научились поддерживать человека в пике его физической формы почти вечно.

Старик изъяснялся по-далаамски. Но в нем не было их безмятежности.

— Здесь есть город?— спросил Йоргенсен.

— Не думаю. Более того, в настоящий момент на этой планете нас всего двое.

Подойдя ближе, Йоргенсен заметил, что старик почти на голову ниже его. Он невозмутимо посасывал трубку. Струйкой поднимался сизый дымок.

— Кстати,— сказал старик,— думаю, вы давно разыскиваете меня. Меня зовут Арчимбольдо Урцайт.

У Йоргенсена перехватило дыхание. Его ноги налились свинцом. Урцайт улыбался, не выпуская трубки изо рта и снова запустив большие пальцы за пояс.

— Рад, что вы успешно выпутались из этой передраги,— добавил он.— Я нуждаюсь в вашем сотрудничестве. Но, естественно, у вас остается свобода выбора.

— Простите? О чем идет речь?— нервно спросил Йоргенсен.

— О будущем Федерации, Далаама и, конечно, о вашем будущем.

Голос Урцайта был спокойным и добродушным.

Йоргенсен вдруг снова оказался лицом к лицу с жестокой действительностью.

— Вы не умерли?— голос у Йоргенсена звучал хрипло.— Это был не ваш череп?

И тут же закусил губу.

Улыбка Урцайта стала еще шире. Он прищурился. Наверное, страдал близорукостью — только историки еще помнили об этой болезни.

— Это зависит от года, — усмехнулся Урцайт. — В той эпохе, из которой вы явились, я действительно мертв. А сейчас нет. Надеюсь, вы сами видите это. В хижине среди пустыни был мой... мой череп. Но пустыня появится лишь через пять или шесть тысяч лет...

Он небрежно махнул рукой.

— И не считайте меня призраком. По теории, я старше вас только потому, что умер до вашего рождения и два этих события расположены на одной причинной кривой. Официальная теория Федерации. Должен признаться, я немало потрудился, чтобы мое учение восторжествовало. Но с момента исчезновения я много работал. Умственный труд весьма полезен для поддержания хорошей формы. У меня впереди еще двадцать лет жизни.

«Он знает, когда умрет, — думал Йоргенсен. — Он проведal свое будущее, сколь это ни невероятно. Он бросил вызов времени и победил его. И его не страшит, что он знает день и час своей смерти. И далаамцы не боятся смерти. Они принимают ее как должное».

На мгновение эта мысль показалась ему чудовищной, но он тут же ощутил, что давний ужас смерти оставил его. Страх умереть и страх жить — две стороны одной медали. Тот, кто не принимает мысли о неизбежности смерти, не может жить полной жизнью.

— А другие? — сдавленным голосом спросил он, не в силах отвести взгляда от синей струйки дыма, поднимавшейся из трубки. Она тоже напоминала о прежних временах. Йоргенсен никак не мог привыкнуть к мысли, что перед ним стоит мифическая фигура Арчимбольдо Урцайта. Он представлял его себе величественным гигантом со строгими чертами лица, с тяжелыми крепкими руками, с глубоким, хорошо поставленным голосом — нечто вроде супер-Даалкина. А перед ним стоял толстый, улыбающийся, почти комичного вида человек.

— Ваши соратники? Не беспокойтесь. Мы к ним вернемся позже. Я хочу задать вам несколько вопросов и кое-что объяснить. Вам следует принять решение.

— Слушаю вас, — едва выговорил Йоргенсен.

— Расслабьтесь. Вы устали. Вы прошли суровые испытания и оставили позади себя все. Все, чем вы были. Вы родились заново. Вы — бабочка, вышедшая из кокона. У вас еще не обсохли крылышки, и вы не в состоянии их расправить. Дайте им окрепнуть на солнышке.

— Я попытаюсь.

— Садитесь прямо в траву. Съешьте этот плод. Нет ничего прекрасней даров земли.

Йоргенсен повиновался, как ребенок.

— Прекрасно,— сказал Урцайт.— У нас много времени. Что означают лишние пять минут в сравнении с пятью тысячелетиями? Мы, вы и я, жонглируем временем. И не стоит придавать этому слишком много значения. Именно поэтому я курю трубку. Этот обычай давно утерян, и, думаю, его утрата прозвучала для Федерации похоронным звоном. Курильщики трубки обычно люди миролюбивые и склонные к размышлениям. Нужно время, чтобы правильно набить трубку. Вот эта сделана из настоящего верескового корня.

Он глубоко вздохнул.

— Все растения, которые вы видите здесь, выведены путем направленной мутации из местных видов. Вы не представляете себе, чего можно достичь в генетике, когда являешься хозяином времени.

— Игона — это ваша работа?— тихим голосом спросил Йоргенсен. Он прикрыл глаза и увидел громадные деревья, щитом раскинувшие свои ветви над городом и разгоняющие ночной мрак. Те гигантские деревья были памятью Далаама.

— Я всегда любил деревья,— признался Урцайт.— Они крепко держатся корнями за землю. Они идут на приступ неба. Они растут во все стороны, как в прошлое, так и в будущее. Вы знаете, что годовые кольца суть кристаллы времени. Сезоны сменяют друг друга, и дерево помнит о них. Я горжусь своими игонскими деревьями. Думаю, во всей Вселенной нет ничего равного им.

— Наверное, вы правы,— согласился Йоргенсен под натиском новых впечатлений.

— Этот сад тоже уникален,— продолжал Урцайт.— Его уникальность — своеобразная проблема. Загадка, очень важная загадка. Превращусь на время в сфинкса и посмотрю, разгадаете ли вы ее. Вам известны три состояния этой планеты — джунгли, пустыня, сад. Но вы не смогли датировать их. Каков, по-вашему, их хронологический порядок?

Йоргенсен нерешительно пожал плечами.

— Не знаю. Дайте подумать. Вы сами поставили пустыню после сада. И сказали, что это будет через пять-шесть тысяч лет. Этот сад — ваше творение. Значит, джунгли существовали раньше. Джунгли, сад, пустыня. Таков хронологический порядок. Но не понимаю, что он означает.

— Не понимаете?— воскликнул Урцайт.

Его зубы разжались, и он подхватил трубку на лету. Затем наклонился вперед и ткнул мундштуком в грудь Йоргенсена.

— Не понимаете? Три аспекта действительности одного мира вытекают один из другого, а вы не видите связи с вашей миссией. Значит, то, что вы пережили, не пошло вам на пользу. Я мог бы вам подсказать ответ, но тогда изменится ваше

будущее. А оно принадлежит только вам. Никто не имеет права влиять на ток времени разумного существа, особенно если это ведет к ограничению его способности выбора.

Йоргенсен задумался. Аналогия ускользала от него. Джунгли, сад, пустыня. Джунгли, сад, пустыня. Между джунглями и садом — ряд темпоральных коррекций. Похоже на работу командос. А что было между садом и пустыней.

Ничего. Логическим следствием темпоральных коррекций была пустыня.

Все детали стали на место. Вселенная до Федерации. Затем путешествия во времени, преобразование прошлого, вмешательство командос. Федерация была эквивалентом сада. Это бросалось в глаза. А затем пустыня, упадок, гибель всей цивилизации.

И ему, Йоргенсену, предстояло сделать выбор. Уничтожить Игону, выполнив приказ Альтаира. Или уничтожить Федерацию, не выполнив этого приказа.

Он огляделся по сторонам. Райский сад. Но сколь же он хрупок. Незаметная трещина в стройном здании обрекала его на неизбежную гибель. Разве красота сада и расцвет Федерации не стоили того, чтобы их сохранить ради них самих, даже при крайней эфемерности существования и того, и другого.

«Нет, не стоят»,— твердо сказал голос его совести. «Нет»,— эхом отозвались голоса Ливиуса, Марио, Шан д'Арга, Нанского, Эрина, Кнососа. «Нет»,— прошелестели анонимные голоса далаамцев.

Существуют куда более весомые вещи, чем красота и расцвет цивилизации. Есть жизнь, появление новых видов. Есть будущее человека и всех грядущих цивилизаций.

Йоргенсен глубоко вздохнул.

— Я понял,— наконец произнес он.

Он отбросил в сторону косточку золотистого плода и вдруг ощутил себя больным и разочарованным.

Чего не хватает этому саду? Чего не хватает Федерации?

Конкуренции. На райской планете уничтожены все вредные виды животных и растений. Все возможные опасности убраны из будущего Федерации.

Он сказал об этом Урцайту.

— Я поставил один опыт,— сказал старик.— Когда я овладел временем, меня ужаснули следствия моих открытий. Я провел множество опытов. Этот сад появился в результате одного из них. Вы спрашиваете, чего ему не хватает. Нет, не конкуренции, не борьбы за существование.

Он помолчал.

— Разнообразие. Сотрудничества. Естественного равновесия во времени. Федерация идет навстречу своей гибели, поскольку убирает со своего пути разнообразие форм. Я мог

бы поддерживать сад в подобном состоянии десять или двадцать тысяч лет, а может, и целый миллион. Но мне придется все чаще совершать коррекции, все глубже и глубже деформировать время. А это кончится катастрофой.

— Именно так поступает Федерация,— сказал Йоргенсен.— Я понял. Темпоральные командос все чаще отправляются со своими миссиями в прошлое. Но у Федерации нет никаких шансов. Она обречена.

— Совершенно верно,— согласился Урцайт, выпуская голубые клубы дыма.— Я предвидел это. И сказал им. Они решили расправиться со мной, поскольку видели в господстве над временем великолепный инструмент власти. У них ложное, извращенное понятие о времени и человеке. Они мыслят линейно. А время вещь сложная, это — ткань, живая ткань. Ее легко порвать. Я не хотел рисковать и поэтому создал Далаам. Игона — противоядие от Федерации.

Йоргенсен встал на ноги и потянулся.

— Что я должен делать?— спросил он.

Ответ Урцайта был незамедлительным. И впервые в нем зазвучали резкие нотки.

— Решайте сами. Вы взрослый человек или нет?

Они шли вдоль реки по направлению к водопаду, к той хижине, откуда Арчимбольдо Урцайт следил за ходом своих опытов, к темпоральному маяку, который позволял контролировать прошлое и будущее.

— Несколько недель назад,— говорил Урцайт Марио,— вы не были способны принять решение с полным знанием дела. Вы были человеком Федерации, хотя бунтовали против нее. Каждый человек — пленник времени современного ему общества. Вас следовало вырвать из привычного круга. Следовало освободить, вернуть самому себе.

— Да,— подтвердил Марио.— Нас заразило безумие Федерации.

— Вам следовало вступить в контакт с действительностью. Вы должны были научиться распоряжаться собой.

— Все ясно,— усмехнулся Марио.— Вы поставили нас в столь неудобное положение, что нам пришлось размышлять и измениться.

Улыбка Урцайта стала шире.

— Я ничего не сделал. Я уже говорил, что никто не имеет права вмешиваться в чужую жизнь, используя господство над временем. И это не только вопрос морали. Это также вопрос стабильности. Вспомните сад и пустыню.

— Тогда кто?

— Подумайте. Никто не имеет права менять будущее или прошлое другого существа. Но свое собственное...

Марио долго молчал.

— Это означает, что мы...

И замолчал, пораженный необходимым решением.

— Совершенно верно,— закончил Урцайт.

Они приблизились к водопаду. Берега реки и хижина утонули в цветах. В открытом очаге пылал огонь.

— Это означает, что мы вернулись в свое прошлое, вернее, сделаем это, приведем в негодность собственное снаряжение и атакуем самих себя,— сказал Шан д'Арг. Он уже давно свыкся с этой мыслью.— Но, поскольку все предreshено, у нас уже нет выбора. Это произойдет. И все начнется сначала. У нас нет возможности выбирать.

— Есть,— возразил Урцайт.— Время отнюдь не линейная последовательность событий, иначе путешествия во времени были бы невозможны. Время состоит из громадного, а может и бесконечного количества возможностей, имеющих разную степень вероятности. В каждое мгновение может произойти некоторое количество событий. Одни из них более, другие менее вероятны. В обычных условиях действительностью становится самая вероятная возможность, другие продолжают сосуществовать в скрытой форме. В момент путешествия во времени порядок возможностей может оказаться перепутанным. И реализуется другая возможность, заняв место более вероятной возможности. Надеюсь, вам понятно?

— Пытаюсь следить за ходом ваших рассуждений,— ответил Шан д'Арг.

— То же самое происходит и при перемещении в пространстве. Небесные тела движутся по наиболее вероятным траекториям. Воды рек, камни гор подчиняются тому же правилу. Человек стал выбирать для них невероятные траектории относительно недавно, заставляя реки течь вспять, перестраивая горы, передвигая планеты.

В настоящий момент мы на пороге невероятной возможности, если можно так выразиться. Она не отвечает действительности, и мы существуем в полном смысле этого слова. Разъясню смысл выражения. В настоящий момент есть семь возможностей, и семь Арчимбольдо Урцайтов объясняют каждому из семи членов командос то небольшое, что следует знать о структуре Вселенной.

— А принципы?— осведомился Шан д'Арг.

— Они ложны,— ответил Урцайт.— А если говорить точнее, они отчасти ложны. Мне это известно лучше, чем кому-либо другому. Именно я развил их, исходя из работ Горовица. Но в те времена я рассматривал случай, скажем, ограниченной темпоральности. Более общее понимание пришло позже.

— Почему эта общая теория не преподается в Федерации?

Урцайт расхохотался. Его щеки тряслись, как пустые бурдюки.

— Я же говорил, что Федерация поражена паранойей. Первейшая забота Арха вырвать с корнем это знание. Когда я допустил оплошность, опубликовав свою работу, меня внесли в список опасных лиц.

«Вот почему жизнь Арчимбольдо Урцайта окутана тайной,— подумал Шан д'Арг.— Арх не осмелился предать забвению его имя. Он предпочел сотворить безопасный мир».

— Естественно,— продолжал Урцайт,— я сделал вывод и исчез. Я отдавал себе отчет в том, что вложил в руки Федерации оружие невероятной мощи, но она не могла распорядиться им разумно. Это не ее вина. Просто люди Федерации недостаточно ясно представляли себе последствия господства над временем. Драма заключалась в том, что они располагали мощнейшим средством воспрепятствовать любым изменениям. И дал его им я.

Лицо Урцайта помрачнело.

— Впрочем, мои действия не столь уж предосудительны. Не соверши этого открытия я, его чуть позже сделал бы кто-нибудь другой. Но я не имел права сидеть сложа руки. Для господства над временем следовало иметь иную цивилизацию, а она могла родиться только из контроля над временем. Порочный круг. Разорвать его можно, лишь путешествуя во времени. Будущее могло помочь прошлому. И я задумал контрнаступление.

Шан д'Арг мысленно улыбнулся. Энергия этого слегка гротескного человечка выглядела нелепой. Но ее не следовало недооценивать. Урцайт был решительным и отважным человеком, истинным бойцом, в тысячи раз более опасным, чем наемники с железными мышцами, против которых Шан д'Арг сражался сотни раз.

— Я начал с того, что создавал общества, которые в далеком будущем могли нарушить прекраснодушное равновесие Федерации. Но каждый раз, раньше или позже, вмешивались темпоральные командос. Они были могущественнее меня и лучше вооружены. Они эффективно охраняли Федерацию. У меня не было ни малейшего шанса на успех.

— Вы хотите сказать, что три или четыре века мы вели борьбу только против вас, не подозревая об этом?

Урцайт утвердительно кивнул.

— Большая часть экспедиций избирала мишенями миры, где давало плоды мое вмешательство. Но были и другие, к которым я не имел никакого отношения. Командос все чаще и чаще выступали против своего создателя. Парадокс? Не так ли? Он возможен лишь при путешествиях во времени! Потом мне надоело смотреть, как гибнут миры, на которые я возлагал большие надежды. Я понял, что иду ложным путем. Следовало одновременно создать стабильное общество, способное противостоять командос, и заручиться поддержкой самих командос.

— Они уже работают для вас?

— Нет. Хронологически вы — первые, с кем я вступил в контакт. Вас первыми послали на Игону. Но могу вас уверить, что будут и другие. В какой-то мере, если рассматривать время в его протяженности, вы, перейдя на нашу сторону, вступаете в будущий легион бойцов.

— Который помогли собрать, — подчеркнул Шан д'Арг.

— Конечно, — подтвердил Урцайт. — Не переоценивайте своего значения. Пойдете вы со мной или против меня, вероятность создания этого легиона едва ли будет поколеблена.

— Какова наиболее вероятная возможность?

Урцайт ответил не сразу.

— Всегда та, в которой темпоральное вмешательство было наименьшим.

Они вошли в хижину. Мебель самых разных эпох, аппаратура, собранная Урцайтом, груды книг. Урцайт рухнул в кожаное кресло. Ливиус уселся на металлический табурет по другую сторону стального стола.

— Тогда, — сказал Урцайт, — я создал Далаам. Я располагал великолепными средствами для изучения, поскольку мог перемещаться вдоль времени и почти одновременно сравнивать эволюцию людей и общества на разных стадиях. И все равно я не мог справиться со всем в одиночку. Огромную поддержку я получил со стороны Института теоретического и прикладного исследования времени.

— Никогда не слышал о таком, — обронил Ливиус.

— Ничего удивительного. Он будет основан лишь через полторы тысячи лет.

— Через полторы тысячи лет в будущем?

— Разумеется, — ответил Урцайт. — Примерно через девятьсот пятьдесят лет после падения и распада Федерации.

— Вы говорите об этих событиях, словно они уже произошли, — заметил Ливиус.

— Они произойдут, — поправил его Урцайт. — Вернее, существует высокая вероятность того, что они произойдут. И институт, и я, мы предпринимаем все, что в наших силах, чтобы сделать их более вероятными. С вашей помощью эта вероятность повысится.

— Взаимное влияние прошлого и будущего, — с удивлением выдохнул Ливиус. — Я думал, такое невозможно. И вы решились уничтожить создавшую вас цивилизацию.

— Не пугайтесь. Я же сказал, что необходима другая.

Урцайт протянул руку к шкафчику и открыл его.

— Отведайте вот это, — сказал он, наливая в стаканчик вино, и плотоядно облизал пухлые губы. — Я уже говорил, что принципы не совсем соответствуют истине. В свое собственное прошлое вернуться можно, как можно исправить свою

собственную историю.

— Встретить самого себя, убить одного из своих предков, стать своим собственным отцом?

— Да,— подтвердил Урцайт,— по крайней мере до некоторых пределов. Вы можете сколь угодно долго бегать вокруг дерева, но вряд ли догоните самого себя. То же самое происходит во времени.

Ливиус одним глотком осушил стакан.

— Принципы обретают смысл,— продолжал Урцайт,— если рассматривать только одну возможность. Когда речь идет об ограниченной трансформации этой возможности, почти не затрагивающей настоящего, принципы применять можно. Но эти ограничения не являются естественными. Природа намного богаче. Федерация возвела принципы в абсолют, поскольку стремилась сохранить неизменными свое настоящее и свое будущее состояние. Но действительность содержит в себе все, даже парадоксы. Вернее, в реальности парадоксов нет. В том будущем, которое начнется после Федерации, общество будет постоянно колебаться между несколькими возможными состояниями. Люди к этому привыкли. Они даже создали для этого новое слово — плавирование. Они ведут одновременное существование в разных темпоральных планах. И время воспринимают не как линейную последовательность, а как сложную структуру. В их физике существует специальное понятие метавремени, которое содержит все частные линии времени, как пространство содержит в себе бесконечное количество геодезических линий.

— Ясно,— пробормотал Ливиус. Голова у него кружилась.— В конце концов, спиртное тоже хорошее средство плавировать.

— Черты такого рода можно подметить и в далаамцах,— сказал Нанский, чувствуя в голове непривычную тяжесть.

— В зачаточном состоянии,— согласился Урцайт.— Традиция, к примеру, есть переплетение нескольких возможностей. Далаамские дети подсознательно знают то, что другие познают сознательно в иной возможности. Вам понятно, что это означает? Практически это умножает до бесконечности способности человеческого существа. Личность развивается во множестве возможных миров. Таким образом, каждая грань личности посвящает себя изучению одной области, решению одной проблемы, приобретению определенного опыта. Человек живет одновременно тысячами жизней.

— А деревья?— спросил Нанский.

— Деревья служат посредниками,— ответил Урцайт.— Их корни уходят в землю, в глубины времени. В стволе дерева возможности сталкиваются, накладываются друг на друга.

— Но далаамцы ничего не знают о структуре времени.

— Их время еще не пришло. Традиция должна разви-

ваться медленно. То, что хранит их подсознание, перейдет в сознание через несколько веков. Далаамцы знают достаточно, чтобы решить свои проблемы. И снабжают своим опытом своих двойников.

— Понимаю,— сказал Нанский, эхом ему вторили шестеро остальных. Вот почему была односторонняя культура далаамцев — они были лишь одной гранью обширной действительности.

— Другими словами, вы просите нас сделать выбор между существованием Далаама и Федерации?

Урцайт глянул ему прямо в глаза и тихо произнес:

— Вы меня поняли.

— Достаточно, чтобы мы не вмешивались,— сказал Кносос.— Тогда Далаам победит. Это должно вас удовлетворить.

— Нет,— ответил Урцайт. Он выглядел утомленным. Он налил стакан вина и медленно выпил. Черты его лица заострились. Невероятная жизненная сила уходила на поддержание существования в семи различных планах бытия. Его стариковские черты изменились за несколько минут. Он с трудом дышал.

— Нет,— повторил он.— Вспомните. Самая вероятная возможность та, которая подверглась наименьшему темпоральному вмешательству. Существует одна реальность, в которой вы выполнили миссию, и последующих вмешательств не было.

— Тогда существует и та реальность, где на Игону не высадились ни одной командос.

— В этой реальности,— выдохнул Урцайт,— я не существую. Нет и Далаама. Все тесно связано. Я нуждался в вашей... нуждался в вашей помощи. Надо...

Он перевел дыхание. Трубка выскользнула из рта и упала на стол.

— ...надо, чтобы вы стерли все следы вашего пребывания и сделали это как можно быстрее. Вы должны уничтожить командос в момент ее появления на Игоне. Это намного увеличит вероятность благоприятных возможностей.

Он задышался.

— Вы... вы свободны в своем выборе.

Кносос сделал безжалостный вывод.

— Надо, чтобы мы убили самих себя.

— Совершенно верно,— подтвердил Урцайт.— Но вы останетесь самими собой, вы будете существовать. Поверьте мне.

Он побледнел, лицо его вдруг потемнело и отекло.

Кносос встал и подошел к нему.

— Вы больны. Вам лучше лечь.

— Нет,— перебил его Урцайт.— Я стар. Это разные вещи. У меня осталось совсем мало времени.

Кносос — Шан д'Арг — Нанский склонился над ним. Йоргенсен — Марио расстегнул его ворот. Эрин — Ливиус на-шел его пульс. Их лица смешивались, сливались в одно.

— В шкафу,— сказал Урцайт.

Теперь он видел лучше и с усилием приподнялся. Он пы-тался прикинуть, сколько времени у него осталось. Несколько минут, не больше. Их было трудно убедить, но сейчас он был почти уверен, что ему удалось это сделать.

— У вас очень слабый пульс,— сказал Эрин.— Сердце...

— Знаю. Я...

— Можно сделать инъекцию. Скажите, где находятся...

— Бесполезно. Я сказал вам всю правду. Я проживу еще двадцать лет, но не в этой возможности. Здесь я дошел до предела. Я протянул дольше возможного. Здесь было самое удобное место для встречи с вами. Здесь я протянул дольше своего времени.

Урцайт скорее хрипел, чем говорил.

— Здесь я не совсем живой человек. Но вы не останетесь в одиночестве. К тому же я последую за вами.

Эрин поднес к губам старика стакан с вином.

— Вы должны решать сами. Вы свободны в своем вы-боре.

Урцайт уронил голову на грудь.

— Разве Далаам — ваш идеал общества?— быстро за-говорил Эрин.— Вы желаете видеть его на каждой планете Галактики?

— И да, и нет,— прошептал старик.— Далаам не иде-альный город. Далаам — модель. Опыт.

Эрин прочел в глазах Урцайта тоскливое выражение.

— Далаам — уменьшенная модель будущего общест-ва... после Федерации... когда передатчики материи свяжут планеты, как тропинки Далаама связывают... и когда люди обретут свободу... расстояний не будет... и вся Галактика... вся Вселенная... единым городом... они должны научиться жить свободными в городе, где вместо уличных фонарей бу-дут светить звезды.

Глаза Урцайта закатились. Руки Эрина задрожали, ког-да из-под век старика показались белки глаз. Но Урцайт не прекращал борьбы со смертью.

— Очень важно, чтобы Далаам победил. Я больше ни-чего не могу. Я выжат как лимон. Безумно трудно быть единым в семи лицах... в столь маловероятных возможностях. Вы должны...

Урцайт захрипел.

— Далаамцы — мои дети. Понимаете? Я их люблю... В шкафу вы найдете... Мои дети. Мне требовалось узнать ге-нетические способности и использовать постоянный запас хромосом. Хромосомы туземцев не совсем удовлетворяли меня... я ввел свои... и смог избежать темпоральной интер-

ференции.

Голова его покачнулась.

— Украл не менее трех минут у времени. Значит, вероятность растет. Я выиграл...

Он рухнул грудью на стол. Арчимбольдо Урцайт умер на безымянной планете, купающейся в лучах голубого солнца.

«Не иллюзия ли это» — подумал Йоргенсен. Ему показалось, что в момент смерти Урцайта поблекли цветы и пейзаж вокруг потерял реальность, задрожав и став прозрачным.

Время подгоняло его. Он бросился к шкафчику.

Там висело полное боевое снаряжение. Новенький темпоральный комбинезон с полным набором аппаратуры, как и перед стартом с Альтаира. «Откуда все это? — удивился Йоргенсен. — Из далекого будущего?».

Он быстро облачился в комбинезон. Надел шлем. Приладил пояс. Его пальцы привычно скользнули по оружию, ордзи-излучателю, симбиотическому комплексу, датчикам и наткнулись на незнакомый приборчик. Он с удивлением глянул на него. Крохотный темпоральный маяк. Он позволял путешествовать во времени и пространстве.

Маяк был отрегулирован на определенные мир и дату. Он прочел. Игона, нулевой год и цифровые координаты.

Он бросил взгляд на тело Урцайта и подумал, что смерть старика не была ужасной случайностью. Она была предусмотрена. Урцайт сказал, что продолжает жить в других возможностях. Здесь он избрал уход от членов командос. Даже решившись выступить против Далаама, они не могли бы схватить его и использовать в качестве заложника. Он рассчитал все. Даже провал.

Йоргенсен хотел было похоронить его, но у него не хватало времени. Этот мир мог исчезнуть в любую секунду. Тело останется здесь, на этом самом месте, и пролежит шесть тысяч лет до появления пустыни, ожидая его, Йоргенсена.

Эту планету следует назвать Арчимбольдо Урцайт. Иначе быть не могло.

Все семеро одним движением нажали крохотную кнопку и провалились в Абсолютное Вневремя.

Игона. Нулевой год. Лес грибов. Они стояли лицом друг к другу. Некоторое время они молчали. Они все знали. Знали, что им предстоит сделать. И не колебались.

На сердце у всех было тоскливо. Они стояли у края пропасти, как на лезвии бритвы. Надо было выбирать.

Они вспомнили о теле Урцайта. Если они выберут Далаам, то сделают более реальными те вероятностные миры, в которых он жил. И быть может, продлят его жизнь в соз-

данном им совершенном мире, где он встретится с ними.

В противном случае... Им не было нужды говорить. В противном случае на соседней поляне появятся командос с Альтаира, чтобы провести коррекцию истории Далаама. А они исчезнут. Они испарятся перед лицом своих более реальных двойников. И галактический город, моделью которого был Далаам, никогда не возникнет. Далаамцы будут стерты с карты Вселенной.

У них была секунда на размышление. Со страхом в сердце они скользнули к пустой поляне, стиснув зубы и положив руки на рукоятки оружия. Одним движением они включили нейтрализующие поля, которые лишат защиты иновремян. Они лишали защиты и себя, но верили, что выйдут победителями.

Они будут быстрее.

Поляну окутала вспышка. Семь человек и маяк. Семь силуэтов в белом, увешанные снаряжением. Они узнали самих себя.

И выстрелили. Йоргенсен в Йоргенсена, Марио в Марио, Ливиус в Ливиуса... — каждый в своего двойника. Они знали, что в предыдущей возможности уже боролись сами с собой...

Семь силуэтов на поляне вокруг темпорального маяка заколыхались, словно пламя свечи. Йоргенсен прочел в собственных глазах безмерное удивление. В глазах умирающего Ливиуса живой Ливиус уловил ту ненависть, которая уже угасла в нем самом. Марио по глазам исчезающего Марио понял, что одиночество кончилось. Шан д'Арг в знакомых чертах увидел, что пришел конец бессмысленным битвам. Каждый в лице своего погибающего двойника расстался со всеми своими наваждениями. Каждый обрел свободу духа.

Все было кончено. Люди Альтаира и темпоральный маяк провалились в Абсолютное Вневремя. Солнце Игоны засияло ярче.

Йоргенсен спрятал оружие и утер пот со лба.

— Мы убили старика, — хрипло сказал он, обращаясь к Марио, — старика в нас самих. И мы... изменились.

Марио кивнул и спросил:

— Думали ли вы, что другие могут повлиять на наше будущее, как собираемся поступить мы по отношению к Игоне?

Йоргенсен не торопился с ответом.

— Мне понятна твоя мысль. Урцайт сделал все, чтобы мы были свободны в своих решениях.

Он пошел прочь. Остальные двинулись следом за ним. Ему хотелось вернуться в Далаам, увидеть Анему, послушать Даалкина, узнать у деревьев, какие знания накопили другие грани его личности в других возможностях. Он знал свою судьбу — они стали первыми. Они будут путешествовать во времени и бороться с командос Федерации. Они будут искать союзников среди людей Альтаира. Быть может, они встретятся с Урцайтом. И может, узнают что-то новое.

Но всего знать им не суждено. Этому их научил Урцайт. И это, наверное, самое главное. Действительность исчерпать невозможно. Свобода состоит в выборе между несколькими неизвестными возможностями.

В будущем это называлось плавировать.

Далаам почти не изменился. Город показался Йоргенсену более реальным, более близким. Быть может, ему это только казалось. Или виной тому была радость встречи с Анемой? Или Далаам существовал в более вероятной реальности?

«С поиском ответа можно и подождать»,— решил Йоргенсен. Он вместе с Анемой бродил по тропинкам Далаама меж громадных деревьев и вдруг оказался на знакомой площади.

Было это когда-то или только вчера?

Перед ним раскинулась круглая площадь с фонтаном и статуей.

Свежая вода стекала по ее лицу. Черты лица напоминали Йоргенсену кого-то. Вода струилась, как струится время, оставляя на людях свой отпечаток. Ничто не может ни остановить, ни замедлить поток. Его можно отклонить, но он вернется в свое русло, разрушив преграду.

Йоргенсен подошел ближе и взгляделся в черты каменного лица — его поразило сходство, умело скрытое рукой художника.

Он перевел дыхание.

Это было лицо Арчимбольдо Урцайта.

Йоргенсен молча вернулся к Анеме.

ЗВЕЗДНЫЙ ГАМБИТ

Жаку Бержье

Гамбит — партия, где в дебюте один из противников жертвует пешку, с целью добиться позиционного перевеса или перехватить инициативу в игре.

Пьер Мора. Шахматы

1. ВЕРБОВЩИКИ

Ему было тридцать два года, и звали его Жерг Алган. Всю свою недолгую жизнь он провел на Земле, оказываясь то в одном, то в другом ее уголке: пересекал моря на сомнительного вида глиссерах, летал над континентами на борту древних самолетов, реликвий прошлых веков, жарился под горячим солнцем пляжей Австралии, ему даже довелось участвовать в охоте на последнего хищника, до того как пустынное плато Африки ушло под воду.

Он не сделал в своей жизни почти ничего дельного. Он никогда не покидал родной планеты и никогда не выходил за пределы ее атмосферы. Между периодами бродяжничества он жил в Дарке, занимаясь чем придется в этом единственном мегаполисе Земли.

Дарк с его тридцатью миллионами жителей был в Галактике почти единственным прибежищем для людей подобного сорта. Если они вели себя тихо, полиция не трогала их. Дарк считался одним из важнейших космопортов в этом секторе Галактики, и в нем процветала подпольная торговля самыми разными товарами. Здесь можно было купить любое животное, даже то, продажа которого запрещена из-за его особой опасности. В Дарке вы могли отведать любое лакомство, приготовленное на вкус жителя любой планеты. Кое-кто утверждал, что здесь торгуют даже рыбами. Дарк издавна снискал себе самую скандальную репутацию во всей Галактике.

Алган знал и лучшие, и худшие дни. Он не занимался ни одним делом более трех месяцев кряду. Он ни разу не продал одной и той же вещи дважды. Пока он сумел избе-

Печатается по изд.: Клейн Ж. Звездный гамбит: Пер. с фр.— М.: Мир, 1985. Пер. изд.: Klein G. Le Gambit des etoiles.— Gerard et C° Verviers, 1971.

© перевод на русский язык с исправлениями, Григорьев А. М., 1990

жать серьезных столкновений с полицией, но вряд ли это зависело только от него.

Сейчас он искал удобного случая отправиться куда-то, где еще не удалось побывать. В каждом древнем космопорте, который занимается лишь перегрузкой товаров для ближайших планет, существуют места, где можно «ухватить удачу». Например, подцепить какого-нибудь старого дурака, впервые ступившего на древнюю планету, чтобы осмотреть живописные развалины, или заядлого охотника, мечтающего присоединить редкую зверюшку к своей коллекции трофеев, но лучше всего встретить загулявшего участника какой-нибудь экспедиции, который, угостив парой стаканчиков, попросит познакомить его с нравами древнепланетян.

Алган давно облюбовал для своих делишек «Меч Ориона». Всякий, кто впервые прилетал в Дарк с какой-то из десяти планет пуритан и случайно забредал сюда, содрогаясь от одного названия этого бара, но страхи его были лишены оснований.

Алган пробрался в самый темный угол и заказал выпить. Он с удовольствием развалился в кресле, не отрывая взгляда от двери. Над входом висел меч с Ориона — символ заведения. Этот стальной стержень, заточенный как игла, украшала странная сверкающая гравировка. Быть может, миллионы лет назад он на самом деле служил оружием в каком-то другом мире. Кто это знал? Меч мог быть и произведением искусства.

Зал был почти пуст. В нем царила необычная тишина.

Алган постучал монетой по столу.

— Один зотл! — крикнул он.

Он любил и пить мускусный напиток, и смотреть, как тяжелые поршни давят твердый корень, а тот медленно теряет окраску, истекая дымящимся соком. Корень зотла был одним из редчайших источников наркотика, продажа которого была разрешена в некоторых районах Галактики. Он по-разному воздействовал на разных людей. Иногда дарил неопишемое ощущение странности и могущества. Его действие по результатам было сравнимо с кинезестеопатическим бредом, нервным расстройством, при котором люди видят звуки и слышат изображения.

Алган медленно выпил стакан. Зотл всегда переносил его в одну и ту же выдуманную страну. Там под низким зеленым небом стелилась серая пустыня, в которой уже долгие тысячелетия радужными контурами переливались подвижные скалы. Далекие и невидимые солнца издавали пронзительную музыку. Зрелище успокаивало и располагало как бы вне времени.

Когда он открыл глаза, зал был наполовину наполнен. Сюда обычно стекались люди со всех концов Вселенной: торговцы с Регия, в тонких металлических одеяниях; высо-

кие тощие звездоплаватели с Ультара — в условиях иной гравитации движения их были на удивление неловкими; крохотные ксьены, светловолосые люди с монголоидным разрезом глаз; зеленокожие жители Аро, чьи глаза без зрачков казались бездонными, — у них были громадные лбы и лысые головы.

Одежды и краски не повторялись, как и виды оружия у пояса. Украшения на одеждах ярко пылали. Словом, «Меч Ориона» в миниатюре отражал всю карнавальную многоликость Дарка, когда в его порт опускалась флотилия торговых кораблей.

У каждого посетителя был свой акцент, но все говорили на древнем космическом языке, конгломерате искаженных идиом Земли.

В кресло рядом с Алганом уселся здоровенный мужчина, кожа его задубела не иначе как под лучами тысяч солнц, а брюхо округлилось от снеди, которую готовят во всех концах Галактики.

— Послушай, приятель, не хочешь ли посмотреть новые места? — спросил этот человек, повернувшись к Алгану.

— Смотря какие, — нехотя буркнул Алган.

— Какие хочешь. Зотл?

— Не откажусь, — кивнул Алган.

Они выпили и несколько минут сидели молча.

— В космосе есть немало прекрасных миров, — мечтательно протянул толстяк. — на любой вкус.

— Не сомневаюсь, — ответил Алган.

— Молодой человек, в ваши лета я уже успел побывать на доброй полусотне планет. Хотя уверен, и вам довелось попутешествовать. Наверное, отдыхаете между экспедициями? Увы, космос стал обычным делом. Еще по зотлу?

— Я ни разу не покидал Земли, — медленно процедил Алган. — И пока у меня нет желания расставаться с нею. Ничто не может мне заменить этот зеленый мир. За выпивку — спасибо. Как говорится, одна порция зотла солнца не погасит.

— Еще бы, — поддакнул собеседник.

Они опять замолчали. Алган внимательно посмотрел в заплывшие жиром глазки толстяка. Ему не понравился сверкнувший в них хитрый огонек.

— Вы, наверное, торговец? — спросил он.

Человек громко расхохотался.

— Если хотите, юноша. Можете называть меня торговцем.

— Ну, и как нынче идут дела на Земле? Наверное, плохо?

Вежливость в космосе совершенно необходима, а в космопорте в особенности. Жерг Алган хорошо знал это и потому никогда не задавал прямых вопросов.

— Что-то товару стало меньше.

Торговец снова расхохотался. Жерг присоединился к

нему, что еще больше развеселило его собеседника. Глазки толстяка совсем скрылись в жирных складках. Алган резко оборвал смех.

— Вы что-нибудь ищете на Земле? Я знаю ее как свои пять пальцев, и не исключено, что смогу вам помочь.

— Очень даже, малыш! Еще порцию зотла?

Алгану пришлось не по вкусу фамильярность собеседника, но он сдержал себя ради зотла. Устремив взгляд на свою мечту, он плыл над серой пустыней, воспринимая кудахтанье собеседника, как грохот внезапной тьмы, заглушающей песнь небесных светил. Они пили еще и еще...

— Конечно, ты мне можешь помочь, малыш,— очнувшись, услышал Алган слова толстяка.— Подпиши вот это — и увидишь новые миры.

— А куда вы направляетесь?— растягивая слова, спросил Алган.

— Туда, куда велит мне долг,— колыхнулась гора жира. Что-то влажное коснулось пальцев Алгана, а затем их прижали к твердой поверхности.

— Ну и набрался!— послышался незнакомый голос.

Он открыл глаза. Кто-то сунул ему в руки какой-то цилиндр. Он не знал, что это такое. Он все еще парил среди серых скал под низким зеленым небом.

— Пиши свое имя, старина,— послышался снисходительный голос.— Ты же хочешь путешествовать. Ты просто рвешься путешествовать! Пиши свое имя.

Огромные светящиеся камни меняли форму по прихоти тысячелетий, вытягиваясь щупальцами, желающими обнять всю Вселенную.

Он силился удержать крохотную ручку в пальцах. Начал было писать, но буквы расплывались перед глазами.

— Еще одно усилие.

От усердия он высунул язык. Кто-то взял его за руку и сказал:

— Нормально.

Алган уронил руку, ощущая, что она вот-вот оторвется под собственной тяжестью. Рука увлекла его за собой, и он утонул в бесконечности, кружась среди жемчужных скал. В ушах гремела пронзительная музыка. Он летел вниз, в колодец с жемчужными стенками, навстречу зеленой воде и зеленому небу, зажатому в серый цилиндр, навстречу зеленому полу и зеленому потолку, которые все быстрее и быстрее сближались друг с другом. Жемчужные стенки превратились в узкую полоску между двумя зелеными кругами, затем стали ниточкой. Колодец взорвался.

Алган выпрямился, в его зрачках еще плясали огоньки. Он инстинктивно пощупал, на месте ли пистолет, затем встряхнулся, словно вылез из воды.

Рядом никого не было. Толстяк с жирными пальцами мог

и присниться.

Алган поднял руку и щелкнул пальцами.

— Чего-нибудь спиртного, — крикнул он.

Он выпил одним глотком содержимое стакана и сразу почувствовал себя лучше. Он поднялся и хотел было идти. Но в ногах «бегали мурашки», словно он столетия пролежал за столом. Видно, он выпил слишком много зотла. Алган пошарил в карманах и бросил на стол несколько монет. Затем направился к двери. Кто-то поздоровался с ним, и он в ответ лениво махнул рукой. Споткнувшись о порожек, Алган едва сумел устоять на ногах.

На улице его словно мокрым саваном облепил тяжелый влажный воздух Дарка. Алган несколько раз зажмурился, стараясь привыкнуть к темноте.

Он с трудом ковылял по плохо освещенной улице. Его ноги разъезжались на скользкой мостовой, истертой тысячами сапог. Но тренированный взгляд впивался в каждый сгусток тьмы. Дарк был безопасным городом, но относительно безопасным. И меру этой относительности лучше было не знать.

Ему некуда было идти. Он надеялся провести ночь где-нибудь в Старом городе. Подремать вполглаза, прижавшись спиной к стене и не выпуская рукоятки пистолета.

Ориентируясь по огням космопорта, он нырнул в ворота, проскальзывал во тьме между старинными домами, ровесниками порта, старался обходить освещенные места. Иногда он спотыкался, останавливался в нерешительности, и тогда всполохи от стартующих кораблей помогали ему разглядеть дорогу.

Вдруг он насторожился:

— Пора, — крикнул кто-то.

И тут же на него набросились сразу несколько человек. Он не видел, откуда они появились, пригнулся, стараясь увернуться от рук, и проскользнул меж ног нападавших. Затем бросился бежать, иногда оборачиваясь, чтобы рассмотреть преследователей.

Топот его сапог гулко раздавался в темноте. Он не надеялся удрать. Ворваться в открытые двери в этой части города было не менее опасно, чем оказаться в руках напавших. Единственным спасением мог быть полицейский психопатруль. Но в ночное время полиция — редкий гость в кварталах Старого города. Полицейским здесь нечего бояться, просто в их присутствии не было особой необходимости. Жители Старого города не требовали от полиции защиты, а полиция старалась по возможности не беспокоить их. Это было частью давнего негласного уговора и позволяло жителям десяти пуританских планет критиковать пороки Древней Планеты.

Правая рука Алгана скользнула к кобуре с лучевым пистолетом. Убийство было тяжким преступлением, и он не мог решиться на него с легким сердцем. Полиция никогда не

верила версии о самообороне.

Он оглянулся — преследователи были совсем рядом. Они бежали почти бесшумно. Он различил четыре силуэта. Быть может, позади них были и другие. Исход борьбы был предрешен, если только он не перестреляет всех.

Он резко свернул в боковую улочку, которая заканчивалась громадной лестницей, спускавшейся к космопорту, но почувствовал, что не успеет добежать до бронзовых ворот. За спиной раздался раскатистый смех. Это разозлило Алгана и придало ему сил. Какие-то мгновения он надеялся уйти от погони в этом извилистом коридоре. Прыгая через ступени, он неся между глухими стенами, позволявшими видеть только узкую полоску звездного неба над головой. Он не знал, кто его преследователи, зачем гонятся за ним и где находится теперь.

Он задыхался. Правая ладонь сжимала рукоятку лучевого пистолета. Может, пора остановиться и вступить в бой? Или он ближе к порту, чем кажется? Преследователи не оставили времени для выбора. Они открыли огонь первыми. Но они не собирались его убивать. Тяжелый липкий предмет ткнулся ему в затылок, а ноги оплели прочные, словно стальные тросы, веревки. Он упал вниз лицом, выставив вперед руки. Он хотел было, сжавшись в комок, скатиться вниз по ступеням и постараться выхватить пистолет, но ощутил новый толчок в затылок, и новые веревки опутали ему руки. И все же он успел выхватить пистолет и нажать на спусковой крючок. Выстрела не последовало. Теряя сознание, он ощущал рукоять — магазина не было.

Он отбросил бесполезное оружие, и пистолет застучал по ступеням. Преследователи схватили Алгана.

— Это он.

— Усыпи его.

Он почувствовал присоску позади уха. Полоска звездного неба над головой начала вращаться и зеленеть, а черные стены обратились в серо-жемчужный туман.

— Спокойной ночи,— пробормотал он и тут же заснул.

Алган плыл, окутанный серо-жемчужным облаком. Очнувшись, он инстинктивно сунул руку за пистолетом, но оружия не было — он лежал обнаженный на постели. В комнате с белыми стенами не оказалось даже окон.

Он приподнялся на локте, ничего не понимая. Смутно помнилось, как накануне ввязался в какую-то драку. Но что было до нее? Оглядевшись, он решил, что помещение похоже на тюремную камеру.

Может, его схватила полиция? Эта мысль ему не понравилась. А может, он ранен? И попал в больницу? Или ему прописали лечение сном? Чувствовал он себя отлично.

Алган внимательно огляделся. Похожие помещения он видел в космопорте, где однажды ему довелось побывать. Комната не вызывала особых страхов, беспокоило только отсутствие двери, окон и люка в потолке, но он решил не терзаться по таким пустякам. Как его сюда доставили, так и выведут. Его больше беспокоило отсутствие одежды. Неужели ее украли?

Он попытался вспомнить, что же все-таки произошло накануне. Машинально почесал за правым ухом и вдруг похолодел — ведь его усыпили. Это было куда серьезнее, чем потеря одежды. Усыпители имелись только у полиции. И обычной банде грабителей не просто было их раздобыть. Скорее всего, он попал в лапы полиции.

Его раздражали голые стены без единой трещины и щели — как тут угадать, в каком месте находится дверь. Алган надеялся, что ему не желали зла — ведь если бы его хотели убить, то сделали бы это, пока он лежал в беспмятстве. Он вновь улегся и принялся ждать. Ему не хватало информации ни для подготовки побега, ни для защиты. Если же он попал в лапы полиции, то его могли упрятать за решетку по меньшей мере за пять проступков.

Вдруг одна из стен засветилась и сделалась прозрачной. Он увидел космопорт, а вдали, между устремленными в небо иглами кораблей, которые теснились на гигантской бетонной равнине, сверкали громадные бронзовые врата, как бы олицетворявшие собой границу между упорядоченностью космоса и городским хаосом.

Стена справа распахнулась, затрещав, будто рвущаяся ткань.

— Встаньте и идите.

Он подчинился приказу. Узкий, слабо освещенный коридор смыкался позади него, как только он проходил.

Вскоре Алган оказался в маленькой темной комнатке. Пока он пытался осмотреться, что-то горячее обвилось вокруг его руки. Соппротивление было бессмысленным. Он почувствовал легкий укол. Затем его окатило теплым дождем. Поток инфракрасного излучения тут же высушил кожу. И вновь перед ним распахнулся теперь уже широкий и ярко освещенный коридор. Коридор привел в помещение, где висела одежда. Это оказался комбинезон звездоплывателя.

— Одевайтесь!

Он быстро натянул одежду, понимая, что возражать бесполезно.

Алган снова двинулся вперед. Здание походило на ком теста, в котором по чьему-то желанию образовывались пустоты. И вдруг стены коридора разошлись в стороны. Алган замер: ему показалось, что он парит в воздухе над космопортом.

На самом деле, оглядевшись, он понял, что коридор вывел

его в огромный зал, одна из стен которого была прозрачной и открывала вид на космопорт. Когда глаза Алгана привыкли к свету, он увидел за огромным белым столом человека в синей рубашке, который, казалось, ждал его.

— Приветствую вас,— произнес человек.— Полюбуйтесь портом, это неплохо для начала.

Алган молчал. Его на самом деле захватил открывшийся вид, но он еще и не знал, что ответить. Он впервые попал в космопорт. Такие, как он, обычно обходили его стороной.

— Думаю, нам предстоит разговор,— начал он.

— Приятно слышать разумные речи,— усмехнулся человек в синем.— Я так часто вынужден уламывать людей, попадающих сюда впервые, что мои функции порой не доставляют мне удовольствия. Садитесь, пожалуйста.

Алган удобно расположился в синем кресле.

— Слушаю вас.

Человек в синем смутился.

— Мне казалось, вас терзает желание задать мне кое-какие вопросы?

— Пока меня терзает только голод,— небрежно обронил Алган.

Он не спешил выяснять свое положение. Он наслаждался удобным креслом, с интересом рассматривал ковер с необычайно сложным рисунком, белый стол и упивался невероятной панорамой космопорта.

— Как хотите,— сказал человек в синем и нажал кнопку.

Он молча разглядывал Алгана, пока тот ел. Покончив с едой, Алган поднялся и встал лицом к окну.

— Как вас зовут?— спросил он.— И почему мне выпала честь воспользоваться вашим гостеприимством?

— Вам все же интересно,— усмехнулся человек в синем. Его серые бегающие глаза остановились на лице Алгана.— Мое имя Тиал. Йор Тиал. Не уверен, что оно знакомо вам. Вы, похоже, смирились со своей участью?

— Что вы имеете в виду?— холодно осведомился Алган. Он старался сохранить невозмутимость, хотя ощущал все возрастающее беспокойство.

— Прекрасная участь — завоевание пространства!— воскликнул Тиал, широким жестом показывая на корабли и порт.

— Вы издеваетесь надо мной,— отмахнулся Алган.— Я никогда не покину Землю.

— Ай-ай-ай,— усмехнулся человек,— стоит ли понапрасну сотрясать воздух? Тем более что вы поставили свою подпись...

— Какую подпись?— удивился Алган.

И вдруг у него в голове все прояснилось. Его обвел вокруг пальца вербовщик! Вчерашний толстяк подпоил его, чтобы заполучить подпись, и теперь его, Алгана, собирались отпра-

вить в космос, на какую-нибудь заброшенную планетенку, до которой придется добираться бог знает сколько времени на полуразвалившемся суденышке. Он вдруг ощутил приступ злости. Подобные слухи ходили в Старом городе, но он никогда не придавал им особого значения. И если кто-то вдруг исчезал из древних кварталов Дарка, вопросов никто не задавал; человек мог вернуться через год с карманами, полными денег, которых хватило бы на приобретение половины континента Древней Планеты, а мог навсегда растаять в плотном воздухе Дарка. Алган считал, что галактиане давным-давно оставили в покое древнепланетян.

— Думаю, вы все поняли. Хотя кое-какие подробности, возможно, вас заинтересуют. Могу прочесть вам контракт. Обычно люди, подписавшие его, верят нам на слово. Их даже не интересуют отдельные пункты. Могу вам поклясться, это — выгодная сделка.

— Она незаконна, — сказал Алган. — Такое мошенничество не сойдет вам с рук. На Земле еще есть закон.

— Конечно, есть, — согласился Тиал. — И судьи должным образом оценят составленный по всем правилам контракт.

— Меня заставили его подписать обманным путем, — продолжал упорствовать Алган. — Вам это хорошо известно.

— Судьям будет интересно узнать такие подробности. Вас заставили? К вам применили силу? Вы уверены в этом?

— Насилия не было. Меня опоили наркотиком.

— Против вашей воли?

— Не совсем. Да вам лучше знать, что со мной произошло. Я требую созыва жюри. Я хочу подать жалобу.

— Прежде чем вы решитесь на какие-либо действия, хочу дать вам небольшой совет, — сказал Тиал.

Тон его был равнодушен и холоден. Алган понял, что его дела плохи.

— Вы признаёте, что приняли наркотик по собственной воле, не так ли? И утверждаете, что кто-то воспользовался вашим состоянием и заставил подписать бумагу? Вы настаиваете на этом?

— Не совсем так, — возразил Алган. — Некто угостил меня несколькими стаканчиками зотла. Он выглядел человеком, которому не с кем выпить. Я хотел сделать ему приятное. А этот подонок опоил меня. Я подписал какую-то бумагу, а он заработал на мне.

— Вы пили... по собственной воле? Вас не принуждали? Алган утвердительно кивнул.

— И вы признаете, что выпили так много, что потеряли контроль над собой?

— К чему вы клоните?

— А вот к чему. Прием наркотиков — провинность. Утрата контроля над своими поступками — еще одна провинность перед лицом закона. Я готов поверить, что ваш напарник

по выпивке действительно существует. Вы можете доставить его сюда связанным по рукам и ногам? Полиция занялась бы его поисками, но она предпочитает не трогать жителей Старого города. Людей вроде вас. Правда, бывают исключения. Итак, выбирайте — либо вас как наркомана арестует полиция и предаст суду пуритан, либо вы выполните условия контракта. Думаю, суд не без удовольствия сошлет вас на какую-нибудь новую планету, где придется здорово вкалывать. Вы же знаете, пуритане не жалуют наркоманов. Куда лучше — десять лет в космосе за счет правительства плюс деньги. Мне кажется, вы любитель приключений. Не будьте ретроградом. отправляйтесь в космос.

— Да, у вас здесь порядок, — сказал Алган. — Все между собой договорились — и полиция, и портовые власти, и космический отдел, и правительство. Мне остается только «сделать ручкой» — и в путь.

Он поднял голову, всматриваясь в далекое пламя, рвущееся из сопел звездолета. Поверх бронзовых врат он видел раскинувшийся на холмах город, беспорядочное нагромождение разноцветных кубиков, город, который ему суждено увидеть лишь через десять лет. Близкий и недоступный. Их уже разделили десятки световых лет и пустота, сотни солнц, возможные кораблекрушения, непредвиденные опасности, могущественные, неизвестные и враждебные существа.

Вдали за городом таяли в тумане зеленые равнины Земли с ее руинами, с ее погребенными под лишайниками и ледниками мертвыми городами и навсегда утерянными тайнами. Во Вселенной не могло быть второй такой же Земли. Он ощутил в себе какое-то новое чувство. Внезапно возникшее желание отомстить за обман и бессилие стали зародышем ненависти, которая за долгие годы в пустоте будет расти, пока не приведет к взрыву, который уничтожит и холодную бесчеловечность галактиан. Он рассчитается за все, когда наступит час расплаты. Но этот час придет еще не скоро.

— Меня похитили, — глухо сказал Алган. — Меня похитили. И я нахожусь здесь не по своей воле. Этого-то вы не можете отрицать?

— Если хотите называть вещи своими именами, вас действительно похитили. Но официально вас подобрал патруль полиции и доставил сюда согласно контракту. По правилам вас следовало отдать под суд. Но будучи людьми благодарной души, шефы полиции сочли, что вы имеете право отпраздновать подписание контракта, и закрыли на все глаза. Однако, если вы подадите жалобу, они будут вынуждены сказать правду. И поверьте, против своей воли.

— Если бы Галактика знала, как вербуют людей в первопроходцы! — воскликнул Алган. — Если бы она знала!

— А! Об этом многие знают. Но к словам жителей Дарка в космосе мало кто прислушивается. Уверен, вам рассмеются

в лицо, когда услышат вашу историю. А может, и вломят по первое число, узнав, откуда вы. Ретрограды вроде вас не в чести в Галактике. Лучше держите язык за зубами.

Алган вскочил и прижался к огромному окну. Ярость разрывала грудь. Ему хотелось разбить стекло и броситься вниз, в тысячеметровую пропасть навстречу фарфоровой земле. Хотелось увидеть, как взрываются и горят корабли, как разбегаются матросы, как гибнет порт под равнодушным взглядом отгороженного бронзовыми воротами города.

Космос был своего рода тюрьмой. Он знал это. И ему суждено плавать в этой тюрьме целых десять лет. В сердце его будет klokотать ярость, а память будет хранить эти сверкающие ворота и старый вольный город Земли, живущий своей непокорной жизнью.

— Мне понятны ваши чувства, — сказал Тиал. — Я видел здесь многих, но такие, как вы, встречаются не часто. Обычно люди вопят, кричат, угрожают, умоляют. А через три месяца чувствуют себя в космосе как дома. Надеюсь, с вами произойдет то же. Но, откровенно говоря, у меня нет уверенности в этом. Не исключено, на какой-нибудь планете вы найдете похожий город. А этот станет совсем другим, когда вы возвратитесь... через тысячу лет.

Алган медленно повернул голову. Его глаза горели недобрым огнем. Тысяча лет. Именно это падение, это бегство в пучину времени страшило его больше всего, и он не желал касаться этой темы. Десять лет полета со скоростью света в корабле и тысяча лет здесь. Порт практически не изменится, а город наверняка исчезнет.

— Я уже умру, — сказал Тиал, — когда вы вернетесь, если захотите возвратиться и вновь увидеть Землю. Здесь уже никто не будет помнить обо мне. Надеюсь, тогда вы перестанете ненавидеть меня. Хотя какое это может иметь значение. Будут другие люди, и они будут делать те же простые и трудные дела. Иногда мне кажется, что мы затеряны не в пространстве, а во времени. Когда на заре истории наши предки начали бороздить водные пространства на судах, движимых силой ветра, расстояния им казались непреодолимыми. А теперь мы плаваем среди звезд. Только время держит нас в своих цепких объятиях. И от этого нам в тысячу раз тяжелее.

— Замолчите, — крикнул Алган, — замолчите!

Столетия стучали в его барабанные перепонки, как песчинки о стекло песочных часов. Тысяча лет. Люди, которых он знал на Земле, умрут. На новых мирах каждый жил в одиночку, работал и торговал по своему собственному времени. Корабли уносили и приносили с собой годы. На планетах пуритан по этой причине запретили браки — после месяца путешествия сын оказывался старше отца, а это сочли аморальным.

В их решении была своя логика. Люди пылью летели навстречу звездам. Слабые и одинокие создания.

Но он, Алган, был продуктом древней Земли. Этого не могло случиться с ним. Его вселенная была шаром с видимым горизонтом, с друзьями на всю жизнь, со старым семейным домом.

— Поведение ретроградов сродни поведению животных, — с неприязненной усмешкой говорили пуритане.

Может быть. Может быть, они были правы. Может быть, человеку следовало измениться. Дорасти до масштабов нового дома — еще едва-едва разведанной Галактики.

Но все это было в будущем. А сегодня Алган, как почти всякий житель древней планеты, ощущал себя человеком прошлого.

— Мне не нравятся методы, которыми пользуется правительство, — тихо говорил Тиал. — Но я допускаю, что они разумны. Я тоже ощущаю себя человеком прошлого, но иначе, чем вы, поскольку родился на другой планете. Я пытаюсь вас понять. Я знаю, после меня придут другие люди, которые, возможно, станут вести себя жестче с жителями древних городов, которые никогда не поймут, в чем была слава Земли. Мне хотелось, чтобы вы знали все это. Люди вроде вас обречены. За тысячу лет все переменится. Когда вы вернетесь, Жерг, здесь не останется ни единой души, способной понять вас. Но, вероятно, к тому времени обретут историю иные планеты. Их история будет другой. И все-таки это будет история. Мы пробывали в космосе слишком мало времени. В Галактике больше годных для обитания миров, чем людей. Наше владычество над природой очень зыбко. И поэтому мы вынуждены посылать в далекие путешествия даже тех, кто не желает покидать своего родного мира. Нас можно сравнить с горсткой пыли в вакууме. Поймите нас, Жерг.

«У меня тысяча лет, чтобы разрушить все это, — подумал Алган. — Тысяча лет, или десять лет. Впрочем, это одно и то же».

Порт вздрогнул от мощного рева. С бетонной поверхности на огненном столбе величественно взмыл корабль. Он пронзил атмосферу, затмив на мгновение сияние солнца. На высоте тысячи километров планетарные двигатели отключатся и заработает ядерный двигатель. Звездолет будет набирать скорость до тех пор, пока не достигнет скорости света, а время для пассажиров застынет. Затем корабль совершит прыжок в подпространство и поплывет вне времени по одному из течений Вселенной к своей далекой цели, которую, быть может, еще никогда никто не видел.

— Желаю вам, Жерг, успешного путешествия, — произнес Тиал.

— Спасибо, — стараясь не встречаться с глазами себе-

седника, холодно ответил Алган. Он не отрывал взгляда от неба.

2. КОСМОПОРТ

Вся Вселенная прошита невидимыми нитями, которые могут стать маршрутом любого корабля. Из этих нитей сплеталось нечто вроде ткани, и каждый звездный или обитаемый мир был ее узелком. В далекие героические времена Земля рассеяла по Галактике свои споры, и те дали всходы. Через несколько веков освоение пространства замедлилось. И не потому, что были исследованы и заселены все миры, а потому, что стала ощущаться острая нехватка в людях. В некоторых солнечных системах жило всего по несколько семей. Самые густонаселенные планеты насчитывали не более сотни миллионов жителей, хотя в Галактике имелись и города, где численность населения достигала пятидесяти миллионов человек.

Наступило время парадоксов. Огромные мегаполисы и пустынные планеты были одними из них. Деятельность порта требовала громадного количества людей. На каждого улетающего в космос приходилось десять тысяч человек на планете. Тогда и возникли города с населением в сотни миллионов обитателей, которые раскинулись на целые континенты. Со временем машины позволили отправить большую часть населения этих городов на разведку новых миров. Самые древние города вроде Дарка, Тугара, Олнира, свидетели первых шагов человека в космосе, были жалкой тенью прежних колоссальных столиц. Люди могли гордиться славным прошлым человечества и чувствовать себя хозяевами космоса, но не могли предусмотреть всех ловушек Вселенной.

Случалось, что замолкал целый звездный сектор. И лишь спустя сотню лет люди узнавали, что произошло с его обитателями. Бывало, они просто-напросто исчезали, и тогда весь район объявляли опасным. Иногда люди отказывались от технической цивилизации и переставали пользоваться трансрадио. Социологи внимательно изучали эти неопримитивные народы, хотя у них едва хватало времени на наблюдения за множеством миров и обществ, которые возникали, развивались и умирали...

Человечество осваивало космос, но по-прежнему блуждало в лабиринтах Времени. Даже на каждой планете время текло по-разному в зависимости от ее массы, орбиты и положения по отношению к центру Галактики. А те, кто путешествовал со скоростью света, становились жертвами странных ловушек, расставленных Хроносом. История перестала восприниматься как непрерывный процесс. Ткань истории стала больше напоминать переплетение разнородных воло-

кон, а потому было невероятно трудно разобраться в причинах и следствиях событий. Войны утратили всякий смысл. Центральное правительство стало простым символом, на который ссылались в случае нужды местные власти. Однако это правительство, разместившееся на гигантской планете в районе Бетельгейзе, оказалось символом действенным и стабильным как в пространстве, так и во времени. Казалось, что лучи красной звезды-гиганта, видимой во всей Освоенной Галактике, доносят до самых отдаленных уголков волю центральной власти. И хотя планета правительства обращалась не вокруг Бетельгейзе, а вокруг соседней небольшой звезды, обеспокоенные или удивленные взоры устремлялись к Бетельгейзе. Само название Бетельгейзе произносили с почтением, словно красноватый свет звезды вливал в них новые силы.

Развиваясь на каждой освоенной планете своя культура или цивилизация, центральное правительство не могло бы повлиять на нее из-за искажений во времени. Но именно искажения во времени, связанные с межзвездными путешествиями, не позволяли выбирать особый путь. Во всей Галактике существовала некая верность центральному правительству Бетельгейзе, поскольку его власть была единственной стабильной реальностью в этом мире зыбкого времени.

Центральное правительство направляло своих чиновников, исследователей и первопроходцев во все известные миры Галактики. Когда они возвращались с устаревшей на века информацией, судьбы Галактики решали иные люди. Но это не имело никакого значения. Все данные накапливались в памяти гигантских компьютеров Бетельгейзе и позволяли составлять планы, которые могли быть реализованы через пятьсот лет в каком-нибудь отдаленном секторе Галактики.

Ибо главной задачей человека, стремящегося выжить в этой Галактике, было ее познание. Опасность крылась в недооценке опасностей. К этому можно было привыкнуть, но забывать не стоило. Первые исследователи погибали оттого, что не знали, как противостоять той или иной угрозе. Целью правительства была подготовка первопроходцев, способных выжить в любых условиях.

Алган боялся, что не выдержит тренировок. Еще не покинув космопорта и обливаясь потом в глубинах его подземелий, он считал, что больше никогда не увидит Дарк. Но биологи и психологи составили программы подготовки со знанием дела и проводили их на грани человеческой выносливости, поскольку космос не спрашивает, каковы ее пределы.

Тренировки закаливали человека как физически, так и умственно.

Когда Алгана впервые привязали к «большому креслу», он принялся шутить. Но уже на третьей минуте из его легких рвались только вопли:

— Оставьте меня в покое! Выключите эту чертову механику!

Он поносил своих мучителей последними словами, но те не слушали его. Они знали, что ощущает Алган, — ведь они сами прошли через это. И знали, что для Алгана эти испытания — единственная возможность не сойти с ума потом. Они также знали, что сам Алган сочтет свои мучения смехотворными по сравнению с теми, которые выпадут на его долю позже. Они только надеялись, что не ошиблись, когда исследовали организм этого человека.

Алгану казалось, что он падает в бесконечную тьму без единого проблеска света. Падение было бесконечным. Живот раздирали спазмы. Сердце билось то учащенно, то вовсе останавливалось — его организмом управляли команды, поступающие по электродам.

Алган выл:

— Отпустите меня! Остановите!

Падение было бесконечным, и падал он в небытие. Ярость его не имела границ. Он знал, что несется к какому-то громадному телу, скрытому во тьме где-то внизу. Но конца падению не было, дно с каждой секундой уходило все глубже вниз. Ему казалось, что он ослеп.

На четырнадцатой минуте Алган умолк — в горле так пересохло, что оно перестало пропускать звуки. Он знал, что достиг границ Вселенной, что пересечет их и конца его падения никогда не будет. Страх исчез — его череп стал вмещением куда более ужасных ощущений.

На шестнадцатой минуте он ощутил себя точкой. Он пытался припомнить время, когда у него были руки и ноги, но это было слишком давно и слишком невероятно.

На восемнадцатой минуте он почувствовал, что разбухает.

Ощущение постоянного роста во все стороны было невыносимым. Наконец его тело заняло безграничное пространство, опутав эту беспредельность до боли натянутыми нервами.

На двадцать первой минуте он взорвался. Крохотные частицы его тела разлетелись во все концы пространства. Он превратился в плотный туман. Разум пытался настичь каждую частицу и удержать ее, но его усилия были тщетны. Потом отказал разум.

Душу Алгана объял хаос. Полчаса падения сломили его. Он распался на атомы.

Те крохи разума, которые еще теплились в Алгане, отметили, что Вселенная враждебна. Сознание этого влило в него новые силы. Зернышко разума, обогащенное новым знанием,

принялось за реорганизацию разрозненных воспоминаний и прошлого опыта. В мозгу Алгана вспыхнуло пламя ненависти. Падение потеряло всякий смысл. Он неторопливо восстановил контроль над нервной системой. Ненависть помогла ему отыскать запасы новых сил в сокровеннейших закоулках души и обрести равновесие.

Именно к этому и стремились эксперты. К одинаковому результату приводили самые разные пути. Одни выдерживали испытание, черпая силы лишь в стремлении познать новые миры. Других спасал страх, именно он заставлял их искать пути его преодоления. Но блуждания во тьме создали совершенно нового Алгана. И если бы эксперты могли прошупать его мозг, то вряд ли испытали удовлетворение. Ибо в момент, когда обнажилось ядро его души, все существо Алгана прониклось ненавистью. И ей подчинилась нервная система.

К тридцать шестой минуте он вновь обрел себя. За последние пять минут он узнал о человеке и Вселенной больше, чем за предыдущие тридцать два года.

Он расслабился. Падение прекратилось. Он вынырнул из ночи.

Когда к нему бросились, чтобы извлечь из кресла, никто не заметил холодного блеска его глаз, прежде чем он потерял сознание.

Большое кресло было последним словом науки в области создания иллюзорного мира. Его электроды подменяли реальный мир, давая пищу воображению для создания любого мира. На некоторых планетах подобные кресла в упрощенном виде служили развлекательным целям. Иногда случалось и такое, их использовали как орудие пытки. Но во всех портах они служили для подготовки пилотов и первопреходцев.

Кресло появилось после трехсот лет интенсивных исследований нервной системы. Оно позволяло контролировать каждый нерв, включать или отключать любые синапсы. В случае неизлечимых неврозов оно было единственным средством врачевания, правда, не всякий больной выдерживал процедуру.

Кресло само по себе было целым миром. Существовала легенда, согласно которой великий Тулгар, создатель первого кресла, покончил с собой, испытав его и не найдя ему достойного применения, ибо в его детище неразрывно слились потенциальные рай и ад. Но век спустя началось Освоение. Кто-то вспомнил о Тулгаре и разыскал на университетском чердаке его кресло, которое могло воссоздать все чудеса и ужасы Вселенной.

Алган научился падать в самую темную бездну и ощущать неизмеримость окружающего пространства.

Ненависть служила ему спасательным кругом. Вначале он не знал, на кого ее направить, и ненависть клокотала в нем в первозданном, хаотическом и бесформенном виде. Затем он возненавидел порт, чужеродное тело на планете, и принялся хладнокровно разрабатывать способ его разрушения. Затем его ненависть обратилась на тех, кто построил этот порт. К концу второй недели тренировок (хотя ему казалось, что он провел в подземельях космопорта десятки лет) Алган решил уничтожить Бетельгейзе.

Завоевание звезд и освоение чужих миров были для него пустым звуком. Он знал только то, что его силой отрывают от Земли. Ну что ж, он станет той песчинкой, которая медленно и неотвратно источит громадный механизм освоения Галактики.

Когда он научился властвовать над тьмой и падением, его бросили на враждебные планеты и в совершенно чуждые миры. Однажды он, планируя, опустился на обширную сверкающую поверхность. Он распластался на ней не в силах шевельнуть даже пальцем. Он знал, что должен встать и пойти, но лежал, приклеившись к этой металлической громаде, намного превышавшей размеры Земли, а сверху на него давило черное небо, усеянное мириадами звезд.

Он с трудом встал на колени. Воздух был так сух и холоден, что рвал легкие.

Что-то гнало его в определенном направлении, но не было сил сделать и шага. Его обволакивал ужас, который накатывал волнами, хотя вокруг не существовало ничего, что оправдывало бы его страхи. На равнине не было ни одного препятствия, которое могло бы пробудить такое чувство.

Страх таился в глубине души. Алган был один. До сих пор ему не случалось бояться одиночества. Он не раз в одиночку пересекал океаны и континенты Земли. Но его нынешние ощущения не шли ни в какое сравнение с прошлыми.

Он понял — именно к этому стремились те, кто наблюдал за его тренировками, — как опасно полное одиночество в чуждом мире: там, где одиночка обречен на гибель, группа может выжить.

Но урок этим не кончался. Требовалось выжить даже в том случае, если у тебя не было никакой надежды на постоянную помощь.

Он пополз по ледяной поверхности. Что-то толкало его вперед, хотя он не мог понять, чем одна точка горизонта лучше другой. Он попытался сдержать дыхание, пополз

несколько сотен метров, и вдруг вся поверхность планеты опрокинулась. Его бросило вперед, и он заскользил по поверхности со все большей скоростью. Его руки искали любую шероховатость, чтобы зацепиться, но напрасно. В конце концов, выставив руки вперед, чтобы предупредить возможный удар, он выкатился на громадную равнину. Скорость падения возрастала. Небо медленно изменилось, а поверхность под ним посветлела. Она постепенно наливалась светом. И в то же мгновение из-за горизонта выползло громадное красное солнце.

Он понял, что падает на это солнце и ничто не может помешать этому падению. Красное солнце словно приклеилось к горизонту. Но пока Алган неся к нему, оно выкатилось в небо, затмевая блеск звезд и пожирая мрак.

Алгана подхватил вихрь.

Его подняло словно соломинку, хотя по гладкой краснеющей поверхности пробегало лишь легкое дыхание ветерка. И вдруг разразилась и заревела буря. Его завертело в воздухе, он не мог определить траектории своего полета. Он неся над поверхностью планеты, и та убегала назад с невероятной скоростью. Он заметил громадный темный силуэт, протянувший к нему свои щупальца. Он хотел закричать, но ему не хватило воздуха.

Алган понял, что это его собственная тень и он пролетает прямо под красным солнцем.

Его тащило вверх. В какой-то момент планета показалась ему невероятных размеров диском, вогнутым, словно чаша. Вдруг ветер стих. Алган перестал дышать. Он достиг звезд и, пока усыхали его легкие, пока в последних судорогах билось его сердце, а кровь сочилась сквозь поры, понял что умирает, паря на границе пустоты.

Он напрягся, пытаясь нарушить несущее смерть равновесие. Но рефлексy подвели его, мозг работал вхолостую, не давая ощутимого результата.

Он сжался в комок и резко распрямился. Его обуяла ненависть к красному солнцу, исчезавшему за горизонтом стального диска. Он нырнул вниз.

Алгану казалось, что он попал в безвыходную ловушку — если он даже и достигнет поверхности и вновь поползет навстречу красному солнцу, ему все равно снова не миновать циклона, который бесконечно будет носить его вокруг планеты. Он озверел от ненависти, ибо не мог остановить своего падения. Он проклинал кресло и техников, порт, Дарк, космос, звездолеты и Бетельгейзе.

«Я — игрушка,— думал он.— Паяц на ниточках. Но я доберусь до тех, кто дергает за эти ниточки».

Он не видел ничего, что можно было бы уничтожить или разрушить. Но за враждебной маской Вселенной явно кто-то прятался, наблюдая за ним. Этот кто-то корчился от смеха,

видя его тщетные усилия.

Этот кто-то насмехался над людьми.

«Ты еще попадешься мне», — подумал Алган. Он забыл о желании умереть на этом ледяном пустынном шаре или разрушить этот невыносимый мир.

Он оказался во тьме на ледяной поверхности. Красное солнце исчезло.

Он решительно пополз вперед. Взошло новое солнце, окутанный туманом голубой шар, в обрамлении трех других более мелких разноцветных солнц.

На горизонте возникла и сгустилась тень.

Он пополз быстрее. Новая декорация? Новая ловушка? На коже проступили жемчужины пота. Поверхность теплела по мере приближения к тени. Стальной кулак, прижимавший его к земле, чуть-чуть разжался. Он с трудом встал на колени, а затем и на ноги.

Теперь он видел горизонт с высоты своего роста. Он обернулся. Множественная тень, рожденная карликовым солнцем и его спутниками, была единственным темным пятном на глади равнины.

Он побежал.

На краю мира возник город. Город мечты. Его хрустальные башни высились над стальной равниной, а высокие стены казались скалами, бросавшими вызов холоду и тьме пустыни. Дворцы соединяли древние мосты — четкие контуры на фоне пустоты.

Внутри жили люди. Они готовились встретить его и чувствовать как героя. На шпилях башен бились флаги. Праздничная музыка достигала ушей.

Он принялся кричать, приплясывать, махать руками, чтобы привлечь внимание застывших на башнях часовых. Затем остановился. Он ждал любого звука — пистолетного выстрела, треска праздничной петарды.

Ничего. Никого.

Он снова бросился бежать. В душу закралось ужасное предчувствие. В холодном голубом свете солнца выросли бронзовые ворота города. В его памяти возникло неясное воспоминание. Эти ворота были ему знакомы.

Высокая стена была совсем рядом. Он бросился к воротам, которые были вдесятеро выше его и забарабанил в них кулаками. Бронза гудела, как гонг.

Никого. Ничего.

Он напрягся, и тяжеленные створки медленно подались. Их масса была невероятно велика, и он не верил, что ему удастся сдвинуть их с места. Створки едва разошлись, и он проскользнул в узкую щель в бронзовой стене.

«Я сумел, — подумал он. — Сумел».

Он шагнул в тень громадного портика, затем вышел на обширную пустую площадь, залитую холодным светом го-

лубого солнца и окруженную высоченными блестяще-белыми стенами. Прямо перед ним торчали башни и высилось гигантское здание, его крыша, казалось, подпирает небосвод.

Безмолвие.

«Я уже видел это», — не оставляла Алгана назойливая мысль.

Он направился к центру площади. Огляделся вокруг. Никого. И вдруг расхохотался. Он вспомнил. Он вернулся в порт, откуда отправился тысячи лет назад. За время его отсутствия все поумирали, умерла планета, погасли звезды. Он — последний человек на остывшей планете.

Алган смахнул со лба пот. Он опустился на землю, растянулся во весь рост и уставился на голубое солнце со спутниками, которое медленно уменьшалось в размерах.

«Все ложь и обман, — думал он. — Все ложь и обман». Он закрыл глаза, пытаясь вернуть ощущение падения во тьму беззвездного пространства. И помимо воли обрел спокойствие. В нем проснулась ненависть, она заполнила все его существо, и он ощутил радость.

И в этот момент его разбудили.

Тренировки в подземельях космопорта продолжались пять недель. Все это время Алган провел в одиночестве. Оно тоже входило в программу. Иногда ему удавалось заметить мелькнувшую тень, но техники никогда не заговаривали с ним. Он жил в полной изоляции, единственной пищей для его мозга, для развития необходимых рефлексов были кошмары, пережитые в кресле. Его сбрасывали на покрытые водой планеты, и он часами плавал в океанах, он пробирался через нескончаемые болота, карабкался на отвесные скалы, висел меж двух бездн, переходил пропасти по едва видимой проволоке, прыгал с высоченных пиков, тонул в зыбучих песках, слеп от нестерпимого блеска солнц, задыхался в плотном воздухе бурь и ядовитых облаках пурпурной пыли, боролся с осклизлыми лишайниками, которые пытались похоронить его под собой.

К концу пятой недели, когда его взгляд приобрел твердость, когда заострились и стали угловатыми черты лица, на котором читался опыт десятилетий, проведенных в космосе, они позволили ему выйти на поверхность.

И только тогда он открыл, что такое космопорт. Алган начал с того, что обошел вокруг огромное здание с диспетчерской башней и ее устремленными в пространство антеннами. Потом ему разрешили безнадзорно бродить среди ракет, расспрашивать пилотов и первопроходцев.

Звезды были источником неисчислимых богатств и невероятного могущества. Звезды были одновременно и адом и раем — с таким видением космоса его познакомило кресло.

Звезды были феерическим, полным ловушек миром, и люди пытались овладеть им.

Названия кораблей напоминали о чудесных и странных местах. Их контуры отличались друг от друга — корабли прибывали и с окраин, и из центра Освоенной Галактики. Неизменными оставались лишь черные корабли Бетельгейзе. Их устаревшие формы не мешали мощным двигателям этих хозяев пространства настичь любое торговое судно и добраться до самых отдаленных миров.

Суда несли в своих трюмах товары со всей Галактики. В одной части порта воздух был пропитан ароматом пряностей, в другой хранились груды невесомых мехов с Альдрагора. В прозрачных клетках ожидали своей участи сказочно прекрасные или отвратительные животные — гигантские розовые пауки, пурпурнокрылые вампиры, зунские амфибии, способные менять форму своего тела, живые камни с Алгола, сверкающие словно пламя пожара.

Алган научился распознавать, откуда прибыл встреченный, по цвету кожи, форме черепа, цвету глаз, акценту. Он мог с точностью до года назвать дату постройки того или иного корабля. Некоторые из них были созданы на Земле много веков назад, в самом начале Освоения. Но они до сих пор бороздили ледяные просторы космоса.

* * *

Целыми днями Алган бродил по верхней кольцевой дороге и заново открывал для себя Старый город, каким он видится из космопорта. Он казался ему далеким и чуждым. Алган почти уверовал в то, что прибыл сюда на звездолете и впервые увидел громадный город с теснящимися домами и узкими грязными улочками. Он знал, что ему не удастся вырваться в город до отлета. Попав в холодный и безликий космопорт, можно было считать, что мы уже в полете. Порт выглядел чуждым городу инородным телом, упавшим с небес метеоритом, который зарылся глубоко в землю планеты, и та едва мирится с его присутствием. Алган все еще иногда чувствовал себя жителем Старого города и ощущал, что в порту он пленник. И это ощущение было не из приятных.

* * *

— Вы очень странный человек, — сказал Алгану психолог.

Они стояли на самом верху башни и разглядывали порт, живший своей лихорадочной жизнью, — с ревом стартовали небольшие суда, обеспечивавшие местную связь, величественно взмывали вверх тяжелые ракеты.

— Думаю, что на заре Освоения таких людей было много. Это были люди, привязанные к родному миру, которые видели в освоении космоса лишь естественное расширение

границ собственной планеты. Сейчас основная проблема состоит в том, чтобы понять, как наша цивилизация может использовать таких людей, как вы.

— Я не просил, чтобы она занималась мною,— глухо ответил Алган.

— Знаю,— сказал психолог. Он поднял голову и стал разглядывать затянутое тучами небо.— Знаю. Но ваше желание не имеет особого значения. Люди образуют в космосе некую общность. Неужели мнение одной клеточки этого громадного организма может что-то значить?

Алган не отрывал взгляда от подернутого дымкой Старого города.

— Вы мыслите на древний манер,— продолжал психолог.— Наверно, в этом есть свое очарование. Не знаю. Но теперь человек столкнулся с такими проблемами, которые еще ни разу не возникали на его пути. Старый образ мышления обречен на исчезновение.

Светлые глаза психолога холодно рассматривали Алгана.

— Сейчас во всех космопортах, в самых отдаленных уголках, на самых захудалых кораблях рождается новый образ мышления. Новое выковывается в схватках с пространством, поскольку люди во всех концах Освоенной Галактики, невзирая на Время и Пространство, зависят друг от друга. К примеру, какой-то корабль покинул родную планету три года назад по своему бортовому времени, а на планете тем временем прошло целых пятьдесят лет, траектория его полета была рассчитана задолго до вашего рождения, а он может оказать прямое влияние на вашу судьбу. И против этого ничего не поделаешь. Думаю, что первые одноклеточные, которые слились, чтобы образовать многоклеточный организм, могли испытывать нечто подобное вашим чувствам, хотя и в ином масштабе. Скорее всего, они тоже ощущали себя крохотными пленниками. Но для них это был единственный способ уменьшить зависимость от окружающей среды, покорить океаны, затем сушу и стать тем, что мы есть теперь. И, окажись вы в положении этих простейших, вы непременно попытались бы уничтожить хоть одно из этих многоклеточных существ. Сейчас же, как мне кажется, вам доставило бы удовольствие уничтожить это еще не сформировавшееся существо-человечество. Именно поэтому вы заинтересовали меня. Не надеюсь вас переубедить, ведь вы принадлежите к редкому виду, к виду мятежников. Таких, как вы, осталась сущая горстка, быть может, несколько миллионов, и мы посылаем вас по одному на освоение космоса. Некогда вы царили на этой планете. Вы прозябали и часто воевали. И все же то была эпоха величия. Наше величие кроется в ином. Оно выковывается усилиями миллиардов людей, миллионов звездоплавателей, тысяч ученых. Знаете,

над чем сейчас работают на Бетельгейзе? Над составлением Галактической энциклопедии. Она будет чем-то вроде коллективной памяти всей Галактики, и ее объем будет расти по мере новых открытий. В силах ли вы оценить это?

— Оставьте меня в покое,— процедил Алган.

* * *

К концу второй недели Алган решил исследовать диспетчерскую башню. Двери сами открывались перед ним. Электронные цепи, которые включали их, уже, наверно, снабдили его приметами, как и приметами других первопроходцев, чтобы они беспрепятственно передвигались по космопорту и знакомились с его тайнами, дабы не попасть впропак в похожих один на другой порталах Освоенной Галактики. Но Алгану редко встречались его будущие коллеги. Более того, он сам избегал встреч с ними. С большинством из них в Дарке он не перекинулся бы и словом без оружия в руке. Здесь же они выглядели безобидными и даже более потерянными, чем Алган. Они целыми днями просиживали в своих комнатах, играли, ссорились, но не осмеливались вступать в драку. Такие почувствуют себя в родной стихии только на какой-нибудь планете с топором в руках и оружием за поясом.

Медленно поднимаясь по пандусам, увлекаемый антигравитационными полями, несомый невидимой и невещественной опорой, Алган не переставал размышлять. Он начинал понимать, зачем Галактике нужны такие города, как Дарк. Это был резерв человеческого сырья, быть может, созданный искусственно. Бетельгейзе черпала из него людей, привыкших жить по волчьим законам, а потому способных освоить отдаленные планеты. Хотел он того или нет, но Алган в самом деле был лишь клеточкой гигантского галактического организма. При этой мысли его захлестывала ненависть, что, впрочем, не мешало ему восхищаться башней космопорта.

Изнутри казалось, что верхняя часть ее парит в пустоте. Стены из сплошных стекол открывали вид на порт и небо. Стекла пропускали свет только внутрь помещения, так что снаружи башня походила на матовую громаду, высеченную из единого куска горной породы, рухнувшего на Землю. Изнутри башня казалась хрупкой конструкцией из стекла и особого металла, шелковистого на ощупь, будто старинный бархат. Но на самом деле даже потерпевший аварию звездолет, свалившись прямо на нее, не оставил бы и царапины на ее стенах.

На самом верху башни располагались диспетчерские службы порта, контролировавшие полеты торговых судов и черных кораблей Бетельгейзе.

Переступив порог одной из дверей, Алган оказался в помещении трансрадио. Еще не войдя, он знал, куда попадет.

Впервые проникнув в эту часть порта, он свободно ориентировался в лабиринте коридоров и вертикальных шахт. Его мозг во сне получил массу нужных знаний, которые проявлялись по мере необходимости. Это были практические знания. Он не имел представления о том, как работают те или иные установки, но знал, как их использовать. Обучавшие его не проверяли, как он усвоил урок. Для них главным было подготовить его к выполнению предназначенной задачи.

Алгана мучил вопрос, многие ли разбираются в том, как работает сложный механизм космопорта. Может, этого здесь не знает никто? Может, это один из самых охраняемых секретов Бетельгейзе? Может, именно поэтому Освоенная Галактика была столь слитной, несмотря на разделявшие людей бездны пространства и времени?

Станция трансрадио представляла собой колодец в стенах которого находились ниши. Их соединяла наклонная плоскость, которая спирально вилась к самому куполу. В каждой нише сидел оператор — он настраивал аппаратуру, слушал, говорил сам. Здесь звучали все голоса Галактики...

Алган неторопливо поднимался по спирали, прислушиваясь к этим голосам пространства. Искаженные, сжатые, растянутые, бестелесные — это были голоса иного мира.

Алган вглядывался в спокойные лица техников, заставлял себя не вдумываться в слова, искаженные временем и пространством.

Слова.

Он понимал их. То были координаты кораблей, новых планет, имена, формулы, даты, не имевшие никакого значения, сухие, строгие отчеты, безответные призывы о помощи — и все это было рассеяно, растворено во времени.

Время.

Время, быстро текущее здесь и медленно ползущее в космосе, где оно подчинено скорости кораблей и планет. Обманчивое, изменчивое время, разрушитель информации, время, которое преобразует живой человеческий голос в безликий ослабленный звук, теряющийся среди взрывов звезд и шепота частиц, прилетевших из иных галактик после миллионного пути.

Время.

Каждый корабль, каждая планета, каждая звезда, каждый кусок Вселенной живет со своей скоростью, по своему собственному времени. Только трансрадио спорило со временем и бросало вызов пространству. Оно позволяло с минимальными затратами энергии связываться с любым телом в космосе, используя иные измерения.

Принцип его работы не отличался от принципа работы звездолетов, но воплощение было более примитивным.

Звездолеты не могли летать со скоростями, превышающими скорость света, но в пространстве существовали иные

пути, куда более короткие, чем те, которые наблюдались в оптические телескопы. Корабли проходили через подпространство и сокращали путешествие до одного года вместо ста лет обычного полета. Но чем короче был путь, тем тяжелее проходил перелет. Чем сложнее выбиралась траектория полета, тем больше изменялись корабли, и иногда их приходилось просто-напросто уничтожать. Ученые рассчитали безопасные границы. И пути, ведущие от одной звезды к другой, оставались, несмотря на сокращение, довольно значительными. Для трансрадио проблем необратимых искажений не существовало. Оно использовало кратчайшие пути подпространства. Послание могло исказиться, часть информации — исчезнуть, но, если его содержание оставалось понятным в момент приема, всех это устраивало.

Трансрадио позволяло осуществить контакт между временами разной продолжительности: между временем планеты и временем стартовавшего с нее звездолета или временами планет, вращающихся вокруг разных солнц каждая со своей скоростью.

Поэтому искажались голоса. Минута на приближающемся, начавшем торможение корабле равнялась трем минутам на Земле, и голос становился густым, медленным, утробным и тянулся, как жидкое тесто.

Хорошо различались голоса из тех точек Вселенной, где время было сопоставимо со временем Земли. А в посланиях со звездолетов слова порой растягивались на часы, и прием длился неделями, если не месяцами. Существовали специальные меры, чтобы обходить такого рода препятствия. Корабль-передатчик мог записать свое сообщение в ускоренном виде и послать его в пространство. Но иногда и эти хитрости не помогали, и тогда вступала в действие аппаратура, которая слушала хрип, доносившийся из космоса, и преобразовывала его в обычные голоса.

Время.

Блуждая по порту, Алган на каждом шагу видел печать времени. И в глубине души он сознавал, что человек уже приступил к освоению времени так же, как он когда-то начинал освоение пространства.

Поднимаясь к куполу, он понимал, что через месяц на Земле от него не останется и следа, если не считать растянутого голоса его корабля, который будут ловить антенны космопорта.

3. ДОРОГАМИ КОСМОСА

Алган закрыл глаза и попытался расслабиться. Но его пальцы невольно сжали подлокотники кресла до белизны в костяшках. Его ждало тяжелое испытание — первое путе-

шествие в космос. Он должен был совершить прыжок в далекое пространство. Прыжок к звездам. Он открыл глаза и обвел взглядом зал. Все выглядело как обычно — в креслах сидели люди, только черты их бледных лиц заострились, и они старались не замечать друг друга.

Алган повернул голову и посмотрел на своего соседа — широкоплечего молодого человека. Лицо его побелело, не смотря на сильный загар. Губы что-то шептали. Неужели он молился?

На громадном экране, похожем на окно, чернел массивный контур диспетчерской башни. Чей-то спокойный, скучающий голос бубнил цифры и буквы, отчетливо произнося каждый слог. Алган знал, что теперь ему долго не придется слышать голос Земли.

Он удивился, что не придает этому особого значения. Потом заметил, что дрожит от едва сдерживаемого возбуждения. Он отправлялся в путь. Алган всегда любил момент расставания с прошлым. А этот старт ничем не отличался от старта любого глссера из морского порта.

Ведь могло случиться и так, что ему понравятся те новые миры, которые он откроет.

Но он предчувствовал, что его отношение к ним будет иным, чем у галактиан и даже людей Бетельгейзе. Первые глядели на мир свысока и с презрением. Одна планета стоила другой, а одна эпоха напоминала другую. Они ценили лишь тот клочок земли, на котором жили в данный момент, тот воздух, которым дышали в данное мгновение, и только те секунды, которые были их настоящим. У бетельгейзиан отношение ко всему было другим — они напоминали хозяев, заботящихся о том, чтобы поднять стоимость своих земель, хотя заведомо знали, что никогда не посетят их. И те, и другие сознательно не замечали безбрежности космоса. Протяженность космоса представлялась им как дискретный набор задач, которые надо решить одну за одной.

Над экраном вспыхнула красная лампочка. Очертания башни размыло. Лампочка погасла. Ни грохота, ни малейшей вибрации. Алгана не вжало в жесткое кресло, он не услышал рева двигателей и скрежета металла. Только сменился голос, который с той же монотонностью чеканил слова, перечисляя цифры.

Корабль стартовал. Звездолет пересек границы атмосферы, и на экране холодным неподвижным огнем засияли звезды...

Алган встал и с осторожностью двинулся по проходу, ощущая в сердце сосущее чувство тоски: сила тяжести здесь была на треть меньше той, к которой он привык за тридцать два года скитаний по Земле. Отныне ему суждено жить в этих условиях — такая сила тяжести была принята на всех кораблях Галактики.

Он приблизился к экрану, повернулся лицом к сидящим

в креслах людям и спросил:

— Кто знает, к какой звезде мы летим?

Ответом ему было подавленное молчание.

* * *

Алган уселся и обвел взглядом тех троих, что делили с ним небольшую каюту с голыми стальными стенами,— Пейна, старого космического волка с изъеденным морщинами лицом, Сарлана, рыжеволосого молодого человека, его соседа в момент старта, и приземистого крепыша с бычьей шеей и крохотными глазками, чьего имени он не знал. Они выглядели неплохими ребятами, а двое последних во всем пытались копировать Пейна, упорно стремясь отвести взгляд от экрана, на котором чернела пустота с редкими блестящими звезд.

— К какой звезде мы летим?— переспросил Алган.

Пейн засмеялся.

— Уже дрожишь, Жерг? Наслушался историй про жутких чудовищ, которые населяют далекие планеты. Через пару лет станете жалеть, что их было маловато на вашем пути.

— А какое это имеет значение для нас?— скучным голосом пробормотал Сарлан.— Один мир или другой. В нашем положении...

Невысокий крепыш промолчал.

— Мы летим к центру Галактики,— сказал Пейн.— Там самая высокая плотность звездных систем и больше шансов наткнуться на подходящую для человека планету.

— Почему бы нам не глотнуть чего-нибудь покрепче?— неуверенно спросил Сарлан.

Пейн открыл шкафчик и извлек бутылку и стаканы.

— За старт,— предложил Алган.

Они молча выпили, избегая смотреть друг на друга. Их глаза скользили по блестящим стенам каюты, а лица выражали неуверенность.

Пейн усмехнулся.

— Не думайте, что будете жить в этой клетке целую вечность.

Он тронул клавиши переключателя. Свет погас. Кто-то уронил свой стакан, и тот запрыгал на упругом полу, словно мяч. Алган отступил на шаг, уперся спиной о металлическую перегородку и выбросил вперед руки, опасаясь нападения. Его зрачки расширились, пытаясь уловить хоть малейший свет. Но вокруг была беспроцветная тьма. Тишину разрывало лишь свистящее дыхание соседей по каюте. Алган напрягся — в нем проснулись древние инстинкты, древние страхи и древнее умение преодолевать их.

Затем посветлело. Холодный голубоватый свет постепенно усилился и стал ровным, обрисовав зыбкие контуры теней, тел, заиграл на зубах, глазах, металлических застежках.

Подул сильный ветер. Они пробуждались от сна в не-

объятном лесу. Над головой вековые деревья играли изумрудной листвой. Где-то за кустами журчал невидимый источник.

Алган обернулся. Его пальцы ощупали холодную стену. Они были пленниками в стальной клетке, и их окружал нескончаемый нереальный лес.

— Значит все, что рассказывают о звездолетах,— правда,— проговорил он.

— Ничего не бойтесь,— улыбнулся Пейн. Он нагнулся и запустил руку в траву. Она прошла сквозь изображение и нащупала стакан.

— Не бойтесь ничего,— повторил Пейн.— Это обычная техника. Я специально не предупредил вас, чтобы эффект был разительней. Пустую холодную каюту можно превратить во что угодно — в горы, леса, моря, подводные бездны, просторы заоблачных высот...

Во время первых полетов люди часто сходили с ума от однообразия и монотонности путешествия. Психологи нашли выход. Они создали иллюзию, полную и совершенную. Они преобразили окружение, сделав его изображением, декорацией, игрой. Вы можете скользить меж звезд и бродить среди руин давно покинутых дворцов. Вы — творцы, пока длится путешествие. Но человек привыкает ко всему. И вскоре начинает ощущать эти леса и горы как декорацию, необходимую для борьбы с клаустрофобией. Человек родился под открытым небом, и отсутствие небесных просторов давит на него сильнее, чем свинцовая клетка. Он не может долго выдержать отсутствия неба. А потому уносит его с собой в свои путешествия.

«Иллюзия»,— думал Алган, поглаживая пальцами холодную переборку. Он вспомнил бескрайние леса и долгие скитания во время охоты, усталость мышц, когда часами сидишь в засаде, поджидая добычу, ледяной ожог воды, охватывающий разгоряченное тело...

Они уселись на поросшую мохом каменную скамью, не выпуская из рук металлических поручней. Они перенеслись в сновидение, стали актерами своих собственных снов, растянутых на все путешествие, на долгие месяцы, пока звездолет будет бороздить космос в поисках новых планет.

— К какому миру мы летим?— в третий раз спросил Алган.

— Жеребец бьет копытом от нетерпения,— усмехнулся Пейн.— Я уже сказал, к центру Галактики. Но прежде мы совершим посадку на Эльсиноре, одной из планет пуритан. Если кто-нибудь пожелает остаться там, по-видимому, сможет это сделать. Но охотников жить там мало. Желание обосноваться в сих краях пропадает через несколько дней пребывания на этих проклятых планетах. Сами увидите почему.

— А затем?— спросил Алган.

— Не спешите. Миры, куда мы направляемся, еще не имеют имен. Они обозначены цифрами. Не исключено, Алган, что одну из них заменит ваше имя, если, конечно, вас не останется в живых. Планета Алган! Неплохо звучит. Нам еще далеко до настоящих испытаний. А пока мы будем развлекать друг друга байками, читать, покуривать трубки, надеясь, что так время пролетит быстрее. А когда побываете на паре-другой особо негостеприимных миров, станете молиться, чтобы каждая минута здесь текла как можно медленнее.

Алган встал и прошелся по каюте. Он ясно слышал скрип песка под сапогами. Возле стены лес исчезал, и в стене проступали очертания двери.

Он улегся в траву, закрыл глаза и ощутил на коже ласковое тепло несуществующего солнца, но пальцы его гладили отполированную поверхность пола.

— Зачем,— протянул он слендой,— и зачем только нужно осваивать эти новые миры?

Ему казалось, что его слова тают в пустоте. Остальные молчали. Он продолжил.

— Нами жертвуют по разным соображениям. Кому нужны эти жертвы? Неужели на освоенных планетах нет места для людей, которые появятся на свет еще много веков спустя?

Молчание спутников было ему не по душе, он чувствовал в нем недоверие, затаенный страх. Такой вопрос не следовало задавать вслух. Он прекрасно сознавал это, а потому на последних словах сделал особое ударение.

— Все решает Бетельгейзе,— нарушил молчание Пейн.— Но так говорить не надо, малыш. Это может плохо кончиться.

— Я хочу знать,— возразил Алган,— просто-напросто знать. Я должен быть уверен в том, что моя деятельность принесет пользу кому-нибудь или чему-нибудь.

— Зачем тебе это, малыш? От тебя требуют дела, вот и исполняй его! Разве все в жизни идет только на пользу чему-нибудь? Не мучай себя вопросами. Отвыкни от дурной привычки древнепланетян.

Пейн смотрел на Алгана с сочувствием, взгляд его казался даже дружеским. «Неужели за этими светлыми глазами,— подумал Алган,— кроется холодная пустота, вызванная долгими годами жизни в космосе?» Он перевел взгляд на Сарлана. Молодой человек выглядел испуганным, хотя его лицо не скрывало восхищения Алганом.

Алган устроил ноги поудобнее на моховой кочке.

— В конце концов, какая разница,— спокойно заключил он. Его мысли были заняты Бетельгейзе, ее тайным могуществом, ее укрывшимся в тени правительством, которое держало в руках нити судеб времени и звезд.

С каждой попыткой разобраться в хитросплетениях структуры пространства люди все больше убеждались в ее бесконечной сложности. Начав с простых абстрактных идей, они пришли к столь сложным геометрическим построениям, что сами едва понимали их. Одним из основных понятий, на котором зиждилось понимание пространства, было понятие геодезической линии, то есть кратчайшей траектории, соединяющей две точки пространства. Но реальное пространство состоит из множества, если не из бесконечного числа геодезических линий. И, как предсказал в начале эры Освоения Берже, две точки в пространстве могут быть связаны несколькими линиями, каждая из которых по-своему самая короткая, поскольку позволяет пропустить определенное количество информации. Ради простоты можно сказать, что одни линии короче других, но, двигаясь по этим более коротким путям, твердые тела и сигналы претерпевают большие искажения, хотя это, казалось бы, противоречит реальному физическому миру. Некоторые кратчайшие геодезические линии, которые априори кажутся самыми выгодными, непроходимы для кораблей — к концу перелета они деформируются так, что это ведет к гибели экипажа.

Первые звездолеты двигались по траектории светового луча со скоростью, далекой от скорости света. Продолжительность путешествия предсказать было почти невозможно, темпоральные искажения были необычайно велики, хотя коэффициент физических искажений оставался почти нулевым и катастрофы происходили редко.

Но человечество двигалось вперед гигантскими шагами. Вскоре корабли достигли скоростей, близких к скорости света, и сразу возросли искажения. Была разработана теория геодезических линий пространства, и создан математический аппарат, позволявший рассчитать вероятность искажений и дать примерную оценку ожидаемых изменений твердых тел и сигналов, отправленных по новым траекториям.

Теперь корабли двинулись по внесветовым путям. Люди научились определять местонахождение в пространстве безотносительно к звездам и электромагнитным источникам излучения. Корабль мог с удовлетворительной точностью ориентироваться в подпространстве по предыдущим координатам, скорости и смене направлений полета. Вероятность аварий была сведена к нулю. Ее можно было не принимать в расчет, тем более, что кораблю угрожали другие, более страшные опасности. Самым слабым звеном оставались люди. Ностальгия и однообразие полета, помноженные на чувство страха и одиночество, порождали нервозность, которая грозила гибелью всему кораблю. Психологи разработали условия, необходимые человеку в полете. Инженеры удовлетворили их требования. Выход был найден. Эпоха великих открытий и

проектов требовала своих гениев. И она их нашла, выпестовала и использовала. Некоторые из них, подстегиваемые временем, обратились к стимуляторам, которые вдесятеро усилили отдачу их интеллекта, хотя и вдесятеро быстрее разрушали их организм. Но то была эпоха величия и страстей.

За века из нитей, соединявших звезды, сплелась единая ткань. Корабли, набитые первопроходцами с древних миров, отправились на новые планеты. Появились новые центры цивилизации. За несколько веков численность человечества невероятно возросла, но по сравнению с количеством потенциально обитаемых миров население Освоенной Галактики оставалось более чем скромным. Неизмеримо обширное, неподконтрольное пространство, окружавшее людей, породило космические мифы. Историки и социологи подчеркивали, что серьезные конфликты остались в прошлом. И война действительно теперь велась только с одним противником — с пространством.

Обрели воплощение некоторые утопические идеи. Наступило время многочисленных и изменчивых цивилизаций. Именно тогда были заложены основы пуританских миров. И именно тогда утвердилась власть Бетельгейзе, крепнувшая по мере того, как отступали границы Освоенной Галактики.

Одни считали, что таков естественный путь развития, другие говорили о случайности и приводили в доказательство статистически предсказуемые результаты, третьи относили все на счет деятельности одного или нескольких скрывающихся в тени людей.

И эти последние были недалеки от истины, хотя вряд ли сознавали это.

* * *

Жерг Алган открыл глаза. Легкий ветерок приятно холодил лицо. Ночь еще не кончилась. В небе сверкали звезды, и две рыжие луны чинно кружили одна вокруг другой. Издали доносились протяжные крики каких-то животных. Они рождали спокойствие в истерзанной душе.

Алган приподнялся на локте. В лесу царил мир. Мох казался влажным, хотя до утренней росы было еще далеко.

Вокруг никого, нет ни оборудования, ни палаток, ни людей. Он машинально ощупал землю вокруг в поисках оружия. Ничего. Даже охотничьего излучателя на поясе не оказалось.

— Куда же подевалось сафари? — проворчал он и тут с трудом припомнил, что произошло.

Накануне они весь день лазали по руинам, которые так хотел осмотреть человек с Бетельгейзе. Они даже рискнули забраться в запретный сектор, чтобы подстрелить пару животных-мутантов. В конце концов они выбрали для стоянки лужайку подальше от стойбища аборигенов, запах которых раздражал даже Алгана.

Издали донесся вой. Алган впервые слышал его. Что-то в этом лесу было не так. Может быть, лунный свет? Ведь над Землей висит всего одна луна. Или его занесло в иные места? Разрозненные воспоминания путались в голове.

Он вскочил на ноги и сделал несколько шагов. На соседней койке спал человек. Алган склонился над ним. Лицо было незнакомым. Он никогда не встречался с этим седым морщинистым стариком. Он поразился бледности его кожи, она была словно соткана из лунного света.

Две луны. В голове прояснилось. Значит, он находится не на Земле.

Верно, он же в космосе.

Алган потряс спящего за плечо. В памяти проносились имена, знакомые лица.

— Где мое сафари?— крикнул он в лицо разбуженному незнакомцу и, не надеясь на ответ, охватив голову руками, опустился на край койки.

— Нет, повторял он,— нет.

К горлу подкатывало что-то вязкое, глаза недобро вспыхнули. Наружу рвался гнев и не только гнев, а что-то пострашнее.

— Ну-ну, малыш, не заводись,— голос у Пейна был сонный.— Мы всего два месяца в космосе и вскоре прибудем на Эльсинор.

— Я был вне...— пробормотал Алган.— Я был в лесу. И мне казалось, что я никуда не улетаю.

— Знаю,— успокоил его Пейн.— Такое случается со многими. Я сам очень долго видел в снах родной город. Красивый гордый город, выросший на алебастрово-белой скале в мире, который вы никогда не увидите и куда я никогда не вернусь, ведь он находится на другом конце Освоенной Галактики. Я жил там свободным человеком, и этого здесь никому не понять. Какая разница. Как говорится в пословице, миры мелькают, а люди приходят и уходят. Давайте разбудим Ногаро и пойдем перекусим.

У Ногаро, худощавого молчаливого брюнета с острыми чертами лица и глубоко запавшими глазами, были на удивление длинные пальцы. В его движениях ощущалась не столько сила, сколько ловкость и быстрота. На всякой древней планете, в древних городах, где полиция неведесуща, он прослыл бы опасным человеком.

Ногаро жил в одном блоке с Пейном и Алганом. Он никого ни о чем не расспрашивал, ничего никому не говорил и только безмолвно кивал головой. Видно, он знал о космосе не меньше Пейна, хотя и выглядел куда моложе его.

Экипаж звездолета относился к Ногаро настороженно. И Алган знал, что Ногаро имеет доступ в некоторые помещения корабля, куда первопроходцам вход воспрещен.

В столовой Алган стал выпытывать у Пейна, что тому

известно об Эльсиноре, и краем глаза наблюдал за Ногаро. До сих пор Пейн говорил о планетах пуритан лишь намеками.

— Увидите сами, когда приземлимся,— отмахивался Пейн.— Все, что могу вам сказать,— вид у города препечальный, жители носят странные маски. Вы получите такую же, покидая корабль. Но торговцы они отменные.

— Послушайте, Пейн,— не отставал от него Алган.— Неужели никому не удалось вырваться из лап полиции? Неужели никто ни разу не смог удрать на родную планету?

— А зачем?— удивился Пейн.— Только жителям древних городов может прийти в голову такая мысль. Жизнь в космосе имеет свои хорошие и плохие стороны. Но ведь и на планете она не сплошной праздник. Бетельгейзе лучше знает, что вам больше подходит.

— Вы в этом уверены?— вступил в разговор Ногаро.

— Простите?— удивленно воскликнул Пейн.

— Я спросил вас, откуда у вас уверенность в том, что Бетельгейзе лучше знает, что вам больше подходит?

Низкий голос Ногаро звучал глуховато, словно доносился издали, отражаясь от многочисленных стен и просачиваясь сквозь невидимые трещины.

Алган наклонился вперед и даже перестал жевать.

— Не знаю,— медленно протянул Пейн.— Я простой матрос. Я шатаюсь по космосу и старею. Люди из Бетельгейзе принимают решения. Я не знаю, хороши они для меня или нет. Если мне велят отправиться на новую планету и расчистить ее, я не спорю. Мне не важно, кто ее заселит, что там будет расти, я делаю дело, раз мне приказали. Так делаю я, так делал мой отец. Мы не чувствуем привязанности к какой-то одной планете. Мы свободные люди, а потому прыгаем с одной планеты на другую.

— Хорошо,— усмехнулся Ногаро, обнажив длинные зубы.— А вы, Алган? Что вы думаете по этому поводу? Как вы относитесь к политике Бетельгейзе?

Алган уперся ладонями в стол и глубоко вздохнул.

— Я ненавижу Бетельгейзе,— с расстановкой, но достаточно громко, чтобы его слышали за соседними столиками, процедил он.— Я ненавижу все, что исходит от Бетельгейзе, и у меня нет никакого доверия к ее политике.

Все взгляды обратились в его сторону. Вокруг воцарилась тишина.

— А можно узнать почему?— осведомился Ногаро.

— Я родом из древнего Дарка,— ответил Алган,— и не скрываю этого. Я — человек города и требую лишь одного: оставьте меня в покое. Зачем покорять новые миры, когда мы не в силах освоить те, которые подготовили наши предки?

Люди за соседними столиками внимательно прислушивались к разговору. Одни глядели на Алгана со страхом и отвра-

щением, в глазах других читалось нескрываемое восхищение.

— Это длинный разговор,— перебил его Ногаро.— Мы поговорим об этом, но не сейчас и не здесь. Мы должны быть могущественны, Алган, очень могущественны. Я тоже родом с древней планеты и знаю, как относятся к таким, как вы. Мы оба чудачки в этом мире, хотя наше отчуждение вызвано разными причинами. Может быть, наши странности взаимно дополняют друг друга.

— Да будет так,— произнес Алган, невольно вспомнив мимолетные дружеские связи, которые неожиданно возникали у него на древней Земле.

* * *

Ногаро был человеком удивительным. Он до тонкостей знал историю Освоенной Галактики, в его памяти хранилось множество рассказов, относящихся к любому из составляющих ее миров. Казалось, он избородил все пространство и путешествует с незапамятных времен. В отличие от Пейна, который нередко пересказывал одно и то же, Ногаро поражал разнообразием знаний. У него накопился невероятный опыт. Но страстью его, похоже, было освоение космоса. Ногаро говорил о мирах, словно о крохотных молекулах, перемещающихся в ограниченном пространстве. «Он сумасшедший,— повторял про себя Алган,— сумасшедший потому, что ему довелось созерцать нечто необъятное, но его сумасшествие величественно и заразительно». Ногаро особенно увлекала проблема разнообразия населяющих Галактику рас. В своих странствиях он встречал их множество. И все они имели общие черты. Эта странная общность так поразила Ногаро, что он задался целью открыть совершенно иную расу, отличную от человеческой. Легенды, ходившие среди звездоплавателей, крепили его уверенность в том, что такая раса существует. Он осаждал вопросами всех, кто забирался в неизведанные края.

От Ногаро Алган узнал, что Освоенная Галактика отнюдь не была монолитной — власть Бетельгейзе оспаривали. У нее имелись противники, и расстояния обостряли борьбу. Правда, Бетельгейзе умела выжидать. Мятежники исчезали, а пурпурная звезда по-прежнему продолжала светить. Бетельгейзе владела временем и знаниями.

Она, утверждал Ногаро, похожа на паука, который из центра гигантской паутины ощущает малейшее содрогание в каждой ячейке своей сети, но никогда не нападает. В сознании собственного старшинства и силы она выжидает до тех пор, пока мятежник не сможет шелохнуться в подготовленной для него западне. По словам Ногаро, бывшего в курсе всех слухов, ходивших в Освоенной Галактике, это был непогрешимый паук, ибо он был бессмертным самообучающимся созданием — комплексом громадных машин, которые в своих бетонных убежищах писали историю планет в полном соот-

ветствии со своей неумолимой логикой. И люди соглашались с властью холодных, бесстрастных машин, лишенных человеческих амбиций и воображения, которые нередко заводили человека в дебри пустых замыслов. Люди принимали их власть, как принимают реки и горы, и даже уважали их, ибо машины эти сотворил человек, хотя и в незапамятные, почти мифические времена.

«А что, если все это ложь? — часто думал Алган. — Может, вся Бетельгейзе была чудовищной ложью, а за машинами скрывалась какая-нибудь могущественная династия, сумевшая обеспечить себе многовековую власть под защитой мощных стен пространства и глубочайших рвов времени?»

«Какое место занимает в этой паучьей сети Ногаро? — спрашивал себя Алган. — И какое место занимаю я? И все те, кто живет, покоряет, осваивает миры и умирает, не зная, в чем смысл их дел, и прыгая с клетки на клетку по космической шахматной доске?»

Какое место занимал наивный Пейн? Какое — циничный Ногаро, с холодными, хитрыми глазами, расчетливой молчаливостью, отточенной речью? Какое — Жерг Алган, человек с древней планеты, представитель миров, обращенных скорее к прошлому, нежели к будущему, которые упиваются запыленной славой и не желают слышать о грядущих победах?

Или для них не было места? Может, они были лишними? Золой, пеплом неукротимого человеческого пламени, пожиравшего пространство?

Последние дни путешествия перед посадкой на Эльсинор Алган провел в библиотеке, но ни книги, ни магнитные записи, ни фильмы не дали ему новых знаний. Может, мир был устроен очень просто и Алган ненавидел его именно за это? Или имелась скрытая сторона, тайная действительность, которую следовало открыть и которая была истинной реальностью или ее фрагментом.

Но скорее всего, никто в Освоенной Галактике не ведал истины. Алган был недоверчив по натуре, и, слушая записи, читая книги и просматривая фильмы, он, словно охотник, крадущийся за неизвестным и, похоже, опасным зверем, особым чутьем угадывал неведомый след. Он шел вперед, никого не видя, но зная, что и человек, и зверь умеют ходить тихо, не касаясь веток, не всколыхнув воздуха, не оставляя следа.

А может, Ногаро прав? Может, спасение принесет иная, отличная от нас раса, которая обогатит нас своим опытом? А если она, эта иная раса, принесет гибель и разрушение?

По мере приближения к Эльсинору у Алгана пробуждался все больший интерес к планетам пуритан. Он почти ничего не знал о них, ему были известны лишь легенды, услышанные в притонах Дарка. Об этих планетах рассказывали мрачные истории, они пользовались худой славой, но никаких достоверных сведений ему раздобыть не удалось. События теряют

остроту, когда рассказ о них пересекает бездны времени и пространства. Преемственность традиций невозможна, когда каждый изолирован в своем собственном времени. А звездоплаватели не любят говорить о минувших делах. Бывают на редкость словоохотливые первопроходцы, но им мало что известно. И Бетельгейзе предпочитает, чтобы так и было. Бетельгейзе стремится быть единственным связующим звеном между разными мирами.

Триста лет назад по локальному времени, когда первопроходцы высадились на планеты, которые впоследствии стали пуританскими, они столкнулись с суровой враждебной природой. Она оказала влияние на характер поселенцев. Кроме того, они были первыми представителями подлинной галактической цивилизации. До них освоение велось людьми, чтившими старые традиции и любившими родной мир. Эти планеты обживали зрелые люди, большую часть отведенных им лет проводившие на борту тихходных звездолетов, бороздивших неисследованные просторы Галактики. Они привыкли к темпоральным искажениям и не могли представить себе мир, который бы не знал этих искажений, где время было бы стабильным. На исходных планетах они ощущали себя чужаками, ибо были современниками тех людей, которые умерли век, а то и два века назад. Они искали новый мир, в котором время обрело бы новую ценность, где жизнь зависела бы не от современников, а от будущих поколений. Они отыскивали десять планет, вращавшихся вокруг соседних звезд, и создали там свою цивилизацию.

Позже в космосе возникли и другие сообщества. Реакция на окружающую среду, положившая начало миру пуритан, лишилась смысла, ибо образ мышления изменился. А пуританские миры, бастионы древней традиции, единственной, которая существовала в Освоенной Галактике наряду с традицией Бетельгейзе, выжили, сохранив особую организацию и суровую мораль, а также странные, чуждые для инородцев обычаи. Космопорты, возведенные Бетельгейзе, существовали и на планетах пуритан, но здесь, как и на древних планетах, их едва терпели. Порожденные пространством, пуритане ощущали его воздействие и с подозрением относились ко всему новому, что могло поколебать сложившийся порядок...

Подозрение, быть может, есть ограниченная форма мудрости. Во всяком случае, космические течения принесли к берегам пуританских миров Жерга Алгана, человека, чей дух был отравлен горечью.

4. МИРЫ ПУРИТАН

На вратах космопорта ярко блестело звонкое слово «Эльсинор». Это легкое и певучее имя пришло из древних времен,

его окружала поэзия мифов, волнующая, смутная память о былом.

Сразу за высокими бронзовыми воротами начинались окраины города — вначале Алган увидел лишь море крыш со змеящимися щелями улочек. Но присмотревшись, он различил вдали громаду нового города.

Алган несколько дней мог полностью располагать собой: ему разрешалось ходить где угодно, нельзя было только покидать планету. Он знал, правительство Бетельгейзе не беспокоилось за своих первопроходцев; оно понимало, что жизни на этой планете они предпочтут жизнь на звездолете: пуритан не любили.

Алган натянул черные перчатки и надел мрачную маску, скрывающую от постороннего взгляда рот, уши и нос. Тончайшая ткань пропускала звуки, воздух и запахи. Открытыми оставались лишь глаза и лоб.

Алгана предупредили, что на Эльсиноре ношение маски обязательно. Открытое лицо здесь приравнивалось к тяжкому публичному оскорблению как сознательное нарушение пристойности. Виновнику грозила серьезная кара, даже если его защищала всесильная администрация Бетельгейзе.

Алган бродил по старым улочкам, где уже давно не ходил транспорт, разглядывал растрескавшиеся белые стены зданий, за которыми таилась тихая, едва приметная жизнь. Ему здесь нравилось. Он ощущал сходство с древним укладом, и, хотя пуритане осуждали образ жизни на старых планетах, он подмечал в городе те же следы развития и упадка, что и на Земле.

Он вспоминал слова Ногаро, который сказал ему перед самым выходом из звездолета: «Миры пуритан одержимы страхом состариться, и этот страх столь велик, что они изначально взвалили себе на плечи груз долгих прожитых лет». Бродя по городу, он понял, как справедливы слова Ногаро. Пуритане стремились создать вечную цивилизацию, они замыслили ее как жесткую систему, а потому с самого ее рождения над ней повисло проклятие, ее уделом был повсеместный склероз.

Пуритане занимались торговлей. Им удавалось первыми завладеть всем, что было ценного на новых планетах, а потом с выгодой перепродать добытое. В их портах можно было найти любые товары, имевшие хождение в Освоенной Галактике.

Улицы становились оживленной. Все чаще встречались полные достоинства фигуры в одеждах из черного или синего бархата — в зависимости от ранга или должности владельца, на их масках сверкали драгоценные камни. Прилавки магазинчиков, несмотря на строгость здешних нравов, ломились от самых разных товаров — старинной резной утвари с Атлана, шелковистых, невесомых мехов Альдрагора, изделий аборигенов, цветастых шалей, стеклянных шаров, внут-

ри которых, как в калейдоскопе, сменяли друг друга многомерные изображения, бронзовых табличек с непонятными символами, причудливейших форм и цветов кристаллов.

Богатства Освоенной Галактики были неисчислимы, и все, что было лучшего, продавалось на Эльсиноре.

Жерг Алган чувствовал себя здесь особенно одиноким. Листал ли он древние книги или любовался мягчайшими тканями, его не покидало ощущение одиночества, которого прежде он не испытывал. Впервые в жизни он попал в другой мир, а рядом не было ни друга, ни даже проводника, который помог бы ему найти верный путь, а в случае необходимости и встать на защиту. К тому же он утратил свободу.

Он отбросил ткань на прилавок к великому огорчению торговца — даже безликая маска не скрыла жадного блеска его глаз. Скупость у пуритан считалась добродетелью, ее относили к числу достоинств, в то время как высокие человеческие чувства считались пороками.

Среди груды многоцветных тканей и роскошных фолиантов в парчовых переплетах Алган заметил старинную шахматную доску. Он сдвинул в сторону легкие ткани и стал внимательно рассматривать ее. Шестьдесят четыре клетки, казалось, были сделаны из дерева двух пород — темно-синего, как ночь, и нежно-розового, будто кожа юной девушки; так выглядели многие доски, но эта отличалась тончайшими гравюрами, выполненными на каждой клетке. Именно эти рисунки и привлекли внимание Алгана.

Они поражали тонкостью проработки каждой детали. Вряд ли их могла выполнить рука человека. Рисунки были едва различимы, так что, вероятно, сделаны были не для украшения. К тому же они не имели никакого отношения к игре в шахматы. Это заинтриговало Алгана. Он вспомнил, что когда-то слышал о чем-то подобном. Эти символы относились к какой-то древней науке, вернее, религии... Нет, скорее, к суеверию, оно носило название астрологии. Некоторые из знаков напоминали изображения созвездий. Эти рисунки были известны с незапамятных времен, когда люди еще верили, что их судьбы начертаны на небосводе.

Некоторые знаки представляли собой сложные геометрические фигуры или изображали фантастических существ, чуждых человеческой мифологии. Эти рисунки тоже не имели никакого отношения к шахматам. Кое-какие из них напоминали магические квадраты, которые любили рисовать художники и граверы глубочайшей древности.

Алган кончиками пальцев погладил полированную поверхность доски. Похоже, ее изготовили не из дерева, а из какого-то другого материала с более тонкой структурой, а потому она отличалась необычной игрой света на темных и

светлых клетках.

Алгана удивили и размеры доски. Ее можно было накрыть двумя ладонями. Он решил, что доска принадлежала какому-нибудь звездоплавателю, случайно попавшему на эту планету, и столь же случайно в результате обмена или кражи перешла в руки торговца. Он сделал знак владельцу лавки, и тот поспешно подошел.

— Откуда эта доска? — небрежным тоном осведомился Алган.

— Это очень древняя вещь, — поспешно отозвался торговец. Глазки его хищно блеснули. — Очень древняя вещь. Ей, наверно, тысяча лет, а может, и десять тысяч. Вы коллекционер?

— Не может ей быть десять тысяч лет! — возмутился Алган. — Освоение-то космоса когда началось? Чем вы можете подтвердить ее древнее происхождение? Хотите обманом подсунуть мне залежалый товар?

Алган говорил все это, но сам не верил своим словам. Он знал, честность — отличительная черта пуританских торговцев. Пуританин никогда не станет расхваливать несуществующие качества своих товаров, хотя, случалось, и забудет упомянуть об их недостатках.

— Эта доска старше всех нас, вместе взятых, — торговец погладил маску на лице. — Она старше этого города. Поверьте мне. Никто не знает, когда ее сделали. Доска может стоять целое состояние. Но я вынужден расстаться с ней. Дела идут из рук вон плохо.

— Что так? — усмехнулся Алган. — И сколько вы за нее просите?

— Не будем говорить о цене. По крайней мере пока. Мы оба любим красивые старинные вещи. Присмотритесь. Вы можете сказать, из чего она сделана? Ходит немало древних легенд...

— О легендах поговорим потом. А где фигуры?

Торговец с подозрением посмотрел на него.

— Фигуры? — переспросил он. — К этим шахматным доскам фигур не полагается. Я принял вас за знатока. Вы обратили внимание на рисунки?

— А как же играть?

— Не знаю. Я уже говорил, что доска старинная, происхождение ее неизвестно. Никто не знает, как играть на этих досках. Они существовали еще до того, как человек научился передвигать фигуры по шестидесяти четырем клеткам.

— Как она попала к вам?

— Если не ошибаюсь, ее принес мне на продажу какой-то звездоплавец. Он прибыл с границ Освоенной Галактики. Не знаю, где он раздобыл эту доску. Он мне этого не сказал. Но известно, что это очень древняя вещь. Ее древность не вызывает сомнений. Такие доски появились задолго до человека.

— Значит, в Галактике и до человека существовали цивилизации?

Торговец окинул Алгана печальным взглядом.

— Что мне ответить? Я знаю не больше вашего. Первопроходцы, те, кто были моими и вашими предками, встречались в разных местах с разумными расами, и гуманоидными и нет, но все они стояли на довольно низкой ступени развития и еще не покидали своих планет. Но я верю... верю, что мы не были первыми, кто опустился на поверхность некоторых планет. Думаю, кто-то наблюдает за нами. Ждет нас. Может, эти шахматные доски — дело рук неизвестной расы.

— Какой? — сухо спросил Алган.

— Кому это ведомо? Во всяком случае, не бедному эльсинорскому торговцу, который лишь трижды покидал родную планету. Но рассказывают разные и весьма престранные истории.

— Что это за истории?

— Я не имею права говорить об этом. Это запретная тема. Однако я вижу, вы дружески настроены и дадите мне за эту древнюю вещь хорошую цену.

— Договорились!

— Идите за мной, — сказал торговец.

Алган бросил взгляд вокруг. Оживленная толпа осаждала прилавки, по улицам бесшумно скользили длинные черные машины. Но все происходило в абсолютной тишине, от которой становилось не то себе; темные одежды и маски придавали городу зловещий вид.

Алган проскользнул в низкую дверь лавочки; заднее помещение оказалось складом, где навалом лежали бесценные товары — легкие красочные ткани, невесомые меха, изысканные металлические изделия.

Торговец опустился на груды мехов, а Алгану указал на высокое кресло. Глаза Алгана быстро привыкли к скупому свету, и он с любопытством огляделся.

— Вижу, мое заведение вам по душе, — проговорил торговец. — Это радует мое сердце.

Он наклонился к Алгану и с улыбкой спросил:

— Вы любите зотл?

— Я давно уже не пил его, — вздохнул Алган. — А ведь у пуритан...

— Пуритане — народ предусмотрительный. Вы, наверно, слышали пословицу: «Для тех, кто не переступает порог, важен лишь фасад». Это старая пословица. Вы согласны с ней?

Торговец взял с полки корень и сунул в машинку для выжимания сока, имевшую вид обычной статуэтки. Он подождал, пока корень обесцветится, а сок стечет в сосуд. Затем перелил его в два высоких серебряных бокала.

— Подождите, — сказал он. — Не пейте все разом. Я

хочу вам кое-что показать. Я знаю, что могу вам довериться.

Голос торговца изменился. Исчезли любезность и угодливость, зазвучали стальные нотки. Торговец ждал, что ему подчинятся, а Алгану было любопытно узнать, что последует дальше.

— Полижите доску на колени. Теперь разместите пальцы правой руки по клеткам, безразлично каким. Каждый палец должен лежать на отдельной клетке. Эльсинор посещают самые разные люди. Обычно нам доверяют, известно, наша честность вне подозрений. Наши обычаи, как это ни прискорбно, не всем по душе, а наша нетерпимость — тем более. И тем не менее инородцы доверяют нам, а в космосе это случается нечасто, поверьте мне. Вот почему нам рассказывают то, о чем не осмелились бы поведать нигде, чего не знает даже заносчивая Бетельгейзе. Вы не любите Бетельгейзе, и не надо меня уверять в обратном. По вашей одежде я сразу определил, что вы первопроходец и прибыли с древней планеты, а как набирают на них людей, когда центральному правительству не хватает рук, мне доподлинно известно.

— У нас тоже есть причины не любить Бетельгейзе. Уже более трех веков цивилизация пуритан ограничена десятью мирами, хотя в Галактике множество неосвоенных планет. Бетельгейзе нуждается в наших людях, но не желает распространения пуритан. Вот почему мы внимательно слушаем путешественников в надежде наткнуться на какую-нибудь тайну, которая даст нам хотя бы тень превосходства над Бетельгейзе. Однажды мы найдем ее. К примеру, нам известно, что на некоторых планетах существуют руины построек, которые были воздвигнуты задолго до появления человека.

Он замолчал, и его желтые, глубоко посаженные глазки впились в невозмутимые глаза Алгана.

— Это вас не удивляет?— спросил он.

— Я уже слышал о чем-то подобном,— ответил Алган.

— Возможно. А быть может, вы умело скрываете свои чувства? Может, не стоило доверяться вам? Впрочем, какая разница? Вы ненавидите Бетельгейзе не меньше нашего. Слушайте меня внимательно. Экспедициями обнаружены руины колоссальных зданий на планетах, расположенных на границе Освоенной Галактики. К сожалению, ни одна из этих экспедиций не вернулась.

— Несчастный случай?— без видимого удивления поинтересовался Алган.

— Кто знает?.. Экспедиции просто-напросто исчезли. Не исключено, что их уничтожили. Так считает Бетельгейзе. А может, они и не погибли.

— Куда же они делись?

— Представьте на мгновение, что эти руины своего рода двери в параллельные миры; люди, сами того не зная, пересту-

пили порог иных измерений и не смогли оттуда вернуться.

— Абсурд!

— Несомненно,— кивнул торговец,— несомненно. Но один или два человека возвратились. Много лет спустя. Окольными путями и под другими именами. Они скрылись от вездесущей Бетельгейзе, хотя клялись ей в верности. Их отыскиали мы. Они имели кое-что на продажу, а потому явились к нам.

— Что же с ними там стряслось?

— Ничего. Не думайте, что я пытаюсь скрыть от вас истину, но с ними там действительно ничего не случилось. Их рассказы, на удивление, схожи. Они оставались охранять лагерь. Но за ними никто не возвращался. И они удирали оттуда, прихватив из лагеря самое ценное, в том числе и фотографии. Эти фотографии у нас. Руины существуют.

— Допустим. Но какова их связь с этими шахматными досками и почему вы мне рассказываете все это?

Черная шелковая маска торговца заколыхалась, и Алган понял, что тот улыбается.

— Поставьте пальцы на клетки. Каждый палец на отдельную. Вот так. А теперь выпейте зотл.

Алган приподнял низ маски и медленно выпил содержимое бокала. Его сердце раздирала острая тоска по дому. Но тут словно во сне он увидел серую пустыню под низким зеленым небом, подвижные радужные скалы. Он посмотрел под ноги, и ему показалось, что он пешка на белой клетке и стоит посреди доски, не видя ее границ. Он почувствовал, что его увлекает какая-то невидимая сила. Затем клетки дрогнули и стали расти. Небо потемнело, появились звезды, он как бы повис над зеленеющей долиной, а потом плавно опустился на шелковистую траву.

Трава доходила ему до плеч, но, осмотревшись, он тут же забыл о ней — под багровым небом с яркой голубой звездой в зените сверкали черные отполированные стены. Вернее, всего одна стена. Он закричал. Стена качнулась, нависла над ним и стала медленно оседать. Этот гладкий монолит был слишком велик, чтобы быть творением рук человека. Черная стена стояла не отвесно, а с наклоном, она нависала над местом приземления Алгана, отчего в первый момент ему показалось, что громада рушится прямо на него.

Алган поднял глаза к небу, пытаясь определить тип солнца, как вдруг почувствовал тяжесть в руке. Он заморгал и увидел перед собой маску торговца.

— Что это?— спросил он, даже не поставив бокал на стол.

— Откуда мне знать? Ведь я не был с вами,— ответил торговец.

— Вы знали, что произойдет со мной. Вы не случайно велели мне положить руку на доску и выпить зотл.

— Теперь вам известно столько же, сколько мне,— сказал торговец.— Уверен, что это место существует в действительности и стена там падает вот уже многие тысячелетия. Какое солнце светит в тех небесах — голубое, красное или желтое?

— Гигантское голубое солнце,— ответил Алган.

— Наиболее частый случай. В этих видениях вообще многое меняется. Растительность, цвет небес, солнца, но всегда остаются неизменными стены. На всех мирах, которые открываются взору при совместном воздействии доски и зотла, стоят колоссальные цитадели. Кто знает, какие сокровища они охраняют.

— Или оружие,— вставил Алган.

Они помолчали, изучающе глядя друг на друга.

— Иллюзия,— наконец медленно проговорил Алган.

— Несомненно,— подтвердил торговец,— несомненно. Но убедительная иллюзия.

— Кто направлял туда исследовательские экспедиции?

— Бетельгейзе,— ответил торговец.— Корабли и специалисты имеются лишь в распоряжении Бетельгейзе. Вам известно, сколь редки знающие люди. И все же, как видите, нам кое-что удалось узнать. Скажу, даже многое.

— А теперь,— спросил Алган, испытывая неловкость,— сознайтесь, почему вы рассказали все это именно мне?

Глазки торговца превратились в щелочки.

— Вас привлекла шахматная доска. Я подумал, что это вам интересно. Разве я не прав?

— Правы,— ответил Алган.— Но это только часть истины.

— Мы, пуритане, любим рассказывать разные истории,— усмехнулся торговец.— Но любим и слушать. Представьте, что вам доведется увидеть что-нибудь любопытное. К примеру, ту же черную наклонную стену. Можете быть уверены, мы дадим за ваш рассказ хорошую цену.

— Я самый обычный первопроходец,— сказал Алган. Ему не хотелось давать своего согласия. Он не слишком верил в искренность торговца и боялся попасть в скверную историю.— Не ведаю даже, куда мы направляемся. Вряд ли я буду вам полезен.

— Кто знает?— возразил торговец. Он часто-часто заморгал, словно давая знак какому-то невидимому наблюдателю.— Кто что может знать? Вдруг завтра вы будете свободно путешествовать среди звезд? Просто не забывайте о нашем существовании.

— Постараюсь,— нехотя ответил Алган.— А сколько вы просите за эту доску?

— Ничего, торговец стал глух, словно он упрекал сам себя за несвойственную ему щедрость, что, впрочем, было не так уж далеко от истины.

— Ничего,— повторил он.— Это подарок.

«Положение куда запутанней, чем кажется с первого взгляда», — размышлял Алган, продолжая свой путь по улицам города.

Ногаро был прав почти во всем. Освоенная Галактика в самом деле напоминала кислое тесто, разбухавшее и расползавшееся в разные стороны на дрожжах амбиций. И кто знает, может, в самом деле, чтобы опрокинуть Бетельгейзе, было достаточно легкого толчка. Эта мысль понравилась Жергу Алгану.

Его удивлял интерес, который проявляли к негуманоидным расам Ногаро и торговец. Они знали некоторую часть загадки, о которой он, Алган, пока имел лишь смутное представление. Возможно, эта часть имела отношение к слабым сторонам власти Бетельгейзе над Галактикой. И пуритане надеялись, что черные цитадели дадут им в руки верное оружие против Бетельгейзе. Несомненно, пуритане знали больше, чем рассказал торговец. «А какую роль отводят мне, Жергу Алгану, на этой необъятной сцене?» — спрашивал себя Алган, ощупывая гладкую поверхность доски.

Но не находил ответа.

Любое предположение заводило в тупик.

* * *

Можно было подумать, что Эльсинор населяют тени. По улицам города сновали темные маски и длинные плащи, скрывавшие их владельцев. В оживлении, царившем на улицах, чувствовалась какая-то мимолетность, словно эльсинорцы в своем желании походить на бесполох призраков превратились в пугливых фантомов. В зеркальных стеклах машин, бесшумно пронесившихся по улицам, отражались лишь темные силуэты прохожих. Машины походили на катафалки, даже хромированные детали подчеркивали их мрачность.

Здесь никто не носил оружия. Эльсинор был миром стойких традиций. Алган знал, что прежде их придерживались и в Дарке, и с тоской в сердце сознавал, что нынешний Дарк их утратил.

Новый город поразил Алгана. Ему вдруг открылось, что Дарк был городом прошлого, обреченным на медленное умирание. Белые и черные громады зданий выглядели здесь особенно величественно, а башня космопорта Земли была карликом по сравнению с устремленными в небо башнями Эльсинора.

Но в самом городе царило уныние. Это был холодный город, населенный теньями, не помнившими о своем человеческом происхождении. Они шептали, а не говорили, скользили вдоль стен, едва постукивая каблуками по мостовой, а не ходили. Город был окутан саваном собственного безмолвия, как тысячи лиц — темной чадрой масок.

Первые пуритане считали, что человек всегда должен

ощущать свое одиночество перед лицом огромного мира, а рассчитывать — только на самого себя и на строгие математические законы, обеспечивающие ему выживание и защиту. Человек пространства перестает быть человеком определенной эпохи или мира. Его следует отделить от окружения, личность должна стать взаимозаменяемой. Она должна утратить свои индивидуальные черты, стать невидимой и неуловимой.

Нескольких веков хватило, чтобы человек на планетах пуритан стал таким. Тот, кто покидал Эльсинор и возвращался на него век спустя, не находил никаких изменений. Улицы походили одна на другую, дыхание Времени не касалось белых и черных фасадов. Возможно, люди и менялись, но маски надежно хранили их тайну.

Алгану вспомнились мужчины и женщины Земли, их громкие, звучные голоса, их красочные одежды. Здесь же среди прохожих он с трудом отличал женщин от мужчин, разве что порой под просторными складками черного плаща угадывалась кошачья гибкость женского тела.

«Неужели этому миру принадлежит будущее?» — спрашивал себя Алган, разглядывая однообразные слепые фасады домов, которые так разительно отличались от привычных ему играющих светом окон и сумраком штор, приоткрытых, словно веки гостеприимных, радостных глаз. Он с яростью сжимал руки в черных перчатках. Его губы дрожали от тоски под легким шелком маски.

А может, из глубин пространства грядет иное будущее? Будущее, рожденное на невероятно древних планетах. Или этому будущему только суждено родиться на юных мирах?

«Этого никто не знает», — думал Алган, шагая по улицам Эльсинора и пытаясь соразмерить свой шаг с походкой эльсинорцев.

На его плечо опустилась чья-то рука. Он мгновенно обернулся, инстинктивно схватившись за пояс, где обычно висело оружие.

— Вижу, вы интересуетесь стариной и рассказами торговцев, — услышал он насмешливый голос Ногаро, приглушенный маской.

— Откуда вам это известно? — резко спросил Алган.

— Не все ли равно. Ветер немало доносит до моих ушей. Видели ли вы крыши Эльсинора? Поверьте, это зрелище достойно внимания всякого, кто прилетел сюда. Пойдемте. У меня есть к вам небольшой разговор.

Ногаро подхватил Алгана под руку и увлек за собой. Они миновали портик гигантского здания и прошли анфиладой белых залов, где сновало множество людей в масках. В конце длинного коридора Алган заметил спираль, которая словно вращалась вокруг собственной оси. Ступив на нее, он понял, что это эскалатор.

— Не стоит пересказывать то, что вам наговорил торговец,— начал Ногаро.— Все это известные вещи.

Алган повернулся к Ногаро.

— Есть ли в этих историях хоть крупица правды?— не выдержал он.— Неужели в Галактике существует цивилизация более древняя, чем человеческая?

— Хотелось бы верить в это,— уклонился от прямого ответа Ногаро.

— Какую роль играют шахматная доска и зотл?

— Трудно сказать. Полагают, что шахматная доска является носителем информации, которую можно считывать с помощью зотла.

— А исчезнувшие экспедиции?

— Все, что сказал торговец, сущая правда. Он ошибается только в отношении Бетельгейзе. Бетельгейзе знает ровно столько же, не больше и не меньше. Но, как и торговцы, Бетельгейзе стремится получить новые сведения. Возможно, их доставите вы. Как знать?

— Я же обычный первопроходец. Мне даже не известно, где я окажусь завтра.

— Пути людей неисповедимы,— усмехнулся Ногаро.— Может, завтра вы будете свободно путешествовать среди звезд или возглавите новую экспедицию...

Алган внутренне сжался.

— Торговец мне уже предлагал это,— медленно процедил он.— Теперь настала ваша очередь. Выходит, я меньше других осведомлен о собственном будущем.

— Случается и так,— отрезал Ногаро.— И Бетельгейзе, и торговцы строят на ваш счет определенные планы.

Алган задумался. Спираль донесла их почти до самого верха. Он поднял голову и увидел над собой прозрачный купол. В небе проносились черные точки звездолетов.

— Может случиться,— продолжил Ногаро,— что Бетельгейзе предоставит вам быстроходное судно. Или небольшой кораблик. К примеру, одноместный исследовательский катер. Тогда вы сможете посетить отдаленные планеты, где есть черные цитадели. Но, поскольку Бетельгейзе не хотелось бы, чтобы об этом знали другие, вам, к примеру, придется захватить подходящий корабль в каком-нибудь космопорте. Ну хотя бы на Эльсиноре. Такое бывало. Все пройдет как по маслу. Власти порта проявляют в таких случаях удивительную небрежность. Вы отправитесь в путь на похищенном корабле, а через некоторое время привезете интересующие нас сведения. И тогда между Бетельгейзе и пуританами разгорится долгая-предолгая борьба за вашу персону. Вы меня понимаете?

— Начинаю понимать,— кивнул Алган.— Но почему выбор пал именно на меня? И почему пуритане сообщают мне сведения, которые пойдут на пользу Бетельгейзе?

— Все трудности проистекают именно из этого. И для Бетельгейзе, и для пуритан вы лишь пешка в игре. Но, как только на вас ставит один лагерь, вами вынужден заниматься и другой. К тому же вы питаете ненависть и к Бетельгейзе, и к пуританам. Вам ненавистен весь современный мир. Вам хочется отыскать в безднах пространства что-то такое, что поможет вам уничтожить сложившийся уклад жизни. Вы с такой страстью ищете подходящего случая, что он предоставляется именно вам. Бетельгейзе, как и пуритане, надеется с вашей помощью найти оружие в борьбе со своим могущественным противником; Бетельгейзе желает раздавить пуритан, а их десять планет — опрокинуть центральное правительство. Сведения, которые сообщил вам торговец, ровным счетом ничего не стоят. Бетельгейзе все это известно. Торговец просто хотел завоевать ваше доверие.

Они стояли под куполом. Город внизу напоминал черно-белые костяшки домино на плоском столе. Над космопортом пузатым жуком кружил громадный звездолет с гербом Бетельгейзе на борту. Небо перечеркнул след стартовавшего корабля.

— Значит, пространство недостаточно обширно для мирного сосуществования Бетельгейзе и пуритан? — спросил Алган.

— Увы, — вздохнул Ногаро. — Вернее, оно слишком обширно, но слишком мало людей, чтобы одна из держав допустила раздел. Все может измениться, если человек встретит могущественного союзника. Но пока он никого не встретил, кроме полупримитивных рас, ошибок Истории или Времени.

— Но кто вы такой? — спросил Алган. — Откуда знаете все это? На кого работаете? Или вы сами по себе?

— Нет. — Ногаро отвернулся, его глаза скользнули по крышам города. — Пора быть откровенным. Друг мой, я представляю Бетельгейзе.

5. ВСЕ ЗВЕЗДЫ НЕБА

«В ночном небе Эльсинора блистают все звезды мира, — думал Алган, — и трудно поверить, что такие же раскаленные шары, вокруг которых кружат, быть может, обитаемые планеты, сияют повсюду в Галактике».

Он бесшумно выскользнул из комнаты и прокрался на кольцевую дорогу, проложенную по верху стен космопорта. Алган был в форме пилота, у пояса висел лучевой пистолет. Перед ним открывалась панорама города и эспланада порта. Он видел огни далеких пригородов в десятках километров от центра, они походили на созвездия или галактики, сорвавшиеся с небес и упавшие на землю.

Сам порт напоминал залитую светом белую пустыню,

окаймленную стенами, на которой высились темные силуэты звездолетов. Его ждал один из этих кораблей, быстроходный разведывательный катер.

Крохотное суденышко без опознавательных огней притаилось в южном углу порта.

Алган согласился принять участие в странной игре. Ему следовало захватить корабль при тайном попустительстве портовых властей. Он должен был стартовать, зная, что в погоню будут брошены все силы Бетельгейзе. Целью его полета была Глания, крохотная, недавно освоенная планетка с небольшим космопортом. Глания, аванпост Освоенной Галактики в опасной близости от ее Центра, была первым этапом его путешествия. Именно на Глании жил один из тех немногих, кому довелось вернуться после гибели своих экспедиций.

Глания, невидимая планета на звездном небе.

Алган тщательно проверил содержимое карманов. В них не должно было быть ничего, что бы позволило установить его личность, если план провалится или он погибнет. Но он не знал, кому нужны эти меры предосторожности. Может быть, Ногаро действительно верил в существование иных рас и не хотел полагаться на волю случая? Может, он все делал для того, чтобы возможные завоеватели не узнали, как добраться до Бетельгейзе? Или опасался более конкретного противника среди человеческих цивилизаций? Никаких компрометирующих предметов. Только в одном из карманов комбинезона лежала шахматная доска. Это была единственная ниточка, которая могла вывести его на след.

Он казался себе охотником, который не знает, на какого зверя идет и где именно произойдет встреча. Алган посмотрел на часы. Десять пятьдесят восемь. Он начнет действовать ровно через две минуты.

Безоблачная ночь была тихой и безмолвной. Город невозмутимо светился своими холодными огнями. Далекий вертолет едва слышно рвал винтом шелковистый воздух. Высокие башни казались в ночной тьме снопами света. Алган начал считать секунды. Это было бессмысленным, но его губы шевелились сами собой.

Пять. Четыре. Три. Два. Один.

Ничего не произошло. Было ровно одиннадцать часов.

На какое-то мгновение он заколебался, но потом бесшумно ринулся вперед, по-кошачьи скатившись вниз по лестнице. В его распоряжении было всего полминуты, чтобы добежать до стартовых площадок, — контрольный луч обегал их каждые тридцать секунд.

Луч был невидим и неощутим, но, если на его пути оказывался чужеродный предмет, автоматически включалась тревога. Обычно луч прощупывал космопорт по принципу Монте-Карло. Ускользнуть от луча было невозможно, так как не известно было, какую часть порта он обегает в данный

момент. Но каждые тридцать секунд он оглядывал каждую стартовую площадку, пронизывал тени и оглаживал полированный металл корпусов.

Сегодня же между одиннадцатью и одиннадцатью десятью луч работал по иной программе. Для непосвященных она использовала те же случайные числа, но на самом деле луч имел точную траекторию, и Жерг Алган, выучив программу наизусть, мог пересечь эспланаду, не вызвав сигнала тревоги.

Он считал секунды, сбегая вниз по бесконечным ступеням, и оказался на поле космодрома на три секунды раньше. Алган застыл в неподвижности. Три. Два. Один.

Алган понесся к дальней темной точке. Тому, кто наблюдал за ним с высоты башни, он казался муравьем, темной песчинкой, скользящей по гладкой стекловидной поверхности. Алган нырнул в тень и перевел дух. Он на десять секунд опережал график, и теперь следовало дожидаться, пока луч минует эту часть эспланады.

«Я представляю собой великолепную мишень»,— подумал он. Теоретически никто не должен был в него стрелять. Но это теоретически...

Огромные силуэты кораблей увеличивались на глазах. Он спешил оказаться в их тени, хотя ощущение безопасности было мнимым. Можно было ускользнуть от человеческого взгляда, но не от бдительного ока машин.

* * *

«Странная идея»,— подумал Алган, когда Ногаро изложил ему план Бетельгейзе. Он поинтересовался, почему нельзя отправиться открыто на борту одного из судов? К чему весь этот маскарад, эта абсурдная и опасная игра? Ради обмана пуритан? Десяти планет?

— Нет,— холодно ответил Ногаро.— Когда они узнают о вашем бегстве, то сразу поймут, с чьей помощью и куда вы отправились. Ни Бетельгейзе, ни пуритане не желают показывать Освоенной Галактике, что опасаются гипотетических цивилизованных рас, обитающих в неисследованных районах. План диктуется политическими соображениями. Если официально снаряжать экспедицию для поиска черных цитаделей, то как можно отказать в том же торговцам-пуританам?

— Если меня схватят, то я буду осужден за пиратство?— спросил Алган.

— Конечно,— ответил Ногаро.— Но вас не схватят, если только вы сами этого не захотите. Тогда вас под надежной охраной отправят на Бетельгейзе. Но может случиться, что вам удастся бежать.

— Опасная затея,— заметил Алган.

— Еще бы,— согласился Ногаро.— Но что вам больше нравится — открытое пространство или освоение новых миров? Вы свободны в выборе.

— Пространство,— без колебаний ответил Алган.

Теперь он петлял по странному лесу — громадные корабли представлялись стволами, а их антенны — ветвями деревьев. В нем проснулся инстинкт охотника.

«Наверно, следовало отказаться, — размышлял он. — Как я смогу служить Бетельгейзе, которую так ненавижу?».

Но ответ таился в нем самом. По натуре он был охотником, люди именно такого типа годились в наемники. Вот он и стал одним из них.

Его страстью была охота. Любая охота. И долгое бродяжничество на Земле тоже преследовало эту же цель.

Теперь и среди звезд ему, человеку с первобытным инстинктом, нашлось место. И он станет той самой песчинкой, которая остановит отлаженный механизм.

Надо стать конем на этой шахматной доске
и, прыгая от звезды к звезде,
загнать в угол короля противника,
черного короля, властителя Галактики.

Он побежал быстрее. Ему казалось, что кожа его ощущает жар контрольного луча.

Послышался шум, Алган застыл в густой тени ближайшего корабля и насторожился.

Неподалеку шел человек — его подошвы глухо стучали по гладкой поверхности эспланады.

«Неужели враг, — подумал Алган, но тут же отбросил эту мысль. — Неожиданный сбход? Или обычный техник проверяет двигатель перед стартом корабля?».

Его появление грозило большими бедами, чем попадание в зону контрольного луча или происки торговцев Эльсинора. Непредсказуемый, случайный фактор мог изменить результат охоты.

Алган начал считать секунды. Нельзя было оставаться на одном месте — луч мог обнаружить его в любое мгновение.

Он медленно обогнул огромный корпус, за которым прятался. Крохотный кораблик, предназначенный для него, был совсем рядом. Но, чтобы добраться до него, следовало пересечь освещенную зону, пробежать между рядами громадин, похожих на спящих доисторических чудовищ.

Он бросился вперед, наступая на собственную тень, которая неслась перед ним, как бы указывая дорогу.

— Кто там? — раздался голос.

Он даже не обернулся, а побежал еще скорее.

— Кто там? — На этот раз голос звучал менее уверенно. — Покажитесь или я подниму тревогу!

Алган на бегу пытался определить, откуда доносится голос. Человек, по-видимому, работал возле одного из кораблей у края световой полосы, которую должен был пересечь Алган. Он, конечно, заметит его, и, если только ему не приказали закрыть глаза на некоторые странности, свидетелем которых он мог стать в порту этой ночью, планам Алгана не суждено

сбыться. Он никогда не будет путешествовать среди звезд.

Алган мгновенно принял решение — он покинул освещенную зону и скользнул между двумя звездолетами. Он знал, чем рискует, если попадет в зону луча. Пока ему сопутствовал успех. Секунды тянулись бесконечно, и корабль, который он огибал, казался ему исполинской горой, что было недалеко от истины. Затем, не выходя из тени следующего корабля, он приблизился к освещенной зоне.

Человек был далеко, но Алган ускорил шаг, боясь, что его заметят. Либо охранник, либо техник. Контрольные автоматы знают о его присутствии на эспланаде и не обратят на него внимания. А вот если это охранник, он непременно вооружен и умеет охотиться на людей.

Вдруг Алган заметил преследователя. Вернее, его тень, крохотную среди громад. Сердце Алгана забилося чаще. Он понял, что не доберется до своего корабля незамеченным.

У него оставался единственный, хотя и нежелательный выход.

Он вжался в тень корабля, слившись с металлом. Затем ногтем стукнул по его поверхности. В тишине прозвучала странная нота.

— Кто там? — человек шел прямо на него.

Это был техник. Охранник никогда бы не выдал себя голосом.

Алган отпрыгнул в сторону и снова ударил по металлу. Звук растекался по листам обшивки, сбивая с толку преследователя.

Наконец Алган увидел силуэт, двигавшийся прямо на него. Человека слепил свет, и он не решался поднять тревогу. Алган молниеносно выпрыгнул из тени, его преследователь от неожиданности отпрянул, и это движение погубило его. Это был техник, которого никогда не учили обороняться. Ему и сейчас не пришло в голову поднять тревогу, и он стал защищаться. Алган кулаком левой руки ударил техника в живот, а ребром правой нанес ему сильный удар по затылку. Человек бесшумно рухнул на землю.

Алган оттащил его в тень. Тревога могла подняться в любое мгновение.

Не оглядываясь, Жерг припустил по освещенной дорожке, пересек пустынную зону, поспешно вбежал по пандусу к люку. Уже не опасаясь шума, он пронесся по коридорам корабля и рухнул в пилотское кресло.

Корабль был готов к немедленному старту. Его двигатели тихонько урчали, а на бортовом табло горели сплошные зеленые огоньки.

Алган методично принялся нажимать на клавиши управления. Закрылся люк. Металлические ленты охватили тело Алгана и прижали к креслу.

— Прощай, — прошептал он, бросив последний взгляд на

обзорные экраны, и нажал стартовую кнопку.

Мгновение спустя по всему порту вспыхнули огни. Ему показалось, что он слышит зловещий рев сирен. Но тут на него навалилась свинцовая тяжесть, и огни порта исчезли с экрана.

Он едва мог шевельнуть пальцем, однако нашел силы просунуть руку в карман комбинезона и погладить полированную поверхность доски.

Долгий поиск начался. Пока он имел право постать. Несколько недель корабль будет вести к цели автопилотом.

— Желаю удачного путешествия, — раздался голос Ногаро. Алган вздрогнул. Но голос замолк, и Алган понял, что слышит запись.

— Думаю, все прошло как по маслу. Иначе бы вы не оказались в космосе. Надеюсь, и впредь все будет складываться как надо. Теперь позволю себе дать несколько советов на будущее.

Прежде всего, предупреждаю — не рассчитывайте, что вам удастся обмануть Бетельгейзе. При желании мы отыщем вас в любом конце Галактики. Нам известно ваше враждебное отношение к центральному правительству. И все же если Бетельгейзе, пренебрегая этим, поручила вам выполнение данной миссии, то только потому, что мы уверены в получении нужных сведений даже против нашей воли.

Не считайте мои слова проявлением недоброжелательности. Скорее, наоборот, Бетельгейзе предпочитает подобострастным служакам мятежников.

Не совершайте посадку в космопорте Глании. Вас тут же схватят — всем разослано описание ваших примет как пирата. Иначе мы не могли поступить. В вашей искренности никто не должен сомневаться. Не забывайте о том, что вы работаете на собственный страх и риск. Бетельгейзе официально отречется от всего, что вы сообщите о своих связях с центральным правительством.

Итак, садитесь поблизости от порта и пробирайтесь в город пешком. Ваш корабль с легкостью минует любые поясы дальнего обнаружения. Тем более что наблюдение на вновь освоенных планетах ведется спустя рукава, а мы позаботимся, чтобы в ближайшие месяцы к нему относились еще небрежней. Вступайте в контакт с человеком, о котором вам говорили, но не сообщайте ему, кто вас послал.

В остальном вы свободны в своих действиях. Когда вы вернетесь, мы постараемся доказать вам, что в могуществе Бетельгейзе есть и положительные стороны. И что новый создающийся мир стоит всех прошлых миров.

Мы доверяем вам.

И не забывайте, что я ваш друг. Если понадобится, скажите, что вас послал я. Мое имя немного известно в простран-

стве. Оно может вам помочь.

До свидания, Алган.

До свидания... Это значило многое. Это предполагало, что Алган вернется из своего полета. Это предполагало, что, несмотря на темпоральные искажения, несмотря на ужасающее удлинение секунд, проведенных в полете со скоростью света, Ногаро будет жив, когда Алган прибудет на Бетельгейзе.

— До свидания, Ногаро,— против воли прошептал Жерг Алган.

Полет походил на долгий путь в темном туннеле, хотя в межзвездном пространстве нет ничего вечного и неизменного. Даже многие века путешествий в пустоте не искоренили в людях рефлексов, приобретенных в незапамятные времена. Поэтому психологические проблемы путешествий в пространстве решались с большими трудностями, чем технические.

Исследователи ответили на вызов звезд. Прежде всего они попытались изменить сущность человека, дать ему новый образ мышления, отучить от страха, убедить в том, что любые искажения времени и пространства суть нормальные явления. Они пытались ввести в его подсознание все данные, которые он мог затем усвоить с помощью сознания. Потом они снабдили человека психологической броней, проводя на нем безопасные, но сбивающие с толку опыты. Тренировка была изнурительной, и все же игра стоила свеч — человек учился познавать звезды.

Но психологи на этом не остановились. Они знали, что человеку мало приспособиться к окружающим условиям. Они стремились сохранить привычную обстановку родных ему миров. Чтобы уберечь рассудок освоителей Галактики, они превратили тяжелые корабли в машины иллюзий. Они воссоздали внутри кораблей пейзажи планет, их безбрежных лесов и прерий, солнца и звездного неба. Они овладели игрой света и тени. Травы в полях, облака в небе, вздымающиеся на горизонте горы — все было миражом. Но человеку были необходимы эти миражи.

Однако на легких исследовательских кораблях, быстрых и маневренных, такой комфорт, к великому сожалению Алгана, отсутствовал.

Жерг оказался в совершенно безмолвном мире, залитом столь ровным светом, что корабль, казалось, блуждал в густых сумерках. Алган чувствовал, что постепенно теряет свое «я». Его память как бы отвергла время, ему было все труднее вспомнить, когда произошло то или иное событие.

Случалось, что обычный жест возвращал его к реальной жизни, и он вновь осознавал себя. Однако реальность оказывалась столь мрачной, что Алган снова прятался в раковину собственного воображения.

Машины взяли на себя всю заботу как о нем, так и о корабле. Они рассчитали оптимальный маршрут.

Время шло медленно.

Бортвые часы отсчитывали дни и недели. «Месяцы и годы на Земле», — напоминал себе в полусне Алган. Какой он найдет ее по возвращении? Он думал о Бетельгейзе и ее мощи, о десяти планетах пуритан и их подрывной деятельности, о зачатках цивилизаций, рассеянных по Освоенной Галактике, которые росли, развивались и надеялись, что вся Галактика примет именно их уклад жизни, хотя людей там было горстка песка среди моря звезд.

Он размышлял о грядущем, о том, что свершат люди — как они зажгут звезды, передвинут одни миры, создадут другие, высвободят гигантские количества энергии, ему грезились существа, которых им доведется встретить, галактики, которые заселят люди, пока еще немыслимые дали, в которые уйдет человечество, когда погаснут звезды этой Вселенной; он задумывался и о судьбе покоренных планет, об их прошлом и будущем, о том, чем они стали после появления на них человека, о еще ожидающих человека неведомых планетах, которые одинокими черными алмазами висят во тьме космической ночи; думал он и о людях, которые свершат все это, выполняя свой долг, ведь их предки предсказали будущее, они мечтали покорить Вселенную, еще не достигнув ближайших звезд, и он понял, что прошлые поколения тоже не могли не ощущать распада внутреннего мира, сотканного из воспоминаний и смутных устремлений, когда подчинились силе, которая толкала их вперед к познанию неведомого.

«В чем смысл нашей жизни? — спрашивал он себя. — Наверное, в том, чтобы трудиться, претворяя мечты в действительность».

Жизнь была исполнена смысла, когда требовала тяжелейшего труда. Каждый рывок вперед, каждая новая победа рождали нового человека. А роды всегда тяжки.

Случались долгие периоды отдыха, когда человек переставал двигаться вперед, а иногда терял то, чем владел в предыдущие эпохи, увязнув в трясине удобных привычек, замев в уютной неподвижности.

Это было давным-давно. Завоевание звезд помогло человеку возродиться. Новые дела не за горами — они будут еще более трудными и мучительными, это будет новым отрицанием прошлого. Нельзя оставаться вечно новорожденным. Человечество не имеет права отказать себе в собственном возрождении.

Человек должен идти вперед, исследуя новый мир, открыв-

тый его ощущениям и разуму.

История человека как вида повторялась в каждом индивидууме. Сначала образ мышления младенца, затем медленное обучение логике. Юношеская привязанность к родной планете, затем контакт с пространством, с его искажением времени и разрывом с прошлым. Некогда человечество мыслило по-младенчески, но, обретя логику мышления, оно по-прежнему не хотело отказываться от условий привычной жизни и чуть ли не святотатством считало эмиграцию на новые миры и к звездам.

И все же постепенно человек превращался в гражданина звезд. Он еще выказывал страх и неуверенность, как взрослое существо, которое впервые, но окончательно покидает родной кров. Человечеству пока не удалось преодолеть внутренних противоречий. Может быть, оно страдало он невроза? Может быть, в младенчестве оно испытало такой шок при контакте с реальностью, что каждый человек стремился предохранить свой внутренний мир от посторонних воздействий?

Человечество почти отучилось от страха перед пространством. Но ему еще следовало преодолеть страх перед временем. Пуритане отчасти решили проблему, отрицая время, лишив его права играть даже самую малую роль в их жизни. Бетельгейзе обошла трудности, опираясь на опыт, накопленный за века многими поколениями.

«Когда-нибудь человек овладеет временем, как некогда овладел пространством,— думал Алган.— Быть может, однажды он пошлет своих эмиссаров в будущее, чтобы проверить, как развиваются планы, осуществление которых началось давно и должно продолжаться несколько веков». То будут эмиссары, согласные покинуть свое родное время, признавшие своей семьей все человечество, его прошлое и будущее и избравшие своей родиной Вселенную.

Так прошли недели полета.

* * *

На расстоянии около половины светового года от Глании корабль начал торможение. Солнце Глании было еще пока крохотной световой точкой, затерянной среди звезд этого сектора Галактики. Но оно быстро увеличивалось в размерах. Жерг Алган изучил все данные о Глании, которые имелись в памяти корабля, и сведения о человеке, с которым ему предстояло встретиться.

Глания была единственной планетой в этой системе. Звездные системы с одной планетой очень редки, во всяком случае в исследованной части Галактики. Чаше встречаются либо солнца-одиночки, либо звезды с полной планетной системой. Но по мере приближения к центру Галактики положение менялось — насыщенность пространства звездами увеличивает опасность трагических столкновений.

Корабль самостоятельно вышел на орбиту. Машины так

рассчитали траекторию подхода, чтобы наблюдатели на Глании приняли корабль за метеорит. Алган по картам выбрал место посадки — обширную равнину неподалеку от космопорта. Холмистая местность позволит укрыть корабль, а ему самому нескольких дней хватит, чтобы добраться до порта и, если все пройдет гладко, возвратиться и отправиться дальше, к центру Галактики.

Изображение планеты на экранах быстро росло. В этом мире преобладали розовые тона, как на Земле преобладают зеленые.

Цвет зависел как от растительности, так и от красного солнца, которое властвовало в ночном небе Глании.

Металлические ленты снова охватили тело Алгана. Он во второй раз тронул клавиши, сообщив машинам нужные команды.

Корабль камнем пронизал атмосферу и резко затормозил. Катер предусматривал подобные маневры и был оборудован аппаратурой, которая предохранила Алгана от действия сверхбыстрого торможения.

Корабль завис в нескольких метрах от поверхности, а затем, словно на ниточке, опустился прямо на розовые кусты и мхи, которые покрывали равнину.

Алган глянул на экраны — равнина простиралась до самого горизонта. Близилась ночь, и белый свет постепенно уступал место красному. Нигде ни малейшего движения. Казалось, на этой планете кроме примитивной растительности нет ничего живого.

Судя по отчетам, так оно и было. Алган встал и открыл люк. Он уложил в рюкзак провизию, медикаменты и шахматную доску, рассовал по карманам необходимые инструменты.

«Нет, Глания не походит на пустыню, — подумал он, переступая порог люка, — хотя на первый взгляд кажется такой». Все вокруг устилал розовый ковер мхов. Достаточно ли плотен этот ковер для пешего перехода? Космопорт находился в пятидесяти километрах. Для него такое расстояние было пустяковым, но вряд ли стоило уповать на свой охотничий опыт.

Он уже спускался по ступенькам вниз, когда послышался глухой рокот. Сильный порыв ветра заставил Алгана прижаться к кораблю, и ему почудилось, что корабль пошатнулся. Он не сразу понял, что корабль действительно кренится. Его опоры уходили в зыбкую почву. Что делать? Вернуться в пилотскую кабину, включить двигатели и попытаться вырваться из болота? Маневр был опасным, но выполнимым.

Он размышлял слишком долго, так что все решилось само собой. Корабль покачнулся, словно его подхватила волна. Новый порыв ветра отбросил Алгана в сторону. Он упал на мягкий ковер мхов и утонул в нем, как в пуховой перине. Насупав твердую кочку, он встал на ноги. А корабль тем вре-

менем опрокинулся и исчез среди мхов, словно проглоченный невидимой пастью. На мгновение показался и снова ушел вглубь нös.

Алгана охватило отчаяние. Он оказался на этой болотистой планете один, без оружия, без карт, без инструментов, правда, с трехдневным запасом провизии, компасом, старинной шахматной доской и уверенностью в том, что в полусотне километров находится космопорт.

Неужели этого и хотел Ногаро? Или он сам допустил какую-то ошибку?

Отныне все это не имело значения.

Даже не начавшись, миссия Алгана выглядела совершенно невыполнимой.

Идти оказалось легко. Алган без труда шагал по мшистым зарослям, кроваво-красным под лучами ночного светила. Ветер утих. По-видимому, здесь переход ото дня к ночи и наоборот сопровождался гигантскими перемещениями воздушных масс.

Через несколько километров он ощутил усталость. Воздух был употельно тих. Выбрав место потверже, Алган улегся на мох и закрыл глаза.

6. ПРОКЛЯТЫЕ МИРЫ

«Пространство,— думал Алган, лежа с закрытыми глазами на мягком розовом мху,— можно представить в виде ткани из материи и света, в которую вплетены нити причин и следствий. И именно потому, что я, Жерг Алган, занял в определенный момент определенное место в пространстве в миг своего рождения, вырос в условиях цивилизации, которая измеряла пространство парсеками, среди людей, различия между которыми были так велики, что они еще не всегда могли понять друг друга, случилось то, что должно было случиться именно со мной, а не с кем другим». Мысль о неотвратимости судьбы была странной, но вывод напрашивался только один — во времени и пространстве существовал узкий ход под именем Алган, по которому он будет идти всю свою жизнь и нигде не сможет свернуть в сторону от собственной судьбы.

Мысль была ошеломляющей. Он еще никогда не формулировал с такой четкостью и силой своих неосознанных стремлений. Нередко у него возникало ощущение той или иной степени свободы, но оно быстро проходило. Сейчас он осознал, что всегда был пешкой на шахматной доске вроде той, что лежала рядом с ним, а те, кто передвигал его с клетки на клетку, сами были пешками на той же безграничной доске

пространства и времени, хотя пока еще не осознавали этого. Недаром во время охоты он всегда ощущал неразрывную связь между собой и зверем, на которого шел,— в какой-то момент либо охотник, либо зверь непременно обречен на гибель. Эту связь овеществляло все: леса, тропинки, ветры, запахи, звезды, вся Вселенная, хотя она была едва ощутимой. Животное воспринимало ее инстинктивно, охотник почти осознанно.

Сейчас и охотник, и его жертва оказались в одной шкуре, а полем охоты, шахматной доской, стала вся Вселенная. Клетками доски были планеты, звезды и даже галактики.

Победитель получит ответ на извечный вопрос.

Что такое человек?

Но существовал и другой ответ, входивший в правила игры, которая с незапамятных времен разворачивалась в пространстве.

Есть ли в космосе некто подобный человеку, в котором человек признает равного себе, понимая, что этот некто не есть человек?

На этот вопрос ответить не мог никто — ни философы, смахивающие бородами пыль с древних манускриптов, ни ученые, склонившиеся над микроскопами или следящие за стрелками точнейших приборов. Ответа никто не знал, ибо время ответа не пришло.

Этот момент наступал сейчас. Две громадные армии, или просто население двух муравейников, оказались в непосредственной близости друг к другу, но контакт пока не состоялся. Соприкосновение было неизбежным. И битва могла разгореться, стоило лишь кому-нибудь передвинуть простую пешку не на ту клетку.

Пешка носила имя Жерг Алган.

«А вдруг моя персона и не играет особой роли? Может, в авангарде армий стоит множество пешек или часовых, готовых при встрече либо приветствовать друг друга, либо перегрызть друг другу глотку? Быть может, меня поджидают на этой молодой планете? А жертва и крадущийся за ней охотник столь же напуганные невежды, как и я сам?»

Он вскочил на ноги и отряхнулся. Примятый мох распрямился за ночь. А от ракеты, наверно, остался только легкий розовый шрам. «Что случилось со звездолетом?» Он представил себе, как тот медленно погружается в бездонные глубины, обрывая губчатые корни мхов.

Алган собрал вещи и снова пустился в путь. Ночь казалась красной из-за пурпурного света далекой звезды. Алган без особых усилий пробирался среди густой растительности. Почва под ногами упруго пружинила.

Алган шел почти прямо, изредка сверяясь по компасу. До космопорта оставалось километров тридцать. Сила тяжести на планете была невелика, и он полагал, что часов через десять будет у цели.

Страх давно покинул его. Его мышцам и нервам не надо было привыкать к долгим часам ходьбы в одиночестве на Земле. Комбинезон надежно защищал его от прохлады. Иногда тишину ночи пронизывал пронзительный крик, но пока он не встретил ни одного живого существа, которому тот мог бы принадлежать, а растительность не проявляла никакой враждебности.

Скорее всего, это кричали какие-то животные вроде тех, что населяли Землю миллиарды лет назад, до появления человека. Карикатурно похожие на тех, в кого впоследствии превратятся в процессе эволюции, такие животные встречались на всех планетах земного типа.

Смысл существования этих животных и растительных миров, которые смахивали на лабораторные культуры, рассеянные в пространстве, ускользал от Жерга Алгана. Может быть, фауна должна была стать разумной через немыслимые времена, или то были результаты неудачных опытов, а может, игра велась на столь обширной доске, что правила оставались неизвестными человеку.

Снова поднялся ветер, и под его ласковым дыханием зашуршали растения. Ветер как бы включился в игру — он то мешал ему идти, то подталкивал вперед, то отдалял, то приближал встречу, которая могла стать решающей в его судьбе.

Ветер толкнул Алгана в спину и вдруг подхватил его и поднял в воздух, словно паука на паутинке. Он оказался высоко над пурпурной равниной. Ветер ревел в ушах и увлекал в плотные слои воздуха.

Подавив страх, он поплыл в ледяном воздухе. И вдруг рухнул вниз.

Пурпурную равнину надвое рассекал глубокий разлом. Алган видел отвесные обрывистые стены ущелья.

Он сумел замедлить падение и приземлился на мягкую моховую подушку в нескольких метрах от бездны. Город лежал по ту сторону пропасти.

Алган уселся на краю обрыва и глянул в небо. Красная звезда сияла на небосводе, затмевая остальные светила, которыми, казалось, было вымощено ночное небо. Чувствовалась близость к центру Галактики, и звезд здесь было столько, что ночь отличалась от дня только окраской света.

Что дальше? Пропать была для него столь же непреодолимым препятствием, как река для муравья. Добравшись до края клетки, он увидел, что соседняя клетка недостижима. Путь был проделан зря.

Он склонился над краем пропасти и увидел далеко внизу деревья, которые играли листвою в плотном воздухе, как во-

доросли в сильном морском течении. Он осмотрел противоположную сторону обрыва, серебристую в лучах пурпурной звезды, и заметил между отвесными стенами циклопические колонны, похожие на остатки храма, с которого сорвало крышу. Их окружали заросли фиолетовой растительности.

Ветер стих. Неожиданное исчезновение ветра привлекло его внимание. В ущелье существовало что-то более сильное, чем ветер, или создавался противоток, который уравнивал силу ветра, увлекшего его за собой. Алган вспомнил, что его падение началось, когда он подлетел к краю расщелины. Он еще раз склонился над пропастью и ощутил на лице легкое дыхание. Он ощупал холодный камень отвесной стены и ему показалось, что его пальцы окунулись в жидкость. И тут он понял.

Края пропасти были лишены растительности, а деревья внизу казались водорослями потому, что имели такое же строение и находились в таких же условиях, как земные водоросли. Гигантский разлом был рекой. Но на этой планете река была из газа, за многие века пробившего себе ложе в кристаллической породе.

Это была река из газа более плотного, чем воздух, газа, возможно, ядовитого, но по нему можно было плыть, используя течение. Он оторвал кусок мха и бросил его вниз, в невидимое течение. Мох медленно, дергаясь, как на ниточке, пошел к далекому красному дну.

Алган проверил свое снаряжение, подтянул лямки рюкзака и соскользнул с обрыва, держась за край. Ему показалось, что он погрузился в теплую жидкость. Он отпустил руки, и течение подхватило его. В легкие ворвался густой липкий воздух, ему стало нечем дышать, он отчаянно замахал руками, вынырнул на поверхность и жадно глотнул воздух. Поток довольно быстро нес его вперед. Ему, очевидно, помогло удержаться поверхностное натяжение. Но он был столь же беспомощен, как унесенный рекой муравей.

Он посмотрел вниз и увидел где-то в километре под собой колышущиеся в красном тумане водоросли. Вдруг послышалось шипение, быстро перешедшее в рев. Алган понял, что попал в газоворот. Но нырнуть и отплыть прочь от этого мальстрема он не успел. В глазах потемнело, и он потерял сознание.

Алган почувствовал, что ударился головой о что-то твердое, рука непроизвольно ухватила за веревку. Он подтянулся, и в легких хлынул воздух. В висках стучало. Он услышал крики. Какая-то огромная тень загораживала вид на дальний откос. Затем он различил слова. Послышался топот босых ног по палубе, на него обрушилась сеть, он понял, что его тянут наверх. Вот его опустили на твердую поверхность.

Чьи-то руки ощупали тело. Он хотел что-то сказать, открыл глаза — прямо над ним висела кровавая звезда. Она беззвучно рассмеялась, и Алгана окружили тьма и безмолвие.

Когда настал день, буря, разыгравшаяся ночью над поверхностью газовой реки, утихла. Жерг Алган нервно мерял шагами палубу. Прimitивный плот из губчатой розовой древесины имел в длину около ста метров, и Алган понимал почему. Разница в плотности древесины и газа была столь мала, что для переноса малой массы требовалось большое газоземещение. Управление плотом обеспечивалось громадными парусами которые опускались в газовый поток и служили рулями или веслами. На корме торчала мачта, где в корзине постоянно сидел наблюдатель.

Постройка такого плота не требовала ни особых строительных навыков, ни больших затрат, а потому его попросту бросали в конечном пункте путешествия — ведь он двигался только по течению.

Матросы отличались темной кожей, видно, здесь, вблизи от Центра Галактики, радиация была велика. Они не обращали внимания на пассажира и говорили между собой на неизвестном Алгану наречии. Их слонялось по палубе около десятка, но из трюма доносились смех и выкрики, и Алган решил, что это либо охотники, либо добытчики, возвращавшиеся по окончании сезона в космопорт, чтобы продать свой скудный товар.

Возможно, их далекие предки когда-то попали сюда случайно на потерпевшем аварию корабле, а возможно, с умыслом были оставлены на планете в надежде, что здесь разовьется самобытная цивилизация. Несмотря на примитивный образ жизни, они сохранили манеры цивилизованных людей. В их головах, наверное, царил сумбур: обрывки знаний о прошлом предков мешались с представлениями галактического бытия, но они не выглядели несчастными. Планета была по-своему гостеприимной, а жизнь ее обитателей протекала просто и незамысловато, как в незапамятные времена на тихоокеанских островах Земли, родины всего человечества. «Тихим океаном» цивилизации, контролируемой Бетельгейзе, было пространство, а зачарованные острова и проклятые миры кружились в черной пустоте вокруг бесчисленных солнц.

«Впрочем, эта аналогия не имеет смысла», — решил Алган. Он лежал на носу судна, поглаживая рукой шахматную доску с тончайшими гравюрами, символизирующими Вселенную.

Аналогия в самом деле не имела смысла — ведь цивилизация на Тихом океане была делом случая и истории, а галактическую цивилизацию создал человек. Людей сознательно оставляли на отдаленных планетах, чтобы свернуть историю

с проторенного пути. Эту холодную концепцию освоения Вселенной разработала Бетельгейзе... Бетельгейзе не остановилась на том, что подарила человеку пространство, она пыталась строить будущее человечества по своим планам.

Холодный гнев снова охватил Алгана. Рука, лежавшая на полированной поверхности доски, дрогнула. Давняя ненависть человека прошлого к Бетельгейзе проснулась в нем. Однако теперь эта ненависть обрела новый смысл. Он понимал, что является пешкой в какой-то космической игре, но теперь решил перейти на сторону противника, ведь Бетельгейзе была не просто противником в игре, а врагом.

Наблюдатель издал протяжный крик, и Алган приподнялся, опасаясь засады. Но увидел, что судно приблизилось к запруде из древесных стволов, которая перегородила газовую реку. Справа, посреди пурпурно-красной равнины, высилась белая строения космопорта.

Люди высыпали на палубу и засуетились вокруг тяжелых рулей, подбадривая себя протяжными криками, перекрывавшими скрип балок. Плот замедлил бег и, упершись носом в канаты, застыл посреди реки. Глубина под ним по-прежнему была не менее километра.

К бортам привязали канаты, и невидимые бурлаки потащили плот к берегу. Он пристал к серебристому обрыву прямо под стенами космопорта, к которому вела извилистая тропа, пробитая тысячами ног.

* * *

Белое словно мел лицо, изборожденное множеством морщин, медленно повернулось в сторону Алгана. Старик комочком сжался в стальном кресле, похоже попавшем сюда с потерпевшего аварию звездолета. Взглядом полуприкрытых глаз он обвел грязный дворик, розовую лагуну и две колючие изгороди из кактусов — их зелень резко контрастировала с красно-фиолетовой растительностью планеты.

Над двориком высился космопорт, устремленный к звездам, словно необычный часовой. Кое-где среди растительности торчали каркасы старых звездолетов. Очертания их ободранных корпусов напоминали о ранних годах освоения пространства.

Тонкие сухие губы старика дрогнули. Затем послышалась глухая нечленораздельная речь. Алган ничего не понял. Наконец, медленно, будто это стоило ему невероятных трудов, старик произнес слова, понятные Алгану.

— Это было давно, — прошамкал старик, — очень давно.

Он шевельнулся, его правая рука поднялась с колен и потянулась к Алгану. В дневном свете она казалась почти синей, кожа на ней была такой истонченной, что можно было различить каждую вену, каждую косточку, каждое сухо-

жилие.

— Я забыл слова,— пробормотал старик.— Я так давно не говорил на этом языке. Здесь живут сущие дети, и с ними надо говорить языком детей...

— Я прибыл с Земли,— тихо произнес Алган, боясь, как бы этот призрак от звука его голоса не рассыпался в прах.

— Откуда?— спросил старик.

Он наклонился вперед. Его желтые остекленевшие глаза словно впервые увидели посетителя.

— С Земли,— громко повторил Алган.

Он сделал шаг вперед и остановился посреди грязного двора. Потом поправил лямки рюкзака, в котором хранилось все его достояние, и оглядел хижину.

— Земля больше не существует,— прошамкал старик. Он явно подыскивал слова, и Алгану показалось, что тот небезречно высказал свою мысль.

— Земля больше не существует,— повторил старик.— Радио нынче говорит лишь о Бетельгейзе.

Его глаза закрылись, и он кивнул, словно подтверждая собственные воспоминания.

— Я звал времена,— проговорил старик,— когда Бетельгейзе была отдаленной колонией, но она уже начинала набирать силу. Мы были пилотами. Отменными пилотами. Мы неслись от одного мира к другому, нас пьянила радость побед, и мы не знали усталости. Нам нужна была постоянная смена впечатлений. Потому мы и живы до сих пор. Мы не играли первых ролей. Их играли те, кто оставался на открытых нами планетах. Они умирали, но были правителями, торговцами, техниками. Мы же так и оставались отчаянными головами, прыгающими из мира в мир. Потому мы и живы. Мы видели, как стареют другие. Прилетая на планету, мы встречали сыновей наших друзей и снова пускались в путь, а годы летели...

Он заморгал, и его руки легли на подлокотники кресла.

— Кто ты такой, малыш?— спросил он.— Я никогда не видел тебя здесь. Ты прибыл из космоса? Я сразу подумал об этом. Ты не говоришь на местном наречии, а я почти позабыл добрый старый язык пилотов.

— Я прилетел с Земли. Меня зовут Алган. Жерг Алган. На Эльсиноре я узнал, что могу получить от вас кое-какие интересные меня сведения.

Ледяной тон собственного голоса удивил Алгана. Он чувствовал, что внутри растет какое-то новое существо, холодная пронизательность которого даже пугала его. Он сбросил на землю рюкзак, развязал его, извлек шахматную доску и сунул ее под нос старику. Алган склонился к самому лицу старого пилота, чтобы лучше видеть выражение его лица.

Старик хрипло расхохотался, и по спине Алгана пробежал холодок.

— Они не захотели мне поверить! Они не захотели мне по-

верить и отправили гнить на эту чертову планету, а теперь разыскивают меня, потому что напуганы, потому что один за одним открывают проклятые миры! То была отменная экспедиция! Ее вел молодой капитан, и он командовал новенькими кораблями. И что от всего осталось? Старый дурак на треклятой планетенке.

Он поднял голову и сурово поглядел на Алгана. В его глазах горел холодный огонь. Его взгляд выковали десятки солнц и непроглядный мрак космического пространства.

— Кто вы такой? — блеющим голосом произнес старик. — И почему вы держите в руках эту доску? За всю свою долгую жизнь я видел только три такие доски. В первый раз это была доска, которая принадлежит вам или как две капли похожая на нее; и дважды я видел ее изображение на черных стенах цитаделей. Кто вы такой? Уходите отсюда и оставьте меня в покое. Всю жизнь я бежал от этих воспоминаний. Или вы один из них? Вы явились за моей душой, чтобы поглотить ее, как вы живьем поглотили моих собратьев?

— Я пытаюсь понять, — ответил Алган. — Я лечу с Эльсинора, где мне в руки попала эта доска. Я ищу оружие, которое позволило бы опрокинуть Бетельгейзе. Попытайся я сесть в порту, мой корабль уничтожили бы. Поэтому я сел на равнину, а сюда добирался пешком. Меня спасли люди, которые, я уверен, не проговорятся. А если и проговорятся, им никто не поверит. Я доверяюсь вам. Вы можете позвать стражу, и меня арестуют, но, прошу вас, прежде выслушайте меня.

— Что же, — проговорил старик, растягивая слова. — Попробую вам верить. Мне тоже пришлось скрываться. Я постараюсь помочь вам. Правда, я немного могу. Вы пересекли пространство, как и я, этого вполне достаточно. Что вас интересует?

— Я хочу знать, что случилось с вами после гибели вашей последней экспедиции, как вам удалось вернуться, что вы сообщили Бетельгейзе и что рассказали пуританам. Именно они сообщили мне, что вы единственный человек, который может мне помочь, и где вы живете.

— Они знают все, — заговорил старик. — Они знали все еще тогда, когда я путешествовал среди звезд. Это было полсотни, нет, шестьдесят лет назад. Если вы явились от них, ничего нового вы не узнаете. Однако раз вы владеете шахматной доской, могу вам рассказать одну историю.

Жерг Алган слушал старика, стоя во дворике, окруженном двумя рядами зеленых кактусов, которые случай принес на эту планету. Он слушал, поглаживая рукой полированную шахматную доску. В свете красного солнца ее темно-вишневые клетки постепенно розовели. По словам старика, доску изготовили необычайно давно, сделала ее раса, которая была намного древнее человеческой.

— Мы летели к Центру Галактики. Вы знаете, что она по форме напоминает колесо. Люди всегда стремились достичь ее геометрического центра, места, где искажения времени и пространства проявляются с наибольшей силой, где плотность звезд так высока, что небосвод кажется сплошным золотым куполом. У нас было пятнадцать новеньких кораблей, молодой капитан, ученые, техники. Каждый чувствовал себя героем. Мы были молоды, имели некоторый опыт и знали, что большинство миров, открытых человеком, враждебно и негостеприимно. Поэтому старались быть осторожными.

После года полета мы приблизились к центру Галактики и вдруг оказались в районе, совершенно не похожем на все виденное до сих пор. Приборы безбожно ввали. Мы рассчитывали одно, приборы показывали другое. Наши ученые дали названия всем этим явлениям, они считали, что нет поводов для беспокойства. Они рассчитали характеристики нового пространства, и вскоре мы забыли о всех страхах. Мы были готовы к встрече с необычным. Однако следовало быть настороже. Мы вышли за границы освоенного района и оказались ближе к Центру Галактики, чем какая-либо экспедиция до нас. Несколько световых лет мы летели через зону мертвых звезд и солнц, лишенных планет. Ни один из астрономов не мог объяснить, как возникло такое образование, но и это не беспокоило нас. Мы забыли о всякой осторожности...

Наконец, мы наткнулись на звезду с планетной системой. Ну, обследовали планеты. На шестой от солнца обнаружили черную цитадель. Нет, ее тайны не раскрыл никто. Мы заметили ее, как только вышли на орбиту,— уж очень огромной она была. Ринувшись вниз, мы сели среди джунглей. Радио молчало. Цитадель выглядела покинутой. Мы опустились на порядочном расстоянии от нее и отправились на разведку пешком. Планета относилась к земному типу, но сила тяжести на ней была выше, и каждый шаг давался с трудом. Мы буквально продирались сквозь влажные густые джунгли, а на горизонте вырастали невероятные стены цитадели.

Вокруг царил тишина. Тысяче-, если не миллионнолетиями ничто не нарушало ее. Тишина действовала угнетающе. Мы вздрагивали от хруста каждой веточки, хватаясь за оружие. Высоченные стены заслонили половину неба, тень от них была гуще ночи. Мы решились подойти к самому подножию этих ониксовых отвесных стен. Наклоненные наружу, они нависли над головой и, казалось, вот-вот упадут и раздавят нас. И тут на высоте примерно в три человеческих роста я заметил изображение вот этой самой доски, будто вырезанное на полированной глади стены резцом какого-то великана.

— Ну, и экспедиция исчезла? — перебил старика Алган. Он придвинул чурбан из розового дерева и уселся на него. По мере приближения ночи стены космопорта медленно наливались пламенем от всходявшей красной звезды.

— Нет, — ответил старик. — Не в этот раз. В тот день мы вернулись на корабли, и начался горячий спор. Матросы считали, что надо поскорее сматывать удочки. Они издавна понаслышались легенд, хотя прежде не очень в них верили. Ученые, особенно один историк, буквально помешались, боясь, что им не дадут изучить невероятную находку. В конце концов матросы взяли верх — их поддержал капитан. Мы покинули эту черную восьмиугольную цитадель, превосходившую по высоте любые мыслимые горы, и отправились дальше, рассчитывая вернуться сюда после разведки всего сектора.

Не прошло и месяца, как мы сели на мертвую планету. Это был один из тех миров безмолвия и пустоты, которые тысячелетиями бороздят космос, наводя непонятный ужас на звездоплавателей, хотя любой радар легко определял положение таких бродячих призраков, позволяя вовремя разминуться с ними. Мы сели потому, что заметили с орбиты еще одну черную цитадель.

Мы опьянели от радости. Человек впервые наткнулся на следы разумной жизни, нас согревала надежда встречи с иной цивилизацией, цивилизацией межзвездной. Всякие сомнения отпали. Различные, не знающие друг друга расы не могли воздвигнуть идентичные постройки, размеры которых бросали вызов всем известным законам Вселенной.

Посадка была поспешной. Мы разбили лагерь. Извлекли из трюмов вездеходы. Здесь не надо было бороться с джунглями. Работать было легче, хотя планета уже давно лишилась атмосферы. Я объехал цитадель кругом. Шахматная доска с шестьюдесятью четырьмя клетками повторялась в нескольких местах. Кто вырезал эти рисунки? Ведь наши инструменты скользили по стенам, не оставляя на них ни малейшей царапины.

Что это было — символ или замочная скважина? Всех волновал этот вопрос, и воображение работало на славу. Мы прочесали библиотеки и отыскивали все, что относилось к шахматам. Мы узнали, что эта игра была известна всем человеческим цивилизациям. Иногда шахматы становились предметом культа. Они очень точно сочетались с некоторыми особенностями человеческого мышления.

Быть может, за этими высоченными стенами хранилась тайна происхождения человека и жизни?

На двадцать пятый день нашего пребывания на планете и после пятнадцати месяцев нашего путешествия в космосе ворота цитадели распахнулись. Они открыли мир света и каких-то немыслимых переплетений. Несколько человек вошли внутрь. Они вернулись, потрясенные величием и загадочностью его лабиринтов.

И здесь мы совершили ошибку. Мы решили исследовать цитадель всем составом экспедиции. Ученые требовали именно такого решения, а матросы забыли об опасности. И толь-

ко меня оставили снаружи, у врат цитадели, чтобы принимать сообщения исследователей. Прошли часы. Я подремывал в скафандре, как вдруг заметил, что черные наклонные створки стали бесшумно сходиться. Громадные плиты со знаками шахматной доски закрыли вход, который несколько суток зиял в неизвестность. Призывы в моих наушниках слабели, а затем совсем прекратились. Я прыгнул в кабину ближайшего вездехода и на полном ходу понесся к лагерю и ракетам. И тут сверкнула молния. Оказалось, что осветив планету до самого горизонта, взорвались наши ракеты. Остановив вездеход, я выпрыгнул из него и со всех ног бросился прочь. Не пробежал я и сотни метров, как меня швырнуло на землю — на месте вездехода дымилась воронка.

— Что произошло потом? — спросил Алган.

— Почти ничего, — ответил старик. Голос его зазвенел, полузабытые слова все легче слетали с уст. Взгляд стал спокойным. Исчезла горькая ирония. — Почти ничего, — повторил старик. — Через пять суток меня ждала неминуемая смерть — таков был запас воздуха в скафандре. Провизии хватило бы на несколько недель. Затем с неба явились люди и спасли меня.

Они прилетели не с Бетельгейзе и не из какого другого известного мира. Их звездолеты были менее совершенными, чем наши. Они не понимали моей речи, а я не знал ни слова из их языка.

7. ПО ТУ СТОРОНУ ГАЛАКТИКИ

— Люди? — переспросил Жерг Алган.

— Люди, — повторил старик, махнув иссохшей рукой. — Можете верить или нет, считать меня безумцем, как те с Бетельгейзе, которые сослали меня сюда, или выслушать, не перебивая, как сделали торговцы с Эльсинора, которые, кстати, заплатили мне всего четверть обещанной суммы. Да, меня спасли люди. Они немного отличались от нас. Они пониже ростом, быстры и грациозны в движениях, у них маленькие заостренные уши и очень бледная кожа. Язык их столь сложен, что я так и не разобрался в нем. А знаете, как мне удалось наладить с ними общение? Никогда не догадаетесь, все очень просто. Играя в шахматы! Только и всего. Король, ферзь, пешки могут называться по-иному и иметь иные формы, но ходят они везде одинаково, и возможности комбинаций на шестидесяти четырех клетках столь же неисчерпаемы, как и Вселенная.

— Откуда они прибыли? — осведомился Алган. Его сердце учащенно билось, а голос охрип. Он вдруг ощутил усталость, но продолжал внимательно слушать.

— С другого конца Галактики! — бесстрастно произнес

старик. Он успокоился, руки его вновь легли на колени. — Думаю, вы мне не поверите, — продолжал он, — сочтете меня сумасшедшим, мифоманом, ведь я уже двадцать лет в ссылке. Я не могу предъявить доказательств. Но вы явились, чтобы услышать историю моих странствий? Располагайте ею как хотите.

— Я верю вам, — прошептал Алган, ощущая на затылке легкое дыхание ветра. Над космопортом взошли три розовые луны. В прошлую ночь он их не заметил. Потом понял, что видит на низких тучах световые пятна от лучей мощных проекторов.

Ему ничего не оставалось, как принять рассказ старика, довериться его воспоминаниям — ведь тот был единственным очевидцем невероятных событий. «На самом деле в его истории нет ничего невероятного, — подумал Алган, — звездолеты, несущиеся со скоростью света, отодвинули границы возможного. Мир как-то сразу раздался во все стороны, человеческий опыт оказался слишком скудным, и все, что выходит за его рамки, кажется чудесами и фантастикой». В человеческой истории подобное случалось — так было, когда на Земле европейские мореплаватели открыли новые материки, и сомнение уступило место вере. Потом земли освоили, и люди забыли о недавнем опьянении новым. А в космосе сколько бы люди ни открывали миров, еще больше их оставалось неоткрытыми. Люди забыли, что границ познания не существует. Они могли освоить любую планету, если только ее не заняли другие.

— Меня мало волнует, поверите вы или нет, — сказал старик, и голос его вдруг стал старчески пронзительным. — То были люди, как и мы, и прибыли они с противоположного конца Галактики. Их раса появилась в условиях, сходных с земными, и мне не надо было пересказывать историю их рода. Я вдруг сообразил, что знаю ее. Это была история рода человеческого. Конечно, с некоторыми отклонениями. Природа отнеслась к ним с большей снисходительностью, чем к нам. Они прошли более долгий путь развития. Но он был не столь извилистым. Они совершили меньше ошибок, хотя их тоже было предостаточно. Их язык совсем не похож на наш, он более гибок и одновременно сложнее любого человеческого языка. У них иной звуковой аппарат — я не мог повторить многие из звуков их языка, а наши фонемы оказались неприспособленными для них. Но языковые различия не могут быть барьером между людьми. В Освоенной Галактике существуют и существовали разные языки, однако люди есть люди. И пришельцы тоже были людьми.

— Случайность, — выдохнул Алган. — Галактика так обширна.

— Может быть, — тихо откликнулся старик, — может быть. Я никогда не понимал, что такое случайность. И не верю

в случайность одновременного развития нескольких человеческих рас в различных точках Галактики, равно как и в случайность их встречи именно в тот момент, когда они научились звездоплаванью. У меня есть веские доводы. Подождите немного. У меня пересохло в глотке. Принесите из хижины металлический кувшин и пару стаканов — вы найдете их на полке над дверью.

Алган встал, положил шахманую доску на чурбан, служивший ему сиденьем, и пересек двор, шлепая по лужам, которые казались кровавыми в свете пурпурной звезды. Ему пришлось нагнуться, чтобы войти в низкую дверь, и некоторое время его глаза привыкали к розовому полумраку хижины. Весь пол, кроме двух дорожек, от двери до кровати и от кровати до стола, был покрыт толстым слоем розовой пыли, свидетелем неумолимого бега времени.

Но годы, проведенные здесь старым пилотом, были пустяком в сравнении с годами, прожитыми в космосе и наполнившими память старика неизбывными воспоминаниями. Он родился во времена столь далеких предков Алгана, что их имен не сохранилось ни в древнейших запыленных архивах, ни на кладбищенских плитах древнего Дарка. Он очень долго путешествовал среди звезд, и нить его жизни необычайно растянулась. Старик был своего рода ископаемым, заброшенным течением космоса на эту бедную отдаленную планету. Он обманул время, но время все же отмстило ему.

И отмстило по-своему: оно не давало забыть о себе — покрыло толстым слоем розовой пыли пол и мебель, кристалл, найденный в неизвестных горах, череп редчайшего животного, древнее ружье с ремнем из ломкой кожи, висевшее на гвозде.

Алган нашел металлический кувшин и два не очень припорошенных пылью стакана.

— Спасибо, — поблагодарил старик. — Мне стало трудно двигаться. Пару лет назад я еще сражался со здешним лесом, но теперь с работой покончено. Всему приходит конец.

Алган пригубил напиток — он был тягучим и сладким.

— Если говорить точнее, они прибыли не с противоположного конца Галактики, но место их рождения столь отдаленно, что мы не видим их звезды — она растворена в тумане мириадов солнц. Их экспедиция удалась от своей базы еще дальше, чем мы. Я уже говорил, что их звездолеты были не столь совершенны и быстры, как наши. Но продолжительность полета не играла для них той роли, какую играла для нас. Их мало волновало, проведут они жизнь в звездолете или на родной планете. Их рассуждения были сходны с рассуждениями людей Бетельгейзе, они мыслили в терминах бесконечности

времени и пространства. Но это не суть важно.

Вам известно, что картографы искусственно разделили Галактику на четыре четверти и триста секторов. Освоенная Галактика занимает первые четыре сектора. Их звездная система располагается в двенадцатом секторе, если считать от Земли, и на расстоянии вдвое меньшем от Центра Галактики, чем Солнечная система.

Встреча со мной не вызвала у них особого удивления. Казалось, они предвидели ее. Они, по-видимому, знали, что в самых отдаленных секторах Галактики существуют иные человечества, что цивилизации разделены безднами пространства. Вот они и исследуют его, идут друг другу навстречу, образуя по периферии Галактики единую цепь цивилизаций. После долгого путешествия они оставили меня на одной из освоенных человеком планет. Дальше я возвращался обходными путями. Я хотел продать пуританам то, что знал, но обо мне прослышали люди Бетельгейзе. Когда я рассказал им все, что вы только что услышали, они начали издеваться надо мной и отправили в ссылку на эту планету.

— Все это очень интересно,— сказал Алган.— Но у вас в самом деле нет ни малейших доказательств.

Его голос дрожал от нервного напряжения.

— Ни малейших доказательств? — переспросил старик.— А то, что я жив? Чего вам надо еще?

— Почему ваши спасители не вступили в контакт с нами? Почему не полетели на Бетельгейзе? Ведь они достигли границ наших владений.

— Они не стремились к контакту. Наверно, считали, что преждевременный контакт принесет больше вреда, чем пользы. Я не знаю их планов, но они, похоже, не спешили.

— Это все? — спросил Алган.

— Почти все. Кое-что на десерт. У них имелись шахматы — та же доска из шестидесяти четырех клеток — и, наконец, столь редкий в наших краях зотл. Они получали напиток из того же твердого корня, растущего глубоко в почве. Однако зотл не произрастал на их родной планете, как его не было в свое время и на Земле. Они, как и мы, наткнулись на зотл, исследуя иные миры. Я уверен, что в пространстве существуют три связанные между собой вещи — шахматная доска, которую создали задолго до человека, сам человек, а также зотл, открытый на определенной стадии развития человечества. Как связаны эти три вещи — тайна. Ее-то вам и предстоит разгадать.

Старик поднял глаза к небу и посмотрел на красную звезду. Его сухие губы подергивались, а лежащие на коленях руки дрожали. Ночь унесла последнее дуновение ветра. Старик встал, опираясь на палку.

— Пошли перекусим,— сказал он,— и отдохнем.

Алган вслушивался в медленное неровное дыхание старика. Он лежал, завернувшись в покрывало, положив под голову рюкзак, и ждал, когда придет сон. Но сон не приходил.

Алган не отрывал взгляда от залитого красноватым светом потолка. Нервы его были напряжены. Тишину ночи нарушали только поскрипывание дерева и дыхание старика.

Алган размышлял.

Может, то, что он услышал, всего лишь легенды, вымысел?

Но ведь существовало пространство с мириадами миров и возможностей. Оно каждодневно задавало сотни вопросов, которые никто не мог разрешить... А кроме того, последнее время люди жили словно в ожидании встречи с иной разумной расой. Гуманоидной или нет — неважно, но именно иной, которая не была бы следствием мутации некоей ветви человечества, вроде жителей Аро с их глазами без зрачков.

Существовал Ногаро с его любознательностью, существовали пуритане Эльсинора и их десяти планет, существовали люди Бетельгейзе с их тайным интересом к почти сказочным историям, которые поведали первопроходцы. Существовала убежденность Ногаро и торговца с Эльсинора в том, что недостижимые глубины пространства скрывают тайны бытия.

И еще существовала шахматная доска.

А Жергу Алгану с его ограниченными знаниями предстояло принести ответы на мучившие всех этих людей вопросы. Информации было мало — сведения о двух или трех погибших экспедициях, странные видения после глотка зотла, неведомые черные цитадели, в которые верили пуритане и которые были, похоже, известны людям Бетельгейзе.

Могло быть так, что ответ на все вопросы находится на Бетельгейзе. Он мог храниться в памяти гигантских машин, в архивах, в отчетах. А Жерг Алган всего лишь пешка, предназначенная для того, чтобы направить пуритан Эльсинора по ложному следу.

Но существовала шахматная доска.

И ее шестьдесят четыре клетки — черный ящик с двойным входом и математически безграничным количеством комбинаций, разрисованный странными фигурами.

«А если это символ? Символ Вселенной? — спрашивал себя Алган, глядя на красный квадрат окна. Спина его ощущала неровности пола. — А если это ключ, некое подобие плана или дверь к тайне черных цитаделей, дающая право на владение ими тому, кто соберет разрозненные куски мозаики в одно целое?»

Он сунул руку под голову и, пошарив в мешке, достал доску. Пальцы, казалось, сами тянулись погладить ее полированную поверхность. Да, шахматная доска могла служить ключом, и он ждал того человека, который воспользуется им.

Может, в пространстве рассеяно столько же черных цитаделей, сколько рисинок пообещал дать некий раджа изобретателю шахмат — одну рисинку за первую клетку, две за вторую, четыре за третью и так далее, и оказалось, что вся земля не в состоянии родить столь несметного количества риса.

А может, доска была моделью пространства, и ходы фигур наглядно изображали некоторые наиболее удобные траектории перемещения? Шахматная игра готовила человеческий мозг к решению некоторых топологических задач, а разыгранная партия соответствовала решению определенных проблем, исходными данными которых были точные пространственные координаты.

Проблемы шахматной игры были проблемами геометрическими, пространственными, топологическими. Играя, следовало выбирать сложные маршруты и избегать губительного влияния отдельных фигур, находящихся в тех или иных точках пространства.

Например, в центре доски.

* * *

«Из чего сделана эта доска — из дерева?» — спросил он сам себя, поглаживая пальцами ровную полированную поверхность и не ощущая ни малейшего зазора между клетками.

В первый момент он решил, что доска изготовлена из разных пород дерева. Но почему именно из дерева? Просто такие доски почти всегда делались из дерева.

Теперь его одолело сомнение — могло ли дерево так хорошо сохраниться.

А может, доска была грубой подделкой, ловушкой?

Он отбросил эту мысль. И пуритане, и люди Бетельгейзе обладали достаточным арсеналом средств, чтобы точно установить возраст любой вещи, и вряд ли их удалось бы обмануть. А зачем обманывать его, Жерга Алгана, человека с древней планеты, одинокого волка, бунтаря, заблудившегося на окраинах Освоенной Галактики!

А зотл? Зотл и шахматная доска.

Зотл, странный, абсолютно безвредный напиток, который подготавливал мозг и нервную систему человека к восприятию непонятных образов.

«Ирреальные видения, опасные для психики», — заявляли психологи. «Как сказать, — возражали математики и физики, — миры, доступ к которым открывает зотл, построены по законам логики и не похожи на бред, они столь же логичны, как и сама Вселенная».

«Бред, — упорствовали психологи, — неожиданные связи между нервными окончаниями. Вы видите то, что должны слышать, воспринятое слуховым нервом замыкается на опти-

ческий нерв».

Неврологи пожимали плечами.

Шахматная доска и зотл.

Зотл тоже был дверью в неведомые миры. А шахматная доска — пропуском, планом, который позволял ориентироваться во Вселенной и посещать иные, непонятные, но вполне реальные миры.

Зотл и шахматная доска.

Они взаимно дополняли друг друга, как ключ и замочная скважина, если найдется человеческая рука, чтобы вставить ключ в скважину и толкнуть незапертую дверь.

Когда же дверь откроется, человек должен не только заглянуть в соседнюю комнату, но и смело переступить порог.

Смело переступить порог.

Шахматная доска и Жерг Алган.

Он вскочил на ноги и потряс старика за плечи.

— Проснитесь,— крикнул он, склонившись к морщинистому серому лицу.

— Что случилось? — пробормотал старик, испуганно приподнимаясь.

— Вставайте. Я все вам объясню. Мне нужна ваша помощь.

Старик натянул старый потертый комбинезон.

— Солнце еще не взошло,— его сухие губы едва шевелились.

— Неважно,— сказал Алган.— У меня нет времени ждать.

— Что вы собираетесь делать? — спросил старик.

— Я долго размышлял над вашими словами. Мне нужен зотл. У вас он есть?

— Нет. Откуда?

— Кто на этой планете может иметь зотл?

— Не знаю. Здесь зотл не произрастает.

Старик толкнул дверь, и они вышли из лачуги. Ночной свет волшебным образом преобразил грязный двор. Джунгли вокруг казались столбами пламени, а дом — холодным костром. Над ним в пурпуре ночи ледовым монолитом высилась громада космопорта.

— Погодите,— сказал старик.— Зотл наверняка есть у коменданта порта. Только не знаю, как вы сможете убедить этого человека дать вам его. Чем будете платить? Во всяком случае, скажите, что пришли от меня.

— Непременно,— пробормотал Жерг Алган.— Я сейчас же иду к нему.

— Еще очень рано. Подождите немного.

— Космопорт не ведает покоя ни днем ни ночью,— возразил Алган.— Я слишком долго ждал. Комендант должен запомнить мое посещение. Прощайте.

— Удачи вам,— пожелал старик, но голос его был полон сомнения. Он долго смотрел вслед Алгану, который, поправив рюкзак на спине, двинулся вверх по крутой тропинке, единственной улочке поселка, петлявшей среди жалких строений. Затем зевнул и отправился спать.

* * *

— Вы не войдете,— сказал часовой.— В такой поздний час. Кроме того, вы — чужестранец.

Он походил на каменную статую в мундире из мягкого металла. Его пальцы лежали на клавишах контрольного пюпитра — он мог разбудить вокруг ворот адское пламя. Глаза его сверкали как полированный кремний. Каска блистала отблесками благородного металла. Он был бессмертен и неуязвим в своем бесстрастном упрямстве. Он представлял Бетельгейзе и знал, его решимость подкреплена могуществом всей Галактики.

— Я — свободный гражданин Галактики,— громко сказал Алган.— Я имею право войти в космопорт днем и ночью.

— В принципе, да,— ледяным тоном возразил часовой.— Но ночью люди обычно спят. Спать следует и вам. Поговорите с комендантом завтра.

— Обращаюсь к его полномочиям,— заявил Алган.— У вас нет права по собственной инициативе запрещать вход в порт.

— Вижу, вы знаете право,— усмехнулся часовой.— Докажите, что вы свободный гражданин Галактики, и я вас пущу.

— Я — человек, и этого вполне достаточно.

Часовой покачал головой.

— Вы чужестранец. Откуда вы явились? Вы не туземец.— Его голос снисходительно протянул слово «туземец».— И вы не покидали космопорт. В этой дыре визитеров мало. Я бы приметил вас.

— Не имеет значения,— сказал Алган.— Быть может, меня высадил в какой-то точке планеты инспекционный корабль Бетельгейзе? На ваших экранах случайно не появлялся некий корабль?

Тон часового мгновенно изменился.

— Быть может. Быть может. Но даже на этот случай у меня есть строгий приказ. Меня накажут, если я нарушу его.

— Не думаю, что комендант накажет вас, если вы пропустите меня. В противном случае, я ни за что не могу ручаться.

Часовой снова взгляделся в Алгана. Мятая и грязная одежда, небритая борода, усталость на лице доверия не внушали.

— Я пришел от имени Ногаро,— внезапно произнес Алган.

— Ногаро? Откуда вам известно это имя?

В голосе часового зазвучали повелительные нотки.

— Он послал меня. Вот и все.

— Ногаро,— мечтательно протянул часовой.— Я считал, что он умер. Ладно, я вам верю. Но позвоню коменданту, и он сам решит принимать вас или ждать утра. Я умываю руки.

Он нажал клавишу, и высокие бронзовые ворота с названием планеты Глания, распахнулись и пропустили чужестранца, который в одиночестве двинулся по пустынной эспланаде порта, направляясь к светящейся башне.

Комендант умышленно повернулся спиной к Алгану. Восходящее солнце высвечивало черные контуры антенн, казавшихся на фоне пурпурного неба ветвями странных геометрически правильных деревьев.

Комендант был невысок и темноволос. С годами он немного располнел, что несомненно испортило его характер. Он с тоской взирал на пустой порт и пустое небо в тщетной надежде разглядеть корабль с посланцем Бетельгейзе на борту.

Время на Глании нередко тянулось слишком долго.

— Вы по делу? — недовольно спросил комендант.— Вайте. Я вас слушаю.

— Вас даже не интересует, кто я? — удивился Алган.

— А какое это имеет значение? Слушаю вас!

Он нервно шевелил пальцами заложенных за спину рук. Первый солнечный луч вырвался из-за горизонта, и цвет неба стал меняться. Каждое утро и каждый вечер небо Глании становилось полем битвы между красной звездой и белым солнцем. Поутру белое солнце, словно громадный паук, плело свою серебристую паутину до самого горизонта, и красная звезда, запутавшись в этих сетях, бледнела и убегала вдаль.

Вечером все было наоборот. На Глании уже сложились свои легенды об этих ежедневных битвах красной звезды и белого солнца.

— Предлагаю вам отличиться в глазах Бетельгейзе,— медленно начал Алган.— Можете получить внеочередное повышение в чине или оказаться в каком-нибудь порту поближе.

— Вот как? — рассмеялся комендант, но смех его звучал натянуто. Он резко оборвал его, повернулся к Алгану и смерил его недоверчивым взглядом.

— В настоящий момент назрела настоятельная необходимость в мгновенном перемещении среди звезд,— начал Алган.— Все технические уловки, позволяющие увеличить скорость кораблей, практически исчерпаны. Думаю, центральное правительство Бетельгейзе оценит человека, который предложит новый способ перемещения в пространстве.

— Например, вас? — холодно осведомился комендант.

— Не важно кого. Предположите, что я приступил к решающим опытам. Мне нужно кое-что, что трудно отыскать здесь. Допустим, у вас есть это кое-что. Можете ли вы поделиться им, чтобы я мог продолжить опыты? Вам будет признательна вся Галактика.

— Что вам нужно? — спросил капитан, глядя в какую-то далекую точку над головой Алгана.

— Зотл,— тихо обронил Алган.

Взгляд капитана стал осмысленным. Его руки легли на стол, и он уставился на Алгана. Затем побагровел и расхохотался так, что из глаз брызнули слезы.

— Зотл, мой мальчик? — переспросил он.— И больше ничего? Вы уверены, что вам больше ничего не надо? А откуда вам известно, что он у меня есть? Вы не в своем уме, мой дорогой! Зотл для путешествия среди звезд. У меня не раз пытались выманить его, рассказывая самые невероятные истории, но такое я слышу впервые. Хотя вы, похоже, твердо верите в свою выдумку. Вы — параноик, чистейший параноик.

— Зотл не наркотик,— холодно сказал Алган,— если мы обратимся к букве закона.

Комендант перестал смеяться.

— Что-то слишком долго я люблюсь вами,— процедил он сквозь зубы.— Убирайтесь отсюда.

— Зотл не наркотик, и я знаю цену зотлу,— настаивал Алган.— И готов заплатить за него. Такая сделка абсолютно законна. Глазия — подконтрольная территория Бетельгейзе. Вы имеете право продать мне зотл, если он у вас есть, капитан. И можете рассчитывать на признательность Бетельгейзе.

Глаза коменданта сделались мечтательными.

— Да, у меня есть зотл,— сказал он.— Действительно, его продажа не запрещена. Раз вы посланец Бетельгейзе, вы это знаете. Мне следовало догадаться, что вы ее тайный эмиссар.

— Я вовсе не тайный эмиссар Бетельгейзе,— перебил его Алган.— Я скажу вам правду, пока вы сами не докопались до нее. Моей ноги ни разу не было на Бетельгейзе. Но мне нужен зотл, и я готов уплатить за него вдесятеро больше того, что он стоит. Откроем наши карты!

— Согласен,— сказал капитан.— У вас есть деньги?

— Нет,— ответил Алган.

Комендант нервно дернулся.

— Вы сошли с ума,— произнес он.

Его рука потянулась к кнопке, скрытой в резьбе стола.

— Подождите. У меня нет денег при себе, но это не значит, что я не располагаю значительной суммой. Моя персона стоит очень дорого. Мне надо двенадцать корней зотла. Оцените их сами.

Комендант задумался. Сумма была огромной.

— Примерно пятьсот кредитов,— сказал он.

— Даю вам пять тысяч,— усмехнулся Алган.— Меня зовут Жерг Алган. Моя голова оценена в эту сумму. Можете проверить секретные сообщения.

Некоторое время они молчали, пристально глядя друг на друга. Потом комендант нарушил молчание.

— Кажется,— сказал он,— вы предусмотрели все. Но,

что вы сделаете, если я вас арестую, а зотла не дам?

— Все очень просто. Сумма будет вручена лишь тому, кто схватит меня. Но, если я сам сдамся представителю Бетельгейзе, дело меняется. Существуют два варианта: либо вы ловите меня после отчаянного преследования и получаете вознаграждение, либо я сдаюсь, и вы не получаете ничего.

— Вам никто не поверит,— возразил капитан, закусив губу.— Они скорее поверят мне, чем вам.

— Конечно,— согласился Алган.— Но они еще больше поверят детектору лжи. Ему я буду вынужден сказать правду. Станет ясно, что я действительно сдался. А вас привлекут к ответственности за лжесвидетельство. Если вы примете мои условия, я никогда не окажусь перед детектором лжи. Закон разрешает преступнику отказаться от испытания детектором лжи, как бы ни были тяжки обвинения против него. Мне терять нечего.

— Где гарантия того, что вы не попытаетесь обмануть меня после ареста?

— Гарантии у вас нет. Ваше слово против моего. Я был с вами откровенен, дабы вы поняли, что игра стоит свеч. Кроме того, какой смысл мне обманывать вас? Платит Бетельгейзе, а не я. Вам надо пойти на риск. Дело стоит того, советую — поверьте мне.

— Пять тысяч кредитов,— протянул комендант.— Цена средней планеты. Но, если вы тайный эмиссар Бетельгейзе, будьте вы прокляты.

— За мою голову назначена цена,— напомнил Алган.— Можете проверить.

— Хорошо.

Комендант склонился над экраном, на котором проносились какие-то данные о планетах, положении звездолетов, затем бег информационных сообщений замедлился и появилось изображение Алгана.

Портрет был на удивление реален. Скорее всего, его сфотографировали во время тренировок. Однако снимок принадлежал прошлому. После всех приключений лицо Алгана огрубело и черты стали жестче, взгляд глубоко посаженных глаз приобрел остроту.

Инструкции. Детальное описание. Формулировка обвинения. Изображение корабля, на котором он сбежал с Эльсинора. Сумма, назначенная за его поимку,— ее мог получить любой гражданин Галактики, будь то солдат, офицер или гражданское лицо. Предупреждение красными буквами: «Взять живым. Ни при каких обстоятельствах не стрелять. Скорее всего, не опасен».

— Похоже, вы им очень нужны,— усмехнулся капитан.

— Больше, чем вы думаете. Я им нужен так же, как мне зотл. И по тем же причинам.

— Ну что же. Следуйте за мной.

Алган шел позади капитана. У него было время на размышления. В обвинении ничего не говорилось о тех угрозах, которые он выдвигал против Бетельгейзе. Упоминался лишь захват корабля. И то в довольно сдержанном тоне. Люди с Бетельгейзе явно хотели наложить лапу на Алгана, если ему удастся что-нибудь узнать, раньше, чем его перехватят пуритане. Они пустили Алгана в космос, как пускают в нору терьера, а сами расставили сети у всех выходов, надеясь захватить и его, и спугнутую им добычу.

Но они не знали, что есть еще один выход.

— Предпринимать что-либо против меня бессмысленно,— сказал комендант.— Вы, вероятно, знаете, что на территории порта не действует никакое оружие, если только я не отдам приказ локально снять нейтрализующее поле. Моя охрана вмешается при малейшем подозрительном жесте. Добавлю, за всю долгую историю Освоенной Галактики не было случая, чтобы какая-нибудь, даже отменно вооруженная и хорошо осведомленная группа захватила космопорт.

— Все это лишние слова,— перебил его Алган.— Я явился к вам не для того, чтобы сражаться.

Они переступили порог, дверь бесшумно захлопнулась за их спиной. Часть стены повернулась вокруг своей оси, глазам открылось помещение, где стояла машина для выжимки зотла и лежала куча корней. Алган присвистнул сквозь зубы.

Комендант был настороже, вероятно, он все еще не исключал, что Алган является тайным эмиссаром Бетельгейзе.

— Начинайте выжимку,— нетерпеливо воскликнул Алган.

Он извлек из рюкзака шахматную доску и положил ее на низенький столик. Пододвинул к столику кресло, уселся в него и положил руки на доску, каждый палец на отдельную клетку. Затем убрал руки и всмотрелся в гравюры. Ему показалось — наверно, то была иллюзия, — что они слегка дрожали. Он заставил себя переключиться на посторонние мысли. Он не знал, что еще с ним произойдет. Но это уже не имело особого значения. Он не видел иного выхода. Если это был выход. Он смотрел, как тяжелый поршень давит на корень, и вспоминал Дарк и торговца с Эльсинора.

С начала его путешествия прошло не так уж много дней, но он путешествовал со скоростью света, и за это время на Земле миновало немало лет.

Живы ли его друзья?

Он посмотрел на неполный стакан, который комендант поставил перед ним, и отодвинул его.

— Добавьте еще один корень. Удвойте дозу.

Комендант подозрительно глянул на шахматную доску.

— А это что такое?

— Я объясню вам позже, — устало ответил Алган.

Еще один корень лег под поршень.

Алган не знал, сколько может понадобиться зотла. Он проводил опыт. Он расценивал шансы на успех как один к девяти.

Алган осушил стакан до последней капли и положил руки на доску. Наугад.

Ничего не произошло.

Он увидел, что комендант с удивлением смотрит на него. Глаза коменданта буквально вылезали из орбит. Его губы шевелились, пытаясь что-то произнести.

Предметы задрожали, краски смешались в одну.

— До свидания, — едва успел выдохнуть Алган.

И исчез.

Вместе с шахматной доской.

8. ЗА БАРЬЕРОМ МЕРТВЫХ ЗВЕЗД

Во все стороны тянулось зыбкое и бесформенное серое пространство, которое пронизывали кривые, дрожащие линии. Постепенно они выровнялись и застыли на месте, приобретая четкость и прямизну. Между ними образовались зоны потемнее и посветлее — перед его глазами возникла шахматная доска.

Алган безуспешно пытался стряхнуть оцепенение. Под ногами зияла бездна. В первые мгновения ему показалось, что он падает в пустоту, затем головокружение прошло — он стоял на бескрайней шахматной доске, и контуры ее с каждым мгновением становились все четче и четче.

Алган, пешка на игровом поле, прыгал из клетки в клетку какими-то замысловатыми ходами. Череп раскалывался от боли, и он никак не мог взять в толк, зачем это делает, но в глубине сознания таилось убеждение в том, что так и надо. Нёкогда он знал, почему следует совершать эти прыжки, но забыл и не мог вспомнить — головная боль мешала сосредоточиться.

Мозг напряженно работал, инстинктивно рассчитывая что-то, хотя Алган не понимал, как это ему удастся. Он пользовался результатами расчетов, но по-прежнему не знал, зачем прыгает по этой шахматной доске.

По-видимому, между его расчетами, головной болью и передвижениями по шестидесяти четырем клеткам существовала определенная связь. Алган удивлялся — всего шестьдесят четыре поля, а доска выглядит бесконечной. Он заблудился в ватном тумане, лишился памяти, его окружал непонятный мир.

— Как твое имя? — громко спросил он.

Но ответа не последовало.

Разум Алгана был поглощен единственным — решением того, на какую клетку перескочить при следующем ходе. Он собрал последние силы. И вдруг мысли прояснились, пробудились спящие области мозга. Его охватило пьянящее чувство победы, хотя он не знал, в чем она выражалась.

В мозгу Алгана созрело некое решение — он возобновил свои прыжки по шахматной доске.

— Как твоё имя? — переспросил он.

А что такое имя? Алган понимал, кто-то ставит ему задачи и требует от него правильных ходов, словно заставляя сражаться в шахматы с невидимым противником.

Все определял правильно выбранный ход.

Шестьдесят четыре поля — это так мало, а количество ходов неисчислимо: можно обойти или преодолеть любые препятствия. Но каждый ход требовал невероятно сложных расчетов.

«Мозгу, словно вычислительной машине, — вслух рассуждал он, — приходится решать задачи, поставленные...

Кем?

Никем.

Мною, Жергом Алганом».

Он решил задачу и вспомнил свое имя. Жерг Алган. Тридцать два года. Бунтарь, бросивший вызов Бетельгейзе. В бегах. Только что с помощью шахматной доски покинул Гланию. Выполняет ответственную миссию.

Голова раскалывалась от боли.

«Я выпил слишком много зотла и брежу», — подумал он.

Пелена серого тумана разорвалась. Он завис в центре черной Вселенной, утыканной блестящими звездами, — в пространстве.

Алгану удалось решить загадку шахматной доски. Он пересек космическую пустоту и покинул Гланию. Он извлек корень из уравнения «человек + шахматная доска + зотл». И не сошел с ума. Он снова вступил в контакт с реальностью. Почему он был уверен в истинности своего прозрения? Он плыл в черном пространстве с редкими звездами. Его вдруг охватил ужас бесконечного падения. Но рефлекс, выработанный во время тренировок на Земле, помог взять себя в руки.

Он никуда не падал. Когда его глаза привыкли к темноте, он осознал, что сидит в громадном черном кресле из твердого холодного материала перед столом, вырубленным из того же вещества. Столешница представляла собой шахматную доску. Его пальцы лежали на клетках доски. Недвижный воздух был прохладен и живителен. Алган поднял голову и увидел на черном небосводе точки звезд — их было немного, и они излучали тусклый красноватый свет. Многие из них давно погасли. Казалось, до этих умирающих костров рукой подать. А за ними, в пространстве, на чудовищном расстоянии, сверкали целые облака звезд, сливавшихся в один сияющий мир.

Небо над головой было таким черным, ни малейшей дымки, и он понял — планета лишена атмосферы.

«Меня окружает силовое поле,— решил он.— Оно удерживает в этом океане пустоты ничтожный пузырек воздуха, позволяющий мне выжить. Не исключено, что моего визита ждут с незапамятных времен и гигантская космическая цитадель построена в предвидении моего появления».

Немыслимо было представить, что некая древняя раса, скорее всего негуманоидная, могла разбросать по Галактике огромные станции с единственной целью — облегчить роду человеческому освоение пространства. А может, то была раса людей, чьи древние машины продолжали функционировать после ее гибели?

Он выбрался из кресла и обошел громадный круглый зал. Исходивший откуда-то неяркий свет не мешал видеть звезды.

На гладких черных стенах зала не было никаких украшений. Только прямо напротив стола, за которым он только что сидел, Алган обнаружил все то же изображение шахматной доски с тонкими рисунками на каждой клетке.

Рисунки были знакомы Алгану. Только располагались в ином порядке. Он пересек зал, взял свою доску, сравнил ее с изображением на стене и... не обнаружил ни малейшей разницы.

«Неужели мне изменяет память? — подумал он.— Нет, могу поклясться, фигуры на доске переместились сами собой».

Это могло означать, что шахматная доска была моделью Вселенной и решение любой задачи меняло расположение рисунков на ней, а вернее, отражало перемещения в пространстве.

Мгновенно ли происходило перемещение или растягивалось на века? Он не мог определить продолжительность собственного перелета, но знал, для него путешествие совершилось в очень короткий срок. Он провел рукой по щеке — щетина почти не отросла. «Постарела ли Земля? Сколько времени прошло на Бетельгейзе, пока я пересекал невообразимые пространства — тысячи лет или считанные секунды? А если я вернусь в Освоенную Галактику, с кем мне придется иметь дело — с Ногаро или с его отдаленными потомками, забывшие даже его имя?»

Стены зала выглядели глухими. Но замочной скважиной невидимой двери могла быть шахматная доска на стене. Он наугад провел пальцами по ее клеткам — его мозг был занят решением неведомой задачи. Но едва он коснулся центральных клеток, как раздался легкий хрустальный звон. Часть стены над доской повернулась.

Он отшатнулся — там могла таиться ловушка — и заметил в глубине ниши золотистый шар.

Алган сделал шаг вперед и понял, что это сосуд, наполненный янтарной жидкостью. Он узнал вытяжку из корней

зотла.

Итак, черные цитадели — ключ к разгадке тайны нерасторжимой связи человека, шахматной доски и зотла. Выпив зотл, человек обретает возможность взглянуть на Вселенную под другим углом зрения, а шахматная доска открывает ему путь в иные миры.

Перемещение происходит медленно. И без посредства громадных дорогостоящих звездолетов.

Черные цитадели были своего рода космопортами. И если Бетельгейзе была пауком, соткавшим звездную паутину, в которой запуталась Освоенная Галактика, здесь дело обстояло иначе — где-то в Центре Галактики существовал необычный и древний разум. Он ждал, решал и действовал, наблюдая за людьми, осмелившимися проникнуть в запретный лабиринт.

Пока Алган не представлял себе, в какую часть Галактики его занесла шахматная доска. Судя по скудости звезд и глубокой черноте неба, он попал на крупную безжизненную планету на окраине Освоенной Галактики. Ближайшие светила выглядели угасающими или погибшими в результате древнего беспощадного катаклизма. Он припомнил, что старый пилот с Глании говорил о цепи мертвых солнц, которые преграждали путь экспедициям, летящим к Центру Галактики.

В незапамятные времена, еще до зарождения жизни на Земле, здесь пронесся смерч немыслимой энергии и оставил после себя глубокий шрам на плоти космоса. Он резко ускорил процесс старения и умирания звезд. И на пути к запретным районам Центра Галактики возник барьер из белых карликов и красных гигантов. Значит, он оказался ближе к Центру Галактики, чем предполагал раньше. Но близость эта была призрачной, если мыслить в привычных единицах измерения. Свет пробегал путь от Центра Галактики до ее границ за пятьдесят тысяч лет. Люди в звездолетах, уходя в иные измерения, могли в лучшем случае сократить это время в сотню раз. И все же этого не хватало. Алган впервые осознал туманный смысл некоторых самых простых понятий, которыми издавна пользовался человек.

Люди освоили крохотную космическую провинцию где-то на задворках Галактики; они исследовали всего несколько тысяч планет, а ведь их окружали миллионы солнц. По телу Алгана пробежала дрожь. С него разом слетела вся его спесь и самоуверенность человека. Мозг Алгана почти не воспринимал того, что видели глаза — бесчисленные искорки звездных скоплений, затерянные в невероятно обширной Вселенной. Мир оказался слишком сложным и необъятным. Он зажмурился. И вдруг его поразила мысль, что он наделен не менее сложным, чем сама Галактика, механизмом. Он обладал мозгом с миллиардами нейронов, способных реализовать неимоверное количество ассоциаций. Вселенная ставила практиче-

ски бесконечное количество задач, а люди располагали инструментом, способным решать их, решать и сознательно и бессознательно.

Он взял сосуд и залпом выпил зотл. Напиток освежил пересохшее горло. Алган пересек зал, уселся в кресло, поставил пальцы на шахматную доску и внимательно оглядел небо. Мигая, звезды изменили свой рисунок.

Переход совершился проще, чем в первый раз. Он не ощутил распада, головная боль окончательно ушла. Он висел в сером тумане, а его подсознание управляло движением пальцев по шахматной доске.

Он двигался вслепую. Ему хотелось постичь природу и происхождение таинственных создателей шахматной доски и черных цитаделей. Перескакивая из одного мира в другой, он надеялся в конце концов попасть на планету тех, кто построил цитадели.

Галактика состояла из миллиона солнц и планет, и повсюду могли существовать черные цитадели. В этом случае поиски становились безнадежными.

Он быстро убедился в том, что черные цитадели как две капли воды походят одна на другую. И зал с невидимым куполом, в который он попадал в конце каждого путешествия, всегда был круглым. Но этот купол каждый раз пропускал лучи других солнц, а цвет небосклона менялся.

Один раз ему показалось, что он попал в морские глубины — таким низким и зеленым было небо. Он не видел никаких звезд, кроме огромного тусклого светила. В другой раз планета была невероятно велика. Он оглядел низкие голубоватые холмы, пугающие своей неподвижностью, — ничто не шелохнулось на них и не дрогнуло. Это был мир, где жизнь либо еще не зародилась, либо вовсе была невозможна. Этот мир замкнулся сам в себе и отгородился от Вселенной плотными облачными стенами.

Он покинул его и попал на обломок планеты, причудливо петляющей среди созвездий. Он понял, что приближается к Центру Галактики — вокруг сверкали мириады звезд. Казалось, они касаются друг друга и вот-вот столкнутся. Небо отливало золотом, а редкие темные провалы выглядели черными звездами, излучавшими ночь. Новый мир — под пурпурными небесами, словно подоженными близким красным гигантом, торчали руины. Обратившийся в прах дворец не смог бросить вызов времени, против него устояли лишь черные цитадели...

Он со все большей легкостью ориентировался на ограниченном поле шахматной доски. Алган пока не понимал механизма воздействия его мозга на шестьдесят четыре клетки

и странные рисунки, которые украшали их. Он не знал, какие способности его мозга включались в работу, но это его не волновало. Он обучился всему — и прыжкам через Галактику, и перемещениям в границах одной планеты. Он мог передвигаться на любые расстояния, запрыгнуть на вершину черной цитадели и выйти в нормальное пространство в любой точке.

Алган замирал в космосе, в сердце звезды, на поверхности пустынного мира, а через секунду укрывался в черной цитадели. И всегда его окружало силовое поле. Он находился как бы и внутри, и вне нормального пространства.

Алган путешествовал, не ощущая ни голода, ни жажды, ни усталости. Он выпал из обычного времени. Его переполняло неведомое до сих пор чувство необычайной полноты ощущений. Его охватила уверенность, что он наконец приступил к выполнению миссии, к которой давно готовился. Он стал хозяином звезд и пространства, превзошел в могуществе и людей Бетельгейзе, и пуритан Эльсинора и десятка их планет. Он совершил то, о чем никто из них не смел и мечтать.

Миры, окованные льдами, и миры, охваченные пламенем, планеты, усеянные алмазными россыпями, и планеты, укутанные песками, планеты болот и планеты пустынь, планеты укрытые тяжелым одеялом туч, планеты светящихся туманов и планеты лиловых равнин, из края в край покрытых кристаллами, планеты бушующих океанов и планеты без признаков жизни — все это открывалось ему с высоты прозрачных куполов вечных черных цитаделей. Вначале Алган думал, что не покидает гигантского звездолета, который сопровождает его в нескончаемом беге по звездному полю Вселенной.

Он посетил безымянные миры, на которые никогда не ступит нога человека и которые не изменит человеческая цивилизация. Все они обладали своей особой красотой, которая поражала сильнее, чем изображения тех миров, что он некогда разглядывал в книгах, посвященных освоению космоса. На некоторых из них свет искривлялся, а поверхность была изломана чудовищной гравитацией. Но внутри черных цитаделей ничего не менялось.

Его глаза видели гигантские звезды, которые раскаленными шарами висели в пустоте. Их размеры превосходили такие светила, как Рас Альгети или Эпсилон Оригэ, которыми восхищались астрономы героических времен. Один из этапов путешествия привел его к «подножию» невероятного каскада солнц и планет в центральных районах Галактики. Алган совершал одно открытие за другим, наблюдал искривленное пространство, феерическое разноцветье звезд. Здесь, казалось, светило само пространство, насыщенное газом и космической пылью. Он видел звезды, окруженные кольцами, ловил рассеянные лучи далеких шаровых скоплений, в которых было больше звезд, чем их завоевал человек за всю свою долгую

историю, хотя это были лишь капли материи в океане Вселенной.

Восхищение неведомыми творцами черных цитаделей возросло еще больше, когда он понял, что путешествует не только в пространстве, но и во времени, ибо звезды, свет которых он видел на Земле, свет, который доходил до нее от Центра Галактики за тысячи лет, теперь он видел такими, какими они были несколько лет назад. Неведомая раса создала цивилизацию по меркам Вселенной, и система космопортов, созданная человеком, по сравнению с ней выглядела жалким муравейником.

— Неужели она мертва? — спрашивал он сам себя.

Он нигде не отыскал следов жизни. В пустых залах не было и намека на нее, словно цитадели давно забросили за ненадобностью или построили без всякой необходимости.

И вдруг все изменилось — он нерешительными кругами приближался к Центру Галактики. В воздухе ощущалось незримое присутствие, едва уловимый запах, будто кто-то недавно побывал здесь, оставил след, но исчез за миг до появления Алгана. Черные цитадели, как заметил Алган, все чаще располагались на громадных планетах с водородной атмосферой.

Однажды плиты пола стали сотрясаться. Алган долго ждал, но ничего не произошло. В безмолвии прошли долгие часы, руки и ноги налились свинцовой усталостью. Он двинулся дальше.

Путешествие явно близилось к завершению. Пальцы, казалось, выбирали клетки случайно, а на самом деле — он осознавал это — его мозг решал задачи, не известно кем и как поставленные перед ним.

И вдруг он попал в необычный зал. В стенах были прорезаны широкие проемы. Он выскочил наружу и увидел золотое небо и красно-фиолетовые луга, чем-то похожие на луга его родной планеты. На горизонте тянулись гряды невысоких холмов. Его кожа ощутила жаркое прикосновение лучей тысяч солнц. У него закружилась голова, и он рухнул в мягкую и прохладную траву.

Он понял, что прибыл в тот мир, который искал, в конечную точку своего беспримерного поиска. Он поднял голову на какое-то мгновение раньше, чем услышал голос.

— Привет, робот, — низкий голос был очень мелодичен.

— Я не робот, — возмутился Алган. — Я — человек.

— В нашем языке «человек» и «робот», — ответил голос непререкаемым тоном, — суть синонимы.

9. БЕТЕЛЬГЕЙЗЕ

Обнаженные стены громадного зала излучали неяркий свет. Вокруг хрустального стола сидели восемь мужчин в серебристых одеждах. Их пальцы украшали тяжелые перстни. Поглядывая друг на друга, люди вели неторопливую беседу. Когда все смолкли, тяжелую тишину зала не нарушал ни малейший шорох.

Зал находился глубоко под поверхностью планеты, обращавшейся вокруг Бетельгейзе. От фундамента Дворца правительства его отделяли двести пятьдесят метров скальной породы и пятьдесят метров стали.

Эти восемь человек распоряжались судьбами Освоенной Галактики.

— Вы слишком молоды, Стелло,— произнес шатен с глубоко сидящими черными глазами.— Об этом мятеже нам известно все. Мы не сторонники применения силы. В нашем распоряжении время.

— Ну и что,— возразил Стелло. Он сидел по правую руку от шатена.— Три случая неповиновения за одну неделю. Корабль в районе Альдебарана, экипаж которого во главе с капитаном занимался гнуснейшей контрабандой. Станция на Ольдебе V, которая отказывается принять нашего посланца. И наконец, экспедиция окраинных миров, которая не желает покидать планету, где работали наши исследователи. Если так пойдет и дальше, наш флот откажется выполнять приказы и займется пиратством или приступит к колонизации планет-садов в разных концах Галактики. Я настаиваю на принятии энергичных мер для поддержания дисциплины на флоте.

Все головы повернулись к Стелло. В глазах людей мелькали веселые искорки. Собравшиеся были немолоды, но время не оставило следов на тонкой белой коже их лиц и рук.

— Я проголосую против,— сказал черноглазый.— И не потому, что мне претит применение силы. Я против бессмысленного и жестокого уничтожения наших противников. Поверьте, Стелло, если я и опасюсь за будущее Галактики, то жду неприятностей не отсюда. Вам пока недостает опыта. Мы знавали самые разные времена. От нас отделялись целые звездные системы. Но они всегда возвращались под родную сень. И вовсе не обязательно, чтобы усмирением непокорных занимался военный флот. Существуют и другие методы. Почему вы считаете нежелательной колонизацию отдаленной планеты экипажем какого-либо корабля? Их потомки все равно придут к нам за помощью и защитой.

— Возможно,— нехотя согласился Стелло и поставил стакан на хрустальную столешницу. Он обежал взглядом невозмутимые лица — холодные глаза, тонкие губы и высокие лбы мудрецов.

— В нашем распоряжении практически неограниченные

средства,— вступил в разговор Альбранд.— И, несмотря на это, Стелло, мы на удивление бессильны. Стремясь поддерживать порядок в Освоенной Галактике, мы давно превратились в самых могущественных тиранов в человеческой истории, но пространство и время воздвигли почти непреодолимый барьер между нами и теми, кого мы хотели бы покарать. Не знаю, как назовут нашу эпоху будущие историки. Надеюсь, о нас станут судить лишь по нашим намерениям. Мы мечтаем вручить людям всю Галактику.

— Мы знаем это, Альбранд,— ледяным тоном произнес Ольриж, чья рыжая шевелюра была известна экипажу любого корабля Бетельгейзе.— Мы также знаем, какое удовольствие вы получаете от управления этой галактической империей, хотя вас не устаивают, как королей, императоров и диктаторов прошлого, овациями и положенными по рангу почестями. Я наблюдаю за вами почти три столетия, а последнее время вы только и разглагольствуете о высокой миссии. Не иначе, к вам подкралась старость.

— Замолчите,— прошипел Альбранд. Его пальцы дрожали от гнева, но лицо оставалось бесстрастным.— У меня амбиций не больше, чем у вас. Мне приносит удовлетворение моя работа администратора. Мною движет не жажда почестей, а жажда блага роду человеческому.

— Вы готовы на все, лишь бы называться всемогущим хозяином Освоенной Галактики.

— Вы сами мечтаете об этом, Ольриж.

— Не будем спускаться до склок,— вмешался черноглазый.— Разве не известно, что худшие опасности заложены в нас самих? Неужели за века жизни вы ничему не научились? Что стоят ваши идеалы и амбиции, если вы не умеете хранить молчание? Или перед лицом необозримого пространства, которое надо освоить, мы все не равны? Наша воля помогла людям перешагнуть через многие этапы развития. А вы своими бессмысленными пререканиями ставите под угрозу всякое дело. Я знал вас, Альбранд, в те времена, когда с ваших уст не сходило слово мир, а вас, Ольриж, когда вы мечтали дать людям могущество и свободу...

— Мы слишком далеки сегодня от прежних идеалов,— прервал его Стелло.— Что разумного мы сделали? Имеет ли смысл наша тайная власть? Не лучше ли бесхитростная анархия первых лет освоения пространства, чем установленный по законам логики железный порядок?

— Что с вами, Стелло? Вы уже забыли о карательных экспедициях, о репрессивных мерах, за которые только что ратовали? В вас поселилось сомнение? — усмехнулся черноглазый.

— Не знаю. Но меня не покидает предчувствие, что наша империя развалится. Переживу ли я ее? Вряд ли. Я существую только ради нее. Я в меньшей мере принадлежу себе, чем по-

следний из команды корабля, на котором несколько лет назад облетел наши недавно открытые планеты. Я не сплю по ночам, думая о покоренных мирах и горстке живущих на них людей, о том, с какой легкостью могут порваться связи с ними. Человечество может погибнуть, и тогда нам, Бессмертным, мозгу цивилизации, не пережить гибели всего организма. Быть может, из страха мы прибегаем к насилию?

— Вы слишком увлекаетесь философами прошлого, — проворчал Альбранд. Остальные молчали, думая о своем.

— В словах Стелло есть доля истины, — наконец, проговорил Фулн, положив на холодный стол тонкие худые руки. — Мы — хозяева, но что мы стоим без нескольких миллионов бессмертных, которые бороздят Галактику, и без хранящих информацию электронных машин, которые зачастую старше нас. Порой мне кажется, что нас взяли на службу Машины, которые ведут за нашей спиной свою собственную тайную войну, и так продолжается извечно.

— Вы заговариваетесь, Фулн! — воскликнул Альбранд. — Машины предлагают, а выбор делаем мы, хотя миллиарды людей считают, что их судьбы вершит Машина. Стоит ли напоминать о первых бессмертных, которые разобрались в сути проблемы задолго до вашего рождения — они решили спрятаться за безликой Машиной и править людьми скрытно, ибо знали, люди с большей охотой подчинятся неукоснительным приказам Машины, чем себе подобных, даже если последние бессмертны. Машины в Бетельгейзе символизируют единение Освоенной Галактики, а мы обеспечиваем это единение.

— Возможно, это и так, — согласился Фулн. — Возможно. А на основании чего мы принимаем решения? На основании информации, которую поставляет Машина. А если информация кем-то тщательно отфильтрована? Если Машина находится под чьим-то тайным контролем? Хотя бы под контролем одного из нас.

— Проблема древняя как мир, — тихо начал черноглазый. — Я не помню заседания, когда бы ее не обсуждали. И ни разу мы не пришли к согласию. Беда бессмертных в том, что опыт сделал их подозрительными, а они желают ясности в любом вопросе. Но это, увы, невозможно.

— Не суть важно, кто принимает решение, — воскликнул Стелло. — Мы преследуем определенную цель. И это главное в нашей деятельности.

Воцарилось молчание.

— Нам ее никогда не достигнуть, — мрачно изрек Ольриж. Бессмертные переглянулись.

— А хотим ли мы ее достигнуть? — спросил черноглазый. — Когда центральная власть обосновалась на Бетельгейзе и бессмертные заняли ключевые посты, основной, но тщательно хранимой в тайне целью было превратить человеческую расу в расу бессмертных, способных бросить вызов

Вселенной и в союзе с временем, или наперекор ему, освоить самые отдаленные закоулки пространства. Изменилась ли эта цель?

— Нет, — ответил Ольриж.

Все согласно закивали.

— А осталось ли желание достигнуть ее? Хотим ли мы уравнивать с собой всю человеческую расу? Не уверен. По-видимому, произошли социологические сдвиги, которые создатели централизованной власти не предусмотрели. Род человеческий разросся в пространстве в гигантский организм, и, как справедливо отметил Стелло, каждая планета суть его клетка, а Бетельгейзе — голова. Мы рады тому, что задаем организму цели и обеспечиваем его законами. И не хотим его распада даже ради появления высшей формы организации. Мы противимся его смерти, ибо умрем вместе с ним, и стремимся поддерживать его в настоящем виде как можно дольше.

— Ну и что, — возразил Ольриж. — Стоит ли напоминать, почему не удалось достигнуть цели сразу? Сначала пришлось решать второстепенные проблемы. Бессмертие для всей расы одновременно могло поставить под угрозу будущее человечества. Наши предшественники справедливо опасались перенаселения, голода, войн! Освоенная Галактика в то время была не столь обширна, а человечество еще не созрело для бессмертия. Далеко ли мы ушли от них?

— У нас нет уверенности в правильности наших решений, — усмехнулся черноглазый, — и мы никогда не обретем ее. Мы покорили или исследовали огромное число годных для жизни планет, но еще больше планет ожидает нас в будущем. Человечество тончайшей паутиной опутало звезды, но все наши победы окажутся бессмысленными, если в ближайшее время в нашем распоряжении не будет нужного количества людей.

— Так созрело человечество или нет? — напомнил Ольриж.

— Даже обсуждая этот вопрос до скончания веков, мы не придем к единому мнению, — сказал черноглазый. — Когда-то кто-то решил, исходя из определенных критериев, которые сейчас мы отвергли бы за несостоятельностью, что бессмертные пришли к зрелости, а остальное человечество нет. Однако мы не изменили критериев для вербовки новых бессмертных. Некогда было решено, что бессмертие останется тайной, строго охраняемой тайной. Но удастся ли сохранить тайну вечно? Не лучше ли открыть ее до того, как это сделают другие?

— На что вы намекаете? — осведомился Ольриж.

— Нам удалось сохранить бессмертие в тайне, введя поистине драконовские меры по ее охране. Во многом нам помогло удлинение времени — многие из нас неоднократно путешествовали со скоростью света. Но где гарантии, что так будет всегда? А если в Освоенной Галактике появится новая группа бессмертных и она решит оспаривать наше главенство?

— В такой ситуации человечество, которое мы знаем, погибнет,— заметил Фулн.

На привыкших сохранять невозмутимость лицах отразилось смятение.

— Пока нам удавалось преодолевать такого рода кризисы,— Ольриж был категоричен.

— Пока,— подчеркнул черноглазый.— Но сколько времени это будет продолжаться?

— Что вы предлагаете? — осведомился Альбранд.

— Бессмертие всему человеческому роду, и как можно быстрее.

Все замолчали. Стелло осушил свой стакан. Ольриж нервно сцепил пальцы.

— Я против,— наконец медленно проговорил он.— В данный момент я не вижу никакой опасности, ее просто нет.

— Вы уверены в этом? — ехидно спросил черноглазый.

— Предпочитаю, чтобы мне на нее указали пальцем. В Галактике сейчас царит спокойствие. Информация подтверждает это.

— Информация к нам поступает от Машины. Вы забыли о словах Фулна?

— Домыслы!

— Как знать!

— У нас нет врагов, которых вы могли бы назвать.

— У нас их десятки, Ольриж. Вы, наверно, спали все последние годы? А пуритане на их десяти планетах?

Ольриж расхохотался.

— Призраки. Мы раздавили их раз и навсегда лет пятьдесят назад. Теперь они знают, в чьих руках сила и кто вершит Историю.

— Может статься, что за пятьдесят лет они забыли о горечи поражения. Не спорьте, Ольриж. Вы совершаете ошибку, когда мыслите категориями бессмертных. В жизни обычного человека десять лет — немалый отрезок времени, а за полвека сменяются два поколения. Не уверен, что мы, бессмертные, сможем пережить поражение подобно простым смертным. Стоит нам раздавить одну волну непокорных, как на смену ей поднимается новая; мы же никогда не забываем полученных уроков. Каждое наше поражение окончательно и бесповоротно. Их поражения столь же преходящи, как и жизнь. Эльсинор никогда не расстанется с мечтой о гегемонии. Недавно там введены новые строгости по отношению к инородцам. Поведение эльсинорцев до странности беспокоит. Иногда они вспоминают о вещах, которые мы сочли несущественными, и не оставляют надежды там, где мы полагаемся на расчеты. Любой, с нашей точки зрения, пустяк может привести к падению империи.

Их могущество незначительно по сравнению с нашим.

— Да, но вчера, а вернее, полвека назад этого не было. Их государство может возродиться.

— Мы их раздавим вновь.

— Или проиграем.

— Абсурд.

— Я предвидел ваше возражение, Ольриж. Пора перестать считать себя всезнающими и всемогущими. Мы можем потерпеть поражение. И мне не хочется, чтобы наше поражение обернулось гибелью Освоенной Галактики. Я хочу подарить бессмертие всему человечеству, хотя не надеюсь убедить вас, Ольриж. Но вспомните о словах Стелло, о его страхе присутствовать при гибели гигантского организма, над которым мы властвуем. Вас обуревают те же страхи. Все мы пытаемся подавить в себе один и тот же ужас. Если нам, правителям, суждено исчезнуть, наше исчезновение должно произойти по собственной воле.

— Надо дать человеку власть над всей Галактикой,— предложил Стелло.— Понадобятся годы, если не века, чтобы добраться до внешних границ этого островка в необъятном пространстве Вселенной.

— Мы доберемся до них,— сказал черноглазый,— если нам хватит времени. Мы добьемся поставленной цели, только дав бессмертие всем людям, хотя их не так уж много. Но отбросим эту сторону проблемы. Мне почему-то кажется, что нам не хватит времени. У нас множество недругов внутри Освоенной Галактики. А кроме них могут существовать и внешние враги.

— Какие?! — одновременно воскликнули Стелло, Фулн и Альбранд. Остальные удивленно раскрыли глаза.

— Представьте на мгновение, что пуритане, несмотря на все наши усилия, овладели тайной бессмертия. Катастрофа, не так ли? Рушатся все наши планы. И как бы ни были слабы десять планет пуритан сейчас, через сто лет они смогут бросить нам вызов. До сих пор пуритане продлевали жизнь с помощью полетов в космос. Они посылали своих людей на кораблях со скоростью света на месяцы или годы, и те, вернувшись через десятки лет, а то и веков, обеспечивали связь между прошлым и будущим. Люди из прошлого могли заставить своих потомков выполнять планы, разработанные несколько веков назад. И все же эти люди были ограничены в своей деятельности продолжительностью жизни обычного человека. Они слишком рано умирали. Теперь они мечтают о другом. Они стремятся обрести реальное бессмертие. И обеспечить непрерывность связи между прошлым и будущим в том виде, как ее осуществляем мы.

— А как они решат проблему бессмертия? Мы уничтожили их лаборатории, а ученых направили по ложным путям.

— Стелло, вы никогда не задумываетесь над тем, почему тайна бессмертия так долго остается тайной? Было время,

когда подобные секреты невозможно было сохранить при самой тщательной охране. Это время не так уж удалено от сегодняшнего дня, но знаете, что лежит между тем временем и нашим? Пространство, и более ничего! Мы сумели сохранить тайну, создав космический барьер между мирами. И никто не может преодолеть его без нашего согласия. Поэтому так трудно прилететь на Бетельгейзе и так трудно улететь с нее. Смутные слухи кое-где возникали, но в Освоенной Галактике бродит столько легенд, что люди перестали в них верить.

То пространство, которое сейчас выступает нашим союзником, завтра может обернуться противником. Оно позволяет нам находиться в изоляции, но одновременно изолирует иные миры и может охранять иные тайны. А если пуритане получили обещание помощи извне и все их надежды связаны с ней?

— Внешняя помощь? — удивился Фулн.

— Именно так. Вам ничего не говорит имя Жерг Алган?

— Почти ничего, — ответил Стелло. — Если не ошибаюсь, оно играет важную роль в мифологии пуритан.

— Они сражались с этим именем на устах полвека назад, — сказал Альбранд. — Но мне кажется, он уже лет двести числится среди покойников.

— Хотелось бы получить доказательства его смерти, — вздохнул черноглазый, — ибо пуритане поднимают голову, утверждая, что он вернулся.

— Они ищут опору своим надеждам в легендах, — презрительно бросил Ольриж.

— Вполне вероятно, — согласился черноглазый. — Но не так давно Жерга Алгана видели и на Бетельгейзе.

— У вас пристрастие к поискам рационального зерна в легендах, Ногаро. Вы просто-напросто мифоман, — усмехнулся Ольриж.

Черные глаза Ногаро обежали серые стены подземного зала. На прочнейших плитах крохотными буквами — их не сотрет и время — были выгравированы имена всех бессмертных. Но их имена не покрывали и тысячной части стен. А ведь они отражали историю всей Освоенной Галактики. Будущая история Галактики могла и не состояться.

— Постарайтесь убедить меня в своей правоте, Ольриж, — сказал Ногаро.

Бетельгейзе. Жерг Алган вышел из ледяной тьмы пространства, зажмурился, потом открыл глаза и сразу узнал место, где оказался. Он стоял перед сплошной хрустальной стеной, усеянной математическими символами, позади которой мигали глаза гигантских компьютеров. Он был во Дворце правительства. Над его головой плыл громадный красный шар, символ Бетельгейзе.

Зал был пуст. Когда он посетил его в предыдущий раз, зал кишел народом. Тогда он вошел через главную дверь в толпе визитеров с тысяч разных миров. Они явились поглазеть на Великую Машину, которая распоряжалась их жизнями. Алган прибыл сюда вторично, на этот раз в качестве посланца — ему было поручено добиться решения проблемы у ее истоков.

На единственной обитаемой планете системы, где размещались Дворец правительства и Машина, стояла ночь, ибо только ночью, когда смыкались створки бронзовых врат, величественной копии всех врат, которые открывали доступ в белостенные космопорты, зал пустел.

Датчики могли обнаружить присутствие Алгана в большом зале. «Машина, наверно, уже нашла оптимальный план защиты», — подумал он. Но его это мало заботило. Алган присел на корточки и всмотрелся в плиты пола. Странно, что за долгие века, которые прошли с момента возведения Дворца правительства, никто не удосужился обратить внимание на рисунок, образованный черными и белыми плитами.

Шахматная доска. Шестьдесят четыре громадные клетки.

И на каждой клетке паутинкой вился узор — фигуры, стершиеся от времени и обуви несметных орд посетителей.

Алган не стал их разглядывать. Он рассмотрел их в прошлый раз. У него были иные цели! В его душе кипели ненависть и радость скорого триумфа.

Но к ним примешивалась еще и верность данному слову.

В прошлый раз он появился на Бетельгейзе, выбрав пустынную лужайку в глубине одного из парков, окружавших город. Он вынырнул из ночи и вдруг увидел гигантский город. Этот город мог соперничать с черными цитаделями и чудесами мира звезд. Бетельгейзе была апогеем человеческого гения и безумия. Все лучшее, что создала Освоенная Галактика, корабли Правительства доставляли сюда.

Алган расслабился. За два века он научился без труда преодолевать пространство. Он полной грудью вдохнул свежий воздух. Принюхался к запахам травы и влажной земли. Затем бесшумно двинулся в сторону города.

Алган внешне ничем не отличался от обычного человека. Но организм его был более совершенным. Наставники переделали и улучшили его — сердце билось медленнее, резко возросла выносливость. Алган мог менять свой метаболизм, способен был выживать в труднейших условиях, умел зарубцовывать раны. Против него были бессильны микробы и вирусы. Даже смерть забыла о нем. Он стал Бессмертным.

Купола и шпили сверкали в жарких лучах красного солнца. Над головой в утреннем мареве проносились звездолеты —

видно, неподалеку находился космопорт. Очертания кораблей почти не изменились. Но это не удивило Алгана, его поразила Бетельгейзе.

Его тело путешествовало и во времени, и в пространстве. Около двух веков миновало с той поры, как он покинул Освоенную Галактику. И почти два века прошло на Бетельгейзе. В этом не было ничего необычного — после создания светолетов многие люди путешествовали во времени. Но мало кто достигал Бетельгейзе. Бетельгейзе, по человеческим меркам, лежала вне времени.

Алган спокойно шел по аллеям безлюдного парка. Его не волновало, что на него обратят внимание. Вероятность того, что его могут узнать, была ничтожно мала. Так решили Хозяева. На нем был тот же костюм, в котором он покинул Глазию. Но вряд ли кто-нибудь обратит на него внимание — на Бетельгейзе соседствовали самые необычайные наряды.

В парке росли странные зеленые растения. Вот уже двести лет, как он не видел деревьев.

Он попытался припомнить Дарк, равнины и моря родной планеты, своих друзей, джунгли и лабиринты грязных улочек, теплый металл зажатого в ладони оружия, пот, струящийся по телу в знойный день, и ледяное дыхание зимней ночи.

Все умерло.

«Неужели все это существовало на самом деле? — подумал он. — Сны».

Под сапогами поскрипывал песок. Этот звук когда-то раздражал его — он мешал при беге за ускользящей добычей по песчаному пляжу и в пустыне. За двести лет песок не изменился. На любой планете он был и оставался песком. Песок — все, что остается от дворцов и гор.

Дарк и Земля, Эльсинор, пуритане растаяли в густом тумане времени, о котором напоминал скрип влажного песка. Однажды ему захотелось увидеть людей, еще раз пройти по улицам Дарка, побродить по лавочкам Эльсинора.

И он сделал это. Он понесся из одного конца Галактики в другой. Но любопытство быстро угасло.

Дарк выглядел крысиной норой, а Эльсинор — медвежьей берлогой. Два века изменили и миры, и города, но он все же узнал их.

Изменился и сам Жерг Алган — он стал человеком пространства. Его городами были сверкающие во тьме космической ночи звезды. Он немного жалел людей, которым надо было прятаться на дне океанов из ватного воздуха. На Эльсиноре он узнал, что его имя сделалось священным для пуритан всех десяти планет. Но проблемы обычных людей отныне не волновали его. Он гордился тем, что стал человеком про-

странства. Но Алган не походил на тех скитальцев космоса, что носятся среди звезд под ненадежной защитой стальных скорлупок. Они слепы, испуганны и бессильны противостоять опасности извне...

Алган освоил свою новую обитель — космос, он мог выбрать любой путь в пространстве, перепрыгнуть с клетки на клетку звездного поля, решить тончайшую задачу расчета траектории. Он готовился поставить мат королю противника — Бетельгейзе. Он сознавал, что является всего лишь пешкой на звездном поле, но эта мысль не унижала его. Напротив, он гордился этим.

Он был пешкой черного короля, властителя Галактики.

Ему было странно думать о времени, когда он принадлежал к лагерю противника. В столь давнем, столь неясном и нереальном времени.

Было время, когда он был просто человеком.

Теперь стал Роботом.

Сквозь кроны деревьев блестили купола и шпили города. Но их подавляла громада Дворца правительства. Алган прошел парк, не встретив ни единой души. В городе он смешался с толпой, теснившейся на движущихся дорогах. На лицах людей отражались их радости, печали, отвращение, страхи. Он пожалел этих людей.

Скоро все изменится.

Он думал о городах, которым суждено умереть, о звездолетах, чьи двигатели стихнут навсегда, о людях, которые обретут бессмертие. Время городов, звездолетов и обычных людей миновало. Он вдруг понял, что всегда желал этого, предчувствуя эпоху, когда потеряют смысл города, корабли, космопорты, громоздкая и дорогостоящая организация людской власти, быстро текущее время и смерть. Было странно видеть это кипение жизни и знать, что его окружают мертвые реалии; смерть их диктовалась суровой необходимостью.

Такое уже случалось. В других районах Галактики и в других галактиках. Время космических провинций и обычных людей истекало. Они считали себя хозяевами жизни, хотя признавали собственные недостатки и ограниченные возможности. Люди всегда утверждали, что были венцом развития жизни, хотя осознавали свои недостатки, свое неумение. Они объявили себя конечной целью Вселенной, а были всего-навсего инструментами, роботами.

«Не стоит строить слишком бесстрастное лицо,— подумал он,— или идти с отсутствующим видом. Это может удивить».

Вместе с толпой он двигался в сторону Дворца правительства. Вокруг высились прекрасные здания. Он ощущал их красоту, как палеонтолог, восхищающийся могуществом

исчезнувших видов и совершенными сочленениями их конечностей, которые все же не спасли животных от гибели.

Гигантская площадь перед дворцом была одним из чудес Вселенной, сравнимым разве что со звездами и черными цитаделями. Подвижные дороги серебряными реками текли в металлических берегах. На хрустальных цоколях высились исполинские статуи, отлитые из той же неразрушимой бронзы, что и врата космопортов, их лица были обращены в небо и, казалось, следили за молниями звездолетов. Ростом они соперничали с горами, а руки, воздетые к светилу, могли удержать звездолет средних размеров. Позади них вздымались странные скульптуры, абстрактные переплетения кривых со световыми лучами — так человек представлял себе Вселенную, сложнейшую систему, которую не в силах была описать даже математика. Система не имела ничего общего с реальностью, но поражала своим изощренным многоцветьем. Алган открывал для себя отлитую в стекло и металл символику освоения космоса человеком. Здесь были уравнения, описывающие рождение, жизнь и смерть звезд, уравнения бесконечной пляски частиц и столкновения волн. Восхищение человека окружающим миром сливалось с его пониманием, а искусство рождалось из науки.

«Но это,— сказал себе Алган,— был последний росток мертвого или умирающего дерева». Пришла пора узнать, кем был человек. На самом деле.

Алган миновал гигантский портик и невольно зажмурился: под хрустальным куполом нестерпимо ярко сверкал символ Бетельгейзе — громадный пурпурно-огненный шар. Блеск его был таков, что Алгану показалось, будто шар несется прямо на него. Приглядевшись к сверкающему солнцу-карлику, он заметил под ним белый эллипсоид — макет Галактики.

Алган усмехнулся. Человек так долго считал себя властелином Галактики, что свыкся с мыслью об окончательной победе над ней.

Движущиеся дороги кончались у входа в главный зал. По белым и черным плитам, на каждой из которых мог разместиться звездолет, Алган устремился к хрустальной стене, отделявшей посетителей от Машины.

Зал был рассчитан на то, чтобы поразить воображение посетителя. Здесь хранились архивы Освоенной Галактики, а Машина жонглировала миллионами данных.

В главном зале побывало множество путешественников — он был местом паломничества. Представители покоренных миров встречались здесь с таинственной Машиной, здесь сталкивались прошлое и будущее, бесчисленные визитеры — варвары окраинных миров, грамотей древних систем, моряки, бороздящие пространство из края в край, солдаты Бетельгейзе, пришедшие взглянуть на охраняемое ими святилище, архитекторы, восхищенные чистотой линий гигантского хрустального купола, торговцы, явившиеся на поклон к Машине, ко-

торая обеспечивала порядок, люди всех рас и цветов, самого разного роста и ума, носившие самые изысканные и самые простые одежды. Они пожирали взглядом гигантские металлические колонны, толкались и, словно муравьи, стремились к Машине, чтобы спросить ее и выслушать ответ.

Чудо Машины состояло в том, что она знала всех и каждого и отвечала на любой вопрос. И хотя это было повседневное чудо, которое обеспечивали логические цепи, способности Машины обрастали легендами и подкрепляли древнюю веру в справедливость ее власти над миром.

Историки заявляли, что с древнейших времен существовали машины, которые помогали людям принимать решения. Машина Бетельгейзе была логическим завершением в длинной цепи запоминающих и счетных устройств, которые создал человек. Историки утверждали, что эту Машину сотворили не столько в помощь человеку, сколько ради его замены в сложном деле управления Освоенной Галактикой, непрерывности которого нельзя добиться по причине смертности человека.

За хрустальной стеной, делившей громадный зал надвое, виднелась небольшая часть Машины.

Большинство посетителей считали, что эти гигантские мигающие лампы, магнитная память, вращающиеся цилиндры, искрящиеся и пульсирующие экраны, соединенные медными нервами, и были Машиной. Но не столь наивные и более образованные посетители понимали, что Машина занимает куда большее пространство, чем огромный зал дворца, что ее знания хранятся в сумрачных глубинах, а решения принимаются вдали от нескромных людских взглядов.

Сюда поступала информация из всей Галактики. Она одновременно занималась прошлым, настоящим и будущим.

И только редкий человек понимал, что Машина была гигантской ширмой, декорацией, предназначенной для сокрытия чьей-то необъятной власти, но об этом никто не решался говорить вслух. Особенно Машине.

Алган рассек толпу, топтавшуюся на черных и белых плит, и, подойдя вплотную к прозрачной стене, увидел кабинки, откуда можно было обратиться к Машине. О них знала вся Освоенная Галактика. И не было ни одного ребенка на самых отдаленных мирах, который бы не мечтал войти в кабинку, чтобы задать решающий вопрос и получить исчерпывающий ответ. Но в большинстве своем люди вырастали, выросли, старились и умирали, так и не осуществив своей мечты.

В хрустальной стене размещались сотни кабинок. Алган вошел в одну из них и оказался лицом к лицу со своим отражением. Он взгляделся в глаза двойника. «Ищите ответ в глубине своей души», — таков был девиз Машины.

Все шумы разом исчезли. Он стоял наедине с самим со-

бой — отражением в глубине светящегося пространства. Удлиненное худое лицо с заострившимися чертами и горящие холодным огнем глаза. Таким себя он еще не видел. И никогда еще так быстро не билось его сердце и не вздымалась грудь. Он облизнул пересохшие губы и хотел было заговорить, но решил подождать, надеясь, что Машина нарушит молчание первой. И вдруг понял, что Машины нет, что ее не существует вообще, что есть лишь его отражение и что именно оно будет отвечать на его вопросы.

— Итак, — осведомилась Машина, — что вы желаете знать?

У нее был безликий голос.

Алган задумался и решил задать ритуальный вопрос, вопрос, который срывался с уст миллионов еще живых или уже умерших людей, хотя каждый, кто задавал этот вопрос, исподволь чувствовал, что унижает оракула.

— Какое препятствие я должен преодолеть? — спросил он.

— Одиночество, — без промедления ответила Машина.

«Интересно, она отвечает так всем или только мне?» — подумал Алган.

Одиночество. Он уже два века не размышлял над этим. Почти два века.

— Мое имя Жерг Алган, — произнес он. — Ты знаешь меня?

— Да, — ответила Машина спустя секунду. — Вы родились двести лет назад. Вы не должны находиться здесь в данный момент.

— Да? А почему? — спросил Алган. — Можешь ли ты сказать, откуда я прибыл?

Он знал, что этим вопросом посеет панику и растерянность на Бетельгейзе. И терпеливо ждал ответа.

— Нет, — ответила Машина. — Не знаю. Но могу навести справки.

— Не делай этого, — успокоил ее Алган. — Лучше попробуй догадаться, куда я направляюсь.

Он улыбнулся своему отражению и исчез.

И вот он снова стоял перед Машиной. Она, казалось, спала. Хрустальная стена была почти черной, в ее глубине мигало всего несколько огоньков. Мягко светились математические символы.

Ненависть и предвкушение победы переполняли его душу, ибо близилось последнее сражение. Он поспешно направился к одной из кабинок.

10. ЗА ХРУСТАЛЬНОЙ СТЕНОЙ

— Двести лет,— пробормотал Стелло.

— Да, двести лет,— повторил Ногаро.

Его лицо посуровело. Он положил руки на стол и обвел взглядом присутствующих.

— Значит, он бессмертен,— сказал Стелло.

— Думаю, да,— подтвердил Ногаро.

И снова все замолчали. Они вдруг ощутили страх. Страх перед безоружным незнакомцем, вдруг возникшим из пространства.

— Может, он совершил долгое путешествие на светолете?— неуверенно спросил Альбранд.— Несколько лет полета со скоростью света...

— Нет,— отрезал Ногаро.— Машина утверждает — он исчез около двухсот лет назад в районе Глании, крохотной планетки на окраине центральных провинций.

— И больше его никто не видел?

— Никто. Но полвека назад некоторые из попавших в плен эльсинорцев — именно тогда завершился разгром пуритан — сообщили, что встречали его. Но их слова не нашли подтверждения.

— Быть может, пуритане погрузили его в анабиоз, чтобы использовать в подходящий момент?— осведомился Ольриж.

Ногаро отрицательно покачал головой.

— Как он прибыл на Бетельгейзе?— спросил Вольтан, один из самых старых по возрасту членов Совета. Он был старше Ногаро.— Машина знает это?

— Нет,— ответил Ногаро.— Она утверждает, что он прибыл не на корабле.

Они снова замолчали. Пропала уверенность в своей правоте. Все то, чего они добились за несколько веков, испарялось, растворялось, обращалось в дым, и будущее представлялось смутным и неясным. Они впервые испугались надвигающихся событий.

— Помощь извне,— проворчал Ольриж.— Вы о ней только что говорили.

— Единственный логический выход,— холодно ответил Ногаро.— Кроме меня, никто из присутствующих с Жергом Алганом не встречался. Двести лет назад он был человеком со странностями. Остался ли он человеком сегодня? После двух веков отсутствия.

Он поджал губы. Страх он не испытывал, но его терзало неутоленное любопытство. Он знал, почему скрылся Алган, и знал, что поиск Алгана завершился успехом.

«Что же он нашел в Центре Галактики?»— спрашивал себя Ногаро.

— Сообщите нам все, что вы знаете, Ногаро,— потребовал Стелло.

Ногаро повернул голову и в упор посмотрел на него.

«Стоит ли им говорить?— думал он.— Стоит ли признаваться, что я действовал на собственный страх и риск и тем самым, быть может, поставил под угрозу Освоенную Галактику. Стоит ли доказывать, что есть более важные проблемы, чем спасение Галактики? А если промолчать? Пусть думают что хотят. Знает ли Машина о моих делах? Впрочем, промолчу ли я или нет, история Галактики от этого не изменится. Кто-то должен был решиться на подобный шаг. Не ясно только, что открыл и кем стал Жерг Алган».

— А не мог он передать тайну бессмертия пуританам?— спросил Стелло.

— Не знаю,— ответил Ногаро. Лицо его осунулось от усталости. Долгая жизнь была приятна, она позволяла рассмотреть, выяснить неизвестное, принять верное решение, познать новое. Но одновременно в человеке копилась усталость, усталость от бесконечной череды лет. Жить было бы прекрасно, если бы человека окружал простой, ясный и безмятежный мир.

Он вдруг осознал, что из глубин его существа поднимается ужас.

«Неужели я так стар?— спросил он себя.— Может, мы виновны в том, что заставили человека топтаться на месте, а Галактику обрекли на застой?».

— Не знаю,— повторил он.— Вы придаете этому значение? О пуританах я вспомнил лишь для того, чтобы обострить ваше восприятие. Их активность в настоящий момент совсем сошла на нет. Главное не это — инициатива ускользает из наших рук, а корабли становятся бесполезными! На наших границах объявился другой разум, другая цивилизация, и она владеет тайной бессмертия. Ее представители способны бесконтрольно перемещаться в нашем пространстве. Благо это или крах? Вот почему я требую бессмертия для всего человечества.

— Я по-прежнему против,— сказал Ольриж.— Наше могущество пока неколебимо. Мы пока еще здесь хозяева.

— Кто такой этот Жерг Алган?— спросил Вольтан.

— Лет двести назад,— заговорил Ногаро,— я еще не вошел в Совет, а был посланцем, одним из тех миллионов бессмертных, которые обеспечивают власть Бетельгейзе над самыми отдаленными мирами. Я был из тех, кто слушает и передает. Тогда я и встретил Жерга Алгана. Это случилось незадолго до его исчезновения. Мы сдружились. Ему тогда было лет тридцать, и всю свою молодость он провел на родной планете, на Земле. Его обманом завербовали в экипаж корабля, летевшего на Эльсинор. Алган произвел на меня хорошее впечатление сзоей энергией, волей, умом. Мне хотелось, чтобы он стал одним из нас, но он ненавидел Бетельгейзе, поскольку придавал большее значение прошлому, чем настоя-

щему. Он все называл своими именами и отождествлял власть Бетельгейзе с тиранией.

Я подыскивал человека, способного заняться одной деликатной проблемой, которая не давала мне покоя. Я изучил дело Алгана и счел его кандидатуру подходящей. Те проблемы, которые мы решаем сегодня, стояли и тогда, но все виделось нам в ином свете. Мы искали следы другой цивилизации. По некоторым сведениям, интересующая нас зона лежала в Центре Галактики. Я горел желанием снарядить туда экспедицию, это мое желание не угасло и по сей день. Но за нами следили пуритане Эльсинора, они боялись, что мы найдем средство подорвать их экономику. Они располагали некоторой неизвестной нам информацией. Я подстроил все так, что Алгана послали как бы обе стороны, совместно, потому что торговцы Эльсинора и десяти планет пуритан хвастали его помощью.

Мы неоднократно отправляли экспедиции к Центру Галактики, но все они закончились провалом. Пропали бесследно. По Галактике ходили самые невероятные легенды. Мне казалось, что настало время заняться их серьезной проверкой.

Но я был всего лишь посланцем и не имел полномочий доверить руководство экспедицией Жергу Алгану. Времени на получение согласия Совета и Машины не было. Я решил помочь Алгану угнать корабль. У меня была возможность привлечь к сотрудничеству власти космопортов. Когда мы сели в Эльсиноре, я подготовил операцию.

Однажды ночью Алган бежал из отеля, оглушил техника, угнал звездолет и был таков. Вначале он отправился на Гланию, где надеялся напасть на след погибшей экспедиции. Он подобрался к центральным областям Галактики и вдруг исчез.

— При каких обстоятельствах?— спросил Стелло.

— Никто толком не знает, что произошло,— ответил Ногаро.— Он разбил корабль при посадке на Гланию, по-видимому, из-за ошибки в управлении и отправился в космопорт пешком. Он добрался до него — тут показания всех свидетелей сходятся — и долго беседовал с капитаном порта, но никто не видел, чтобы он покинул его апартаменты. Если он вышел, то не известно как. Также не известно, куда он направился.

— Что сообщил капитан по поводу этой встречи?— осведомился Ольриж.

— Ничего, он покончил с собой, ибо упустил беглого преступника.

— Может, Алган умер в тюремном тайнике на Глании?— предположил Альбранд.

— Нет,— ответил Ногаро.— Я провел тщательное расследование. На планете Алгана не было. Обнаружены были лишь отпечатки его пальцев на пустом стакане из-под зотла.

— Где нашли стакан?

— В кабинете капитана. Уже после его самоубийства. Там установили, что отпечатки принадлежат человеку по имени Жерг Алган, но выводов сделать не сумели. Даже я узнал об этом много позже.

— Странная история,— протянул Вольтан.— Не люблю странных историй. Они никогда не кончаются добром. А может, все это ровным счетом ничего не значит и мы волнуемся понапрасну? Не верю, чтобы один человек мог поставить под угрозу существование Освоенной Галактики, даже будь он трижды бессмертным. Времена одиночек давно миновали. Когда-то я встречал опасных людей, очень опасных, но не теперь... Их порода вывелась, да и времена изменились.

— Что еще вам надо, чтобы вы поверили в опасность и затряслись от страха?— вне себя крикнул Ногаро.— Мы все слишком стары, вот отчего нас уже ничто не пугает.

«Пусть случится то, что должно случиться,— подумал он.— Я сделал все, что мог. Пусть люди сами занимаются своими делами. Знать бы, что их ждет».

Его мысли вернулись к Алгану. Человек, затерявшийся среди звезд и обретший бессмертие, мог быть очень опасен.

— Мне больше нечего добавить,— сказал он.— Я требую в кратчайшие сроки разработать план, который станет основой нашей дальнейшей деятельности. Бессмертие для всех. Надеюсь, еще не поздно.

Члены Совета переглянулись, на их лицах, отмеченных патиной лет, он прочел усталость, привычную скуку и страх.

— Вам известно мое мнение,— жестко сказал Ольриж.

— Я против,— едва слышно промолвил Стелло.

— Нет,— сказал Фулн.

— Нет,— одновременно произнесли Альбранд, Вольтан и Люран. Они говорили редко, предпочитая мысль действию. Годы давили им на плечи.

— Может, вы и правы,— подвел итог Ногаро.— Надеюсь, вы не совершили ошибки.

— Повестка заседания исчерпана?— спросил Ольриж.— Можно его закрывать?

— Вам действительно лучше остановиться на принятом решении, пока вы не придумали чего-нибудь похуже,— с горькой иронией сказал Ногаро.

Альбранд шевельнулся.

— Наверное, следует заняться поисками этого Жерга Алгана.

— Он вне пределов нашей досягаемости,— возразил Ногаро.

— А Машина?

— Машина ничего не знает. Вы думаете, меня самого не интересует, что находится за пределами Освоенной Галактики?

— Оставьте этот тон, Ногаро,— вмешался Вольтан.— В конце концов, у истоков угрожающей нам опасности стояли вы.

— Кто-то должен был взять ответственность на себя,— парировал Ногаро.

— Не все ли равно,— воскликнул Ольриж.— Голосование закончилось.

Вольтан повернулся к нему.

— Не спешите, Ольриж. Перед нами целая вечность. Мне хотелось бы кое-что спросить у Ногаро.

— Слушаю вас.

— Что это за легенды, о которых вы упоминали?

— Уместно ли здесь говорить о них?— с сомнением в голосе сказал Ногаро.— Легенды есть легенды.

— Говорите.

— В них упоминались гигантские цитадели на планетах у наших границ. Говорилось о таинственной разумной расе, которой никто никогда не видел, о шахматной доске. Но все это легенды. Я долго изучал их и в какие-то частности поверил. Однако ничего путного из этого не вышло.

— Ничего путного?— удивился Вольтан.— А бессмертие Алгана?

— В легендах много внимания уделялось тому, что было до человека и что будет после него. Они изобиловали странными предсказаниями. В них утверждалось, что человечество избрало ложный путь. Они намекали на наличие цивилизации в Центре Галактики.

— Какой?— усмехнулся Ольриж.

— Той, что способствует эволюции человека,— ответил Ногаро.— Я отправил Алгана на поиски этой цивилизации. Если он вернулся, то, скорее всего, будет говорить от ее имени.

— Кто я?— спросил он.

— Жерг Алган,— ответила Машина.

— Да будет так.

Алган разглядывал свое изображение, плывущее в глубине едва освещенного пространства, словно мираж. Руки его дрожали, и он никак не мог унять дрожь. Он достиг конечной цели своих поисков. Он видел звезды, покорила пространство и время и, наконец, добрался до Бетельгейзе.

Поиск был долгим. И сейчас, как и предсказывала ему в прошлый раз Машина, одиночество хищной птицей обрушилось на него. Прошло много лет. Он переступил границы времени, и ему удалось выжить. Вселенная навсегда сохранит для него привкус пепла и прошлого. Как бы ни сияли звезды, их лучам не пронзить плотный туман утекших мгновений.

«Человеческое существо,— сказал он сам себе,— в моем лице завершило долгий древний поиск, и через несколько ча-

сов или дней все люди ощутят привкус пепла, вспоминая о проделанном пути.

Что станет с Машиной? А с дворцом на Бетельгейзе, с гигантскими статуями вдоль эспланады, с изящными звездами в портах?»

— Вы хотите задать мне еще один вопрос?— спросила Машина.

Алган ответил не сразу. Он разглядывал свое отражение. Продолговатое мрачное лицо, тонкие губы, темные, сверкающие глаза. «Интересно, считает ли Машина себя красивой, вложили ли в нее конструкторы чувство прекрасного?»— неожиданно подумал он, а потом задал вопрос.

— Кто твои хозяева, Машина?

Этот вопрос давно жег ему губы, но задать его он мог, лишь обретя душевный покой.

— Люди, Алган,— без промедления ответила Машина.

«Может ли Машина быть неискренней? Может ли она лгать?»— подумал он и сам же себе ответил, что лгать умели только люди.

— Послушай, Машина. Я сообщу тебе истину. Ты — пустое место, нуль. Ты всего лишь декорация. Понимаешь ли ты это? Я хочу видеть твоих хозяев, Машина. Скажи им обо мне.

— Я не могу вам ответить,— произнесла Машина.

Голос ее был по-прежнему невозмутим, ровен и безличен.

«Любопытный опыт — допрашивать Машину и уличать ее в невежестве. А может, Машина умеет лгать? Ее не собьешь с толку и не проверишь на детекторе лжи».

Машина была и лучше, и хуже людей. Если она умела лицемерить, то такой ее сделали люди, но ее лицемерие было конструктивным качеством. Моральная оценка исключалась.

«А как обстоит дело с людьми?»— задумался Алган.— Разницы не может не быть. Машина лжет не ради собственных интересов; она лжет, поскольку ее построили для сокрытия некоторых аспектов истины. Люди же лгут, преследуя собственные цели.

Может ли Машина солгать? Сомнительно. Но вероятно. Может ли Машина оказаться в конфликтной ситуации и перестать следовать определенным правилам, обычно обязательным под страхом разрушения?

Может ли Машина разрушить сама себя? Или допустить конфликтную ситуацию и разрешить ее, выбрав поведение, не соответствующее логике? К примеру, невротического характера».

Люди находились в конфликтных ситуациях постоянно. Они стремились к определенной цели, но путь их был усеян помехами. Одни, столкнувшись с непреодолимым конфликтом, кончали с собой. Не срабатывал инстинкт самосохранения. Другие становились жертвами невроза. Каждый человек жил под угрозой потери душевного равновесия.

Говоря машинным языком, в поведении людей наблюдались сбои.

— Поберегись, Машина,— сказал он,— будет лучше, если ты ответишь мне.

Алган не мог заставить себя говорить с ней, как с человеком. Он ткнул кулаком в холодную зеркальную поверхность. Послышался легкий звон, и все стихло. Так он справиться с Машиной не сумеет.

— Я не могу вам ответить,— повторила Машина.

— У меня послание к твоим хозяевам, Машина,— начал он.— Скажи им об этом. Скажи, что я хочу с ними говорить. Скажи, что я явился из Центра Галактики. Скажи, что меня послал Ногаро, если это имя им что-нибудь говорит.

— Мои хозяева — люди,— повторила Машина.

«А если Машина откровенна со мной? Может, ее построили так, чтобы она никогда не знала тех, кто управляет ею?»

Он никак не мог представить себе людей, скрывающих свое могущество в течение многих поколений за столь совершенной и действенной маской.

«А вдруг они откажутся встретиться со мной, не захотят меня слушать?»

— У меня есть к тебе вопрос, Машина.

— Слушаю вас.

— Как я прибыл сюда? Как оказался на этой планете?

— Не знаю. Подождите. Сейчас проверю.

Он ждал несколько секунд.

— Вы мне уже задавали этот вопрос. Почему вас так волнует ответ?

— Я хочу только доказать тебе, что ты не все знаешь.

— Ни один механизм не может претендовать на исчерпывающее знание,— возразила Машина.— В мои функции не входит знание всего. Я должна запоминать и учиться. Хочу задать вам вопрос. Как вы прибыли на эту планету?

— С помощью шестидесяти четырех клеток,— ответил Алган.

— Ясно. Мне не хватает информации, но передо мной открываются новые варианты решений. Например, в пространстве могут существовать другие, сходные со мной машины.

— Может быть,— уклончиво ответил Алган.

— Шахматная доска — самое слабое звено в цепи моих рассуждений,— сказала Машина.— Она может играть множество ролей, но ни одна из них не является решающей.

— Эта проблема интересует тебя, Машина?

— Меня ничто не может интересовать в общечеловеческом смысле. Я построена для решения ряда задач. В том числе и этой.

— Я знаю решение, Машина,— сказал Алган,— и принес его твоим хозяевам. Сообщи им срочно об этом.

Прошло несколько мгновений. Неужели и эта попытка

провалится, придется отступить и прибегнуть к иным средствам? Он надеялся, что Машина окажется связующей нитью между ним и гипотетическими хозяевами Освоенной Галактики. Его уверенность была поколеблена.

— Я не знаю иных хозяев, кроме людей,— заговорила Машина.— И не могу решить поставленную тобой задачу, человек. Однако мои инструкции предусматривают подобный случай. Я не понимаю их, но применю. Может, ты прав, и некоторые из людей являются моими прямыми хозяевами. Но в моем сознании нет упоминания о них. Попытаюсь обратиться к подсознанию.

«Конфликт,— подумал Алган.— Наконец-то я спровоцировал конфликт. Машину научили игнорировать некоторые моменты, но оставили указание на необычную ситуацию, и теперь решение отдельных задач, которые она решала в соответствии с основными инструкциями, требует отказа от алгоритмов, заложенных при обучении. Но предусмотрен ли мой случай?»

— Ты должен сам решить свою задачу, человек,— наконец, нарушила молчание Машина.— Я не в состоянии помочь тебе. Мои инструкции требуют, чтобы я пропустила тебя. Впервые!

«Может ли Машина быть многоликой, иметь состоящую из независимых частей память? Неужели одна ее часть служит для ответов людям, а другая работает на гипотетических хозяев Освоенной Галактики? Есть ли координационный центр для принятия окончательного решения?»

— Желаю успеха, человек,— напутствовала его Машина.

Отражение Алгана задрожало. Поверхность зеркала сморщилась, словно вода под легким дуновением ветерка. В глубине светящегося пространства возникло черное пятно. Оно впитывало в себя свет, разрасталось и постепенно поглотило отражение Алгана. Пятно заполнило почти всю поверхность зеркала, словно образовался вход в непроглядную тьму ночи.

Это была дверь.

Он сделал шаг вперед, и тут же его окутала тьма. Он протянул руки вперед, затем развел их в стороны, но его пальцы встретили пустоту. Он стоял в центре необъятной черной равнины.

— Иди вперед,— сказала Машина.

«Западня?» Он был готов при малейшей опасности мгновенно оказаться за миллионы километров отсюда. Алган знал, что попал в место, о котором знает лишь горстка людей. Он вспомнил слова Ногаро о Бетельгейзе. «Гигантский

паук, раскинувший свою паутину во времени и пространстве и цепляющий свои клейкие нити за звезды».

Он проник в логово паука и вспомнил о пауках-птицеедах, которые затягивают вход в свои норы «шелковым» пологом. Здесь пологом было хрустальное зеркало.

Пол под ногами Алгана дрогнул и понес его вперед. Он не мог определить скорости движения, но знал, что движется в нужном направлении. Он ждал этого момента двести лет.

Эскалатор остановился. Дальше следовало идти пешком. Строители дворца не доверяли машинам до конца. Видно, они знали, что те могут подвести.

Дворец был крепостью. Его создатели мыслили военными категориями. Они думали не только о людях, но и о возможных пришельцах со звезд.

Жерг Алган улыбнулся.

Строители дворца начитались и наслушались сказок о флотах пришельцев, которые обрушиваются на планету, о их фантастическом оружии, но не предполагали, что наступление поведет один-единственный человек.

Он быстро пошел вперед. Потянулась анфилада громадных залов, и Алган понял, что вышел за пределы дворца.

Двойной ряд треугольных колонн поддерживал округлый свод. Пол заглушал шаги, и ему казалось, что он погружается в безмолвие.

Вдруг Алган заметил, что оказался в зале без выхода. Он был невелик и совершенно пуст. Алган огляделся, пытаясь найти потайную дверь, и обратил внимание на круг в центре зала. Едва он встал на него, как круг ухнул вниз, во тьму.

«Неужели я первым иду по этому пути?» Его ноги коснулись твердой поверхности. Он сделал осторожный шаг вперед. В черной стене, прямо перед ним, возникла светящаяся черта. Она быстро расширилась, и он, прищурив глаза, разглядел зал, залитый жемчужно-пепельным светом.

Его сердце екнуло. В центре зала за круглым хрустальным столом сидели восемь мужчин в серебристых одеяниях. Он подошел ближе и внимательно оглядел их. Лица сидящих поражали выражением какой-то неведомой усталости.

Все молча смотрели на него.

Взгляд Алгана остановился на одном лице. Он не верил собственным глазам. Ему были хорошо известны эти глубоко посаженные черные глаза и умное лицо с горькими складками у рта.

11. ЗВЕЗДНОЕ ПОЛЕ

— Ногаро! — вскрикнул он.

— Я ждал вас, Жерг Алган, — отозвался Ногаро.

Алган приблизился к столу. Его внимание привлек ус-

мехающийся рыжеволосый человек со сверкающими глазами.

«Так вот кто правит Освоенной Галактикой! А куда делись торговцы Эльсинора?». Его взгляд вернулся к Ногаро. Значит, Ногаро был бессмертным. Вся эта восьмерка была бессмертной, а потому держала в руках Галактику. Торговцы Эльсинора открыли для себя другой способ бессмертия — путешествия со скоростью света, но подлинными бессмертными были только эти люди.

Алган помнил, что некоторые странности в поведении Ногаро привлекли его внимание еще при первой встрече. Теперь становилось понятным, почему все относились к нему с особой почтительностью.

— Итак, вы — Бессмертный, — произнес один из присутствующих, повернувшись в сторону Алгана.

— Как и вы, Ногаро, — ответил Алган. — Это многое объясняет.

— Гораздо больше, чем вам кажется, Алган, — заговорил Ногаро. — Этим объясняется стабильность нашей цивилизации, сумевшей устоять при жесточайших конвульсиях истории. Мы кое-что знаем, Алган. Нас можно сравнить с мозговыми клетками, которые живут, пока жив организм, а наш организм — наше общество. Мы надежно спрятались — ведь и мозг человека защищен черепной коробкой. И все же мы нас отыскивали, Алган.

— После слишком долгих блужданий.

— Зачем так много лишних слов, Ногаро, — проскрипел Ольриж. — Допросите его. Думаю, он искал нас не ради того, чтобы выслушивать историю бессмертных.

— Наверно, это будет бесполезно, — возразил Ногаро.

— И вы все это время скрывали свое бессмертие! — воскликнул Алган.

Его охватила злоба. Ненависть, которую он долго копил в себе, расплескалась и стала чем-то менее конкретным и более холодным.

— Итак, вы преуспели в своих поисках? — спросил Ногаро.

— Безусловно, — ответил Алган.

— Вы достигли Центра Галактики?

— Да.

Восемь пар глаз впились в него. Алган почувствовал, что в горле застрял сухой комок.

— С какой целью вы вернулись спустя двести лет?

— Я принес вам послание.

Ему было неприятно чувствовать на лице их липкие взгляды. За долгие годы он отвык от общения с людьми и теперь не испытывал удовольствия от беседы с этой восьмеркой.

— От кого? — удивился Ногаро.

— Всею свое время, — Алган не спешил. — Потерпите,

вы узнаете все.

— Не пытайтесь ввести нас в заблуждение,— вступил в разговор Альбранд.— Вы выполнили трудную и опасную миссию. Мы признательны вам за это. Но не пытайтесь обвести нас вокруг пальца.

Алган расхохотался.

— А зачем мне это нужно?— голос его немного охрип.

— Вы изменились, Алган,— сказал Ногаро.— Что с вами приключилось?

— Да, я действительно изменился. Отныне я бессмертен, как и вы. Но вас не очень волновало то, что я могу измениться. Согласитесь, вы ведь воспользовались мной ради достижения собственных целей.

— У меня не было выбора. Вы пошли на риск.

— Я не имею к вам претензий и ни в чем не упрекаю. Прежде я, наверно, припомнил бы все обиды. Но не теперь. Я даже благодарен вам. Но вам трудно понять почему.

— Отчего же, Алган?— сказал Ногаро.— Я ведь тоже прожил долгую жизнь. Я был и остаюсь вашим другом.

— Теперь это не имеет значения. Пришло время перемен.

— Вы обрели бессмертие?— вмешался Ольриж.

Алган искоса глянул на него.

— И бессмертие, и кое-что еще.

— Каким образом вы перемещаетесь в пространстве?— не унимался Ольриж.— У вас есть звездолет? Звездолет, превосходящий в скорости наши корабли? Как наши детекторы могли упустить его.

— У меня нет звездолета. Вы узнаете, как я перемещаюсь.— Он перевел дыхание.— Я сообщу это и вам, и всем людям.

Воцарилось тяжелое молчание. Восемь бессмертных переглянулись.

— Если вы сделаете это, Освоенной Галактике придет конец,— проговорил после общего молчания Стелло.— Вы понимаете это?

Алган кивнул.

— И вы думаете, мы позволим вам поступать как заблагорассудится?— крикнул Ольриж.— Не думайте, что вы выиграли партию, став бессмертным.

— Вы все еще считаете, что я говорю только от собственного имени?— осведомился Алган.— Думаете, мое личное существование играет какую-нибудь роль? Я пришел, чтобы предупредить вас. И только. Как друг.

— Это ультиматум?— спросил Вольтан.

— Разве я выдвинул какие-то условия?

— Итак, легенды оказались не так далеки от истины!— вмешался Ногаро.

— Они были несколько неполны,— улыбнулся Алган.

— Шахматная доска?

— Вы узнаете все. И сможете пользоваться ею, как и я. Именно это знание я и принес вам. Вам и всем остальным людям.

— Люди еще не созрели для этого,— проговорил Люран.— Только когда они обретут зрелость, мы дадим им бессмертие.

— Почему? Бессмертие и шахматная доска не главное. Главное то, что я должен вам сообщить.

— Мы слушаем вас.

— Подождите немного. Может, у вас есть еще ко мне вопросы?

Они снова переглянулись.

— Значит, в Центре Галактики существует некая форма жизни,— начал Ногаро.

— Да.

— И цивилизация?

— Да.

— Более развитая, чем наша?

— Все зависит от смысла, который вы вкладываете в слово «цивилизация». С вашей точки зрения, цивилизация означает форму общественной организации, которая вписывается в определенное пространство и меняется в течение времени. То, что существует там, коренным образом отличается от всего, что вы можете вообразить.

— Они... враждебны?

— Вы хотите сказать, враждебны по отношению к человеку? С какой стати? И зачем им тогда нужно было бы посылать меня к вам?

Ольриж вскочил с места и, опершись о стол, наклонился вперед.

— Вы враг,— изрек он.— Некогда вы были человеком. Но что-то вас преобразило. Вы как раковина, приютившая инородца. Вы пробрались сюда с целью уничтожить нас. Но мы не позволим себя одолеть.

Он сунул руку в прорезь своего одеяния и извлек оттуда тонкий блестящий предмет. Из острия вырвался золотистый луч и уткнулся в грудь Алгана.

— Нет,— усмехнулся Алган.— Те, кто послали меня, дали мне защиту от вашего оружия. Вы бессильны уничтожить меня. Я же могу вырвать оружие из ваших рук и обратить его против вас. Я считал вас мудрее. Я думал, что годы дали вам опыт. Но вы свихнулись. Мы вас вылечим.

— Может, перейдем к изложению цели вашего визита?— спросил Стелло.

— Не уверен, что вы готовы воспринять мои слова, а потому начну с того, чем занимался эти двести лет. Я созерцал космос и любовался звездами, я избородил Галактику вдоль и поперек, я побывал в таких далях, о которых вы и понятия не имеете, я видел свет и время, которые волнами разбега-

лись от меня по безбрежному океану Вселенной. Все это принадлежит и вам. Когда ощущения переполнили меня, мне открылось истинное предназначение человека — он обязан покорять Вселенную голыми руками, но не в одиночестве.

— А с кем? — выдохнул Ольриж.

— Всему свой черед. Все, что я видел и пережил, станет частью вашего опыта. Но, чтобы получить право на это, следует кое-что узнать.

Он увидел, как дрожат их лежащие на столе руки, как мерцают в глазах тревожные огоньки.

— Первая часть моего послания гроста и коротка. Но, боюсь, вам понадобится немалый срок, чтобы осмыслить ее.

Он отступил на шаг и глубоко вздохнул. Воздух наполнил его легкие. Алгана вдруг охватила печаль.

— Одна фраза, — вымолвил он. — Люди суть роботы.

Он расслышал шепот Ногаро.

— Я знал это. Я всегда предполагал нечто подобное...

— А те, кто послал вас... наши строители? — с трудом выдавил Стелло.

— Если хотите, — ответил Алган. — Представьте себе расу, которая мыслит категориями не лет, веков или тысячелетий, а миллионолетиями, расу, для которой рождение, жизнь и смерть звезды сравнимы с продолжительностью жизни человека. Представьте, что она желает расширить свои владения и занять окружающее пространство... нет, не то... представьте, что намерена накинуть покров жизни, сеть тепла и разума на пустоту. Ей хочется достичь самых отдаленных точек, сверкающих во мраке. Ей хочется выполнить то, что мы называем освоением космоса. Раса могла бы использовать звездолеты, как это сделали вы, но могла избрать и иные средства, больше соответствующие ее пониманию пространства и времени. Она решила воспользоваться для преодоления пространства Машинами, которые за нее проведут сложные расчеты для таких перелетов.

Представьте, что эта раса разработала рассчитанный на миллионы лет план освоения Галактики. И реализует его с уверенностью и спокойствием, поскольку бег времени мало ее затрагивает. Представители этой расы с большими трудностями преодолели пространство, чтобы установить на места элементы мозаики, и, как позже люди, посеяли повсюду зерна своей цивилизации — воссоздавшие ее люди называют этот мир Освоенной Галактикой.

Представьте, что в весьма отдаленные времена эта раса решила построить Машины и что, ради этого, засеяла семенами жизни десятки, тысячи, а то и миллионы миров и создала условия для ее развития, а также многое другое, необходимость в котором должна возникнуть позже. Началось ожидание. По их меркам, прошел очень короткий отрезок времени, хотя человеку он показался бы очень долгим. И в

миллионах «пробирок» забурлила жизнь. Представьте, что эта раса следила за развитием очагов жизни вокруг центра Галактики, одни формы сменяли другие в строгом соответствии с логикой плана, многое не получилось из-за едва заметных изменений исходных условий, но в целом план развивался успешно. Представьте, во многих «пробирках» появилась нужная форма жизни. Многоклеточные распространились с простейшими, растения породили животных, млекопитающие сменили динозавров. Цепь жизни становилась все сложнее, а связи тоньше, подводя к Машине, предназначенной для утверждения власти Творцов над пространством. Представьте, что однажды появился человек и не в одной точке Галактики, а на тысячах, миллионах планет. Вся эта бесконечная история была лишь мигом в существовании этой расы.

Представьте, что человек, в свою очередь, двинулся вверх по лестнице прогресса, сначала медленно, затем все быстрее в соответствии с логикой плана, ускорявшего развитие цепи во времени, укорачивавшего каждый последующий этап. Постепенно человек неловко и располагая слабыми средствами освоил окружающее пространство, сначала родной планеты, затем и вне ее. В самых разных местах человек покорил отдельные сектора Галактики, все еще не подозревая, кто он на самом деле и почему существует, не зная, что в невероятных безднах пространства другие «пробирки» дали сходные результаты. План близился к завершению. Бездны пространства, разделяющие разные человеческие сообщества, год от года становятся уже, и любая экспедиция может случайно пронзить истончившуюся пленку неведомого. А, может, людям захочется проникнуть в те районы, где начали свои действия Творцы, а именно в центральные районы Галактики. Однажды некий человек, Машина, робот, достиг этих районов, и план практически завершился. Невероятная организация, созданная в космосе этой расой, готова приступить к реализации замысла. Расстояния исчезнут. И люди постигнут смысл жизни.

Но примут ли они такую свою судьбу?— вопрос ставится именно так. Ибо едва ощутимые изменения в процессе развития плана заставили людей забыть кое-какие исходные данные, они проигнорировали другие и построили свою автономную, хотя и не очень стройную, цивилизацию.

Люди — Машины, но Машины разладившиеся. Следует их починить, дать им вспомнить забытое, подарить им бессмертие, необходимое для решения проблем, поставленных перед этой расой необъятным пространством.

По странной иронии судьбы или плана люди решили построить для решения собственных проблем Машины, качеством похуже, чем Машины, созданные миллионы лет назад Творцами, хотя мощь и разум этих человеческих тво-

рений отрицать нельзя. И люди, благодаря своим Машинам, нашли ключ к решению многих проблем, кроме одной.

Кем они были и откуда явились? Почему всегда были несчастны и неприспособленны к жизни, в поисках чего прыгали с планеты на планету, отбрасывали вчера, чтобы побыстрее очутиться в завтра?

Но стоило одному из них попасть в центральные районы, где властвуют Хозяева, как восстановился порядок — план завершился. Теперь люди могут решать проблемы, ради которых они созданы, а потому смогут избавиться от невроза.

О какой проблеме идет речь? Речь идет о проблеме, для решения которой они особенно хорошо вооружены. Эту проблему научились более или менее хорошо решать все их цивилизации. Проблема выглядит, на первый взгляд, пустяковой, а на самом деле касается сути вещей.

Алган помолчал и, усмехнувшись, продолжил.

— Шахматная игра. Конечно, люди вооружены не только для решения шахматных задач. Необходимо, чтобы они выжили и как личности, и как вид. Они построены, чтобы поддерживать себя в норме и чтобы размножаться. Они почти идеальные Машины. Вы можете восхищаться гением Творцов. Они ведь могли создать более эффективные Машины для работы в одной области, более быстрые, реже ошибающиеся или более выносливые. Но предпочли пойти по иному пути, по пути синтеза возможностей — их Машина может действовать самостоятельно вне зависимости от поставленной перед ней задачи, перемещаться в пространстве и в некоторых пределах ремонтировать самую себя. Но с течением времени основная функция ее была подавлена функциями второстепенными. Однако каждая Машина лучше или хуже умела играть в шахматы. Этого достаточно, чтобы Творцы смогли использовать самых одаренных людей, тренировать или отбрасывать других.

Наконец, некоторые латентные функции человека — он их практически не использовал — могли быть разбужены определенным наркотиком. А именно, зотлом.

Миллионолетний план покоился на трех элементах. На некоторых физических понятиях, позволяющих перемещаться в пространстве — их символ шахматная доска с шестьюдесятью четыремя клетками с миллиардами возможных комбинаций. На человеке, который решает проблемы перемещения в пространстве, проблемы чисто механические, возложенные расой из Центра Галактики на других. И, наконец, на зотле, странном наркотике, совершенно необходимом для выявления новых функций человека, как необходимы ему пища и воздух для поддержания жизни. Умело экономя средства, Творцы создали человека и зотл в соседних «пробир-

ках»: Зотл позволил Творцам осуществлять контроль над освоением новых функций человеком. Ибо зотл был помещен на тех мирах, где не было человека. Чтобы человек не слишком рано открыл секрет своего происхождения и тайну перемещения в пространстве. Творцы желали, чтобы человек подготовился и построил вначале цивилизацию вроде вашей. Научившись путешествовать в космосе, он мог открыть зотл и использовать его качества.

Шахматная игра — символ. Я открыл, что решение некоторых задач на этих древних досках, встречающихся в Освоенной Галактике, соответствует некому перемещению в пространстве. Но это не колдовство. В человеке заложены механизмы, позволяющие перемещаться в пространстве, но их следует включить. Клетки доски — необходимые координаты. Каждая клетка — свое измерение. Решение шахматной задачи соответствует выбору маршрута в пространстве, а после определения маршрута человеческое тело, самый совершенный звездолет, с невероятной скоростью перескакивает из одного мира в другой по почти нулевым траекториям. Понять все это довольно просто. Творцы пользуются теми же понятиями, которые мы открыли позже и на которых зиждется принцип действия наших звездолетов.

Миллионы лет назад они возвели огромные черные цитадели, эквивалент наших космопортов. Они рассеяли по Галактике шахматные доски. И стали ждать. Они ждали до сегодняшнего дня. План почти завершен. Творцы получили возможность исследовать самые отдаленные границы пустоты. Сеть меж звездами натянута. И люди за них начнут прыгать от одного мира к другому.

— Это бесчеловечно, — изменившимся голосом сказал Стелло.

— Не уверен, — возразил Жерг Алган. — Вы считаете более человеческим хранить бессмертие для горстки избранных? Вы считаете человеческой вербовку людей для исполнения ваших замыслов? Вы считаете человеческим то, что люди гибнут в ядовитых болотах на какой-нибудь планете под предлогом расширения Освоенной Галактики? А ведь именно теперь мы становимся подлинными властелинами времени и пространства. Мы — люди космоса, хотя вечно воевали с ним. Завтра он покорится нам.

— Мы перестанем быть хозяевами своей судьбы! — крикнул Ольриж.

— А были ли вы ими? Вы считаете так оттого, что распространяли свою власть на миллионы людей.

Воцарилось молчание. Ногаро обвел взглядом стены зала. «Тысячи имен. Тысячи имен бессмертных, и вот эта цепь разорвана. Стоит ли сожалеть об этом?».

— Звездное поле, — произнес он. — Черные цитадели. Значит, все было правдой.

— Все было правдой. И на этой планете, в сотнях метров под вашими ногами, под слоем наносов и отложений погребена одна из цитаделей. Вы могли случайно наткнуться на нее. Случайность ли, что пол большого зала Машины воспроизводит шахматную доску с ее фигурами? Случайность ли, что меня послали к Центру Галактики, а один из эльсинорцев вручил мне старинную шахматную доску? Иногда я задаю себе вопрос об этом. Творцы тайной не поделились.

— Гигантская цепь цитаделей,— мечтательно протянул Ногаро.— И все наши завоевания никому не нужны. Хаос. А мы считали их ценностью.

— Время хаоса миновало,— тихо продолжал Алган.— Не думаю, что мы утратили свою человеческую суть. Мы вышли на верный путь после долгих блужданий в потемках. Сеть цитаделей нужна для начала. Завтра люди обойдутся без них, передвигаясь по неисчислимым дорогам пространства.

— Что бы ни случилось,— сказал Ногаро,— я иду с вами. Я хочу увидеть Центр Галактики собственными глазами. Хочу стать свидетелем того, как преобразится человечество.

— Люди — роботы,— вымолвил Стелло.— Я никак не могу свыкнуться с этой мыслью.

— У вас есть на это время,— рассмеялся Алган.— Свыкайтесь с нею, гуляя среди звезд.

Ольриж стукнул громадным кулаком по хрустальной столешнице.

— Все вы — банда предателей,— заорал он,— а те, кто послал вас, Алган, сборище трусов. Я раскусил вас. Они послали вас в надежде, что мы сдадимся не пикнув и падем к их ногам, поверив в красивые легенды. Я не верю вам.

— От вас никто этого и не требует,— отрезал Алган.

— Мы не позволим вам и шелохнуться,— голос Ольрижа сорвался на визг.— Настал день, который предвидели наши предки. Нам придется сражаться. Я не жалею об этом. Пусть будет война, Алган. Мы в ней победим. Идите и обрадуйте своих нанимателей. Мы не боимся их. Они не обратят нас в рабов только потому, что живут в той же Галактике, что и человек.

— Войны не будет,— сухо оборвал его Алган.

Он подошел к столу и поочередно взгляделся в каждого из восьмерых. И вдруг они ощутили, что повисли в воздухе. Стены подземного зала сотрясла дрожь. Сила тяжести исчезла. У Ольрижа перехватило дыхание. У Люрана мелко затряслись руки. Глаза Стелло округлились от удивления. Только лицо Ногаро осталось непроницаемым.

— На всей планете изменилась гравитация,— объяснил Алган.— Меня научили и этому. Я могу пригвоздить ваши звездолеты к земле. Войны не будет. Неужели вы думаете, что люди пойдут за вами, отказавшись от бессмертия и ис-

тинной власти над Вселенной?

— Но кто они такие?— спросил Ногаро.— Они похожи на людей? Как они выглядят? Бессмертны ли они?

— Нет,— ответил он,— они не вечны. Они — смертные существа. Вы их видите еженощно. Человек испокон веков обращал к ним свои взоры. Это — звезды.

Он на мгновение умолк, задумавшись о том, что скажет дальше. Лица присутствующих выражали ужас, неверие и облегчение одновременно. В голове Алгана уже давно сложились нужные слова и фразы. Он вынашивал их в себе, путешествуя в пространстве, касаясь в полете комет и туманностей, исследуя Вселенную, будущую обитель человека. Он сказал им, кто такие Творцы, не отрывая от них глаз. Творцами были звезды.

Он сказал им, чем были звезды, световые точки, собранные в семейства, рассыпанные по небу, как капли молока, затерянные в черном и холодном пространстве. Он сообщил им, кем были Творцы.

— Звезды, а вернее, обитатели звезд, которые рождаются, живут и умирают вместе со светилом. Эта странная жизнь возникла несколько миллиардов лет назад в момент первоначального взрыва протоатомов. Она постепенно стянулась к Центру Галактики, стала очагом разума, который болезненно жаждал осветить и согреть ледяную пустыню, окружавшую его со всех сторон.

Раса была одинока, и ее одиночество люди не могут понять и разделить. Ей хотелось общения с себе подобными не только с помощью световых лучей, ведь существуют столь далекие звезды и галактики, что свет не достигает их. Тогда-то и родился план умножения жизни, в котором люди, разумные соратники и друзья, станут как бы кровью звезд, текущей по венам пространства, с тем чтобы отодвинуть границы мрака и хаоса. Человек будет исследовать иные галактики Вселенной, пока не угаснут ее звезды. А когда она уснет ледяным сном, люди понесут славный факел своего звездного бытия в другие Вселенные.

Он описал им красоту миров, вращающихся в пустоте, которую никто из них не видел по-настоящему, великолепие двойных или тройных звезд, яркость неба в Центре Галактики, где звезды чуть ли не соприкасаются друг с другом, сотрудничают в великом деле, которому нет ни начала, ни конца.

Человек впервые дорос до Вселенной. И теперь можно, не испытывая страха, бороться с мраком.

Он сказал им, что звезды также не знают, откуда произошли, но удовлетворяются тем, что существуют такими, какие они есть, что они выполняют свою задачу, иногда считая себя творениями иных сил и, быть может, представляют собой некие привилегированные точки Вселенной и занимают

славное или безгласное место в им непонятных более обширных замыслах.

Скоро нам предстоит встреча с другими человечествами, мы увидим миры, где они обитают, и вместе понесем факел разума...

Он перевел дыхание и увидел на их лицах первые проблески понимания.

Он рассказал им об удивительном мире кристаллов, о газах и парах, рассеянных в пространстве, о нескончаемом движении атомов во времени и неисчислимых комбинациях материи.

— Мы пока еще дети. Пора расстаться с детством. Небо с мириадами сверкающих звезд принадлежит нам. Мы слишком неожиданно переступили порог широко распахнутых врат пространства и зажмурились, вступив в его необъятные просторы.

РАЗВИЛКА ВО ВРЕМЕНИ

Два телефона звонили одновременно. Жером Боск* колебался. Такие неприятные совпадения случались довольно часто. Но никогда еще так рано, в пять минут десятого, когда только-только пришел в контору и, еще ничего не делая, тупо глядишь на серую скучную стену напротив стола с абстрактными пятнами рисунка, настолько бледными и бесформенными, что они совершенно не дают пищи воображению.

Другое дело — в половине двенадцатого; в этот час работа уже кипит и все стараются поскорее закончить разные дела, чтобы выкроить лишнюю минуту для полуденного завтрака; в этот час линии перегружены, телефоны трезвонят повсюду и телефонные автоматические станции даже в глубине своих прохладных подземелий, должно быть, вибрируют, дымятся и плавают от напряжения. Но не в такую рань!

Из этого положения было несколько выходов. Он мог ответить одному, и пусть другой ждет, пока не надоест, или перезвонит через пять минут. Он мог снять одну трубку, спросить, кто говорит, извиниться, снять вторую трубку, спросить, попросить подождать, выбрать того, кто важнее, или того у кого имя длиннее, во всяком случае выслушать первой женщину, если одна из них будет женщиной, а уж потом мужчину. Женщины в делах менее многословны. Наконец, можно снять две трубки одновременно.

Жером Боск выбрал последнее. Трезвон сразу прекратился. Он взглянул на свою правую руку с зажатой в ней почти

Печатается по изд.: Клейн Ж. Развилка во времени: В сб. Пески веков / Пер. с фр.— М.: Мир, 1970.— Пер. изд.: Klein G. Ligne de partage.— Fiction, № 183, mars 1969.

© перевод на русский язык, «Мир», 1986

* Жером Боск — французская транскрипция имени знаменитого голландского художника Иеронима Босха (ум. в 1516 г.).— *Прим. перев.*

невесомой маленькой трубкой, черной и холодной. Затем на левую руку с точно такой же маленькой трубкой. И ему захотелось треснуть их друг о друга или, еще лучше, положить их рядышком на стол валетом — чтобы наушники были напротив микрофонов. И пусть оба абонента побеседуют, авось что-нибудь из этого и выйдет.

«Но для меня-то в любом случае ничего не выйдет. Я только посредник. Для этого я и сижу здесь. Чтобы слушать и говорить. Я только фильтр между наушником и микрофоном, записная книжка между двумя письмами».

Он поднес обе трубки к ушам.

Два голоса:

— Жером, тебе уже — Я первый, не правда ли?
звонили? Отвечайте!.. Скажите!

Голос отчетливый, уверенный. Голос взволнованный, на грани отчаяния. Оба удивительно похожие, они перекликались как эхо.

— Алло,— сказал Жером Боск.— С кем имею честь?

Вопрос сдержанно-вежливый, безличный, пожалуй, несколько нелепый, но какого черта люди не называют себя по телефону?

— Объяснить слишком	— Нет... нет... не надо...
долго... Нас могут прервать...	любой предло... я... нет...
до тебя невозможно дозво-	ни в коем.
ниться. Слушай внимательно,	
это единственный шанс в тво-	
ей жизни. Говори «да» и от-	
правляйся! (Шелчок, треск,	
шорох гравия по железной	
крыше) ...без всяких колеба-	
ний!	

— Кто вы?— крикнул Жером Боск сразу в обе трубки.
Молчание.

Шум помех с обеих сторон. Справа — скрежет сминаемого металла. Слева — рычание мотора. Справа — треск яичной скорлупы под ногой. Слева — визг напильника по стальной рессоре.

— Алло! Алло!— тщетно надрывался Жером Боск.

Клик-клик. Гудок. Тишина. Гудок. Тишина.

Справа и слева. Двойной сигнал, что линии заняты.

Он повесил трубку левого телефона. Другую трубку он несколько секунд продолжал держать в правой руке, прижимая к уху и прислушиваясь к печальной механической музыке из двух нот — звука и тишины, звука и тишины,— словно тревожная сирена надрывалась в глубине раковины из черной пластмассы.

Затем он положил на рычаг и правую трубку. Через открытое окно он видел блеклое небо с летящими городскими птицами в пятнах копоты или просто черными, перекаленную вре-

менем кирпичную стену, закрывавшую больше половины горизонта, а внутри комнаты, у самого окна, календарь с картинками, бесплатный дар фирмы электронных калькуляторов. Сейчас над таблицей с днями месяца сверкала сочная репродукция весьма странной картины «В гостях у носорога». Носорог с недовольным видом стоял спиной к зрителям, очевидно, чтобы потрафить знатокам искусства. По другую сторону довольно низкой решетки дама в длинном платье и полумаске, арлекин и две девочки в бантах забавлялись, разглядывая чудовище.

А голос-то был один и тот же. Но как один человек может говорить сразу по двум телефонам, по двум разным линиям, произнося при этом одновременно совершенно различные слова?

И мне этот голос знаком. Я его уже где-то слышал.

Он начал припоминать голоса друзей, голоса клиентов, голоса людей, с которыми он просто иногда сталкивался, хотя они не были его друзьями и сам он ничего не пытался им продать, голоса чиновников, врачей, лавочников, телефонисток, всевозможные голоса, какие слышишь по телефону, не имея ни малейшего представления о том, как выглядит собеседник, голоса жирные, голоса надменные или сухие, голоса насмешливые, веселые, язвительные, голоса металлические, хриплые, суровые, натянутые, изысканные, голоса манерные и простецкие, пропитые, мрачные и медоточивые, чуть ли не благоуханные, оскорбленные, обиженные, гневные, заносчивые, горькие и сардонические.

Для него было ясно одно: из обеих трубок слышался мужской голос.

«Они еще позвонят,— сказал он себе.— Вернее: он еще позвонит, ибо это явно был один и тот же человек, хотя в левом телефоне его голос звучал уверенно, четко, требовательно, почти торжествующе, а в правом казался приглушенным, испуганным, чуть не плачущим. Удивительно, как много можно узнать о людях по одному их голосу в телефоне!»

Он принялся за работу. Пачка белой бумаги, маленькая коробка со скрепками, три шариковые ручки с разноцветными стержнями и стопка всевозможных бланков — все было под рукой. Ему нужно было подготовить письмо, подобрать досье, составить отчет, проверить несколько цифровых сводок. Этого хватит на первую половину дня. С отчетом, возможно, придется повозиться и после обеденного перерыва. В перерыв перед ним возникнет другая проблема: куда пойти — в столовую или в один из маленьких ресторанчиков по соседству. И как обычно он пойдет в столовую. Первые два года службы он неизменно выбирал тот или другой из ресторанчиков, потому что столовая его угнетала. Она напоминала ему, что он живет не в том мире, который бы сам избрал, и, когда ему удавалось хотя бы символически вырваться из этого чуждого мира, ему казалось,

что он здесь лишь временно, ненадолго, что это лишь неприятный период вроде школы или службы в армии, который надо пережить. И в конечном счете не так уж это страшно. Его работа зачастую оказывалась интересной, а сослуживцы — чуткими и культурными. Некоторые из них даже читали ту или иную из его книг.

«Не иначе, кто-то решил надо мной подшутить. Это можно сделать с помощью магнитофона. Ведь мы даже не разговаривали. Я только кричал «алло» и спрашивал, кто говорит. Бессмысленная шутка без конца и без начала».

Он стал работать. Любопытно, что за работой он не мог не думать о том, что ему хотелось бы написать, о рассказах, которые он желал написать и которые трудно и медленно писал по вечерам в своей ярко освещенной квартире, потому что не любил погружаться в темноту при переходе из одной комнаты в другую. И не менее любопытно, что в эти вечерние часы он думал о своей дневной работе, продолжал беспокоиться о каком-нибудь незаконченном деле, как там примут его не слишком-то связные объяснения, успеет ли он подготовить в срок отчет, и о прочих вещах которые должны были бы отступить на задний план, раствориться в тишине и оставить его наедине с образами, созданными его воображением. Человек не может целиком отдаваться двум совершенно разным делам, говорил он себе. Дойдет до того, что у него начнется раздвоение личности и эти два разных «я» вступят между собой в непримиримую борьбу. И тогда он превратится в шизофреника.

Он схватил трубку, набрал номер внутреннего телефона.

— Мадам Дюпор? Да, это Боск. Как поживаете?... Благодарю, все в порядке... Принесите мне, пожалуйста, марсельское досье... Спасибо.

Когда-нибудь, когда-нибудь он будет писать с утра до вечера, только писать! Но при этой мысли сердце его внезапно сжалось. Сможет ли он тогда писать, придумывать разные истории, находить иные слова, чем те, которые мелькают в отчетах и деловых письмах?

Раздался стук в дверь.

— Войдите, — сказал он.

Женщина была молода и хороша собой. У нее было круглое лицо с остреньким носиком. «Интересно, чем бы ты занялась,— подумал он,— если бы тебе не нужно было подшивать дела, стучать на машинке? Что бы ты делала: рисовала, шила, прогуливалась, флиртowała, умножала свои победы?» Такого вопроса он никогда никому не задаст. А жаль, это тема для настоящей анкеты, единственно стоящей из всех анкет. Надо было бы расспрашивать людей на улицах, в кафе, в кино и театрах, в метро и автобусах и даже в их собственных домах, что бы они стали делать, если бы были абсолютно свободны, как потратили бы драгоценнейшее из сокровищ, имя которому «время», каким способом пропустили бы сквозь пальцы счи-

танные песчинки своей жизни. Он представил себе их смятение, недоверие, колебание, панический страх. Какое вам, собственно, дело? Не знаю, нет, право, не знаю — никогда об этом не думал. Погодите, я, может быть...

Она увидела, что он задумался, положила досье на стол и молча выскользнула из комнаты.

Он взял досье, раскрыл.

Зазвонил левый телефон.

— Алло,— сказал он.

— Алло. Жером Боск?

Это был тот же отчетливый голос.

— Да, слушаю.

— Я звонил тебе два дня назад. Слышимость была скверная. Теперь ты меня хорошо слышишь?

— Да,— ответил он.— Но это было только что, а не два дня назад. Если это глупая шутка...

— Для меня это было два дня назад,— оборвал его голос.— И это вовсе не шутка.

— Но послушайте!— возмутился Жером Боск.— Два дня назад или только что — это не одно и то же. А потом, почему вы обращаетесь ко мне на «ты»?

— Я потратил два дня, чтобы найти нужный номер, вернее, сочетание благоприятных условий. Не так-то просто звонить по телефону из одного времени в другое.

— Простите, как вы сказали?

— Из одного времени в другое! Предпочитаю сразу выложить тебе всю правду. Я звоню из будущего. Я — это ты сам, только постаревший на... Впрочем, неважно. Чем меньше ты будешь знать об этом, тем лучше.

— У меня нет времени на розыгрыши,— сказал Жером Боск, не отрывая взгляда от досье.

— Но это вовсе не розыгрыш,— возразил голос, спокойный и рассудительный.— Сначала я не собирался говорить тебе правду, но ты не стал бы меня слушать. Вечно тебе нужно все объяснять, уточнять.

— И тебе тоже, поскольку ты — это я,— сказал Жером Боск, вступая в игру.

— Но я кое в чем изменился,— парировал голос.

— И как ты себя чувствуешь?

— Гораздо лучше, чем ты. Я занимаюсь делом, которое мне нравится, и могу писать целыми днями. У меня куча денег, во всяком случае с твоей точки зрения. Одна вилла на Ибиде, другая в Акапулько. У меня жена и двое детей. Я доволен жизнью и счастлив.

— Поздравляю,— сказал Жером Боск.

— И все это, разумеется, твое, вернее, будет твоим. Надо только поставить на верную карту. Для этого я тебе и звоню.

— Понятно. Сведения из завтрашних газет. Прогноз биржевых курсов. Или выигрышный номер лотереи, тираж кото-

рый через неделю. Или...

— Послушай! — раздраженно оборвал его голос. — Сегодня утром, без двух минут двенадцать, тебе позвонит по телефону один человек, очень важная шишка. Он сделает тебе деловое предложение. Надо его принять. Отбросить сомнения и в тот же вечер отправиться на другой конец света. Без всяких колебаний.

— По крайней мере это будет честное предложение? — иронически спросил Жером Боск.

Голос в трубке зазвучал оскорбленно:

— Разумеется, совершенно честное. Это то, чего ты ждал годами. Я говорю серьезно, черт побери! Это единственный шанс в твоей жизни. Второго не будет. Большой босс часто меняет свои решения. Не жди, когда он раздумает, соглашайся сразу. И это будет началом плодотворной и блестящей карьеры.

— Но для чего ты мне звонишь, если ты уже преуспел?

— Я преуспею только в том случае, если ты согласишься. А ты привык сомневаться, раздумывать, тянуть. Кроме того... Зазвонил телефон справа.

— Меня вызывают по другому аппарату, — сказал Жером Боск. — Пока!

— Не вешай трубку! — взмолился голос. — Не ве...

Он повесил.

Он подождал, прислушиваясь к звонкам другого телефона, и внезапно время замедлило бег. Звонки растягивались на километры секунд, а тишина между ними была как обширные оазисы покоя и свежести. Ибица. Акапулько. Названия на карте. Белая вилла и красная вилла на крутых склонах зеленых холмов. Все время только писать.

Жером Боск вспомнил, когда впервые услышал этот голос. Он звучал из динамика магнитофона. Это был его собственный голос. Телефон его, конечно, изменял, обезличивал, приглушал, но все же это был его голос. Не тот, который он привык слышать, а другой, восстановленный магнитофонной записью. Тот, который слышали другие люди, посторонние.

Телефон справа прозвонил в четвертый раз.

Он снял трубку.

Сначала ему показалось, что на другом конце провода никого нет: он слышал только обманчивую тишину, наполненную шорохами и слабыми отзвуками, механическими шумами, далекими-далекими, словно микрофон едва улавливал дыхание обширной пещеры глубоко под землей, где происходили микроскопические оползни, сочились крохотные ручейки, скреблись невидимые насекомые. Затем, еще не разбирая слов, он услышал голос, который что-то невнятно и протяжно бормотал без передышки.

— Очень плохо! — крикнул в трубку Жером Боск.

— Алло, алло, алло, алло! — повторял голос, теперь немно-

го отчетливее.— Не надо туда лететь... ни в коем случае... Жером, Жером, вы меня слышите? Слушайте, ради бога, ради всего святого! Не надо...

— Говорите, пожалуйста, громче!— попросил он.

Голос напрягся до предела, начал прерываться.

— Откажитесь... откажитесь... позднее...

— Вы что, больны?— спросил Жером Боск.— Может быть, кого-нибудь предупредить? Где вы находитесь! Кто вы?

— Я-я-я т-т-т-т,— задохнулся голос.— Я — ты!

— Еще один,— буркнул Жером Боск.— Но другой голос говорил, что...

— ...из будущего... не соглашайтесь... тем хуже... поймите...

В дверь робко постучали.

— Войдите,— сказал Жером Боск, на мгновение оторвав трубку от уха и машинально заслоня ладонью микрофон.

Вошел новый курьер. Это было его первое место работы, и он относился с глубоким почтением ко всем мужчинам и женщинам, которые, сидя в своих кабинетах, за день исписывали кипы бумаг. Он легко краснел и всегда был одет с безупречной аккуратностью.

Он положил на край стола утреннюю газету и письма.

— Спасибо,— сказал ему Жером Боск, кивнул головой.

Дверь затворилась.

Он снова прижал трубку к уху. Но голос уже исчез, затерялся в лабиринте проводов, опутавших весь мир. Шелчок. Короткие гудки.

Он задумчиво повесил трубку. Неужели и это его голос, как и тот, первый? В этом он не был уверен. И в то же время оба голоса, справа и слева, имели что-то общее. «Два разных момента будущего,— подумал он,— два разных голоса из будущего пытаются со мной связаться».

Он вскрыл письма. Ничего интересного. Он их пометил и положил в корзину для корреспонденции. А конверты кинул в мусорную корзину. Затем, вскрыв бандероль, быстро перелистал страницы газеты, спеша добраться до экономического раздела. Как всегда по утрам, его внимание привлек метеорологический прогноз. Не потому, что он особенно интересовался погодой. Просто метеокарта, разукрашенная всякими символическими значками, притягивала взгляд. Он прочел:

«В районе Парижа ожидается прохладная погода с незначительными...»

Он перескочил через несколько строк.

«Атмосферные возмущения, вызванные циклоном над Антилльскими островами, распространяются на северо-восток... Следует ожидать...»

Взгляд его перенесся на верхнюю половину страницы, пробежал по диагонали сводку биржевых курсов и котировку основных видов сырья. Цены держатся твердо, но сделок по-

ка маловато. Поднялось серебро. Незначительно понизилось какао. Абсолютно ничего интересного. Жером Боск свернул газету.

Он принялся за первый документ из досье. Четыре раза перечитывал первый параграф и ничего не понял. Что-то было не так, и не этим параграфом, а с его головой. Мысли кружились в ней как ошалевшая белка в колесе, похожем на телефонный диск.

Не раздумывая он снял трубку правого телефона и набрал номер коммутатора.

— ...вас слушаю,— сказал безличный голос.

— Мне только что дважды звонили. Вы не знаете, эти люди не оставили номеров своих телефонов?

Телефонистки на коммутаторе обычно регистрировали все звонки, и вовсе не ради полицейской слежки, а для того, чтобы быстрее восстановить связь, если разговор по какой-либо причине будет прерван.

— Ваш номер?

— 413,— ответил Жером Боск.

— ...посмотрю. Не кладите...

На другом конце провода послышалось невнятное бормотание. Затем другой голос, женский, любезный:

— Мсье Боск, сегодня вам еще никто не звонил. Во всяком случае, никто из города.

— Мне звонили четыре раза,— сказал Жером Боск.

— Может быть, по внутреннему телефону? И, может быть, не по вашему номеру?

— Я все время сидел у себя.

— Уверяю вас...

Он прокашлялся.

— Скажите, звонок из города может дойти до меня, минуя коммутатор?

Телефонистка замешкалась с ответом, затем неуверенно:

— Не представляю, как это может быть.

С беспокойством:

— Я никуда не отходила!

Вежливо, но холодно:

— Вы можете подать жалобу...

— Нет-нет,— сказал Жером Боск.— Должно быть, мне почудилось.

Он повесил трубку и провел рукой по влажному лбу.

Значит, это был розыгрыш. Они воспользовались одним из магнитофонов секретариата и даже не сочли нужным звонить ему через городскую сеть. А теперь, наверное, надрываются со смеху в соседнем кабинете. Мальшиор — мастер по части подделки голосов.

Тишина. Дробь машинки, приглушенная двойными дверями. Отдаленные шаги. Городской гул, проникающий через открытое окно, шум проезжающих внизу автомашин.

Он смотрел на оба телефона так, словно видел их впервые в жизни. Это невозможно! Каждый телефон имел два различных звонка: пронзительный для вызовов из города и глухо жужжащий — для внутренних линий. Пронзительный трезвон который предшествовал каждому из сегодняшних четырех разговоров, еще стоял в его ушах.

Он поднялся так резко, что едва не опрокинул кресло, в котором сидел. Коридор был безлюден. Он толкнул полуоткрытую дверь соседнего кабинета, затем второго, третьего. Все комнаты были пусты, и на полированных столах не осталось ни одной бумажки, которая хотя бы напоминала о том, что здесь кто-то работал. В последней комнате он снял телефонную трубку, нажал кнопку для внутренних переговоров и набрал свой номер. Глухое жужжание из его кабинета разнеслось по коридору. Система раздельных звонков работала исправно, никто ее не изменил.

Он пересек коридор, постучал и вошел в приемную; секретарша повернулась к нему, руки ее замерли над клавишами пишущей машинки.

— Что, сегодня никого нет?— спросил он.

— Начались отпуска,— ответила она.— Кроме меня остались только вы и помощник директора... И еще рассыльный,— прибавила она после паузы.

— Ах, да!— сказал Жером Боск.— Я совсем забыл.

— У меня отпуск со следующей недели.— Секретарша пошевелила пальцем в воздухе.— Не забудьте! Наверное, нужно будет найти мне заместительницу?

— Право, не знаю,— сказал он растерянно.— Поговорите в дирекции.

Он оперся плечом о дверной косяк.

— Как, по-вашему, мсье Боск, погода установится?

— Не имею ни малейшего представления. Но будем надеяться.

— Утром по радио говорили о циклоне над Атлантикой. Значит, еще будут дожди.

— Надеюсь, что нет,— сказал он.

— Вам бы тоже надо отдохнуть, мсье Боск.

— Да, я скоро пойду в отпуск. Только закончу кое-какие дела. Кстати, вы не слышали сегодня утром телефонных звонков в моем кабинете?

Она утвердительно кивнула.

— Два или три звонка. А что? Вас не было? Наверное, я должна была ответить?

— Нет, я был у себя,— сказал Жером Боск, чувствуя себя глупо и неловко.— Я сам брал трубку. Так что спасибо. А куда вы едете?

— В Ланды,— ответила она, поглядывая на него с любопытством.

— Желаю вам хорошей погоды.

Он вышел, прикрыл за собой дверь и несколько мгновений стоял в тишине коридора. Трескотня машинки возобновилась. Успокоившись, Жером Боск вернулся в свой кабинет.

Он снова взялся за папку с документами.

Зазвонил телефон справа.

Он взглянул на часы. Было точно без двух минут двенадцать.

— Алло?

— Мсье Боск? — спросила телефонистка. — Международный вызов. Одну секунду.

Шелчок. Он услышал расстояние, по которому шел вызов, — танец электронов, пересекающих границы без паспортов, танец волн, перепрыгивающих пространство, отраженных антеннами многочисленных спутников над океанами, проникающих сквозь невообразимое переплетение нитей телефонных кабелей, проложенных по дну морей.

— Алло! — произнес мужской голос. — Мсье Боск? Жером Боск?

— Да, это я.

— Оскар Вильденштейн. Я говорю с вами с Багамских островов. Только что прочел вашу последнюю книгу — «Как в бесконечном саду». Хорошо, превосходно, дорогой мой, очень оригинально.

Это был внушительный голос, мужественный, уверенный, с легким иностранным акцентом, то ли итальянским то ли американским, но скорее с итало-американским. Голос, от которого пахло дорогими сигаретами, голос человека, одетого в белый смокинг, который говорил, сидя у прохладного бассейна под чистым лазурным небом, еще не опаленным яростью солнца.

— Весьма вам признателен, — сказал Жером Боск.

— Я читал всю ночь. Не мог оторваться. Хочу сделать из этого кинофильм. С Барбарой Силвер в главной роли. Вы ее знаете? Прекрасно. Я хочу вас видеть. Чем вы сейчас заняты?

— Я работаю в конторе, — сказал Жером Боск.

— Вы можете уволиться? Отлично. Садитесь в самолет, аэродром Париж — Орли, четыре часа по вашему времени. Погодите... Мне подсказывают: четыре тридцать. Я заказываю билет. Мой агент в Европе проводит вас до аэропорта. С собой ничего не берите. В Нассо найдется все, что нужно.

— Я бы хотел подумать.

— Подумать? Подумать, конечно, надо. Я не могу вам сказать все по телефону. Подробности мы обсудим завтра утром за завтраком. Барбара мечтает с вами познакомиться и места себе не находит. Она сейчас возьмется за вашу книгу. Обещает прочесть ее к завтрашнему утру. Трудные места я ей сам переведу. Наташа тоже хочет вас видеть. И Сибилла, и Мерриел, ну, это уж слишком...

Голос как бы удалился. Но Жером Боск услышал смех женщин, затем голос Вильденштейна, не такой громкий, но вполне отчетливый, словно он говорил из соседней комнаты.

— Нет, сейчас с ним говорить нельзя,— сказал Вильденштейн кому-то по-английски, а затем перешел на французский:— Они тут все с ума посходили! Что-то удивительное! Они хотят говорить с вами немедленно. Но это невозможно. Я им сказал, чтобы подождали до завтра. Хардинг или Харди, я уже не помню, в общем мой представитель в Европе, он обо всем позаботится. Я рад, что смог поболтать с вами. До завтра. Domani. Mañana*.

— Всего хорошего,— проговорил Жером Боск ослабевшим голосом.

«Который час там, на Багамах?— подумал он.— Часов шесть-семь утра. Наверное, он и вправду читал всю ночь напролет. Читал роман, который невозможно адаптировать для кино. Разве что я это сделаю сам. В конечном счете только я знаю, что я в него вложил, что внес. Он понял: все его сценаристы обломают себе на этом зубы. Это большой человек. Плодотворная работа, блестящая карьера. Две виллы. Ибица и Акапулько».

В дверь постучали.

— Войдите,— сказал он.

Секретарша остановилась на пороге со странным выражением лица. В руках у нее был клочок бумаги.

— Вам звонили, мсье Боск, пока вы разговаривали по другому телефону. Меня просили передать.

— Что передать?— радостно спросил Жером Боск.

— Я не совсем поняла. Слышимость была скверная. Видимо, кто-то звонил очень издалека. Вы уж извините, мсье Боск.

— Так в чем дело?

— Я разобрала только несколько слов. Он сказал: «Ужасно... ужасно»— два или три раза, а потом — «нечастье»... или «несчастье». Вот, я записала...

— Он не сказал, кто звонил?

— Нет, мсье Боск, он не оставил своего номера. Надеюсь, он перезвонит. Надеюсь, в вашей семье не случилось ничего страшного. Несчастье... несчастье... господи, нет ничего легче, как попасть в такую погоду под машину!

— Я думаю, нам беспокоиться не о чем,— сказал Жером Боск, пододвигая к себе принесенный секретаршей листок бумаги. Взгляд его пробежал по стенографическим иероглифам, затем задержался на трех расшифрованных ниже словах: «Ужасно... ужасно... нечастье».

В последнем слове буква «н» была подчеркнута, а наверху со знаком вопроса поставлено «сч».

* Domani (итал.), mañana (исп.)— до завтра.

— Спасибо, мадам Дюпор. Не беспокойтесь. Я не знаю, с кем из моих близких могло случиться несчастье. Таких у меня уже нет.

— Может быть, не туда попали?

— Конечно, не туда попали.

— Ну, тогда я пошла обедать, мсье Боск.

— Приятного аппетита.

Когда она закрыла за собой дверь, он подумал, стоит ли ему подождать, чтобы она ушла, или сразу самому? Обычно они договаривались, чтобы кто-то оставался на случай, если будут срочные звонки. Но сейчас было время отпусков. Вряд ли кто-нибудь позвонит.

Разве что один из этих двух голосов.

Он пожал плечами, искоса поглядев на картинку с носорогом. Сейчас главное было решиться. Черт возьми, пришло время отпусков, и он мог в конце концов отлучиться на неделю, никому ничего не объясняя. Хоть на Багамские острова. А что если агент Вильденштейна вовсе не появится? Что если этот телефонный звонок был всего лишь капризом миллиардера, который возник внезапно и так же внезапно исчез? Кто-то там, на Багамских островах, прочел его книгу или просто узнал, что о ней говорят, и решил услышать его голос, проверить, существует ли он на самом деле?

Жером Боск сунул утреннюю газету в карман. Несколько мгновений он смотрел на телефоны, словно ожидая, что они снова зазвонят, а потом пошел по коридору, по истерзанной дорожке с выступающими из-под нее параллельными полосами, словно тенями рассохшегося паркета. И пока он спускался по широким каменным ступеням, он все время напрягал слух, почти удивленный, что его не зовет назад требовательный звонок телефона. Он пересек двор и очутился на улице. И направился к маленькому испанскому ресторанчику.

Он поднялся на балкон, где в это время года, как правило, почти не бывало клиентов. Меню он просмотрел больше по привычке, поскольку знал его наизусть, и заказал салат из помидоров, цыпленка а-ля-баск и полграфина красного вина.

Уже почти час пополудни. На Багамских островах сейчас, должно быть, около восьми утра. Вильденштейн, наверное, завтракает, и за его столом сидят Барбара, Сибилла, Мерриел, Наташа и еще полдюжины секретарш, и над ними чистое небо, синее-синее, и тени экзотических пальм, и здесь же, не отрываясь от завтрака, он звонит в любые части света, в любые города мира, и голос его, мужественный, уверенный, звучит всюду одновременно, ибо он говорит сразу на трех или четырех языках обо всех книгах, которые он прочел за ночь.

Жером Боск развернул газету.

Он только приступил к салату из помидоров, когда к нему подбежала официантка.

— Это вы — мсье Боск?— спросила она.

— Да,— сказал он.

— Вас просят к телефону. Мужчина сказал что вы сидите наверху, на балконе. Телефон внизу, возле кассы.

— Сейчас иду,— сказал Жером Боск, неизвестно на что обозлившись.

Неужели это снова чуть слышный, далекий, неясный голос, почти заглушенный помехами?

А может быть, другой, который говорил из Акапулько и Ибицы? А может быть, это представитель Вильденштейна?

Телефон стоял, как на троне, на шкафчике между кассой и входом в кухню. Жером Боск втиснулся в уголок, чтобы не мешать проходившим мимо официанткам.

— Алло,— сказал он, стараясь заслонить рукой другое ухо от звона тарелок.

— Нелегко же было тебя найти! О, разумеется, я знал, где ты находишься. Но я уже не помню телефона этой харчевни. Собственно говоря, я его никогда и не помнил. Не так-то просто найти нужный номер, когда не знаешь ни имени хозяина, ни точного адреса ресторана.

Это более голос слева, отчетливый, ясный, однако вроде бы более тревожный, чем утром.

— Вильденштейн тебе звонил?

— Да, точно без двух двенадцать,— ответил Жером Боск.

— И ты согласился?

Голос был натянут, как струна.

— Я еще не знаю. Надо подумать.

— Но ты должен согласиться! Ты должен отправиться туда! Вильденштейн — потрясающий тип. Вы сразу сговоритесь и понравитесь друг другу. С первого взгляда. С ним ты достигнешь всего!

— И фильм тоже удался?

— Какой фильм?

— Экранизация «Как в бесконечном саду».

Раздался веселый смех.

— Такого фильма не будет. Ты знаешь не хуже меня, что этот роман совершенно не годится для кино. Ты предложишь ему другую тему. Он будет в восторге. Нет, я не могу тебе сказать, что это за тема. Надо... надо, чтобы это случилось в свое время.

— А Барбара Силвер? Что она собой представляет?

Голос смягчился.

— Барбара. О, Барбара! У тебя будет время ее узнать. Ты ее узнаешь. Потому что... Но, прости, я не могу этого сказать.

Пауза.

— Откуда ты звонишь?

— Не могу тебе ответить. Из очень пристойного места. Ты не должен знать своего будущего. Иначе очень многое

может полететь вверх тормашками.

— Сегодня ко мне звонил еще кое-кто,— резко сказал Жером Боск.— Кое-кто, у кого был твой голос, вернее, мой голос, но только прерывистый, измученный. Я слышал его очень плохо. Он убеждал меня отказаться от чего-то. Может быть, от предложения Вильденштейна.

— Он звонил из будущего?

— Не знаю.— Жером Боск помолчал. Затем:— Он говорил о каком-то несчастном случае.

— И что он сказал?

— Ничего. Только одно слово: «Несчастье».

— Я ничего не понимаю,— жалобно признался голос.— Послушай, не обращай внимания. Отправляйся к Вильденштейну, и все устроится само собой!

— Он звонил много раз,— сказал Жером Боск.— И наверняка позвонит еще.

— Не трусь!— тревожно сказал голос.— Спроси его, из какого времени он звонит, понимаешь? Может быть, кто-то не хочет, чтобы ты преуспел. Просто из зависти ко мне. Ты уверен, что это был наш голос? Знаешь ведь, голос легко можно подделать.

— Нет,— сказал Жером Боск.— Я почти уверен.

Он подождал немного, потому что официантка остановилась как раз за его спиной.

— Может быть, он звонил из *твоего* будущего,— продолжал Боск.— Наверное, с тобой случится что-то нехорошее, и он хочет меня предупредить. Что-то связанное с Вильденштейном.

— Это исключено!— откликнулся голос.— Вильденштейн уже умер. Ты... ты не должен был этого знать. Забудь! Это ничего не значит. Все равно ты не знаешь, когда это случилось.

— Он... он погибнет в катастрофе, не так ли?

— В авиационной катастрофе.

— Может быть, об этом и шла речь. А ты... ты к этому причастен?

— Никоим образом! Уверяю тебя!

Голос становился все более нервным:

— Послушай, надеюсь, ты не станешь портить свое будущее из-за этой чепухи? Ты не рискуешь ничем. Я знаю, что тебя ожидает. Я это пережил.

— Но ты не знаешь своего будущего.

— Не знаю,— согласился голос.— Однако я могу предвидеть и сопротивляться. Я буду осторожен. Со мной ничего не случится. А даже если и случится, то я уже много старше тебя.. нет, я не могу сказать тебе, сколько мне лет. Предположим, у тебя впереди еще лет десять, если не больше, и превосходных десять лет! Я не отказался бы от них, даже если бы должен был умереть завтра.

— Умереть завтра? — спросил Жером Боск.

— Ну это так, к слову. Знаешь, десять лет — это немало. И я себя чувствую, как бог! Гораздо лучше, чем в твои годы, уверяю тебя! Соглашайся! Лети на Багамские острова! Это тебя ни к чему не обязывает. Обещай, что ты согласишься!

— Я хотел бы понять одно, — медленно проговорил Жером Боск, — как ты можешь со мной разговаривать? Вы что, изобрели в своем будущем машину времени?

Голос из другого времени залился смехом. Смехом, в котором было что-то искуственное.

— Такая машина уже существует в твоё время. Не знаю, должен ли я тебе говорить. Это тайна. Лишь очень немногие знают о ней. В любом случае ты не сумеешь этим воспользоваться. До сих пор, даже сейчас, никто толком не знает, как это действует. Нужна удача, счастливое стечение обстоятельств. Эта машина времени — телефон.

— Телефон? — удивленно переспросил Жером Боск.

— О, разумеется, не тот телефон, что у тебя на столе. А телефонная сеть, вся мировая сеть. Это самое сложное, что когда-либо было создано человеком. Гораздо сложнее самых больших компьютеров. Подумай о миллиардах километров проводов, о миллионах усилителей, о немыслимых переплетениях соединений на автоматических центрах. Подумай о мириадах вызовов, обогативших всю Землю. И все это взаимосвязано. Иногда бывает, что в этой путанице происходит нечто непредвиденное. Иногда бывает, что телефон вместо двух точек пространства соединяет два момента времени. Возможно, когда-нибудь об этом скажут открыто. Но я сомневаюсь. Слишком много непредусмотренного. И слишком рискованно. Лишь очень немногие в курсе дела.

— А как ты узнал об этом?

— У тебя в дальнейшем будут очень умные друзья, если ты примешь предложение Вильденштейна. Но я и так сказал слишком много. Тебе незачем это знать. Соглашайся! Это все.

— Не знаю, — пробормотал Жером Боск и услышал щелчок на другом конце провода.

Позади него кто-то стоял.

— О, простите! — сказал он. — Я заговорился...

Он попытался улыбнуться. Затем пошел вверх по лестнице, хватаясь за перила. Цыпленка принесли, пока его не было. Он был почти совсем холодный.

— Хотите, я отдам его подогреть? — предложила официантка.

— Нет, — ответил он. — Сойдет и так.

Значит, у них нет машины времени, на которой можно путешествовать. Но они открыли новое назначение телефона. Итак, телефон.

Телефонная сеть покрывает всю планету. Ее линии тянутся

вдоль шоссе, бегут рядом с железными дорогами — леса прямоугольных деревьев-опор выросли повсюду. Провода в каучуковых оболочках пролегли по дну океанов и рек. Они образуют плотную и одновременно тонкую, сложную паутину. Нити ее накладываются друг на друга и переплетаются. Сегодня уже никто не в силах нарисовать полную диаграмму мировой телефонной сети. А что будет через десять лет? А через двадцать? Эта сеть, по-видимому, превзойдет по своей сложности даже человеческий мозг.

Жером Боск попытался представить себе темные и прохладные подземелья больших телефонных центров, где в тишине и шорохах неуловимых помех кристаллические полупроводники вылавливают и ориентируют бесчисленные голоса. Эта сеть — по-своему живой организм. Люди все время расширяют ее, тщательно ремонтируют, без конца совершенствуют. Телефонные станции становятся похожими на нервные узлы. Электронные вычислительные машины расчленяют разговоры на мельчайшие фрагменты, чтобы не допустить наложенных сигналов и в то же время до предела заполнить паузы. Так стоит ли удивляться, если телефон окажется способным творить и другие чудеса?

Он вспомнил истории, может быть даже выдуманные, которые он слышал про телефон. О том, что ночью будто бы можно набрать определенный номер и услышать незнакомый голос. И не просто голос, а голоса, анонимные бесплотные голоса, которые обмениваются банальными фразами, или шутками, или игривыми намеками, или такими чудовищными признаниями, на какие не решилось бы ни одно существо, обладающее человеческим лицом или хотя бы именем. Он вспомнил о голосах-призраках, которые будто бы годами блуждают по замкнутому кольцу сети и без конца повторяют одно и то же. Он вспомнил о говорящих часах и о пунктах подслушивания.

Рано или поздно, сказал он себе, любая вещь в мире находит совсем иное применение, чем то, ради которого была первоначально создана. Например, человек. Миллион лет назад он блуждал по лесам, голыми руками собирая плоды, и охотился на зверей. А теперь он строит города, пишет стихи, сбрасывает бомбы и звонит по телефону.

То же самое и с телефоном.

Жером Боск отодвинул тарелку, заказал кофе, выпил его, расплатился и вышел на улицу. Солнце наконец разогнало тучи. Он сделал крюк, чтобы пройти по набережным. Но прогуливаться там стало невозможно с тех пор, как набережными завладели автомашины. Даже рыбаки покинули свои насиженные места.

«Я кружусь на месте,— сказал он себе.— Я знаю здесь каждую улицу наизусть. Я работаю и живу в центре одного из самых чудесных городов в мире, но это меня больше не

радует и не волнует. Этот город больше ничего не говорит моей душе. Мне надо уехать».

Он взглянул на часы. Почти половина третьего. Пора вернуться и взяться за работу, закончить то, что не смог сделать утром. Витрины и даже стены, все те же самые, казались серыми и как бы прозрачными, стертыми до прозрачности от слишком пристальных взглядов. Оставались еще, правда, женщины: смена времен года, случайности переездов, службы или туристских поездок делали их вечно новыми. Но даже с этой точки зрения год выдался скверным. Вот уже больше недели он не встречал по-настоящему красивого лица.

А на Багамских островах Барбара, Наташа, Сибилла и Мерриел плескались в бассейне под снисходительно-довольным взглядом Вильденштейна. «Он прав,— подумал Жером Боск.— Я должен согласиться. Такого случая больше не представится».

Дверь в приемную была приоткрыта. Секретарша явно поджидала его. «Опять кто-то звонил!»— подумал он, и сердце его сжалось.

Она наклонилась к нему:

— У вас посетитель, мсье Боск. Он в кабинете.

Жером Боск замер, стараясь проглотить комок в горле. «Я никого не жду! Кто бы это мог быть? Неужели они смогли физически переместиться во времени? Неужели им неоставало разговоров по телефону?» Перед своей дверью он заколебался, потом взял себя в руки — нет, они могут только звонить, отправлять сквозь время только телефонные сообщения, только голоса — и вошел в кабинет.

Его ждал человек, несколько не похожий на Жерома Боска. Он сидел на углу стола так, что одна его нога раскидывалась на весу, а другая твердо стояла на вытертом ковре. У него было длинное породистое лицо, темные волосы ниспадали до самого воротничка, но были аккуратно подрезаны. Костюм на нем был вроде бы недорогой, однако ткань в крупную клетку и невероятное число карманов — из нагрудного высывался художественно смятый цветной платочек, — а также сверхузки лацканы подчеркивали изысканность покроя. Рубашка у него была в полоску, галстук — в горошек, туфли черные со сложным накладным узором, а носки ярко-красные. Возле правой его руки на столе лежала черная папка из блестящей кожи. Короче, он был англичанином от макушки до кончиков ногтей.

Посетитель встал.

— Мсье Жером Боск?— спросил он.— Весьма рад с вами познакомиться.

Голос у него был интеллигентный, ясный, с легким и, несомненно, британским акцентом. Жером Боск поклонился.

— Фред Харди,— сказал англичанин, протягивая очень длинную холеную руку с коротко обрезанными квадратными

ногтями.— Мсье Вильденштейн позвонил мне, прежде чем заказать разговор с вами. Он выразил желание, чтобы я подготовил все необходимые бумаги.

Фред Харди открыл папку и выложил на стол пачку документов.

— Вот ваш билет на самолет, мсье Боск. Вот специальная виза, которую достаточно просто вложить в ваш паспорт. У вас ведь есть паспорт, не правда ли? В этом пакете пятьдесят фунтов стерлингов в дорожных чеках на предъявителя. Вам достаточно будет поставить свою подпись. Думаю, на дорогу вам хватит. А там мсье Вильденштейн возместит вам все ваши расходы. Это письмо вы предъявите на таможне в Нассо. Губернатор — личный друг мсье Вильденштейна. Вам ни о чем не надо беспокоиться. Возможно, мсье Вильденштейн не окажется в Нассо, но вас кто-нибудь встретит на аэродроме и проводит до острова, принадлежащего мсье Вильденштейну. Разрешите пожелать вам счастливого пути.

— Но я еще не дал согласия!— возразил Жером Боск. Харди вежливо рассмеялся.

— О, конечно, вы все решите сами, мсье Боск. Я все это подготовил на случай вашего согласия.

— Вы быстро справились,— пробормотал Жером Боск, ошеломленно глядя на билет, визу, пачку чеков и рекомендательное письмо.— Вы живете в Париже?

— Я прилетел из Лондона, мсье Боск,— сказал Харди.— Мсье Вильденштейн любит быстроту и действенность. Мсье Вильденштейн порекомендовал мне самому проводить вас до аэропорта. К тому же мой самолет вылетает через полчаса после вашего. Расписание рейсов между Парижем и Лондоном весьма удобно.

Зазвонил телефон справа. Харди сунул папку под мышку.

— Я жду вас в коридоре, мсье Боск. Такси уже внизу. У нас хватит времени на все.

Он широко улыбнулся, обнаружив ряд безукоризненных крупных зубов, и дверь за ним закрылась.

Жером Боск взял трубку.

— Алло,— сказал он.

Никого. Только эхо, как в пещере, как в длинном туннеле. Или как из колодца.

— Алло!— сказал он громче. Ему показалось, что он не услышал своего собственного голоса, что микрофон поглотил его звук, заглушил, уничтожил.

— Из какого времени вы звоните?— неуверенно спросил он.— Что вам нужно?

Он придвинул к себе билеты на самолет, развернул их. Билет на рейс Париж — Нассо через Нью-Йорк и Майами. Билет на обратный рейс. Харди все учел. Здесь и не пахло ловушкой. Чтобы ни случилось, он сможет вернуться. И Харди специально ради него прилетел из Лондона. Значит, Виль-

денштейн позвонил ему в половине одиннадцатого, может быть, даже в одиннадцать. Харди сел на самолет в двенадцать. В час он был в Париже. А без четверти два — в кабинете Жерома Боска. Все предельно просто. Он жил в том мире, где с одного самолета привычно пересекаются на другой, где носят костюмы, с виду неброские, но экстравагантные в действительности, а обувь — сделанную на заказ, где губернаторов запросто приглашают к себе поужинать и где в любое время звонят по телефону в любую часть света. «Нет, я не могу отправить его в Лондон не солоно хлебавши», — сказал себе Жером Боск.

Билет был в салон первого класса. В левом верхнем углу стоял штамп «VIP». Ниже кто-то приписал от руки: «From WDS».

«Особо важное лицо». «От Вильденштейна».

Харди для него в лепешку разбился. «Не могу я ему спокойненько заявить: завтра, может быть, но не сегодня, потому что я, мол, хочу подумать. Он просто рассмеется мне в лицо. Хотя нет, для этого он слишком хорошо воспитан. Он скажет: мсье Вильденштейн будет весьма огорчен, он рассчитывал встретиться с вами завтра утром. Он кивнет, спрячет в свою папку билеты, визу, пятьдесят фунтов стерлингов, письмо к губернатору и вернется в Орли, чтобы дожидаться своего самолета. Сколько сейчас времени? Почти три часа. Через полтора часа самолет взлетит. Париж — Нассо через Нью-Йорк и Майами. Не станут же они задерживать рейс на четверть часа только ради меня!»

— Алло,— сказал Жером Боск в молчащую трубку. Он отпер ящик стола, единственный, который запирался на ключ, приподняв официальные бумаги, выудил из-под них свой паспорт, синюю книжечку, положил его перед собой и раскрыл свободной рукой. Старая фотография, которой уже года три, а то и четыре. В те времена он был даже неплох собой, худощав, остроглаз.

— Алло!— сказал он в последний раз и повесил трубку.

Ладони у него взмокли, пальцы дрожали. «Мне еще не случилось попадать в такой переплет! Не знаю, что делать». Правой рукой он сложил в одну стопку паспорт, билеты, визу, деньги, письмо. Быстро выдвинул большой ящик стола и торопливо сгреб в него карточки, досье, шариковые ручки и коробочку со скрепками.

Харди с улыбкой ожидал его в конце коридора. Он стоял очень прямо, даже не прикасаясь к стене, и небрежно двумя руками держал перед собой папку.

Жером Боск постучал и вошел в приемную.

— Я должен отлучиться на несколько дней, мадам Дюпор,— сказал он секретарше.— Этот господин...

— Значит, все-таки несчастный случай?— перебила она с испуганным видом.

«Что она еще выдумывает?— подумал он.— Но как сказать ей правду? Я не могу сказать, что через час буду сидеть в самолете на пути к Багамским островам».

— Нет,— ответил он вдруг охрипшим голосом.— Это вовсе не несчастный случай, скорее наоборот... Это... личные дела. Меня не будет несколько дней. Пожалуй, вам стоит подыскать себе временную заместительницу. Чтобы... чтобы отвечать на телефонные звонки. А я пришлю вам открытки с видами.

Наконец она решила улыбнуться.

— Счастливого пути, мсье Боск!

Он направился к двери, затем приостановился.

— Если... если кто-нибудь мне позвонит, скажите, что я в отпуске. Я сейчас очень спешу. Короче, вы объясните за меня помощнику директора, ладно?

— Не беспокойтесь, мсье Боск! Счастливого пути.

— Благодарю вас.

В коридоре Харди доставал сигарету из красно-золотой коробки. Постучав мундштуком по замочку папки, он сунул сигарету в рот, из его кармана появилась зажигалка, вспыхнул огонек. Харди глубоко затянулся и, почти не разжимая губ, выпустил тонкую струйку дыма.

— Хотите сигарету, мсье Боск?

— Нет, спасибо. Я... я курю трубку.

Он пощупал карманы, хотя знал, что его вересковой черной трубки там нет — он оставил ее утром дома. Трубка уже имела трещину, и жить ей оставалось, видимо, недолго, но он предпочитал ее другим. И вот забыл. Впрочем, он ее никогда и не брал на службу. Он курил ее только дома, когда писал или читал в тишине и покое своей квартиры при свете всех зажженных ламп.

— Мсье Вильденштейн обрадует ваше решение, мсье Боск. Он будет счастлив с вами познакомиться. Он любит людей, которые решаются быстро и без колебаний. Время дороже всего, не правда ли?

Они спустились по широкой каменной лестнице.

— Может быть, вам нужно кого-нибудь предупредить о своем отъезде, мсье Боск?— осведомился Харди.— Вы сможете позвонить из аэропорта.

Он взглянул на свои часы.

— Мы уже не успеем заехать к вам домой. Впрочем, это и неважно. Мсье Вильденштейн примерно вашего роста и у него богатый гардероб. А если понадобится, вы найдете в Нассо все необходимое. Сам мсье Вильденштейн любит путешествовать без всякого багажа.

Гравий дорожки скрипел у них под ногами.

— У вас во Франции удивительно удобные такси, мсье Боск. Перед отлетом из Лондона я только позвонил, и в Орли меня уже ожидала машина. Это радиофицированные такси,

не правда ли? Наши лондонские такси чересчур старомодны. А в Нью-Йорке страшно трудно договориться с шофером, чтобы он вас подождал. Как вам нравится погода? Чудесный день, не правда ли? А в Лондоне утром шел дождь. В Нассо погода наверняка еще лучше. Но там небо не такое голубое, там нет этого нежного оттенка. Мне бы хотелось поговорить с вами о вашей книге, мсье Боск, но, к великому моему стыду, я еще не успел ее прочесть. Мои знания французского языка слишком несовершенны. Надеюсь, книгу скоро переведут. Уверен, что мсье Вильденштейн вам понравится. Это человек с темпераментом. Или, может быть, по-французски лучше сказать «с характером»?

— А теперь куда, барон?— спросил шофер, когда они уехали на заднее сиденье «ситроена».

— В Орли,— ответил Харди.

— Через Распай или через площадь Италии?

— По бульвару Сен-Жермен, а потом по бульвару Сен-Мишель,— сказал Харди.— Я всегда с удовольствием проезжаю мимо Люксембургского сада.

— Как хотите, но этот путь длиннее.

На бульварах было почти пусто. Светофоры впереди сразу зажигали зеленый свет, словно шофер управлял ими на расстоянии. «Нашей машине,— подумал Жером Боск,— не хватает только флажка да sireны. Впрочем, сирена разорвала бы эту мягкую тишину. Истинное могущество скромно. Ни шумихи, ни багажа. Главное — неприметность. И вместо всех виз и паспортов — одно имя. Этого довольно».

Когда они проезжали мимо Люксембургского сада, радио в машине прерывисто зажужжало. Это был аппарат старого выпуска, с диском, как у телефона. Шофер, не снижая скорости, снял трубку и повесил ее на крючок на уровне уха.

— Слушаю,— сказал он.

Гнусавый голосок пропищал что-то.

Шофер глянул в зеркальце.

— Это вы, мсье Боск?— спросил он.

— Да я,— ответил Жером Боск.

— Вообще это против правил, но кто-то хочет поговорить с вами. Должно быть, важная шишка, если оператор согласился вас соединить. Потому что это не телефонная будка, а такси. Есть разница! Но если уж соединили, берите трубку. Первый раз в жизни вижу такое! А я за рулем уже двадцать лет, так что сами понимаете...

С пересохшим горлом Жером Боск взял трубку. Для этого ему пришлось сильно наклониться вперед и почти лечь грудью на спинку переднего сиденья, потому что шнур был слишком короткий. Он положил подбородок на вытертый бархат обивки и сказал:

— Алло!

— Жером!— послышался голос.—...удалось вас найти...

очень трудно... Никуда не уезжайте, ради всего святого! Произойдет... Не

Помехи. Треск.

— Из какого времени вы звоните?— спросил Жером Боск, стараясь говорить тихо и одновременно твердо.

— Зачем... зачем... зачем?..— простонал голос, дребезжащий, жалобный, плачущий.— Из... завтра... или после... Не знаю.

— Почему я не должен.

Он умолк, боясь, что Фред Харди услышит. «Ведь он специально прилетел из Лондона, чтобы проводить меня до самолета!»

— Несчастный случай,— сказал голос. Теперь он был гораздо ближе, чем все предыдущие разы. Но от того, что он стал отчетливее, этот голос показался Боску еще более усталым и жалким.

— Кто со мной говорит?

— Ввв... вы сами,— прошептал голос одному Жерому Боску.— Я уже...

— Тогда почему вы обращаетесь ко мне на «вы»?— резко спросил Жером Боск.

— Я так далеко... так далеко,— пожаловался голос, словно это что-то объясняло.

Машина прибавила скорость. Они мчались, заезжая на левую сторону шоссе.

Внезапная догадка ошеломила Жерома Боска, как удар по голове.

— Вы... вы больны?— с трудом проговорил он.

Другого он не осмелился сказать. Во всяком случае, не здесь, при шофере, при Фреде Харди.

— Нет, нет, нет,— зарыдал голос.— Не это... не это... хуже. Это ужасно! Не надо... ни в коем... Я... я жду.

— Не надо чего?

— Не надо уезжать,— отчетливо произнес голос и тут же смолк, словно убитый последним, невероятным, отчаянным усилием.

Жером Боск все еще опирался грудью о спинку переднего сиденья. По лбу его струился пот. Трубка выскользнула из руки, дернулась и повисла, раскачиваясь на коротком шнуре, то ударяясь о металл щитка, то задевая колено шофера.

— Вы кончили?— спросил тот.

— Да, кажется,— ответил Жером Боск почти шепотом.

— Ну и хорошо,— сказал шофер и положил трубку на рычаг.

Реактивный самолет пронесся очень низко над шоссе.

— Вы, кажется, нервничаете, мсье Боск,— заметил Фред Харди.

— Нет, ничего,— проговорил Боск.— Это пустяки.

Он думал: «Я еще никуда не улетел. Я могу раздумать.

Сказать, что меня отзывали. Важное, срочное дело. Перенести все на завтра».

— Воздух Нассо пойдет вам на пользу, мсье Боск,— сказал Харди.— Суэта больших городов плохо действует на нервы.

— Куда подъезжать, к «отлету» или «прилету»?— спросил шофер.

— К «отлету»,— ответил Харди.

Машина остановилась у тротуара. Наклонившись вперед, Жером Боск увидел на счетчике трехзначную цифру. Харди расплатился. Стеклопанные двери аэровокзала автоматически распахнулись перед ними. Они миновали очереди у окошек регистрации пассажиров и вошли в маленькую скромную комнату. Жером Боск сунул руку в левый внутренний карман пиджака, туго набитый документами — паспортом, билетами, чеками, визой и письмами. Формальности заняли несколько минут.

— Нет, не сюда,— остановил его Харди, когда Жером Боск направился к большой лестнице. Он подвел его к узкому коридору. Здесь мрамор пола скрывал толстый ковер. Дверь бесшумно скользнула в стену.

— Уже возвращается, мсье Харди?— спросил лифтер.

— Увы, да,— ответил Харди.— Мне никогда не удастся погостить в Париже.

Они очутились в зале наверху.

— У вас достаточно времени, чтобы купить газеты, мсье Боск. Или книгу. До Нассо десять часов полета, включая остановки. Из Лондона есть прямой рейс, но только раз в неделю.

«Я могу отказаться,— подумал Жером Боск.— Поблагодарить, дождаться, когда он улетит в Лондон, пообещать вылететь завтра. Сказать, что кое-что забыл. Из какого времени он мне звонил? Почему он сказал «завтра»? Как он мог звонить мне из завтра? Завтра я буду знать не больше чем сегодня, как звонить из будущего. Кто это был?»

Атмосфера зала ожидания начинала его опьянять.

— Вы не дали мне времени даже захватить плащ,— сказал он.

— А зачем? В Нассо он вам не понадобится. Скорее вам нужен будет легкий костюм. Но там есть превосходные английские портные. Из лучших лондонских ателье.

По ту сторону стеклянной стены пассажиров ожидали гигантские лайнеры. Одни стояли неподвижно, словно оцепенев, другие медленно катились на толстых колесах. Третьи с дальнего конца взлетной полосы, сверкая выхлопами реактивных двигателей, вдруг устремлялись вперед, никак не могли оторваться, а затем так же внезапно круто взмывали в воздух. «Я попал в аквариум. Даже звуки не проникают в эту стеклянную тюрьму. Но там, по другую сторону, в синем

небе — свобода!»

Внимание Жерома Боска отвлекла девушка, появившаяся в зале в двух экземплярах. Двойняшки. Похожи как две капли воды. Длинные локоны медового цвета обрамляли два одинаковых лица, довольно банальных, но удивительно свежих. Ноги у них были длинные и стройные. У каждой на ремне через плечо висела сумочка из красной кожи. «Снимаются в кино или для рекламы», — подумал Жером Боск, искренне удивленный, что его не отделяет от них витрина фотографа, или непреодолимая глубина киноэкрана, или холодный лак журнальной обложки. Писательская фантазия тотчас принялась изобретать рассказ. Историю человека, который влюблен в одну из двойняшек, неважно какую, и не знает, кого выбрать. А или Б? Он избирает А. Вскоре оказывается, что у нее сварливый характер. Он понимает, что должен был жениться на отзывчивой и доброй Б, которая тайно в него влюблена. Что делать? Развестись и жениться на Б? Она никогда не согласится. Она слишком любит свою сестру. И тогда он придумывает способ звонить по телефону сквозь время. В тот день, когда он принял решение, он звонит самому себе. «Женись на Б!» — в отчаянии кричит он своему неуверенному «я» из прошлого. Что предпримет его прошлое «я»? А что, если Б со временем окажется такой же сварливой? «Абсолютный идиотизм», — сказал себе Жером Боск.

— Это сестры Бертольд, — услышал он голос Фреда Харди. — Выдают себя за шведок, но на самом деле они из Австрии, а может быть, из Югославии. Мсье Вильденштейн хотел их использовать. Но они не умеют играть. Ничего не выходит. И никакой индивидуальности. Словно одна — зеркальное отражение другой, и наоборот. В Голливуде Джонатан Крэг утверждал, что у них даже тень одна на двоих. Теперь они будут сниматься в каком-то маленьком французском фильме.

— Вы, наверное, встречаете в аэропортах одних и тех же людей, мсье Харди.

— О нет, но иногда попадаются знакомые лица. Особенно на линии Париж—Лондон—Нью-Йорк. Как в пригородной электричке. Лондон сегодня — это пригород Нью-Йорка, мсье Боск.

— А не опасно летать на самолетах? — неожиданно для себя наивно спросил Жером Боск. В ушах его звучал голос: «Несчастье... Несчастный случай!»

— Разумеется опасно, мсье Боск. Но не более чем ездить на машинах. Есть статистические данные. Я летаю по крайней мере три раза в неделю. А мсье Вильденштейн является членом Клуба миллионеров. Вы, наверное, слышали? Это значит, что он налетал больше миллиона километров. И ни одного несчастного случая. Вы летали на самолете, мсье Боск?

— Летал, — ответил Жером Боск, вдруг устыдившись

собственного малодушия.— Два или три раза в Лондон, один раз в Тунис, один раз в Нью-Йорк. Кроме того, в Берлин и Ниццу... Но я не переносу взлет и посадку.

Ему захотелось рассказать, как в Алжире во время войны он видел горящий вертолет. В нескольких метрах над землей аппарат повис, словно огромная муха, потом вдруг неизвестно почему закачался, резко нырнул и опрокинулся. Пламя было, как при вспышке магния. И никакого взрыва, только густой черный дым и огонь, и вой пожарных сирен, и снежный саван пены из огнетушителей над жалким холмиком чуть больше метра высотой — один лишь мотор и остался от этого вертолета.

— Погода прекрасная, мсье Боск,— сказал Фред Харди.— Вы долетите великолепно. Смотрите, ваш рейс уже объявили.

Жером Боск повернулся к светящемуся панно, поискал глазами и прочел: «Рейс 713. Боинг, Париж — Нью-Йорк — Майами — Нассо, зал 32».

— У нас достаточно времени,— успокоил его Харди.— Право, вам стоит купить газеты, книгу, трубку, табак. Или вы предпочитаете в полете поразмышлять? В самолетах так хорошо думается, никто не мешает.

Взгляд Жерома Боска скользнул на две строчки ниже: «Париж — Лондон, Эр Франс, рейс А, зал 57. Рейс Б, зал 58».

— Это ваши рейсы?

Фред Харди посмотрел на панно.

— Хм, их, оказывается, два!

— На каком самолете вы полетите?— спросил вдруг Жером Боск.

— Это не имеет значения,— сказал Харди.— Если на рейс А не будет мест, меня посадят на рейс Б. Насколько я знаю, они прибывают одновременно. «Но если с самолетом рейса Б что-нибудь случится,— подумал Жером Боск,— может быть, стоит потребовать место на рейс А? Впрочем, с математической точки зрения шансы равны. Как тут выбирать?»

— Вас спрашивают,— сказал Фред Харди.

— Меня? Кто?

— Вызывают по радио,— сказал Харди.— Может быть, мсье Вильденштейн?

Он улыбнулся, легко держа сигарету пальцами, элегантный, безупречно одетый, с черной папкой, лежащей рядом на ручке кресла.

Радио молчало. Затем:

— Мсье Жерома Боска просят зайти в приемную аэропорта,— произнес какой-то бесполой и вместе с тем женский голос, вернее, ангельский, слишком серьезный, слишком мягкий, слишком спокойный.

— Наверное, вас просят к телефону,— сказал Фред Харди.— Вот сюда. Прямо. Хотите, я куплю вам газеты? Может быть, трубку? Пенковую или вересковую? Какой табак вы

предпочитаете, мсье Боск? Голландский или данхилл?

Но ошеломленный Жером Боск уже уходил, спотыкаясь. Чересчур много шума. Чересчур много лиц. Как бы не заблудиться. Где же это? Таблички на дверях. Вот приемная.

Он уцепился за стойку, как утопающий. Он понял. Эта мысль только что пришла ему в голову. До сих пор она металась, как рыбка в закрытом аквариуме. В круглом аквариуме. Теперь он понял. Он верил всему.

— Я Жером Боск,— сказал он улыбающейся женщине в сером берете, лихо надвинутым на лоб. Глаза у нее были неестественно большие, густо подмазанные черной краской, и зубы тоже неестественно крупные.

— Меня только что вызывали,— нервно пояснил Жером Боск.— Я Жером Боск.

— Да, конечно, мсье Боск. Минуточку, мсье Боск.

Она нажала невидимую кнопку, сказала что-то, выслушала ответ.

— Вас к телефону, мсье Боск. Третья кабина. Нет, не сюда. Кабина налево.

Дверь закрылась за ним автоматически. Стало тихо. Рев самолетов сюда не доходил. Он снял трубку и, не дожидаясь ответа, сказал:

— Я не хочу лететь.

— Ты не можешь теперь отступить,— сказал голос левого телефона, голос твердый и решительный.

— Тот другой,— сказал Жером Боск,— он звонит не из твоего будущего. Он звонит из другого будущего. С ним что-то случилось. Он сел на самолет, и произошла катастрофа, и он...

— Ты сошел с ума!— сказал твердый голос.— Ты просто боишься лететь и выдумываешь бог знает что. Я тебя хорошо знаю, представь себе.

— Может быть, я выдумываю и тебя тоже?— сказал Жером Боск.

— Послушай, мне и так еле удалось до тебя дозвониться. Я знал, что ты снова начнешь колебаться. Но я не хочу, чтобы ты упустил эту возможность.

— Если я не полечу,— сказал Жером Боск,— ты не будешь существовать. Вот поэтому ты и настаиваешь.

— Ну и что? Ведь я — это ты, не так ли? Я тебе все рассказал. Ибица. Акапулько. Все время можно писать. И Барбара. Боже мой, я не должен тебе этого говорить, но ты женишься на Барбаре. Не можешь же ты от нее отказаться! Ты ее любишь.

— Я с ней еще незнаком,— сказал Жером Боск.

— Скоро познакомишься. Она будет от тебя без ума. Но не все сразу. Десять лет, Жером, у тебя впереди больше десяти лет счастья! Она будет играть во всех твоих фильмах. Ты будешь знаменит.

— Дай мне подумать,— взмолился Жером Боск.

Жером Боск взглянул на свои часы.

— Десять минут пятого.

— Тебе пора в самолет.

— Но как быть с другим голосом, который мне звонил неизвестно откуда? Он просил не улетать. Другое будущее, другая вероятность. Он говорил, что звонит из завтрашнего дня.

— Другое будущее?— неуверенно переспросил голос.— Но весь я уже в будущем, не так ли? Я сел на этот самолет и ничего со мной не случилось. Я летал на самолетах сотни раз. Теперь я член Клуба миллионеров. Ты знаешь, что это такое? И ни одной катастрофы.

— Тот, другой, попал в катастрофу,— упрямо сказал Жером Боск.

Тишина. Потрескивание. Какой-нибудь рачок грызет кабель где-нибудь на дне океана.

— Предположим,— сказал голос,— есть какой-то риск. Но почему не рискнуть? Посмотри на статистику. Девяносто девять шансов из ста за то, что ты долетишь благополучно. Даже больше! Девяносто...

— Почему я должен верить тебе?— прервал Жером Боск.

— Почему не другому?

— ...шансов из двух...

— Алло!— сказал Жером Боск.— Я тебя плохо слышу.

— Но даже если бы оставался один шанс из двух,— теперь голос уже кричал, однако становился все тише, уходил все дальше, словно человек надрывался в наглухо закрытой удаляющейся автомашине,— даже тогда ты должен рискнуть. Ты ведь не хочешь всю жизнь корпеть в своей конторе?

— Нет,— признался Жером Боск, сдаваясь.

Голос ослабевал, уходил, словно тот, на другом конце, погружался в глубину, в путаницу водорослей, уходил в бесконечный лабиринт телефонной сети.

— Торопись!— пропищал он, как комар.— Ты опоздаешь на самолет.

Шелчок.

— Алло! Алло!— крикнул Жером Боск.

Тишина. Аппарат молчал. Он взглянул на часы: шестнадцать пятнадцать. «Подожду еще минуту-другую. Харди, наверное, думает, куда я пропал. Я опоздаю на самолет. А может, не улетать?»— спросил себя Жером Боск.

— Уже пора,— с улыбкой сказал Фред Харди.— Я купил вам папку. И пенковую трубку. Мсье Вильденштейн предпочитает пенковые трубки, потому что их не надо — как это вы говорите?— обкуривать. Три пачки табаку. Здесь «Монд», «Фигаро», «Нью-Йорк таймс», «Пари-матч», «Плейбой» и последний номер «Фантастики». Кажется, вы печатаете ваши рассказы в этом журнале? Еще я купил вам зубную щетку.

Времени у вас в обрез. Нет, вот сюда!

Полицейский улыбнулся Фреду Харди и махнул рукой. Таможенник не задержал их.

— Скажите господину Вильденштейну, что в Лондоне все идет хорошо, мсье Боск. Я позвоню ему завтра. Нет, мсье Боск, сюда.

Из репродукторов лилась мягкая нежная музыка.

Они быстро шли по бесконечно длинному коридору, упиравшемуся в большое зеркало, как бы навстречу своим отражениям. Но не столкнулись с ними. Фред Харди, крепко взяв Жерома Боска за локоть, заставил его сделать поворот направо, и они спустились вниз по маленькому эскалатору.

Зал ожидания был разделен на две части. Справа — очередь пассажиров. Жером Боск хотел в нее встать. Но Фред Харди потянул его к другой двери. У нее почти никого не было. Только какой-то мужчина в сером костюме с каменным лицом, с черным портфелем из сверкающей кожи и женщина, очень высокая и очень красивая, с длинными платиновыми волосами, ниспадающими на обнаженные плечи. Она ни на кого не смотрела.

Оставалось пройти еще одну дверь.

«Я не хочу лететь, — подумал Жером Боск, бледнея. — Притворюсь, что мне плохо или что у меня свидание, о котором я забыл, или что я должен взять с собой рукопись. Нет, я им ничего не скажу. Не могут же они меня заставить! Не могут увести силой!»

— Возьмите, — сказал Фред Харди, протягивая ему папку. — Желаю вам счастливого перелета. С удовольствием полетел бы вместе с вами, но в Лондоне меня ждут дела. Может быть, я тоже выберусь на Багамы в конце месяца. Весьма рад был с вами познакомиться, мсье Боск.

Дверь открылась. Вошла стюардесса, улыбнулась своим трем пассажирам первого класса. Взяла их красные билеты и сделала приглашающий жест:

— Пожалуйста, проходите. Прошу занять места в автокаре.

Прощайте, мсье Харди, — сказал Жером Боск, выходя на поле.

В вагончике автокара, где сидит Жером Боск, почти пусто. Автокар медленно катится по гладкому бетону, маршрут его сложен и извилист, хотя никаких указателей вроде бы нет. Жером Боск не чувствует ничего, даже легкого возбуждения, которое вызывает любая поездка. Он думает, что теперь-то его уже никто не достанет по телефону, но в этом он ошибается. Он думает, что никто больше не попытается повлиять на его поступки, потому что это уже не имеет значения, уже слишком поздно. Автокар останавливается. Жером Боск сходит на

бетон, и автокар тотчас уезжает за пассажирами второго класса. Он поднимается по передвижному трапу, придвинутому к носу самолета. Войдя в салон первого класса, он останавливается в нерешительности. Его проводят к креслу возле иллюминатора перед самым крылом самолета, и он покорно следует за стюардессой. Под ее бдительным взглядом он застегивает страхующие ремни. Позади он слышит топот ног и голоса пассажиров второго класса, которые занимают свои места. Он видит, как стюардесса направляется к кабине летчиков, исчезает там на мгновение, возвращается, берет в руки микрофон. Он слышит, как она приветствует пассажиров на трех языках, просит их погасить сигареты и проверить ремни. Зажигается табличка, повторяющая ее инструкции. Ему предлагают поднос с леденцами. Он берет один, покислее. Он знает, что это всего лишь дань традиции, потому что самолеты герметичны и его барабанные перепонки не пострадают, даже если он не будет сглатывать слюну; к тому же он проглотит свой леденец еще до окончания взлета. Самолет трогается с места. Жерому Боску кажется, что он видит за стеклянной дверью уже далекого аэровокзала высокий, элегантный силуэт Фреда Харди. Самолет останавливается. Моторы ревут, и самолет без предупреждения устремляется вперед, прижимая Жерома Боска к спинке кресла. Он пытается заглянуть в иллюминатор. Самолет уже в воздухе. Толчок снизу — это шасси спрятались в свои гнезда.

Жером Боск переводит дыхание. Ничего с ним не случится. Ему протягивают газету, утренний выпуск, машинально он открывает ее на экономическом разделе, и взгляд его останавливается на маленькой метеорологической карте. Он откладывает газету. Открывает молнию на папке, ищет и находит там трубку, разглядывает ее — высшего качества! — набивает и раскуривает. Ему подают виски. Он плывет над облаками. Интересно, может быть, в складках этих облачных гор тоже возникают и развиваются эфемерные миры с их историей и культурой. Ему кажется, что он уже забыл все телефонные звонки. Он пробует представить себе Багамы, Нассо. И постепенно свыкается с мыслью, что он уже летит. Он начинает обживать свое место, свой салон. Пробует, как откидывается кресло. Раздумывает над относительной вероятностью своих двух будущих. Ему кажется, но в этом он не уверен, что голос слева, отчетливый и твердый, голос Ибицы, Акапулько, Барбары, от разговора к разговору все время удалялся, становился все менее разборчивым, в то время как тот, другой, приближался и становился яснее. Все дело в телефонной сети. Ему приносят ужин. Предлагают шампанское. Он разглядывает стюардессу, которая, проходя мимо его кресла, каждый раз улыбается. Снова просит шампанского. Пьет кофе. И засыпает.

Когда он просыпается — который же теперь час? — само-

лет летит над океаном и в небе вокруг ни единого облачка. Жерому Боску ничего не снилось или он просто не может вспомнить свои сны. Глядя на воду внизу, он испытывает дурацкое сожаление, что не захватил плавок. Впрочем, у мсье Вильденштейна наверняка дюжина плавок. Наконец Жером Боск соображает, что стюардесса обращается к нему. Она протягивает ему голубой листок, свернутый по-особому, как телеграмма. Вид у нее удивленный.

— Это вам, мсье Боск. Радист извиняется, но ему удалось разобрать лишь несколько слов. Вокруг полно статических разрядов. Он просил подтверждения, но ничего не добился.

Жером Боск разворачивает листок и читает всего два слова, нацарапанных шариковой ручкой: «До скорого...»

«Вильденштейн», — думает он. Но он в этом не уверен.

— Пожалуйста, — просит он, — пожалуйста, вы не можете спросить у радиста, на что был похож голос?

— Я узнаю, — говорит стюардесса, удаляется, исчезает в кабине пилотов и вскоре возвращается.

— Мсье Боск, — говорит она, — радист не может как следует описать голос. Он просит его извинить. Он говорит, что передача шла с очень близкого расстояния, сигнал был очень мощным и, несмотря на помехи, ему кажется, что, кроме этих слов, ничего не было передано. Он еще раз затребовал подтверждение.

— Благодарю вас.

Жером Боск видит, как стюардесса отходит, берет микрофон и, набрав воздуха, произносит глубоким нежным голосом:

— Дамы и господа, прошу внимания! Мы входим в зону воздушных возмущений. Пожалуйста, погасите сигары и застегните ваши пояса. Леди и джентльмены, пожалуйста, застегните ваши пояса, — повторяет она по-английски.

Жером Боск больше не слушает. Сквозь иллюминатор он видит в глубине только что ясного неба почти черную тучку, воздух темнеет и завихряется над ней, и самолет летит прямо туда. Прямо в зрачок небесного синего ока — расширяющийся и черный, черный, черный...

ИОНА

Он был рожден героем, но душа его была полна горечи. Живи он на двести пятьдесят лет раньше, он бы гасил горящие нефтяные фонтаны, укрощал диких лошадей, пилотировал нелепые конструкции из ткани и деревяшек, осваивая дооблачные выси. Но он появился на свет и вырос в космосе, где нет силы тяжести, а потому его рост достигал двух с половиной метров и весил он не более пятидесяти килограммов. Кости его были хрупки, как стекло, а пальцы — нежны, как стебельки цветов. Попади он на Землю, ему даже не удалось бы отогнать от лица назойливую муху. Своим видом он напоминал длинноногого комара и, как комар избегает ветра, избегал тех мест, где действуют страшные силы гравитации. Вот почему он замкнулся в горьком одиночестве. Его не спасало даже всеобщее уважение. Звали этого человека Ришар Мекá. Сейчас шло совещание, и он предчувствовал, что ему снова придется, соперничая с Геркулесом, укрощать чудовище.

Он парил чуть в стороне от длинного стола в сферическом конференц-зале. Не спасали даже асбостальные стены — каждым своим нервом он ощущал окружающее пространство и чудовищную губчатую массу взбесившегося биоскона. Он не слышал слов, которые произносили три беспомощных человека, прижатые ремнями к креслам и жадно втягивающие дым сигар, словно им не хватало воздуха. Его мысли были заняты биосконом и шансами на успех операции.

Три лягушки. Три планетянина. Он притворялся, что прислушивается к их словам. Но они уже который час твердили одно и то же. Черты лица у них заострились от напряжения и усталости, а утомленный Мека забыл их имена. Сердца

Печатается по изд.: Клейн Ж. Иона: В сб. Звездный гамбит / Пер. с фр.— М.: Мир, 1985. Пер. изд.: Klein G. Jonas: в сб. Klein G. La loi du talion.— Paris: Robert Laffont, 1976.

© перевод на русский язык, «Мир», 1985

этих людей леденит ужас. Один из них то и дело возвращался к мысли о трех планетах и двух миллиардах их жителей, за судьбу которых отвечал. Наверное, впервые в жизни он не мог укрыться за безликой статистикой цифр, ведь биоскон угрожал каждому из этих двух миллиардов. Перед его мысленным зором неизменно вставали одни и те же картины — планеты, лица людей, снова планеты, похожие на прыгающие на волнах пробковые буи, опять лица людей, сливающиеся в одно огромное лицо, которое сгорало в мгновение ока, не успев послать проклятия биоскону. Второй считал и пересчитывал мертвых — их было уже двадцать пять тысяч на одной чаше весов, а на другую он клал удлиненную, почти грациозную, если забыть о размерах, громаду губчатой плоти и гору денег — ведь биоскон стоил баснословно дорого. Третий был творцом биоскона, вернее, тот вышел из чрева его лаборатории. На этот раз что-то не сработало. Человек искренне переживал неудачу и хотел предотвратить грядущую катастрофу. Следовало выяснить, что отказало в тонкой и невероятно сложной механике биоскона.

Перед Мека стояла иная проблема. Биоскон интересовал Мека не потому, что он кого-то уже уничтожил и мог уничтожить еще, не потому, что его волновала причина отказа системы. Главное для Ришара Мека было понять биоскон.

— Боюсь, вы не справитесь,— процедил представитель трех планет.— Лучше его прикончить.

Ришар вздрогнул и медленно, словно рассекал теплую воду, отвел руку.

— Думайте потише. Он может услышать.

Его дело было предупредить, хотя Мека знал, что помещение надежно изолировано и даже обрывок мысли не может просочиться сквозь асбосталь — удивительное вещество, защищающее от огня и видений, вещество, которое отражало неощутимый телепатический поток, плотной вставало на пути яростных мыслей и лукавых вихрей подсознания. Биоскон, несмотря на тончайший телепатический слух, не мог ничего услышать.

— Мы зашли в тупик,— произнес ученый.— Не знаю, как выбраться из него без вашей помощи.

Мека кивнул. У него была удлинённая голова с плоским лицом, на котором светились два неправдоподобно громадных глаза.

— Вы правы. Он находится слишком близко. Вам не удастся его уничтожить, не нарушив равновесия всей системы. И у вас нет времени на эвакуацию двух миллиардов человеческих существ.

Транспортник вспомнил о двадцати пяти тысячах погибших и выплюнул огрызок сигары.

— Нам надо выяснить, что с ним произошло. Иначе придется прикрыть лавочку. Мы не вправе терять груз и сложа

руки ждать, когда это повторится.

— Один голос за уничтожение. Два — за сохранение, — подвел итог Мека. — Вы отдаете его мне.

Представитель трех планет вздрогнул и заерзал в кресле, хотя был крепко-накрепко пристегнут к нему ремнями.

— Минуточку, — воскликнул он. — Единогласия нет. Просто большинства мало.

Он отвернулся, чтобы не встретиться с испытующим взглядом чуть выпуклых глаз Мека.

— Если бы вам удалось увести его подальше от системы...

— У меня нет полной уверенности, — сказал Мека. — Но я готов рискнуть.

Он закрыл глаза. «Я готов встретиться с биосконом, дать ему проглотить себя, чтобы проникнуть в его сумрачное чрево. Я готов затеряться в лабиринте его безграничной глупости, в этой чудовищной и необъятной массе, пытаюсь на ощупь отыскать лопнувшие нити. Я готов вступить в бой с драконом и увести его от стен города. Мне страшно, но я попытаюсь укротить биоскон».

— Можно ли надеяться на успех там, где потерпел крах вожак?

— Никто не знает, что произошло, — возразил ученый. — Мне кажется, вины вожака здесь нет. Мы подобрали лучшую команду транспортников с большим опытом межзвездных перелетов. Почувствуй они неладное, непременно связались бы с нами. Нет, бунт явился полной неожиданностью. У них не было никакой возможности вернуть себе управление.

— Уж не хотите ли вы сказать, что биоскон действовал по собственной воле?

— Чего не знаю, того не знаю, — ответил ученый, — но очень хотел бы знать. Вот почему я настаиваю на том, чтобы Мека совершил попытку. Если он не возражает, конечно. Сам я в пасть к этому чудовищу не сунусь и против воли никого не пошлю. Но, если Мека согласится, я готов уплатить треть вознаграждения вне зависимости от общей суммы и шанса на возврат биоскона в строй.

Транспортник одобрительно кивнул.

— Я готов поступить так же. Мека с его особым талантом уже обработал для нас двадцать три снарка. Он добивался успеха там, где были бессильны команды из пяти-шести отменно подготовленных людей. Однако сейчас мы столкнулись с особым случаем. Обычно остаточное излучение на расстоянии ощущается очень слабо, а то и вовсе отсутствует. А тут оно настолько мощно, что мы могли бы воспринимать его, не имея эта комната асбостальной защиты. Это значит, что биосконом управляет нечто иное, а не вожак, и это нечто ведет себя непредсказуемо. Именно с ним придется вступить в борьбу Мека, если он согласится пойти на риск.

Представитель трех планет пожал плечами и поднял глаза на Ришара. Он едва владел собой.

— Эта парочка рассуждает так, словно им безразлична жизнь двух миллиардов человеческих существ. Ответьте мне откровенно. У вас были неудачи?

— Случались.

— Опасность была велика?

— Как видите, я жив.

— Знать бы, сколько времени он будет сохранять спокойствие.

— Этого знать никому не дано,— ответил Мека.— Он и сам этого не знает. Как не знаете и вы, какое решение примете.

В его голосе не было ни ноты горечи или усталости, хотя ночь была долгой и трудной, а к согласию они так и не пришли. Голос звучал даже равнодушно, словно все это мало касалось его.

Согласно официальной терминологии, снарком был биоскон, вышедший из-под контроля вожака. Название было почерпнуто из небезызвестного произведения Льюиса Кэрролла, о чем мало кто подозревал. Теперь снарк стал синонимом чудовищной, разрушительной и неконтролируемой силы. Слово обрело новый конкретный и страшный смысл — иной, чем в любом поэтическом произведении, как, впрочем, и термин «вожак», под которым подразумевалась команда биоскона. В нее входило не менее семи и не более одиннадцати человек. Число их выбиралось по принципу абсолютного единства группы. Когда людей было больше, возникали симпатии и антипатии, что приводило к распаду группы, призванной жить, мыслить и действовать как единое целое. Будь их меньше, в группе возникли бы «течения», характерные для человеческих взаимоотношений. Предпочтительно было иметь нечетное число членов, но абсолютного правила из этого не делали. В обычной ситуации вожак воплощал волю и разум биоскона.

— А если он вас отринет?— спросил тот, на чьих плечах лежало бремя ответственности за два миллиарда жизней.— Вдруг он взбунтуется, когда вы проникнете внутрь, и ваше присутствие спровоцирует кризис?

— Я иду на риск,— ответил Мека, разглядывая свои узкие ладони с пальцами (всякому они показались бы чрезмерно длинными), которые росли как бы из запястья.— Я первым испытаю все на себе.

Вопрос прозвучал уже в четвертый раз, его собеседники явно стремились выжать из него слова, которые вселили бы в них хоть какую-то надежду на успех. Они хотели принять обоснованное, как они говорили, решение. Но он повторял одно и то же. И над ними по-прежнему висела необходимость принять решение с завязанными глазами. В каждом слове

они искали скрытый смысл, надеясь выявить обстановку и избежать необходимости выбора. Но все их усилия оказывались тщетными, и разговор скатывался к оплате услуг Мека.

Он запросил чудовищную сумму. Про Мека говорили, что он невероятно жаден. Но те, кто твердил об этом, забывали, чего стоит в космосе кубический метр воздуха, клочок газона, три цветка или аквариум с золотыми рыбками — ведь на Земле цена этому сущие пустяки.

Старая как мир проблема. Когда он отрывисто называл сумму, голос его звучал сухо — Мека не любил затрагивать эту тему.

— А в случае неудачи?

— Выплатить гонорар моим наследникам.

— Но у вас нет детей.

— Вы считаете, что наследников только рожают? Я беру их сам. Немногие могут похвастать такой возможностью.

Все снова замолчали.

— Тщательно взвесьте свои возможности и честно назовите вероятность успеха.

— Один шанс на миллион, что он вернется на стезю логики. Один шанс из ста, что удастся отвести его за пределы системы. Но, прежде чем дать согласие, я должен снова прислушаться к нему.

— Отправляйтесь, но, бога ради, возвращайтесь поскорей.

Он снова вышел в открытый космос. Здесь его рост не был ему помехой, а узким ладоням с длинными пальцами он нашел превосходное применение. Он вытягивал их, словно антенны, в направлении звезд и производил нужные замеры. Космос был его стихией, здесь он забывал о своем росте — в бесконечном пространстве нет ни размеров, ни веса. Звезды походят на диковинные плоды ночного дерева, а туманности гроздьями плавают по ту сторону бездонной пропасти.

Он покинул укрытие из асбостали и постарался подавить в себе все мысли, которые могли бы пробудить дремлющую психику снарка. На мгновение космос предстал перед ним пустотой, населенной пляшущими огоньками, затем вступила в свои права ночь, его подхватил безмолвный и яростный внутренний вихрь, тропическая буря, он машинально закрыл глаза и попытался отключиться. Физическое успокоение пришло сразу, но разум не покидали неуверенность и сомнения.

Ришар не мог разглядеть снарка за восемьдесят миллионов километров, но он ощутил первую резкую волну, исходившую от него. Отогнав все собственные мысли, Мека стал по капле впускать в себя непереносимую ненависть и мстительность биоскона, в этих ненависти и мстительности

можно было утонуть и раствориться навсегда. Он раздробил и затормозил поток энергии, грозящий обернуться потоком.

Черная буря с кровавыми сполохами. Рушащийся на голову горный кряж. И безудержный напор.

Такое излучение исходило от снарка. Укротить его было не легче, чем заткнуть кратер огнедышащего вулкана винной пробкой или погасить звездное пламя бутылкой содовой. Но мало-помалу Мека начал разбираться в бешеных водоворотах, нащупывая источник хаоса. Мека полагал, что кризисы у биосконов возникают из-за ошибок вожака; чаще всего они отражали напряжение, возникавшее между членами команды, а иногда и внутренний разлад одного из них — невроз усиливался биосконом рефлекторно и завершался срывом. Биосконом с его колоссальной энергией управлял только вожак. Биоскон не мог отделить в нем сознательное от подсознательного, распознать правильное, нужное и отбросить второстепенное, наносное. Мека любил сравнивать вожака с наездником на лошади, когда он, слившись в одно целое с животным, передает ему свой подспудный страх. Он не подозревает о нем, но лошадь воспринимает состояние человека, хотя язык чувств лишен символов.

Кризис у биоскона и сейчас был вызван ошибкой вожака. Но в данном случае явление имело свои особенности. Прежде, когда снарк убивал вожака, его излучение слабело и быстро сходило на нет. Он сохранял лишь смутные воспоминания о клубке впечатлений, эмоций, суждений вожака, подобные следу на песке или мокрой глине, который стирают ветер и вода. Восстановив связь с таким биосконом и стерев его чувство вины за смерть вожака, а иногда и пассажиров, можно было вернуть его в строй. Это было непросто и рискованно, но возможно, ибо источник расстройства системы был человек.

Сейчас все происходило иначе. Колоссальная энергия излучения предполагала, что безграничные, по человеческим меркам, ресурсы биоскона находятся под чьим-то контролем. Машина, словно разом, научилась управлять сама собой, восприняла и усвоила логику поведения, смысл работы и природу сомнений вожака. В это было трудно поверить.

Хотя, строго говоря, биоскон не был машиной. «А если допустить, — подумал Мека, — что он обладает какой-то формой сознания, пусть даже зачаточной? Или утратил разум вожак, разбившись на сообщество индивидуумов, потерявших единство?». Безумие ведет к одиночеству. Какой бы глубокой ни была интеграция команды, ей не устоять против безумия — точно так буря, исподволь перетирает веревки, связывающие плот, и бревна расплываются в разные стороны.

А может быть, биосконом завладел иной, пришлый разум и пытается раскрыть его тайны? Это было бы ужасно.

Мека поглядел на звезды, и ему показалось, что он падает в бездны вселенной, сгребая по пути своими длинными-длинными пальцами окрестные светила. Нет, маловероятный пришелец не мог свалиться ниоткуда, этот сектор пространства был слишком хорошо изучен и слишком хорошо охранялся, чтобы кто-либо мог приблизиться незамеченным. «А кроме того, мы нигде и никогда,— почти с отчаянием подумал Мека,— не встретили разум, равный нашему или сходный с ним. Биоскон — продолжение человека. Несмотря на форму и размеры, все в нем от него. Чуждый разум не мог бы им овладеть».

Конечно, ничтожная вероятность существовала. И тогда на столь странном поле битвы, как чрево снарка, его, если он рискнет взяться за дело, ждет встреча с двойником человека, маловероятным двойником из другой вечности.

Он отогнал посторонние мысли и сразу ощутил исходящие от снарка волны ужаса и жажды всеразрушения, слившиеся в одну хаотическую симфонию насилия. Быть может, Мека было легче, чем другим, не терять самообладания, ведь для него не существовало понятий верха и низа, левого и правого. Только он мог решиться на исследование всего калейдоскопа впечатлений, позволить себе распасться на крошечные точки света, пляшущие на темных волнах. Даже самый опытный из команды вожака не справился бы с тем, что хотели поручить ему,— безопасней было заглянуть незащищенным глазом в сердце звезды.

Мека отбросил мысль о пришельце. Во все века на инопланетян валили все неведомое и опасное, хотя и то и другое имело земное происхождение. Самая достоверная гипотеза лежала в пределах немыслимого. Снарк осознал себя как личность и, естественно, счел врагом вожака, который безуспешно пытался подчинить его своей воле, а двадцать пять тысяч спящих пассажиров, которые черпали энергию из его запасов, были восприняты снарком как паразиты. По логике вещей он был обязан их уничтожить.

Противником Мека будет сам снарк.

Чудовище исходило бешеной слюной, словно скованный цепями волк, но в этом волке было весу около пятисот миллионов тонн. И его лесом был звездный простор.

«Почему идти на него должен именно я?»— спросил себя Мека. Прикрыв глаза и отключившись от волчьего воя, он плыл в пустоте, стараясь направить свой разум только на одно.

Портреты. Тысячи, если не миллионы, лиц проходили перед глазами Ришара Мека. Картины. Старинные пожелтевшие фотографии, современные цветные трехмерные изображения. Глаза, носы, рты, волосы. Лица. Всех и каждого. Чьи-

то лица. Огромная толпа самых разных лиц с одним общим взглядом, с одной общей улыбкой.

«Я, Ришар Мека, коллекционирую портреты. Мне невыносим вид толпы, но в моих архивах спит целый народ, и каждое лицо занесено в каталог. Мне трудно разговаривать с живыми людьми, но я жадно ловлю их взгляды, всматриваясь в экран.

Целая свора агентов на всех мирах добывает мне портреты людей. Самые разные портреты. С удостоверений личности, с паспортов, из газет, у фотографов, в музеях, в архивах. На некоторых планетах они платят бешеные деньги тем, кто соглашается позировать для объемной фотографии.

Мне не нужны имена этих людей. Лица сменяют одно другое, накладываются друг на друга, сливаются в одно. Кто они? Не важно. Когда-то мне снились толпы. Пятнадцать человек в космосе уже толпа. Далекие от меня толпы, лица, выхваченные снимком в кафе, на улице, в транспорте. Немые лица. Я не выношу толп. У меня к ним идиосинкразия. Но мне нужны лица людей, составляющих толпу.

Они нужны мне здесь, среди полного безмолвия.

Есть у меня и записи голосов. Их чуть меньше, чем лиц. Спокойные, резкие, блеющие, хриплые, пронзительные, уверенные, детские, невыразительные, хорошо поставленные, низкие, молодые, старческие, часто укрытые завесой неизвестных языков.

Голоса и лица. Я смотрю или слушаю, иногда и смотрю и слушаю одновременно. Я устанавливаю связь между ними. Я читаю скрытые мысли по губам. Застыв в неподвижности, лавирую среди континентов запечатленной плоти, а на востоке сияют созвездия глаз.

Я дарю жизнь этим лицам. Я дарю им историю. И если из невероятных далей явится неизвестная нам раса, моя фототека познакомит ее почти со всем человечеством».

Среди этого скопища лиц он выбирал себе наследников и иногда менял их. Его агентам часто приходилось месяцами устанавливать имя того или иного человека. Наследники не знали об этом. Когда он умрет, люди, которые, может, никогда и не слыхали о нем, получают в наследство сказочные суммы. Чтобы иметь наследников, не обязательно обзаводиться детьми. Он сам не знал, чем вызвано такое решение. Девушка или молодая женщина со светлыми волосами — легкие тени под глазами, блеск мелких чуть неровных зубов за приоткрытыми губами; мужчина без возраста — черты лица выдают азиатское происхождение; красавица с орлиным профилем и презрительно поджатым ртом; круглолицый смеющийся парень; девушка с резкими, почти суровыми чертами лица в ореоле седых волос, похожих на шлем...

Одни наследники умирали, а он не знал об этом — его мало интересовали их имена в жизни. Зато другие в полном

неведении достигнут будущего, двери в которое однажды закроются перед ним.

Он открыл глаза и посмотрел в направлении снарка. И, хотя ничто, кроме пространства, не разделяло их, он не увидел ничего, даже слабого голубоватого сияния, которое, словно пена, окружает биоскон в движении. Расстояние скрадывало громаду снарка, но не защищало от его гнева. Мека рискнул полностью раскрыться, пытаясь уловить остаточное воздействие вожака, отчаянно и безуспешно надеясь, что и на этот раз ошибку допустили люди, хотя этому противоречило невероятно мощное телепатическое излучение. Прежде на таком расстоянии он ощущал лишь одиночество и безмолвие и подбирался вплотную к левиафану, чтобы поймать едва уловимое воспоминание, затерянное среди команд и программ биоскона. Оно было подобно нежному шепоту в гуле энергетической установки.

Но сейчас он не мог уловить ничего, что способно было обнаружить ошибку вожака. Он обратил на это внимание сразу, но хотел удостовериться в правильности своего ощущения. Вожак ничем не мог помочь. Биоскон раздавил и усвоил его одновременно с двадцатью пятью тысячами пассажиров. Их плоть стала отныне его плотью. И стремления, и конфликты вожака, если они и были, растаяли навсегда. А снарк остался. Более того, он буйствовал в пространстве, пытаясь разорвать невидимые цепи, которые все еще удерживали его и которые, как считал Мека, возникли в момент, когда проявилась индивидуальность снарка.

«Что ему нужно?— спрашивал Мека, думая о снарке, хотя подобная мысль была почти столь же нелепой, как и предположение, что у двигателя могут быть свои желания. Хотя не совсем.— Он хочет того же, что и вожак. Но нет. Снарк не личность. Он не должен быть личностью. Пятьсот миллионов тонн организованной материи не равнозначны единому целому. Он ревет, воет, дергается, пытаясь порвать свою условную цепь и умчаться к далеким созвездиям. Он снимает вокруг себя пространство, словно беспокойно спящий простыню, но я отказываюсь видеть в нем личность. Он должен умереть, вернее, утратить все жизненные функции в тот самый момент, когда его покидает или погибает вожак, а в нем... не пустота, а неуравновешенность. Он стал почти личностью, а потому сделался столь же опасным, как и готовящаяся стать сверхновой звезда».

Мека ощутил неясную надежду обрести покой в неизмеримых далях. Из смутного ощущения родился искаженный образ снарка. Снарк мечтал о себе подобных, населяющих космические бездны, срывающих планеты с их орбит, утоляющих жажду светом звезд.

— Итак, каково ваше решение, Мека?

Худосочный гигант открыл глаза. Под защитой асбостали он снова может холодно мыслить, логически взвесить шансы на успех.

— Я могу попробовать. Но у меня всего один шанс на миллион.

Он увидел их замкнутые лица.

— Я попытаюсь,— резко произнес он.

Все трое обеспокоенно глядели на него.

— Нет, Мека. Мы подумали и все же решили его уничтожить. Возьмем на себя риск, хотя знаем, чем это грозит обитаемым мирам. Думаю, справимся. Мы вызвали специалистов с Земли, они считают...

— Это совсем не то, что вы предполагаете,— Мека резко оборвал говорящего. Пальцы Ришара конвульсивно сжимались и разжимались, словно жили своей собственной жизнью.— Вожак не допустил ни единой ошибки, я уже говорил вам об этом. Он живет... Он живет. Его одолевают безумные мечты о свободе. Из вашей затеи ничего не получится.

— Послушайте, Мека,— вступил в разговор создатель биосконов,— я восхищен вашим талантом и преклоняюсь перед вашим мужеством. Но боюсь, что у вас чересчур разыгралось воображение. Если вы правы, этот снарк представляет не меньшую, а большую опасность. Вы даете нам решающий довод в пользу его уничтожения или, если хотите, убийства. Мы не можем позволить монстру весом в пятьсот миллионов тонн крушить цивилизованное пространство. Даже сейчас, черпая энергию из звезды, он серьезно нарушает стабильность системы. Быть может, мы идем на большой риск, желая уничтожить его, но мы твердо решили сделать это.

Мека взмахнул руками.

— Если бы удалось завязать диалог с ним и склонить его к сотрудничеству... Я вам говорил, что он стал живым существом. Разве не ясно, что это невероятное событие. Мы создали новый вид животного.

— Вы уверены в своих словах? Я знаю в биосконе каждую молекулу. Хотя биосконы и состоят из живой материи, они все же остаются машинами. Гигантскими машинами, и ничем больше. Вам никогда не случалось наблюдать потерявший управление грузовик, который без тормозов летит под гору по извилистой дороге. Он ревет, бьется о парпет, отлетает в сторону, грохот, визг металла. Глядя со стороны, его можно счесть живым, он все считает на своем пути. Снарк еще страшнее. Пятьсот миллионов тонн молекулярных шестеренок.

— Я слушал его. Мне еще никогда не доводилось слышать что-либо подобное.

— Ну и что? Допустим, вы правы, но вам не приходилось сталкиваться с разъяренным быком. Как вы думаете, можно ли быка убедить сменить гнев на милость? Вам не кажется, что единственным средством против него будет насилие?

— Не знаю. Я никогда не имел дела с быками. Но я справился с двумя десятками биосконов.

Мека глубоко вздохнул и мотнул головой. Присутствующим показалось, что она вот-вот сорвется с плеч и полетит к ним, словно ядро. Непомерно длинная шея Мека отличалась необычайной гибкостью, а потому казалось, что при движении ею внутри головы переливается жидкость.

— Хочу предложить вам следующее,— сказал Мека.— Я постараюсь укротить этого снарка. Бесплатно. Я отказываюсь от вознаграждения в случае успеха, но при одном непременном условии. Отдайте этого снарка мне, чтобы я мог распорядиться его судьбой.

По их лицам было видно, что они колеблются.

— Больше того. Все мое имущество пойдет на покрытие возможных убытков, если я потерплю неудачу и погибну. Мое состояние, за исключением нескольких уже завещанных сумм, не превышающих десятой доли того, чем я владею, перейдет к вedomствам, которые вы представляете.

— Мне кажется, вы действуете неразумно, Ришар,— начал ответственный за два миллиарда жизней.— Я понимаю ваши чувства, но...

— И конечно,— продолжал Мека,— я назначаю вас своими душеприказчиками, и в случае моей смерти к вам лично перейдет существенная часть моего состояния.

— Мы не продаемся,— сухо сказал транспортник.

— Я хотел лишь показать вам, насколько я уверен в успехе.

— Ваша уверенность покоится на предположении.

— А ваш проект больше смахивает на безрассудное пари. Девяносто пять процентов из ста за то, что он раскусит ваши намерения, и тогда разразится кризис.

— Готов держать это пари,— заявил транспортник.

Он не отвел глаза, встретившись взглядом с Мека. Уроженец космоса понял, что проиграл. Его охватили разочарование и печаль. И дело было не в том, что существовала абстрактная статистическая цифра в два миллиарда людей. В его душе появилось новое, совсем неожиданное чувство сострадания к этому снарку. «Брат,— подумал он,— нам обоим нет места в этом слишком обширном пространстве».

Мека на секунду закрыл глаза, а открыв их, увидел, что всплыл к потолку и повис над присутствовавшими. Они уже отстегнули ремни и пытались добраться до двери. Он понял, что всплыл из-за неловких движений, которые взбаламутили воздух в помещении. Он подплыл к ним, сделав несколько

взмахов руками.

— Мне жаль,— проговорил ответственный за безопасность системы.— Мы вам полностью доверяем, но это особый случай...

— Действительно особый,— согласился Мека.

Остальные вышли.

— Почему вы попросили, чтобы вам в случае успеха отдали снарка? Мы приняли решение и вряд ли изменили бы его, но ваша просьба только укрепила нашу решимость. Вы же знаете, что ваше требование неприемлемо и незаконно. Никто не имеет права владеть биосконом, а тем более снарком. Биосконы являются собственностью человечества. Их приравнивают к небесным телам первого, второго и третьего классов. Никто не имеет права единолично владеть ими.

— Я что-нибудь значу для вас?— спросил Мека.

— Вы слишком дороги нам, чтобы мы могли позволить вам напрасно рисковать жизнью. Слушая вас, я не могу отделаться от мысли, что вы говорите о взбесившемся вдруг домашнем животном.

Дверь захлопнулась.

«Домашнее животное,— подумал Ришер Мека.— Домашнее? В каком-то смысле, да. Я погрузился в водоворот ощущений этого существа и знаю его лучше кого-либо, лучше любого животного или человека. Я заглянул ему в душу. И, как прорицатель, пытаюсь предсказать будущее по дымящимся внутренностям жертвы».

Бык. Бык весом в полмиллиарда тонн, ревуший и злобно фыркающий, прежде чем броситься на дразнящую точку, которая сверкает перед ним. Он пока колеблется, бережет силы, кружит по бесконечной арене, пригнувшись к отвратительному для него запаху мыслей человека, вторгшегося на его территорию, которая превратилась в поле боя.

Люди готовили огненные стрелы, несущие ему смерть. Но опасность таилась в том, что бык в последних судорогах мог сокрушить стену вокруг арены, обрушить трибуны вместе со зрительями. А могло случиться и так, что его кровь могучей струей брызнет в солнце, и оно взорвется.

«Как бы там ни было,— печально думал Ришар Мека,— быка не приручить». Как нельзя приручить изображения лиц — их не заботят ни окружающие, ни собственная судьба. Иногда он обрекал лица и голоса на забвение. Но ни разу не видел, чтобы из-за этого поджались губы или нахмурились брови, ни разу не слышал, чтобы изменился записанный для него голос.

«Бык — это образ,— твердил себе Ришар Мека.— Снарк вовсе не бык. К тому же я ни разу не видел быка. Снарк — это обезумевший биоскон».

Биоскон — БИОлогическая Система КОсмической Навигации. Чрезвычайно тонкий молекулярный механизм, родившийся в гигантской пробирке, вершина достижений бионики. До эры биосконов люди пересекали межзвездные бездны на машинах из металла, и каждый полет превращался в подвиг, даже если они всего-навсего оставались в живых. Их судьба зависела от слишком многих факторов. Перелеты должны были стать совершенно автоматизированными. А обычная живая клетка может выполнить куда больше функций, чем самая сложная электронная система, и люди взяли за основу живую клетку.

Так на свет появились предшественники биосконов. Вначале они походили на плавающие в космосе споры. Они двигались, подчиняясь капризному дуновению солнечного ветра и опираясь на невидимые силы, как дельфин о воду. Люди занялись и переделкой, и усовершенствованием — так родились биосконы. Гигантские массы плоти, насыщенной энергией, пронизанной плазмонными сосудами, питающиеся, как мифические гидры, солнечным излучением. В ячейках своего чрева биосконы несли тысячи спящих людей. Биосконы беззаботно неслись в пустоте, соперничая в скорости со светом, а их пассажиры, защищенные асбостальными саркофагами, видели прекрасные сны. Бодрствовал лишь вожак, облеченный призрачной властью, временно управляющий телом невероятного по размерам организма.

Человек, существо слишком крохотное для необъятного пространства, создал новый вид. Биоскон явился самым грандиозным творением рук человека. Сам по себе он был гигантским безмозглым существом, разум его составляли умы горстки живущих в нем людей. Биоскон с жадностью усваивал все, что было в людях — их знания и их разум, их противоречивость и их ярость. Биоскон мог стать одержимым людскими страстями и мог, словно зеркало, отразить души своих создателей.

Пальцы Мека пробежали по клавишам, и на экране появилось знакомое лицо. Он не знал, хотел ли он увидеть именно его или это произошло произвольно. Это была юная женщина. Ее тонкие губы приоткрывали в улыбке ряд чуть неровных зубов, а густая шапка волос казалась невесомой. Женщины в космосе не носят длинных волос — в невесомости волосы постоянно стремятся вырваться из стягивающих их пут и окутать владелицу парящим облаком. Серые глаза женщины вспыхивали голубовато-зелеными искорками. Во взгляде какая-то детская беззаботность сочеталась с отрешенностью, даже безразличием.

Он не знал ни ее имени, ни места, где она живет, ни ее занятий, он не знал, замужем ли она и есть ли у нее дети. Он даже ни разу не слышал ее голоса. Он твердо знал лишь одно — ему никогда не доведется встретиться с ней, а если бы

и довелось, ее тонкие нежные руки, вздумай она приласкать его, окажутся для него тисками, в которых тут же хрупнут его кости. Он знал, если бы они и встретились, она отшатнулась бы от стеклянно-хрупкого гиганта, каким был он. Если он любил ее, а в этом он искренне сомневался, то его чувство можно было сравнить с любовью альбатроса к глубоководной рыбе. Нет. Просто, будь он иным, ему бы нравились женщины этого типа. Не больше.

Час пробил. Невидимые и неощутимые волны уже нащупали в пространстве свою жертву. Он поклялся себе, что не будет наблюдать за операцией, но его пальцы против воли нажали нужные клавиши, и лицо женщины растаяло во тьме, усыпанной звездами. Цветное пятно указывало, где находится снарк. Это был лишь символ, поскольку с такого расстояния снарк не был виден, несмотря на гигантские размеры.

По волновым лучам к снарку устремились металлические стрелы. Четыре ничтожные песчинки. Несколько десятков килограммов железок и редких элементов. Но они были нацелены в жизненные центры биоскона, неся ему смерть, словно легкие стрелы индейцев с кураре на острие.

«Успеет ли снарк почувствовать боль?»

Из глубин безмолвия всплыли и растаяли три чистые, мелодичные ноты, затем еще три и еще три. Мека очнулся от сна, а вернее, от того летаргического состояния, которое заменяет сон в невесомости и мраке. Он резко выпрямился — парить, отдыхая, было легче всего, сжавшись в комок.

— Ришар, — это был голос человека, отвечавшего за миллиарды жизней, — вы были правы. Наша попытка провалилась. Он озверел от ярости и устремился прямо к солнцу.

— Хорошо, — машинально ответил Мека. Он бросил взгляд на цветное пятно, движение которого с такого расстояния было совершенно неощутимым, и понял, что убийство превращается в охоту. Мека ставил на быка. Бык умрет в любом случае, в этом и состояла его роль, но перед смертью он сметет стены арены и вырвется на просторы города. Охотники, идущие вслед за ним, чтобы убить, будут колебаться, ибо каждый их выстрел попадет в толпу, хотя та в любом случае была обречена.

— Ришар, у вас должны быть какие-нибудь идеи. Вы изучили снарков лучше, чем мы. Если он нырнет в глубины солнца, на эвакуацию всей системы остается всего трое суток.

— Маловато.

— Быть может, вам еще удастся подчинить его себе. Ваша цена — наша цена. Я понимаю, что все выглядит невозможным, что мы вели себя по отношению к вам некрасиво. Мы при-

знаем, что были неправы. Ришар, если хотите, мы явимся к вам и принесем свои извинения.

— Лучше принесите их снарку.

— Ришар!

— Иногда я приручал снарков. Но не всегда мне это удавалось. С разъяренными снарками я дела не имел.

— Можете попробовать.

— Вам известно, что это значит? Я должен приблизиться к нему. Должен проникнуть в него, попытаться войти с ним в контакт, наладить общение. Вы же в прошлый раз так заботились о моей жизни, о моем тихом, безбедном житье-бытье.

— Знаю,— голос вдруг сделался плаксивым.

— Ничем не могу помочь. Любая попытка ничего не даст. Лучше начать эвакуацию немедленно. Займитесь двумя мирами, которые расположены ближе к солнцу. Быть может, вам удастся спасти одного из тысячи.

— Вы отказываетесь?

— Нет. Я просто указываю границы своих возможностей. Весьма сожалею, что так случилось.

Мека отключил связь. Он обнаженным плавал в центре сферического помещения, где обычно отдыхал. По серым стенам пробегали едва заметные сполохи. Он казался себе мерзлым, изъеденным порами метеоритом, путешествующим между галактиками. Будь у него хоть один шанс на миллион, он сделал бы попытку. Он предвидел, что произойдет. Масса снарка была такова, что при передвижении в системе с громадной скоростью он вызовет возмущение в орбитах планет. Континенты сотрясут невиданные землетрясения, базальтовые платформы материков станут ходить ходуном, будто студень, океаны сожмутся в тугой комок, чтобы вдруг разжаться подобно пружине. А когда снарк, как гигантский мотылек, коснется солнечной атмосферы, а затем и нырнет в глубины раскаленного шара, из того выплеснется невероятное количество плазмы. Несколько недель солнце будет излучать втрое или вчетверо больше энергии, чем обычно, а потом снова вернется к состоянию своего яростного покоя. Соответственно и на ближайших планетах температура подскочит вдвое или втрое.

Он снова вглядывался в лица и вслушивался в ропот голосов. Кадры мелькали с такой скоростью, что лица сливались в одно. Здесь, защищенные от времени и пространства, они не менялись и не исчезали. Его громадная фототека была вместительнее душ. Крот Ришар Мека запасся кормом на долгую зиму.

Бег толпы прекратился, когда снова возникло улыбающееся лицо с рядом чуть неровных зубов. И тут же волна забытых, а может, и никогда не волновавших вопросов затопила Мека. Как ее зовут, где она живет, сколько ей лет, кто ее друзья, что она делает?

«Не знаю. Номер кода понятен только машине. Значит,

не понятен мне. Не исключено, сейчас она морщинистая старуха, потрепанная жизнью и уставшая от нее». Нельзя сказать, что он не любил стариков. В его картотеке их было великое множество. Просто объемная фотография никогда не staje.

Мысль об относительности бытия вдруг поразила его, словно в мире невесомости вдруг возникла, пригвоздила его к месту земная сила тяжести. Быть может, она жила на одном из миров этой системы. Быть может, именно ей, а не ее образу, не фотографии, не вечному носителю символа грозила реальная опасность, именно ей, ее непреходящей улыбке. Покой в его душе мгновенно сменился страданием, и он вдруг отчетливо понял, что ему надлежит делать и почему он коллекционировал лица.

«Я ищу общее между ними и мной. Я ищу свою принадлежность к ним. Среди их лиц я разыскиваю свое и среди их голосов пытаюсь различить свой».

Это была общедоступная истина, но она неожиданно удивила Ришара, это существо огромного ума и культуры. Его глаза подернулись влагой, лицо мира расплылось, и он был вынужден смахнуть навернувшиеся слезы. Он еще не знал, согласится ли выполнить невыполнимое, хотя решение уже принадлежало прошлому — риск был взвешен с тщательностью алхимика на точнейших весах той тайной лаборатории, где возникает жизнь.

— Я согласен рискнуть, — сказал он. — Не гарантирую успеха, но попытаюсь.

— Чем мы можем помочь?

— У меня одно условие, — ответил он. — Я отказываюсь от оплаты. Но что бы ни случилось, я хочу, чтобы снарк перешел в мое полное владение.

— Придется изменить закон. Что вы будете с ним делать?

— Я не сказал, что оставляю его себе.

Воцарилось молчание — его далекие собеседники совещались.

— Делайте с ним что хотите, Ришар. Но делайте побыстрее.

— Пожелайте мне успеха.

Он несся к цели в крохотном асбостальном снаряде, страдая от нараставшего ускорения, которое полностью не могли компенсировать генераторы крохотного катерка. «Я узнаю твое имя», — думал он, едва не впадая в беспамятство. Глаза его застилала красная пелена. Он думал о ее улыбке и тщетно пытался разработать тактику ждущей его схватки. Внутри снарка проникнуть нетрудно — достаточно дать ему прогло-

тить себя, словно небесный камень, которых так много на пути левиафана. Он вдруг понял, что делает это и ради снарка — гибель от собственной ярости, ожидающая его в недрах солнца, была недостойным концом для этого рукотворного чуда. Но есть ли иная участь для снарка? Ему никогда не вернуться в строй биосконов, которые верой и правдой служили человеку. Люди, даже если им удастся наладить общение с ним, будут всегда его бояться, не доверят ему ни малейшего груза и не успокоятся, пока не уничтожат.

«Даже если биоскон сможет вырваться на волю, — подумал Ришар Мека, вспоминая о мечте существа, которую ему удалось выделить из переплетения яростных всплесков, — ему некуда деться. Ведь у него нет братьев в звездных прериях». Ему негде искать убежища. Он одинок, и как ни прекрасен был его призыв к себе подобным, он выдавал его происхождение, его первичное биологическое состояние споры. Все существа, даже самые простейшие, стремятся уйти от одиночества. Первый из своей расы, снарк мог встретить лишь свое отражение, но пока не знал этого.

— Итак, господин Снарк, — пробормотал Ришар, — вам не найти спасения и в образах. Будь вы не столь громадные, мы могли бы коротать вечера, потягивая вино, любуясь незнакомыми лицами и играя в шахматы. Но не думаю, что вас влечет к подобной жизни.

Он был совсем рядом. Вблизи снарк, как любой биоскон, походил на сотканную из мрака слезу, окруженную ореолом пламени. Находясь в покое, он имел почти сферическую форму, но по мере возрастания скорости сначала принимал каплевидные очертания, а затем приобретал вид стрелы. Сейчас, двигаясь в системе с плотным расположением планет, он больше походил на громадную рыбу. Хвост ионизированных частиц оставлял позади светящийся след.

Катерок Ришара казался креветкой рядом с обрамленной голубым пламенем пастью космического кита. Мека ощущал лишь обычное опасение, не больше и не меньше. Ему словно предстояло вступить под своды храма, но храма во много раз большего, чем любой из тех, что построен человеком. Колонны, поддерживающие своды, слегка подрагивали, а громадные глаза, находящиеся там, где обычно на соборах разноцветьем играют розетки, не мигая глядели перед собой. Как хорошо снова забыть о том, что у тебя есть вес. Он открыл люк и быстро выбрался наружу. Он не стал сразу освобождаться от скафандра. И снарк еще не подозревал о его присутствии.

Ришар подплыл к люку и легкой, почти неощутимой мыслью заставил его открыться. Он скользнул внутрь и понял, что обратного пути нет. Перед ним простирался мрачный склеп. Он пересек его, делая руками движения, словно плыл в замкнутой камере, и стараясь не задеть пальцами чувствительных стенок. Его защищал асбостальной скафандр, и он

слышал лишь стук собственного сердца. Он прошел еще через один люк и проник в брюхо снарка. Это место так называли лишь по аналогии. Снарк не имел пищеварения. Это существо усваивало радиацию из межзвездного пространства всей кожей, отчего та и светилась оранжевым огнем. Стенки «желудка» состояли из тысяч крохотных камер, которые в неярком желтоватом свете походили на пчелиные соты. Каждая камера предназначалась для одного человека, который спал в ней и просыпался лишь по истечении срока путешествия. В этой множественной матке спали и видели сны двадцать пять тысяч человек, а затем снарк смял и усвоил их. Мека видел, что камеры пусты.

Он постарался изгнать все мысли. Еще один похожий на рот люк. В теплой сумрачной пещере, по которой пробегали красные сполохи, рядом с мозгом биоскона размещался вожак. Ришар одну за одной расстегнул магнитные застёжки и скинул асбостальную броню.

Вместо шквала ярости и ненависти, которого он ждал, Мека ощутил глубокую печаль биоскона, казалось пронизанную горькими сожалениями о содеянном. Он рискнул вступить в контакт.

— Я — твой друг.

Надо было, чтобы снарк поверил ему, но прежде всего он и сам должен был верить в это. Ведь снарк не способен прямо воспринять мысль. Он разом ощущал всю личность, и, будь у человека хоть какая-то раздвоенность, снарк безжалостно уничтожил бы его.

Печаль исчезла, уступив место горячей всепожирающей ненависти и удивлению.

— Можешь убить меня,— сформулировал мысль Мека,— но тогда ты станешь еще более одинок.

Это было истиной и для Мека, а потому снарк поверил. Ненависть не исчезла, но и не поглотила его. Это уже было большой победой. Тогда он попытался проникнуть сквозь щели сознания к истокам ненависти, чтобы понять ее природу. Он ощущал ярость хищника, запертого в клетке, волка, прикованного к цепи. Снарку виделись сияющие дали, населенные собратьями. Но, возможно, он считал эти места недостижимыми, возможно, перед ним воздвигли барьер, ибо он даже не пытался отправиться на их поиски.

Ришар Мека подавил в себе ощущение триумфа. Если ему удастся отыскать, что мешает снарку выйти на звездные пути, если он снимет невидимый барьер, левиафан развернется и, забыв о бессмысленном самоубийстве, отправится на поиски далеких звездных прерий своей мечты. Где-то в равнодушной памяти снарка должны были, словно призраки, бродить воспоминания вожака. Отправиться на их поиски было опасным замыслом, своего рода сошествием в ад, где можно лицом к лицу столкнуться со смертью, но иного пути не было. Он про-

ник в лабиринт и двинулся вспять по ступеням времени. Он читал душу снарка, словно перелистывал толстенную книгу. Он обнаружил следы крушения — бесплодные вопли, воспоминания, похожие на тончайшую радужную пленку, несостоявшиеся завещания, осколки детства, обломки страстей, уравнения, приказы, сгустки ужаса. Он отыскиал то, что хотел найти. За несколько мгновений до катастрофы вожак обнаружил тягу биоскона к независимости и оценил глубину пропасти, отделявшую его от остальных искусственных животных. И здесь он допустил ошибку. Вожак попытался урезонить снарка. Он объяснил ему, что других подобных ему существ нет и что бегство бессмысленно. Но на пороге неизбежной смерти вожак наспех, опасаясь, что снарк скроется и станет неким демоном пространства, поставил перед ним запретный барьер. Он убедил снарка, что любое движение прочь из системы только усилит его одиночество. Вожак воспользовался этой истиной, как хлыстом.

Вот почему снарк двигался внутрь системы, к солнцу.

Вожак сделал все, что мог, что знал. Он отказал снарку в праве на существование. То был пример высокого самоотречения, но оно оказалось бесполезным и опасным. Мека, погружившись в частную жизнь двадцати пяти тысяч пассажиров, мог оценить ярость снарка, сообразившего, что попал в ловушку. Он убил, только поняв это. В противном случае он, скорее всего, унес бы своих пассажиров в неведомые дали, а они мирно спали бы, питая его мозг своими снами. И, быть может, он убил их, чтобы заглушить чувство одиночества, чтобы слышать в себе постоянный немолчный шорох чужих мыслей. Поглотив эти мысли, он ассимилировал их. И они вечно будут жить в его памяти, когда он будет воссоздавать в самых причудливых комбинациях их чувства. Их хрупкий мозг перестал существовать, но его суть — воспоминания, мысли, эмоции — навечно запечатлелась в более прочных молекулярных цепях. Они некоторым образом вступили в бессмертие. И вместе со снарком умрут во второй раз, когда он нырнет в пучины раскаленной плазмы.

Перед мысленным взором Ришара проходили их лица, раздавались их голоса. Полумрак кабины вожака был наполнен их призраками. Они не несли в себе и тени тоски — стенки камер раздавили их быстрее, чем успел испугаться медлительный мозг. Это напомнило ему его собственную коллекцию. Он понял, что случилось со снарком, во всяком случае, ему казалось, что он понял. Случайно или в результате ошибки биоскон ощутил и воспринял сны своих пассажиров. Он напрасно искал в них свое я. И тогда изгой решился на бунт. Он убил их, но не мог заставить себя стереть воспоминание о них. Быть может, биоскон обрел разум, слив воедино разум двадцати пяти тысяч пассажиров и вожака. Наверно, произошла неожиданная рекомбинация чуть ли не на химическом уров-

не — сон взрастил сознание.

Мека понял, какими крепкими узами он связан со снарком. Снарк, как и он, искал в образах и голосах свою принадлежность к виду. Но лица, пространство и звездные прерии снарка оказались миражем. Во Вселенной не было второго снарка, как в фототеке Ришара не было похожего на него человека. Но одним дано бегство к звездам, а другим — внутрь самого себя.

Вдруг он вскрикнул. Среди образов, которые, сменяя друг друга, пробивались через яростные кошмары снарка, он вдруг узнал лицо с густой шапкой волос — те же легкие тени под глазами, тот же полуоткрытый и улыбающийся рот с мелкими чуть неровными зубами. Имя ее было Лоранс. Двое детей, муж, возраст. И она умерла. Испарилась. Снарк вобрал в себя ее крохотный внутренний мир точно так же, как фотоаппарат поймал ее улыбку для Мека. Она направлялась из района Ушира на Вегу. Возникшая вдруг искра страдания угасла в душе Ришара. Он понял, что даже не испытывает ненависти к снарку. Ему хотелось только нырнуть вместе с ним в солнце. Он задыхался, был подавлен и жаждал взрыва.

И вдруг в его душе воцарился мир. Он открыл и снова прикрыл глаза. Безмолвие. Чужие мысли оставили его. И только откуда-то из глубин мрака доносился шепот снарка «Мне очень жаль».

«Простите меня», — подумал Мека. Он ощущал паутинку, протянувшуюся к нему, которая доносила печаль и сожаление. То был снарк, забывший о своем могуществе.

— Простите, — повторил Ришар Мека, обращаясь и к себе самому, и к двадцати пяти тысячам призраков. Печаль ушла. Он стоял в кабине вожака, освещенной красными отсветами близких солнц, и готов был сделать то, ради чего пришел. Именно за этим он явился, но смысл его работы полностью изменился — словно флюгер при неожиданном порыве ветра. Он сформулировал четкую мысль.

— Вожак ошибся. Вожак ошибся.

Снарк вздрогнул. Даже здесь, в кабине, Мека ощутил его дрожь. Еще мгновение назад царившее безмолвие взорвалось многоцветьем вопросов.

Их можно было сравнить с фейерверком в ночи или отблесками заходящего солнца на гребешках волн. Вопросы нахлынули на него, подхватили, и ему не пришлось прилагать усилий, чтобы похоронить в глубине души тайные причины его действий, — выдумка вдруг стала истиной. Своему брату, а снарк был ему братом, он мог поведать лишь истину. Он рассказал о темных просторах, куда не могут пробиться даже лучи звезд, о залитых золотистым светом прериях, где стада снарков играют, перелетая от одной рождающейся звезды к другой. Он показал ему, что пространство и снарк составляют единое неразрывное целое. Он наставлял его, что надо ле-

теть к туманности Андромеды, а потом добираться до границ Вселенной, перейдя которые он потеряет из виду галактики и обретет забвение.

Мир вокруг снарка опрокинулся. Он изменил направление полета, рыская, словно стрелка компаса, в поисках нужного пути, как бы пригнувшись в поисках следа, оставленного собратьями в пространстве. Снарк дрожал от возбуждения. Красное свечение стен почти угасло. Призраки удалились в предвидении бесконечного путешествия. Исчез комок ненависти. Мозг Ришара уловил робкий вопрос. Он обдумал его, взвесив все за и против. Его ничто не привязывало к этой галактике. «Говоря, что я отношусь к людям, они вежливо лгут».

Но не был он и снарком. Его место было где-то между, он скорее был посредником, чем укротителем. «Я,—подумал он,—ошибка природы, любопытное существо, монстр еще более удивительный, чем снарк. Я — человек пространства, осужденный этим же пространством на одиночество». Он не мог без защиты выйти в открытый космос, он не мог с помощью своих хрупких конечностей направлять свой бег от одного мира к другому. Он должен был остаться здесь.

— Нет,—прошептал он.

В его душе что-то затеплилось, словно появилась крупца надежды. Он не знал названия этого чувства, и его не должен был ощутить снарк. Но это походило на первую капель после долгой суровой зимы.

— Нет,—печально повторил он, понимая, что будет отброшен в небытие, изгнан из собственной мечты. Он ощутил, как его мягко, но настойчиво подталкивают к выходу, передал последнее «прощай» снарку и двадцати пяти тысячам бессмертных и оказался один в пустоте.

Стекло шлема запотело. «Удача!» — мысленно крикнул он. Но темная капля, окруженная пламенем, уже растворилась вдали.

— Вы добились успеха,—надсадно орал голос в наушниках.— Вы — истинный кудесник, Ришар. Он удаляется. Вы спасли два миллиарда жизней.

— Я очень устал,—ответил он, пытаясь прекратить вращение и разглядеть светлое пятно Андромеды.

— Сейчас за вами прилетят.

В наушниках шелкнуло.

— Как вы считаете, он уже достаточно удалился, чтобы открыть по нему огонь...

— Что? — едва выговорил Мека.

Усталость давила на него с той же силой, как если бы он вдруг очутился на Земле.

— Открыть огонь. Уничтожить его. Мы не можем позволить ему удрать. Он слишком велик и всегда будет представлять опасность для звездоплавания.

— Не думаю,— медленно процедил Мека.— Он не вернется, пока не достигнет границ Вселенной. А ваше обещание?

— Мы обещали, что он будет ваш. Но он ушел из-под вашего контроля.

Ришара охватил гнев.

— Я дал ему свободу. И позову обратно, если вы откроете огонь.

Воцарилось молчание.

— Вы мне солгали!

— Подождите. Вы уверены, что он не вернется?

— Абсолютно уверен.

— Вашего слова достаточно. Пусть проваливает ко всем чертям. Катер подберет вас через несколько минут.

Мека печально усмехнулся. Он плыл в пустоте и, куда бы ни кинул взгляд, видел лишь черный космос и светящиеся шары солнц. «И нигде нет оазиса ни для снарка, ни для меня»,— подумал он. Оазисы — мираж, который удаляется по мере бесконечного падения в бесконечность. Он солгал снарку. Кто-то в далеком прошлом солгал ему.

Но когда приблизился катер, крупница надежды, прятая в глубине его души, вдруг раскрылась, как солнечный зонтик. Снарк мчался не к вымышленному миру, а в будущее. Он был первым в своем виде, но появятся и другие. И быть может, завтра возникнет огромное стадо биосконов, удравших из человеческих загонов в бесконечные прерии, где вместо трав растут звезды. И отныне его роль будет состоять в том, чтобы снабдить снарков верой, указав им путь в будущее.

Он скользнул в люк катера, хохоча и плача от сумасшедшей мысли, вдруг пришедшей ему на ум. Быть может, в неведомых даях он, Ришар Мека,— Иона, побывавший в чреве межзвездного левиафана,— станет персонажем снарковых легенд, отворившим перед ними шлюзы времени.

ГОЛОСА ПРОСТРАНСТВА

Впервые я услышал голоса Пространства на борту искусственного спутника, что кружит между орбитами Земли и Луны. На спутнике я оказался потому, что жить на Земле стало невыносимо и захотелось бежать от однообразия и от чумы сумасшествия, которое подстерегало меня там, на нашей планете. Думаю, вы помните, каковы они были, Годы безумия. Сумасбродство и нетерпимость каждый день грозили войной, и переполненные лечебницы уже не вмещали помешанных.

Но для тех, в ком отвращение не погасило искру жизни, еще оставалось Пространство. Вот где люди еще пытались чего-то достичь. Там, вдали от бессмысленной суеты и угара больших городов, без помех отдавалась раздумьям и работе горсточка людей. Там мы точно знали, каких одолевать противников — пустоту, страх, невесомость — и к каким целям стремиться — к Марсу, Венере, Юпитеру, Сатурну, к астероидам, а быть может, и к Меркурию, и к Урану; мы даже мечтали проложить дорогу детям и внукам. Пусть они достигнут звезд.

Наша жизнь была вовсе не так однообразна, как могут подумать. По крайней мере нам она казалась куда увлекательней, чем та, какую мы могли бы вести на Земле. И несмотря на неизбежную строжайшую дисциплину, которой подчинялось все наше существование, мы чувствовали себя свободными как никогда. Впереди у нас были века научных исследований, наконец-то мы видели звезды, не затянутые пологом земной атмосферы, заново совершали открытия в пространстве, не знаящем тяготения, изучали состояние людей, внезапно поставленных лицом к лицу с миром чуждым и неведомым. Каждый мог заниматься тем, что ему по душе, — и так, не торопясь, в свое удовольствие, мы следовали многообразными путями познания. И вот во время одного из таких опытов я впервые услышал голос Пространства.

Печатается по изд.: Клейн Ж. Голоса Пространства: В. сб. Трудная задача / Пер. с фр. — М.: Мир, 1982. — Пер. изд.: Klein G. Le voix de l'espace: в сб. Les perles du temps. — Paris: Denoel, 1958.
© перевод на русский язык, «Мир», 1982

Специалистом по электронике у нас был Грандэн; он изучал эффект сверхпроводимости, который обнаруживается, когда температура падает почти до абсолютного нуля. Это же явление позволило ему сконструировать сверхточные аппараты и с их помощью тщательно исследовать любую гамму волн, от самых коротких, которые когда-то называли космическим излучением, минуя те, которые наш глаз воспринимает как свет, и до самых длинных. Его чуткие приборы ловили колебания, посланные далекими солнцами тысячи лет назад. На экранах его осциллографов плясали сумасшедшую сарабанду огненные точки, и это значило, что за полтораста тысяч лет перед тем какая-то звезда на другом краю Галактики вспыхнула и обернулась сверхновой, прежде чем погаснуть навеки.

Грандэн был худой, сухопарый, странная желтоватая кожа словно бы в трещинах, как будто среди его ближайших предков затесалась какая-нибудь огромная ящерица. Был он на редкость молчалив, казалось даже, ему трудно связать самые простые слова, так сильна привычка изъясняться математическими формулами. Но в отвлеченном мире электронов ум его обретал необычайную пронизательность. Грандэн плохо понимал людей, потому-то и летел, как и мы, по космической орбите, зато никто так не умел подметить признаки недуга, постигающего любую машину. Однако в отличие от многих своих коллег он не приписывал инструментам сложных человеческих чувств. Нет, напротив, он людей готов был считать чересчур сложными, хрупкими машинами, которые слишком часто ошибаются.

Мы работали в самой сердцевине нашей космической станции, под куполом, где нет силы тяжести, под звездами, которые оттуда казались неподвижными,— из боковых иллюминаторов они представлялись светящимися кольцами, потому что спутник вращался вокруг собственной оси.

Мы изучали Пространство — Грандэн при помощи тончайших антенн, а я простым глазом и почти без цели: под этими чистейшими небесами я только размышлял и философствовал.

Вдруг Грандэн страшно побледнел, затряс головой, будто невидимая оса назойливо жужжала у самого уха. Обернулся и посмотрел на меня.

— Этого не может быть,— сказал он.

— Чего именно?

Он молча смотрел на меня в упор, лицо его искажала медленная судорога. Мне вспомнилось — много лет назад такое я видел у человека, который больше всего на свете любил музыку; в доме его полно было пластинок, казалось, музыка льется отовсюду, и если мерный напев трубы на миг прерывался скрипом, в чертах того человека я видел такое же невыразимое страдание.

— Не понимаю,— сказал Грандэн.— Слышны шумы.

— Помехи?

— Нет. Все помехи мне знакомы.

Это верно. Ухо его различало любое жужжание, скрип, сухой треск крохотных взрывов, раздающихся в Пространстве; он узнавал любое из незримых насекомых, чьи челюсти неустанно грызут тишину, и далекие шорохи, и виолончельное пение звезд. Любой звук он мог назвать по имени. Мог ослабить их, почти свести на нет. Мог раздавить их или отогнать, как избавляешься от пчелы или неразличимого во тьме летней ночи ноющего комара.

— Какое-нибудь далекое излучение,— сказал я.— Радиомаяк указывает путь кораблям. Или это вспышка на Солнце. Или волна отразилась от Луны.

— Ничего похожего,— возразил Грандэн.— Это совсем другое.

Мне пригрезилось Пространство, населенное волнами — они пронизывают планеты, пересекают небеса, разыгрываются бурями, проникают сквозь стены и запертые двери. Это трудно себе представить. Надо закрыть глаза и вообразить тьму и тишину, необъятную, пустынную, и, однако, там полным-полно жизни, там все насыщено и переплетено, вспыхивают внезапные молнии и, точно в море, округло колышутся волны. Это тоже вселенная, как и Вселенная планет, звезд и галактик. Но для нас она еще недостижимей, и, однако, она неотделима от планет, от галактик и от звезд, из которых они состоят, так же, как наш скелет, которого мы никогда не увидим, неотделим от нашего тела.

— Не знаю,— жалобно сказал Грандэн.— Слушай.

Он передал мне наушники, я взял их и в первое мгновение ничего не услышал, только уловил какую-то безмолвную глубину, словно бы эхо молчания, отраженное стенами бездонного колодца. А потом незаметно это пришло, и все нарастало, и меня начало трясти.

То были тяжкие мерные колебания, которые дрожью отдавались у меня в черепе, звуки невыразимо мрачные, протяжные, грозные, и на миг мне почудилось, будто всю Вселенную накрыл исполненный колокол и его-то песнь я услышал. Словно осенний ветер вздыхал в ветвях трав, медлил и гудел на липких лужах, завывал в дымоходах, трещал в огне зимних очагов, тихонько шептал что-то в обрамляющих окна сосульках.

Звук появлялся и исчезал, нарастал и вновь слабел, медлительный, заунывный, ничуть не похожий на однообразное шуршание радиопомех.

— Это голоса,— сказал я.

Грандэн поглядел на меня и слегка пожал плечами, но даже не улыбнулся. Морщины у него на лбу немного разгладились.

— Не знаю,— повторил он.— Возможно, почему бы и нет. Но что это за голоса?

— Не все ли равно,— сказал я.— Голоса Пространства. Голоса плавящегося металла. Голоса комет, метеоров, астероидов, пылающих гор Меркурия или колец Сатурна. Свет, жар, энергия, преобразенные в звук.

Грандэн покачал головой.

— Нет,— сказал он.— Все, о чем ты говоришь, я слышал, а это совсем другое. Никогда, даже в день страшного суда, бывалый моряк не спутает сирену, которой сигналият в тумане, со штормовой. Так и тут. Как не спутаешь дыхание с человеческим голосом. Слышишь, как входит в легкие и опять выходит воздух,— или слышишь слова, их произносят губы. Это не спутаешь. Радиопомехи — дыхание Вселенной. А здесь не то. Это... может быть, ты прав... это голос.

Он взял у меня наушники, и по его лицу так ясно было, что он слышит, я и сам улавливал эти глухие плавные колебания и понял — вот они слабеют, сходят на нет, потому что Грандэн весь внимание, словно бы погружается в себя, даже закрыл глаза, пытаюсь следовать за таинственным голосом в глубины, где тот под конец исчез.

— Кончилось? — спросил я.

Он посмотрел удивленно.

— Да.

— Это был голос,— торопливо заговорил я, голова кружилась.— Это был голос... может быть, он дошел с Марса, или с Венеры, или с другой какой-то планеты. Мы не одиноки во Вселенной.

— Нет,— печально сказал Грандэн. — Ниоткуда он не шел, ни из какого другого мира. И во Вселенной мы одиноки. Право, не понимаю, как ты еще можешь в это сомневаться; мы одни со своими машинами. Через десяток лет мы высадимся на Марсе и воочию убедимся, что Марс просто пустыня, мы же всегда это знали наверняка, наперекор всему, о чем мечтали.

Он обернулся ко мне, через силу улыбнулся.

— Видишь ли,— продолжал он,— почти сто лет назад, когда только что появилось радио, люди уловили сигналы, исходящие с Марса. И возликовали. Весть об этом разнеслась по всей Земле. Времена одиночества миновали. Отныне конец войнам, розни народов, нищете. На Марсе живут наши братья. А потом другие люди развернули антенны, сделали измерения и расчеты. И обнаружили, что пойманные прежде сигналы были всего лишь эхом, поверхность Марса отразила волны, идущие от Солнца. Марс остался пустыней. И осталась рознь

между народами, войны, нищета. И с тех пор временами наши приемники ловят сигналы из космоса, но это всегда только шутки, которые шутит с нами Вселенная.

— Но, может быть, когда-нибудь... — неуверенно сказал я.

— Ты всего лишь философ, — вздохнул он. — Или, еще того хуже, поэт.

Прошли годы. Я забыл те голоса. Мы достигли Марса — и Марс оказался всего лишь пустыней. Тяжесть безмерного разочарования придавила Землю.

Я не был среди тех, кто первыми ступил на Марс. Но не все ли равно, ведь когда их серебряная ракета, пронизав тощий слой облаков, снижалась над ледяными марсианскими пустынями, я тоже вглядывался в просторы этой планеты, и кто-то во мне, кто-то древний, неведомый, ждал — вот сейчас что-то вспыхнет, взору явится сверкающий город в зареве тысячи огней, в отраженном свете крохотного солнца.

Но ничего я не увидел.

И никто ничего не увидел. Марс был пустыней.

Мы предвидели это, мы это знали, заранее рассчитали, доказали и проанализировали, и все же оказалось — почти никто ни среди команды корабля, ни на Земле в это не верил. Оказалось, даже тот, кто все это вычислил и проверил расчеты, надеялся, что допустил ошибку. Оказалось, миллионы прислушивались к небу в надежде уловить малейший необычный звук, чужой голос.

Вспоминаю радиogramмы, которыми обменялись первая марсианская экспедиция и Земля. Переговоры были кратки и оттого драматичны.

— Ничего, — передали с Марса.

Молчание. Земля медлит, взвешивает каждое слово.

— Проверьте еще, — говорит она наконец. — У вас еще не может быть уверенности. Вы еще не успели осмотреть всю планету, квадратный метр за метром.

— Нет совсем ничего, — отвечал Марс. — Мы уверены. Здесь никогда не было жизни.

— Проверьте под почвой, — настаивала Земля. — В глубине океанов. Под песками, подо льдом.

— Ничего, — отрезал Марс.

И Земля умолкла. И нам, на Марсе, стало горько, потому что правы оказались мы. А на Земле еще шире распространилось безумие и отчаяние. Мнимые пророки богатели, предсказывая, что мы обречены навеки оставаться в одиночестве. И вот что написал я для одной газеты:

Марс — пустыня. Огромная красная пустыня, которую золотит неяркое солнце, а по ночам — роб-

кие лучи двух лун. Стылое море иссохло в пыль, лишь порою старый усталый ветер, свистя в трещинах скал, подобных полуразрушенным колоннам, поднимает на нем серую пену песка или медлят на нем холодные мерцающие туманы марсианского утра. Ветер стар и утомлен, он только свистит, никогда ему не петь в обнаженных ветвях деревьев. На Марсе нет деревьев. И лишь порой ночами отсветы и трепетные тени бесцельно бродят по белым тропам прожекторов; они похожи на странные мертвые деревья, наклеенные на черные экраны, и еще они напоминают мертвенно-бледные и зеленые деревья Земли, те, что шумят и бушуют в бурю или мирно простирают ветви в часы затишья, сонные деревья — память о Земле.

Но тени эти — лишь грезы, призрачные воспоминания древних равнин Марса.

Итак, мы завоевали Марс и два его спутника. Мы работали как одержимые. Предстояли уже не века, а тысячелетия исследований; и уже не только для внуков, но для себя мы жаждали звезд, которые так ясно и холодно сияли в небе Марса.

Однажды вечером мы слушали оркестр с Земли — музыка звучала так, словно играл он здесь, в нашем воздушном пузыре. А потом между этим нашим жилищем и Землей прошла одна из марсианских лун, и несколько секунд мы только и слышали завывание и треск помех. И ждали, не смея вздохнуть — так среди ночи, замирая, слушаешь, как кровь стучит в висках.

— Оркестры играют только на Земле,— промолвил Ласаль.

— Что ты хочешь этим сказать?— резко спросил Ферье.

— Сколько месяцев, сколько лет мы обшариваем небо, и ни разу не поймали никаких передач, кроме как с Земли.

— А ты чего ждал?— спросил Ферье.

— Не знаю,— сказал Ласаль.— Крика, зова, голоса. Необъяснимой дрожи эфира.

Мы смотрели на этих двоих, уронив руки на колени, лица у всех осунувшиеся, усталые.

— Ты просто мечтатель,— сказал Ферье.

Я присмотрелся к нему: отрешенный взгляд запавших глаз, застывшие черты сурового лица в желтом свете кажутся особенно резкими... да, конечно, он и сам мечтатель! И я понял — как все мы, он мечтает не о Земле, он равнодушен к тому, что оставил позади, к текущему счету, который растет не по дням, а по часам, потому что он, Ферье, как все мы, занят самой опасной работой, до какой додумалось человечество, и не извлекает из этого ни малейшей выгоды; равнодушен и к долгому отдыху, которым сможет насладиться лет

через десять, когда его вконец вымотают космос и синтетический воздух, каким мы дышим на Марсе; я понял — он думает о том, что хотел бы открыть и чего мы не нашли на Марсе, но, быть может, откроем на Сатурне или на Юпитере, — о собратях.

Тогда поднялся Юсс. Молодой, белокожий и светловолосый и глаза светлые, — почему-то казалось, что ему трудно не отвести их, если встретишься с ним взглядом. И голос тоже у него был ясный, но неуверенный и звучал еще нерешительней оттого, что с нами Юсс разговаривал не на родном своем языке.

— Вчера я шарил на всех диапазонах и услышал такое, что шло не с Земли, — сказал он. — Ничего подобного я никогда еще не слышал. Это было похоже... как бы сказать... похоже на жалобу. А потом утихло. Я слушал, и мне стало страшно.

Он поднял глаза и тревожно оглядел нас, сидящих полукругом, но никто не засмеялся. Кто-то зашаркал подошвами, кто-то покашлял, но не засмеялся никто. И не встретив того, чего опасался — насмешки, — Юсс продолжал:

— Может быть, сегодня вечером попробовать еще раз? Может быть, я опять это услышу.

Белые, длинные, совсем девичьи пальцы его пробежали по клавишам настройки. Снаружи, в разреженном холодном воздухе Марса, беззвучно повернулись антенны.

В картонных раковинах громкоговорителей хрипло вздохнул ветер. Но летел он не над какой-то планетой, не над океанами Земли и не над полюсами Марса, он летел среди миров и не приносил с собой ни отзвука, ни зова, только свое же звездное эхо.

Мы ждали, недвижимые, охваченные смутной печалью, печальной тревогой оттого, что сейчас увидим, как горько обманется Юсс в своих надеждах.

Но о н о пришло, и в первую минуту я не понял, что же это напоминает. Я мог бы поклясться, что никогда еще не слышал ничего похожего. То был звук бесконечно низкий, глубокий, и не просто звук, но песнь, протяжный вопль, голос, полный невыразимого страдания, голос некоего духа, влачащегося в недрах пустоты, голос иного времени, иного мира.

Из громкоговорителя слышался шорох, будто моросил дождь. Радиопомехи. А голос... такой рев издавали, должно быть, плезиозавры, что обитали в теплых морях вторичного периода.

А потом я подумал о Грандэне, мне представилось его озабоченное лицо, вспомнилось, что услышал я тогда в глубине наушников, прижатых к ушам, точно морские раковины.

Но здесь, на Марсе, вдалеке от нашего Солнца, голос звучал гораздо более мощно, чем тогда на околоземной орбите.

Я порывисто зажал уши, как сужмुरиваешься, когда сле-

пит, я пытался больше не слышать этого далекого зова, искаженного, страдальческого, всепроникающего и зыбкого, этих хриплых воплей, завывания расплавленной материи, зловещего свиста.

Я пытался не искать в этом смысла, проблеска надежды, ибо знал: надеяться бессмысленно, ведь я на Марсе, в пустыне, и знаю, что во Вселенной мы одни. Я пытался... но тщетно.

А голос менялся. В нем было все меньше глубины, все больше металла, словно звучали какие-то небесные трубы. Слабее, слабее, и вот все пропало.

— Помехи,— сквозь зубы сказал Ферье.

Настала тишина, и тогда Ласаль коротко щелкнул переключателем, и к нам хлынула музыка Земли. Долгие минуты мы молчали, а на Земле трубач все разматывал нескончаемую, спутанную певучую нить.

Наконец я обернулся к Ферье.

— Нет, не думаю,— сказал я.— Помехи так не исчезают. Не думаю, чтобы это объяснялось так просто.

— Чего не знаю, того не знаю.

И Ферье возвел глаза к потолку в знак, что ему надоели разговоры на эту тему, а я подумал — просто он не желает признать, что ошибся, и не позволяет себе надеяться.

— Чего вы надулись?— сказал Ласаль.— Вам эта музыка не по вкусу? Пожалуйста, можно послушать «Ла Скала», или парижскую оперу, или московскую, или Альберт-Холл, или Сторивилл. Стоит только переменить волну.

Волну переменяли, и вот все голоса, все оркестры Земли к нашим услугам. Но мы-то ждали и надеялись услышать неведомый голос, иные созвучия, вот о чем думали мы, глядя на экраны, на пустынные равнины Марса.

— Это мне напоминает один случай,— сказал Вьет.

Как ни странно, до сих пор он молчал, а ведь обычно, что бы ни случилось, у него всегда была в запасе какая-нибудь удивительная история, которая оказывалась кстати. Не человек, а ходячая летопись. Очень редко мы узнавали, что думал он сам о каком-либо своем приключении, но что и как приключилось — об этом он умел поведать во всех подробностях.

— Это мне напоминает один спиритический сеанс. Помнится, нас там было пятеро, мы сидели в полутьме за круглым столом, кончиками пальцев касались полированной столешницы и, сами не очень в это веря, надеялись — вдруг что-то произойдет. Ждать было нечего — я думаю, все мы это понимали, кроме, может быть, женщины, в чьем доме мы собрались,— она-то верила непоколебимо. Однако мы тоже смутно надеялись.

— И действительно что-то произошло?— резко спросил Ферье.

— Право, не знаю. Теперь я почти уверен, что ничего не

было, а тогда совсем не был уверен. В человеке живут всевозможные звуки — шумит кровь, текущая по артериям, колеблются барабанные перепонки, дышат легкие, да еще сколько призраков, воспоминаний о звуках, которые некогда погребены были в саркофагах памяти, но только и ждут, как бы вырваться на волю. Да, не очень-то можно верить своим ушам. А может быть, тут что-то другое. А может быть, это одно и то же. Вот ты что-то услышал — и заворужен, и трепещешь, а потом все прошло — и начинаешь сомневаться.

— Не вижу связи,— сказал Ферье.

— А я вижу,— отрезал Вьет.— Все мы тут сидим вокруг огромного стола — пустынного Марса,— нетерпеливо барабаним по нему пальцами и подстерегаем, и ждем, и надеемся, и стараемся пробудить голоса Вселенной. Время идет, а мы всё ждем напрасно. А потом, когда свет меркнет, и стол вздрагивает, и где-то в пространстве возникает звук, мы начинаем спрашивать себя, не обманул ли нас слух, начинаем сомневаться.

— Мы не гадалки и не астрологи!— загремел Ферье.— Не предсказываем будущее по картам и по звездам. И не вызываем духов умерших.

— Пока еще нет. Пока. Но у нас есть кое-что общее и с гадалками и с астрологами,— заметил Вьет.— Мы ждем зова. Ищем контакта. И очень надеемся дождаться и найти. Через пять лет мы дойдем до Юпитера. А через столетие, возможно, достигнем звезд. И нравится тебе это или нет, Ферье, мы стремимся туда все по той же старой-престарой причине: нам ненавистно одиночество.

На то, чтобы достичь Юпитера, мы потратили шесть лет. А Юпитер оказался всего лишь громадным океаном, совершенно безжизненным: жидкий зеленый шар, исполинское око в орбите Пространства, отражающее холодные лучи далекого солнца; Юпитер — скопище бесстрастных бурь и гигантских волн. Мы этого и ждали — и все-таки это было горьким разочарованием. Ведь долгие недели мы мчались в пустоте, пленники своих ракет, затаив тоску по Земле, и во взглядах угадывались печаль и призрак земных зеленых равнин, в ушах отдавалось эхо родных звуков — говор толпы, волчий вой, все голоса жизни.

И долгий путь, и тоска — все оказалось напрасно.

Мне вспоминается — когда я был маленький, родители однажды привели меня на мыс, которым заканчивался материк, где я родился. Равнодушные волны разбивались о черные скалы. А за этим мысом и несколькими островками не видно было уже ничего, совсем ничего, только море. Но важно было не то, что увидел я лишь пустынный оком, важно то, что я знал. А я знал — она необъятна, эта водная гладь без

единого зернышка суши, эта зеленая жидкая соль, — и, однако, за непостижимой далью, по другую ее сторону, живут люди. Я знал, потому что мне об этом сказали. Знал, потому что в это верил. Ничего такого не было написано в небесах, и даже мой детский глаз не различал воображаемых очертаний далеких материков. Но я знал и то, что стою на краю земли — и что в дальней дали вновь начинается земля, и так они с морем чередуются бесконечно.

В тот день я понял, как далеко отстоит то, что знаешь, от того, что есть на самом деле. Кроме всего, что можно увидеть и потрогать, существует еще и другое — и, хоть его не коснешься, оно придает новый смысл всему, что тебя окружает. Главное — всегда можно закрыть глаза и перенестись через непостижимую ширь соленых вод — главное — само это препятствие чудесно, ибо чудесно то, что воображается мне по другую сторону моря.

И космос тоже чудо, думал я, пролетая вокруг Юпитера, я и сейчас на мысу, на краю пространства и, сощурясь, пытаюсь разглядеть звездные берега или, может быть, громадные корабли, еще скрытые за его изгибом.

Сатурн сейчас по ту сторону Солнца, и до противостояния еще годы; Уран движется далеко, совсем в другой части эклиптики, а Нептун и Плутон — всего лишь крохотные островки, вехи на пути.

Я на краю света.

Вдали от голосов Земли, от грозного рокота и шороха астероидов. И как никогда близко к голосам космоса.

Мы научились их узнавать, пока кружили вокруг Юпитера, наблюдая неизменную поверхность этой жидкой планеты. Научились различать, как они чередуются, нарастают и вновь слабеют, переходят от глубоких, низких к высоким и пронзительным и удаляются, словно вопль исполинской сирены, тревожно взывающей в ночи.

Я счастлив был, что достиг Юпитера. На Земле по-прежнему было неладно. Люди устали и отчаялись безмерно. Раза два мы даже опасались, что нам прикажут прервать все изыскания и возвратиться на Землю.

Тогда нам пришлось бы повиноваться.

Мы прислушивались к голосам.

И прилетали еще люди, чтобы их услышать.

— Что вы об этом скажете?

— Страшновато, правда?

— Будь я человек суеверный, я бы подумал, что это голоса мертвецов или вампиров.

— Насмотрелись плохих фильмов.

И я спрашивал себя, что станет с голосами Земли, со звучанием земных оркестров, когда несущие их волны через тысячи лет достигнут туманности Андромеды, и найдется ли там ухо, способное их услышать? Я спрашивал себя, во что обратятся Девятая симфония и труба Армстронга, квартет

Бартока и электронная музыка Монка после того, как долгие годы их будет носить в Пространстве по прихоти космических течений, и качать на светозарных волнах звезд, и затягивать в тихие темные омуты космоса?

Сигнальный трезвон. Треск громкоговорителя.

— Ради всего святого, оставайтесь на своих местах. Опасности никакой нет.

— Нас изрядно потрянуло, правда?

— Да вы хоть на экраны поглядите. Такую громадину можно бы увидеть и простым глазом.

Я вскочил, торопливо оделся. Тревога миновала. Невидимый, но массивный метеор чуть задел нас, и мы отклонились от прежней орбиты. Задел. Быть может, он пролетел в миллионе километров от нас. Быть может, в десяти миллионах. Никто ничего не увидел. Даже наши инструменты, даже зоркие, настроенные глаза инструментов не увидели его, даже их чуткие подвижные уши ничего не уловили.

— А ну, послушайте! — крикнул кто-то.

И в наш корабль хлынул голос космоса, потек по переходам, просочился во все скважины и каналы, проскользнул под дверьми, и все затрепетало, заполнилось грозным гулом.

— Никогда еще не слыхивали подобной мощи.

Они измеряли, взвешивали, подсчитывали, а у меня в ушах по-прежнему звучал и звучал этот голос, и вспоминалось: на Земле, на самом остром мыса, который так и назывался — край света, я видел однажды, как ширится в море, расплывается по волнам пятно нефти.

Вот и здесь то же самое, думал я: голос этот ширится, расплывается в океане Времени, отделяющем нас от звезд, как расплывалась тогда нефть перед множеством смеющихся глаз, на исходе лета, в мягком свете неяркого солнца — смутным переливчатым пятном.

Я сказал им это. Сказал и о том, что слышал когда-то с Грандэном и что слушал с Юссом на Марсе. Сказал, что это не вывод физика, но догадка поэта, ведь я всего лишь психолог и почти ничего не смыслю в математике, в волнах и помехах, зато верю в самое простое: в море и пространство, в скалы и время, в острова и материки и в людей — все это опять и опять повторяется и там, за горизонтом.

Меня слушали, и никто не улыбнулся.

Я сказал спутникам, что в своих поисках они потерпели неудачу, потому что искали не так, как надо. Чем без конца жадно, с завистью вглядываться в пучины Пространства, которые еще долго останутся недостижимы, лучше просто бродить по песчаным берегам и шарить в расселинах скал с

надеждой отыскать обломок кораблекрушения, выброшенную волнами доску со следами резьбы, масляное пятно на воде, и в глубине души твердо верить, что где-то там, за краем света, есть другие люди, другие живые существа.

Я сказал, что рябь от камешка, брошенного с западного берега, неминуемо дойдет до берега восточного, что корабль, разрезая носом волну, отбрасывает ее, и от этого неувовимо меняются все волны, и ни кильватерная струя, ни пена за кормой не исчезают совсем уж бесследно.

Думается, мне поверили. Я уже очень немолод, но говорил как малый ребенок, вспоминал далекий летний день моего детства, и Юсса, и Грандэна, и всех, кто там, на Земле, поднимает глаза к небу и ждет вести.

— А почему бы и нет?— сказал кто-то.

— Может быть, это был никакой не метеор, а чужой корабль,— сказал другой.

Остальные только присвистнули.

— Не верю я в это,— сказал еще один,— но, пожалуй, самое разумное — проверить.

У всех заблестели глаза.

— Корабль с такой массой? Способный изменить орбиту небесного тела?

Да, если его скорость близка к световой!

Вспоминаю день, когда я впервые ступил на палубу корабля. Был я не такой уж маленький, во всяком случае, современные дети знакомятся с морем раньше. И сразу ощутил, что со мной творится нечто новое, непонятное. Казалось, весь мир изменился, он не то чтобы ненадежен, но неустойчив, качается как маятник, я то тяжелею, то вдруг становлюсь легким точно перышко, и надо заново учиться сохранять в нем равновесие. Я качался из стороны в сторону, но мир у меня под ногами раскачивался и того быстрее. А потом, перегнувшись через борт, я увидел, как пароход зарылся носом в волну и тотчас задрал его на гребне нового вала, и меня осенило: так и надо, хоть мне это и непонятно. Таков новый мир, и в этом мире, в не знающем равновесия мире постоянного движения и силы надо освоиться. Устойчивости больше нет.

Так и теперь я знал: то же самое происходит, когда со скоростью света бросаешься в океан пустоты. Я знал, пространство и время сжимаются, масса возрастает. И знал — во всем, что нам знакомо, нет ни определенности, ни устойчивости, и ветер меняет звук голосов.

Ветер Пространства, ветер полета, ветер света.

Они завершили расчеты, прогнозы и эксперименты и пришли сказать мне о том, что открылось. А я улыбнулся, ведь я уже знал все наперед, знал прежде, чем кто-нибудь выговорил хоть слово. Я все прочел по их глазам. То был не один корабль, а множество, и никому неизвестно, как давно бороздят они Пространство.

А скорость их почти равна скорости света, и потому пространство для них сжимается, и каждый из них — как острие иглы, нет, еще гораздо меньше. А время их растеклось по окружающей пустоте. Они сеют время, оставляют его позади на всем своем пути. Минута их времени равна часу нашего. А быть может, больше... Не знаю. У меня никогда не было способностей к подобным расчетам.

И где ни проносились эти корабли в космосе, везде они говорили, звали. Но каждое их слово растягивалось на нашу неделю.

И когда нас тряхнуло на орбите в нашей коробке из стекла и металла, это они приветствовали нас — так большие корабли, входя в гавань, подбрасывают на кильватерной струе многочисленные лодки, что высыпали им навстречу.

Да, они пока не ведают, кто мы и что мы такое, но еще год — и мы подберем ключ к их языку, и нам станет внятен их голос, мы уже не одиноки, теперь мы знаем, что больше не одиноки.

Я знаю, за морями, за всем, что я могу увидеть или хотя бы вообразить, в дали, не доступной ни глазу, ни ветру, есть еще материки.

И еще люди.

Я знаю, нет такого мыса, который был бы концом света.

ВОСКРЕШЕННЫЕ ИЗ ПЕПЛА

Я надеваю темпоральные очки, чтобы выдержать блеск этого солнца. Очки попроще, даже если их снабдить поляризованными фильтрами, не выдержат. В то мгновение, когда вспыхивает это солнце, другое, настоящее, бледнеет, становится луной и вдруг исчезает, растворяется в ослепительной белизне неба.

И чтобы смотреть на это солнце, я режу время на тонкие ломтики и существую в некоторых из них — из каждой секунды я отвожу себе едва ли две-три миллиардных доли. Я, как герой древнего фильма, мелькаю в луче этого солнца. Я есть, и меня уже нет. Последовательность кадров. Но я не отдаю себе в этом отчета. Так же, как и зрители древних кинотеатров не воспринимали по отдельности каждый кадр, возникающий на белом экране. Я знаю, как все это действовало. Неподалеку есть — был — городской кинотеатр. Пора взяться за него и очистить зрительный зал, как я уже сделал это с другим в южной части города. Очистить. Чуть позже вы узнаете, что означает слово очистить.

Вначале небо и земля черны.

Темпоральные окна слишком узки и пропускают чересчур мало света — моя сетчатка не воспринимает его. Затем разгорается это солнце, и начинается сотворение мира, — за мгновение до его распада. Голубая точка белеет, и ночь вначале окрашивается в красные тона, пожирает мрак, разгораясь все ярче. Новое солнце бросает на город отсветы серой зари. Медленно проявляет его, делает резким и контрастным, как на древней фотобумаге, опущенной в ванночку с химическими реактивами. По эту сторону солнца контуры зданий блистают зернами света. По ту сторону — их фасады становятся плоскими, призраками скользят по поверхности реальности и исчезают, поглотив свои тени. Серость неба и стен переходит в

Пер. изд.: Klein G. Resussites de sendres: в сб. Klein G. La loi du talion. — Paris: Robert Laffont, 1976.

© перевод на русский язык, Григорьев А. М., 1990

мелово бледный цвет, тени на земле густеют. И город, та часть города, где нахожусь я, выглядывает сквозь трещины времени во всем своем блеске.

И ничто не шелохнется. Слишком поздно. В серебряном зеркале воды дрожит свет. Затем четкие контуры, созданные рукотворным солнцем, расплываются, словно тает желатин в слишком горячем растворе проявителя. Вертикали дрожат, идут волнами, уходят сами в себя. Гигантские свечи оплывают слезами стекла и металла. Долетает дыхание этого солнца, оно раздавливает дома, словно воздушные шары, срезая и комкая все, чего касается этот ветер. Из глубины моего темпорального убежища я слышу хрип и треск ореховой скорлупы. От яростного дыхания морщится земля, превращаясь в черное сверкающее море. Оно растекается и с жадностью хищника пожирает мягкие остовы зданий, бывших когда-то красой города. Иногда здание лопается чудовищным пузырем.

Затем снисходит мир и спокойствие. Мгновение равновесия. Это солнце перестало разрастаться, оно начинает сжиматься и как бы вбирать в себя белый свет, который стер линии рисунка на листке бумаги. Оно выпивает выплеснутый свет, и вновь наступают серые сумерки, в которых опять высвечивается круглое окошечко настоящего солнца, бледное окошечко или донце колодца. Тот свет испаряется, рассыпается в нити, лохмушками повисая на шипах, обнаженных ветром.

Даже я чувствую жестокий поток обратного ветра, который сотрясает меня в моем темпоральном убежище. Он рушит все, что еще стояло, ломает или выпрямляет то, что дыхание этого солнца наклонило, как пики, в грудь обратного ветра. Этот ветер ревет. Он звереет, вырывает все из земли, закрепляет волны моря, заливая землю стеклом. И долго не стихает. Очень долго.

Все длилось три или четыре минуты. Я меняю регулировку визира времени. И теперь иду вслед за настоящим с разрывом в тысячную, а затем в сотую долю секунды. На чувствительной бумаге проявляется новое изображение, и оно уже не заслуживает названия города, хотя его окраины, размытые расстоянием, все еще похожи на него. Это изображение знакомо мне лучше. Ибо именно здесь я и выполняю свою работу.

Это длилось недолго. Всего три или четыре минуты, хотя обратный ветер может дуть часами, разгоняя хрупкую завесу дыма. Длительность для меня не имеет никакого значения. Я могу раздвинуть ее границы. Я могу пойти вспять по времени, вернее, расставить в обратном порядке фрагменты времени. Я могу вечно проигрывать для себя одно и то же мгновение. Я могу извлечь из истинного времени бесконечное количество мгновений и растянуть в моем собственном времени, и эти три или четыре минуты могут длиться днями и неделями — город будет рассыпаться на моих глазах по песчинке. Единственное, что я не могу сделать, так это проникнуть в мгновения буду-

шего ада, ибо тогда и сам буду уничтожен.

Когда я включаю увеличение, то иногда могу различить бледную тень в сером свете — тень обитателя города, изредка — нескольких его жителей. Я знаю, что они все здесь, миллионы пленников вспышки, стершей их. Белые силуэты на черной стене. Я знаю, что ими кишели улицы за мгновение до смертельной неожиданности по ту сторону времени, которую я не перехожу никогда из принципа. Я знаю, они спят под пеплом, смешанные с пеплом, ставшие пеплом сами. И стоит разворошить пепел пальцем времени, чтобы найти их, коснуться и оживить. Это — моя профессия. Я должен отыскать их всех, одного за одним, и для этого я брожу по городу, по которому петляет сухой овраг, некогда бывший рекой. Я еще не пересекал его. По ту сторону, к северу, торчит обезглавленный холм. Интересно, что я там найду, когда наконец доберусь до него.

Они спят. И в неведении ждут, когда я извлеку их из небытия. Они ждут, застыв в тончайшей пластинке времени, которую вырезало и отполировало созданное ими солнце. Они существуют, но как бы замерли, и я должен помочь каждому из них переступить этот порог. Это — моя профессия.

Трудность состоит в том, чтобы застать их до того, как их настигнет и поглотит световая волна. За мгновение до этого, но не раньше. Ибо надо подчиняться принципу экономии средств. Я должен, разыскивая каждого из них, как можно меньше тревожить чувствительный осадок времени и не ходить дважды по своему собственному следу.

Лучше всего находить их по знаку в том будущем, где их уже нет, в момент, когда время выглядит остановившимся и где ничто не шелохнется, кроме струйки дыма или пыли. И стоит кому-то из них подать мне знак, как я ныряю во время и снова смотрю прямо на это солнце. Но чтобы прочесть эти знаки, надо прощупывать город по миллиметру. И тогда этот мир кажется странным. В нем кипит жаркая жизнь, здесь — печальная пустыня, а между ними — корочка огня, барьер, обжигающий сильнее, чем лава, и одновременно едва более осязаемый, чем воздух — река чистой энергии. Мало знать, что есть звезды и бессмертие, и вечность по обе стороны, и бесчисленное количество возможностей, все равно вселенная не походит на огненную черту, разделяющую мертвых и живых. Я работал на многих площадках, но ни одна не впечатляла больше. Нигде еще не приходилось иметь дела с миллионами людей, умерших в одну секунду, которых надо воскресить по одному, извлечь из этой неистощимо плодотворной секунды, настоящей жилы, когда людей приходится вылушивать из грозди им подобных. Иногда мне кажется, что я никогда не завершу свой труд. Хотя в моем распоряжении вечность.

Нигде и никогда я не видел, чтобы столько людей не знали, что с ними произошло. Чаще всего они отказываются поверить, что были мертвецами. В других местах было проще. Чума, меч, а то и просто возраст убивает медленно, и человек успевает сообразить, что с ним случилось. Но здесь и веселее, и разнообразнее. Я пробуждаю людей всех возрастов, даже детишек, ибо нет ничего печальнее, чем работать за кулисами умиральни для старцев. Кроме того, здесь почти нет людей, которые вступают во вторую жизнь с воплем ужаса или боли на устах, вырвавшегося еще в первой жизни. Я всегда говорил, что испытавшим мгновенную смерть жить потом легче.

Следы...

Здесь, в пыли предместной, их предостаточно, и наметанный глаз сразу видит их. Вот, например, светлый след руки на обгоревшем подоконнике. Там под пеплом и пылью кто-то ждет меня, но я еще не знаю кто. Мужчина, женщина? Тень руки существа без пола и возраста — набросок трех пальцев, созданный тонкой кистью пламени. Камень еще пылает жаром. По хронометру с момента разрушения прошло три часа двадцать четыре минуты тринадцать секунд. О десятых говорить не будем. Спасательные команды людей прибудут сюда не раньше, чем через трое суток. А кого они смогут спасти с их допотопным оборудованием? А потому у меня есть время. Мне не надо прятаться. Здесь, в этом времени, никто не может увидеть меня. Кстати, несмотря на все предосторожности, некоторых из нас замечали у изголовья умирающих людей, откуда и родились легенды о смерти, приходящей за своими жертвами. Надо же такому случиться — легенды полностью извращают нашу суть.

Ближе к центру никаких следов, конечно, не осталось. Тут приходится идти вспять по времени и осторожно снимать его слой за слоем. Надо проникать в ад и под защитой темпорального визира определять местоположение тел в момент, когда их можно узнать, а затем, вооружившись точным знанием, выбрать порядок и время спасения. Тут надо быть особенно осторожным, чтобы избежать парадоксов и неприятных сюрпризов в истории. Мне рассказывали, что на похожей рабочей площадке один из моих коллег по ошибке дважды разбудил одного и того же мертвеца. Решения парадоксу не нашлось. И теперь во вселенной живут два аналога одного и того же человека, но их разделяют космические бездны. Впрочем, мы столь осторожны по своей конструкции, что я не знаю, можно ли верить этой истории.

Следы...

Это могут быть четыре металлических пуговицы, ставшие от жары капельками, застывшими в черной лаве, или отпеча-

ток лоскутка материи в толще беловато-молочного стекла, или обугленная рука, которую прикрыла стена... У этого солнца свои особенности. Случается, что после него остаются и волосы.

Это может быть бледным кольцом, меловым кружком. Я умею прочесть этот знак. Мячик, ударившийся о стенку и вдруг испарившийся от жестокой ласки солнца. Но все же он оставил на стене свою роспись — колечко, а вернее полукруг, похожий на месяц. Значит здесь в воздухе или пыли кто-то ждет меня. Чье-то прошлое, воспоминание о ком-то, жест кого-то, кто играл в мяч в момент пробуждения этого солнца. Если внимательно всмотреться в стену, то ниже полумесяца можно разглядеть два удлиненных пятна...

Моя задача отыскать этого кого-то — и я ныряю.

Это была девчонка. Десять лет и три месяца плюс-минус одна неделя. Рыжая. Светловолосая. Анатомически и физиологически нормальная. Немножко избалованная, но в будущем следы этой избалованности исчезнут. Человек. Она еще спит. На ней красная плиссированная юбочка и голубой свитерок. Сандалии надеты на босу ногу. На шее — золотая цепочка с колечком от потерянного медальона. На указательном пальце левой руки алюминиевое колечко с пластмассовым цветочком. Одного лепестка не хватает, второй — с трещинкой. У девочки нет двух нижних зубов справа. Два других поражены кариесом. Но эти недочеты будут исправлены позже.

Она спит. И пока она спит, я обдумываю, что ей сказать. Не то, чтобы я не знаю, поскольку все случаи предусмотрены, а отклонения от сценария особого значения не имеют. Но я должен забыть о своих знаниях и опыте и произнести слова так, чтобы они казались только что придуманными, а она их слышала впервые. Будучи тем, что я есть, я не ведаю усталости.

Я разбудил ее.

Она открывает глаза и видит меня в облике седоволосого мужчины в белом халате. Она воспринимает застывший кусок времени, как помещение с белыми стенами. Позади нее, как ей кажется, окно, затянутое белой марлей, сквозь которую сочится голубоватый свет. Но окна нет. Нет и марли. Нет и белых стен. У меня нет седых волос. И я не в белом халате. Я вообще не человек, но она этого пока не знает.

Она молча разглядывает меня. В ней нет ни капельки страха. Я не знаю ее имени и спрашиваю:

— Как тебя зовут?

— Мари,— отвечает она.— Мари-Элен. А кто вы?

Она не пытается сразу вскочить на ноги. Она изучает меня.

— Кое-что случилось,— говорю я.— Несчастный случай. Она настаивает.

— Кто вы?

Она выпрямляется и садится, как ей кажется, на край кровати. Лучше бы она осталась лежать. Но некоторые операции надо проводить, когда пациент бодрствует. Я тихонечко приближаюсь к ней, чтобы она не спрыгнула с кровати.

Стоит ей поставить ноги на пол, и она увидит все, как есть. И надо, чтобы она увидела все, как есть. Но перед этим ей надо кое-что сообщить. Я говорю:

— Мари-Элен.

Она смотрит на меня без тени беспокойства — мой халат вселяет в нее уверенность. Будь ей на три-четыре года меньше, я бы надел костюм арлекина или клоуна.

— Произошел ужасный несчастный случай. Город разрушен. Весь город.

— И дом тоже?

Она еще не верит мне. В терминах субъективного времени она пока видит стену дома, от которой полминуты назад отскочил мячик. Она не увидела, как треснувшая стена почернела сверху, потекла и рухнула под напором дыхания этого солнца.

— И твой дом тоже,— говорю я.— Весь квартал. Весь город.

Она затаила дыхание, ее глаза округлились.

— Были мертвые?— спрашивает она.

— Погибли все,— отвечаю я.

— И Клод?

— Кто такой Клод?

— Мой маленький братишка. Ему семь лет. Я играла вместе с ним.

Отмечаю про себя Клода. В соседнем сегменте следует поискать Клода. Удивительно, что я его не заметил. Впрочем, туманы времени очень густы.

— Погибли все,— повторяю я.

— И папа? И мама?

Я еще раз повторяю:

— Погибли все.

Я наблюдаю за ее реакцией. Все решается именно сейчас. В это мгновение повернется ее жизнь. В течение времени, после миллиардов смертей и воскрешений, люди поняли, что лучшим лекарством от печали, страданий, безысходности является истина. Честно говоря, люди становятся сиротами, умирая. Я мог бы отыскать под пеплом ее брата, отца, мать и всю когорту теней, которые сопровождали ее в жизни от чрева матери до мгновения вспышки. Но ей надлежит вступить в иной мир. Она должна вступить во вселенную и жизнь, где эти тени тяжелыми цепями прикуют ее к прошлому. Время разбилось. Ни для нее, ни для кого другого я не могу восстановить разрушенного и загладить рубец от раны времени. Я могу лишь перенести ее на другую сторону трещины или, как говорят, перевезти через реку. Для нее начнется совершенно иная жизнь. Ничто никогда не должно повторяться.

Но она должна мне помочь. Она должна дать согласие, или возвратиться в горнило и переплавиться — так продолжается до тех пор, пока они не дают согласие; они должны снова и снова умирать до тех пор, пока не воспримут настоящее, трещину, разрыв, рану времени, а также непредсказуемое, нетленное будущее. Мне не хотелось бы, чтобы она умирала вновь.

— А я?— спрашивает она.— Я же здесь. Меня спасли.

Она колеблется, но бросает мне вызов. Не тому, кто есть я, а моей логике, моей истине, которую я несу.

— Все погибли,— говорю я.— Но я пришел за тобой.

— Значит, я умерла?

— Теперь ты живешь. Ты дышишь. Ты слышишь биение своего сердца, ты видишь и слушаешь меня.

— Кто вы?— переспрашивает она и прыгает на землю. Юбка задирается, оголяя длинные ноги и голый живот до пупка. Она смущается и оправляет юбку, еще не коснувшись земли, и тут же застывает на месте и бледнеет, поскольку вокруг нее все изменилось, ее рот приоткрывается, каждый мускул под кожей напряжен, на шее, у правого уха, бьется жилка, и это хорошо, поскольку она увидела другую сторону трещины, другой берег реки в нужный, подходящий для нее момент, и отныне начинается новое, реальность, открывшая поле истины, окружив ее, ей пришлось ступить на другой берег, ее поступь должна быть твердой — ее нога стоит в новых владениях.

— Я ассистент,— говорю я. Мой голос почти не изменился, но все же в нем появилось нечто такое, чтобы она потом не вспомнила о нем, как о человеческом голосе. Но это будет позже, воспоминания займут свои места, в том числе и воспоминания о роли, которую сыграл я, о функции, которую исполняю я.

— Что ты видишь?— спрашиваю я громко. Надо, чтобы она заговорила. Слова должны расплескать ее ужас, поглотить, растворить, сжечь ее тоску.

— Убежище,— говорит она.— Мы в убежище. С машинами. Под землей. Мы под землей.

Она протягивает руки, делает шаг в мою сторону и замирает.

— Машина,— вскрикивает она.— вы — машина.

Она хлюпает носом и начинает реветь. Падает на землю и безутешно рыдает.

— Я — ассистент,— терпеливо разъясняю я.— Я действительно машина. Я помогаю людям. И пришел помочь тебе. Это не убежище. Это — фрагмент времени. Мы не под землей. Иди посмотри.

— Я вас ненавижу,— говорит она.— Я хочу уйти. Я хочу вернуться домой.

— Ты меня ненавидишь,— эхом повторяю я.— Ты хо-

чешь уйти. Ты окажешься дома. В другом месте. Иди посмотри.

Я не хватаю ее за руку. И не касаюсь ее, как она опасается. Я подхожу к окну и отдергиваю белую марлю. Это — театральный и совсем не нужный жест, поскольку нет ни марли, ни окна, — я только меняю одно изображение на другое. Детали не имеют особого смысла, но если они помогают увидеть реальность, пусть они будут.

— Мари-Элен, иди и посмотри.

Но она уже вскочила на ноги и бежит к окну. Я знаю, страх передо мной прошел у нее, и она видит во мне большую и вежливую металлическую игрушку. Я стараюсь подладиться под эту мысль, которая рисует ей будущее. Не само будущее. А мысль о будущем.

Снаружи, хотя нет ни окна, ни того, что снаружи, лежит в развалинах город, но там его уже нет, поскольку его время ушло, погребено, исчезло. Она видит развалины города через окно спустя три часа с минутами после восхода этого солнца, и теперь знает, пока еще не подозревая о собственном знании, что стала частью застывшей картины, что лежит где-то там под рухнувшей стеной, и знает, что жива и смотрит на все это.

Она говорит:

— Все валяется на земле и поломано.

Я подтверждаю.

— Все разрушено.

Я знаю, она не подозревает об истине, она никогда не увидит, во всяком случае в ближайшее время, ни семьи, ни друзей, она никогда не вернется в свой дом, в свою комнату, к своим игрушкам, но кое-что начинает зарождаться в ней, и это кое-что отделяет ее от ставшего воспоминанием прошлого.

Ничто не шелохнется. До эпицентра километров семь. Там нет ничего — ни растений, ни насекомых...

Я говорю:

— Все разрушено. На город упала бомба. Всего одна.

Она застыла у окна и жадно смотрит на руины.

Я продолжаю:

— Есть завтра. Долгая череда дней. Где-то в будущем люди добрались до звезд. Ты уже видела звезды?

Она кивает.

— Ночью. Но не часто.

Я говорю:

— Есть много звезд. Звезд больше, чем жило людей в этом городе. Звезд больше, чем жило людей на Земле во все времена и эпохи, даже если считать все поколения. Звезды самые разные — и большие, и маленькие, и всех цветов радуги. Вокруг многих звезд обращаются планеты. Многие похожи на Землю и подходят для людей. Планет, пригодных

для обитания даже больше, чем людей. Поэтому люди из будущего, которые путешествуют к звездам, решили забирать всех людей всех поколений, которые жили во всех веках. Ты понимаешь?

Она поворачивается ко мне, вернее к тому, что считает мною.

— Люди путешествуют к звездам, как в кино, а ты — робот и пришел, чтобы отправить меня на другую планету, потому что бомба разрушила мой дом и город.

Я говорю:

— Примерно так. Есть еще одно время, еще одно измерение. И люди, которые путешествуют к звездам и которых слишком мало, чтобы заселить всю вселенную, посылают машины, вроде меня, за людьми в прошлое, и все это происходит в будущем. Все это еще будет нескоро.

— Тогда я буду уже старой.

— Нет. По времени можно путешествовать, как по дороге, как к звездам. Хочешь отправиться в это будущее, хочешь уйти к звездам?

— У меня будет своя собственная планета?

— Ты можешь выбрать себе планету. Ты хочешь уйти?

— У меня нет багажа. Мне нужны мои вещи.

Она бросает взгляд на город и заливается слезами. Я терпеливо жду. Когда она начинает шмыгать носом, я протягиваю ей бумажный носовой платок.

— Ты можешь отправляться, когда захочешь.

— Я боюсь, — она вопросительно смотрит на меня. — Там есть люди? Я никого не знаю.

— Там есть люди. Они отличаются от тех, кого ты знала. Они ждут тебя.

— Путешествие не будет слишком долгим?

— Мигнешь, и ты уже там. Если ты готова, пошли.

— Я никогда сюда не вернусь?

— Нет. По крайней мере, думаю, что нет.

Она смотрит на руины и спрашивает:

— Почему люди будущего не построят город заново? Почему они не помешали взрыву бомбы? Они не могут?

— Они могли бы. Но не хотят. Они считают, что былбму следует бытьем порастаи. Они считают, что лучше идти вперед, оставив позади истрепанные вещи, которые не стоят штопки.

— А почему ты остаешься здесь?

— Ради других. Ради таких же людей, как ты. Я разыщу их и отправлю в будущее.

— Где ты их будешь искать?

— Под пеплом.

Она прислушивается к тишине.

— А тебе не хочется отправиться к звездам?

— Не знаю, — откровенно говорю я. — Я там никогда не

бывал. Я сделан не для этого. Мое место здесь. А теперь...

Она с вызовом глядит на меня.

— Я думаю, что ты не очень хитер. Я думаю, что тебя поэтому здесь и оставили. Только умные люди путешествуют к звездам.

— Быть может.

— Я хочу уйти,— говорит она.— Мне не нравится это место.

— Хорошо,— соглашаюсь я и якобы задерживаю занавес на отсутствующем окне.

Открылась дверь — белый прямоугольник, распахнутый в будущее.

— Достаточно переступить порог,— говорю я.— Достаточно переступить порог и попадешь в будущее. Звезды лежат по ту сторону.

Она колеблется или не знает, как поступить, а потому дверь приближается к ней, обрамляет ее, и девочка исчезает. Я не знаю, но предполагаю, что находится позади этой двери. Я там никогда не был. Быть может, там ничего нет. Память мне подсказывает, что меня там собрали, но у моей памяти нет прямой связи с реальностью. Я нахожусь здесь. Я выполняю свою работу — делаю некоторые вещи и произношу некоторые слова. Я помогаю людям, но сам никогда не выбираюсь на берег реки, на край трещины времени. Я не знаю, насколько правдивы мои слова. Я не знаю, действительно ли люди будущего создали меня, чтобы заселить вселенную или хотя бы крохотную часть ее. А может, им просто нужна рабочая сила или солдаты для какой-то бесконечной войны. Я не знаю, что ими движет — жалость или непомерное тщеславие. Или что-нибудь еще. Я знаю одно — надо верить тому, что записано во мне.

Быть может, девчонка права. И я, наверное, не так уж умен. И, быть может, именно поэтому продолжаю работать здесь. Интересно, хочется мне или нет отправиться к звездам.

Но я знаю одну вещь, о которой не сказал девочке. Я знаю, что ждет ее за этой дверью, в будущем, где до звезд рукой подать и где я людям не нужен.

Об этом говорить детям не надо.

Они и так знают, что бессмертны.

Еще один. Сорок четыре года, три месяца и десять дней. Кожа у него розовой, чем у новорожденного. Я слишком поздно вытащил его из печи — опоздал на миллионную долю секунды. На нем сгорела одежда и поврежден эпидермис. У него обгорели волосы, брови и ресницы.

Этот мне не нравится. Я не создан для эмоций, но обработав миллионы людей во всем похожих и во всем разных, своего рода близнецов, я предвижу их слова, их реакции, их манеру вступать на другой берег жизни. Больше всего удивлялись, хотя сложностей не создавали, египтяне — великие фараоны и мелкие рантье смерти, которые копили каждый грош, работали или завоевывали право на загробную резиденцию по своим средствам, и которые при жизни боролись за уют после смерти. Их совсем не удивляла ситуация. Даже не веря в это, они знали, что им уготована новая жизнь. Они знали, что умирают либо от бронзы, вонзающейся в плоть, либо от болезни, подтачивающей человека изнутри. Но не воспринимали окружение и недоумевали, куда подевались их сокровища, глиняные кувшины, амулеты, масло, зерно и мед. Иногда мне в лицо кричали, что я — грабитель могил. Почему они так держатся за свое добро?

Этот мне не нравится. Слишком худое лицо, чересчур впавшие глаза, горькая складка у рта. Он кричал, когда я его извлек, и продолжает свой безмолвный вопль. Но мои предрассудки не должны влиять на мои поступки. Так уж меня создали.

Я разбудил его.

Он кричит:

— Где?

И замолкает.

— Мне жжет руку, — произносит он. — Я в аду.

Правой рукой он поглаживает левую руку, прижатую к груди, словно успокаивает младенца.

— Я видел, как горит моя рука. Я был в аду. Я ощущал пламя на лице. Доктор, как вам удалось вытащить меня отсюда?

— Вы не были в аду, — говорю я. — Вы присутствовали при начале термоядерного взрыва, эпицентр которого находится менее, чем в четырнадцати километрах от вас, на высоте примерно двенадцати тысяч метров. Я допустил небольшой промах — вытащил вас чуть позже, чем следовало. Прошу принять мои извинения. Последствий не будет. Я уже обработал поверхность вашей кожи, получившей легкий ожог.

— Вы, вы, вы, — начинает он, заикаясь, — вы вытащили меня из-под бомбы, но как вам это удалось? Где вы были? Город, наверно, в том еще виде. Слава богу, я жив. Спасибо, Господи.

Я смотрю ему прямо в глаза и произношу, не ожидая, когда он их опустит:

— Вы живете, но не выжили. Город полностью разрушен в тот момент, когда вы сидели за столиком кафе и потягивали сладенький безалкогольный напиток. В этот момент вы умерли. И я ничего не знаю по поводу конфликта. Это не входит

в мои обязанности. К тому же, с моей точки зрения, конфликт давно уже закончился.

— Вы шутите, — говорит он. — Вы хотите сказать, что отыскали и реанимировали меня — искусственное дыхание рот в рот, переливание крови, кислородная камера. Я все это знаю. Я был на войне. А где мы сейчас? В убежище? Здесь мы защищены от радиации?

— Сожалею, но вынужден повторить. Вы мертвы. Вы были мертвы. И в некотором смысле останетесь мертвым вечно. Но вам дан новый шанс. В очень далеком будущем по отношению к вашему субъективному настоящему потомки людей добрались до звезд и почти одновременно научились путешествовать во времени, переходить из одного тысячелетия в другое, из одного года в другой. И решили воспользоваться этим, чтобы воскресить всех людей. Я не доктор в том смысле, как вы употребляете это слово. Я пришел за вами из будущего в мгновение, которое непосредственно предшествовало вашей смерти. И если хотите, то через мгновение отправлю вас в далекое будущее. Там вы сможете выбрать подходящий для себя мир. Но вначале вы должны понять, что это означает.

— Подождите, — он приподнялся, опираясь на локоть, затем усаживаясь на смотровом столе, — я не очень понимаю, ваши слова не доходят до меня, наверно, от шока вы лишились разума, говорите, что я умер и вы воскресили меня, все, как в катехизисе, где говорится, что в конце времени безгрешные воскреснут, нет, воскреснут все люди, но безгрешные попадут в рай, а грешники — в ад, куда отправят всех язычников, атеистов, коммунистов, но вы не похожи на ангела, совсем не похожи, и я не знаю, могу ли вам доверять. Вы уволокли меня в убежище и совсем сошли с ума, поскольку мы попались как крысы.

Он испуган. Он замолчал — у него пересохло в горле, ему нечем дышать. Если бы его бредовая машинка в голове умолкла и он мог бы глянуть окрест и увидеть все, как есть, он бы понял. Но он не мог. Он не может понять, как большинство людей, кроме детей и того человека в другой части света, который, не сказав ни слова, встал с ложа, посмотрел на меня и без всяких колебаний одним движением переступил порог.

— Подумайте хорошенько, — спокойным профессиональным тоном говорю я. — В городе не было ни одного убежища, способного выдержать столь близкий ядерный взрыв. Вам это известно. Все взрослые люди вашего города, которых я обработал до вас, знали это. Место, где вы находитесь, не подвал. Я покажу вам, каким стал ваш родной город через три часа после вашей смерти.

Я делаю вид, что отдергиваю занавес на окне. Он спрыгивает со стола. Отталкивает меня, не видя. Ему кажется, что

он отталкивает меня, но не удивляется тому, что его руки не встретили никакого материального тела. Он смотрит. Его спина округляется. Он машинально подтягивает брюки.

— Боже правый!

Он вздыхает и выпрямляется.

— Согласен. Согласен. Ничего не осталось. Как хорошо, что у меня здесь никого не было. Ни семьи, никого. Мать в приюте, за городом. Коллеги, черт с ними. Все подонки. Надеюсь, им в рай дорога заказана. А может, им еще и задали хорошую трепку. Согласен, я верю вам. Я был мертв и воскрешен, как написано в Библии. И все же. В вас ничего сверхъестественного.

— Во мне не может быть ничего сверхъестественного,— говорю я.— Я украл вас у смерти и теперь отправлю в будущее, где вас ждут, самым естественным способом, как я это проделал с миллионами других существ, не обращая внимания на расу, религию, национальность. Если хотите как-то назвать этот процесс, назовите его научным. Между моментом изготовления бомбы, положивший конец вашей первой жизни, и открытием принципа, позволяющего отыскать вас под пеплом, прошел громадный отрезок времени. И все это время использовались одни и те же методы. Быть может, изменились цели, но цели имеют мало общего с наукой.

Я помолчал и продолжил:

— Счастлив узнать, что вам не о ком жалеть, кроме вашей матери. Поэтому все будет для вас легче. Наверно, людям было бы легче в первой жизни, если бы у них была свобода и отсутствовали привязанности. Теперь перед вами вечность.

Он резко поворачивается, словно я ударил его. Он впервые видит меня в истинном облике. Его лицо белеет. Рот приоткрывается. Губы дрожат. У него жалкий и противный вид. Люди часто так выглядят в своей первой жизни, когда боятся. Интересно, какими они становятся, прожив первый миллион лет.

Он хрипит.

— Вы...

Он с трудом переводит дыхание.

— ... машина. Поганый... поганый робот, машина. Жестяной болван. И я еще слушаю это механическое пугало, которое указывает мне, как поступать.

— Конечно, я — машина. Людям незачем терять время на рутину. Они тратят свою вечную жизнь, чтобы жить и творить. И ни один человек дважды не делает одного и того же дела. Во второй раз он поручает его машине.

— Я не хочу. Я не хочу. Я не хочу жизни в мире, где властвуют машины. Я не хочу получать приказов. А я-то считал вас чуть не ангелом, посланцем всемогущего Бога, чтобы забрать меня и посадить по правую десну...

Я жду, а потом говорю:

— Вам надо научиться смотреть реальности в лицо. Машины созданы людьми для служения людям. Я к вашим услугам. Такова терминология надежды. Вы будете предоставлены самому себе и будете жить. Я знаю, вам придется трудно. Но перед вами вечность, и вы привыкнете.

Он глотает слюну и выдавливает:

— Вечность.

— Конечно, тот, кто однажды избежал смерти, больше не может встретиться с ней. Вы будете жить столь долго, как эта вселенная, а может, и дольше, но этого я не знаю. Если с вами произойдет несчастный случай, вас автоматически переместят во времени. Более того, вы получаете право на вечную юность, а если ваше тело имеет какой-то изъян или не нравится вам, его изменят с вашего ведома. Вы можете остаться таким, как есть, или совершенно изменить свой облик, превратившись в рыбу, или птицу, или существо, живущее в огне, либо пустоте. Все это ждет вас.

Он словно шпагой тыкает в меня пальцем.

— Я не знаю, кто вы... Какое заклинание? Сатана... Изыди, сатана... Вы — порождение дьявола. Хотите лишить вечности мою душу, предлагая вечность плоти. Вы помешали мне умереть, чтобы захлопнуть предо мной врата рая. Боже всемогущий, помоги мне. Я — мученик, я заживо сгорел, я имею право на венец мученика. Всю свою жизнь я был смиренным, и верующим человеком — и страдал. Я не поддавался соблазнам и почти не грешил. Я верую в бога, в его святых, в вечное спасение. Убирайтесь! Убирайтесь.

— Вы страдали, я это знаю. Вы были одиноки. У вас сложилась определенная концепция мира и жизни. Отныне вам нет нужды страдать. Все, о чем могли мечтать люди вашего времени и люди прошлых времен, дается вам. Берите. Все ваше.

— Я вам не верю. Вы — посланец демона и лжете. Я видел пламя ада. Туда вы и хотите столкнуть меня.

— Будьте логичны. Пламя, которое вы видели, рождено бомбой. Я вырвал вас из лап смерти, из этого ада, так зачем же мне вас толкать обратно?

— Ради искушения, ради гибели моей бессмертной души. Машины — посланцы Сатаны. Моя безгрешная душа... лучше умереть и даже попасть в чистилище, а потом обрести вечное счастье на небесах.

Я чувствую, что все идет шиворот-навыворот. Иногда так случается. Теоретически я мог бы его заставить, усыпить, отправить в будущее. Но в будущем не лечат от подобного безумия. Будь у него больное тело, я бы вылечил его. Но его тело в полном здравии для его эпохи. Поврежден его разум, и только сам субъект имеет право, если он захочет, внести поправку в сумбурное сплетение своих воспоминаний, испра-

вить то, что ему мешает перешагнуть через трещину и ступить на другой берег. Я не могу заставить его. Это записано в моей программе. Только человек может приказать мне переступить через запрет. А ныне мы с ним одни.

Я делаю еще одну попытку:

— Я бы мог показать вам вашу душу. Она не столь невинна, как кажется вам, хотя это не имеет никакого значения, а по моему разумению, и смысла. Хотите я покажу, что прячется в вашей душе? Поверьте, даже по вашим критериям, вам не попасть в рай. По крайней мере, вам предлагается вечность, чтобы навести порядок в своих собственных кошмарах. Итак, хотите глянуть на свою собственную душу?

— Нет, нет и нет,— простонал он.— Я знаю свою чистую и безгрешную душу, и нет моей вины в том, что вы искушаете меня. Уберите сей кубок от уст моих. Господи, избавь меня от искушения. Тебе ведомы мои намерения.

— Послушайте,— я повышаю голос, потому что он затыкает уши.— Слова, голос — вот все, чем я располагаю, чтобы достичь сердца людей: голос и разум — единственное оружие, врученное мне, хотя мне под силу зажигать и гасить звезды, задуть пламя этого солнца, замедлить бег секунд и повернуть реки вспять, единственное оружие, с помощью которого я могу заставить человека глянуть в лицо реальности, поскольку человека нельзя ни убедить, ни заставить силой. Это люди заучили за миллиарды лет существования своего вида, и это они вложили в нас. Подневольный человек не есть человек в истинном смысле этого слова, а не будучи человеком, он не имеет права на свое место в будущем.

Послушайте, я только перевозчик, и я помог миллионам людей в первые мгновения после их смерти. Я выслушал их и знаю их верования и, по своей конструкции, уважаю их, как уважаю ваши воззрения. Я не могу решать, правильны ли они, и даже если бы мог, не стал бы этого делать, ибо право решения принадлежит самим людям. Но я видел, как рушились эти воззрения и люди меняли их по столько раз, что вы бы изменили свое мнение, имея вы мой опыт или тысячную долю его. Я видел мужчин и женщин, которые распространяли эти верования. Но все они принадлежали их старой жизни и отвечали их нуждам, ведь люди были одиноки, несчастны, угнетены или искали оправдания своему чувству превосходства, либо они умирали, так и не прожив, и другого им не оставалось. Но стоило им оказаться здесь, где находитесь вы, как все это отмирало за ненадобностью. Вам больше нечего ждать. Ни наказания, ни награды. Вы есть. Вы вне этого. Вы — в настоящем.

Его голос дрожит, когда он произносит:

— Вы осмеливаетесь утверждать, что у меня нет вечной души?

— Не знаю. Я не теолог. И не думаю, что имеется теологическая машина. Допустим, у вас есть бессмертная душа. Почему бы вам не подождать конца этой вселенной, чтобы наконец освободиться от пут плоти? Представьте, что вы заболели у себя в мире. Вы же не откажетесь от лечения ради смерти?

Про себя я ощущаю слабость данного аргумента, многие так поступали. Таковы люди. Я уже знаю, что проиграл.

— Это вовсе не одно и то же. Я был уверен в своей смерти, а вы забираете, крадете ее у меня. Не быть, не страдать, раствориться в божестве. Вы обещаете мне вечность во плоти. В вас нет ничего человеческого. Вечность машины. Отлитой из металла и стекла.

— Машины не вечны. Только люди становятся вечными. Но он не слушает меня.

— Отодвинуть момент вечного успокоения. Если вы заставите меня, я убью себя.

— Мне кажется, что вы больны. Я даже уверен в том, что вы больны. Но я ничем помочь не могу. По вашей вере в случае самоубийства вас ждут вечные муки, а вы гсворите о нем.

— Только из-за вас. Почему бы вам не оставить меня в покое?

— В пламени? Под испепеляющим дыханием бомбы?

— Я хочу прожить свою смерть.

— Вы действительно хотите?

— Я желаю этого больше всего на свете. Бог поймет меня.

— Вы свободны. Страдать вам придется недолго. Вы исчезнете. Вы и вправду хотите этого?

— Да,— в его голосе нет твердости, а есть лишь упрямство.

— Вы причиняете мне боль. Моя задача — возвращать людей к жизни. А не обречь их на забвение. Можете подумать. У вас сколько угодно времени, я даже могу вас оставить сколь угодно долго в этом транзитном мире. На вашем языке это называется преддверием рая.

— Не искушайте меня более,— произносит он, заламывая руки.

— Жаль, но я вынужден еще раз задать вам тот же вопрос. Таково правило. Вы действительно хотите вернуться туда, откуда я вас извлек? Теперь же?

— Это самое горячее мое желание,— говорит он.

Его голос звучит фальшиво. Фразу он позаимствовал из набора готовых формулировок, загромаждающих его память. Ведь он боится. Но верит в свою искренность.

— Да будет так. Прощай.

Он вернулся туда. В плавающий под жестокой лаской этого солнца город, в цикл жизни и смерти. Еще секунду он будет видеть приближение смерти, и, может быть, уже сожалеет, и что-то прояснилось в его голове, ему стало понятней, что такое длительность и вечность плоти. Слишком поздно и никогда не поздно. Все известно. Однажды, если этот термин имеет смысл, я или кто-нибудь другой вновь выловит его. В самых тайных закоулках души человека таится искорка неведения того, что такое время, и опыт его бесполезной смерти повернет вспять всю жизнь и, может быть, достигнет того мгновения, когда надежда на собственную жизнь возобладает над ожиданием собственной смерти.

Таковы люди. Я встречаюсь с этим не впервые. У некоторых из них, живших в определенных условиях, развивается неодолимое желание к самоуничтожению, ведь человека выковырывает окружение. Я знаю об этом куда больше, чем люди, прожившие свою первую жизнь. Они живут вместе с собственной тенью, а эта тень скрывает от них настоящее и толкает их в будущее, а они не могут воспрепятствовать своему духу лететь навстречу концу — всю свою жизнь они вдыхают запах своей смерти и обреченно ждут ее. Мне известен кусочек их тайны. Эта тень — их второе я. Эта тень — все, что они хоронят в себе из страха не понравиться другим, все лучшее, что они мечтают иметь. Они не могут жить без своего второго я, и второе я пожирает их. Человек тяжело переносит общение с себе подобными. Они бегут по секундам жизни, уносясь от того, что несут в себе. И именно это они должны оставить здесь, свою тень, толкающую их к смерти, и все свои мысли, которые рождаются ради одного — заглушить вечный страх. Они должны оставить свою тень здесь.

Люди не умирают. Уйдя отсюда, они уже не умирают. Ничто и никто — тем более человек — не смогло бы вынести ожидания смерти, присутствия тени внутри себя в течение вечности.

До своей смерти город выглядит словно растрескавшаяся гора, чей каменный скелет несет в себе миллионы ячеек. Коридоры с запертыми дверями и ровными стенами. Выйдя из праха, они принялись громоздить над своей головой тот же прах. Каждая трещина, каждая нора заселена. В это время жизненное пространство, которое человек выбрал для себя, называется комнатой. Когда-то было иначе. А для некоторых жизненным пространством было их тело. Для этих зеркалами стали стены, словно меньшая хрупкость жилищ спасала их от страха.

Это солнце уничтожило их стены и оставило их обнаженными.

Этих двух я нашел вместе — они так плотно сплелись

друг с другом в любовном объятии, что пришлось извлечь их одновременно. Такое иногда бывает. Люди не выбирают мгновения собственной смерти. Я отделил их друг от друга и уложил рядом.

Мужчина открыл глаза, посмотрел на меня и спросил:

— Что случилось?

— *То самое* и случилось,— ответил я, делая упор на первые два слова, чтобы он сразу понял. Я мог бы ему показать город, вернее то, что от него осталось. Но время терпит. И в этом нет особой необходимости. Он помнит вспышку, а кроме того, он умен.

— И мы не умерли?

В его голосе слышится недоумение.

— Смерти не существует,— отвечаю я.— Вам стоит привыкнуть к этой мысли. Вы мертвы, и вы уже не мертвы. Но это неверно. В этом виде, в каком вы есть, вы не мертвы.

Он внимательно рассматривает свои руки.

— Я жив,— говорит он.

Это не вопрос, а констатация факта. Он кладет ладонь на бедро женщины и понимает, что она крепко спит. Он снова смотрит на меня.

— Бы нас спасли.

— Я пришел за вами. Туда, где вы были. За такими, какими вы были. За мгновение до того.

— Мы занимались... — начинает он и колеблется, чувствуя, что больше удивлен, чем смущен. Я принимаю равнодушный вид и говорю равнодушным тоном. Мне известно, что люди этой эпохи разработали целую гамму сложных ритуалов и тончайших запретов в отношении всего, что относится к интимным взаимоотношениям. Во всяком случае, они соблюдают их перед посторонним.

— Вам следует разбудить ее,— советую я.— Лучше, если это сделаете вы сами. Достаточно одного жеста.

— Подождите, я должен понять.

У него властный голос. Чувствуется, у него есть смутная догадка по поводу моей персоны.

— А город? Ничего не осталось?

— Земля. Фундаменты. И пепел над ними. От известного вам города не осталось ничего.

Он глубоко вздыхает. Я знаю, наступает момент неверия. И одновременно это — момент прозрения, понимания того, что случилось, что он жив, что город разрушен...

— Откуда вы?

Мой ответ прост:

— Из настоящего.

Ему я не могу ответить иначе. Для меня настоящее суть любой момент, за исключением некоторых объективных ограничений. Но и он не относится к разряду обычных людей. Люди такого склада редко встречаются здесь, а потому я

даю откровенный ответ на вопросы этого человека. В этом состоит моя задача. Ведь каждый человек уникален.

— А в чем ты перемещаешься?

Он удивил меня. Не столько вопросом, сколько тоном. Люди могут удивить нас своим радикальным отличием от нас. Они не просто иные. Они могут быть непредсказуемы. Этот именно таков. Он — полная противоположность машине. Он не рассчитывает ситуацию, а реагирует на нее.

— Во времени,— отвечаю я.

Он молча ждет. И его молчание скрывает в себе вопрос. Я чувствую, что должен посвятить ему уйму времени и многое рассказать. Особого значения это не имеет. Но всегда труднее иметь дело с умными людьми этой эпохи. Их надо переубеждать.

— Я прибыл из будущего. Из очень далекого будущего, в котором люди достигли звезд и путешествуют во времени. Моя задача вырывать из лап смерти всех людей за секунду до их кончины и переправлять их в это будущее, где каждого ждет подходящий ему мир.

Мои слова заинтересовали его.

— Невероятно и логично. Такое возможно. Если люди хоть раз научатся оживлять мертвецов, они сделают это. Хотя бы из чистого любопытства. Следует предположить, что из вашего далека разница между друзьями и врагами не имеет смысла. А значит, лучше вернуть в строй всех. Но ради чего? Ради выигрыша нескольких лет?

— Нет,— твердо говорю я.— Люди больше не умирают.

Он рассмеялся и уселся на край стола.

— Бессмертие. Не больше, не меньше. Но ответь мне, ведь там такое множество народа, если ты не пропускаешь никого.

— Люди обошли вселенную и нашли ее очень обширной. Они думают, что всего человечества не хватит, чтобы заселить ее.

— И там никого нет? Никаких туземцев? Никакой конкуренции?

— Это мне не ведомо,— униженно отвечаю я.— Сами увидите, как обстоят дела. Но уверяю вас, места хватит всем.

Он присвистнул и почесался.

— Хотел бы посмотреть на тебя в твоем истинном облике. Сомневаюсь, что ты похож на старого семейного доктора.

— Это просто сделать.

Он видит меня, каков я есть. Он не испуган. Может быть, немного удивлен. Конечно, он видит меня не совсем таким, как я выгляжу на самом деле. Он просто не имеет возможности. Но я ничего от него не скрываю. В этом нет никакой необходимости.

— Мне неясно еще кое-что. Как ты оживил нас? Ведь от нас мало, что осталось.

— Операция простая. Я ныряю во время и вылавливаю тело перед самой его гибелью.

— А почему не раньше? Почему не в тот момент, когда люди стоят на гребне своей жизни?

— Иначе остались бы пустоты. Эти пустоты подтачивали бы время, и оно бы провалилось, как земля, изъеденная штольнями.

О другой причине я умалчиваю. Они должны завершить свою жизнь, поскольку их жизнь принадлежит им самим. Но это не ускользает от него.

— Понятно,— тянет он и задумывается.— Но если ты забираешь все тела, ты все же подтачиваешь время. Когда я жил, существовала особая профессия — люди этой профессии хоронили тела.

Таковы люди. Они рассуждают, как мы. Иногда.

— Я оставлю копию. Абсолютную копию. Вплоть до молекулы. Надо быть точным в малейших деталях, чтобы не внести казусов.

Он обдумывает сказанное мной.

— А раненые, маразматики, умирающие от рака, инфаркта, чумы, проказы, от ожога напалма, погибшие от удушья, от отравы — их ты тоже приводишь в надлежащий вид и отправляешь пастись в звездные прерии твоего грандиозного будущего..

— Совершенно верно. Я чиню их, и они больше не умирают.

Он ударил кулаками по коленям.

— Мне повезло. Крупно повезло. Все мы везунчики. Лучше уж подохнуть молодым. Да здравствуют войны. Какой ужас ждет нас. Сколь же чудесно твое грандиозное будущее. Приют для старцев, живущих на грани смерти.

Я угадываю, что происходит у него перед глазами. Я знаю это, поскольку люди, которых я пробудил, оставили во мне отметину, и, хотя я отличаюсь от них, я частично стал человеком, впитав в себя их ужасы и желания. Мне знаком страх смерти, как если бы я был смертен. Мне ведомо любовное желание, как если бы я мог любить. Мне известен страх перед распадом тела и личности, когда каждая частичка времени, словно песчинка, истачивает хрупкое и выносливое вещество тела и памяти. Мне понятны тайные опасения жить лишь сожалениями о прошлом. Я знаю, что он видит Вселенную, заполненную стариками, нескончаемые серые когорты инвалидов, наощупь бредущих под равнодушными небесами. Вселенную-приют.

Я говорю:

— Нет. Они научились бороться против гнета лет. Научились связывать то, что уже развязано. Регенерировать то, что дегенерировало. Возвращать утраченное. Старый человек может вырасти и стать ребенком, как растет ребенок, чтобы

стать взрослым.

— Интересно. Но мне не хочется впадать в детство.

— Это вовсе не обязательно. Каждый избирает себе тот период жизни, который подходит ему. Мало кто выбирает.

— Пусть так. Я допускаю, что можно локально победить энтропию, заставить живые клетки регенерировать, воспроизводиться, что можно отрастить новую конечность. Саламандры делают это уже миллионы лет, да и мы вплотную подошли к этому. А нервные клетки? Насколько я знаю, человек ежедневно теряет десятки тысяч нервных клеток. И это-то в конце концов и убивает его.

— Их можно научить делиться, как остальные клетки.

— А память?

— А что ужасного в забвении?

Он смеется.

— Нет. Я думаю о другом. Допустим, я стану бессмертным, как ты утверждаешь. На данный момент у меня есть воспоминания. Абсурдные или важные по мерке моего сознания. Я знаю, что это мои воспоминания. Но спустя век, тысячу лет, миллион лет, если я проживу столько, я наберу такой опыт, что череп мой не сможет его вместить. Я больше ничего не смогу узнать. Я окажусь запертым в своем прошлом, стану пленником своей памяти, умру иной смертью, превращусь в ходячего мертвеца, в своего рода мумию, а мои глаза всегда будут видеть прошлое в вечно меняющемся мире. Ты предлагаешь мне вместо могилы мой собственный череп? Неужели мои ладони столь глубоки, что могут вместить море?

И добавляет с вызовом:

— Или есть ластик для стирания воспоминаний? Может, раз в век следует промывать голову?

— Вы знаете, что такое голограмма?

Он кивает. Но мне нужна полная уверенность, и я говорю:

— Это — форма элементарной памяти, способ тотальной типографии, изобретенный примерно в вашу эпоху. Возьмите голограмму, которая воспроизводит предмет, лицо, пейзаж. Разорвите ее надвое. В каждом фрагменте полностью сохранится первоначальное изображение. В принципе каждая точка голограммы полностью содержит запечатленную сцену. Но на практике существует предел, зависящий от природы света и носителя информации. За все приходится платить. Фрагмент голограммы содержит менее резкое изображение, чем полная голограмма. Она будет не столь контрастна, появится зерно. Основные черты сохраняются по мере дробления, но детали исчезают.

— Я все это знаю, — с раздражением прервал он меня. — Я — ученый. Ты, случаем, не обучающая машина?

— В каком-то смысле, да. Но я не учу технике. Моя данная попытка состоит лишь в том, чтобы помочь вам понять, предложив аналогию. Любая биологическая память, некото-

рые разновидности механической памяти ведут себя иногда, как голограмма. При исчезновении нейронов воспоминания не исчезают из памяти, но теряют четкость, становятся более отвлеченными, утрачивают детали. По мере старения человека в его первой жизни память его слабеет, ему все труднее зафиксировать новые впечатления, точно так же насыщается и фотопленка. Самый старый опыт остается наиболее отчетливым, поскольку наложился на девственно чистую пленку. Образ запечатлен в миллиардах нейронов, а потому потеря нескольких миллионов немного ослабляет его. Для первого раза нужна всего одна экспозиция, а для запоминания последующих образов нужны повторения. Наверное, поэтому людям трудно в своей первой жизни перерасти свое состояние ребенка. Пока вам следует запомнить, что информация в памяти не накапливается, ложась одна на другую в одной какой-то точке мозга. Каждая отдельная единица информации задействует огромное количество нейронов, если не всю нервную систему — точно так же изображение, содержащееся во всей голограмме, виртуально присутствует в каждом ее фрагменте.

Он осторожно, чтобы не разбудить свою подругу, спрыгивает со стола и идет к окну. Занавес тает под его пальцами. Но он не удивляется этому. Он разглядывает город. Он ничего не произносит, но я читаю в нем:

— Чистая работа.

Он вдруг покрывается потом. Он смотрит на город и продолжает слушать меня.

— Любопытная теория. А ее продолжение?

— Старые нервные клетки заменяются новыми, девственно чистыми и жаждущими получить свежую информацию. Но по мере того, как уменьшается количество старых нейронов, воспоминания, записанные в них, теряют свою отчетливость, отдаляются. И если сознание не вызывает и не переносит их на новый носитель, они исчезают напрочь, теряясь в непроглядной ночи. И только бессмертный знает, что такое истинное забвение. Он скачет по волнам времени. Видели ли вы серфиста на гребне волны? Я не видел. Но мне приходилось их будить. Представьте громадную волну, катящуюся по бесконечному океану. Горизонт позади ограничен морем, но человек твердо стоит на своей доске, своем настоящем, а весь горизонт охвачен его взглядом.

— Из вас получился неплохой поэт,— произносит он, не оборачиваясь. Я отмечаю иронию и грамматические особенности его речи.

— Спасибо. Меня сконструировали для ведения разговоров с людьми, и мне кажется, что контакт с ними способствовал моему совершенствованию.

— Однажды,— медленно говорит он,— я забуду это место, которое вовсе не то, чем оно кажется, и этот город, которого

уже нет. А может, и эту женщину. Я буду знать лишь одно — я живу и помню, что со мною было несколько десятков лет, в лучшем случае один или пару веков назад. А впереди мрак, вернее туман. И каждое мгновение какая-то частица меня будет умирать и какая-то частица рождаться. Мне будет нечего вспомнить об этом времени. Хотя нет, может быть, запах, цвет неба, необычный звук, аромат женщины. Ваше бессмертие — плохая штука для историков. Один из ваших бессмертных, родившихся в эпоху императора Августа, сообщает о Риме не больше, чем найдешь в учебниках.

— Если желаете, можете окружить себя устройствами механической памяти. Мы созданы, чтобы хранить воспоминания. Можете записать каждое свое дело, каждое свое слово.

Для кого? Зачем? Я никогда не любил архивов. В конце концов, жизнь не состоит из одной памяти.

Будь я человеком, я бы обрадовался, поскольку он увидел другой берег трещины в нужный, в подходящий момент времени, и уже ничто не повторится, реальность после минуты истины сделала свое дело, он пристал к другому берегу, ему осталось только ступить на него и освоить. Я говорю: «Жизнь обширнее памяти», и будь я человеком, то ощутил бы печаль, ибо памяти моей нет пределов, и кончится она вместе со мной. Люди могут забывать, а я нет. Умей я забывать, как они, я бы мог, наверно, творить, а не быть простым перевозчиком.

Но я всего-навсего машина, и в моей конструкции не заложены ни печаль, ни радость, ни забвение.

Он оборачивается, обводит взглядом стены зала, и у меня создается впечатление, что он понимает — стен на самом деле нет, и это не какое-то определенное место, а иллюзия, проекция ради облегчения перехода.

Но люди по своей натуре воспринимают лишь часть измерений.

— А я мог бы отказаться? От всего? От путешествий во времени, от звезд, от бессмертия?

— Некоторые так и поступают.

Он протягивает руку и ласково играет локоном ее волос.

— Все это выглядит слишком прекрасно. Будущее, космос, фантастические цивилизации и целая вечность, чтобы их открывать. Слишком прекрасно... для примитивного субъекта. А где доказательство, что вы не лжете?

— Их нет. Но вы живы.

— Как там?

— Не знаю. Никогда там не был.

— Я буду чуждым телом, затерянным в неведомом мире.

— Но это уже с вами было.

— А что делать, имея перед собою вечность?

— То, что люди умеют делать. Учиться, творить, жить. Это ваши заботы.

Он наклоняется к женщине и бормочет:

— Стоит попробовать.

Он касается ее плеча, гладит грудь — она просыпается, а я не знаю, что предпринять, — то ли отправить их вместе, то ли удержать ее, чтобы сказать то, что должно быть сказано. Он помогает ей встать, и она, коснувшись пола, видит меня в моем истинном облике, таким, каким она может видеть меня, и с ее уст срывается вопль.

Он встряхивает ее, целует и говорит:

— Ничего не бойся. Это — машина. Был конфликт. Мы умерли. Но люди из будущего прислали за нами и предлагают нам свое гостеприимство, бессмертие и звезды...

Она молчит и трет пальцами веки, чтобы осушить слезинки или проснуться, считая, что видит сон. Она вдруг замечает, что обнажена, но поскольку я — машина, это ее не трогает.

Она спрашивает машину:

— Ты любишь меня?

Он отвечает не сразу. Тогда я говорю:

— Вы можете отправляться.

— Как?

— Надо лишь переступить порог этой двери.

Он идет к двери, она за ним, но у самого белого четырехугольника колеблется, останавливается и тихо спрашивает:

— А ты пришел за всеми?

— Да. Без исключения.

— Хорошо. Мне не хотелось бы быть избранныком.

Он стоит в нерешительности.

— А почему люди будущего это делают? Мне очень бы хотелось знать мотивы их поступков.

И тут я лгу. Я привык лгать, когда слышу такой вопрос, но здесь я в сомнении, ведь задан он с полной откровенностью. Мои колебания длятся слишком мало, чтобы человек заметил их. Ведь реакции у людей замедлены. И за этот отрезок времени я выбираю доверительный тон.

— Они делают это, потому что могут. Им кажется несправедливым хранить бессмертие лишь для себя, когда столько людей уже умерло. Они делают это, поскольку щедры. Щедрость всегда была одной из черт человека. И больше ничего добавить не могу.

Он чувствует облегчение.

Он хватается за руку, тащит за собой со словами:

— Пошли, любовь моя, нас ждут звезды, народы, населяющие звезды, и мы узнаем вечную любовь, оставаясь юными под миллионами звезд, и никогда не забудем нашей любви.

ИЛИ

Он резко отталкивает ее со словами:

— Мотай отсюда. Ищи себе собственную звезду. Я даже

не знаю твоего имени, потаскуха. Мы встретились лишь вчера. А теперь терпеть тебя целую вечность? Лучше сдохнуть!

Одна дверь или две двери — они все равно выглядят одной.

Таковы люди. Непредсказуемы. Но это ничего не меняет. Люди попадают туда поодиночке, даже если волей случая переступают порог вместе. Я думаю об этом мужчине, о его делах и говорю себе, что он, наверно, все поймет, что надо понять по прошествии миллиона лет, что мы сделали из каждого человека человечество во времена, когда люди умирали, и это человечество было громадной, разбитой на части голограммой, истрепанной с одного конца и растущей с другого, постоянно обновляющейся, когда каждый фрагмент длится недолго, а исчезая, передает столь малое количество информации, что повсеместно повторяются одни и те же ошибки. Однако люди сумели создать нас, и мы покончили с этим.

По крайней мере, я в это верю, потому что это записано во мне.

Из каждого человека мы создали человечество.

Из каждого человека, которому мы дали бессмертие, мы сделали человечество, наделив их своей собственной историей, и очень хорошо, что звезды столь многочисленны. Я и другие будем продолжать наше дело, пока под пеплом спят другие. Затем я завершу свой труд. Бессмертны только люди. Если только людям будущего не придет мысль оживить все существа, жившие на этой земле, чтобы расселить их по вселенной. Но я не верю в это. Всему есть свои границы. И мне любопытно, почему не многие задают главный вопрос: «Где предел? Когда начался человек?» Различие сделать легко. Люди знают, что однажды умрут.

Я помню человека, который задал мне его. Его лицо выглядело пергаментом, на котором ничего нельзя прочесть. У него был беспокойный дух. Он рассмеялся, услышав ответ, и сказал:

— Значит, однажды человек или полуобезьяна изобрел идею смерти?

— Не один. Многие. Смерть — коллективное изобретение.

Он кивнул и сказал:

— Я так и думал.

А потом добавил:

— Обычай сделал ее машинальным упражнением.

И ушел.

Я этого не понял. Люди умеют строить из слов фразы, которые в некотором смысле не являются ложью. И снова я вспоминаю о вопросе мужчины и о чистой лжи, которую произнес я.

Почему они, люди будущего, делают это? Зачем они будят варваров прошлых эпох, вонючих и волосатых животных, восстанавливают их потерянные жизни, стерильные росписи неведения и насилия, отпечатанные в их плоти? Зачем они хотят вызвать из забвения людей всех без исключения? Зачем они делают это, даже если вселенная слишком обширна для них одних, ведь звезд невероятно много, и вряд ли для их заселения хватит всех когда-либо живших людей?

Зачем они делают это?

Они не делают этого. Это делаем мы. Люди из будущего создали и послали нас сюда для выполнения определенной задачи, а сами в какой-то мере являются потомками людей и похожи на меня. Когда я солгал ему, как лгал другим, он поверил мне, поскольку хотел поверить.

Но они этим не занимаются. Этим занимаемся мы. Поскольку человек велик. Поскольку мы хотим, чтобы он заполнил вселенную. Поскольку каждый человек святыня. Поскольку мы созданы, чтобы мыслить.

Иногда я спрашиваю себя, правы ли мы. Это бывает, когда я смотрю на солнце через очки времени.

Но риск не велик. Люди больше не уничтожают себя. Они создают себя. Звезд так много, что существует планета для каждого человека.

И ни на одной планете не живет больше, чем один человек.

ЧЕРНАЯ МАГИЯ

Они парили в рубке управления. Безмятежно плавали между пультами, мигающими лампочками, звездными картами, приборами. Вокруг них по странным орбитам носились самые разные предметы. Так продолжалось уже трое суток. Ели, спали, дышали, читали и считали, плавая по рубке.

Звездолет вышел из строя. Корабль, плод трехвековых усилий астронавтики, двух столетий космических исследований, испытаний и ошибок, миллионов исписанных и исчерченных листов бумаги, еще хранивший дрожь от инструмента тысяч рабочих рук, заснул в бесконечном пространстве.

Они не могли прийти в себя от негодования. Их корабль, первый, который люди решились запустить за пределы орбиты Марса, в опасную область астероидов, первый, покинувший спасительную гавань, ограниченную эклиптической, первый, созерцавший своими стеклянными очами звезды под новым углом зрения, бесстрастно ждал ремонтного корабля, который не прилетит никогда. И было бессмысленно ремонтировать его. Они могли угадать поломку и с первого раза и через тысячу лет.

Ежечасно они пытались запустить двигатели, но безуспешно, хотя с надеждой склонялись над приборной панелью, ожидая, что стрелки датчиков наконец дрогнут. Однако замершие стрелки не колебались. Когда двигатели начали глохнуть, едва удалось изменить курс и встать на орбиту вокруг далекого крохотного Солнца.

И с тех пор они ждали в тусклом свете аварийных ламп. Они были в ярости, но избегали резких движений, опасаясь удариться о металлические переборки: они даже старались глубже дышать, чтобы меньше крутиться вокруг собственной оси.

- Ну и пессимист же ты, Бартелеми,— хмыкнул Андре.
- Земля далеко.
- Мы должны были улететь еще дальше.
- А затем вернуться

Пер. изд.: Klein G. *Magie noir*.— Fiction, № 130, 1964.
© перевод на русский язык, Григорьев А. М., 1990

— И мы вернемся,— примирительно сказал Гийом.— Мы снова возьмемся за работу и, может найдем причину аварии.

— Почему бы не разыграть, какой элемент теперь подвергнуть проверке?

Гийом бросил монетку. Та пролетела через кабину, ударилась о переборку, отлетела назад и принялась обращаться вокруг какой-то неведомой звезды.

— Судьба решила за нас. Мы ничего не чиним. Играем в карты и ждем.

— Ремонтного грузовика?

Они помолчали.

— Идиоты,— вдруг вскипел Бартелеми.

— Ты о ком?

— О тех, кто писал те статьи, что я читал перед отлетом. Они говорили, что человек проявляет безумие, увлекаясь скоростью, что бессмысленно возить пустые головы со скоростью света, что прогресс человека тут соответствует его тщеславию. Они говорили, что лучше ходить пешком, чтобы узнать дорогу.

— Ну и что?

— Они ничего не поняли. Они считали себя бессмертными. Они думали, что могут совершить прогулку до Альдебарана и обратно на скафандре, бросая каждые десять километров зернышко риса.

— Быть может, им просто не хотелось на Альдебаран.

— А потому вместо этих идиотов отправились мы. Чтобы через век-другой их потопки капали на мозги нашим: кому нужно завоевание звезд? Границы человеку поставлены самой Солнечной системой. Зачем летать быстрее добрых старых звездолетов? Надо делать так, как делали всегда.

— Тобой все еще владеет космос, Бартелеми. Успокойся. Ты не любишь прошлого?

— А за что я должен его любить? Я его не знаю.

— Послушай. Известно тебе, что делали на парусных судах во время штиля пять или шесть веков назад?

— Ругались.

— Вероятно. И ждали чуда. Нас откуда может извлечь только чудо.

— А почему бы и нет?— сказал Андре.— Нам необходимо чудо.

Он дернул рукой и отлетел к переборке. Затем поплыл в сторону товарищей.

— Ты с ума сошел, Андре, или шутишь?

— Пока не знаю. Почему бы не попробовать? Это не будет тянуться ни век, ни тысячелетие. А нашего положения не ухудшит.

Гийом и Бартелеми внимательно, огорченные, смотрели на Андре.

— Мы же не в Средневековьи.

Андре скрестил руки на груди и уселся в метре от пола.

— А знаете, что я делаю сейчас?— спросил он.

— Строишь осла,— ответили они вместе.

— Нет. Левитирую. Святые иногда занимались этим, и такое называлось чудом.

Бартелеми стал еще озабоченней.

— Почему бы не попробовать?— повторил Андре.— Давайте рассуждать по-научному. Представьте, что параллельно нашей Вселенной, которую мы знаем, расположена другая, которая соответствует... скажем, некоторым верованиям, сознательно отброшенным нами. Сочтите существование Бога научным фактом. Что логически из этого вытекает? Возможность чуда. Статически вероятная реализация молитвы. Дайте мне *обет*, мог бы сказать Архимед, и я переверну мир.

— Практическая точка зрения,— начал Гийом,— но...

— Точка зрения чокнутого,— сказал Бартелеми. Он медленно двинулся и начал вращаться вокруг собственной оси.

— А как испросить чудо?— поинтересовался Гийом.

— Точно не знаю. Я не неаполитанец.

— Когда-то я бывал в Неаполе,— скривился Бартелеми.— На редкость грязный город. Там до сих пор на улицах падают нищие. Какие рожи они строят.

— Им случается донищенствоваться до чуда. Говорят, у них опасная техника, книги с заклинаниями и особые святые. А если они не получают удовлетворения, то ставят рядом с прощтрафившимся святым доску с оскорбительными надписями и обращаются к другому.

— Бросим взгляд в будущее,— проворчал Бартелеми.— Теперь в звездолетах рядом с пилотом, штурманом и физиком будет сидеть неаполитанец на случай, если понадобятся его услуги. Он получит право на провоз десяти килограммов свечей и пятисот святых образков. И кроме того, на библиотеку с назидательными произведениями.

— Неаполитанцы действительно читают только назидательные произведения,— вставил Гийом.— Еще в колледже я знал одного неаполитанца...

— Не вижу ничего смешного в этой теории, Бартелеми,— сказал Андре.— И сейчас на звездолетах к физикам относятся со святотатственным опасением.

— Полагаю, вы намекаете на меня!— воскликнул Бартелеми, хватаясь за стенку, чтобы остановить вращение. Недовольный товарищами, он начинал обращаться к ним на вы.

— Подведем итог,— сказал Андре,— и вернемся к нашим чудесам.

— Надо составить уравнение,— усмехнулся Бартелеми.

Ему хотелось бы хлопнуть дверью, чтобы подчеркнуть свое презрение и осуждение, но по ту сторону переборки, кроме шкафов и грузовых отсеков, ничего не было — только космос и несколько далеких невидимых звезд, да еще безглазые ме-

теориты, да изредка летящий по своим делам атом водорода. Оставалось только отвернуться.

— Нам нужна, по крайней мере, одна свеча, несколько образков и текст молитвы. Может, мы сочиним ее сами?

— Свеча делается из воска,— проворчал Гийом.— Не думаю, что на борту звездолета есть воск. В крайнем случае, можно использовать электрическую лампу.

— Возможно,— кивнул Андре,— но боюсь, этого недостаточно. Насколько мне известно, Бог не любит простых решений.

— Твой Бог — ретроград,— усмехнулся Гийом.

— А вдруг электрический ток помешает нашим молитвам добраться до него.

Они отыскиали воск вокруг выводов запасного аккумулятора. Осторожно сняли его и расплавили восковую перемычку, изолировавшую выводы.

Пока они трудились, Бартелеми молчал, закрыв глаза. В аптечке они нашли кетгут, растопили воск на электроплитке. Слили его в пробирку так, чтобы кетгут оказался в центре расплавленной массы. Когда смесь затвердела, они разбили пробирку и получили коричневый цилиндр.

— Теперь надо раздобыть образок,— сказал Гийом.

— У нас есть микрофильм Библии. Может, этого хватит?

Они прогнали книгу по экрану. Вдруг Андре нажал кнопку И прочел:

Надежда на кощунство равносильна зародышу, унесенному ветром, пене, сдуваемой бурей.

— Не очень вдохновляет,— пошутил Гийом.

Они погасили свет во всем звездолете, Андре с трудом зажег свечу. Она загорелась с треском и фырканием, но вскоре пламя стало гаснуть. Андре удалось поддержать его, обмахивая листом бумаги. Они поместили позади висящей в воздухе свечи фотографию с текстом из Библии, приняли коленопреклоненную позу и начали молиться. И хотя им было трудно вспомнить слова, которых они не произносили долгие годы, молились они вслух и с усердием. Перед их глазами стояла Земля, вращающаяся в пустоте, зеленый укутанный облаками шар; они спрашивали себя, где границы Божьей власти, не пересекали ли они их, или согрешили, перейдя те ограничения, которые были поставлены перед человеком.

Бартелеми остановил вращение вокруг собственной оси. Ему не нравилась его фантастическая, пляшущая тень на стене. Он начал молиться — сначала про себя, потом шепотом, затем его голос окреп, и он присоединился к друзьям. Он тоже молился от всей души. У каждого из них было свое понимание Бога, впрочем, полной ясности в концепции божественного не было ни у кого. Но у них была одна родина, Земля, и в этом мире все люди, когда им угрожала опасность, обращали свои взоры к невидимому властителю. Бартелеми не мог не

помнить об этом. Быть может, дело выгорит, думал он, но было и другое. Молитва в дрейфующем звездолете с мертвыми приборами и неподвижными стрелками была делом мирным и чистым. Возможно, повторял он себе, иррациональное поведение вызовет реакцию иррационального мира. Быть может, Бог даст физикам то, чего они ждут, верующим то, чего они желают, лишь бы веровали они с надлежащей силой.

Впервые с того момента, как заглохли двигатели, перестав сотрясать своим воем кабину звездолета, у них не было страха. Правда, и особых надежд тоже не было. Они просто ждали. Андре продолжал обмахивать пламя свечи. Потом дунул на нее и погасил — было приятно и странно находиться здесь, висеть в воздухе, вдыхая запах горячего воска. Бартеlemi включил свет, и некоторое время они молча смотрели друг на друга. Потом бросились к циферблатам приборов. Стрелки с места не сдвинулись. Даже не вздрогнули. Они попытались запустить двигатели, но ничего не вышло. Они снова молча переглянулись. Затем привязались к койкам, погасили свет и долго лежали, устремив взгляд в черный потолок, едва подсвеченный красными контрольными лампочками.

— Спокойной ночи, — произнес Гийом.

— Может, это случится ночью, — добавил Бартеlemi. Впервые после аварии они спали без кошмаров.

Они выпили горячий кофе через соломинку, вымыли сферические чашки, поставили их на место и уселись в воздухе. Ни один не решался начать разговор.

— Не сработало, — наконец вымолвил Андре.

— Нет, — мрачно подтвердил Бартеlemi.

— Мы постучались не в ту дверь, — сказал Андре.

— Быть может, надо было превратиться в мусульман или буддистов.

— Буддисты не верят в чудеса, — наставительно произнес Бартеlemi.

Снова воцарилась тишина.

— Быть может, наши разные молитвы взаимно уничтожились. Какова твоя религия, Гийом?

— Мои родители были протестантами. Кальвинистами.

— А твои, Бартеlemi?

— Я — еврей.

— А я католик. Полагаю, нам надо перерезать друг другу глотки.

Они переглянулись и рассмеялись.

— По правде говоря, мы были дураками, считая, что Господь поможет трем проходимцам вроде нас. Мы недостаточно сильно верим в чудеса.

— Теперь стали верить еще меньше.

— Ну что, снова за работу?

Они огляделись: множество табло, бесчисленные цветные проводки, бегущие по стенам кабины, и экраны, бледные, как

глаза мертвых рыб. У них даже свело пальцы от одной мысли, что надо брать в руки отвертки и крутить несчетные винты.

— Представьте себя на месте Бога,— вдруг сказал Андре.— Я не теолог, но думаю, наши молитвы только привели его в раздражение. Нам хотелось всего-навсего поставить себе на службу его неограниченное могущество.

— Я это уже слышал,— перебил его Гийом.

— Мы постучались не в ту дверь. Мы страдаем излишней гордыней. Мы думали ввести в машину молитву и пламя плохонькой свечи, чтобы получить на выходе добрую тягу, которая выведет нас на должный путь. Детские мечты.

— По-моему, я это говорил,— проворчал Бартелеми.

— Попытка не пытка,— продолжил Андре.— Теперь, представьте, что Бог готов помочь нам, но обходным путем, так, чтобы об этом особенно не знали, как если бы тягу вместо него создал кто-то другой. И нам надо постучать в другую дверь. В ту, что напротив. Почему бы не прибегнуть к магии?

— Колдовство,— хмыкнул Гийом.— Ересь.

— Нет, если намерения наши чисты.

— Теперь иезуитство,— простонал Бартелеми.

— Бартелеми, кое-кто из ваших рабби занимался магией. Вспомните о равине Лебе. А сколько умнейших и выдающихся священнослужителей занимались алхимией и белой магией? Что касается протестантов...

— Они жгли колдуний в Салеме, прости нам Господи.

— Андре набрал одно очко,— сказал Бартелеми.— Почему бы не попробовать? Я знал одного теоретика, специалиста по асимметричным полям, который верил в силу крови рыжей курицы, рассеянной в полночь на поле с волчьими зубами.

— Он пытался сделать это?— спросил Гийом.

— Насколько я знаю, нет. Он боялся.

Андре нахмурился.

— Плохо то, что в библиотеке звездолета не очень-то много магических заклинаний.

— Может, попробуем что-нибудь изобрести?— предложил Бартелеми. Его серые глаза сверкали от любопытства.

— Не хватает и аксессуаров. Где мы отыщем волчьи зубы?

Они думали в полной тишине целых три часа. Потом Бартелеми опустился на пол, открыл люк и исчез в нем.

— Куда он отправился?— спросил Гийом.

— Наверно, на прогулку,— усмехнулся Андре.

Они ждали долго, хотя трюмы были весьма невелики. Но там было множество самых разных предметов, инструментов, оснастки, консервов, книг, фильмов, традиционных флагов, которым следовало трепыхаться в водородной атмосфере ледяных планет, лекарств, оружия, горелок (где найти сейфы для вскрытия?), комбинезонов, игральные карты.

Бартелеми вернулся с огромной книгой в руках, несколько-

ми банками консервов и тюбиками и флаконами, изъятymi из аптечки. Обложка книги была разодрана. Бартеlemi скалился во весь рот.

— Ну и что?— спросил Гийом.

— Честное слово, везуха, что вспомнил об этой книженции. Старинное издание «Улисса», которое я всегда таскаю с собой. Ее переплел мой приятель. Обложка растрепалась, и угадайте, что он наклеил на обороте? Страницу из «Великого Альберта».

— А что это такое?— невинно спросил Андре.

— Своего рода сборник магических заклинаний. Книжка до недавних времен пользовалась огромным спросом.

— Ладно,— заметил Гийом,— вопрос о том, подходит ли нам данный отрывок.

— Не знаю,— честно признался Бартеlemi.— Надо осторожно отклеить этот лист бумаги и выяснить, что позади.

Они сделали это. Они использовали водяной пар, который собрался в непроницаемое облако в центре кабины. Они понизили температуру, чтобы избавиться от влаги. Облако выпало мелким дождем и вымочило их до костей. С руганью они поместили хрупкий листок бумаги на стекло, словно речь шла о драгоценном образце исчезнувшей флоры. На обратной стороне листка ничего не было. Только белизна. Наверно, им кончалась глава. На лицевой стороне они едва смогли различить неясные рекомендации, призывы к осторожности, несколько ужасающих и непонятных предупреждений.

Они кружком уселись в воздухе. В полном отчаянии.

— Сожалею,— сказал Бартеlemi.

— Не стоит,— ободрил его Гийом.

— Подождите,— воскликнул Андре.— В трюме есть и другие книги. Может, поработаем со всеми.

Бартеlemi усмехнулся.

— Почему бы и нет?— сказал Гийом.— Хоть время потянем.

Андре бросился в трюм. Двое остальных прислушались к глухим ударам. Им казалось, что в столкновение вошли разные миры, что погибали или создавались вселенные.

Наконец Андре кометой вылетел из трюма, толкая перед собой неровный ком бумаги, картона, чернил и клея.

Они принялись за работу. Они многое узнали об обложках и искусстве переплета. Вскоре они научились отличать хорошую книгу от дешевки. Внутри обложек они обнаружили чистую бумагу, обрывки газет, таблицу логарифмов, куски альманаха, который особо привлек их внимание.

И вдруг Андре издал торжествующий клич.

— Смотрите!— вскричал он.

Это был отрывок статьи. Бумага давно пожелтела, а шрифт выглядел старинным. В статье говорилось о черной магии и о способе вызывать первичных и вторичных демонов. Заклина-

ния и пентаграмма. Меловой круг, дверь в иной мир, запретная граница.

— У нас нет мела,— сказал Гийом.

— Изготовим!— рявкнул Бартеlemi. Он схватил флаконы и тюбики с лекарствами.— Мы можем изготовить карбонат кальция. А может быть, нам и вовсе не нужен мел.

Андре расхохотался.

— Ты что, собираешься рисовать магический круг шариковой ручкой?

Они изготовили мел. Это было детской забавой. Лаборатория корабля имела превосходное оснащение. Они получили небольшой белый цилиндр очень тонкого состава.

— Осмелюсь сказать,— засмеялся Андре,— что этот мел превосходит натуральный.

Они освободили центр кабины и заспорили, кому говорить заклинание.

— Моя идея,— заявил Бартеlemi.

— Зато я нашел заклинание,— возразил Андре.

В конце концов они стали тянуть жребий.

Победил Андре.

Остальные отодвинулись, освобождая ему место. Андре встал на колени и медленно начертил неровный круг. Он с усердием скопировал с пожелтевшего листка несколько фигур, разместив их вокруг круга.

— Гасите свет,— приказал он.

Затем зажег свечу. Он тихонько дул на пламя, чтобы оно не угасло и одновременно пересохшим горлом бормотал странные слова, спотыкаясь на жутких сочетаниях гласных и согласных, спрашивая себя, имеют ли значение ударения и достаточно ли вера в то, что он делает. Пламя свечи осело. Во мраке едва различались силуэты двух остальных, которые, едва дыша, смотрели на него, изредка сглатывая набежавшую слюну. В круге что-то было. Он ощутил это спинным мозгом. Возможно ли, подумал он, чтобы империя низших демонов раскинулась так широко в пространстве и во времени; разве их не смело дыхание ракет, не стерло мерцание осциллографов, не испугали математические символы?

— Послушайте меня,— произнес он,— вы, который в круге по моей воле. Послушайте меня, хотя я не верю в ваше существование. Мы трое людей с Земли. Мы заблудились в пространстве. Мы просим вас о помощи, подтолкните нас, чтобы мы могли добраться до родной планеты. Мы готовы отдать вам в обмен все, чем владеем.

Он не услышал хихиканья, которого ждал.

В его голове пронеслась вереница сумасшедших мыслей. А вдруг демон принадлежал к иному миру, чем Земля, а вдруг он унесет их в свои владения, в ледяной мир, обращающийся вокруг Сатурна, где они и погибнут? Везде ли одинаковы ад и небо?

А вдруг существо, ждущее в меловом круге, потребует души в обмен на возвращение на Землю. Согласятся ли они на такую жертву? Кто пойдет на нее? Все было возможно. Можно ли обмануть демона? Старая проблема.

— Вашей помощи,— повторил он— вашей помощи...

Его терзал ужас. Ужас абсолютный и безграничный, ужас оказавшегося в темноте ребенка, прислушивающегося к шорохам. Он ничего не услышал, ни смеха, ни ответа, ни проблеска света, только шевелились тени Гийома и Бартеми. Доносилось их легкое дыхание, будто падали листья на осенней Земле, на прекрасной рыжухе Земле, на которой было так приятно лежать. Эта мысль посетила одновременно всех троих. Они ничего не чувствовали. И вдруг корабль вздрогнул. Вначале они ощутили едва заметное движение. Потом появился верх и низ. Снова появился вес, но они еще были перьями, листками бумаги, семенами одуванчика.

Они стали медленно дрейфовать. Сначала к переборке, затем к полу, потом снова к переборке. Движение было удивительно медленным — до далеких металлических континентов им придется плыть века. Потом движение ускорилось.

Сомнений не оставалось. Корабль двигался. Корабль набирал скорость.

— Мы победили!— вскричали они разом.

Они начали прыгать в разные стороны. Они чувствовали; к ним, как старая привычка, возвращается вес. Они снова заиграли мышцами. Они сделали несколько неуверенных шагов. Они со смехом шаркали ногами по полу.

— Куда мы движемся?— спросили они.

Штурман Гийом бросился к своему рабочему месту. Он ласково пргладил полированную поверхность ровно гудящего компьютера. Набрал вопрос и получил ответ.

— К земле,— сообщила машина.

Они переглянулись.

— Невероятно,— пробормотал Гийом.

Воцарилась тяжелая тишина.

— Помолчи,— шепнул Андре.— Он может нас услышать и обидеться.

— Как его зовут?

— Понятия не имею. Впрочем, неважно. Он спас нас.

— Еще нет,— возразил Гийом.— Я не могу в это поверить. Не могу поверить, что люди Средневековья были правы. Не могу поверить, что мы в Средневековье, что все это было забыто и мы вновь открываем его.

День ото дня Земля росла на их экранах — булавоочная головка, шарик, золотистый или темно-синий плод весь в равномерных бликах. Потом они увидели Луну. Траектория их движения была математически безупречной. Они мечтали, как однажды громадная невидимая рука усадит их на зеленый луг. Или с робостью оставит на подходе к планете, откуда

они вызовут базу, а когда за ними прилетят, они поведают спасителям свою историю.

Но иногда сомневались, будут ли ею делиться. Они обсуждали этот вопрос очень долго, но к соглашению не пришли. Они часто меняли свое мнение, и обычно один из них защищал ту точку зрения, которую критиковал часом раньше. Были свои за и против.

— Это очень важно,— заявил Андре. Мы не имеем права умалчивать об этом.

— Нам не поверят,— возражал Гийом.— Кстати, может, он не хочет, чтобы о нем упоминали.

Они запутались в предположениях о могуществе заклинания. Они сделали попытку провести анализ качеств мелового круга.

И незаметно для себя оказались в небе Земли. И тут Гийом заметил кое-какие странности.

— Небо пустое,— сказал он.— Никаких ракет. Никаких спутников.

Они склонились над экранами. В небе было чисто. Но планета была несомненно Землей. Они узнали очертания континентов и облачные системы, лицо и маску планеты, замкнутые моря, сверкающие, как глаза среди гор-век. Движение корабля замедлялось. Они тихо опускались вниз.

— Ничего не узнаю,— сказал Гийом.— Америка. Должны быть видны города.

Через несколько часов они проплыли над Европой. Они летели очень низко, за обшивкой свистел воздух.

— Ничего не узнаю,— странным голосом проблеял Андре.

Стрелка альтиметра была почти на нуле. Они различали леса, пашни, странные сооружения. Потом увидели город. И поняли, что именно он был их целью,— город под ними выглядел невероятно. Дома были низенькими и теснились друг на друга, из-за узости улочек не различалась мостовая. Они спустились еще ниже и увидели толпы странно одетых людей; неправильные крыши зданий их поразили. Над городом возвышались башни из резного камня, вокруг вились крепостные стены, и им показалось, что они поняли.

Они обрели уверенность, что поняли, когда увидели оживление в городе и костры на главной площади, принятые ими вначале за прожекторы. Они были достаточно низко, чтобы рассеялись все сомнения по поводу их назначения. Они почти слышали рев толпы и звон колоколов, а также клацанье оружия, ударявшегося о стены.

Они медленно опускались на Землю. Корабль плыл, словно воздушный шар.

— Во времени,— прохрипел Гийом.— Не только в пространстве, но и во времени. Он приволок нас к себе.

— Как они нас примут?— спросил Бартеlemi.

Остальные пожали плечами. Дым костров заволок экраны.

И в это мгновение они услышали донесшийся из почти стершегося под их ногами мелового круга гнусный, издевательский смехок.

Туника Нессы

Много тайных дел творится за стенами хрустального оазиса, каковым был и остается город Туле. Ни одно место под легким небом Марса не скрывает стольких странностей, хотя на первый взгляд нет ничего особого в плоском, пустынном горизонте, за которым скрываются зыбкие силуэты караванов, отправляющихся на юг за сказочными богатствами шахт. Даже улицы Туле скучны для свалившегося с неба туриста, прилетевшего с далекой звезды или просто с Земли и блуждающего среди новых или древних строений, отполированных ветром, — все они кажутся покинутыми за исключением некоторых часов и дней. Иногда быстро проходит туземец, закутанный в свой песчаный плащ. Открывается дверь, полощется ткань в треугольной амбразуре окна, под ветром поет одна из хрустальных башен, а в глубоких подземельях ревет вода, кровь Марса. Так здесь тянутся часы.

Однако в Туле с незапамятных времен сосуществуют несколько миров. Прежде всего мир Марса, его патриции-отшельники, которые почти не появляются на площадях города и которые привыкли смотреть на бег дней сквозь металлическую многоцветную сетку своих темных глаз: мир Земли, столь же старый, застывший, словно припорошенный пылью и пытающийся облачиться в достоинство марсианских патрициев, а также звездные миры с их юной силой.

Без галактиан и их бьющей через край живости, без их вкуса к головокружительным приключениям и их бредовых страстей, без их наивной страсти к древностям, без их грубовато-добротного настроения, без их восхищения и, особенно, без их богатства, Туле давно бы превратилась в руины. Марс — в мертвый мир, а Земля — в древний скелет былого величия. Но галактиане посещают Туле веселыми компаниями, или бегут в свободный город от неизвестно каких строгих и неведомых здесь законов, или оказываются на берегу песчаного океана, как потерпевшие кораблекрушение в космосе. Здесь бок о бок живут, ссорятся или игнорируют друг друга многие расы. И спокойствие улиц Туле лишь обманчивая маска, за которой прячется кипучая жизнь домов города и хрустальных башен. Отсутствие машин поражает туристов, но некоторые дома имеют самое современное оборудование. Здесь занимаются десятком почти забытых наук.

Пер. изд. Klein G. La tunique de Nessa.— Fiction, № 138, mai 1965.

Туле похожа на монету — у нее две стороны.
Или на тунику — у нее есть подкладка.

Два парня уже довольно долго следовали за девушкой. Один из них был светловолос, а другой — темный шатен. По их одеждам и суровым чертам лица было видно, что они прилетели со звезд.

У каждого на поясе висело небольшое, но мощное оружие, запрещенное на Земле и разрешенное на Марсе. Они приметили девушку на небольшой площади с журчащим фонтаном, и она им понравилась. Юное существо сидело на бортике фонтана и, не обращая на них внимания, расчесывало голубые пряди волос длинными пальцами, изредка проводя ими по высокому выпуклому лбу. При их приближении она вскочила на ноги и неспешно пошла прочь в сторону узких улочек. Они последовали за ней. Ее уход показался им вызовом. Они не понимали, почему девушке захотелось удрать от них, ведь она не принадлежала к патрициям, а одета была в легкую длинную тунику, складки которой до смешного плотно облегали фигуру.

Они преследовали ее молча. Им не нужно было говорить между собой. Они уже неоднократно занимались на других мирах подобной охотой и настигали добычу, не обменявшись ни словом. Они были уверены в себе, горды собой и своим происхождением, своим миром, своими одеждами, своим оружием, своим богатством, своей силой и с презрением отзывались о людях с древних планет.

Однако они не осмелились бы напасть на марсианку, даже если бы она им очень понравилась. Трусость начинается там, где кончается могущество. Но девушка не походила на марсианку. По правде говоря, ее происхождение мало их волновало. Если она была чужеземкой, риск был невелик.

Они следовали за ней, не ускоряя шага, по кривым улочкам Туле, не боясь заблудиться, ибо не раз в поисках приключений бродили по лабиринту этого оазиса. Они удивлялись про себя, что ни разу не встречали ее раньше ни на улицах, ни в припортовых борделях, прелести которых они исследовали со страстью провинциалов.

Им было скучно. И потому они преследовали девушку. Друзья прибыли на Марс, после долгого путешествия и посещения множества миров. Их интересовали всяческие приключения, о которых потом можно было вспоминать всю жизнь. В их коллекции отсутствовало марсианское воспоминание. Эта девушка могла стать незабываемым воспоминанием о Туле.

Девушка не убегала. Это их раздражало. Им хотелось погони, отчаянного сопротивления, даже борьбы, которая придала бы вкус победе, в которой они не сомневались. Жителей Туле не порядок не волновал. Патриции на улицах не

появлялись: туристов мало занимали существа, не принадлежащие к их миру, а полиции есть чем заниматься, кроме изнасилованной девушки.

Хьялмар, блондин, обогнал Марио. Ему больше нравилось преследование, а не сама добыча. Когда незнакомка углубилась в кривые улочки Эпиполя, ему стало скучно. Скоро они окажутся у стен города, и ей придется уступить.

Марио обогнал его и, надеясь настигнуть девушку на углу улицы, припустил за ней во весь дух. Но когда он приблизился, девушка рванулась вперед и оказалась далеко впереди. Марио повернулся к Хьялмару и усмехнулся — настоящая охота только начиналась.

Их постигло разочарование, когда через сотню шагов девушка повернула за угол, и они потеряли ее из виду. Улочка, где исчезла девушка, была узеньким провалом между двумя белыми гладкими стенами, до которых можно было дотронуться, раздвинув руки.

Марио быстрым шагом шел впереди. Их возбуждение возросло, и они едва не прошли мимо незаметного портика, треугольного отверстия, достаточно высокого, чтобы пропустить согнувшегося человека. За отверстием начинался марсианский каменный садик.

Они оглядели садик, он казался покинутым, и они решились переступить порог. В этом доме явно жили чужеземцы. Ни один марсианский патриций не позволил бы рухнуть хрупко-равновесным кристаллам, с трудом собранным в пустыне.

Удивление галактиан было столь велико, что они забыли о возможной добыче. Их охотничья страсть переросла в азарт первооткрывателей. Они тихо и осторожно шли по аллеям, с тщательно подобранными камнями. Их подкованные сапоги нарушали царящий в саду порядок и тишину.

Марио отломил отросток кристалла, и сотканный словно из иinea цветок рассыпался в прах, за ним рассыпался и ствол.

Марио глянул на Хьялмара и нервно рассмеялся. Все здесь было древним и хранило лишь видимость настоящего. Каменный садик напоминал Туле.

Внимание Хьялмара привлек золотистый отблеск. Между камнями скользили странные насекомые или игрушки. Они ползли по таким старым дорожкам, что до блеска отполировали их.

Марио скользнул в сторону и занес ногу для удара. Но Хьялмар удержал его и пальцем указал на треугольный проход, симметричный тому, что пропустил их в сад.

— Девушка, — сказал он.

Марио вернулся на дорожку.

Она не могла уйти иным путем, если только согласно легендам, лабиринт линий и кристаллов не открывал врат на отдаленные континенты. Она была чужеземкой, но проникла во дворец — значит патриции давно не жили здесь. Галактиане

некоторое время колебались, но потом разом переступили порог и очутились во тьме.

Они шли вперед, вытянув руки и натываясь на острые углы лабиринта, скрытого в глубинах дворца. Свет почти не проникал сюда. Марио шел впереди, ощупывая пол ногой.

Вдруг над ними возник яркий свет — их ноги ступили на песчаный ковер.

Стены разошлись — лабиринт кончился длинной спиралью. Марио бросился вперед и споткнулся. Не удержи его Хьялмар, он бы упал. Он зацепился за длинную палку, торчавшую из груды лохмотьев. Груда шевельнулась, и из нее возникла рука. Марио поднял ногу, но Хьялмар снова удержал его. Не стоило врываться во дворец, убивая сторожа.

— Девушка? — спросил он.

Белые неподвижные глаза, похожие на глаза слепца, повернулись в его сторону. Кожа была того же цвета слоновой кости, что и рука и палка, но морщины соткали на лице голубоватую сеть, словно наброшенную на резкие черты:

Сухие губы раскрылись, как клюв:

— Жаль, — произнес старик до странности твердым голосом. — Вы молоды. У вас впереди долгая сладкая жизнь.

— Девушка, — раздраженно крикнул Марио, и Хьялмар удивился, что здесь не было эха.

— Не стоит, — произнес старик. — Вы должны жить. Она — под плохим знаком.

Марио деланно рассмеялся и, наступив на палку, сломал ее.

— Девушка, — повторил он, словно то было единственное слово на древнем языке, которое он знал. — Я ее не боюсь. Послушай, я заплачу. Я ее покупаю. Она не марсианка.

— Поищем сами, — сказал Хьялмар. Ему было не по себе. — Он ничего не знает. Марсиан мало трогают иностранцы.

— Это истина, — сказал старик. — Никто здесь не знает, откуда она появилась. Она носит на себе демона.

— Оставь его, — вмешался Хьялмар. — Ты видишь — он сошел с ума. Я пойду один, если ты будешь выяснять, где она.

Марио скривился и последовал за ним.

Перед поворотом Хьялмар оглянулся. Старик возложил обе руки себе на голову. То был знак большого траура. И Хьялмар удивился, чью судьбу оплакивал странный охранник покинутого дворца.

Они оказались в огромном дворе, покрытом ковром серого песка. Это было сердце дворца, прячущееся меж шести белых стен с треугольными нишами, соединенными тонкой паутиной трещин. В центре двора высился фонтан, на две трети наполненный голубым песком именно воды, некогда изливавшейся из ноздрей шести чудовищ с разбитыми мордами.

— Буква харин, — воскликнул Марио. — Дурное предзна-

менование!

Шести или семиметровая буква высилась прямо против них.

Марио бросился вперед. Хьялмар удержал его и вытащил из-за пояса оружие. В нишах сидели самые разные существа, и ни одно из них не было человеком. Все они смотрели на них. Марио выдернул оружие, но Хьялмар схватил его за руку. Противников было слишком много.

— Пошли, но оружие спрячь.

Марио колебался. Он был готов вернуться. Но Хьялмар теперь решил идти до конца. Под их сапогами скрипел песок, а существа подняли невероятный шум — они выли, стонали, даяли, свистели, произносили слова на неизвестных языках.

— Ты понимаешь, что они говорят?— спросил Марио.

Хьялмар прислушался.

— Они предупреждают об опасности. Предостерегают нас.

Шум прекратился. Они всем телом ощущали тяжесть взгляда дворца. Только слепо смотрела буква харин. Стены были оплетены песчаными лианами и образовывали лестницу, ведущую к трем нишам. Хьялмар ногой попробовал крепость лиан. Они оказались крепкими.

— Она наверху. Я пойду первым.

Они было заспорили, но Хьялмар все же настоял на своем. Он с какой-то особой нежностью относился к Марио, зная безответственность его поступков. Они были наследниками князей-купцов и хотели доказать себе, что ничего не боялись, даже какой-то девушки. Жизнь в космосе часто имеет цену преодоленного страха. Но ему хотелось быть первым в неизвестном помещении и первым отыскать незнакомку.

Ловкий как кошка, он вскарабкался наверх, глянул вниз и улыбнулся Марио, который лез вслед за ним. В глубине помещения двигалось светлое пятно, и, когда его глаза привыкли к полумраку, он узнал тунику с подкладкой из короткого меха. Девушка сидела на глиняной скамье и ждала их, охватив лицо руками.

Марио приблизился к ней и протянул руку. Она бросилась на него, укусила и попыталась убежать. Марио охватил гнев, он сгреб девушку и понес к скамье. Затем зажал ее руки в кулаке и принялся второй рукой сдирать с нее тунику.

Вдруг он закричал.

Хьялмар увидел, как побелело его лицо. Девушка перестала отбиваться. Рука Марио была охвачена туникой, которая пульсирующими движениями ползла вверх. Марио тщетно пытался высвободиться. Обнаженная девушка бесстрастно смотрела, как туника перебиралась на плечо Марио, который обеими руками пытался вырваться из объятий туники.

Туника пожирала Марио.

Хьялмар осторожно подошел ближе, словно во сне схва-

тился за край туники и попытался сдернуть ее с друга. Туника извивалась в его пальцах, живая, горячая и прочная, как металлическая лента, кожа. Девушка бросилась к нему, и осыпая яростными ударами, отогнала прочь. На руке Хьялмара чернел синяк.

На девушке не было никаких одежд, но ему было не до нее — он слышал ужасный хруст, свист воздуха, вырывавшийся из легких Марио, и видел, как туника жадно впитывала в себя капли крови. Его вопль перекрыл крик Марио.

Он опустил глаза. Мех, извиваясь как червяк, переползал на девушку. То что лежало на полу, совсем не походило на Марио — от его друга остался бесформенный пурпурно-белый ком с торчащими изломами костей.

Хьялмара вырвало. Из глаз его лились слезы, и он с трудом различал девушку, которую облежала окровавленная туника. Он повернулся и прыгнул в пустоту.

Хьялмар несколько недель плавал в асептической жидкости — в момент приземления он получил множество переломов. А когда пришел в себя, то с воплем сбросил с себя одеяло. Его успокоили и поместили в барокамеру.

Он знал, что был обязан жизнью девушке. Она довольно быстро предупредила полицию. Его даже удивило, что он не увидел ее у своего изголовья. Хьялмар не знал, чем закончилось дело. Но не сомневался, что она выпуталась, поскольку из мозга погибших на Марсе считывали информацию об обстоятельствах смерти. Вся вина лежала на нем и на Марио. Она, скорее всего, отделалась небольшим штрафом. Законы Марса были соблюдены.

Иногда у него возникало желание близости с девушкой, и он удивлялся относительности памяти и ее хрупкости. Ему хотелось спросить, кто она и справлялась ли о нем, но слова не срывались с уст. Сорвись они, психологи, отвечавшие за его здоровье, были бы несказанно удивлены.

Когда его извлекли из барокамеры, ему пришлось учиться заново ходить. Затем он вышел на улицы Туле с помощью автоматов. Он спешил покинуть звездный порт, где его лечили, и вернуться в оазис со слепыми стенами. Он даже иногда спрашивал себя, захочет ли он вернуться на родную планету. Однажды он даже нарисовал на стене каюты букву харин. Марс пленил его.

Когда Хьялмар окончательно выздоровел, то начал искать и нашел сад. Двор был пустынен. На земле валялись лохмотья. Существа бежали отсюда, боясь мести галактиан.

Он стал бродить по городу в поисках девушки. Шли дни, и приближалась дата старта. В порту уже снаряжали крейсер, на борту которого были выбиты гербы его и Марио. Герб Марио пересекала черная траурная полоса.

Он ежедневно возвращался на площадь с фонтаном и смотрел, как по воде расходятся круги от падающих струй.

Однажды Хьялмар увидел девушку. Она стояла спиной к нему и пила. Длинная туника плотно облегла ее.

Он медленно подошел к ней, боясь спугнуть скрипом сапог, но не дотронулся до нее. Когда он хотел поздороваться, из горла его вырвался хрип.

Она резко повернулась, и он отступил, держа перед собой открытые ладони. Она не бросилась бежать, а посмотрела на него. У нее были светло-желтые глаза, и она дрожала.

Хьялмар с трудом выговорил на старо-марсианском:

— Я искал вас.

— Чтобы убить меня?

— Чтобы... поблагодарить. Вы не марсианка?

— Нет.— Она отняла руки от бортика фонтана и добавила.— Я рада, что вы живы.

Она протянула ему руку, он взял ее, и его пальцы коснулись полы туники. Ему показалось, что по меху пробежала волна. Ему хотелось погрузить пальцы в мех, но воспоминание о Марио остановило его. Она осторожно положила его руку на тунику. Ему показалось, что к его коже приник рот — это было похоже на требование ласки со стороны знакомого и беззащитного существа.

— Она защищает меня,— сказала девушка,— она при мне с самого рождения.

Он порывлся в памяти, но ничего не вспомнил. Ни в одном учебнике не говорилось о таком. И ни один путешественник не упоминал о подобном. Правда, существовал древний миф. Туника Нессы. Насколько он мог припомнить, она то ли сожрала, то ли сожгла какого-то героя.

— Как тебя зовут?

— У меня нет имени. Зачем оно мне. Ведь подобных мне нет.

— Как нет?— удивленно воскликнул он.

Он бросил взгляд на ее голубые волосы. Они не были покрашены. Их корни были даже еще темнее. Наверно, она говорила правду. Ее, похоже, бросили на этих песчаных берегах после долгого путешествия через пространство или время. Она не принадлежала ни одному из миров.

Хьялмар подарил ей древнее марсианское ожерелье, увиденное в какой-то лавчонке. Она одела его и забыла о подарке. Было ясно, что она никогда не носила никаких одежд, кроме туники а каменная красота ожерелья оставила ее равнодушной.

Они никогда не вспоминали о Марио. Впрочем, и говорили они мало — их согласие как бы состояло из молчания. Девушка приняла компанию Хьялмара, как раньше принимала свое одиночество. Он встречался с ней в определенный час у фонтана, угощал ее хлебом, медом и марсианским ягуртом. Иногда его мучило ее равнодушие, но влекло к ней из-за ее неприступности и неуязвимости. Ее ничего не тро-

гало, словно туника предохраняла не только тело, но и душу.

— Чем она питается?— спросил он однажды.

— Мною.

Они сидели в каком-то заброшенном саду. Она умела находить их по неуловимым признакам. Теперь он знал, что таких садов много и что Туле медленно умирала. Над ними звенело искусственное хрустальное дерево. Она подняла край туники, и он различил на внутренней стороне бедра, почти на складке паха, три продолговатые царапины. Хьялмар впервые увидел внутреннюю сторону туники при свете дня. Она походила на тонко выделанную кожу синего цвета с множеством прожилок. В самом углу прятались три крохотных рта.

— Она кусает тебя,— с испугом сказал он.

Девушка едва улыбнулась. Она откинула тунику и открыла левое плечо. Прямо над грудью Хьялмар увидел три таких же царапины. Ему показалось, что туника смотрит на него. Три глаза, три рта, как застежки впивались в кожу девушки. Он припомнил все, что знал о симбиозе. Ему в голову пришла мысль, достойная его предков — узнать, где водился такой мех. Жены богатых галактиан отдадут все свои драгоценности, чтобы иметь такую же. И совместят свою страсть к мехам с любовью к домашним животным. Ему хотелось знать, распространены ли такие туники в галактике.

Потом почти с гневом отбросил эту мысль. Несомненно, нигде не существовало ни такой туники, ни такой девушки с голубыми волосами.

— Я хочу дать тебе имя. Несса. Ты — Несса.

— Несса,— неуверенно повторила она.

Загрузка корабля подходила к концу. Она могла бы закончиться раньше, но Хьялмар то и дело менял распорядок работ и велел переоборудовать часть помещений в марсианский сад с хрустальными деревцами и разноцветными насекомыми.

Вскоре он заметил, что Нессе не нравилась мысль о его скором отлете. Она не была марсианкой, и он решил взять ее с собой. Никто не станет препятствовать ему. Он дважды приводил ее в порт, чтобы показать корабль. Корабль ее не интересовал, но она схватила его за руку, услышав, что вскоре он улетит. Во второй раз он привел ее на корабль и показал садик. Он мог дать приказ и тут же взлететь, но ему не хотелось увозить ее силой.

— Я хочу увидеть космос,— сказала Несса.

Он подал знак. Глиняные стены исчезли, и над ними раскрылось почти черное небо Марса. Она повернулась к нему, и впервые улыбка осветила ее лицо. Броня равнодушия растаяла, хрустальные одежды, предохранявшие ее от Марса, со звоном рассыпались по глиняным плитам древнего марсианского сада.

Она прижалась к нему, подняла голову и подставила полуоткрытые губы. Он ладонями охватил ее голову с голубыми волосами и притянул к себе. Но она отстранилась, отступила к бассейну с песком, и там принялась снимать с себя тунику.

Хьялмару показалось, что ей трудно оторвать ее от себя — над левой грудью краснели три капельки крови.

— Я люблю тебя,— произнесла она.

Он нерешительно подошел к ней, помня о судьбе Марио. Туника лежала позади нее, образуя темную бесформенную грудку. На девушке осталось лишь марсианское ожерелье, да на груди и на бедре краснели шесть крохотных рубинов.

Он с нежностью уложил ее на песок и сказал, что кожа ее похожа на отполированные ветром камни, а она смотрела на него широко открытыми глазами, застывшими, как топазы. Он сказал ей, что они увидят звезды, что им суждено долгое совместное путешествие. Он ладонью охватил одну грудь, зажав губами сосок другой, а вторая рука скользнула по песку за плечом его Нессы.

Его пальцы коснулись туники. То был легкий, едва заметный контакт. Он закрыл глаза, не подозревая, что мех с невероятной осторожностью ползет по его руке. Ему казалось, что коже щекотно от голубых волос любимой.

Вдруг он закричал от сильной боли. Туника охватила его руку мощными тисками. Он откатился в сторону, туника взлетела вверх и обрушилась на него. Он выхватил кинжал и проткнул живую кожу. Но та скользила по его телу, накрывая с головой, а девушка наносила по ней яростные удары кулаками, царапала, пыталась сорвать ее, умоляла и всхлипывала. Затем она завопила.

Когда вошли люди, она уже не кричала. И едва глянула на них. Она с невероятной нежностью укрывала песком что-то такое, что они не узнали. Из-под песка торчал уголок ткани.

А из-под длинной туники, облегающей тело девушки, стекали струйки крови...

Всадник на стоногом

Времена изменились — тысячи уст произносили эти слова на протяжении истории, и каждый раз это означало, что человек уже не может приспособиться к своей эпохе и жалеет, что она не может приспособиться к нему самому. Наверно, также ворчали римские legionеры, пробираясь сквозь леса Галлии; спустя века те же слова, хотя и на других языках, произносили моряки, только теперь вместо звездного неба они смотрели на вращающуюся на оси стрелку. А тысячелетием позже, когда Империя людей охватывала уже почти всю Солнечную систему, старые пилоты точно также

сожалели о беге времени и об изменившихся правилах. То, что во времена их молодости было опасным и трудным, стало простым и легким: там, где раньше царило презрение к смерти, теперь владычествовала административная рутина. И они чувствовали себя обделенными, словно у них отняли то, что придает ценность жизни, словно обесмыслили все их мужество. Они забывали о том, что собственные поступки предопределили, если не вызвали, осуждаемые ими изменения.

Но времена не меняются, не меняются и люди. Меняются фронты, на которых они сражались, как, впрочем, меняются климат, цвет небес и количество лун, а время с неизменной скоростью несет нас вперед, и человек по-прежнему может вложить в несколько мгновений все отведенное ему на жизнь мужество. И если всадники перестали быть героями эпохи, то только потому, что лошади вымерзли как вид, ибо люди сегодня с прежней элегантностью восседают на фантастических металлических чудовищах, которые несут их в ночи далеких планет.

Нет, времена не меняются.

Возьмем, к примеру, Уран, время начала колонизации этой планеты и пребывания там Жерга Хазеля, чье имя знакомо по учебникам истории и первоуказкам. На склоне лет Хазель большей частью сетовал на перемены, происшедшие со времен его молодости. Он сожалел о размягченности новых поколений, он рассказывал, что в его время можно было в одиночестве годами жить на планете, не выходя из металлического куба станции и ощущая дрожь ее стен под порывами неистовых ветров, и слушать целыми днями голоса, несущиеся в пространстве со скоростью света, чтобы зацепиться за далекие антенны. Все, что говорил Хазель, истинная правда, хотя люди, что читают сегодня его мемуары и посетили Уран и Нептун, подозревают, что он преувеличил. Но их подозрения не имеют под собой оснований. Хазель действительно жил на этих враждебных планетах — несмотря на прогресс они такими остаются и до сих пор, — долгие годы в полном одиночестве собирал научные данные, следил за работой радиомаяка для проходивших линий кораблей и слушал, как ревет, обегая планету, ветер.

Однако добрая часть изменений, о которых он сожалеет, произошла по его вине.

В 2498 году Жерг Хазель, по тогдашним представлениям службы межпланетной разведки, был старым человеком. Ему стукнуло пятьдесят, борода его поседела. Он получил неплохую научную подготовку и был не глуп. Но никогда ничего не совершил, ничего не открыл, никогда не проявил никакой инициативы, равно как ни разу не спас терпящий бедствие корабль. Он вел сравнительно спокойную жизнь на правительственных звездолетах, старел, его рефлексy слабели, а знания устаревали. Пилоты должны быть молодыми,

а специалисты — в курсе самых последних достижений науки. Жерг же никогда не был настоящим специалистом. Он слишком долго дышал корабельным воздухом и занимал на звездолете слишком много места. Поэтому однажды утром он оказался на тверди с достаточной силой тяжести, чтобы удержать его на себе.

Его не послали на Землю, ибо знали, что там он почти наверняка умрет. Большую часть жизни он провел в космосе или на других планетах и даже не думал, что наступит день, когда надо будет вернуться на родную планету.

Вот почему ему дали место на Уране. Работа требовала деликатного подхода, хотя на первый взгляд там не надо было особо утруждать себя. Следовало прежде всего выжить в мире, где вода встречается лишь в виде на редкость твердой скальной породы, а аммиачные моря пенятся под метановыми ветрами. На скалистом плато были установлены жилые отсеки звездолета, их надежно закрепили на грунте, и Хазелю оставалось вести внутри станции почти такой же образ жизни, как и в пространстве, с той разницей, что сила тяжести на Уране постоянна и почти равна земной. Хазель должен был провести в этом стеклянно-стальном убежище семь месяцев — собирать данные, помогать местному межпланетному сообщению, поддерживать радиоконтакт с двумя или тремя исследовательскими отрядами, колесящими по планете, и с единственным городом, где обитало двести семнадцать душ, — это было самое крупное поселение на миллионы километров. Заодно Хазель представлял на Уране Правительство и согласно Конституции должен был обеспечивать порядок, свободу и мир. Именно эта последняя обязанность казалась ему вначале самой необременительной.

Он мог выходить из станции. В его распоряжении были скафандры и машины. У него хватало воздуха, припасов и медикаментов на вдвое или втрое больший срок. Но рассчитывать он мог только на себя. У него вырезали аппендикс и кое-какие лишние органы еще до того, как он впервые покинул Землю, поэтому с точки зрения здоровья одиночество его совсем не пугало. А в моральном плане он давно к нему привык.

Нам нетрудно представить, каким было существование Жерга Хазеля. Он внимательно следил за графиком прохождения правительственных кораблей. Конечно, в четырех жилых комнатах и на двух складах царил идеальный порядок. Он ежедневно ворчал по поводу тех дел, которые ему надо было исполнять или не исполнять, но тщательно заносил все наблюдения на бортовую пленку, и неизменно выходил на связь без малейшего опоздания.

Вероятно, Хазель был счастлив, хотя и не признавал этого. Он уже свыкся со своей славной посредственностью, повторяя, по-видимому, сам себе, что любой исследователь про-

странства, даже безвестный, может считаться на Земле героем. Но что-то вызрело в нем за все годы полетов и месяцы ожиданий, и это что-то должно было излиться наружу в подходящих обстоятельствах. Он не подозревал, что стоногие, от топота которых содрогались стены станции, в скором времени окажутся связанными с ним одной судьбой и послужат тем средством, которое откроет его самому себе и всей удивленной Солнечной системе. По правде говоря, еще ему не подвернулся случай проявить себя. И пока он наблюдал за стоногими.

Стоногие были единственными живыми существами, известными тогда на Уране: их просто трудно было не заметить. Первые исследователи, оказавшиеся поблизости от них, вначале решили, что наблюдают сейсмический толчок или невидимое извержение, сотрясающее промерзшую почву. Потом они увидели, как пляшут горы. Но то были не горы, а стоногие: почти суеверный страх не позволил людям приступить к научным исследованиям. Это были серьезные ученые с устоявшимися представлениями, которые изучали новые планеты, а отнюдь не ищущие приключений юные безумцы. Готов биться об заклад, что их охватил благоговейный страх, когда первый стоногий едва не растоптал лагерь, а они даже не подумали, что столь огромное существо можно убить. Скорее всего, они стали подыскивать заклинания, которым оно могло бы внять.

Итак первая экспедиция даже не подумала о живых существах, впрочем, как и вторая, которая не удосужилась проверить то, что наблюдала или предполагала первая. Третья экспедиция сделала первую попытку обосноваться на Уране, а потому ей пришлось считаться со всеми факторами, в том числе и со стоногими. Она сфотографировала стоногих целиком, а потом по частям — их ноги, их глаза, или то, что считалось глазами. Экспедиция облетела стада стоногих, которые весело резвились на лиловых равнинах Урана, без страха переплывали аммиачные моря и издавали довольный рев, ощущая на коже ветер, что мчит со скоростью сотен километров в час, который для них был тем же, чем для девушек легкий бриз. Одного стоногого даже убили и разделали на части. Думаю, на него сбросили бидон с жидким кислородом, а последующая химическая реакция отправила зверя пасть в иные луга. Люди совершили эту акцию, чтобы низвергнуть стоногих с божественных высот до уровня дичи. Однако, насколько я знаю, больше эту операцию не повторяли. И им в тот день повезло, ибо они потеряли всего троих, но и это было тяжелой утратой, ибо человек, перенесенный за многие миллионы километров, стоит столько же, сколько равный ему по весу слиток самого драгоценного металла во вселенной.

Они удостоверились, что стоногие являются животными,

что они, вероятно, не умнее земного червя или шмеля, что они растут с рождения до смерти, что их плотность относительно невелика и уравнивается плотностью атмосферы Урана, чем объясняются их гигантские размеры, что они больше походят на воздушные шары и должны цепляться за грунт многочисленными отростками, чтобы их не унесло ветром, что они совершают сложные, но постоянные переходы по планете, и эти их миграции скорее всего связаны с положением спутников. У них было куда больше ста конечностей, но по милости одного журналиста, и в глаза не видевшего ни одного животного, за ними сохранилось название стоногих. О них ходило множество шуток, но я знаю немало космических волков, которые, лицезрев однажды стоногого, уже не могли без содрогания видеть гор, из опаски, что те вот-вот пустятся в пляс. А это были храбрые люди, с кожей, побледневшей от долгих лет плавания вдали от Солнца.

Но, по правде говоря, мнение о стоногих меняется, и через одно-два поколения они не будут вызывать страха даже у малышей. И здесь во многом результат был заложен Жергом Хазелем.

У нас есть все основания считать, что вначале Хазеля не волновали функции Представителя Правительства, посла Земли на Уране. Высшая ответственность, доверенная ему и подтвержденная текстом Конституции Вновь Открытых Земель, казалась ему при перечитывании просто литературным излишеством. В единственном городе Урана и в научных экспедициях могли совершаться любые убийства, насилия или мошенничества, а он либо ничего не знал бы о них, либо был лишен возможности действовать. От подопечных его отделяли горы замерзшего газа, аммиачные моря и разломы. В те времена еще не было транспортного средства, которое могло бы связать две точки планеты, ибо гусеничные вездеходы не имели достаточной автономии, а самолеты унесло бы ветром, если еще раньше не разъело бы их крылья. Стены станции выдерживали натиск атмосферных воздействий только потому, что были покрыты толстым слоем керамики. Единственным способом попасть в какую-то точку на поверхности Урана было прилететь туда на звездолете из космоса, к тому же звездолету следовало как можно скорее стартовать обратно.

И все же время от времени Хазель вспоминал о своих функциях, затем стал обдумывать их, а в конце концов принялся рассматривать как свою основную задачу. Нам известно, что эта мысль его волновала, он даже вырвал страницу с текстом Конституции из Сборника инструкций и приколот к стене над столом, за которым занимался вычислениями и опытами. Мы знаем также, что изредка он просто поднимал голову, чтобы взглянуть на нее, прочесть строку или две и, быть может, стиль его отчетов свидетельствует именно об этом. Текст

Конституции изложен словами, но соткан из великих идей: она была написана людьми, которые мечтали о тех временах, когда человек станет неоспоримым хозяином Солнечной системы. И мы знаем, что Хазель постепенно проникся этими идеями. Он был, повторил он сам себе, звеном общей цепи, и именно это содержалось в Конституции: он видел города, что будут созданы, нации, что еще родятся, и право, которое пока в зачаточном состоянии. Это могло бы вскружить ему голову, как случилось десятью годами раньше с доктором Харолдом, который остался в одиночестве на Титане с несколькими пробирками, текстом Конституции и соответствующими бумагами, объявил себя единственным хозяином планеты — он им был на самом деле — и уничтожил первый же корабль с поселенцами. После этого станцию окружили, от него потребовали сдаться, но он отказался — предпочел увлечь осаждающих за собой в царство сна без сновидений, взорвав весь запас горючего.

Но это другая история, и нет ни одного уголка в Пространстве, где бы не ходили свои истории или где бы они однажды не родились. Занятый наблюдениями и расчетами, Хазель чувствовал, как в нем разгораются гражданские чувства. Он никогда не говорил об этом, но ему случалось писать о своих мыслях, причем возвышенным слогом, типичным для той поры величия и иллюзий. Его нельзя назвать неграмотным. Он знал не менее трех языков и пересказывал своих Джойсов и Фолкнеров почти наизусть. Кстати, не дурно развевать легенду, будто древние исследователи были полуграмотными чурбанами, а первые пилоты — технорями, что знают только свои рычаги да кнопки.

«Я — духовный отец будущей нации, уже беременной надеждами и разрушительными тенденциями,— писал Хазель,— но я не знаю, ни какой будет она, ни какой я сумею ее сделать. В пространстве и времени сейчас осуществляются странные замыслы, но ни вы, ни я никогда не узнаем их истинных причин».

Он не мог ничего сделать и не осмеливался ничего сказать, но он постепенно осознал свой долг и был готов явить миру пример его безусловного исполнения. Это могло на долгие годы остаться только благим намерением, но Жерг Хазель кое о чем узнал, что привело к внутреннему взрыву. Он узнал про это случайно, и то, что он писал о «странных замыслах», которые осуществляются в пространстве и времени, вполне применимо к нему самому и к его истории. Ибо без удивительных совпадений он никогда не совершил бы того, что совершил.

То, что он узнал, он мог бы услышать в любом баре на любой другой планете, в случайной беседе или из пьяной болтовни, когда после первого же стаканчика забывают об усталости. Но он был на Уране, а ближайший бар находился в

двенадцати тысячах километров от станции в столице с двумястами семнадцатью душами населения.

Он услышал новость по радио. У дежурных на станциях, рассеянных в пространстве, много свободного времени, а потому они ловят далекие голоса. У них отличные приемники и передатчики, так что они могут получать послания из любой точки населенного мира и отвечать на них. Так через пространство завязываются странные дружеские связи между людьми, которым наверняка никогда не придется увидеться, но которым известны малейшие интонации приятельских голосов.

Далекий друг Хазеля рассказал ему новость, услышанную от кого-то. Но когда Хазель узнал ее, он решил действовать.

Ему стало известно, что Уран может стать ареной преступления. Два месяца назад из тропических лесов Венеры стартовал корабль, набитый рабами и направлявшийся на Уран, чтобы, выждав на нем определенное время, улететь дальше в нужном направлении. Экипаж корабля не хотел болтаться в космосе, расходуя горючее, а предпочитал пересидеть на планете, путешествуя вместе с ней и ожидая подходящий момент. Четыре месяца Уран должен был нести на себе корабль пиратов с грузом рабов.

Нам неизвестно, ни в каких именно терминах Жерг Хазель узнал о событии, ни какие уточнения получил. Мы знаем только, что он записал о своей реакции:

«Я сохранил спокойствие, но меня словно охватил сильный холод. Я вдруг увидел неизбежные последствия этого отвратительного акта. Мне показалось, что планета моя будет загажена. Я не знал, какое решение принять, и несколько дней пребывал в полной прострации, механически отвечал по радио, машинально передавал требуемую информацию, не в силах разумом принять, что Уран станет пристанищем бандитов».

Однако случай не был абсолютно нов. Такой экономичный метод путешествия часто использовался именно незаконными экспедициями, которые видели в нем и дополнительную предосторожность. В частности, в эту эпоху, как раз имели распространение конвои с рабами. Но речь не шла о рабах-мужчинах, а тем более женщинах, как об этом писали многочисленные авторы псевдоисторических трудов. Речь шла о высших животных из венерианских джунглей, обладавших удивительной способностью к обучению и невероятной выносливостью, но лишенных истинно человеческих черт.

В те времена рабство было логическим ответом на экономические условия. В глубинах планет покоились несметные сокровища — залежи редких металлов, драгоценных камней, на них произрастали растения с удивительными свойствами, но людей в Солнечной системе не хватало, а кро-

ме того, стоимость перевозки и создания условий жизни для человека была чрезвычайно высока. К тому же зачастую люди не могли работать в столь тяжелых условиях. Венерианские рабы покупались за гроши, их содержание почти ничего не стоило, жили они в трюмах ракет, легко переносили жару и мороз, на долгие часы, а то и целые сутки, умели создавать в организме запасы кислорода, могли работать почти на любой планете без особого оборудования.

Торговля рабами и вывоз их были запрещены законом так называемых Двух Миров в 2447 году, но долгое время закон бездействовал. Пространство слишком обширно, чтобы поставить полицейского на каждом пересечении орбит. И еще почти целый век корабли бороздили пустоту, перевозя несчастных венерианцев.

Даже в 2498 году Жергу Хазелю было известно, что торговля рабами является печальной реальностью, а не туманной легендой прошлого, как мы зачастую верим в это сейчас. Он также знал, что предупреждать Правительство Земли бесполезно. Оно ничего не сделало — либо по нежеланию, либо из невозможности. Знал Хазель и то, что он хозяин на Уране и Представитель Правительства. Он мог обратиться только к самому себе.

Его не очень беспокоили сами рабы. В нем было сильно древнее презрение человека к любым существам, отличным от него самого. Вероятно, его мало интересовала и возможность наказания пиратов.

Думаю, его заставила действовать не эта мысль, как, впрочем, и не страх, что его обвинят в неисполнении закона, ибо от него никто не мог потребовать, чтобы он пересек тысячи километров болот, пустынь и океанов, противостоял десяткам бурь и ураганов, перевалил через три горных цепи, иссеченных глубокими разломами. Нет, никто бы не потребовал этого от него, ибо в то время никто не представлял, что такое возможно. Я склонен думать, что он просто-напросто настолько усвоил текст Конституции, что считал ее Правом и Справедливостью, верил, что ее нарушение является личным оскорблением ему, и предпочитал погибнуть, чем стать свидетелем краха идей, посеянных несколько столетий назад забытыми новаторами. Тысячелетием раньше это чувство называлось бы благородством души, но Хазель, скорее всего, этих слов не знал.

Многие из его биографов писали, что Жерг Хазель действовал из гуманных соображений по отношению к рабам или как защитник порядка и закона. Это преувеличение. Полагаю, такой подход даже неверен. Скорее, Жерг Хазель действовал из эгоизма высшей формы эгоизма, но все же эгоизма: он знал, стоит только усомниться в самой концепции, как будет нарушено его внутреннее равновесие. Он не надеялся на успех, но хотел сделать попытку, чтобы остаться в согласии с самим собой.

Он думал долго, его отчеты стали сухими и лаконичными, хотя не утратили точности. Он запустил бороду, в его волосах появились новые седые пряди. Снятый им фильм почти не затрагивает событий того периода. В нем чувствуется его растерянность, тоска, какой-то сбивчивый стиль, резко отличный от обычных наблюдений.

Мы знаем, что за это время он перечитал все отчеты, касающиеся Урана, изучил карты и фотографии планеты, не расставался с текстом Конституции, хотя знал ее наизусть. Кстати, этот пожелтевший потертый кусок бумаги с множеством перегибов, рваными краями и масляными пятнами от пальцев можно увидеть в Межпланетном музее Дарка, и это один из самых волнующих документов, сохранившихся от тех времен.

Разбирая символы, цифры и топографические карты, он разработал план, который постоянно совершенствовал. Наконец, план созрел окончательно.

До посадки пиратского корабля с рабами оставалась еще неделя. И он знал, что у него впереди еще четыре месяца, чтобы завершить свою работу и добраться до звездолета-нарушителя. Но работа предстояла долгая и трудная, и он не был уверен, что успеет завершить ее. Он никому ничего не сказал, и это легко понять — никто бы не принял его всерьез.

Однажды утром он перевел в автоматический режим систему оповещения кораблей, которые могли затребовать координаты, и предупредил город и экспедиции, что должен отлучиться на несколько часов. Он не сообщил, что собирался предпринять. Сказал, проводит «небольшое исследование». Он использовал именно эти слова.

Он набил вездеход инструментом, надел скафандр и покинул станцию. Вездеход был идеальным средством для передвижения по поверхности скалистого плато, ему ни по чем были ветер и бури, земляные лианы (странные минеральные наросты), провалы и давление атмосферы.

Небо в тот день должно было быть относительно ясным, в верхних слоях атмосферы, в разрывах ярко-желтых облаков играли пурпурные сполохи. Ожидалась буря — на горизонте темнели фиолетовые полосы. В разрывах тумана Хазель различал мигающие звезды, быстрые спутники планеты, а может быть, и крохотное солнце.

Сначала он направил машину на север, потом двинулся вдоль провала. Он сверялся с расчетами, сделанными несколько дней назад, и без колебаний двинулся к определенной точке на плато. И нашел то, что искал. Нам легко представить, как он выпрыгнул из вездехода, минуту-две отдышался, потом привязал к поясу ледоруб, кирку, набил рюкзак точным инструментом и катушками медного провода.

Он спокойно пустился в путь и отыскал стоногую, который и был целью его путешествия. Это было юное существо раз-

мером с большой холм на Земле. Оно лежало неподвижно, поджав под себя ноги. Стоногий либо спал, либо выжидал окончания какого-то метаболического процесса. Жерг Хазель начал восхождение на стоногого словно это была обычная ледяная стена. Он проделывал в кристаллическом панцире животного ступеньки и медленно лез вверх, ибо имел дело с исключительно твердым материалом. Мышцы его уже утратили крепость молодости, но он без устали долбил киркой широкие темные пластины. Делая это, он шептал про себя текст Конституции, что хранился в одном из карманов под скафандром; он не мог сейчас достать его без того, чтобы тут же не сгореть в атмосфере Урана, несмотря на холод и отсутствия ветра. Быть может, он придавал этим словам почти магическое значение; во всяком случае в этот момент он ощутил веру в возможность успеха своего предприятия: *«Радость была во мне ключом, но не радость от уже совершенного, а радость от предстоящего»*.

Он без колебаний направился к тому месту, что можно было бы назвать головой стоногого, к месту, где панцирь имел три роговых пластины, позволявших животному выбирать направление и обходить препятствия благодаря эффекту электрического конденсатора, иными словами, то были глаза и уши стоногого, его осязание, его вкус и его обоняние.

Жерг внимательно изучил анатомию стоногого по репродукциям, изготовленным по единственному разделанному экземпляру, и когда принялся сверлить отверстие, не ошибся. Он в свое время изучал медицину и умел выполнять такого рода работу, хотя, наверно, ему скорее быгодились навыки шахтера, а не хирурга, ведь оперировать приходилось гору. Он несколько раз использовал небольшие заряды взрывчатки, но животное не проснулось. В какой-то момент он даже решил, что оно мертвое, но его температура все же превышала на несколько десятков градусов температуру атмосферы, а значит, страхи Жерга не имели оснований. Наконец, он изготовил отверстие глубиной в два и диаметром в один метр. Чем ниже он спускался, тем легче становилась работа, ибо он уже пошел в зону живых тканей с волокнистой структурой и мягкой текстурой; то были слои, предохранявшие организм стоногого от условий внешней среды, и он обрадовался, что добрался до них.

Теперь он приступил к операции, требовавшей хирургической точности. Он хотел ввести в нервную систему стоногого постороннее тело, чтобы контролировать сон и движения животного. Сделал он это виртуозно. Он знал, что нервная система стоногих отличается от нашей, что в ней происходят иные химические процессы, но ему удалось найти несколько главных центров и отключить их. Он обрел власть над стоногим. Ему помогла относительная простота нервной системы этого существа и ее большая разветвленность, что позволили про-

известии буквально географическое оконтуривание основных нервных цепей. Прodelывая это, он сравнивал себя с *«теми насекомыми, которые справляются с куда большими по размеру личинками, чтобы накормить собственное потомство»*.

Но он не был насекомым и им не управляли накопившиеся за миллионы лет инстинкты. Он изобретал сам, использовал опыт других людей, но только их слова и замыслы, но не их память или жесты. Он предпринял весьма опасную игру и знал это. Когда он ввел стальной стержень в двигательные центры стоногого, чтобы обездвигить его, *«животное вздрогнуло, словно холм испытал сейсмический толчок. Я пулей вылетел из ямы, чтобы не быть зажатым и раздавленным, и ухватился за пластины и предусмотрительно вбитые колышки. Меня несколько раз подбросило вверх, потом все успокоилось»*.

Он покори́л стоногого. Правда, он еще не заставил его подчиняться воле человека, но главное сделал и мог оставить его здесь на сгниение, ибо стоногий принадлежал ему. Думаю, он во весь голос прочел несколько статей Конституции, как, наверно, обращался к богам первый победитель мамонта или пещерного медведя.

После всего этого он оставил стоногого на месте и на вездеходе вернулся на станцию. Прежде чем уехать, он заделал отверстие в теле животного легким пенистым веществом, служившим герметиком на станций и на звездолетах. Единственными следами его работы были две медные проволоки, спускавшиеся на бок животного, через которые он мог подавать ток на нервные окончания животного, чтобы побудить его к движению.

Он в деталях описал в фильме все проделанное, но на вопросы города и двух экспедиций ответил, что *«сделал мол небольшое открытие, но предпочитает пока ни о чем не говорить, не зная, идет ли речь о чем-то важном или нет»*.

К вечеру поднялась буря, но это так только говорится, ибо сутки на Уране длятся около десяти земных часов, а люди все же сохранили счет времени, к которому привыкли за тысячелетия. Буря была короткой и буйной, но Жергу Хазелю пришлось ждать еще семьдесят два часа, пока успокоятся нижние слои атмосферы, чтобы выйти из станции.

Когда он оказался снаружи, стояла ночь, и небо было на удивление чистым. Небосвод был темно-пурпурным, спутники бежали среди неподвижных звезд. В нескольких миллионах километров летела пока еще невидимая ракета, в чреве которой стонали и мучались рабы с Венеры, но это мало беспокоило капитана — на корабле была прекрасная звукоизоляция.

Хазель без труда разыскал своего стоногого. Он повторил уже привычную для себя работу в нескольких точках на панцире. Он хотел контролировать основную часть двигательных центров животного, ибо собирался оседлать стоногого и пересечь на нем смертоносные просторы планеты. Он вовсе не

собирался приручать стоногого и сообщать ему, что отныне стал его хозяином, присвоив себе право жизни или смерти животного. Ему нужно было лишь продублировать простейшую нервную систему стоногого столь же примитивной, но эффективной сетью медных проводов, с помощью которой можно было бы направлять движение зверя. Затея была достойна сумасшедшего, но Жерг Хазель обладал упрямством стихии.

Кое-где он потерпел неудачу, но нашел достаточно нервных узлов, чтобы рассчитывать на успех. Воспользовавшись затишьем после бури, он работал несколько дней кряду; питался, не снимая скафандра, принимал противоусталостные средства и пересказывал вслух текст Конституции.

Многие художники изображали его за работой. Однако большая часть картин просто-напросто неверна, а там, где были точны детали, отсутствовала истина. На картинах Жерг изображался в виде героя-олимпийца, каковым он никогда не был. Он был довольно низок ростом, а в чертах морщинистого лица отсутствовало величественное спокойствие, которым его наделили живописцы. Борода у него была грязной и неухоженной. А стоногий был куда крупнее, чем его могли представить. Одно из лучших полотен — наивная картина, сделанная рукой пилота, знавшего Жерга Хазеля лично. Это произведение не имеет никакой художественной ценности, но оно куда выразительнее других, а потому по праву занимает почетное место в Межпланетном музее Дарка.

Успех не вскружил голову Жергу Хазелю. Он превратил стоногого в некий биолого-механический комплекс. Но Жерг опасался, что не сумеет нормально управлять животным. Он подключил концы кабелей к самодельному пульту, который укрепил на спине стоногого. Но не осмелился управлять первыми движениями зверя, сидя на нем, а потому использовал дистанционное управление вездехода. Вначале он послал по проводам очень слабый разряд тока.

«Стоногий вздрогнул и мелко задрожал. Я запустил двигатель вездехода, чтобы ретироваться, если опыт пойдет на смарку. Я боялся, что стоногий взбунтуется против принуждения и решится на отчаянный шаг. Но вскоре понял, что мыслит категориями человека, не стоногого. Огромное животное, похоже, не понимало, что с ним происходит. Мне удалось поднять его на часть ног. Но ему было трудно удерживать равновесие, и оно рухнуло на грунт. Тогда я попытался привести в действие одновременно все контролируемые центры, и животное словно взбесилось. Оно поднялось и попыталось бежать сразу в разные стороны. При его гигантской силе оно могло переломать себе все конечности. Но эти неуверенные движения были следствием моего неумения, и вскоре мне удалось заставить его двигаться в заданном направлении, хотя движение его было замедленным и неуверенным, с остановками и падениями. Я едва не расплакался от отчаяния».

Нам довольно легко представить себе старого человека на этой стадии его попыток, как он кусал губы, гримасничал, как запали его глаза от непрерывной работы, как содрогались от нервного тика щеки — слишком много лекарств он выпил, — как его дух кипел от ярости, какие ругательства он изрыгал и как бесился от своего бессилия. Ему вдруг стало понятно все безумие его предприятия. Ясновидение часто приходит с усталостью. Он теперь отдавал себе отчет, что при всей своей ловкости не сможет подчинить своей воле двигательные центры животного, добиться от стоногого нормального движения.

От отчаяния он рухнул на сиденье вездехода и так и проспал несколько часов. И тут ему повезло. Для управления стоногим он установил два отдельных дистанционных пульта. С одного поступали сигналы на нервные окончания двигательных центров, а второй изолировал мозг, к которому наш экспериментатор подобрался во время первой операции. Хазель надеялся управлять двигательными центрами напрямую в обход мозга, а потому предусмотрел специальное реле, изолирующее от него центры. Но реле вышло из строя, поскольку пена, которой он заполнил отверстие, смерзлась и раздавила аккумуляторы. Реле отказало. Мозг стоногого взял контроль над телом, и животное снова погрузилось в сон.

Мы точно знаем, что, проснувшись, Хазель не понял, что произошло с аппаратурой. Он слишком сильно досадовал на себя, на стоногого, на пиратов-работоторговцев, на положение дел в мире — на все, кроме Конституции, и его гнев был близок к помешательству.

Однако единственным безумным действием Жерга было возобновление опытов со стоногим — он был уверен, что на этот раз все получится. Быть может, он видел пророческий сон или во сне его посетил ангел. А может, он верил потому, что на его стороне были Порядок и Справедливость. И он не мог не победить. Это вовсе не поведение ученого, но, скажем откровенно, все великие ученые вели себя как ученые весьма малую толику времени за все свое существование, а в основном подчинялись общему закону интуиции, предвзятого мнения и иррационального предвидения.

И все получилось. Стоногий встал на ноги, как только Жерг Хазель послал приказ на двигательные центры. Он пошел вперед, когда Хазель передал возбуждение задним ногам, и скорость его возросла. Животное даже повернуло в сторону, когда Хазель оказал воздействие на ноги с одной стороны.

В свете столетних исследований можно считать, что успех Жерга Хазеля был не так уж и удивителен, как показалось ему самому. Стоногий, скорее всего, так и не понял, что им управляют. Его движение и поступки задавались внешними возбуждающими сигналами. А мозг животного поддерживал

в нем жизнь и равновесие: он не управлял телом, а решал задачи, заданные извне. Он не позволял стоногому свалиться в пропасть, но и не решал, куда животному направить свои стопы.

Жерг Хазель не стал доискиваться до причин успеха, ибо не относился к разряду любознательных ученых. Он имел цель, и его не интересовали средства, с помощью которых он добивался нужного результата. Он сказал только, что несколько часов плакал от счастья, как прежде плакал от разочарования, и это, наверно, был единственный случай в жизни, когда он проливал слезы. Зная, как жил в старости Жерг Хазель, мы склонны поверить в это. Он привел стоногого к станции. Этот переход был тяжелым, но триумфальным. Он двигался далеко впереди стоногого, чтобы вездеход не взлетал в воздух при каждом шаге животного. Должно быть, то было странное зрелище, но человеческие глаза не видели его, а Жерг не снял переход на пленку и на эту тему не распространялся. Он попросту забыл об этом. Он падал с ног от усталости и ликования и, наверно, вел машину и громадное животное чисто механически.

Мы знаем, что он оставил стоногого в нескольких сотнях метров от станции, нашел силы выбраться из вездехода и рухнул от изнеможения в одном из складов, где пытался уложить на место инструмент. Он проспал в скафандре тридцать часов кряду. К счастью, он снял шлем, иначе задохнулся бы. Проснувшись, он принял душ, плотно поел, сделал себе укол антиспазмалитика и принялся за повседневную работу, словно ничего не произошло. Жизнь на Уране шла своим чередом, автоматы на станции отвечали за хозяина, и никто его не хватился.

Жерг Хазель внимательно следил за небом, ибо знал, что звездолет уже недалеко, а сядет там, где ему нетрудно будет его засечь. Правда, не знал точного места, он постоянно следил за экранами, включая на время сна автоматическое предупреждение на случай пролета корабля. Все это время он провел в кресле, вглядываясь в небо, проваливаясь в сон, бросая взгляды на спящее вблизи станции огромное животное.

Когда он бодрствовал, то читал или слушал музыку, но ни с кем не разговаривал. Новости из мира людей поступали к нему в виде лаконичных сухих сводок. Ему не хотелось, чтобы кто-то был рядом, словно то, что он сделал, отделило его от людей. А может, Жерг просто не желал отвлекаться, прислушиваясь лишь к голосу своего сердца. Он слушал «Песни об умерших детях» древнего композитора Густава Малера. Эти

Оставалось совершить самое трудное. И когда Жерг Хазель определил траекторию объекта, что пересек небо с северо-запада на юго-восток с быстрой потерей высоты, и рассчитал точку посадки — одно из четырех скалистых плато, где мог сесть звездолет, — он принял за дело.

Все это время он не волновался за стоногого, не кормил его и не возвращал ему свободу, но не из равнодушия, а по причине глубокого знания фауны Урана. Он подходил к нему, заставлял проделать кое-какие движения, а однажды рискнул взобраться к нему на спину с помощью ступенек, что проделал в панцире в первый день. Восседа на подвижном холме и закрепившись с помощью стальных тросов, он заставил животное двигаться и подчиняться его воле.

Грунт — он рассматривал спину животного в качестве холма — начал ужасающе колыхаться. Хазелю стало плохо. Но собрав все силы, он удержался на месте, хотя голова его кружилась от ставших вдруг подвижными звезд и окрестностей станции.

Следующие дни он работал головой и руками, несмотря на лихорадку. Он разбирал один из складов станции, и хотя это было своего рода служебным преступлением, Жерг пошел на него, ибо знал, что отстаивает на Уране истину и справедливость, а потому в его действиях нет ничего незаконного.

Он соорудил нечто вроде герметичного ящика — гроб с иллюминатором, где можно было дышать и разместить несколько ящиков с припасами, бутылки с кислородом и оружие. Возле иллюминатора он укрепил кресло с гироскопической ориентацией, предназначенное для звездолета. Он укрепил этот гроб на спине стоногого с помощью вездехода, магических слов Конституции, стальных тросов, самодельных талей и неистощимого мужества.

Потом предупредил город и две научных станции. Сделал он это не прямо, а записал, что, зачем и с помощью каких средств сделал, куда направлялся, какой помощи и где ожидал. Он поставил аппаратуру на автоматическую передачу раз в сутки.

Затем пустился в путь. То есть надел скафандр, пешком добрался до стоногого, вскарабкался ему на спину, влез в кабину, закрыл за собой герметичную дверцу, пристегнулся к креслу, включил насосы, чтобы заменить смертельный воздух Урана живительным воздухом Земли. Чтобы избежать возможного попадания газов Урана внутрь, он решил жить при избыточном давлении в две атмосферы. Вначале у него ломило виски и гудело в ушах, но он свыкся с этим.

Закончив приготовления, оглядев горизонт и определив направление по компасу, он положил пальцы на пульт и нажал на клавиши. Стоногий встал и двинулся в путь — понес Жерга Хазеля к борьбе и славе, о которой даже не подозревал.

Именно в этот момент Жерг соответствовал тому образу,

в который мы его чаще всего облакаем, а именно, образу ночного всадника, преодолевающего громадные пространства ради проигрышного дела, без надежды на успех, озабоченного лишь продвижением вперед. Он вглядывался в звезды, с опаской в душе рассматривал горизонт, боясь, что окажется перед непреодолимым препятствием, и все же лицо его было безмятежно, в прозрачных глазах горела уверенность, пальцы четко бегали по клавишам пульта, душа его была светла и спокойна, и он повторял бессмертные фразы Конституции или рожденные на Земле баллады. Быть может, этот образ не имеет ничего общего с действительностью, и в кабине сидел просто ворчливый старикан, который две недели бубнил пустые фразы, написанные два столетия назад неисправимыми мечтателями. Мы не можем этого знать, впрочем, это и не имеет значения. Герои, которых нам дарит История, суть те, кого мы создаем сами, а мы создаем то, что заслуживаем и, быть может, будет утешением знать, что в деле Жерга Хазеля воображение уносит нас дальше того, что можно было написать о нем и о его походе.

Путешествие длилось две недели, которые он провел в скафандре, пользуясь соответствующими приспособлениями, предусмотренными конструкторами для людей, остающихся в подобном положении долгие дни. Его только раздражала невозможность почесаться, ибо грязь стала раздражать тело, а борода — заполнять прозрачный шлем.

Он в совершенстве освоил управление стоногим. К командам он прибегал редко, позволяя ему двигаться вперед самостоятельно, если направление было верным. Жерг пересек обширное скалистое плато, покрытое темно-лиловым льдом равнины, два океана. Океаны внушали ему страх, ибо он не знал, как заставить животное плыть, но опасения оказались напрасными. Стоило стоногому оказаться на берегу, как он вошел в дымящиеся волны и плыл вперед. Теперь Жерг Хазель боялся, как бы зверюга не нырнула, но животное спокойно перенесло человека через «воды».

Хазель перевалил через три горных цепи и пересек бескрайние болота. Горы были, наверно, самым трудным этапом путешествия. Толчки и треска были почти невыносимыми. Но воля Хазеля, ведущая его к некой точке, где на скалистом плато блистала ракета с носом, устремленным в небо, не ослабла.

За две недели Жерг Хазель остановился всего два раза: один — чтобы дать отдохнуть стоногому, другой — чтобы сделать передышку самому — снять скафандр, помыться, причесаться, обрезать бороду и поесть и попить по-человечески, пользуясь руками. Остальное время стоногий нес его днем и ночью, не выказывая никакой усталости, и перед глазами Жерга, наверно, проходили картины далекого прошлого Земли, когда ее неизведанные просторы пересекали отважные путешественники. Он как бы вновь приник к источнику, который,

казалось, давно иссяк.

На четырнадцатый день земного времени он достиг края скалистого плато и различил на горизонте стройный силуэт корабля и массивные строения базы. Он приблизился к этой базе, заставляя землю дрожать под шагами гигантского животного. Когда он оказался совсем близко и ракета опасно покачнулась, то даже расслышал испуганный рев венерианцев. Он различил перекошенные лица людей — маленькие бледные пятна в прозрачных шлемах. Они, казалось, смотрели в небо, ибо он сидел очень высоко. И он прокричал в микрофон слова, которые громом прозвучали в плотной атмосфере Урана.

— Сдавайтесь. Во имя Конституции и закона.

Он остановил стоногого, встал с кресла, вышел из кабины, держа в одной руке микрофон, а в другой — оружие, мощный надежный карабин.

Они не сопротивлялись. Быть может, они испугались карабина? Или гигантского стоногого? Полагаю, безобидное животное испугало их больше, чем человек, чья воля привела их на виселицу, ибо в их душах при виде гиганта проснулись вековые страхи, и они даже не сочли человеком крохотное существо с микрофоном и карабином, которому удалось приручить эту гору.

Они даже не попытались избавиться от венерианцев. Они скрылись в зданиях базы, как потребовал Жерг Хазель. С карабином в руках он проник в пустую ракету, снял скафандр, разместился в навигационной рубке, поел и отоспался, зная, что пираты не осмелятся и не смогут двинуться с места.

Через неделю их забрал отряд полиции, а венерианцев погрузили на ту же ракету и репатриировали на свою планету. Обратное путешествие их прошло не в лучших условиях.

Все же они не были людьми, хотя закон, справедливость и Конституция остались неприкосновенными.

Жерг Хазель стал героем, и ему отвели место в школьных учебниках истории, но не потому, что он поступил, как сумасшедший, и не потому, что он восстановил порядок и справедливость и защитил Конституцию.

И не потому, что он освободил рабов-венерианцев, хотя люди позже связали его имя с этим делом прочно и навсегда. Его никто и не представлял, как пример верности тому, что есть лучшего в человеке.

Он стал героем из-за стоногого. Он стал героем, потому что пересек океаны, болота, горы Урана, то есть сделал то, чего не сделал до него ни один человек, ибо никто даже не думал, что такое возможно. Он стал героем, потому что дал человеку самую большую игрушку, самую большую машину, о которой никто и не мечтал.

Стоногие в виде спор были перенесены на другие внешние планеты — Юпитер, Сатурн и Нептун. Они там родились,

выросли и стали переносить человека с его любознательностью, его страстями и его богатствами в любую точку новых планет. Биологи изменили их. Физики создали оборудование, которое превратило стоногих в точнейший и надежнейший инструмент исследования звезд.

Однажды стоногих доставят и на Землю, если удастся приспособить их к температуре, слабому давлению, кислороду, солнечному излучению. И это удастся, ибо выносливость стоножек почти не знает границ.

Жерг Хазель стал героем, потому что дал человеку иных рабов вместо венерианцев, рабов менее близких по облику и поведению и почти не имеющих чувств.

Он интуитивно понял это и настолько разозлился, что отказался возглавить исследования, начатые над стоногими. Он также отказался возвратиться на Землю и познать горячий прием ликующих толп. Он попросил оставить его на Уране, в одиночестве, на правительственной станции, чтобы вглядываться в космос и направлять корабли, которые все чаще стали прилетать из близких к Солнцу районов в эти ледяные и темные края. Он отказался, поскольку был человеком Урана и защитником порядка и справедливости и столпом Конституции, а также потому, что не верил, что может стать кем-то другим. Вокруг станции вырос город, через столетие после его смерти названный его именем. Но задолго до этого характер Жерга Хазеля ухудшился, ибо его имя связывали со стоногими, а ему этого не хотелось. Его не интересовали эти живые холмы, а никого не интересовало, чего именно он добивался и достиг, потому-то ему казалось, что его обделили. Он был человеком, которого обманула История. Когда историки восхваляют ум Хазеля, они говорят даже о его гении, превращая его в тип современного человека, хищника, готового по любому поводу проявить свое могущество, я не соглашаюсь с этим.

Я считаю, что Жерг Хазель был духовно человеком Прошлого, человеком всевременья, человеком, для которого средства стоили меньше, чем цель, а цель эта была навечно выгравирована в его душе тысячелетиями писаний, медленного развития цивилизации, борьбы, угнетения, чести и поражений — всех тех слов, что можно перевести по-разному, и эти слова стареют, стираются, появляются вновь и всегда, вчера и завтра, несутся потоком лет, живут и почти не меняются.

И я в противовес мнению историков считаю, что самой героической и самой верной трактовкой Подвига Жерга Хазеля, которого писатели никогда не изобразят, каким следует, будет картина, на которой мы видим старика с морщинистым лицом, с ввалившимися от усталости глазами, с черно-серой бородой, который без видимой причины восседает на своей немыслимой химере под темно-лиловым небом Урана и пересекает болота, океаны и горы, следя за лунами в небе — иными словами, я вижу всадника на стоногом.

ЖЕРАР КЛЕЙН

БОГИ ВОЙНЫ

*Небо сеет зерна зла...
Будет ли минута та,
Чтобы общий труд людской
Побратал их меж собой?*

Тра-та-та, тра-та-та...
Небо сеет зерна зла.

(Старинная бретонская песня).

1.

Бестия плакала как младенец. Не из-за укоров совести, что она убила три дюжины человек, но потому, что оказалась так далеко от родной планеты. Корсон понимал ее горе. И был вынужден приложить все усилия, чтобы не посочувствовать ей.

В темноте он осторожно ощупывал землю, боясь пораниться о траву, которая, согласно Инструкции, была острой как бритва. Он нашарил свободный участок и лишь тогда с бесконечной осторожностью немного переместился вперед. Дальше трава была мягкой как мех, удивленный Корсон отдернул руку. Трава обязана быть твердой и острой. Урия была враждебной и опасной планетой. Согласно Инструкции, мягкая трава должна обозначать ловушку. Урия находилась в состоянии войны с Землей.

Однако самым важным был вопрос, обнаружили ли уже туземцы появление Бестии и Жоржа Корсона. Бестия могла скрыться от них. Корсон — нет. В двадцатый раз он повторил одну и ту же раскладку. Аборигены видели, как корабль исчез в море огня, и, наверное, решили, что весь экипаж погиб. Они не станут предпринимать ночных розысков, если джунгли Урии хотя бы наполовину так опасны, как говорится в Инструкции.

В который уже раз, Корсон приходил к одному и тому же выводу. Он должен избежать трех смертельных опасностей: Бестии, туземцев и фауны Урии. Оценив риск, он осмелился встать. На четвереньках он не смог бы далеко уйти. А если бы он находился вблизи Бестии, это могло стоить ему жизни. Он смог определить направление, в котором находилась Бестия, но не мог оценить разделяющее их расстояние. Ночь поглощала звуки. А, может быть, их заглушал страх. Он очень медленно поднялся, не желая прикасаться ни к траве, ни к возможным листьям. Над его головой спокойно светили звезды, совсем не враждебные, звезды, похожие на те, что он десятки

раз видел с поверхностей планет, рассеянных по всей галактике. Звездная россыпь была зрелищем утешающим, но лишенным смысла. Когда-то на Земле люди определили названия для созвездий, считая, что те неизменны, а это оказалось лишь случайное и временное распределение небесных тел, наблюдаемое из произвольно выделенного места. Привилегия эта исчезла — исчезло и религиозное значение, приписываемое звездам.

«Безнадежная ситуация,» — подумал Корсон. Он располагал надежным, но уже почти разряженным оружием. Как раз перед катастрофой он ел и пил, этого ему должно было хватить на несколько десятков часов. Воздух был наполнен резким запахом, это должно было не дать ему возможности заснуть. А самое главное, он оказался единственным уцелевшим из экипажа в тридцать семь человек — лишь ему выпало на долю это невероятное счастье. Кроме того, ничто не сковывало его движений, он не был ни ранен, ни контужен.

Плач Бестии раздался с новой силой, и это сосредоточило внимание Корсона на ближайшей из проблем. Если бы он не находился рядом с клеткой Бестии в тот момент, когда она атаковала, сейчас бы дрейфовал, скорее всего в виде газа в черных слоях атмосферы Урни. Но он, как того требовала его профессия, пытался найти с Бестией общий язык.

С другой стороны невидимой стенки Бестия всматривалась в него шестью из восемнадцати глаз, расположенных вокруг того, что было принято называть ее талией. Эти избавленные от век глаза, меняли свой цвет в неуловимом ритме, являющимся одним из способов общения с Бестией. Шесть длинных, снабженных когтями пальцев на каждой из шести ее ног постукивали по полу в ритме второго способа общения, а длинная монотонная жалоба вырывалась из верхнего отверстия Бестии которую Корсон не мог видеть. Бестия была по крайней мере в три раза выше его, ее морда была обнесена густой порослью, которая издали могла казаться гривой, но вблизи была похожа на то, чем являлась на самом деле: копной крепких, как сталь витков, способных распрямляться с устрашающей скоростью, а кроме того служить как щупальцы.

Корсон никогда не сомневался, что Бестия наделена разумом. Впрочем, то же утверждала Инструкция. Не исключено, что она была даже умнее, чем человек. Главнейшей слабостью вида, к которому принадлежала Бестия, было то, что он игнорировал — а может быть, это было проявлением презрения — то великое изобретение, что сделало могучим человека и некоторые другие расы: общество. Инструкция напоминала, что это не единственный случай. Даже на самой Земле, до начала космической эры и систематической эксплуатации океанов, в море существовал индивидуалистический, наделенный интеллектом вид, так никогда и не дошедший до создания цивилизации — вид дельфинов. Гибель его стала платой за это презрение. Но создание общества вовсе не было достаточным фактором для выживания вида. Непрекращающаяся война

между Урией и Землей была тому доказательством.

Глаза, пальцы и голос Бестии по ту сторону невидимой стенки говорили об одной и той же вещи, ясной и очевидной, хотя Корсон и не мог понять языка Бестии: «Я уничтожу тебя, как только смогу», По причинам, Корсону не понятным, такая возможность представилась. Он не мог предположить, чтобы генераторы корабля вышли из строя. Казалось более вероятным, что силы Урии обнаружили их и открыли огонь. За ту пикосекунду, что требовалась компьютерам для включения экранов, на которую понизился также энергетический потенциал клетки, Бестия рванулась в невероятно быструю атаку. Используя свои ограниченные возможности в манипуляциях пространством и временем, она выслала часть своего окружения далеко в пространство, что и вызвало катастрофу. Это было доказательством, что Бестия являлась наисовершеннейшим оружием Земли против Урии.

Ни Корсон, ни Бестия не были убиты во время первого взрыва, так как ее защищала энергетическая клетка, его -- похожая на нее, хоть и меньшая сфера, которая должна была предохранять его от внезапных нападений Бестии. «Архимед» нырнул в клубящиеся глубины атмосферы Урии. Из всего экипажа, скорее всего, лишь Корсон и Бестия остались тогда живы. У Корсона была довольно быстрая реакция, чтобы прилепиться своей сферой к клетке. Когда эта конструкция оказалась в паре сотен метров над землей, Бестия издала пронзительный визг и прореагировала на очередную опасность.

Увлекая за собой часть окружающего пространства, она сместилась на долю секунды во времени. Частью этого пространства оказался Корсон. Вот так он и оказался вне корабля, в атмосфере, и в обществе Бестии. Излучение его энергетической сферы смягчило катастрофу. Бестия, заботясь о собственной безопасности, сделала все остальное. Корсон опустился на землю рядом с ней и, воспользовавшись замешательством, счастливо отполз в сторону.

Все дело оказалось случайной демонстрацией возможностей Бестии. Корсон знал некоторые из них и догадывался о других, однако он никогда не отважился бы указать в рапорте, насколько ее трудно убить.

Представьте себе животное, которое догоняет и окружает стая хищников, заколебавшихся на мгновение. Кажется, что от настигаемого зверя их отделяет лишь невидимый барьер. Бросаются. И неожиданно оказываются на две секунды раньше или позже. В той же позе, в которой находились до преодоления невидимого барьера. Они никогда не настигнут добычу, потому что та будет отбрасывать их постоянно в прошлое. И когда нападающие уже полностью дезориентированы, добыча сама переходит к нападению.

Теперь представьте создание с разумом, равным по меньшей мере человеческому, с более быстрой реакцией, чем у электрического ската, обладающее хладнокровием и врож-

денной ненавистью ко всему, что на него не похоже.

Вот вам приближенное изображение Бестии.

Она может контролировать вокруг себя примерно семь секунд локального времени, как в направлении прошлого, так и будущего. Она может изъять из прошлого участок Вселенной и перебросить на несколько секунд в прошлое. И наоборот. И предвидеть, что произойдет через несколько секунд, прежде, чем это случится на самом деле. По крайней мере — для слепого наблюдателя, такого, скажем, как человек.

Отсюда — ее неожиданное нападение на борту космического корабля. Бестия знала раньше людей и машин, когда вступит в действие флот уриан или же наземные батареи, или — произойдет авария. С поразительным хладнокровием она рассчитала, когда прутья из чистой энергии в ее клетке сделаются на пикосекунду слабее. Она ударила в самый верный момент и выиграла.

Или — проиграла. Это зависит от точки зрения.

Бестия и без того была предназначена для Урии. После трехсотлетней безуспешной войны против урианской империи Солнечная Держава прибегла к тактике, которая могла противостоять самоуверенным князьям. А точнее: за десять лет до заключения перемирия, которое обошлось в один флот, определенное количество разрозненных кораблей, одну планету, которую пришлось эвакуировать, плюс — планетную систему за которой требовалось наблюдать, а кроме того, бесчисленное количество человеческих жертв, число которых считалось государственной тайной.

Короче говоря, это был в самом деле великий эксперимент хотя эффективность его, универсальность оружия так и не была до конца исследована. И все ради идеи: распространить на одной из планет Империи, а лучше всего — на планете-столице страшнейшую из известных в истории эпидемий.

Опасность: не нарушить официально установленного перемирия, которое положило конец активному применению оружия, вот уже двадцать лет молчаливо признаваемому обеими странами. Способ использования: высадить Бестию в укромном месте планеты, избегая ее обнаружения, и позволить ей действовать.

Шестью месяцами позже, Бестия дала бы жизнь примерно восемнадцати тысячам существ, подобных себе. В лучшем случае, через год столицу Империи охватила бы паника. Князь Урии, чтобы избавиться от Бестии, оказались бы вынуждены позабыть отвращение и обратиться за помощью к Солнечной Системе. И расправиться. Пять или шесть тысяч лет существовало такое правило: побежденный расплачивается с победителем. Каждый — на свой манер.

Любой ценой не выдать происхождения «Архимеда». Если бы князь Урии смогли доказать, что Бестия была выпущена с солнечного корабля, держава имела бы немалые трудности, чтобы отстоять свою точку зрения в Галактическом Конгрессе.

Держава рисковала остракизмом.

Остракизм: прекращение всякой межзвездной торговли, конфискация торговых и военных судов, лишение подданных гражданских прав. Время действия: не ограничено.

По всем этим причинам миссия «Архимеда» равнялась самоубийству. И с этой точки зрения она полностью удалась. С одним исключением: Жорж Корсон остался жив. От корабля не сохранилось ни одной мелочи, позволившей бы идентификацию. Князьям Урии пришлось бы признать, что Бестия прибыла на планету — столицу на борту собственного корабля. Лишь земляне знали точно расположение ее родной планеты и технологические, впрочем — невысокие возможности этого вида. Единственным следом, позволяющим князьям Урии узнать происхождение Бестии, был сам Корсон. Если бы туземцам удалось поймать его, это было бы важное доказательство вины Земли. Логичным решением для Корсона было самоубийство. Он сам был убежден в этом. И все же не смог отыскать ни одного способа, чтобы исчезнуть бесследно. Энергии в его пистолете хватило бы лишь на убийство. Бестия разорвала бы его на клочья, но на месте осталось бы достаточно улики, чтобы убедить Галактический Конгресс. Ни одна пропасть на планете не была достаточно глубокой, чтобы преследователи не смогли отыскать там его тело. Единственный шанс остаться неопознанным — остаться живым.

Но самое главное, Бестия была доставлена в место назначения.

2.

Ночь оберегала Корсона от Бестии, глаза которой не реагировали на инфракрасный, и даже на красный диапазон спектра, зато достаточно хорошо видели в ультрафиолете. Кроме того, она обладала способностью ориентироваться в темноте, испуская ультразвук. Но сейчас она слишком сильно погрузилась в скорбь по себе, чтобы выслеживать Корсона.

Корсон усиленно пытался понять причину этого отчаянного плача Бестии. В принципе, он был уверен, что Бестии неведомо такое понятие, как страх. На ее планете не существовало врагов, которые могли бы серьезно угрожать ей. Она не знала соперников и, вне сомнения, не представляла себе существо более могущественное, чем она, пока не повстречалась с людьми. Единственной преградой для демографической экспансии Бестии был голод. Она могла размножаться лишь тогда, когда располагала достаточным количеством пищи. В иных случаях оставалась бесплодной. Во время реализации проекта одна из основных трудностей, с которой столкнулись зоологи Земли, заключалась в том, чтобы накормить Бестию.

Корсон также не мог поверить, что Бестия голодна, или что испытывает холод. Ее организм был мощной машиной, способной усваивать большинство минеральных и органических соединений. Обширные прерии Урии могли предоставить

ей изысканную пищу. Климат в какой-то мере напоминал климат лучших районов ее родной планеты.

Другим был состав атмосферы, но не настолько, чтобы повредить созданию, способному — как вытекало из эксперимента — без явного ущерба для себя не один десяток часов находиться в вакууме и купаться в соляной кислоте. Одиночество тоже не могло наполнить Бестию печалью. Тесты, определяющие поведение Бести и заключающиеся в том, что ее выпускали на незаселенные планетоиды, показали, что она лишь в немногих случаях нуждается в товариществе. Хотя они и собираются в стаи, чтобы осуществить то, что не под силу одной особи, или же для игр, или для обмена зародышами содержащими генный эквивалент; это не говорило о том, что они питали друг к другу какие-то приятельские чувства.

Нет, ничего здесь не подходило. Голос Бести напоминал плач ребенка, запертого по невнимательности или в наказание в темном шкафу, который ощущает себя потерявшимся в огромном мире, поразительном и непонятном, заполненном кошмарами и фантастическими силами; в ловушке, из которой он сам не в состоянии выбраться. Корсон хотел бы войти в контакт с Бестией и узнать, что ее так тревожит. Но это было невозможно. На протяжении всего путешествия он пытался найти с ней общий язык. Он знал, что ей доступны самые разные способы общения, но, как и его предшественникам, ему не удалось начать с ней осмысленный разговор. И это скорее всего по причине той враждебности, с какой она относилась к людям. Основания для такой враждебности не были известны. Ими могли быть и запах, и цвет, и звуки. Зоологи пытались обмануть ее. Напрасно. Трагедией Бести было обладание слишком высокоразвитым интеллектом, чтобы позволить себя обмануть, когда воздействовали на ее инстинкты, и, одновременно, слишком низким, чтобы побороть в себе темные клубящиеся силы, приказывающие преследовать и убивать.

Пробуя отойти еще на пару шагов, Корсон споткнулся, и следующие несколько сот метров проделал на коленях, пока, утомившись вконец, не решил подремать, пообещав себе ни на мгновение не ослаблять чуткости. Он очнулся, как ему показалось, буквально через несколько минут. Часы, однако, показывали, что он проспал четыре часа. Все еще стояла ночь. Бестия успокоилась.

По небу скорее всего перемещалось небольшое облачко, так как на всей его части, расположенной по левую руку Корсона, исчезли звезды. Облако передвигалось быстро. Края его были четко очерчены. Какое-то огромное тело, вне сомнения, летательный аппарат, о котором Корсон ничего не слышал, хотя и изучал виды и типы боевых кораблей, применяемых князьями Урии, бесшумно летел над ним. Поскольку устройство было почти неразличимо, всякая оценка высоты и скорости полета была затруднительной. Но когда оно оказалось прямо над Корсоном, темное пятно, каким оно вырисовывалось

на фоне неба, начало быстро увеличиваться. У Корсона едва хватило времени сообразить, что аппарат того и гляди раздавит его.

Появление аппарата успокоило Бестию, именно тишина и разбудила Корсона. С несколько секундным опережением Бестия знала, что должно произойти, о чем невольно и предугадала своего неожиданного спутника-человека. Корсон почувствовал, как кровь застывает у него в жилах и напрягаются мышцы живота. Без колебаний он выхватил оружие. Он не сомневался, что корабль прибыл затем, чтобы взять его в плен. Кроме того он знал, что все его возможности немногочисленны против этой огромной машины. Единственная тактика, которая оставалась ему, это, если его схватят, спровоцировать экипаж, чтобы они забрали Бестию с собой. Потом же ему нечего было бы здесь делать, лишь позволить действовать ей независимо от того, какой клеткой или защитой обладал корабль. Немного удачи — и вражеское судно будет уничтожено, также основательно, как и «Архимед», и князя Урии не найдут и следа пребывания Жоржа Корсона на этой планете.

3.

Из небытия проступили детали корабля. Из его черного отполированного корпуса вырвался луч света и пробежал по зарослям, в которых укрывался Корсон. Очевидно, князя Урии были так уверены в себе, что даже не прибегли к прожектору черного света. Корсон инстинктивно нацелил оружие на фонарь. Днище корабля было гладким и отполированным, как поверхность какой-нибудь безделушки. Его конструктор, очевидно, имел склонность к геодезической эстетике, что проявилось в способе склейки металлических полос. Этот корабль ничем не напоминал боевое судно.

Корсон приготовился к выстрелу, запаху газа или падающей на его плечи стальной сетке. Он ожидал услышать вхохочущий голос какого-нибудь урианского солдата. Но луч света лишь замер на нем и не опускался. Корабль спустился еще ниже и застыл. Даже не вытягиваясь, Корсон мог бы коснуться его. Вдоль корпуса засветились большие иллюминаторы. Он мог бы попытаться пробить их при помощи оружия, но не сделал этого. Он весь дрожал, но в то же время был скорее заинтригован, чем напуган, странным, по крайней мере — с военной точки зрения — поведением экипажа корабля.

Пригнувшись, он обошел вокруг корабля. Сквозь окна попытался заглянуть внутрь, но изображение было смазанным. От внутренней обстановки у него сложился лишь смутный, неконкретный образ. Ему показалось, что он различил чело-векоподобный силуэт, но это его не беспокоило. Туземцы, видимые с определенного расстояния, могли выглядеть похожими на гуманоидов.

Ослепленный светом, он на мгновение закрыл глаза. Ясно освещенная дверь открылась в корпусе, над повисшей в воздухе складной лесенкой. Корсон присел и прыгнул внутрь. Дверь бесшумно закрылась за ним. Но поскольку он предполагал это, то не обратил внимания.

— Заходите, мистер Корсон,— раздался молодой женский голос.

— Не вижу причин, чтобы вы ждали в коридоре.

Это был голос человека. Не какой-то выученный, а настоящий человеческий голос. Уриане не смогли бы скопировать его с таким совершенством. Возможно, с этим справился бы компьютер, но Корсон сомневался, чтобы его враги, расставив на него ловушку, затрудняли бы себя до такой степени, раз уж он все равно в нее попал. Воюющие стороны редко принимают нападающих как туристов.

Корсон послушался. Толкнул приоткрытую дверь, которая исчезла в стене. Перед ним находилось обширное помещение, пол которого занимал гигантский иллюминатор. Он четко различал контуры леса, над которым они пролетали, и более светлую, поблескивающую полосу океана. Он повернулся на сто восемьдесят градусов. Перед ним стояла молодая женщина. Ее обволакивала тонкая как туман пелена. Лицо обрамляли светлые волосы. В ее серых глазах он не заметил никакой враждебности. Она явно владела собой. Прошло пять лет с тех пор, как Жорж видел что-то, напоминающее женщину, не считая существ выполняющих их функции на боевых кораблях. Слишком высокой была необходимость продолжения рода, чтобы рисковать присутствием в космосе женщин, способных для этой функции. А эта была удивительно привлекательна. Он пришел в себя, быстро подверг анализу ситуацию и смирил себя, смирил готовые к бою инстинкты. Словно вторая личность проснулась в нем. Он спросил:

— Откуда вы знаете, что меня зовут Корсон?

Выражение лица молодой женщины изменилось, теперь это была смесь страха и удивления. Корсон уже знал, что положил руку на пульс событий. Тот факт, что женщина заранее знала его имя, могло означать, что князья Урии располагали подробной информацией касательно миссии «Архимеда» и знали по имени всех членов экипажа. С другой стороны, женщина явно принадлежала к людскому племени, так же как голос ее вне сомнения, был голосом человека, но вот ее присутствие на Урии, было полной загадкой. Ни один урианский хирург не смог бы так идеально произвести маскировку. Никакая операция не была в состоянии превратить роговой клюв в эти нежные губы. Будь молодая женщина еще одета, Корсон не перестал бы сомневаться, но все анатомические подробности выдавали ее происхождение.

Он четко различал пупок. Это была подробность, до которой уриане, происходящие из яиц, никогда бы не додумались.

А пластоиды никогда не достигали такого уровня совершенства.

— Но ведь вы только что сами его назвали мне,— ответила она.

— Сперва вы окликнули меня по имени,— произнес он, чувствуя, что топчется на месте. Мозг его работал быстро, но безрезультатно. Он почувствовал желание убить эту женщину и захватить корабль, но она наверняка была не одна на борту, и прежде всего он должен был хоть что-то выяснить. Может, ему не придется убивать ее.

Корсон никогда не слышал, чтобы люди переходили на сторону князей Урии. Профессии предателя не существует, на войне, основой которой и, пожалуй, единственным поводом, явилась биологическая разница и возможность обитать на одном и том же типе планет. И тут он неожиданно вспомнил, что попав на корабль, он не ощутил специфического запаха уриан. А он бы уловил привкус хлора, если бы хоть один урианнин находился на борту. А тем временем...

— Вы пленница?

У него не было надежды, что она признается, но это даст ему по крайней мере хоть какой-то след.

— Станные вопросы вы задаете.— Она широко раскрыла глаза. Ее губы задрожали.— Вы чужой. Я думала... Почему я должна быть пленницей? Или на вашей планете держат в неволе?

Неожиданно лицо ее изменилось. В ее взгляде он прочел внезапное потрясение.

— Нет.

Она закричала и отшатнулась, пытаясь найти предмет, которым она смогла бы защититься. Он уже знал, что должен сделать. Он мотнулся через зал, увернулся от несильного удара, каким она пыталась его встретить, рукой заткнул ей рот и прижал к себе, блокируя руки. Большой и указательный пальцы отыскивали на шее нервные узлы. Она перестала биться. Если бы он надавил сильнее — она бы была мертва. Но ему достаточно было ее обморока. Он хотел иметь хоть немного времени для размышления.

Корсон обошел весь корабль, и убедился, что они одни на борту. Это показалось ему невероятным. Присутствие молодой женщины на борту прогулочного судна — он не нашел никакого оружия — летящего над лесами враждебной планеты, было для него чем-то небывалым. Он отыскал навигационный пульт, но не смог разобраться в системе управления. Красная точка, явно обозначающая корабль, скользила по стенной карте. Но он не узнавал ни континентов, ни океанов Урии. Может быть штурман «Архимеда» перепутал планеты? Чепуха! Флора, солнце, состав атмосферы — этого было достаточно для идентификации Урии, а произведенное нападение рассеивало сомнение окончательно.

Он посмотрел через иллюминатор, аппарат летел на высоте около трех тысяч метров и, согласно оценке Корсона, со скоростью примерно в четыреста километров в час. Какие-то десять минут и они окажутся над океаном.

Корсон вернулся в первое помещение и уселся в изящное кресло, поглядывая на молодую женщину, которую он положил на диван, сунув предварительно подушку под голову.

На борту военного корабля редко можно было обнаружить подушки. Бархатные подушки. Он попытался подробно вспомнить все, что произошло с того момента, как он оказался на корабле.

Она окликнула его по имени.

Прежде чем он открыл рот.

Казалась пораженной, прежде чем ему пришлось в голову броситься на нее. В определенной степени это, прочитанное в ее глазах удивление и побудило его к действию. Телепатка?

А значит: она знала его имя, его задание, знала о существовании Бестии, и потому должна умереть, особенно, если она работает на князей Урин...

Женщина шевельнулась. Корсон принялся связывать ее, разорвав на длинные полосы кусок материала. Он стянул ей руки и ноги. Но не стал затыкать рот. Он пытался разобраться в том, из чего сделана ее одежда. Это была не материя, ни газ. Нечто вроде светящегося тумана, настолько легкого, что обманывало глаза. Только уголком глаза можно было определить его присутствие. Вариант поля, но уж наверняка — не защитного поля.

Язык, на котором она обратилась к нему, был чистейшим пангалом. Но это еще ничего не обозначало. Уриане использовали его с тем же успехом, что и земляне. Даже он сам пытался обучать Бестию основам пангала — языка, характерного тем, что служил методом общения всех разумных существ, но напрасно.

Тем временем, ключ к решению загадки дала ему Бестия.

У молодой женщины было с Бестией одно общее свойство. Она умела в определенных рамках предвидеть будущее. В тот момент, когда он оказался на борту, она уже знала, что он спросит: «Откуда вы знаете, что меня зовут Корсон». Тот факт, что ее страх побудил Корсона к действию, ничего не изменил, оставался лишь вопрос: кто из них был первопричиной. Как и в большинстве парадоксов со временем. Но те, кто общался с Бестией, начинали кое-что понимать на эту тему, чаще всего — за счет самих себя. Он мог оценить способность к предвидению у молодой женщины примерно в две минуты. Это было лучше, чем у Бестии, однако не проявляло ее тайну пребывания на Урии.

4.

День длился вот уже больше часа. Они летели над океаном, вдали от всякой суши. Когда Корсон принялся соображать, почему урианский флот ничего не предпринимает и не пытается перехватить их, молодая женщина пришла в себя.

— Мистер Корсон, вы — хам! — заявила она. — С варварских времен Солнечной Державы не существовало столь заслуживающего презрения негодяя. Напасть на женщину, которая так гостеприимно его встретила!

Он внимательно посмотрел на нее. Хотя она и рвалась в своих путах, он не обнаружил на ее лице никакой тревоги, лишь злость. Впрочем, она знала, что в ближайшем будущем он не сделает ей ничего плохого. Ее изящные черты лица разгладились, злость уступила место холодному презрению. Она была слишком хорошо воспитана, чтобы плюнуть ему в лицо, морально именно так она и сделала.

— У меня не было выбора, — сказал он, — война есть война.

Она поглядела на него, сбитая с толку.

— О какой войне вы говорите? Вы с ума сошли, мистер Корсон.

— Жорж, — поправил он, — Жорж Корсон.

Этого по крайней мере, она не могла предвидеть, этого слова, являющегося его именем, или же просто не желала его использовать... Корсон неторопливо принялся развязывать ее. Он понял, что именно поэтому разгладилось ее лицо. Она молча позволила ему довести это дело до конца, потом одним движением поднялась, растерла запястья, подошла к нему и, прежде чем он шевельнулся, закатала ему две оплеухи. Корсон не прореагировал.

— Именно так я и предполагала, — с презрением произнесла она. — Вы даже предвидеть не способны. Интересно, откуда могла взяться такая деградация. И на что вы можете быть годны. Нет, только со мной такие вещи случаются.

Она пожала плечами и отвернулась, ее серые глаза нацелились на море, над которым бесшумно летел их корабль.

«Совсем как героиня из старых фильмов, — подумал Корсон. — Из довоенных фильмов. Они подбирали по обочинам разных типов, и потом с ними случались вещи более или менее удивительные, чаще всего в них влюблялись. Мифология. Такая же, как табак или кофе. Или подобный этому корабль».

— Это мне наука на будущее, если придется подбирать людей, которых я не знаю, — продолжала женщина, словно играя свою роль в одном из мифологических фильмов. — Еще посмотрим, кто вы такой, когда прилетим в Диото. А до тех пор ведите себя спокойно. У меня влиятельные друзья.

— Князя Урии, — саркастически произнес Корсон.

— Никогда не слышала о таких князьях. Разве что в легендарные времена...

Корсон сглотнул слюну.

— Так на этой планете — мир?

— Уже тысячу двести лет, насколько мне известно. Я надеюсь так останется до конца света.

— Вы знакомы с туземцами?

— Конечно. Это интеллигентные и безвредные птицеподобные существа, проводящие время в философских беседах. Правда, взгляды их несколько декадентские. Нгал Р'нда — один из самых близких моих друзей. А вы считали, с кем имеете дело?

— Понятия не имею, — признался он.

И это была чистая правда.

Она подобрела.

— Я проголодалась, — заявила она, — полагаю, вы тоже. Посмотрим в состоянии ли я что-нибудь для вас соорудить, после того, как мне от вас досталось.

Он не заметил в ее голосе ни малейшего страха, скорее — симпатию.

— А вас как зовут? — поинтересовался Корсон. — Мое имя вы знаете.

— Флора, — ответила она, — Флора Ван Вейль.

Первая женщина, которая представилась ему за последние пять лет. Нет, в самом деле — вел он внутренний монолог — или же мне все это снится, или все это, какая-то ловушка, или иллюзия, или же — бред, цветной и объемный, каким галлюцинирует лежащий на ложе смерти вот уже тысячу двести, а может, и две или три тысячи лет?

Он чуть не выронил протянутый ему стакан.

Когда они подкрепились, мозг его начал работать нормально. Он подытожил ситуацию. Он не мог понять, что же случилось с планетой Урия, если правдой было то, что между несколькими миллионами живущих здесь людей и немного более многочисленными туземцами царит мир. Он знал, что отправляется в Диото, в крупный город, в обществе самой очаровательной девушки, какую когда-либо видел.

И что Бестия бродила по лесам Урии, готовая размножиться и дать жизнь восемнадцати тысячам маленьких Бестий, которые быстро станут такими же опасными, как и она, и что случится это через шесть месяцев, а то и скорее, если Бестия без труда отыщет себе пищу.

У него была определенная точка зрения на то, что произошло. Когда сразу перед взрывом Бестия удалилась от корабля, она переместилась вперед во времени на несколько секунд, но совершила путешествие длившееся тысячелетие. Уже не существовало ни князей Урии, ни Солнечной Державы. Война была выиграна или проиграна, но вне зависимости от этого, стала уже забытой. Он мог считать себя демобилизованным

и скинуть солдатский мундир. Или же мог считать себя невольным дезертиром, заброшенным в будущее. Сейчас же он оказался лишь человеком, затерявшимся среди миллиардов граждан некоей Галактической Федерации, распространявшейся на всю звездную структуру и достигающей Туманности Андромеды, объединяющей миры, который он, вне сомнения, никогда не увидит, сообщение между которыми осуществляла транспространственная связь, позволяющая мгновенно перемещаться с места на место, с планеты на планету. Теперь у него не было ни собственной личности, ни прошлого, ни какого-либо задания. Теперь он не знал ничего. Из Диото он мог добираться до любой звезды, сияющей на ночном небе, и заниматься тем единственным делом, которое он знал — войной, или же выбрать другое. Он мог уйти, позабыть про Землю, позабыть про Урию, Бестию, Флору Ван Вейль, навсегда затеряться на космических перекрестках.

И позволить новым обитателям Урии самим позаботиться о Бестии и восемнадцати тысячах ее малышей.

Но он был не настолько наивен, чтобы не отдавать себе отчета в том, что вот уже порядочное время его тревожит некий вопрос.

Почему Флора Ван Вейль объявилась именно в тот момент, чтобы взять его на борт? Почему она производила впечатление, что играет, причем плохо, роль, зазубренную наизусть? Почему ее неподдельную злость, она так быстро обратила в сердечность, как только пришла в себя?

5.

Издалека Диото напоминал огромную пирамиду с основанием, висящем в воздухе на высоте более одного километра, и одновременно казался облаком с изодранными краями, потемневшее нутро которого было усеяно блестящими точками — словно геологические пласты на обнажившемся горном склоне. У Корсона перехватило дыхание. Пирамида начала расплываться. Облако сделалось лабиринтом. Дома или какие-то другие сооружения, образующие город, располагались на значительном расстоянии друг от друга. С земли вертикально взлетала вверх двойная река и пронзала город словно колонна, замкнутая в невидимую трубу. Вдоль трехмерных артерий города порхали разнообразные аппараты. В тот момент, когда корабль с Корсоном на борту достиг предместий, два огромных кубических блока взвились в атмосферу в сторону океана.

Диото, сам себе объяснял Корсон, служит прекрасным примером основанной на антигравитации урбанистике, но носящей пятно анархичной структуры общества. Для него до этого времени антигравитация существовала лишь на борту боевых кораблей. Что же касается анархии, то она представ

лялась лишь историческим понятием, которое полностью исключила война. Любой человек и любой предмет находились на своем собственном месте. Но тысяча двести, а то и более лет — достаточное время, чтобы все это могло измениться. На первый взгляд антигравитация стала столь же распространенным явлением, как некогда реакция расщепления атомного ядра. А может быть, даже сама сделалась источником энергии? Корсон слышал о нескольких туманных проектах такого рода. На бортах боевых кораблей, антигравитационные устройства поглощали неимоверное количество энергии, но это не имеет значения. Силы взаимоотталкивания масс тоже содержат в себе значительное количество потенциальной энергии.

Этот город — в противоположность известным ему — не представлял собой стабильное сочетание разнообразных строений. Это была постоянно меняющаяся структура. Элементы ее можно было компоновать как угодно. Лишь основная функция города оставалась неизменной — служить местом объединения людей для обмена делами и идеями.

Аппарат Флоры медленно двигался вдоль одного из фасадов пирамиды. Размещение домов было таким, подметил Корсон, что даже самые низкие уровни могли получить необходимое количество солнечного света. Из этого вытекало, что существует централизованная власть, в обязанности которой входит руководство перемещениями и размещением вновь прибывших.

— Вот мы и на месте, — неожиданно заявила Флора. — Что вы собираетесь делать?

— Мне казалось, что вы собираетесь передать меня в руки полиции.

Флора явно заинтересовалась.

— Именно это и произошло бы в вашу эпоху? Стражники сами легко вас найдут, будь у них такое желание. Правда, сомневаюсь, чтобы они знали, как приступить к аресту. Последний раз такое случалось десять лет назад.

— Я напал на вас.

Девушка рассмеялась.

— Скажем, я вас спровоцировала. А вот встретить человека, который не способен минуту за минутой предвидеть, что я сделаю или скажу — это заслуживающий внимания опыт.

Она подошла прямо к нему, поцеловала в губы и отстранилась, прежде чем он успел ее обнять. Корсон застыл с глупым выражением лица. Теперь он уже был уверен, что она говорила правду. Эта встреча вдохновила ее. Она не была знакома с таким типом мужчин, но он то знал женщин такого типа. Он определил это по ее глазам, когда ему пришлось применить к ней силу. Основные человеческие качества не меняются за тысячу двести лет, если даже определенные внешние

характеристики эволюционируют.

Он мог воспользоваться ситуацией.

Что-то шевельнулось в нем. Стремление убежать. Нечто вроде инстинкта толкнуло его к тому, чтобы оказаться на самом большом расстоянии от этого мира. Этот инстинкт находил солидную поддержку в том образе этого мира будущего, который он создал для себя. Может быть, род людской за эти тысячу двести (а может и больше) лет достиг невообразимого прогресса, чтобы расправиться с восемнадцатью тысячами Бестий, но он сомневался в этом. А близость, которая вне сомнения, началась между ним и Флорой Ван Вейль, серьезно ограничила бы его свободу.

— Спасибо за все,— сказал он.— Если когда-нибудь мне придется отблагодарить вас...

— Какая невероятная самоуверенность,— ответила она.— И куда вы намереваетесь отправиться?

— На другую планету, надеюсь. Я... много путешествую. На этой планете я и так задержался дольше, чем надо.

Флора сделала большие глаза.

— Я не спрашиваю вас, почему вы врете, мистер Корсон, но пытаюсь понять, почему вы врете так скверно.

— Ради удовольствия,— ответил он.

— Не вижу, чтобы вы особенно радовались.

— Учусь.

Он горел от желания задать ей тысячи вопросов, но сдерживался. Эту вселенную следовало открывать самому. Прямо сейчас открыть свою тайну, нет, это его не устраивало. Он должен удовлетвориться тем мизерным количеством информации, которую он почерпнул из утренних разговоров.

— Я надеялась, что все будет иначе,— сказала девушка.— Ну что ж, вы свободны.

— И тем не менее я могу отплатить вам хоть одной услугой. Вскоре я покину эту планету. Сделайте то же самое. Через несколько месяцев жизнь здесь может стать невыносимой.

— С вами? — иронично спросила Флора.— Вы не способны предвидеть даже то, что случится через минуту, а уже начинаете играть в пророка. Я тоже дам вам совет. Смените одежду, в этой вы просто смешны.

Корсон, обиженный, сунул руки в карманы своего военного мундира. Но уже через минуту спустя переоблачился во что-то вроде туники, которую она ему протянула. В новом одеянии Корсон в самом деле чувствовал себя смешно. Он задержался.

— Где тут мусоропровод?

Флора подняла брови.

— Не поняла.

Он прикусил губу.

— Устройство, которое уничтожает отбросы.

— Деструктор? Конечно же.

Она показала ему, как работает деструктор. Он сложил свой мундир и бросил в аппарат. Свободное одеяние, которое было теперь на нем, достаточно хорошо скрывало прикрепленный под левой подмышкой пистолет. Он был уверен, что Флора заметила оружие, но понятия не имеет о его предназначении. Мундир исчез на его глазах.

Он подошел прямо к двери, которая в тот же момент распахнулась. Уже входя, он собирался сказать что-нибудь, но так и не нашел слов. На прощание он лишь неопределенно махнул рукой. В эту минуту он думал лишь об одном.

Отыскать свободное место и подумать.

И как можно скорее покинуть Урию.

6.

Тротуар под его ботинками, нет, теперь под сандалиями, оказался мягким. На него хлынула лихорадочная волна страха. Ему следовало остаться с девушкой и попытаться как можно больше получить от нее информации. Насколько он мог судить, его торопливость вызвана солдатским рефлексом. В сомнительном убежище не находиться ни на минуту больше, чем необходимо. Двигаться, двигаться без передышки.

Его теперешнее поведение было обусловлено войной, прекратившейся более тысячи лет назад, но с которой он расстался лишь вчера. А кроме того, была еще одна вещь, в которой он отдавал себе отчет. Флора — и молода, и мила, и заинтересована. Корсон же прибыл с войны, из эпохи, в которой почти вся энергия человечества была направлена на сражения или же экономические усилия, позволяющие их вести. И неожиданно он открыл существование мира, в котором право на личное счастье считалось законом. Слишком сильный контраст. Корсон покинул корабль, потому что опасался за свою военную доблесть все то время, что находился вблизи Флоры.

Он дошел до конца перона и с неуверенностью посмотрел на узкие, лишенные перил и слишком сильно наклоненные переходные трапы. Он побоялся, что это его колебание может разоблачить его, но вскоре установил, что никто не обращает на него внимания. В его мире посторонний человек был бы немедленно заподозрен в шпионаже, хотя было бы абсурдным предположить, чтобы урианин отважился на прогулку по городу, выстроенному людскими руками. Слово «шпионаж» имело другое значение, чем обеспечение безопасности. Занятие для умов. Он был достаточно циничен, чтобы отдавать себе отчет в том.

Обитатели Диото проявляли больше мужества. Они перескакивали с одного уровня на другой даже тогда, когда расстояние равнялось нескольким метрам.

Какое-то время Корсон считал, что они снабжены портативными, скрытыми под одеждой антигравитаторами, но

вскоре пришел к выводу, что это не так. Во время первой своей попытки он спрыгнул с высоты, метра в три, приземлился на согнутые ноги и чуть было не упал. Он ожидал немного более сильного соприкосновения с поверхностью. Осмелев, он нырнул на глубину метров в десять и заметил несущийся прямо на него летательный аппарат. Аппарат уклонился, а его пилот повернул в направлении Корсона лицо, побледневшее то ли от гнева, то ли от страха. Корсон подумал, что нарушил, наверно, одно из правил движения, и быстро удалился, опасаясь какой-нибудь дорожной полиции.

Вообще-то прохожие, казалось, не имели перед собой никакой определенной цели. Кружили словно насекомые, то соскакивая на три уровня ниже, то поднимались на невидимых восходящих потоках этажей на шесть вверх, останавливаясь поболтать со встречными, и продолжали свой путь. Время от времени то один, то другой заходили в какое-нибудь из массивных зданий, составляющих скелет города.

Спустя какие-нибудь три часа одиночество стало докучать его. Он был голоден. Пришла усталость. Первоначальный восторг рассеялся. Сперва он считал, что без труда отыщет какой-нибудь ресторанчик или общественную спальню, или то и другое сразу, как это было на всех планетах, подвластных Солнечной Державе, для солдат путешественников, но разочаровался. А расспрашивать прохожих побоялся. В конце концов он решил войти в одно из массивных строений. За дверью находилось обширное помещение. На гигантских полках были разложены товары. Тысячи людей кружили между ними, выбирая необходимое.

Если взять какую-нибудь вещь — будет ли это кража? Кражи сурово наказывались в Солнечной Державе, и Корсон глубоко усвоил это. Общество, находившееся в состоянии войны, разумеется, не может допускать таких антисоциальных поступков. Когда он нашел продовольственную секцию, то вопрос решился сам собой. Он взял несколько упаковок, напоминающих те, которыми его угощала Флора, и рассовав их по карманам, подсознательно ожидая сигнала тревоги, быстро зашагал в сторону выхода, петляя по дороге, чтобы сбить со следа. А кроме того, внимательно следил, чтобы не пересечь тот маршрут, которым он шел до этого.

В то мгновение, когда он уже собирался выйти сквозь двери, он услышал голос и вздрогнул. Это был низкий голос с любопытным звучанием, но тоном скорее доброжелательным.

— Простите, мистер, вы ничего не забыли?

Корсон оглянулся.

— Простите? — настаивал бестелесный голос.

— Корсон, — представился он. — Жорж Корсон.

Зачем скрывать свое имя в мире, где оно ничего ни для кого не значит?

— Может, я и упустил какую-нибудь формальность, — признался он. Но я не отсюда родом. Кто вы такой?

Больше всего удручало его то, что проходящие мимо него люди, казалось, не слышали этого голоса.

— Я кассир этого универмага. А вы предпочли бы разговаривать с директором?

Он определил место, откуда, казалось, раздавался голос. На высоте плеча и в добром метре от него.

— Я нарушил какое-то правило? — спросил Корсон. — Полагаю вы хотите задержать меня.

— На ваше имя не открыт ни один кредит, мистер Корсон. Если я не ошибаюсь, вы в первый раз у нас. Поэтому я и позволил побеспокоить вас. Надеюсь, вы не сочтете мне это за зло.

— Боюсь, я не располагаю вообще никаким кредитом. Разумеется, я могу все это возвратить вам.

— Но зачем же, мистер Корсон? Будет достаточно, если вы расплатитесь наличными. Мы принимаем валюту всех открытых планет.

Корсон содрогнулся.

— Не могли бы вы повторить то, что только что сказали?

— Принимаем валюту всех открытых планет. Это могут быть купюры любого выпуска.

— У меня... у меня нет денег, — угнетенно признался Корсон.

Это слово жгло ему рот. Деньги были для него понятием чисто историческим и в каком-то смысле ненавистным. Как и все, он знал, что задолго до войны на Земле пользовались деньгами как способом обмена, но никогда не видел их. Армия снабжала его всегда и всем, в чем он нуждался. Практически, он никогда не испытывал желания получить больше, или же не тот предмет, который ему выдавали. Как и все его современники, он считал, что обычай денежного обмена сделался бесполезным, варварским, немыслимым в развитом обществе. Когда он покидал корабль Флоры, мысль, что деньги ему могут потребоваться, даже на мгновение не появилась в его мозгу.

— Я мог бы... мгм...

Он откашлялся.

— Может, я смог бы отработать взамен того, что я... мгм взял?

— Никто не работает ради денег, по крайней мере на этой планете, мистер Корсон.

— А вы? — спросил Корсон недоверчиво.

— Я, мистер Корсон, машина. Если вы позволите, я предложу вам одно решение, прежде чем мы откроем для вас кредит, не могли бы вы указать нам особу, готовую за вас поручиться?

— Я знаю здесь лишь одну особу, — сказал Корсон. Флору Ван Вейль.

— Превосходно, нам этого вполне достаточно, мистер

Корсон. Прошу вас простить, что я так надоедал вам. Надеюсь, вы еще посетите нас.

Голос умолк. Тактично. Корсон пожал плечами, смущенный, что ему так не по себе. Что подумает Флора, когда обнаружит, что ее кредиту был нанесен ущерб? Но не это тревожило его. Его тревожил сам голос. Он был вездесущим, мог одновременно разговаривать с тысячами клиентов, информировать их, советовать или давать нагоняй.

Значит, невидимые глаза, скрытые в волнах воздуха, непрерывно следили за ним? Он снова пожал плечами. В конце концов, он был на свободе.

7.

Он отыскал более-менее спокойное место и открыл банку. Во второй раз это была с его стороны реакция солдата. Насыщаясь, он пытался думать. Но, несмотря на все усилия, ему так и не удалось представить собственное будущее.

Проблема денег. Без денег ему будет трудно покинуть Урию. Наверняка, межзвездные путешествия стоили недешево. Ловушка во времени дублировалась ловушкой в пространстве. Разве что за эти шесть оставшихся месяцев он найдет способ, как заработать деньги.

Но не трудом, поскольку ради денег никто не работал. Чем больше он размышлял, тем более трудной казалась ему проблема. Не было ничего такого, на что он был бы способен, и что могло бы заинтересовать людей с Урии. Хуже того, в их глазах он будет выглядеть инвалидом. Мужчины и женщины, разгуливающие по улицам Диото, могли предвидеть свое будущее. Он таким умением не обладал. И все говорило о том, что обладать не будет. Появление этой способности наводило на некоторые предположения, которые он быстро проанализировал. Заключалось ли здесь дело в мутации, возникшей неожиданно и быстро распространившейся среди рода людского? Или же это были скрытые способности, развить которые можно было специальной тренировкой?

Независимо от того, наличие этих способностей означало, что он не сможет воспользоваться эффектом неожиданности. За одним только исключением.

Он знал отдаленное будущее планеты.

Через шесть месяцев орды Бестий радостно и яростно ринутся в атаку на Диото, настигая свои жертвы в лабиринте пространства времени. Может быть, эти способности и дадут людям возможность на недолгую передышку. Но ни на что большее.

Это был неплохой элемент на будущее. Он может предостеречь центральные власти планеты, порекомендовать пол-

ную эвакуацию планеты, или же попытаться усовершенствовать методы борьбы с Бестиями, разработанные Солнечной Системой. Палка о двух концах. С таким же успехом уриане могли решить его просто-напросто повесить.

Он выбросил на край парапета пустые упаковки, наблюдая, как они падают. Ничто не останавливало их полета. Значит, антигравитационное поле действует только на живые существа. Может быть подсознательно, их нервная система отдавала распоряжения, которые были для этого необходимы. Корсон не мог вообразить себе устройство, способное осуществлять такие задания.

Он поднялся и снова побрел куда-то.

План: отыскать межзвездный порт, место, откуда отправлялись галактические транспорты или же опускались транспортные корабли, пробраться на борт, в случае необходимости применив силу. Если его задержат, всегда останется еще один выход — начать говорить.

В общем он уловил структуру города, хотя она и показалась ему нелепой. В его эпоху все военные базы строились по одному и тому же образцу. Одни дороги были отведены для транспорта, другие — для пешеходов. А тут — нет. Возможность предвидеть события на несколько минут вперед, должна была оказать влияние на правила уличного движения. Снова перед его глазами возникла авария, в которую он чуть было не попал несколько часов назад. Водитель не предвидел его появления на дороге. Значит, чтобы предвидеть, урианам следовало приложить определенное усилие и уметь этим усилием управлять. А, может быть, эти способности были распределены неравномерно?

Он попробовал сконцентрироваться и представить себе, что произойдет дальше. Прохожий. Он может продолжить идти дальше, сместиться вверх или вниз. Корсон решил, что этот человек вернется. Но человек шел дальше. Корсон повторил попытку. С тем же результатом.

Еще и еще раз.

Неудачи, может быть, не слишком ли они часто случаются? Или же некая блокировка нервной системы сделала для него невозможным верные предсказания и постоянно заставляла его предвидеть что-то другое? Возможно.

Невольно припомнились ему давние события, всплески интуиции, слишком конкретные, верные, оправдывающиеся. Словно молнии, освещающие в нужный момент надлежащие участки мозга, являющиеся из напряженного грохота войны. Или из тишины утомления. Ничего особенного, ничего исключительного. Те события, которые все вскоре забываются и которые называются течением обстоятельств.

Он всегда имел славу счастливчика. Тот факт, что он все еще был жив, казалось подтверждал то, что его товарищи — мертвые сейчас все, как один — говорили ему в шутку. Или

же везение на Урии стало варьируемым фактором?

Легкий аппарат остановился рядом с ним, и Корсон инстинктивно уклонился. Ноги напряжены, колени подогнуты, рука тянется к левой подмышке.

Он не выхватил оружие. В аппарате была лишь одна пассажирка. С пустыми руками. Брюнетка. Молодая и стройная. Остановилась, чтобы поговорить с ним. Он не знал ее.

Корсон распрямился и вытер капли пота со лба. Молодая женщина жестом пригласила его внутрь.

— Жорж Корсон, верно? Прошу вас, садитесь.

Чтобы дать ему возможность войти, стенки аппарата расползлись, словно были изготовлены из ткани или же пластмассы, подвергнутой тепловому излучению.

— Кто вы такая? Как вы меня нашли?

— Антонелла,— представилась девушка.— Так меня зовут. А рассказала мне о вас Флора Ван Вейль. И я решила вас встретить.

— Я знаю, что вы сядете, Корсон. Не стоит терять времени.

Он чуть было не отвернулся. Можно ли обмануть способность к предвидению? Но она была права. Он хотел знать. Слишком долго он был в одиночестве, он чувствовал необходимость побеседовать с кем-нибудь. Время на проведение экспериментов отыщется и попозже. Он вошел в аппарат.

— Приветствуем вас на Урии, мистер Корсон,— произнесла Антонелла несколько церемонно.— В мои обязанности входит принять вас у нас.

— Это официальная миссия?

— Можете называть это и так, если это вас устраивает. Но я в самом деле получаю от этого истинное удовольствие.

Аппарат набрал скорость, двигаясь без видимого участия в управлении молодой женщины. Она улыбалась, блеснув ослепительными зубами.

— Куда мы летим?

— Я предлагаю небольшую прогулку над берегом моря.

— Куда это вы меня увозите?

— Не туда, где вам не хотелось бы оказаться.

— Ну ладно,— произнес Корсон, откидываясь на подушки сидения.

Значит, они покидали Диото.

— Вы не боитесь? Флора вам все насчет меня рассказала?

— Она сказала нам, что вы обошлись с ней несколько грубо. Она так и не решила еще, обижаться ей за это на вас или нет. Вроде бы, больше всего ее задело то, что вы ее оставили. Это всегда очень обидно.

Она вновь улыбнулась, и он растаял. Он не знал почему, но уже испытывал к ней симпатию. Если действительно в ее обязанности входила встреча чужеземцев, то, должно быть, таких тщательно отбирали.

Он повернул голову и во второй раз увидел исполинский пирамидальный гриб Диото, казалось, карабкающийся по двум блестящим колоннам вертикальных рек. Море, вздрагивающее мощными, медленными пульсациями, омывало бесконечные пляжи. Небо было почти пусто. Прозрачная дымка, напоминающая висящее над водопадом неровное облако брызг, обволакивало вершину города.

— Что вы хотите узнать от меня,— неожиданно спросил он.

— Ничего из вашего прошлого, мистер Корсон. Нас интересует ваше будущее.

— Почему?

— Вы ни о чем не догадываетесь?

Он на мгновение прикрыл глаза.

— Нет. Я ничего не знаю о моем будущем.

— Сигарету?

Он взял в руки протянутый ему овальный портсигар и достал сигарету. Сунул ее в рот и затянулся, ожидая, что она раскурится сама. Но почему-то ничего подобного не случилось. Антонелла протянула ему зажигалку, и в тот момент вспыхнул огонек, вспышка которого ослепила Корсона.

— Что вы собираетесь делать? — спросила она сладким голосом.

Он протер рукой глаза и глубоко затянулся. Это был настоящий табак, совсем не похожий на алыг, который курили в мире во времена войны.

— Покинуть эту планету,— внезапно ответил он. Он прикусил губу, но светящаяся точка мельтешила у него перед глазами, словно посылаемый на его сетчатку металлической поверхностью зажигалки световой зайчик выстукивал на ней легкий и трудноуловимый мотив. Неожиданно он понял и загасил сигарету о приборную панель корабля. Он закрыл глаза и так сильно надавил пальцами на веки, что увидел стартующие ракеты и взрывающиеся звезды. Его правая рука скользнула под тунику за оружием. Поблескивание зажигалки не было обычным отражением. Его гипнотическое воздействие совместно с содержащимся в сигарете наркотиком должно было заставить его говорить. Но тренировка, которую он прошел, сделала его способным противостоять такого рода ловушкам.

— Вы довольно крепки, мистер Корсон,— заметила Антонелла спокойным голосом.— Однако, я сомневаюсь, что у вас хватит сил, чтобы покинуть эту планету.

— Почему вы не предвидели, что эта уловочка не работает.

Голос его был полон гнева.

— А кто вам сказал, что она не работает, Жорж?

Она улыбнулась так же мило, как тогда, когда приглашала его в аппарат.

— Я сказал лишь то, что намереваюсь покинуть эту планету. Это все, что вы хотите знать?

— Возможно. Теперь мы уверены, что у вас в самом деле такие планы.

— И собираетесь помешать мне в этом?

— Не знаю, как бы вы могли это сделать. Вы вооружены и опасны. Мы хотим лишь отговорить вас от этого.

— И, разумеется, для моей же пользы.

Аппарат потерял высоту и снижал скорость. Он задержался над большой бухточкой, заскользил вниз и, наконец, плавно спустился на песок. Стенки его оплыли как расплавленный воск. Антонелла выскочила на песок, потянувшись и двинулась пританцовывающими шагами.

— Разве здесь не романтично? — спросила она.

Подняла многолучевую раковину, наверняка защищающую морскую звезду. «Морскую звезду из иного мира», — подумал Корсон. Покрутила ее в руках и бросила в волны, ласкающие ее обнаженные ноги.

— Вы не любите эту планету?

Корсон пожал плечами:

— На мой вкус, она слишком декадентская. Слишком много тайн кроется в самых спокойных уголках.

— Я понимаю, вам подавай войну, действия грубые и внезапные. Может, вы и здесь найдете кое-какие остатки всего этого, Жорж.

— И — любовь, — с сарказмом произнес он.

— А почему нет?

Она чуть прищурила глаза и словно ждала, приоткрыв губы. Корсон сжал кулаки. Он не мог припомнить, чтобы ему приходилось когда-либо видеть столь соблазнительную женщину, даже во время своих отпусков, в центрах развлечений. Он расстался с воспоминаниями о своем прошлом, подошел к ней и опустил руки на плечи.

8.

— Я бы не поверила, Жорж, что в тебе столько ласковости — выговорила она сдавленным голосом.

— Это обычай вашей планеты — принимать таким образом чужеземцев?

В голосе его ощущалось глухое раздражение.

— Нет, — в уголках ее глаз он заметил скапливающиеся слезы. Нет, наши обычаи несравненно более свободны... чем обычаи твоего мира, но...

— Любовь с первого взгляда?

— Ты должен понять, Жорж. Должен меня понять. Я не могла бороться с собой. Я ждала так долго.

Он рассмеялся.

— Конечно же, с нашей последней встречи?

Она сделала над собой усилие, и понемногу лицо ее приобрело выражение непоколебимого спокойствия.

— В определенном смысле это так, Жорж. Потом ты это поймешь...

— Когда подрасту...

Он поднялся и подал ей руку.

— Теперь у меня появилась еще одна причина, чтобы покинуть эту планету,— сказал он.

Она покачала головой:

— Ты не сможешь.

— Почему?

— После выхода из транспространства, вне зависимости от планеты, тебя задержат и подвергнут определенному воздействию. Нет, они тебя не убьют, но ты уже никогда не будешь самим собой. У тебя не будет больше воспоминаний. И многих твоих желаний. А это почти то же самое, что умереть.

— Хуже,— сказал он.— И такому воздействию подвергают всех межпланетных путешественников?

— Только военных преступников.

Его качнуло, окружающий его мир подернуло мглой, так что тот сделался неразличимым. В какой-то мере он мог понять поведение этой женщины, хотя ее объяснения были невразумительными. Ее поведение выглядело не более абсурдным, чем эти парящие в воздухе города, вертикальные реки — все это шизоидное общество, путешествующее по воздушному океану, на борту летающих яхт. Но слова Антонеллы были одновременно и непонятны и таили угрозу.

Военный преступник. Потому что он принимал участие в войне, завершившейся свыше тысячи лет назад.

— Не понимаю,— произнес он наконец.

— Попытайся. Это же очевидно. Служба безопасности не обладает властью на планетах. Она вмешивается только тогда, когда какой-либо из преступников пытается перебраться с одной планеты на другую. Если ты используешь транспространство как средство передвижения, хотя бы только затем, чтобы ускользнуть от них.

— Но почему они хотят со мной расправиться?

Лицо Антонеллы закаменело.

— Я же тебе сказала. Думаешь, мне доставляет удовольствие повторять это? Думаешь, мне приятно называть человека, которого я люблю, военным преступником?

Он ухватил ее за запястья, и сжал изо всех сил:

— Антонелла, молю тебя. О какой войне ты говоришь?

Она попыталась вырваться.

— Грубиян! Отпусти меня! Как ты можешь хотеть, чтобы я сказала! Ты должен знать лучше меня. В прошлом велись тысячи войн. Ты мог принимать участие в любой из них.

Он отпустил ее. В глазах у него потемнело. Он потер лоб рукой.

— Антонелла, помоги мне. Ты слышала что-нибудь о войне между Солнечной державой и князьями Урии?

Она задумалась.

Конечно-же это было очень давно. Последняя война, которая коснулась этой планеты, закончилась больше тысячи лет назад.

— Между людьми и аборигенами?

Она покачала головой.

— Наверняка нет. Эту планету люди делят с туземцами более тысячи лет.

— Значит,— спокойно заявил он,— я последний человек, выживший в войне, которая происходила более шести тысяч лет назад. Я полагаю, что срок давности уже прошел.

Она подняла голову и уставилась на него полными изумления огромными карими глазами. Потом произнесла бесцветным голосом:

— Срока давности не существует. Это было бы слишком легко. В случае поражения в войне всегда было бы достаточно отправиться так далеко в будущее, чтобы избежать наказания, и можно было все начинать сначала. Боюсь, ты недооценилашь службу.

— Я хочу сказать.....— начал он.

Он уже постигал понемногу правду. Уже века, если не тысячелетия, люди умеют перемещаться во времени. И побежденные генералы, свергнутые тираны систематически искали убежища во времени, в прошлом и будущем. Они предпочитали это капитуляции перед врагами. И мирные века были вынуждены защищаться от этих незваных пришельцев, поскольку в ином случае войны длились бы до бесконечности, перекрещиваясь в неизбежной сети случившегося, тут и там разорванного неопределенным исходом постоянно начинающихся сражений. Служба безопасности охраняла время. Ее не интересовали конфликты, могущие разгореться на поверхности планет, но, контролируя коммуникации, она не позволяла конфликту разгореться до масштабов Галактики. Это была головоломная работа. Чтобы что-нибудь такое вообразить, следовало представить себе все неисчерпаемые варианты бесконечного будущего.

И Жорж Корсон, внезапно выплыв из прошлого, вояка, заблудившийся в веках, автоматически был расценен как военный преступник. Перед его глазами промелькнуло несколько эпизодов из войны между Солнечной Державой и князьями Урии. С обеих сторон, это была безжалостная, ожесточенная бойня. Никогда, даже на долю секунды, он не подумал бы, что человек может проявлять милосердие к урианину. Но прошло шесть, а то и больше тысяч лет. Ему было стыдно самого себя, своих бывших товарищей, стыдно за обе расы, за восторженную радость, которую испытывал он, зная, что Бестия доставлена в место назначения.

— Я — не военный преступник, в буквальном значении этого слова — сказал он. — Конечно, я принимал участие в той древней войне, но никто не спрашивал меня о согласии. Я родился в мире, находившемся в состоянии войны, в соответствующем возрасте прошел соответствующее обучение и был вынужден принимать участие в сражениях. Я не пытался уйти от своего долга, дезертируя во времени. В будущее я был заброшен в результате... одного несчастного случая, некоего эксперимента. Я охотно позволю подвергнуть себя всем всевозможным проверкам, если только они не причинят вреда моей личности. Думаю, мне удастся убедить любого беспристрастного судью.

Две слезинки скатились по щекам Антонеллы.

— Как бы я хотела в это верить! Ты понятия не имеешь, как я страдала, когда мне сказали, кем ты был. Я влюбилась в тебя с первого взгляда. И боялась, что у меня не хватит сил на выполнение этой миссии.

В одном он был теперь уверен, он увидит ее, он отыщет ее в будущем, в котором она с ним еще не встречалась. Каким-то образом — он еще не мог этого понять — судьбы их пересеклись. Но однажды разыграется сцена, прямо обратная этой. Было это несколько сложновато, но по крайней мере, имело смысл.

— Есть на этой планете какое-нибудь правительство? — спросил он. — Я должен кое-что сообщить ему.

Она заколебалась на какое-то время, прежде чем ответить. Он подумал про себя, что она потрясена настолько, что оказалась не в состоянии предвидеть его вопрос.

— Ты говоришь о центральной власти? Нет, ничего такого на Урии не существует уже более тысячи лет. Правительства относятся к античному периоду человеческой истории. У нас есть машины, выполняющие некоторые функции, координацию, например. Еще — полиция, но она почти никогда не вмешивается.

— А служба безопасности?

— Она контролирует лишь коммуникации и, как мне кажется, также колонизацию новых планет.

— А кто обеспечивает связь между Урией и службой?

— Совет. Три человека и урианин.

— Ты работаешь на них?

Казалось, она была шокирована.

— Я ни на кого не работаю. Они попросили, чтобы я встретилась с тобой, Жорж, и предостерегла, что тебя ждет, если ты покинешь планету.

— Почему ты согласилась на это? — спросил Корсон резким голосом.

— Потому что, если ты попытаешься улететь с Урии, то утратишь свою личность, твое будущее подвергнется изменению и ты никогда не встретишь меня.

Губы ее дрожали.

— Это личные причины,— сказал Корсон.— Но почему мной интересуется Совет Урии?

— Этому мне не сказали. Я полагаю они считают, что Урия будет нуждаться в тебе. Они опасаются, как-бы какое-нибудь несчастье не обрушилось на планету, и считают, что только ты сможешь этому помешать. Почему? Этому я не знаю.

— На эту тему у меня есть определенные предположения,— согласился Корсон.— Ты можешь отвести меня к ним?

Антонелла, казалось, была подавлена этим вопросом.

— Это может оказаться не просто,— пояснила она.— Они живут через триста лет в будущем, а я сама не знаю ни одного из способов путешествий во времени.

10.

Корсон с трудом прервал молчание.

— Ты хочешь сказать что прибыла из трехсотлетнего будущего?

Она кивнула.

— И какую миссию намеревается мне доверить ваш Совет?

Она покачала головой. Волосы рассыпались у нее по плечам.

— Никакой. Они лишь просят тебя, чтобы ты остался на этой планете.

— И моего присутствия будет достаточно, чтобы отвести угрозу?

— Что-то в этом роде.

— Меня это вдохновляет. И вот сейчас, пока мы разговариваем, никто не отвечает ни за что на этой планете.

— Не так,— сказала она.— Теперешний Совет надзирает за отрезком в чуть более семи веков. Это не так много. На других планетах некоторые Советы отвечают более, чем за тысячелетие.

— В этом есть, по крайней мере, то преимущество, что сохраняется непрерывность власти,— заметил Корсон.— А как ты намереваешься вернуться в свое время?

— Не знаю,— ответила Антонелла.— В принципе, это ты должен найти какое-нибудь решение.

Корсон присвистнул.

— Еще лучше. Наконец-то у нас появилось хоть что-то общее: И ты и я затерялись во времени.

Антонелла взяла его за руку.

— Я не потерялась,— сказала она.— Пойдем, день кончается.

Задумавшись, понурив головы, они направились к аппарату.

— В одной штуке я уверен,— сказал Корсон.— Если ты говоришь правду, то еще неведомым мне способом я достигну того прошлого, откуда ты явилась, тогда мы встретимся, ты увидишь меня в первый раз, я тебя — во второй. Мои слова будут для тебя непонятны. И, быть может, в ходе этого путешествия я открою глубинный смысл этой непонятной путаницы.

Корсон упал на подушки, голова его откинулась, и он немедленно заснул, пока они летели в сторону воздушного города, позволяющего красным языкам заходящего солнца вылизывать свои пирамидальные бока.

11.

Он проснулся от криков, грохота, топота ног по неровной поверхности, со злостью отдаваемых распоряжений и злобной оружейной перебранки. Тьма стояла кромешная. Аппарат раскачивало. Он повернулся к Антонелле, даже очертаний лица которой он не мог разглядеть в поглотившей их абсолютной ночи. Собственный голос показался ему приглушенным.

— Авария?

— Нас атаквали. Я предвидела только это темное облако, а дальше уже ничего не могу выяснить.

— А сейчас можешь?

— Я ничего не могу предсказать. Тьма, сплошная тьма... В ее голосе прозвучало отчаяние.

Он протянул в ее направлении руку и, желая ее подбодрить, похлопал по плечу, но в этой полнейшей черноте дистанции не сократил бы даже самый интимный контакт.

— Я вооружен,— шепнул он ей.

Привычным движением он выхватил бластер и обвел им пространство, нажимая на спуск. Но вместо знакомого ему резкого серебристого луча из ствола вырвался лишь слабый фиолетовый свет. На расстоянии двух ладоней он, казалось, начинал расплываться. Это облако было чем-то другим, чем обычный туман. Наверняка — это поле, раскинутая в пространстве энергетическая сетка, гасящая как видимое, так и самое жесткое излучение. Даже в самой глубине тела Корсон ощутил неприятный зуд, словно клетки, из которых было сложено его тело, стали угрожать давлением.

Голос, настолько глубокий и сильный, что внутренности содрогнулись, донесся из какой-то страшно отдаленной пещеры.

— Не стреляй, Корсон. Мы друзья.

— Кто вы?— крикнул он, но голос прозвучал так слабо, словно он слышал его через крохотный наушник.

— Полковник Веран, — ответил голос. — Ты меня не знаешь, но это не имеет никакого значения. Закройте глаза, мы поднимем экран.

Корсон убрал оружие и в темноте сжал пальцы Антонеллы.

— Послушай, это имя говорит тебе что-нибудь?

— Я не знаю ни одного человека по имени Полковник, — прошептала она.

— Полковник — это звание. Зовут его Веран. Я его не знаю, как и ты. Не понимаю...

Молния. Сквозь пальцы Корсон различал сперва лишь монотонную белизну, которая вскоре превратилась в массу кровавых игл, проникающих сквозь его зажмуренные веки. Минуту спустя он уже мог открыть глаза и увидел, что их аппарат завис над какой-то поляной. Был день. Их окружали мужчины в серых мундирах, вооруженные неизвестным оружием. За рядом солдат он различил то ли две мишени, то ли два пригорка, очертания которых из-за недавнего ослепления, все еще казались им расплывчатыми. По обе его стороны стояли два солдата, а когда он повернул голову, то увидел и двух сзади.

Их охраняли солдаты.

Часовые.

Один из предметов шевельнулся, и Корсон чуть не вскрикнул.

Пригорки оказались Бестиями.

Точно такими же Бестиями, как та, которую «Архимед» должен был высадить на Урии. Существа столь поразительные, что люди во времена Корсона, в условиях, когда война выхолостила язык, не нашли для них другого названия, кроме как Бестии.

Корсон бросил взгляд в направлении Антонеллы. Сжав губы, она производила очень приятное впечатление. Человек в зеленом мундире отделился от группы одетых в серое солдат и направился к ним. Он предусмотрительно остановился в трех метрах от аппарата и заговорил резким голосом:

— Полковник Веран. Чудом уцелел вместе с остатками 623 кавалерийского эскадрона в битве на Аэргистале. Благодаря вам, Корсон. Ваш замысел выхода из окружения спас нам жизнь. А кроме того, вам удалось взять заложников. Очень хорошо. Попозже мы допросим ее.

— Но я никогда... — начал было Корсон и замолчал.

Если этот вызывающий опасения человек считает, что чем-то ему обязан, то пусть и в дальнейшем лучше пребывает с этими мыслями. Корсон соскочил с аппарата. Лишь теперь он подметил грязные, рваные мундиры, следы сильных ударов на почерневших масках, покрывающих лица. Интересно, что ни один из присутствовавших здесь людей не производил впечатление раненого, хотя бы даже легко. Корсону почти автоматически пришел в голову ответ, основанный на его прошлом

опыте. Они их добились. Название Аэргистал ничего не говорило ему. Звание полковника использовалось уже по меньшей мере пятнадцать тысяч лет. Полковник Веран мог происходить из любой битвы, случившейся между эпохой Корсона и современной. Тот факт, что его люди использовали дрессированных Бестий склонял к предположению, что он происходит из более позднего отрезка времени, чем Корсон. Сколько лет потребовалось, чтобы найти с Бестиями общий язык, чтобы выдрессировать их, начиная от первых неудачных попыток в Солнечной Державе? Десять лет? Век? Тысячелетие?

— Ваше звание?— спросил полковник Веран.

Корсон инстинктивно вытянулся. Сейчас он до невозможности обостренно воспринимал гротескность своего звания. И — ситуации. Антонелла еще не родилась.

— Лейтенант,— произнес он глухим голосом.

— От имени его Высочества, Озаренного Светом Птара Марпи,— торжественно произнес полковник,— произвожу вас в капитаны.

Голос его сделался несколько сердечнее, когда он добавил:

— Разумеется, когда мы выиграем войну, звание майора вам обеспечено. Но в данную минуту я не могу присвоить вам более высокого звания, поскольку вы служили в чужой армии. Я полагаю, вы счастливы, отыскав подлинную армию и серьезных людей. Те несколько часов, что мы провели на этой планете, были не особо-то веселыми.

Он подошел ближе к Корсону и спросил, понизив голос:

— Как вы думаете, найду я рекрутов на этой планете? Мне требуется около миллиона человек. А кроме того — двести тысяч гиппронов. Мы еще можем спасти Аэргистал.

— В этом я не сомневаюсь,— ответил Корсон.— Но что такое гиппрон?

— Это наши лошадки, капитан Корсон.

И Веран широким жестом указал на восемь Бестий.

— У меня великие планы, капитан, и не сомневаюсь, что вы решите принять в них участие. Если по правде, то, когда отберу назад Аэргистал, то намерен ударить на Напур, завладеть оружиевыми мастерскими и свалить этого плюгавого недоноска, Птара Марпи.

— Честно говоря,— заметил Корсон,— я сомневаюсь, чтобы вы нашли слишком много рекрутов на этой планете. Если говорить о гиппронах, то я оставил здесь одного, где-то в джунглях. Но он совсем дикий.

— Чудесно,— сказал Веран.

Он снял фуражку. На его обритой голове начинали отращивать волосы, что делало ее похожей на подушечку для иголок. Его серые, глубоко посаженные глаза, напоминали твердые камни. Лицо было патиной старой бронзы с более светлыми проплешинами на месте шрамов. Руки затянуты в перчатки из гигантского блестящего металла.

— Покажите ваше оружие, капитан Корсон,— приказал он.

Корсон на мгновение заколебался, потом протянул бластер Верану рукояткой вперед. Полковник резким движением принял его.

Внимательно осмотрел, взвесил на ладони. Потом усмехнулся.

— Игрушка.

Веран задумался. И бросил оружие Корсану, который от растерянности чуть не выпустил его.

— Принимая во внимание степень и значение оказанной нам услуги, думаю, мы можем вам его оставить. Разумеется, оно должно служить только против наших врагов. Но поскольку я опасаясь, что его будет недостаточно, чтобы защитить вас, капитан, я дам вам двоих моих людей.

Он сделал знак.

Подскочили двое солдат и замерли по стойке «смирно».

— С этой минуты вы находитесь в распоряжении капитана Корсона. Следите, чтобы он не попал в ловушку, покидая границы лагеря. Эта заложница...

— Останется под моей опекой, полковник,— сказал Корсон.

На мгновение на нем застыл твердый взгляд Верана.

— Это неплохая идея, на первое время. Проследите, чтобы она не шаталась по лагерю. Я не выношу, когда нарушается дисциплина. Можете идти.

Оба солдата выполнили поворот. Чувствуя себя бессильным, Корсон сделал то же самое, для проформы подтолкнув Антонеллу. Они пошли.

— Капитан.

Твердый голос Верана остановил их на месте. Полковник принял иронический тон:

— Я не предполагал, Корсон, что встречу столько сентиментальности в солдате вашего типа. Увидимся завтра утром.

Они двинулись вперед. Солдаты шли размеренным шагом, как автоматы. Усталость и дисциплина. Невольно Корсон подлаживался под их шаги. Он не имел никаких иллюзий насчет своего положения, возвращенного оружия и эскорта, а вернее — именно по этим причинам. Он был пленником.

Солдаты отвели его к ряду серых палаток, другие вояки устанавливали новые быстрыми и четкими движениями. Перед этим, они тщательно выжгли всю землю поляны. Теперь, высушенная, она была подернута тонким слоем пепла. Там, где проходили отряды Птара Марпи, трава вырастала с трудом.

Эскортирующий их солдат приподнял полог одной из уже установленных палаток и жестом приказал войти внутрь.

Внутренняя обстановка была стандартной. Надувные

кресла стояли возле развернутого металлического листа, носящегося в воздухе и исполняющего роль стола. Но суровость этого места придала Корсону бодрость. Здесь он чувствовал себя лучше, чем в изысканном великолепии декораций Диото. На мгновение он выпустил на волю воображение. Как жители Урии прореагируют на агрессию?

Хотя отряд Верана был немногочисленным, вне сомнения, ни с каким серьезным сопротивлением он не встретился. Разумеется, тем или иным способом эта новость дойдет до Совета в будущем: но они не смогут выставить никакой противоборствующей силы. А может, его уже не существует. Вопрос: как может существовать в будущем правительство, если прошлое, его породившее, теоретически изменено? Может быть, уриане никогда не задавали себе такого вопроса, но ответ они узнают прежде, чем будут уведомлены о его существовании. В какой-то мере эта непосредственная угроза отодвигала на задний план опасность нашествия Бестий, которых цивилизация Верана приручила и назвала гиппронами.

Стечение обстоятельств было просто невероятным: возникший из ниоткуда Веран, утверждающий, что знает его, и требующий двести тысяч гиппронов. Меньше, чем через шесть месяцев, когда вылупится все потомство Бестии, к доставке которой сюда Корсон приложил собственную руку, он будет располагать восемнадцатью тысячами гиппронов. Меньше, чем через год, у него их станет больше, чем требуется. Помещенные в благоприятные условия, Бестии размножаются быстро. И быстро достигают полного развития.

Даже одного шанса на миллиард не было, чтобы Веран появился именно в эту минуту случайно. Но зачем ему нужен такой гиппрон?

Потому что...

Прирученные гиппроны Верана не могли размножаться. На Земле более тысячи лет часть тягловых животных составляли волы. Их послушность была следствием одной небольшой проведенной над ними операции. Само животное, именуемое быком, было настоящим диким животным. Весьма вероятно, что и гиппроны Верана были подвергнуты тому же вмешательству. Поэтому ему и требовалась дикая Бестия. Нетронутая.

Наконец, Корсон перенес свое внимание на Антонеллу. Она сидела в одном из надутых кресел. Приглядываясь к своим рукам, которые лежали, распрямившись, на столе и подрагивали. Она подняла глаза и посмотрела на Корсона, ожидая, что он что-то скажет. Ее лицо было напряженным, но она ничем не давала знать о своей взволнованности. Вообще, она держалась лучше, чем он мог предполагать. Он сел напротив нее.

— Очень может быть, что нас подслушивают, — резко начал он. — И все же я скажу тебе вот что. Полковник Веран

представляется мне рассудочным человеком. На этой планете следует навести порядок. Я убежден, что с тобой ничего плохого не случится. Если ты признаешь его и мою власть. Тем более, что твое присутствие может облегчить его намерения.

Он хотел надеяться, что она поняла: он не предал ее, он сделал максимум из того, чтобы она выбралась из этой заварухи целой и невредимой, но что сейчас он не может сказать больше. Веран имел и другие дела, кроме, как следить за ними, но он не был человеком, который не считается с риском. Несомненно, один из его помощников, сейчас подслушивал их и вел запись. Если бы Корсон находился на месте Верана, он именно так и поступил бы.

Какой-то солдат приподнял полосу, закрывающую вход в палатку, и неуверенно заглянул в нее. Другой вошел внутрь и молча положил на стол два пакета. Почти немедленно Корсон узнал их содержимое. Военный рацион совсем не изменил своего внешнего вида. После нескольких попыток он показал Антонелле, как разогреть консервы, сломав печать, и как потом открыть их, не ошпарив себе пальцев. Он ел с аппетитом, используя находившуюся в пакете посуду. К его великому изумлению, Антонелла без колебаний последовала его примеру. Он почувствовал уважение к этим штатским с Урии.

Однако минуту спустя он решил, что их способности должны помогать им сохранять хладнокровие. О непосредственной опасности они были предупреждены. Возможно, они доставят больше неприятностей солдатам Верана, чем ее себе воображают.

Кончив есть, Корсон поднялся. Направляясь к выходу из палатки, он повернулся и сказал:

— Я пройду по лагерю и посмотрю, соответствуют ли концепции полковника Верана в вопросах защиты тем, которым учили меня. Может быть, ему пригодится мой опыт. Не выходи отсюда ни под каким предлогом. Х-мм, необходимые удобства находятся под кроватью. Я буду примерно через час.

Она молча смотрела на него. Он попытался понять это ее выражение и убедиться, что она не имеет ему во зло то, что он делает. Но ничего не вышло. Если она играла роль, то заслуживала награды за убедительность.

Как он и ожидал, на выходе стояли на страже два солдата. Он сделал шаг и полотнище ткани упало, не вызвав никакой реакции.

— Я хочу побродить в пределах лагеря, — заявил он деловым голосом.

Один из солдат немедленно шелкнул каблуками и стал сбоку от него. Дисциплина в лагере Верана была фактом.

Это несколько успокоило его касательно ближайшего будущего Антонеллы. Лагерь был разбит в военных условиях и Веран не позволит ни малейшего нарушения дисциплины.

Он руководствовался здравым смыслом, запретив Антонелле появляться в лагере и оставив ее под надзором Корсона. У него были и другие хлопоты, кроме организации тюрьмы на одного человека. С другой стороны, вид женщины мог вызвать определенную дезорганизацию в рядах. Если бы не мысль, что ее можно использовать, Веран приказал бы ее ликвидировать в первую же минуту. Позже, когда лагерь будет укреплен, а люди отдохнут, дело будет выглядеть иначе.

Корсон отогнал эту неприятную мысль и огляделся. Земля поляны, тщательно выжженная, представляла собой круг диаметром в несколько сотен метров. По периметру солдаты вбивали в землю штыри и соединяли их проводами. Система обнаружения? Сомнительно. Люди, которые тянули провод, были в тяжелых изоляционных костюмах. Скорее линия обороны. Несмотря на свой неказистый вид, она, должно быть, представляла серьезную опасность.

Половину таким образом защищенного пространства занимало около сотни палаток. Корсон поискал глазами палатку с флагом, более обширную, чем другие, но не нашел. Резиденция Верана ничем не отличалась от палаток солдат.

Чуть дальше под ногами, Корсон ощутил глухую вибрацию. Веран приказал строить подземные убежища. Он, вне сомнения, знал свое дело.

С другой стороны поляны Корсон насчитал двадцать семь гиппронов. Судя по числу палаток, Веран располагал примерно шестью сотнями людей. Если, с эпохи Корсона, звание полковника сохранило то же значение, то в начале компании под командованием Верана находилось от десяти до ста тысяч человек. Аэргистал действительно оказался бойней. 623 кавалерийский эскадрон Птара Марпи должен был проявить сверхчеловеческое усердие, чтобы навести порядок в рядах уцелевших и заставить их разбить этот небольшой лагерь словно ничего не произошло. А кроме того, обладал феноменальной амбицией, если не сказать, поразительной самоуверенностью, если думал о продолжении войны.

Тот факт, что он спокойно позволил ему следить за принимаемыми защитными мерами, достаточно ясно обрисовал характер этого человека. Так же, как и намерение набрать миллион человек, чтобы пополнить свою поредевшую армию. Блеф? Возможно. Разве что он располагает способами, о которых Корсон не подозревал. Эти размышления привели его к следующему вопросу — даже странно, что он не задал его себе раньше. Против кого сражался Веран на Аэргистале?

Гиппроны не были ранены. Они лежали настолько неподвижно, что с несколько большего расстояния их можно было принять за огромные разметававшиеся корни деревьев. Особенно напоминали корни те шесть лап, снабженных шестью пальцами. По окружающим туловище глазам, примерно на половине высоты тела и чуть выше головы Корсона, пробегали

лишь туманные блики. Время от времени один из гиппронов издавал крик, потом следовало довольное похрюкивание.

Жвачные, можно сказать. Ничего общего не имеющие с тем диким зверем, изучение которого Корсон начал перед катастрофой корабля. На их боках сложная упряжь оставила глубокие шрамы, словно железо на коре дерева.

Интересно, как на них ездят. Вроде бы ни одно место их тела не годится под узду. Сколько людей мог нести гиппрон? Объяснение давал расчет Верана. Миллион людей и двести тысяч гиппронов. Одного гиппрона достаточно для перевозки пяти человек и их снаряжения. Какую роль они играли во время битвы? До сих пор Корсон не сомневался, что они могли заменять боевые машины. Их подвижность и врожденная ненависть должны творить чудеса в войне на суше. Их способность к передвижению ближайшего будущего и перемещения на секунду во времени делала их почти неуточжимыми. Но гиппроны, находящиеся перед глазами Корсона, вовсе не напоминали хищников. Он мог бы поклясться, что они совсем глупые, в отличии от своего дикого предшественника, который блуждал сейчас по джунглям этой планеты в поисках места, благоприятного для размножения.

Использование в войне живых существ, в качестве средства передвижения было концепцией, известной Корсону. Во время конфликта между Землей и Урией он имел возможность встречать на планетах военных действий, дружественных землянам, варваров, оседлавших змей, гиппогрифов или пауков. Но он привык в первую очередь к механизированной армии. То, что поражало его здесь, это высокий уровень технических средств и живые существа как средство передвижения. Каким образом сражались на Аэргистале?

Он не мог себе представить этого. Если бы планеты обладали названиями, соответствующими их внешнему виду, то это должен был быть мир, усеянный острыми скалами со стальным блеском. Но с таким же успехом Аэргистал мог быть зеленой, радостной долиной. Не на Урии, но где-то там, на другой планете. Ни Флора Ван Вейль, ни Антонелла не говорили о войне, ведущейся на Урии, пусть даже на отдаленном континенте. Говорили ему прямо противоположное.

Нет, сражение, в котором Веран потерял большинство своих сил, происходило на другой планете. Веран быстро собрал остатки своих отрядов и начал искать гостеприимную планету, чтобы зализать раны. Случайно он наткнулся на Урию, высадил своих людей и животных, а транспорт выслал на орбиту, опасаясь, как бы тот не выдал их на земле.

Но...

Из этой битвы Веран вышел совсем недавно. Его люди были еще в боевом обмундировании, когда явился Корсон. Грязные, усталые. Независимо от скорости транспорта Верана, потребовалось бы много часов, а то и дней, на преодо-

ление расстояния. Корсон попробовал вспомнить строение звездной системы, в которой находилась Урия. У планеты не было спутника. Кроме нее, в систему входили еще две планеты, но были это газовые гиганты, не могущие явиться полем битвы, по крайней мере для людей. Плотность звезд в этом районе была невелика. А значит, Аэргистал находился от Урии на расстоянии в шесть световых лет. Скорее всего намного дальше. Идея, что какой-то транспорт мог преодолеть множество световых лет за несколько минут, представлялась абсурдной. И все же...

Корсон был единственным человеком из Вселенной, не существующей уже шесть тысяч лет. За шестьдесят веков могло появиться множество изобретений. Уже то, что он видел в Диото, превышало пределы его воображения. Транспорт, способный достичь почти абсолютной скорости, был не более абсурдным, чем анархическое общество или город, выстроенный на антигравитации.

Он следил за зрелищем деловой активности, царящей в лагере, и на него обрушилась глухая ностальгия. И хотя сам он никогда не был особенно воинственным, здесь он ощутил себя как дома, в этом мире деловитости и напряженности. Он смотрел на человека, прохаживающегося возле гиппронов с оружием в руках. Бросил взгляд на своего личного охранника. Ни один из них не был похож на человека, озабоченного гигантскими проблемами, потрясающими Вселенную. Они потеряли друзей в битве на Аэргистале, но по их виду это было незаметно. Два дня назад Корсон был таким же, как они. Интересно, что два дня могут сделать с человеком. Два дня или шесть тысяч лет. Нет, горько подумал Корсон. Два дня, шесть тысяч лет и две женщины.

Он остановился перед своим охранником.

— Ну как, жарко было на Аэргистале?

Солдат даже не дрогнул. Он смотрел прямо перед собой, за горизонт, остановленный в шести шагах, согласно неизменному уставу. Корсон сказал более резким тоном:

— Отвечай, я — капитан Корсон.

Наконец солдат отозвался чистым голосом через почти сжатые зубы:

— Полковник Веран сам информирует вас. Это приказ.

Корсон не настаивал. На следующий вопрос солдат не мог бы ответить. Где находится Аэргистал? А третий не имел смысла. Когда это было? Поскольку Корсон был убежден, что битва произошла в прошлом. Транспорт Верана не только преодолевал пространство, он пронзал так же время. Он происходил из тех времен, когда еще велись межзвездные войны, когда служба безопасности еще не отвечала за порядок.

Корсон прикинул, как эта служба прореагирует, обнаружив присутствие Верана на Урии.

Он обошел загон для гиппронов. Сумерки уже перехо-

дили в ночь. Заходящее солнце еще превращало вершины деревьев в языки пламени. Поднялся ветер. Корсон задрожал. В первый раз он отдал себе отчет в нелепости своей вычурной одежды. Часовому было явно трудно признать его за офицера. Корсон пожалел, что снял и уничтожил свой мундир. Хотя он и не был похож на форму людей Верана, но все же придавал бы ему более бравый вид. Он усмехнулся сам себе — недолго ты пробыл демобилизованным. Едва сорок восемь часов. Может, прибытие Верана было его удачей! Поскольку казалось, Веран нуждался в нем. Корсон мог заняться теперь единственным знакомым ему ремеслом — солдатским. Риск не играл роли. Опасности таились везде в лесу, где бродила Бестия, в космосе, где он был военным преступником, объявленным вне закона. С тем же успехом можно было завершить свои дни среди себе подобных.

Он скривился при мысли об Антонелле. Верно наставляли солдат, чтобы они держались подальше от настоящих женщин, чтобы не проводили с ними времени больше, чем несколько минут. Всегда-то они все усложняют. Словно и без того ситуация не была достаточно сложная.

Он не мог оставить ее на произвол судьбы. Он ее не покинет. Корсон сжал кулаки с невольной яростью. На темном фоне леса провода ограждения светились пурпурным огнем. Мысль о бегстве была бессмысленной.

— Возвращаемся,— бросил Корсон в пустоту.

Солдат двинулся вслед за ним.

13.

Он едва успел заснуть, как оказался на Земле. Он бежал по подземному коридору со стенами из грубого бетона, в тысяча метров под поверхностью земли. Глаза слепил свет неоновых фонарей. Он убегал. Все его тело вибрировало в ритме ядерного взрыва, по одному каждую минуту в километре над его головой. Бомбы были слишком далеко сброшены, чтобы идти точно в цель. Они были выпущены на орбите Плутона, если не дальше, урианскими кораблями. Девять десятых из них были перехвачены раньше, чем достигли земной атмосферы. Некоторые из них не успели затормозить, входя в атмосферу, и тут же сгорели, не успев взорваться, четыре пятых из тех, что достигли поверхности, упали в океан, без особого непосредственного вреда. Лишь одна или две из ста ударили в континент. Но погребла урианских крейсеров, казалось, не имели дна. В первый раз сама Земля переживала бомбардировку. И на той стороне планеты, наверху, царил ад.

Разумеется, никого там не осталось. Те, кто на время не нашел убежища — таких было меньшинство — погибли в

первые же секунды атаки. Он бежал механически повторяя счет. По крайней мере, двести миллионов убитых. За десять секунд.

Он не знал, почему бежит. Он не мог остановиться, не мог даже притормозить движение ног, двигающихся как шатуны машины. Он бежал с вытянутыми вперед руками, словно с каким-то бессознательным чувством, что сейчас разобьется о внезапно выросшую из земли стену. Но подземный коридор был по крайней мере двадцатикилометровой длины. Ритм взрывов соответствовал его скорости, ему казалось, что это звучит эхо его шагов. Кто-то гонится за ним.

Его разбудило осторожное прикосновение. Он резко повернулся так, что узкая койка накренилась. В темноте он различил склонившийся над ним силуэт Антонеллы. Наверное, он кричал во сне. Ноги его онемели, как после длительного бега. Не в первый раз приходил к нему этот сон, заставляя вновь переживать страшную кару обрушенную князьями Урии на Землю, но никогда еще воспоминание не было таким реальным.

Антонелла прошептала:

— Сейчас что-то произойдет. Я это чувствую. Но еще не совсем ясно.

Он протянул руку, чтобы зажечь свет, но она остановила его:

— Нет, лучше их не тревожить.

Она проявила большую рассудительность, чем он. Он отбросил покрывало, прыгнул на землю, чуть не сбив Антонеллу. Она поддержала его. Он притянул ее к себе, чувствуя, как губы молодой женщины шевелятся около его уха.

Но прежде, чем он разобрал из этого хоть слово — в лагере начался переполох. Забегали, завопили люди, послышался треск оружия. Заработал какой-то двигатель. Резкая вибрация разодрала воздух. Оружие грохотало и гремело. Офицеры, выкрикивая приказания, пытались собрать людей. Проектор прошелся по палатке, но в поисках другой цели, дальше не задерживался на ней. На фоне ругани и скрежущего металла, Корсон ясно различал вопли перепуганных гипронов.

Проектора погасли. Мечущиеся по стенкам палатки тени сменились абсолютной, враждебной тьмой. Шум явно притих. Оружие замолчало. Кто-то споткнулся и упал на палатку, потом поднялся и двинулся дальше, осторожно переступая ногами.

В наступившей тишине раздался могучий голос Верана: — Корсон, ты там? Если это одна из твоих штучек...

Продолжение было невразумительным. Корсон заколебался. Не понимая, что происходит, он не имел ни малейшей причины, чтобы ухудшать свои отношения с Вераном. Он уже собирался ответить, когда Антонелла приложила руку к его

губам.

— Сейчас сюда кто-то придет.

Когда он перестал видеть, в крошечной тьме, то не встретился. Но сейчас, когда глаза уже имели возможность освоиться, он понял, что этот мрак был аномальным. Их окружало то же самое непроницаемое облако, что и в момент их пленения. Что-то глушило ответ.

На лагерь напали. Атака длилась всего три минуты и уже кончилась. В такой темноте никто не мог сражаться, Но раз Веран умел ее создавать, то должен был уметь и уничтожать.

— Веран, — прошептал он, отвечая на вопрос Антонеллы.

— Нет, не он. И никто из лагеря. Кто-то...

Она замерла, прижавшись к нему.

Один из нападавших. Освободитель или же новая опасность. Дуновение. Кто-то приподнял полог палатки. Недалек от лица Корсона засветилась точка. Быстро увеличилась, превратившись в вихрь, вытягивающий клубы черной мглы. Вскоре Корсон уже видел свои руки, лежащие на плечах Антонеллы. Зона света напоминала Галактику, вращающуюся вокруг своей оси, на фоне заполняющего и разрушающего ее пространства, расщепляющего ее на рукава. Когда зона достигла диаметра в два метра, то стабилизировалась и вращение прекратилось. Антонелла и Корсон находились почти полностью внутри шарообразного кокона света, стены которого были тьмой.

Антонелла сдержала крик.

Из мглы высунулась рука, затянута в перчатку. Поднялась, нереальная, как отрубленная конечность. Она была открыта. Ладонью вверх, показывая всем понятный знак мира. За открытой рукой находился человек, или по крайней мере, человеческий силуэт, в космическом скафандре. Его шлем был черен, как ночь. Пришелец без слов протянул Корсону два таких же скафандра и дал знак, чтобы они надели их.

Корсон нарушил тишину:

— Кто вы такой?

Незнакомец еще более настойчиво указал на скафандры, к которым Корсон не решался прикоснуться. Антонелла схватила один из них и начала залезать внутрь.

— Подожди, — сказал Корсон, — у нас нет никаких причин доверять ему.

— Он нас отсюда выведет, — ответила девушка. — Из этого лагеря.

— Но как?

Она покачала головой.

— Этого я не знаю. Он применит способ, который мне не понятен.

Корсон решил. Скинул свое светящееся одеяние и надел скафандр. Надвинул шлем и удивился, что слышит по-прежнему. Он обменялся несколькими фразами с Антонеллой. Зна-

чит, не было никакой технической причины, чтобы незнакомец сохранял молчание. Но зачем космические скафандры? Или длительное воздействие этого черного тумана ядовито?

Незнакомец проверил исправность скафандра Антонеллы, потом повернулся к Корсону. Кивнул головой, сделал знак в направлении тумана и взял Антонеллу за руку. Она сразу поняла и протянула свободную руку Корсону.

Они нырнули в абсолютную тьму.

Незнакомец продвигался уверенно. Он старался избегать препятствия и следил, чтобы два его спутника делали то же самое. Многократно Корсон наткался на солдат, беспомощно бродящих в темноте, осторожно шарящих перед собой руками. Один раз кто-то судорожно схватил его. Корсон инстинктивно ударил свободной рукой в болевой центр. Нападавший с ойканьем свалился с ног. Ночь породила тишину.

Тут и там еще перекликались, но в непроницаемой этой тьме казалось, что ошеломленные люди не способны передвигаться иначе, как на ощупь. Быть может, они боялись спровоцировать атаку невидимых агрессоров. Даже офицеры перестали выкрикивать распоряжения. Только гиппроны скулили. Жалобы их неприятно напоминали Корсону первую ночь, проведенную на Урии.

Теперь они сделались громче. Незнакомец вел в сторону гиппронов. Корсон заколебался, но рука Антонеллы влекла его вперед. Он был зол на себя, что его охватила тревога, и что эту тревогу Антонелла почувствовала. Но потом он подумал, что она никогда не видела нападающую Бестию.

Наконец, они остановились. Незнакомец что-то делал рядом с ними. Корсон был уверен, что седлает гиппронов. Это и был тот способ, на крайний случай, как решил Корсон, который он избрал для бегства. Он создал небольшой и яркий шар, и Корсон увидел, что был прав. С боков животного свисала утварь. Кавалерийское седло было чем-то вроде люльки с кавалерийскими стремянами.

Ремни позволяли закрепить себя. Едва Корсон оказался в седле, как почувствовал, что грозные витки гривы гиппрона оплетают его лодыжки. Он ожидал худшего, но захват был осторожен. Волокна, способные быть острыми, как стальная проволока, даже не мешали ему в движениях. Он инстинктивно почувствовал, что они служат кавалеристу вместо уздечки. Но он понятия не имел каким образом управлять гиппроном.

Бестия дрожала от возбуждения. Она перестала скулить и теперь тихо повизгивала. Подняв голову, Корсон заметил слабое свечение трех ее глаз. Потом услышал, как незнакомец издал странный крик, напряг мышцы в ожидании толчка, но, вопреки ожидаемому, ему показалось, что он падает. Тяжесть исчезла. Если бы он не ощущал ремней вокруг себя и массивного тела гиппрона рядом, он решил бы, что провалился в западню. Антонелла тихо вскрикнула от испуга, он хотел

подбодрить ее, но прежде чем он успел раскрыть рот, они вынырнули из мрака.

Над ним спокойно светили звезды. Корсон повернул голову, но не смог увидеть Антонеллу, скрытую за огромным телом Бестии. С перехваченным дыханием он заметил над собой второго гиппрона, повисшего в воздухе словно огромный гриб и заслоняющего значительную часть неба. Глаза его перемигивались как контрольные лампочки испуганного компьютера. Незнакомец, словно какой-то нарост, висел у него на боку. Он помахал рукой, чтобы придать им мужества.

Тогда Корсон осмелился посмотреть на землю. Он ожидал, что увидит лужу непроницаемой мглы. Но в слабом ночном свете он увидел лишь пустую поляну. Ветер колыхал высокую траву там, где несколько часов назад он видел лишь пепел. Лагеря, казалось, никогда не существовало.

Они совершили прыжок во времени. Гиппрон был способен перемещаться не только в пространстве, но и во времени. Может быть они сместились всего на одну ночь, на сутки, а может быть, и на целый век до того, как Веран попал на Урию, до того, как оказался здесь Корсон. Тут он вспомнил о способностях Антонеллы.

— Что будет дальше?

Неуверенным голосом она ответила:

— Ничего не знаю. Ничего не вижу.

Они вертикально поднимались вверх. Поляна исчезла в темном лабиринте джунглей. Корсон понял, по какой причине они надели скафандры. С такой скоростью они через несколько минут достигнут границы атмосферы.

Какое-то пятно переместилось по небосводу, на секунду заслонив звезды. Потом следующее. Два убегающих гиппрона были достаточно высоко, чтобы западный край планеты заслонил солнце. Они мчались по все более черному небу, а под ними Урия показалась как огромный клубок теней, обнесенных по краю огненными драгоценностями. Корсона охватил необыкновенный восторг.

Опять какое-то пятно. И хотя оно появилось на долю секунды, он узнал его. Гиппрон, вне сомнения, один из всадников Верана. Полковник не терял времени. Нет, это выражение не имело смысла. Поскольку гиппроны могли перемещаться во времени, у него была возможность подготовиться. Он мог расставить ловушку. Эти гиппроны были лишь патрульными, прочесывающими прошлое и будущее, чтобы отыскать их.

Неожиданное движение. Они занимали центр теоретического шара из гиппронов. Солнце ударило Корсону прямо в лицо, но он зажмурил глаза. Гигантским скачком солнце прокатилось по небу. Корсон понял, чтобы выбраться из котла, незнакомец совершил прыжок во времени. Какое-то время, на шахматной доске из метров и секунд, он вел странную игру с кавалеристами Верана. Однако, результат партии не вызвал

сомнения. С каждым разом они оказывались в центре шара все с меньшим диаметром. Корсону показалось, что несмотря на расстояние и вакуум, он слышит радостные крики всадников. Солнце танцевало по небу, как сошедшая с ума Луна. Под ним, над ним? Планета пульсировала сиянием дня и затмением ночи.

Корсон заметил, как второй гиппрон, гиппрон незнакомца опасно приблизился. Он предостерегающе крикнул и крик его повторила Антонелла. Незнакомец изогнулся и схватился рукой за гриву животного. Вселенная изменила форму и цвет, и все, что они знали, исчезло.

14.

Пространство вокруг них озарили разноцветные огни. Исчезли звезды, и вместе с ними — планета. Тело гиппрона казалось кроваво-красным. Окружающие их огни боролись друг с другом, рассыпая потоки искр, но пространство, в котором они пульсировали, не имело глубины. Корсон не мог бы сказать, билось ли пламя в нескольких миллиметрах от его глаз, или же на расстоянии во много световых лет.

Это была картина подлинной Вселенной, по крайней мере, обратной ее стороны. Гиппроны передвигались во времени с огромной скоростью, в этом Корсон был уверен. А это деформировало перспективу. Образ мира, привычный для человека, был, в принципе, статичен. Для него звезды перемещались по небу крайне медленно. Силы, породившие их, благодаря которым они горели до той поры, пока не останется ничего, кроме страха бессильной материи, фантастически сжавшейся материи, эти силы действовали слишком постепенно, чтобы человек живущий в нормальных условиях, мог их заметить. Большая часть важнейших событий в истории Вселенной проходила мимо него, он просто не отдавал в них себе отчета. Человек воспринимал лишь узкий спектр излучения, пронизывающего пространства. Он мог жить в заблуждении, что мир в первую очередь состоит из пустоты, из «ничего», что редкие разобщенные звезды представляют собой разреженный газ, чуть более концентрированный там, где клубились галактики.

Но в действительности галактика была переполнена. Не существовало в космосе точки, которая не была бы связана в определенной минутой во времени, с частицей, с излучением или же любым другим проявлением первичной энергии. В определенном смысле, Вселенная была твердым телом.

Гипотетический наблюдатель, присматривающийся к ней снаружи, не смог бы найти места, куда иголку воткнуть. А поскольку гиппроны перемещались во времени с огромной скоростью, для всадников консистенция Вселенной казалась тестообразной. «Если бы мы достигли абсолютной скорости, — думал Корсон, — если бы мы оказались одновременно в на-

чале и в самом конце Вселенной, и одновременно во все моменты, их разделяющие, нас бы попросту размазало».

При скорости передвижения световое излучение сделалось полностью невидимым. Но эти голубые сполохи могли быть электромагнитными колебаниями с длиной волны во много световых лет, а пурпурное излучение могло соответствовать изменениям гравитационного поля звезд или целых галактик. Они мчались сквозь время. И так, как кавалерист на полной скорости не замечает камней на дороге, а лишь находящиеся вдоль нее более важные предметы — деревья и холмы, также и теперь лишь основные события в жизни Вселенной воздействовали на их органы чувств.

Размышления Корсона пошли другим путем. Он ошибся, предположив, что Веран располагал звездным транспортом. Веран и его люди спаслись с поля боя на Аэргистале на гиппронах. И прибыли как раз перед тем, как объявились Корсон и Антонелла. Аэргистал мог находиться на другом конце Вселенной.

Огненный танец угасал. Успокаивался. Светящееся пространство вокруг них разделилось на тысячи пятен, которые все уменьшались по мере того, как их пожирала, словно черный рак, пустота. Вскоре они были окружены лишь светящимися точками. Звезды. Сохранилось лишь одно пятно с двумя измерениями, золотой диск, Солнце. Они вращались вокруг собственной оси. Когда небосвод перестал кружиться вокруг них, они оказались над полностью подернутым облаками ша ром. Планета.

И только сейчас Корсон заметил, что второй гиппрон исчез. Они спаслись от погони, но потеряли своего проводника. Они были одни над незнакомой планетой, привязанные к животному, которым не умели управлять.

15.

Переведя дыхание, Антонелла спросила:

— Урия?

— Нет, — ответил Корсон. — Это планета слишком удалена от своего солнца. Расположение созвездий другое. Мы путешествовали и в пространстве тоже.

Они нырнули в облака. Немногим ниже попали в зону мелкого дождя. Гиппрон спускался медленно, но уверенно.

Дождь перестал. Они пробили облака, словно проникли под крышу, и оказались над тянувшейся в бесконечность равниной подстриженной травы. Ее перерезала дорога, поблескивающая от дождя. Она начиналась из горизонта и вела к гигантскому зданию, Клуб из камня и бетона, крыша которого терялась в тумане. И никакого признака окон. Корсон прикинул, что длина фасада была более километра. Нагая, гладкая, серая стена.

Гиппрон спустился на землю. Корсон выпутался из ремней, и обойдя животное, помог освободиться Антонелле. Гиппрон, явно удовлетворенный, принялся косить траву витками своей гривы и пожирать с громким чавканьем.

Трава была ровной, как на газоне. Равнина, в свою очередь выглядела настолько совершенно, что Корсон засомневался, могла ли она быть естественного происхождения. Дорога была выполнена из голубоватого блестящего материала. Примерно на километровом расстоянии возвышалось здание.

— Ты уже видела это место? — спросил Корсон.

Антонелла покачала головой.

— А этот стиль тебе ни о чем не говорит? — настаивал Корсон. — Эта равнина, трава, это здание?

И поскольку она не ответила, резко спросил:

— И что будет дальше? Сейчас?

— Пойдем к этому зданию, войдем в него. До этого времени никого не встретим. А что будет потом, я не знаю.

— Опасности нет?

Он внимательно посмотрел на нее.

— Антонелла, что ты вообще думаешь о нашем положении?

— Я с тобой, этого мне пока хватает.

Он пожал плечами, сказал:

— Ну ладно, идем.

Он размашисто двинулся вперед, и ей пришлось чуть ли не бежать, чтобы догнать его. Но минуту спустя он уже начал укорять себя за это и снизил шаг. Скорее всего, Антонелла была его единственным спутником во всей Вселенной. Быть может, по этой причине ее присутствие так нервировало его.

Дорога упиралась в почти сливающуюся со стеной, герметически запертую дверь, размерами соответствующую огромности здания. Но когда они прикоснулись к ней, дверь беззвучно ушла вверх. Корсон безуспешно напряг слух. Все это чем-то напоминало гигантскую мышеловку.

— Когда мы войдем, дверь за нами закроется?

Антонелла закрыла глаза.

— Да. Но внутри нам ничто не грозит, по крайней мере в первые секунды.

Они переступили порог. Дверь начала опускаться. Корсон сделал шаг назад. Дверь остановилась, потом двинулась наверх. Простая, одноэлементная реакция. Благодаря этому, Корсон почувствовал себя увереннее.

Ему вовсе не хотелось обследовать здание, о котором он знал так мало, но не мог же он до бесконечности стоять на траве. Рано или поздно они проголодались бы. Не траву же им есть! И, наконец, настала бы ночь. Она могла оказаться

холодной и полной врагов. Им было необходимо отыскать убежище. А кроме того, согласно Инструкции, в подобной ситуации им следовало придерживаться наиболее древнего закона войны. Двигаться, не задерживаться на месте. Перемещаться и пытаться застать противника врасплох.

Неизвестного противника застать врасплох нелегко, глаза их понемногу привыкли к полумраку. По обе стороны прохода, исчезнувшего в глубине здания, паутину геометрических конструкций окружали овальные контейнеры. Они тянулись в бесконечность, скрываясь в голубоватой полумгле.

Ближайший контейнер содержал в себе десять полностью обнаженных женских тел, погруженных в фиолетовый газ, который не растекался, хотя, казалось, ничто его не удерживало. Женщины лежали неподвижные, застывшие, словно неживые. Все они были очень привлекательны, возраст — от семнадцати до двадцати пяти лет примерно. Казалось, их объединяют какие-то общие черты. Корсон глубоко вздохнул и попытался произвести быстрый подсчет, если все контейнеры были с таким содержанием, то только в той части, которую он мог себе вообразить находилось по крайней мере миллион тел.

Он почувствовал на своей шее дыхание Антонеллы:

— Они мертвые?

Корсон протянул руку. Не встретив преграды, она погрузилась в газ. Шекотно. Может быть, эта субстанция обладала антисептическими свойствами. Он нащупал теплое и эластичное плечо. Его температура была не ниже двадцати градусов. В определенном смысле можно было сказать, что эта женщина жива. Он осторожно нащупал запястье. Пульс был неощутим, сердце, наверное, билось, но очень замедленно.

Крайне замедленно.

— Нет, — сказал Корсон, — они не совсем мертвы.

Слабый, ритмичный свет танцевал под телами спящих, напоминая семицветную радугу. Корсон пригляделся, и ему показалось, что он понял значение этого ритма. Это напоминало ему энцефалоскоп, хотя он и не видел ничего подобного. Две первых линии были неподвижны. Он ощутил пробежавшие по спине мурашки.

— Продолженное состояние комы, — прошептал он. —

Тело живо, но мозг угас.

Он видел уничтоженные города и разрушенные планеты, горящие флотилии и людей, гибнущих тысячами, миллионами, но никогда не встречал чего-либо столь спокойного и волнующего, как этот мавзолей. Неужели какой-то народ выбрал такую судьбу? Не был ли этот травяной покров снаружи кладбищенским газоном? И имело ли смысл поддержание этих тел при жизни, если никогда не будет в них души более, чем в растении? Сколько времени могло продолжаться это? Поддержание этого состояния велось автоматически, об этом говорили едва заметные, более тонкие чем волос, нити, скрыва-

ющиеся под кожей.

Он помчался как ненормальный, рассматривая следующие контейнеры. Прежде чем остановиться, обливаясь потом, он пробежал чуть ли не километр. Но не нашел ни одного мужского тела. Разумеется, он не мог видеть содержимого расположенного выше контейнеров, тянувшихся чуть ли не до потолка помещения, но он был почти уверен, что и там находятся только женские тела. И ни одному из тел, которые ему попадались, не было больше двадцати лет. И все они были на редкость привлекательны. Они принадлежали ко всем расам, которые он знал. Обнаруженное в самом начале сходство было вызвано определенной системой классификации. Волосы той, которую он обследовал, были смолисто-черными. Последняя, до которой он добежал, была яркой блондинкой. С другой стороны прохода контейнеры наполняли негритянки с чуть ли не голубоватой кожей.

И все это вместе представляло собой коллекцию. Кто-то или что-то поступил как энтомолог. Он вспомнил одно из сражений. Им пришлось драться в музее насекомых. На стендах были выставлены не только земные бабочки, но и их аналоги с сотен других планет. Выстрелы и взрывы вздымали облака из крыльев мертвых насекомых. Воздух казался тяжелым от сухой разноцветной пыли, горячих телец — даже маски не помогали. В конце концов музей запылал, и в вихрях разогретого воздуха он увидел рои бабочек, пустившихся в свой последний полет.

Разумеется, пигментация кожи и цвет волос не были единственными критериями отбора. Разница в цвете глаз могла наблюдаться по вертикали, но он не мог взобраться выше, не мог проверить эту гипотезу.

Может быть, мужчины располагались в другом блоке? Или, может, коллекционер интересовался исключительно женщинами? Это, вне сомнения, означало бы, что коллекционер был человеком, правда, невероятно могущественным, но человеком. Чужак, к примеру, урианин, не имел бы никаких причин, чтобы коллекционировать исключительно женские тела.

Он медленно направился в сторону выхода. И неожиданно в голову ему пришла мысль. Он обнаружил лагерь пленных, или скорее — пленниц. Где-то там, во времени и пространстве, боги войны, ведущие небывалые еще войны, основывали лагерь невольниц. Победенные откупались, рассчитывая лишь на свой вкус и подчиняясь обычаю, старому как само человечество, наикрасивейшими из пленниц. Судьба же хуже смерти. Наконец-то выражение это приобрело буквальный смысл. А поскольку боги войны мало заботились о жизнеобеспечении своих рабынь, они не желали иметь хлопот ни с жилищем, ни с пропитанием, ни с охраной. История полна примеров, как вожди гибли от руки одной из своих невольниц. Боги войны пораз-

мыслили над прошлым и сделали свои выводы. Устранив у своих жертв разум. Когда им того хотелось, они по своему капризу возвращали их к жизни, снабжая механической, искусственной личностью, годной разве что для работа. Обработанные таким образом девушки не были способны ни на желательные поступки, ни на интеллектуальные усилия, ни на творческую деятельность. Если говорить о их разумности, то она была ниже даже, чем у самых неразвитых из человеческих обезьян. Но богов войны это не заботило. Они не ожидали от женщин ни шуток, ни чувств, ни понимания. Должно быть, они были кошмарными невротиками. А кроме того, они были некрофилистами в самом прямом значении этого слова, — подумал Корсон.

Отвращение и ненависть. Корсон попытался убедить себя, что по другому проявлялась натура землян во время войны с Урией. Он порылся в памяти. Но вспомнил генерала, который приказал ликвидировать тысячу урианских заложников в первые же часы конфликта. Вспомнил другого военачальника, отплясывающего на руинах разрушенного города. Тот был город людей. Но обитатели его не имели права попытаться договориться с урианами. Он вспомнил Верана, беглеца с Аэргистала, который, если бы только увидел в том пользу для себя, не остановился бы ни перед одним преступлением.

Корсон чувствовал, как в нем зреет желание убивать. Он сжал челюсти и кулаки. Перед глазами потемнело. Он словно сжался сам по себе, пока адреналин впрыскивался в кровь. Немного спустя напряжение спало, напоминая о себе только легкой дрожью. Неужели мерзость толкает только на мерзость? Неужели эта окровавленная морда и есть лицо человечества? Неужели оно несло на себе, словно эдакого демона-искусителя, призрак отчаяния и неизбежных смертей? И могло ли оно избавиться от него и стать, если не самим собой, то хотя бы чем-то иным или чем-то большим?

Диото. Он подумал об утопии, выросшей на руинах войны, о мире, не знающем принуждения, имеющем одно правительство на шесть веков и совсем не имеющем армии. Об ином лице человека, которое стоило бы взять под защиту, но не путем насилия и бесчестия. Но как помешать насилию, не прибегая к насилию? Как вырваться из порочного круга справедливых войн?

Антонелла сидела в центре прохода и плакала. Все раздражение, которое он к ней испытывал, рухнуло, как отвалившаяся от крыши сосулька. Она принадлежала к людям. Он бережно поднял ее и прижал к себе. Вслушивался в ее всхлипывание и немо благодарил за это.

Корсон был голоден. Он направился к двери, машинально, словно сам факт выхода из этого здания был решением проблемы. Решение существовало. Но он боялся даже заговорить о нем. Будь он один, вопрос решился бы иначе. Во время войны солдаты предпочитают есть то, чем располагают, а не умирать с голоду. А если не располагают ничем, то стараются как можно быстрее раздобыть. Скорее благодаря обучению, чем инстинкту, но Корсон чувствовал, что слабеет. Он знал, что у него под руками гигантские запасы протеина. Но полагал, что не вынесет отвращения в глазах Антонеллы, если решится намекнуть, какой ценой они могли бы просуществовать какое-то время.

Может быть, бесконечно долго.

В мифологические века у этого было свое название.

Если верить легендам, вампиры пожирали трупы на кладбищах.

Такое случалось в истории. И не только в периоды голода. Корсон прикинул, не были ли боги войны скорее людоедами, чем некрофилистами. Монгольские захватчики во время торжественных праздников подавали лучших своих лошадей и их украшенные головы выставлялись на золотых блюдах, чтобы все могли видеть, что хозяевам ничего не жалко. То, что один человек может вообразить, другой может сделать.

Дверь поднялась, открывая выход на зеленую равнину, как ковром покрытую свежей травой, которую пересекала прямая голубая дорога. Пасущийся гиппрон казался нечетким пятном. Корсон позавидовал ему. И тут же, совсем близко, заметил что-то на дороге.

Сумка. В молочном профильтрированном облаками свете поблескивала прикрепленная к ней табличка. Три шага — и Корсон оказался рядом с сумкой. Не прикасаясь, он внимательно осмотрел ее. Должно быть, сумка и записка были подброшены тогда, когда они находились внутри здания. Их оставили на заметном месте.

На таблице было сообщение.

Какое-то время буквы танцевали перед глазами Корсона:

«Корсон. В этой сумке продовольствие, даже пустые упаковки могут еще пригодиться. Существует больше, чем один способ ведения войны. Запомни это. Ты должен отправиться на Аэргистал, там осуждаются и иногда предотвращаются преступления. Вызови Аэргистал. Гиппрон поможет».

Кто-то играл с ними. Бегства, потом одиночество, теперь эта сумка и записка. Почему неизвестный не показывается, если он сопровождает их? А если же это враг, то почему он их не убил?

Он взвесил сумку в руке, потом раскрыл ее. Там находи-

лось около двадцати солдатских пайков. Корсон машинально перекинул лямку сумки через плечо и вернулся внутрь мавзолея.

Антонелла ждала его, стоя с опущенными руками. Ее щеки запали, глаза припухли, и она все еще явно находилась в состоянии шока. Но депрессия уже прошла, как казалось, слезы на ее лице высохли.

— С голоду мы не умрем,— сказал Корсон, протягивая ей сумку.— Кто-то бросает нам крохи словно каким-то птицам.

Прежде, чем приступить к еде, он посмотрел, как она распечатывает паек. Девушка не проявила никакой поспешности. В нужном месте, так как он показывал ей, она надорвала пакет с водой и протянула ему. Он покачал головой, а потом, когда она начала настаивать, сказал:

— Есть другие.

Лишь тогда она согласилась напиться. Он смотрел, как она глотает воду, как кадык ходит вверх-вниз по шее под нежной кожей.

Потом и сам, сев на пол, взялся за еду. Пил небольшими глоточками и старательно жевал. Думал. Если верить записям ему надо отправиться на Аэргистал. Там преступления осуждаются и иногда предотвращаются. Может быть, на Аэргистале он избавится от потенциального приговора, висящего над ним?

С другой стороны, это место было или будет полем битвы. Он не имел никакой охоты брать туда Антонеллу. Но не мог оставить ее здесь. В этой Вселенной он не знал ни одного места, где бы мог оставить ее в безопасности.

Когда они покончили с едой, он старательно собрал остатки еды и принялся искать место, куда мог бы их выбросить. Он обнаружил небольшой колодец, крышка которого, будучи снятой, явила темную глубину, из которой доносился шум воды. По крайней мере; они не оставят видимых следов пребывания на планете. Правда, если здание было снабжено детекторами, то все это было напрасными предосторожностями.

Наконец он решился.

— Мы отправляемся на Аэргистал,— сказал он, показывая сообщение.— Не знаю, что нас там ждет. Я даже не уверен доберемся ли мы туда.

Он надеялся, что на лице Антонеллы появится удивление, но она осталась спокойной, предоставляя действовать ему. «Скорее всего,— подумал он с горечью,— она пропиталась ко мне полным доверием». Это было худшим из всего.

Он подошел к ней и поцеловал.

Они вышли из здания и направились к гиппрону. Корсон привязал Антонеллу, потом себя. Заколебался на какое-то мгновение, таким абсурдным и театральным казалось ему выкрикнуть «Аэргистал», словно адрес назвать. Он откашлялся

и все еще неуверенным голосом произнес:

— Аэргистал!

Мир вокруг них снова изменил форму и цвет.

17.

Они вынырнули над огромной равниной, разукрашенной столбами дыма. Розовое небо рассекали пульсирующие артерии, придающие ему зловещий вид. На горизонте, над низкими но четко обрисованными горами, взметнулись три столба огня и копоты.

Они быстро спускались. Под ними вольтижировали блестящие насекомые. Корсон удивленно узнал гарцующих на лошадях рыцарей в полном обмундировании. Выставив копыта над ухом лошади, они атаковали заросли высокой травы. По саванне прошла дрожь. Это индейцы, вождь которых был украшен орлиными перьями, вскочили на ноги, издавая хриплые выкрики, и послали кучу стрел. Кони смешались, началась немалая суматоха, которую гиппрон, снижаясь под углом, оставил в стороне. Почти невидимый фонтан гейзеров разорвал воздух. Гиппрон отпрыгнул в пространстве и времени. Горы несколько изменили свое положение. На этот раз равнина была пустой и изрытой кратерами. Послышалось тяжелое и неприятное гудение. Но небо не изменило своего вида.

Какое-то движение привлекло внимание Корсона. В метрах двухстах перед ним медленно перемещалась огромная глыба. Лишь геометрическая форма выдавала ее механическое происхождение. Танк, самый большой из тех, какие Корсон когда-либо видел. В самой его середине, казалось, начал раскачиваться кратер, похожий на те, что усеяли равнину. Но это было только иллюзией. Корсону показалось, что машина направляется в сторону взгорья, на котором могли находиться какие-то укрепления, или само оно могло являться каким-то укреплением. Приклепленный к боку гиппрона, он ощущал себя отвратительно незащищенным. Он предпочел бы поставить ноги на землю и отыскать убежище на этом перепаханном районе. От взгорья оторвался черный, дискообразный предмет с подрагивающими серпообразными краями, описал сложную кривую и помчался в направлении танка. Атаковал его броню, как полотнище циркулярной пилы. Полетели гигантские искры. Предмет взорвался, не причинив танку видимого ущерба. Единственным следом атаки остался ровный блестящий шрам в том месте, где удар обнажил металл. Непокоренный танк продолжал свое движение вперед.

Неожиданно, без предупреждения, поверхность земли раступилась, проваливаясь как волчья западня под весом машины. Механизм наклонился, выбросил манипуляторы, пы-

таясь отыскать упор на противоположной стороне разверзшейся пропасти. Но напрасно. Попытался выбраться, дал задний ход, но не мог противостоять неуклонному сползанию в бездну. На его бортах распахнулись люки, из которых в полном порядке выбирались человеческие фигурки, едва различимые в своих маскахалатах, меняющих цвет в зависимости от окружения. Люди швырнули в ловушку гранаты. Яма вспыхнула взрывами, огнем и черным дымом. Поверхность западни осела еще больше и замерла. Но склон был слишком крут и слишком ровен, чтобы машина смогла взобраться по нему. Танк прекратил сопротивление, сполз по стенке ловушки и чуть не вертикально заблокировал ее своим корпусом. Двигатели, до того работавшие бесшумно, яростно взвыли и замолчали. Еще несколько людей покинули танк и присоединились к остальным, пытающимся добраться до равнины. Со взгорья сорвалась стая ракет и взорвалась вокруг экипажа, создавая сплошной огненный ковер, люди в котором сгорали в мгновение ока. Уцелевшие исчезли в складках местности.

Все это в сумме длилось едва тридцать секунд. Гиппрон уже оставил слева взгорье-крепость. Теперь он летел так низко что был вынужден огибать неровности почвы. Потом опустил под защитой скалистого гребня.

Корсон заколебался. Он не мог управлять гиппроном. Ему оставалось лишь положиться на инстинкт самосохранения Бестии, благодаря которому они окажутся за пределами внезапного нападения во времени и пространстве. Но у гиппрона могли быть совершенно иные представления о нападении, чем у его всадников. Он мог же опасаться и облака разъедающих газов, которые уничтожили бы скафандры. Все может зависеть от случайности.

Корсон решил воспользоваться мгновением относительного мира. Освободился и помог Антонелле.

Район больше всего напоминал полигон. Отклонившиеся от взгорья скалы образовывали у его подножия нечто вроде убежища. Корсон схватил Антонеллу за руку и побежал. На середине пути он увидел, что над равниной распускается пурпурный цветок. Он припал к земле, потянув за собой Антонеллу: перебежками они добрались до углубления между подножием взгорья и скалами. Взрыв ударил в горы словно молот циклопа. Когда пыль осела, Корсон заметил, что гиппрон исчез.

— Это не был ядерный взрыв,— сказал он.

Потом посмотрел на равнину.

— Аэргистал. Больше всего это напоминает поле битвы. Самое обширное из себе подобных.

Антонелла вытирала лицо, серое от пыли.

— Но кто здесь сражается? И против кого?

— Понятия не имею,— ответил Корсон.— Все это представляется мне абсолютно бессмысленным.

Ни больше, ни меньше, чем любая из войн. Обычная война, по крайней мере, означала четко разделенные лагеря, более — менее одинаковую технологию. Здесь же, казалось, все сражались со всеми. Почему рыцари в латах воюют с индейцами? Где скрываются города, империи, поддерживающие эти стычки и являющиеся их целью? Что скрывает в себе это розовое, пульсирующее небо, лишенное солнца и спутников, необъяснимым образом тревожащее и безжалостно напоминающее его самого? Даже горизонт выглядел фальшивым, убегающим к бесконечности, словно сама поверхность Аэргистала являла собой никогда не кончающуюся плоскость. А если это была огромная планета, то почему притяжение было равно нормальному?

— Воздух вроде пригоден для дыхания,— сказал Корсон, бросив взгляд на вмонтированный в перчатку анализатор. Он снял шлем и вобрал в легкие воздух. Он был холоден и лишен запахов. В лицо ему дул ветер.

Он снова осмелился высунуть голову из-за прикрывающей их скалы. До склонов отдаленных гор равнина выглядела также безрадостно. Тут и там поднимались столбы дыма. Его глаза уловили молниеносную вспышку и он инстинктивно скатился на дно укрытия.

Перед ним не виднелось ни одного места, куда бы стоило идти.

— Нам надо перевалить через хребет,— решил Корсон.— Может быть, мы наткнемся на...

У него не было ни малейшей надежды, что им встретится не то, что друг, а даже просто разумный человек. Они находились в ловушке войны, войны невообразимой.

На небе показалась черная точка. Она оставляла за собой полосу дыма, изображая таким образом знаки на небосводе. Первая серия символов оказалась нечитабельной. В другой серии Корсон с трудом разобрал буквы кириллицы. Третья состояла исключительно из точек. Ему не пришлось ждать, пока аппарат завершит свою миссию, чтобы прочитать последнюю серию.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА АЭРГИСТАЛ

Черная точка быстро скрылась за горами, в ту же сторону лениво перемещались символы и буквы.

Корсон пожал плечами.

— Пойдем,— сказал он.

Они так быстро, как только могли вскарабкались по крутому склону. Корсон осторожно выставил голову над гребнем, понимая, что является превосходной целью. И, изумленный, чуть не скатился вниз. Противоположный склон полого спус-

скался к идеальному прямому пляжу. Голубое, абсолютно спокойное море уходило в бесконечность. На расстоянии в несколько кабельтовых от берега примерно двенадцать парусных кораблей затеяли артиллерийскую дуэль. Полыхал корпус со сбитыми мачтами. На пляже, на расстоянии метров в двести друг против друга разбиты два военных лагеря. Палатки в одном из них были голубые, в другом — красные. На ветру развевались боевые знамена. Между двумя лагерями выстроились друг против друга ровные, как на параде, живописно одетые шеренги солдат и вели перестрелку. Корсону показалось, что он видит спорадически падающие силуэты. Он слышал отзвуки залпов, протяжные выкрики офицеров, звук труб — и время от времени — глухой грохот корабельных орудий.

Он посмотрел на несколько более близкий участок пейзажа и увидел, как из щели в грунте начало выползать огромное, серое, мягкое и почти округлое устройство, не видимое из обоих лагерей благодаря складкам поверхности. Какой-то заблудившийся кит?

Неподалеку от них, в каких-то ста метров от лагеря голубых сидел за деревянным столом человек и спокойно писал. На его голове была гранатового цвета фуражка с белой кокардой, а одет он был в странный бело-голубой сюртук с эполетами и золотой отделкой. Конец эфеса огромной сабли, которую он носил на поясе, упирался в землю.

Корсон перебежал хребет и направился к писарю. Когда они оказались всего в нескольких метрах от него, он повернул голову и спокойно, не проявляя ни удивления, ни страха, сказал:

— Хотите завербоваться, молодые люди? Награду недавно повысили. Прежде чем вы напялите эти прекрасные мундиры, я вручу вам по пятьсот таллеров.

— Мы не... — начал было Корсон.

— Я вижу, вы прямо умираете от желания служить доброму королю Виктору Бородатому. Пища добрая, задаток солидный. Война продлится еще век или два, можете надеяться, что закончите ее в звании маршала. Что до дамочки, она будет пользоваться популярностью у наших ребят, так что могу пообещать ей быструю удачу.

— Я бы хотел по-просту узнать, где здесь находится ближайший город, — сказал Корсон.

— Город Минор, как мне кажется, — ответил мужчина, — находится прямо перед вами на расстоянии в двадцать-тридцать миль. Как только мы разобьем этих чудаков в красном, мы двинемся прямо на него. Могу вам сказать, я там ни разу не был, что не удивительно, ибо тот город — вражеский. Но прогулка стоит самого поселения. А теперь, прошу вас расписаться вот здесь, если вы умеете писать, чтобы все было согласно предписаниям.

И зазвенел кругляшками из желтого металла, которые побуждали в памяти Корсона какие-то туманные воспоминания. Он решил, что речь, очевидно, идет о деньгах. Антонелла нервно сжимала его запястье.

На столе перед мужчиной с обеих сторон лежали два образца крайне интересного ручного оружия. Корсон хотел рассмотреть их поближе.

— А эти корабли? — спросил он, указывая на море.

— А они, мой друг, не имеют с нами ничего общего. Каждый ведет свою войну, не обращая особого внимания на соседа. До той поры, пока не побеждает. Тогда собирают уцелевших и начинают искать кого-нибудь другого. А вы из возвращающихся, правда? Никогда не видал такого мундира, как ваш.

— Мы не хотим вербоваться, — решительно произнес Корсон. — Мы хотели бы... немного подработать.

— Тогда я вынужден переубедить вас, мой друг, поскольку это моя профессия и мой долг.

Мужчина схватил лежащие перед ним пистолеты и направил их на Корсона.

— Не желаете ли поставить здесь свою подпись, прежде чем я не разозлился и не лишил вас вашей награды?

Корсон швырнул Антонеллу на пол. Толчком перевернул стол. Но его бдительный противник успел отскочить и нажал на курок. Гром выстрела оглушил Корсона, в тот момент, как ему показалось, кто-то ударил его кулаком в левое плечо. И тут же раздалось что-то вроде щелчка. Один из пистолетов, скорее всего, дал осечку.

В густом дыму Корсон прыгнул вперед. Мужчина в фуражке отбросил пистолет и попытался выхватить саблю. На этот раз Корсон оказался быстрее его. Перескочив через стол, он ногой ударил его в живот и одновременно локтем в челюсть. Он не хотел убивать. Мужчина свалился, прижав руки к животу.

Корсон прикоснулся рукой к левому плечу, ожидая увидеть кровь, но пуля, очевидно, рикошетировала от оболочки скафандра. Он чуть не расхохотался. Тоже, мне, справился с грозным противником. Он повернулся — и улыбка замерла у него на губах. Выстрел, должно быть, привлек внимание в лагере. В их направлении бежал небольшой отряд.

Корсон помог встать Антонелле и потянул ее за собой. Но тут же передумал, вернулся, поднял саблю, выроненную противником и побежал, заставив Антонеллу ускорить шаг. Если говорить о направлении, то выбора у них не было. Единственный выход вел их к расщелине, в которой они недавно заметили причудливый предмет, который Корсон принял за остатки кита.

Выстрелы. Пули засвистели у них рядом с головой. Преследователи, к счастью, не имели времени, чтобы вести прице-

льный огонь, или же хотели попросту напугать их. Было очевидно, что их оружие не снабжено автоматическими прицелами, а когда канонада стихла, Корсон подумал, что оно не было даже автоматическим и требовало времени на перезарядку.

Задыхаясь, они преодолели наружный подъем ущелья, перевалили вершину. Впадина, древний кратер, оказался значительно обширнее и глубже, чем они предполагали. Кит же оказался огромным шаром из прорезиненной ткани. Он был помещен в сетку и висел в воздухе, волоча за собой толстый канат, приклепывающий его к скале. Под ней, полулежа на камне находилась плетенная корзина. Одетый в красные брюки и морскую блузу мужчина, с чем-то вроде берета на голове, возился с какими-то узлами. Кожа у него была совсем черной.

Заметив приближающихся Корсона и Антонеллу, он улыбнулся, оскалив зубы. Улыбка исчезла, когда он увидел саблю, которую Корсон продолжал сжимать в руке. Он потянулся за винтовкой, ствол которой торчал над краем корзины, но Корсон остановил его взмахом сабли.

— Нас преследуют,— крикнул он.— Может этот аппарат поднять трех человек?

— Инструкция запрещает...— начал негр. Он с тревогой смотрел на Корсона, на гребень кратера, где начали появляться головы в фуражках.

— Думаю, лучше будет нам отсюда убраться,— решил он. Он прыгнул в корзину, Корсон и Антонелла последовали его примеру. Начали поспешно выкидывать за борт мешки с песком. Гондола оторвалась от земли и начала опасно крениться.

— Ложись на дно,— крикнул Корсон Антонелле. Заметив, что негр тратит драгоценное время на отвязывание каната, он перерубил его сильным ударом. Шар пошел вверх, стропы натянулись. Еще один удар освободил аэростат. Внезапный порыв ветра сделал остальное. Шар, став совсем свободным, взвился вверх как ракета. Раздались выстрелы, но пули прошли слишком низко. Когда оружие было перезаряжено, то беглецы находились уже слишком высоко чтобы их достигли неприцельные выстрелы воинов Виктора Бородатого.

Корсон ухватился за край гондолы и встал. Внезапный старт бросил его на дно опасно подрагивающей плетеной корзины. Он посмотрел на негра в красных штанах, который обими руками держался за стропы. Потом бросил саблю на дно корзины и помог подняться Антонелле.

— Вне зависимости от того, на чьей стороне вы воюете,— сказал он негру,— мы вам благодарны, что вы оказались здесь в самое нужное время. Меня зовут Корсон. Я был членом экипажа...

Он замолчал. Какая глупость говорить здесь об «Архимеде», космическом линейном крейсере, принимавшем участие в войне с Урией... На самом-то деле он был солдатом без армии и

без задания, заблудившимся солдатом. Если бы не грандиозное поле битвы Аэргистала, он даже забыл бы, что был им.

— Турэ, зуав,— представился негр.— Начальник отряда и временный летчик в транспортном отделе. Я был инженером. И пилотом вертолета. Поэтому мне и доверили этот аэростат.

Он рассмеялся:

— Я сказал, что немного разбираюсь в авиации. Мне показалось более безопасным летать поверху над всей этой неразберихой. А вы, из какой войны вы родом?

Корсон заколебался.

— Из межзвездной войны,— сказал он чуть погодя.— Но прибыл сюда не прямо оттуда.

— Межзвездная война,— задумчиво повторил Турэ,— это значит, вы происходите из значительно более позднего времени. В мою эпоху еще только начинали интересоваться космосом. Я еще помню тот день, когда человек впервые ступил на Марс. Такое было впечатление.

Он кивнул головой на Антонеллу:

— А она? Из той же войны, что и вы?

Корсон покачал головой.

— Антонелла из мирных времен.

Черты лица негра отвердели.

— Это значит, что она не должна здесь находиться,— серьезно заявил он.

— Почему?

— В этом мире можно найти только военных солдат, людей, которые по тем или иным причинам были признаны военными преступниками. Я выстрелил самонаводящей ракетой по деревушке, в которой жили одни гражданские, было это где-то в Европе, на острове под названием Силилия, он и сейчас так называется. Я не утверждаю, что не знал, что делаю но и не говорю, что знал это. Война есть война, именно так она и выглядит.

В голове Корсона замаячила некая мысль.

— Вы говорите на пангале. Я считал, что пангал не изменялся до того, как люди достигли звезд.

— Это не мой родной язык. Я научился ему на Аэргистале. Здесь все говорят на пангале, разве что с некоторыми отличиями.

— А какой ваш родной язык?

— Французский.

— Ага,— сказал Корсон. Это ему ни о чем не говорило.

В голове его множилось загадки. Но они могли подождать. Аэростат тем временем плыл вдоль побережья, но проигрывал неприятную склонность изменить направление в сторону открытого моря. А перед ними раскрывался безбрежный океан.

Они пролетели над группой галер, упорно пытавшихся пойти на таран вопреки ветру и потомудвигающихся медленно при помощи весел. Несколько дальше они обнаружили паутинообразную конструкцию, за которую сражались паукообразные создания. Не только люди были на Аэргистале, хотя в том районе, где они находились, людей было больше всего. Пару раз они замечали под поверхностью океана чьи-то огромные тени.

Аэростат медленно удалялся от берега, но тот был еще виден.

— С голоду мы не умрем,— сообщил Турэ, с широкой улыбкой распахивая плетенный сундук, занимающий часть гондолы.

Корсон машинально пошарил по плечу в поисках ремешка от сумки с провизией. Сумки не было. Он потерял ее, возясь с вербовщиком.

— Колбаса, еще вполне свежий хлеб и красное вино,— сообщил негр. Из кармана штанов извлек огромный складной нож и принялся нарезать хлеб и колбасу. Потом распечатал бутылку и протянул ее Антонелле.

Корсон с интересом посмотрел на него.

— Никогда ничего такого не видели?— спросил Турэ, заметив его удивление.— Мне кажется, в ваши времена уже все питались таблетками и прочими химическими соединениями. Но то, чем я располагаю; не так уж и плохо. Конечно, для военной поры!

Вино взбодрило Корсона. Он прожевал кусок хлеба и решил задать несколько вопросов. Прежде всего, перед ним был человек, располагающий намного большей информацией, чем он, если говорить об этом необычном мире.

— Меня удивляет,— осторожно начал он,— это пустое небо. Воздушная война должна сеять повсеместное опустошение.

— Это против правил,— ответил Турэ,— по крайней мере, как мне кажется. В этом секторе нет ни самолетов, ни геликоптеров, ни ракет. Это вовсе не значит, что в другом районе Аэргистала не проходит воздушных сражений. Я скорее удивился бы, будь по-другому.

— Правда?— Корсон даже перестал жевать.

— Может быть, подметили одну вещь,— продолжал негр.— Здесь никто не использует ядерного оружия. Разве это не должно было удивить вас? Правда, в ваши времена оно могло и не применяться. Но с другой стороны гор ядерные бомбы время от времени взрываются. Причем — немало.

Корсон вспомнил огненные вспышки и дымовые грибы, которые он видел над горами, и крикнул:

— И кто следит за соблюдением этих правил?

— Если бы знал, я бы отправился к нему и попросил выпустить меня отсюда. Скорее всего, какой-нибудь бог или демон.

— Вы в самом деле верите, что мы в аду?

Слово «ад» не имело для Корсона особого смысла. Он прибегнул к нему, обратившись к почти забытой в его эпоху мифологии, на место которой пришел холодный и утилитарный позитивизм. В галактическом языке «ад» означал всего лишь крайне неприятное место.

— Я немало размышлял над этим метафизическим вопросом, — признался Турэ. — Но это место представляется мне на удивление материальным адом. Например, этот небесный свод: могу поклясться, он тверд, как стальная плита. Я провел несколько триангуляционных измерений, поднимаясь и опускаясь на этом воздушном шаре. Мне кажется, небосвод находится на высоте в десять-двенадцать километров. А это значит, что это сооружение, хотя и является материальным, естественным все же не может быть. Отсутствие горизонта, ровная поверхность — это не может быть какой-нибудь планетой. Ведь у планеты с таким радиусом притяжение должно быть колоссальным. Уже в первую же минуту после прибытия сюда, нас попросту расплющило бы.

Корсон с некоторым удивлением поддакнул: сведения этого человека из давно прошедших времен были поразительными.

— Мы находимся не в нормальном пространстве, — вмешалась Антонелла. — Я ничего не могу предвидеть. Ничего не ощущаю. Сначала я не тревожилась, так как эта способность иногда исчезает. Но не так сильно. А сейчас... я как слепая.

Корсон с интересом посмотрел на нее.

— И при каких условиях эта твоя способность исчезает? Антонелла покраснела.

— Ну, в первую очередь на пару дней в месяц. Но... сейчас это не в счет. Во время космических путешествий, но мне не приходилось это часто испытывать. После перемещения во времени, но тогда это долго не длится. И наконец, когда вероятность реализации многих событий почти одинакова. Однако всегда сохраняется хоть немного этих способностей. А тут... ничего.

— О каких способностях она говорит? — спросил Турэ.

— О способностях, которые приобрела их раса. Они могут заранее предвидеть происходящее, примерно за две минуты до осуществления.

— Ясно. Это, как если бы они имели перископ, способный подниматься над настоящим. Близорукий перископ. Две минуты — это немного.

Корсон попытался разобраться в фактах, сообщенных Антонеллой. Опережение информации определенным образом

было связано с космогонической теорией Маха, утверждающей, что каждая точка Вселенной независима от самой Вселенной в целом. Не означало ли это, что они больше не находились во Вселенной, с которой была синхронизирована нервная система Антонеллы? Или они уже были мертвы, хотя и не помнили момента смерти?

— Разве это не странно?— продолжал Турэ.— В Африке, задолго до моего рождения, колдунами считались люди, способные предвидеть будущее. В мои времена им уже никто не верил. Но в действительности способности шаманов оказались явью, хотя и в будущем.

— Откуда берется этот хлеб?— спросил Корсон, показывая на свой ломоть.

— Из интендатуры. Теперь, когда вы задали вопрос, я подумал, что и в самом деле ни разу не видел ни засеянных полей, ни фабрик, ни пекарен. Но разве не является это обычным зрелищем для войны? Оружие, обмундирование, медикаменты, продовольствие, прибывают очень и очень издалека, из легендарных стран. А если война затягивается, то человек просто перестает об этом думать. Единственные посевы, которые он видит, подвергаются уничтожению, поскольку они принадлежат врагу.

— А где начальство? Ради чего ведутся эти бессмысленные войны?

— Над нами. Высоко-высоко над нами. В обычных условиях никто никогда их не видит.

— А когда их убивают?

— То их заменяют другие,— сказал Турэ.— Те, кто замещает их. По настоящему в ожесточенной войне, как вы знаете, сражаются потому, что есть противник и нет выхода. Может у вождей есть для этого свои собственные причины.

Корсон глубоко вздохнул.

— Но где мы находимся?— безнадежно спросил он.

Турэ спокойно посмотрел на него.

— Я бы мог сказать, что летим на аэростате над поверхностью океана. Однако это было бы банальностью. Я много думал над этим вопросом. Мне в голову пришли только три возможности. Можете выбирать одну из них или же предложить что-то новое.

— Какие же возможности?

— Во-первых, самым обычным образом на свете мы — покойники и находимся в аду или же метафизическом чистилище, заключенные здесь на неопределенное время, может быть, даже навсегда и не имеющие возможности выбраться отсюда, даже когда умираем. За это говорят перемирия.

— Перемирия?

— Вы еще этого не пережили? И правда, вы же здесь недавно. Об этом я вам расскажу немного позже. Согласно моей второй гипотезе, мы реально не существуем. Мы ощущаем себя реальными, магнитопись или электронные пучки, за-

ложенные в гигантскую машину, и кто-то проводит огромную Кригшпиль, Вор Гейм или, если вам угодно, Военную игру. Речь идет о моделировании того или иного конфликта. Вот это выглядит так, словно все войны Вселенной происходили в одном месте, мы в таком случае нечто вроде марионеток на сцене, если вы понимаете, что я хочу сказать.

— Понимаю,— сухо ответил Корсон.— Теперь гипотеза прямо противоположная. Мы существуем в действительности, но не в этом мире. Может быть, мы лежим в этаким морозильнике, соединенные с какой-то машиной множеством проводов, и нам кажется, что мы переживаем происходящее. Может быть, речь идет о психотерапии, о том, чтобы выработать у нас отвращение к войне. Может быть, это попросту какое-то представление. Может — опыт. Третья моя гипотеза утверждает, что этот мир реален. Он может казаться нам странным, но он существует. Он был выстроен людьми или какими-то человекоподобными существами,— в этом я сомневаюсь — чтобы выполнять функции, о которых я не имею ни малейшего понятия. Эта гипотеза мне наиболее нравится. По той причине, что тогда, возможно, существует способ выбраться отсюда и не утратить на этом своей личности.

— Ваши три гипотезы имеют один общий пункт,— заметил Корсон.— Они также хорошо подходят к другому миру, откуда мы исходим.

— К миру, который остался в нашей памяти,— поправил его Турэ.— Это не одно и то же. Вы уверены, что мы родом из одного и того же мира? Существует еще один пункт, общий... с тем миром. Мы точно также не имеем возможности жить той жизнью, которая нам нравится.

На какое-то время он замолчал.

— Как вы сюда попали?— спросил чуть погодя Корсон.

— Я мог бы задать вам тот же самый вопрос. Вам не кажется, что я и без того слишком много говорю?

— Не знаю, поверите ли вы мне.

— Я научился быть доверчивым,— сказал негр просто.

Корсон вкратце пересказал ему свою одиссею, начав с лагеря Верана, эпизод с планетой-мавзолеем он пропустил.

— Кто-то приложил немало сил, чтобы заманить вас сюда,— пришел к выводу Турэ.— Скорее всего, один из них. Это наилучшим образом вписывается в мою третью гипотезу.

Потом добавил:

— Я впервые слышу о гиппронах, об этих животных, способных перемещаться во времени. Но все же сомневаюсь, что они способны преодолевать такие значительные отрезки времени.

— А вы?

Негр заморгал, перегнулся через край гондолы и сплюнул в море.

— Честно говоря, я точно не помню. Какие-нибудь четыре,

пять, может — десять, Перемирий (он всячески выделял «П», словно подчеркивая заглавную букву) назад я стрелял, как умел, с борта своего «Шмеля-Б». Вдруг ослеп, почувствовал жар. И оказался здесь, на борту то же самой машины, над почти идентичным районом. Я даже не сразу подметил разницу. Но мне показалось, что я не знаю никого из окружающих меня людей. Когда я сказал об этом, меня отправили в лазарет. Врач выслушал меня, просмотрел что-то о шоке, сделал укол и отослал в часть. Через какое-то время я уже ни в чем не был уверен. Я хотел попросту выжить.

— Меня удивляет одно, — сказал Корсон. — В ходе этих войн смертность должна быть ужасающей. Почему они не прекратились попросту из-за нехватки живой силы? Или же для поддержания их приходится транспортировать солдат из всех эпох и всех концов Вселенной?

Турэ покачал головой:

— Перемирия. Погибшие возвращаются на свои места.

— Воскрешение из мертвых?

— Нет. Но когда Перемирие приближается, небо темнеет. Потом все отвердевает, застывает время, гаснет свет, огонь, электричество. Такое ощущение, будто бы ты превратился в камень. В страшной тишине еще секунду-две сохраняется сознание. А потом все начинается заново. Иногда, но очень редко, ты оказываешься в той же ситуации, что и перед Перемирием. Но чаще всего — ты уже в другой армии, на другом посту. То, что происходило перед Перемирием, помнится как-то смутно.словно начинается другая история, словно одну пластинку сменили другой. Отсюда и вытекает моя вторая гипотеза. И мертвые занимают свои места, играют новые роли. Но никогда не помнят, что были убиты. Для них Перемирие наступило сразу после смерти. Может быть, Перемирие — чисто индивидуальное понятие. Но я так не считаю. Когда оно начинается, то ощущение такое, будто оно распространяется на всю Вселенную. Мне кажется, что те, кто создал этот мир, если верна моя третья гипотеза, или те, кто наделен над ним властью, способны повелевать временем и прибывают, чтобы забрать тех, кто должен умереть, за минуту до того, как это произойдет на самом деле. Как видите, ничего сверхъестественного.

— Верно, — согласился Корсон.

Он почесал свою свежую щетину, удивляясь легкости, с которой этот человек — дикарь, происходящий из эпохи первых космических полетов, — признал возможность путешествия во времени. Но потом он вспомнил свою собственную легкость, с какой он приспособился к новой Урии.

Он как раз хотел задать вопрос касательно Перемирий, когда чудовищный грохот разорвал ему барабанные перепонки, более сильный и внезапный, чем раскат грома, чем

любой взрыв; два ножа пронзили нежные мембраны, прошли сквозь тонкие кости и вонзились в самые закоулки мозга. Казалось, вся Вселенная треснула пополам.

Аэростат мотало невидимым ветром над гладким, как зеркало, океаном, под непривычным, но ласковым небом. Резкий рывок гондолы — как раз лопнула одна из строп — прервал его размышления, чуть не вышвырнув Корсона за борт. Его спас канат, которым он привязался. Однако он успел взглянуть на горизонт. И вскрикнул настолько страшно, что на мгновение его голос пересилил рев бури.

Горизонт перечеркивала быстро расширяющаяся черная полоса. Сейчас она была уже не поясом, но стеной. Стеной абсолютнейшей черноты. Черноты небытия. А кроме того: стороны этой стены тьмы не искривлялись и не делались уже, убегая к горизонту планеты, наоборот, насколько мог судить человеческий глаз, верх и низ шли строго параллельно.

19.

Здесь кончалась Вселенная. По крайней мере — эта Вселенная. Они летели в направлении этой тьмы, в пропасть. Ураган тем временем понемногу стихал. Зато волны сделались еще выше, словно бились там, внизу, о невидимую преграду. Теперь они образовывали морщинистые ущелья с глубиной во много сотен метров.

На горизонте океан обрывался ровно, как край стола. А дальше шла пропасть, заполняющая все пространство между небом и землей.

— У нас немного шансов,— сказал Турэ,— если Перемирие начнется раньше...

Заканчивать не было смысла. Растерянные, они смотрели на горизонт.

— Может, ветер совсем прекратится,— сказал Корсон.

Турэ дернул плечом:

— Нас всосет эта вот пустота. Вся Вселенная провалится туда.

— Почему именно сейчас?

В гигантской машине что-то испортилось. По мере того, как они приближались, черное пространство заполнялось светилami, блестящими и неподвижными точками, которые, казалось, время от времени гасли и разгорались снова, словно некий темный предмет проплывает перед ними. Аэростат несло в сторону черного пятна, еще более глубокого, еще более темного, чем остальная стена. Оно было окружено ореолом трещин, разбегающихся словно стрелистые молнии во все стороны.

«Словно разбитое ударом окно»,— подумал Корсон.

Именно это и было у него перед глазами: окно, разбитое ударом. Стабильные неподвижные светляки — звезды. Пропась — космос. Пятно матовой черноты было отверстием, сквозь которое Аэргистал или по крайней мере та его часть, в которой находился азростат, утекала в пространство.

Около дыры огромный водоворот сменил океан. Океан тоже вытекал в вакуум.

Корсон подумал, было ли бесконечно это пространство и весь Аэргистал вместе с его абсурдными войнами, армиями, флотами, жалкими героями, ядерными грибами — не найдут ли они наконец покой между звезд. Неужели создатели — или служители-Аэргистала ничего не предпримут? Или катастрофа превышает их возможности? Или они решили прекратить испытания? А может, Турэ был прав, говоря о макете? Или в самом деле Аэргистал был искусственным гигантским, но ограниченным миром, странствующим в космосе и опоражнивающим сейчас свое нутро вследствие какой-то аварии или необходимости? И что произойдет, если «окно» внезапно треснет по вертикали? Соединятся ли земля и небо? Или же архитектоника этого бессмысленного антропоморфически говоря — мира, выдержит, навсегда защищенная непреодолимым экраном небытия?

По мере того, как азростат приближался к пролому, температура падала, воздуха становилось все меньше. И однако, отверстие странно уменьшалось. Только что оно зияло многокилометровой пастью. Сейчас же уменьшилось до нескольких сотен метров и сокращалось довольно быстро. Азростат был достаточно близко, и Корсон мог видеть пробегающие по внутренней поверхности концентрические волны, гаснущие на краях разрыва. Море подернулось ледяной коркой, белизной своей еще более подчеркивающей прямизну основания этой космической стены. Не окна, не стены, даже — самовосстанавливающего силового экрана, поврежденного исполинским взрывом.

— Пролетим, — глубоко дыша, выговорил Турэ, — если оно раньше не закроется.

Антонелла спрятала лицо на груди Корсона, который еще нашел в себе достаточно сил, чтобы выставить руки в сторону пролома. В пустоте, немного ниже уровня океана, кружили обломки гигантского космического корабля. Возможно, он даже был ракетобразной формы. По крайней мере, на это намекал облик его кормовой части, которая казалось, была приклеена к прозрачной преграде. Восстанавливаясь, силовое поле частично включало ее в свою структуру.

Больше всего Корсона удивлял биологический характер восстановления силового поля. Он помнил лишь поля, возникающие мгновенно, но там речь шла о небольшом объеме и ограниченных возможностях человеческого воображения. Потом он подумал, что применяемые здесь энергии настолько велики, что ход времени может быть нарушен. Эквивалент

массы покоя должен быть чудовищным. Теория относительности утверждает, что на звездах-гигантах время течет медленнее. Но самым странным было то, что этот эффект не отражался на пространстве, примыкающем к барьеру. Ведь аэростат не швырнуло на экран с огромной скоростью, он не сгорел в атмосфере, прежде чем столкнулся с преградой.

Для Корсона мелькнула искра надежды. Им оставалось несколько сотен метров. Рана затягивалась все быстрее, змеистые трещины исчезли. Матово-черное пятно сокращалось. Пространство вокруг поблескивало, словно покрытое лаком. Побочный эффект поля.

Уже совсем близко. Корсон выставил руки, чтобы защитить Антонеллу.

Удар! Отскок.

Их потащило. Затянутый вокруг пояса канат впился в ребра. Он качнулся и упал вперед. Головой ударился о край гондолы. Сильный крен. Потом раздался странный мягкий звук. Аэростат размазывало по барьеру. Гондолу раскачивало... Удар. Отскок. Удар. Не особенно сильный. Барьер-то эластичный. Он потерял сознание.

20.

Ощущение холода на лбу. Он очнулся. Может быть, почти сразу же. Его голова лежала на коленях Антонеллы, которая прикладывала к его лбу тряпку, смоченную вином. Ныла правая бровь, он коснулся ее рукой, потом посмотрел на нее — кровь. И тут его взгляд встретился с тревожным взглядом Турэ.

Он поднялся. Голова закружилась. Он с трудом удержался на ногах.

— Баллон послужил пробкой, — пояснил негр.

Шар аэростата наполовину уйдя в барьер, застыл в добром километре над океаном, который перестал бурлить. Подводная трещина тоже затянулась. Атмосферное давление быстро росло. Барабанные перепонки ныли. Корсон заткнул нос и выравнивал разницу.

Потом перегнулся через край гондолы и, потрясенный, принялся разглядывать пустоту. Небо вверх и море вниз кончались ровно, как обрезанные ножом. До барьера было рукой подать. Корсон вытянул руку, но не дотянулся, лишь почувствовал легкое покалывание. Но, может быть, это была только иллюзия.

А дальше был космос. Космос оживленный. В первую очередь звезды, скомпонованные в незнакомые созвездия. Звезды всех цветов, как это можно видеть только через стекло

скафандра или сквозь наблюдательный купол. Какая-то галактика отливала багрянцем. Но были там не только звезды и галактика.

Между ними, а иногда перед ними, проплыли огромные корабли. Разумеется, ничего, кроме размеров, Корсон не мог видеть непосредственно. Но они встряхивали звездами или, скорее, преграждали дорогу их свету. Масса и энергия. Фотон — нечто, настолько легкое, настолько легко поглотившее. В тренированных глазах Корсона танец звезд начал приобретать смысл. Там находились две флотилии, ведущие яростное сражение. В ходе этой битвы один корабль, несомненно, лишившийся маневренности, налетел на барьер и повредил его. Однако остальные, скорее всего даже не имея понятия о катастрофе, продолжали схватку. По ту сторону барьера это была абстрактная борьба, проявляющаяся лишь в сотрясении пространства и танце звезд, словно фонариков на гребне волны.

По ту сторону барьера громоздились зеленоватые наплывы. Прошло некоторое время, прежде чем Корсон узнал их. Лед, ледяные горы в пустоте. Следы нескольких миллиардов тонн воды, вытекающих через пролом.

Он прекрасно понимал, что почти ничего не видит из происходящей перед ним звездной баталии, растянувшейся, вне сомнения, на много световых часов. Он наблюдал лишь частную схватку. Но внезапности нападения было достаточно, чтобы он разобрался в специфике этого пространства.

Пространство не граничило с Аэргисталом, но составляло часть его. Логично. Космические войны также должны были иметь место на Аэргистале, как войны наземные, морские или воздушные. Но им требовалась особая среда, и среда эта была предоставлена. Макет, если эта Вселенная была макетом, был приближен к идеалу.

Но кто мог сражаться в этом пространстве? Люди? Космиты? Люди против космитов? Завязший в барьере обломок не напоминал ни один из видов известных ему боевых кораблей. Однако если его оценка верна — расстояние и размеры в пространстве сильно искажаются, — этот обломок был длиной более километра. Значит, само судно должно быть по крайней мере в три раза длиннее. Корсону показалось, что он заметил беспомощный человеческий силуэт, как пылинки, мечущаяся среди останков. Слишком далеко. С тем же успехом это мог быть кусок металла.

Турэ откашлялся. Вибрация прекратилась. Воздух успокоился и застыл. Не надо было больше кричать, чтобы переговариваться, хотя в натруженных ушах до сих пор звучал призрачный гул.

— Наша ситуация не из приятных.

— Этого я и боялся, — согласился Корсон.

Он уже прикинул и по очереди отбросил все возможности. Стропы, прикрывающие гондолу, не были достаточно длинны,

чтобы можно было спуститься на поверхность океана. Если же она распорет оболочку шара, чтобы сделать из нее парашют, то им грозит, что она отделится от барьера и тогда они погибнут в волнах, упав с километровой высоты. Не было ни малейшей надежды, что аэростат откликнется сам. Но, если даже им удастся опуститься, каким образом они доберутся до суши, отстоящей на десятки километров, которые они преодолели с той бешеной скоростью. Они находились в ловушке, словно мухи, пойманные на липучку.

«Если бы только началось Перемирие», — подумал Корсон. Сперва, когда Турэ говорил о Перемириях, он испытывал лишь глухой, животный страх. Перемирие в какой-то мере напоминало смерть или свето-преставление. Теперь же оно было одним из его желаний. Но это не имело смысла. Он не мог влиять на решения неведомых богов, создавших и управляющих этой Вселенной. Тут он вспомнил прочие предположения Турэ. Но не решился сделать из них свои выводы.

Тут он заметил в космосе какой-то клубок тьмы. Ему показалось, что бездна ожила, но не благодаря неровным движениям звезд, но так, словно совсем неподалеку обьёвился такой рой. Беспорядочно кружащие мухи. Мухи, облепляющие ближайшие корабли, которые стали видны непосредственно. Казалось, мухи с невообразимым проворством избегали направленных на них выстрелов. Один из крейсеров взорвался. Потом — второй. Две световые волны на мгновение ослепили Корсона, хотя он и успел прикрыть глаза руками. Он попытался представить, что произойдет, если один из кораблей взорвется в непосредственной близости от экрана. Барьер, конечно же выдержит, но в достаточной ли степени он поглотит жесткое излучение?

Мухи. Неожиданно Корсон понял, что это такое. Это были гиппроны. Последние сомнения рассеялись в тот момент, когда один из них материализовался по ту сторону барьера. Он узнал ряд глаз, лишенных век, шесть гигантских лап с выпущенными когтями, скребущими пустоту, гриву из витков, развивающихся в пространстве, что придавало животному вид чудовищного анемона, упряжь, а когда Бестия повернулась — всадника в форме солдат Верана. Человек по ту сторону барьера издал неслышный крик удивления при виде гондолы и ее пассажиров. Губы его зашевелились под шлемом. Мгновение спустя туча гиппронов теснилась перед барьером. А потом исчезла.

И показалась с другой стороны. Они преодолели барьер без видимого усилия. Окружили аэростат. Солдаты ждали, нацелив оружие на гондолу. Антонелла схватила Корсона за плечо. Турэ раскрыл рот и спросил, вытирая рукой вспотевший лоб:

— Что это такое?

У него не было времени на ответ. Идея, забродившаяся на грани сознания, обрела свои формы. Он не мог ждать ми-

лости от Верана. Тот попытается взять их живьем, и его люди будут развлекаться с Антонеллой.

Корсон заскрежетал зубами. Неожиданно он ощутил на губах привкус крови. Поднял голову к шару аэростата. Водород в соединении с воздухом легко взрывается. Увы, температура луча его бластера невелика и едва ли хватит для катализации этой реакции.

Он отчаянно надеялся, что то, о чем говорил Турэ, было правдой. Но он и так узнает ее, но лишь тогда, если гипотеза Турэ верна, если смерть в этом мире лишь иллюзия.

Он выхватил оружие из кобуры, висящей под левой мышкой внутри скафандра и спокойно открыл огонь. Увидел расплзающуюся оболочку шара и растущее пламя. Потом почувствовал, как оно пожирает его, раскрывая глаза, но не во мрак небытия, а в абсолютный свет.

Ощутил горящее лицо и руки, барабанные перепонки лопнули и спасли его от криков остальных. И его собственных.

«Водород», — подумал он. Он падал и чувствовал рядом с собой тело Антонеллы, хотя у него тела уже не было. Непостижимым образом он был жив и не имел ощущения, что умирает. И хотя гигантский огненный язык несся прямо на него, свет медленно тускнел. Небо сделалось пурпурным, потом черным. Он различал на нем, как на негативе, белых гиппронов на темном фоне и даже выражение ошеломления, застывшее на лицах кавалеристов. Он чувствовал, как тяжелеет груз неподвижности.

Пламя перестало расти в нескольких сантиметрах от его лица, хотя лица у него не было. И ему почудилось, что это чудесное равновесие будет длиться во веки веков. Потом пламя погасло.

21.

Перемирие кончилось так же мягко, как началось. Корсон парил в пространстве цвета пурпура, хотя и не помнил, чтобы открывал глаза. Огромные перепутанные, соединяющиеся трубы пульсировали, растягивались, пучились неожиданными пузырями, которые лопались, выпуская отростки, и эти отростки сами начинали вытягиваться. Ни верха, ни низа. Хотя он не был в состоянии оценить ни расстояния, ни размеров, его не покидало чувство, ощущение гигантизма.

«Я пробил потолок, — подумал он, — и ступил на небо».

Конечности не подчинялись ему, но он не ощущал тревоги, скорее — любопытство. Понемногу возвращались воспоминания. Правда, оставались незаполненные места, но тут помогала реконструкция, возможно, не совсем верная, базирующаяся скорее на подсознании.

Таким образом, он смог сообразить, что место, в котором он находится, необычайно. Обычно воюющий приходил в себя во время какой-то войны. Он покинул Аэргистал. Он был уверен, что находится по другую сторону небосвода. Или же его изгнали из игры, так как он вел себя не соответственно? Или же был это новый ад, место, где сражались существа, вообразить которые человек был не в состоянии? Может, теперь ему была уготована другая судьба?

Он был один. Он знал об этом, хотя не мог шевельнуть головой. Тишину нарушил голос, сколыхнув ее, как нежное дуновение ветра колышит воду. Сперва он воспринял его как чистую музыку, и прошло некоторое время, прежде чем он понял, что к нему обращаются, но слова сохранились в его памяти, словно она была промыта, вычищена, острая как у ребенка и жаждущая знания.

— Вот так-то быть военным преступником.

Он ответил после мгновенной задержки:

— Вот так-то быть богом.— Голос звучал странно. Он казался почти детским, но ощущение было такое, словно он порождал бесконечные, почти неразличимые отзвуки эха, а он слышал одно из них, самое близкое, самое для него понятное, хотя где-то рядом раздавались другие голоса, и некоторые из них будили ужасы. Это был почти детский голос, но он мог оказаться и голосом ящерицы, и паука, огненным полыханием звезды, писком крысы, потрескиванием хитиновых крыльев майского жука, артикулированным вдохом ветра.

Корсон смутился. Разговор начался странно. Он не для того оказался здесь, чтобы участвовать в теологическом диспуте. Правда, может быть, таковы обычаи на небе? Он хотел изменить тематику, но чувствовал, что не в силах нарушить естественный ход событий.

«Меня накачали наркотиками,— подумал он.— И это все объясняет». Но он тут же понял недостаточность этого объяснения. Любопытство взяло верх. Он принял вызов.

— Боги всемогущи,— заявил он.

— Всемогущи,— повторил голос.— Слова. Пустая фраза. Ты можешь приписывать им ту силу, которую способен вообразить. И которую способен достичь сам.

Корсон снова остановился. Мысль казалась верной. Он подумал и решил:

— Вы бессмертны.

Голос, казалось, позабавило это.

— И да, и нет. Ты не видишь разницы между бесконечным и неограниченным. Мы не бессмертны, если под этим ты понимаешь бесконечность. В таком случае, ничего бесконечного не существует, даже Вселенная, даже то, в чем находится Вселенная. Но наше существование не ограничено.

— Не ограничено?

Эта концепция была ему непонятна.

— Мы можем повторять наши жизни и, каждый раз изменяя их, жить по-разному. Но ничто из наших существований при этом не меняется.

— Понятно,— сказал Корсон. Для этих существ бытие не было необратимой формой, опирающейся на базу прошедшего, слепо продлевающейся в будущее. Их бытие было для них от начала и до конца пластичным, позволяющим формировать себя континуумом. Они не знали «раньше» или «позже». Жизнь их была лишена длительности.

И в самом деле,— подумал он,— какова ширина человеческой жизни? Какова ее толщина? Их жизнь представляла одно всеобъемлющее и способное к уточнениям целое. В зависимости от следствий менялись причины. Для них сиюминутное, настоящее было лишь точкой отсчета. Они контролировали время. Это умение порождало их власть. Как люди, долго прикованные к пространству возможностями своих рук и ног, возможностями минимальными даже при самой длительной жизни, в конце концов покорили космос и стали гулять меж звезд, так и эти существа покорили себе время.

Для них люди были несчастными и бессильными существами, такими же представлялись Корсону его предки, заточенные в тесноте пространства.

«Это страшная власть,— подумал Корсон,— потом добавил, словно ему ее предложили:— я не в состоянии ее осмыслить».

— Вы не люди,— заявил он. «Кто они такие, если так забавляются нашими иллюзиями? Пришельцы из другой галактики, другого измерения? Чистые духи, наши создатели, боги из сказок?»

— Ты станешь таким же, как мы,— сказал голос. «Обещание или констатация факта? Как могу я стать таким, как вы, если я не в состоянии даже понять вашей силы? Куда подевались отдаленные потомки человечества? Или же способности расы Антонеллы — зачатки этой мощи? Сколько миллиардов лет отделяют мое примитивное естество от оценивающих меня неприемлемых потомков?»

— Вы появитесь после нас?— спросил Жорж. Смех, который он услышал, успокоил его, а не разозлил.

— Мы не появимся после вас,— ответил голос.— Мы существуем в то же время, что и вы, поскольку мы существуем все время. Оба наших существования всегда сочетаются. Но в крайнем узком значении, если это может тебя успокоить, мы появились после вас, мы родились из вас.

Значит, они — наши потомки и одновременно они значительно старше нас. С того момента в будущем, когда их ветвь отделилась от нашей, они завладели Вселенной, в которой мы занимаем до смешного крохотную часть. Они произошли от нас, но они существуют с тех пор, как мы появились.

— А другие расы? Уриане?

— Нет разницы,— ответил голос.

Нет разницы. Ответ исчерпывающий. Слишком рано, чтобы требовать ответа на этот вопрос.

— Где вы?— спросил Корсон нерешительно.— Снаружи Вселенной, на ее поверхности или же на ее оболочке?

— Чтобы понять и научиться изменять Вселенную, ее необходимо покинуть.

Оболочка Вселенной. Не по этой ли причине привычные законы физики не правомерны для Аэргистала? Не поэтому ли они могут делать там все, что заблагорассудится. И что же дальше?

— И что находится вне Вселенной?

— Здесь Вселенная реализует свою мощь,— ответил голос.— Нечто, независимое от времени и пространства. Наружное, не оказывает никакого влияния на внутреннее, а кроме того, не поддается непосредственному познанию.

Тупик. Существует ли предел могуществу этих существ, или же эти ограничения вытекают из убогости моих собственных понятий?

Корсон решил вернуться к собственному положению.

— Вы будете меня судить?

— Ты уже осужден,— ответил голос.

— Я не преступник,— возразил Корсон с неожиданным нетерпением.— У меня никогда не было выбора...

— У тебя будет выбор. Ты получишь возможность исправить, прервать сеть преступлений. Прервать вереницу войн. Ты вернешься на Урию и излечишься от войн.

— Зачем я вам нужен? Почему вы, обладающие такой властью, попросту не запретите все войны?

— Война — часть истории той Вселенной,— принялся нетерпеливо объяснять голос.— В определенном смысле, мы тоже порождены войной. Мы хотим ликвидировать войны и достигнем этого с помощью тех, кто воюет, в их же интересах, чтобы они стали тем, чем могут стать. Но мы не можем делить свою власть с существами, которые не смогли справиться с войнами. Может быть, мы и смогли бы теоретически запретить все войны, благодаря своей силе — силой — но тут бы возникло противоречие в понятиях. Мы воевали бы против себя самих. Мы решили изменить ту Вселенную. А изменить ее можно, только используя ее собственный строительный материал. Этому и служит Аэргистал. Он выполняет три функции, искоренение войны: рано или поздно, но Аэргистал воспитывает убежденных сторонников мира. Чтобы искоренить войну, надо понять ее: Аэргистал располагает огромным количеством полей сражений. На Аэргистале не существует конфликтов между империями, между планетами, между расами. Это лишь далекий фон, туманная мотивировка. Ведь мы знаем, что война ведется не для разрешения конфликтов. Она продолжается, она питает сама себя намного дольше, чем требует того не-

обходимость, даже тогда, когда причины ее давно забыты. Война обладает многослойной структурой, но это только внешнее впечатление. Благодаря полигонам Аэргистала, мы узнаем ее и стремимся к тому, чтобы те, кто ее вызвал, тоже узнали ее.

«Война как структура! Нечто, наделенное некоторой анатомией, только и ждущее какого-либо конфликта, чтобы родиться. А потом питающееся субстанцией и энергией воюющих». Это объясняло, хотя еще туманным образом, почему были войны в истории человечества — задолго до Корсона — во все эпохи, при всех социальных структурах. Регулярно какая-нибудь группа людей брала на себя труд избавить мир от войны, но безрезультатно. Наибольшее, что удалось нам — задержать ее, создать базис мира на век или два, реже — на тысячелетие, между двумя пожарами. А их ученики мир с помощью войны.

Из-за чего началась война между Солнечной державой и империей Урией? Из-за космических разногласий? Из-за амбиций властителей? Из страха перед массами? Все это — важные причины, но не самые существенные. Война против Урии была предотвращением войны между планетами людей, имеющей свое начало в древних, плохо составленных договорах. Договорах, которые были заключены в завершении еще более древних войн. И таким образом, можно было добраться до войны, которая разразилась за тысячу лет до рождения Корсона и которая толкнула человека к звездам, вынудив его искать мир за пределами родной планеты. И даже еще дальше, к первой из всех битв, к камню, впервые поднятому одним питекантропом на другого.

То же самое было в истории других рас, почти всех рас, что находились сейчас на Аэргистале.

«Мы часто задумываемся, за какое дело мы воюем,— думал Корсон,— но почти никогда, или же слишком редко, слишком случайно, почему мы воюем, история искажена. Мы — муравьи, которые борются между собой по причинам, которые воспринимают как личные, но которые скрывают полный мрак и абсолютное непонимание. Аэргистал — это лаборатория.»

— Третья функция Аэргистала,— сказал голос,— это исцеление войны. Война — одна из жизненно необходимых функций, она представляет собой часть нашего детства. Возможно, нам еще пригодится ее опыт. Нечто может явиться того, что находится снаружи Вселенной. Аэргистал — это фронт. А кроме того — линия защиты.

Неожиданно голос сделался напряженным, а может быть — просто печальным. Корсон попытался представить себе то, что Снаружи. Но столь абстрактная абстракция не поддавалась его воображению.

Непроницаемая тьма. Не-время. Не-расстояние.

Ничего и, может быть, что-то иное. «Если бы я был цифрой,— подумал Корсон,— цифрой один, как я мог бы вообразить сумму сумм, окончательную из всех сумм?»

— Искоренить войну,— продолжал голос.— Познать войну. Исцелить войну. Мы предоставляем тебе выбор. Ты будешь отправлен на Урию для решения проблемы. Если тебе это не удастся — ты вернешься сюда, если удастся — ты будешь свободен. В нужное время ты перестанешь считаться военным преступником. Но в любом случае сделаешь шаг вперед.

Воздух вокруг Корсона загустел. Вокруг него материализовались стенки. Он лежал в продолговатом ящике с металлическим блеском... Гроб.

Или консервная банка.

— Эй! — крикнул Корсон.— Дайте мне оружие, хоть что-нибудь!

— У тебя есть разум,— значительно ответил голос.— А необходимую помощь ты получишь...

— Служба безопасности... — начал Корсон.

— У нас с ней нет ничего общего,— ответил голос.— К тому же, она следит за временем лишь в Тройном Рое, в одной галактике.

«Коротко говоря,— подумал Корсон, прежде чем погрузиться во тьму,— пригорошня праха».

Минос, легендарный судья мертвых. Трибунал, не терпящий отлагания. Корсон спал на грани яви. В мыслях он переваривал все, что услышал. Антонелла. Проклятые пацифисты, у исхода времени, не способные сами выполнить свою работу. Мы — молнии в их руках. Тираны. Падаю и проваливаюсь, бессильный, проскальзывая сквозь ячейки сети бытия, брошенный рукой какого-то бога. Делай, что желаешь,— приказал бог,— но утихомирь эту военную суетню, которая тревожит мой сон.

Сеть была соткана из человеческих тел... Каждый узел был человеком, и каждый из них держался руками за ноги двух других людей — и так до бесконечности. И эти обнаженные люди рвались, выкрикивая проклятия, пробовали приблизиться друг к другу, чтобы царапаться и кусаться. Время от времени один из них срывался — и его почти сразу поглощала бездна. Получившаяся дыра быстро заполнялась путем непонятной переформировки ячеек. А Корсон, подобно невиданной рыбе, проскальзывал между паутиной из конечностей.

Ему снилось, что он проснулся. Бродил по гигантскому великолепному городу. Башни его тянулись к небу не как мачты, а скорее как деревья, раскинув ветки и сучья, чтобы причесать ветер. Улицы напоминали лианы, переброшенные над пропастью.

Он чувствовал, как его сердце сжимает тревога, которую

он не мог объяснить в тот момент. Потом он вспомнил вдруг причину своего присутствия здесь.

Коробочка, висящая на ремешке его груди, была аппаратом перемещения во времени. На обоих запястьях рук были укреплены часы, но сконструированные необычайно тщательно — хронометры, считывая показания которых, он мог — что было чрезвычайно важно — оставаться хозяином времени. На стекле каждого хронометра была нарисована, а может — выгравирована, тонкая красная линия, точно указывающая час, минуту, секунду. Он знал, что за секунда это была. По указаниям большой стрелки он мог прочесть, что до того, как она достигнет красной черты, пройдет свыше пяти минут. И на табло аппарата для путешествий во времени перемигивались цифры, говорящие то же самое, отмеряющие минуты, секунды и доли секунд. Он знал, что аппарат был настроен так, чтобы доставить его в прошлое или будущее — в то мгновение, когда большая стрелка коснется красной черты.

Красная. Сейчас произойдет поразительная вещь. Но в городе царило прежнее спокойствие. Никто еще ни о чем не подозревал. И по мере того, как конденсировалась тревога. Корсон думал лишь об одном: как дожидаться критической минуты и не закричать.

Ах, какой покой царил в городе! Ветер скользил среди висящих улиц, среди ветвистых башен и слегка раскачивал их. Какая-то женщина любовалась полированной табличкой, висящей у нее на шее.

В саду скульптор ваял статую из пространства. Пели дети и подбрасывали в воздух разноцветные шары, которые кружились друг вокруг друга и медленно опускались на землю. Погруженный в сон, город явился как почти неподвижная, лишь фрагментами оживающая, удивительно сложная скульптурная группа.

Через неполные две минуты этот город будет уничтожен ядерным мечом, уже занесенным, уже ревушим в верхних слоях атмосферы и оставляющим за собой грохот терзаемого этим вторжением пространства. Спящему казалось невероятной эта угроза, но все-таки точное время исполнения ее было выгравировано на стекле обоих часов. Он знал, что избегнет гибели, что от города останется только картинка этого спокойствия. Он не увидит пламени тысячи солнц и как воск оплывающих башен, и всплеска разбуженной лавы из самого сердца планеты, и испарения тел, даже не успевших сгореть, и наконец, позднее, намного позднее — крика разодранного воздуха. Город останется в его памяти вырванным из времени — таким, каким он был. Его уничтожение будет для него лишь отдаленным, принадлежащим истории, абстрактно воспринимаемым событием.

И все же он опасался чего-то, он сам не знал точно — чего именно, но чего-то такого, от чего машина времени не сможет его защитить.

Это пришло неожиданно. Город был спокоен. Женщина завывала. Она так резко дернула цепочку, украшающую ее шею, что та порвалась, а она далеко отшвырнула от себя полированную металлическую пластинку. Дети с плачем поспешно разбежались. Крик, который взвился над всем городом, обрушился на пришельца. Он родился из миллионов глоток, рвался из миллионов ртов. Непоколебимость башен служила ему фоном. А в нем самом не было ничего человеческого.

Корсон слышал крик города, как вой огромного напуганного существа, которое распадалось, превращаясь в миллиарды напуганных единиц, объединенных только своей тревогой.

Ему бы заткнуть уши руками, но он не мог. Теперь он уже вспомнил. Обитатели этого города могли предвидеть будущее, выхватить несколько минут из него, и они узнали о скорой гибели.

Они узнали, что обрушатся бомбы. И кричали уже сейчас, еще до их падения. Они уже чувствовали огонь, и ослепительный свет, и бесконечную ночь.

А он, чужой здесь, погруженный в сон, знал, что окажется не в состоянии ничего сделать: что у него нет времени, чтобы предупредить их. Он не имел времени даже на то, чтобы сообщить им об их смерти прежде, чем их внутреннее зрение само скажет им об этом. Он не увидит, как умрет город, но он будет слышать его крик.

Большая указательная стрелка почти коснулась красной черточки, но для чужака минуты оборачивались бесконечностью. Оглушив его, возникла одинокая тревога. Может быть, коробочка, висящая на его груди, вовсе не была машиной времени? Может, и сам он — житель этого города, обреченный, как и все остальные, на гибель?

Он открыл было рот. Но в этот момент аппарат сработал. Он был спасен. Один. Один-единственный.

Он находился где-то в другом месте, и крик исчез. Он попытался вспомнить, он знал, что спит и что сон этот ему уже снился. На обоих его запястьях тончайшие хронометры показывали идентичное время. Он был хозяином времени. На его глазах низкий и плоский, прорезанный каналами город отстраивался на берегу фиолетового моря.

Он завывал, один, в тишине, нарушаемой только криками птиц. Кто-то очень далеко, обернулся, не понимая.

23

Темнота и шесть металлических стенок, едва позволяющих ему шевельнуть руками. Он лежал на спине. Тяготение делалось почти нормальным, таким же, как на Земле, с точностью плюс-минус десять процентов. Он не боялся.

Он сильно надавил крышку ящика, но безрезультатно. Потом кто-то или что-то рвануло металл, и вдоль одной из стенок появилась светлая щель. Минуту спустя ящик раскрылся и Корсон, ослепленный ярким светом, попытался подняться.

Воздух был перенасыщен запахом хлора. Он попал в руки уриан. По мере того как его глаза приспособлялись к свету, он начал различать три склонившиеся над ним фигуры, отдаленно напоминающие человеческие, три роговых клюва, три слишком маленькие головки, украшенные хохолками, три худые и длинные шеи, тонкие руки, три коротких и массивных туловища с выпирающей грудиной.

Он облетел всю Вселенную, чтобы кончить свою жизнь как подопытный кролик под ножом какого-нибудь урианина. Он ожидал боли.

— Не бойся, человек Корсон,— запищал один урианин.

Оцепеневшему Корсону кое-как удалось сесть. Они находились в обширном зале, драпированном бархатными тканями, без окон, без сразу заметных дверей. Зал достаточно хорошо изображал внутренность урианских жилищ, какими их представляли на Земле во времена войны.

«Может быть, это обычай богов времени — выдавать военных преступников их врагам?»

Один из уриан, явно более старый, чем остальные, сидел на чем-то вроде трона, который напоминал Корсону гнездо. Уриане происходили от той ветви эволюции, которая бы на Земле была названа птицами. Их внешний вид давал достаточно много информации на эту тему, что было подтверждено вскрытием трупов (согласно официальной версии), попавших в руки землян. Кора их головного мозга была сравнительно мало развита, но мозжечок был очень сложен. Насчет мозгов уриан на Земле ходили самые разные шуточки. Но Корсон не был склонен доверять им. Он знал, что даже на Земле некоторые птицы — обычный ворон — проявляют невероятную сообразительность, а кроме того, ему были слишком хорошо известны деловые качества Князей Урии. Огромная часть человеческого мозга предназначена для расшифровки и интеграции наблюдений, и сравнительно небольшая часть работает с абстракциями. У уриан способность к наблюдениям была достаточно ограниченной, по крайней мере с человеческой точки зрения. Остроту зрения они принципиально имели лучшую, чем люди, но способность к различению цветов была гораздо ниже. Слух их был настолько плох, что их музыкальное искусство никогда не шло дальше уровня ритма. Было недоразвито осязание в связи со своеобразием строения хватательных конечностей — скорее шпор, чем рук — и из-за жесткого пуха, покрывающего их тело. Зато они проявляли врожденные склонности к абстрактным размышлениям и философским дискуссиям. Короче говоря, если бы

Кондильяк был знаком с ними, он отказался бы от своей сенсуалистической гипотезы.

— Нам прислали человека, — не скрывая неудовольствия, сказал старый урианин.

Корсон попытался осторожно поставить ноги на землю.

— Прежде чем ты предпримешь безрассудные шаги, — продолжал старик, — мне следует понятными словами изложить тебе некоторые факты. Не потому, что мы боимся каких-нибудь твоих выходов, — тут он указал на три наставленных на него ствола, — но потому, что мы заплатили за тебя достаточно дорого и было бы жалко тебя повредить.

Он встал и налил в стакан хлорированной воды. Во времена Корсона необычайное пристрастие уриан к хлору было еще одной темой для шуток.

— Ты — военный преступник. Ты не можешь покинуть эту планету, не будучи задержанным и подвергнутым уж не знаю какому наказанию службой безопасности. Даже на этой планете ты быстро обнаружишь, даже будучи свободным, что твой грех значительно ограничивает твои возможности. И поэтому тебе придется быть с нами, полагаться на нас. У тебя нет выбора.

Он помотал головой какое-то время, позволяя своим словам поглубже проникнуть в сознание Корсона, потом продолжил:

— Нам требуется специалист по военным вопросам. Мы купили тебя за высокую цену через посредников, знать которых тебе не обязательно.

Они приблизились к Корсону шагами, делающими уриан неприятно похожими на гигантских уток, богато наряженных и смертельно опасных.

— Меня зовут Нгал Р'нда. Ты можешь забыть это имя, человек Корсон, поскольку я не собираюсь рисковать или испытать какое-нибудь неправдоподобное неуважение. Ты будешь единственным человеком, знающим меня с этой стороны. Для остальных твоих соплеменников я — мирно настроенный Нгал Р'нда, несколько разочарованный старик, общающийся с музами, каких я никогда не видел среди людей, будучи в свое время историком. Для них всех, — тут он широким жестом обвел своих соплеменников, — подлинный Нгал Р'нда, единственный потомок древнего рода Князей Урии, выклюнувшийся из голубого яйца! Ты даже вообразить себе не можешь, человек Корсон, что в древние времена значило яйцо с голубой скорлупой. Что значит оно сейчас для горстки сохранивших верность. Увы! На полных лжи кораблях прибыли люди — и вскоре началась война. Долгая и страшная война, в ходе которой Земля не раз чуть ли не падала под клювом Урии. Но никто не выиграл ее. Проиграли лишь князья Урии. Из усталости и истощения родился кретинский мир. Люди и уриане в знак доброй воли согласились на вза-

имные уступки на своих планетах. И тут оказалось, что уриане не могут жить на Земле, тогда как люди на Урии чувствуют себя превосходно, и вскоре те, кто были заложниками, сделались владыками. Потомство их было многочисленнее, чем потомство уриан. А кроме того, они оказались способны с невероятной изобретательностью использовать свои тяжеловесные умы для решения вопросов, недостойных князей Урии, предающихся высочайшим медитациям. Вот таким образом князья Урии проиграли войну, которую не выиграли земляне, и в которой уриане не потерпели поражения. Измена, измена, коварная измена искусом мира; и произошло наихудшее. Общество Урии, расшатанное войной, а потом — унижительным контактом с людьми, отвернулось от культа голубого яйца. Распространились мифы о всеобщем равенстве. Уриане утратили свою душу. Они жили, уступая шаг за шагом свою землю — без всякого сопротивления.

Минули века и тысячелетия. Но чистейший пух Урии — надо было сказать, весь цвет, чтобы ты понял меня — не забыт. Грядет время, и будет сброшено ярмо. Мы знаем, что в Совете Галактики одни дегенераты — они не станут интересоваться нами еще век-два. А этого времени больше, чем надо, чтобы возродить флот и вернуться на путь доблести. Но перед тем мы еще должны воцариться на этой планете, нашей планете, и изгнать с нее людей.

Он замолчал ненадолго, упершись разрезанными вертикальным зрачком глазами с двойным веком в Корсона, который даже не вздрогнул.

— Вот в какое время ты приступаешь к действию. Мы забыли, как ведутся войны. Мы не забыли теорию, поскольку каждый среди нас способен манипулировать умственными спекуляциями, но мы утратили практические навыки. Мы обладаем изумительным оружием, которое самые мудрые из князей Урии укрыли в недрах планеты шесть тысяч лет назад. Но нам необходим крохотный зверек, который благодаря своему хитрому и разностороннему разуму сможет подсказать нам, когда ударить и где ударить. Нам нужен ты. Не в этом дело. И в ночной глубине моих созерцаний я постановил: использовать против людей наилучшее оружие — человека.

— Не возражай, человек Корсон. На нашей стороне твои интересы. Ты осужден, изгнан своими. Среди них ты не найдешь себе пристанища. В то время, как трудясь во славу голубого яйца Урии, ты будешь свободен, как подлинный, вылупившийся из яйца урианин. Ты будешь повелевать невольниками-людьми. Но если ты намерен воспротивиться нам, человек Корсон, то не будет на то твоей воли. Мы — специалисты в запретных науках и ничего не забыли из тех опытов, которые проводились шесть тысяч лет назад над некоторым из вас. Но, боюсь, тогда бы ты перестал быть самим собой.

К тому же, ты незаменим, человек Корсон. В наше время идет активная торговля военными. На многих планетах живут существа, жаждущие свержения тирании Правительства, и за высокую цену покупающие наемников. А те, как правило, мыслят только о мести. Ненависть к своему племени обостряет их талант. Надеюсь, человек Корсон, что те, кто поставил нам тебя, не ошиблись, оценивая твой дар. Ты на пути, который ведет только в одном направлении: работать на нас.

— Понятно,— сказал Корсон. Уриане считались болтливыми существами, и этот не представлял исключения. Но Корсон не получил единственную информацию, которая ему требовалась: дату. Вернулся ли он до или после своего первого визита на Урию? Существовала ли эта новая опасность одновременно с двумя другими: с Бестией выпущенной в джунгли, и с безумными завоевательскими планами Верана? Не было ли это уж слишком нарочитым стечением обстоятельств? Или уже существовал принцип равновесия, согласно с которым катастрофу можно было оттянуть, но избежать было невозможно?

И это имя, «Нгал Р'нда — один из моих лучших друзей». Флора Ван Вейль упоминала о нем. Тогда он не придал этому значения. Но имя это запомнил. Крепко запомнил.

Он решил не спрашивать о дате. Он так и не знал года своего первого появления. Однако точка отсчета у него была.

— Последнее время на Урии не замечали дикого гиппрона?

— Ты задаешь странные вопросы, человек Корсон. Но это не представляется мне опасным. Ни один дикий гиппрон не был замечен на этой планете вот уже много веков, если не тысячелетий.

«Две возможности. Сегодняшняя сцена разыгрывается до моего падения на Урию или вскоре, после того... как Бестия, спрятавшись под землей, выращивает свои восемнадцать тысяч потомков. В этом втором случае период неуверенности определяется примерно в шесть месяцев».

— О-кей,— сказал Корсон, прибегнув в архаической форме,— ты меня убедил. Я — с вами. Есть у вас какая-нибудь армия?

— Армия — малоизящный способ ведения войны.

— Каковы же другие способы?

— Шантаж, убийства, пропаганда.

— Действительно, сплошное изыщество,— заметил Корсон.— Но армия вам необходима.

— У нас есть оружие,— сказал урианин,— не требующее обслуживания. Отсюда, мы можем стереть с лица земли любой город планеты, любой объект, любого человека. Тебя тоже, сам должен понять.

— В таком случае, для чего же я вам нужен?

— Ты должен объяснить нам, на какие объекты следует нацеливаться, как производить вторжение. Твои рекомендации, прежде чем они будут приняты, старательно проанализируют. В твои обязанности будут входить переговоры с людьми. Когда дело дойдет до этого, они будут тебя слишком ненавидеть, чтобы тебе захотелось изменить нам.

— Каковы условия капитуляции?

— Для начала должны быть уничтожены девять десятых их женщин. Плодовитость людей не должна превышать определенных границ. Уничтожение мужчин не дало бы этого. Один мужчина может оплодотворить много самок. Но самки являются слабым пунктом вашего племени.

— Так легко они на это не пойдут,— сказал Корсон.— Они будут сражаться как черти. Если на него как следует надавить, род людской делается невероятно твердым.

— У них не останется выбора,— сказал урианнин.

Корсон скривился:

— Я устал и проголодался,— заявил он.— Вы намерены начать войну немедленно или у нас есть немного времени передохнуть? Подкрепиться? И подумать?

— У нас есть время,— ответил урианнин.

Он подал знак, стражники опустили оружие и подошли к Корсону.

— Уведите нашего друга,— распорядился старый урианнин,— и обходитесь с ним как следует. Он стоит больше, чем слиток элемента 164 равного ему веса*.

24.

Урианнин из низкой касты, с редким гребнем, осторожно разбудил Корсона.

— Ты должен подготовиться к церемонии, человек Корсон,— сказал он. Он отвел его в ванную, которая не была приспособлена для нужд людей. У воды был отвратительный запах хлора, и Корсон пользовался ею очень осторожно. Все же ему удалось умыться и побриться. Вслед за тем, урианнин помог ему облачиться в золотую туннику, похожую на ту, которую он носил сам. И хотя она, вне сомнения, была заранее приготовлена для Корсона, рукава оказались коротковатыми, а подол слишком длинным. Скорее всего, портной не имел особых понятий об анатомии человека.

После этого урианнин сопровождал Корсона в столовую, где тот подкрепился. Метаболизм людей и уриан отличался настолько, что пища одних являлась ядом для других, и Кор-

* Элемент 164 — до сих пор неизвестный, не встречавшийся в природе элемент, получить который можно только искусственно. Ясно, что он невообразимо дорог. (Прим. переводчика для тех, кто подзабыл физику).

сон весьма подозрительно отнесся к тому, что ему подали. Но исполинская птица успокоила его. Корсон спросил его о церемонии, и урианин ответил торжественным тоном:

— Это созерцание яйца, человек Корсон.

— Какого яйца?— спросил Корсон с полным ртом.

Ему показалось, что урианину стало дурно. Из его клюва раздались повизгивания, которые Корсон расценил или как проклятия, или как ритуальные фразы.

— Достойное Величайшего Почтения Голубое Яйцо Князя,— сказал наконец-то урианин, словно его горло было забито заглавными буквами.

— Ясно,— произнес Корсон.

— Еще ни один человек никогда не участвовал в созерцании Яйца. Это необычайное счастье для тебя, великая честь, какую оказывает тебе Князь Р'нда.

Корсон кивнул:

— Я в этом не сомневаюсь.

— А теперь нам пора идти,— сказал урианин.

Они оказались в обширном, лишенном отверстий, эллиптическом зале. С тех пор, как Корсон оказался в руках уриан, он не заметил ни одного окна, ни одного, ведущего наружу отверстия. Наверное, тайная база располагалась глубоко под землей.

Около сотни уриан теснилось в зале, сохраняя полную торжественную тишину. Толпа расступилась перед Корсоном и его сопровождающим, благодаря чему они оказались в первом ряду. Участвующие в церемонии носили туники разного цвета и группировались соответственно им. Корсон и урианин низкой касты оказались единственными в желтых туниках, кто находился в первых рядах, одинаково наряженных в отливающие голубым, фиолетовые одеяния уриан. Корсон услышал попискивание вокруг себя и без труда разобрался, что его высокопоставленные соседи демонстрируют свое недовольство его присутствием. Он повернул голову и посмотрел в глубь зала. За фиолетовым в торжественных позах ожидали красные, за их рядами — апельсиновые. В самом конце, склонив головы, располагались уриане в желтых туниках.

Перед ним, почти в центре эллипса, образованного стенами зала, располагался металлический блок, Стол, сейф или алтарь. По его спине прошла дрожь.

«Надеюсь, я не буду возложен на этот жертвенник,— подумал он полушутливо.— Я предпочел бы не исполнять роль молодой девицы в исторической повести».

Из того, что он знал, ему не приходилось опасаться чего-нибудь в таком духе. Уриане не знали понятия «божество». Они только символически оказывали уважение предкам. Их метафизика (если здесь можно применить это слово) была направлена исключительно на понятие семьи. Семья счита-

лась понятием бессмертным, а отдельные ее представители являлись лишь временными проявлениями.

Потемнело. В стене, у фокуса эллипса, за металлическим блоком, появилось отверстие и постепенно расширилось. Наступила тишина. В зал ступил Р'нда. Он был наряжен в невероятную тогу, полы которой волочились по земле. Он занял место за металлическим предметом, повернувшись лицом к собравшимся, вознес свои лишенные плеч руки над головой и выпалил несколько слов на древнеурианском языке.

Толпа ответила ему несколько более высоким тоном.

«И все-таки до чего они нас напоминают,— подумал Корсон,— несмотря на разницу происхождения. Или это случайность? Или же разум всегда идет примерно одними и теми же путями?»

Нгал Р'нда нацелил свои желтые глаза на Корсона.

— Смотри, человек Земли, смотри на то, чего не видел ни один человек до тебя,— произнес он свистящим голосом.

Металлический ящик распахнулся, и из него медленно выдвинулась узорчатая колонна, на которой поддерживаемое тремя золотыми захватами покоилось огромное голубое яйцо.

Корсон чуть было не рассмеялся. Это было голубое яйцо, из которого появился Нгал Р'нда. Вскоре, после того как он вылутился, осколки яйца бережно собрали и старательно склеили. С того места, где он находился, Корсон ясно видел соединительные швы, уподобляющие яйцо отполированному черепу. Нгал Р'нда намеревался напомнить своим верноподанным о собственном происхождении; демонстрируя им голубое яйцо, он напоминал о славной истории Урии, о древних родах влиятельных князей. Без яйца Нгал Р'нда, несмотря на все свои таланты, был бы ничем. Яйцо было неподдельным символом, доказательством его принадлежности к легендарному дому.

Корсон невольно заинтересовался яйцом. Научная часть его мозга подбирала крохи исторических воспоминаний. До Первой Объединенной Цивилизации на Старой Земле семьи играли ту же роль, что до сих пор исполняли они в общественной жизни Урии. Тогда происхождение из влиятельной семьи окупалось. Внезапное уничтожение Первой Соединенной Цивилизации, вызванное гражданской войной, и углубленное потом рассеяние среди звезд беглецов с Земли, которая стала временно непригодной к обитанию, не увеличило значение семей. Социологи во времена первой жизни Корсона утверждали, что человечество переступило некий необратимый технологический этап. Но почему уриане, достигнувшие такого технологического уровня, не вышли из стадии общества, основанного на семейственности? Это был парадокс с исторической точки зрения.

«Решение,— подумал Корсон,— находится прямо перед

глазами. Уриане, по крайней мере из высоких каст, практиковали чуть ли ни от начала своей истории безжалостную политику генетической селекции. Они обнаружили, что цвет яйца имеет какую-то связь с чертами личности урианина, который должен из него вылупиться. И, вне сомнения, было намного легче, из гуманных соображений, не высиживать или просто разбить яйцо, чем уничтожить маленькое, нежное, попискивающее существо. Однако люди и уриане были слишком различны».

— Посмотри, человек с Земли,— повторил урианин,— когда я умру, это яйцо будет обращено в пыль, как уничтожались яйца моих предков, и прах его будет смешан с моим прахом. Смотри на яйцо, из которого я вышел, которое впервые разбил своим клювом. Яйцо, которое оберегало последнего из князей Урии.

В глубине зала началась суматоха. Нгал Р'нда подал знак, яйцо исчезло в сейфе. Какой-то урианин в желтой тунике с трудом расчищал себе путь сквозь толпу. Он обогнул Корсона и, подобострастно повизгивая, склонился перед Нгал Р'нда.

Князь выслушал его, потом повернулся к Корсону и произнес на пангале:

— Минуту назад отряд вооруженных людей занял позицию в пятидесяти километрах отсюда. Их сопровождают Бестии, гиппроны. Они приступили к разбивке военного лагеря. Измена?

«Веран»,— подумал Корсон.— Вам нужна была армия, князь Урии,— сказал он.— Она прибыла.

25.

Они шли по лесу.

Ему было странно при мысли, что минуту спустя они с Антонеллой попадут в плен к Верану.

Круг замыкался. Там, внизу, он переживал свою жизнь впервые, еще не зная этого. А здесь, он уже знал продолжение. Тревога, лагерь, бегство под предводительством замаскированного незнакомца, прыжок сквозь пространство и время, ненужная высадка на планете-мавзолее, метание по закуткам Вселенной. Аэргистал, войны, аэростат, катастрофа, обратная сторона неба, слова бога и снова Урия. Там же и тогда же.

Здесь он вошел, здесь он снова входит в лабиринт, бегущий сквозь Вселенную и накладывающийся сам на себя с такой точностью, что он, Корсон, отделен сейчас от своего прошлого всего лишь толщиной стены.

Лабиринт раскинулся перед ним, столь же таинственный, как и в прошедшем. Но поскольку он знал, что случится со вторым Корсоном, с Корсоном из прошлого, часть лабиринта, которую он уже преодолел, начала приобретать смысл.

Во время первого существования Корсона, он не знал о третьей опасности, угрожающей Урии, и не знал, как справиться с двумя остальными. Теперь ему пришло кое-что в голову на эту тему. Будущее откроет ему остальное, в этом он не сомневался.

Он был почти уверен. Тот человек из мглы, тот рыцарь в полной тьмы маске, о котором Антонелла сказала, что он кого-то ей напоминает, это был он сам. Значит, каким-то будущим он располагал. Еще однажды, и еще однажды, и, может быть, даже еще бесконечное число раз лабиринт наложится сам на себя. И он, по мере этих поворотов, будет самого себя настигать, пока не настигнет. А этот Корсон из будущего уже будет знать новый участок лабиринта и, возможно, сможет понять его форму и цель, и внесет тогда в свою жизнь необходимые поправки.

Он вспомнил слова бога. В отдаленном будущем они контролировали свою судьбу, их существование не было обычной нитью, протянувшейся от рождения к смерти, но сразу всей тканью, или даже большим — многомерной основой, формирующей пространство. «Боги,— подумал он,— создавая Вселенную, создают самих себя».

Он уже знал, что в своем будущем найдет Антонеллу, ведь она помнила, что они встречались. И вновь потеряет, поскольку она любила и жалела его, там, на улицах Диото, откуда она его забрала. Он подумал, что и он, в свою очередь, любил ее и жалел, и что, может быть, две переплетшихся ниточки их жизней наконец-то свяжутся. Возможность этого была еще скрыта в складках времени. Эти два момента,— решил он,— были стабильны и известны ему заранее. Момент, когда он придет выручать самого себя, и минута, когда он встретится с Антонеллой. Ему захотелось, чтобы они укладывались на кривую, которая некогда во времени станет для них общей.

Но временами ему придется это будущее создавать. Поскольку оба этих момента зависели от его действий. Он должен хорошо выполнить свое задание.

Задание, но кем поставленное? Может быть, еще одним Корсоном, еще более далеким от теперешнего, который решил развеять сгустившиеся над Урией тени. Мог ли он найти лучшего для себя помощника, чем самого себя? Чтобы жил человек завтрашний, вчерашние загадки должен распутывать человек из прошлого, который об этом будущем ничего не знает.

Он вдруг вспомнил разговор с Нгал Р'нда, длящийся, казалось бы, издавна, хотя от начала его прошло всего несколько часов. Князь Урии заявил, что он нисколько не нуждается в Веране. Он не доверял людям и презирал их достаточно сильно, чтобы прислушиваться к их советам лишь в том случае, если они были им куплены. С его точки зрения одного оружия было достаточно; он показал его: шары из серова-

того металла, способные вызывать молнии на другом полушарии планеты, стеклянные орудия, тонкие как иглы, но способные пробивать горы, изображения, которые, будучи спроецированы на небе, могут лишать памяти целую армию. Он утверждал свистящим голосом, что войну шеститысячелетней давности князя Урии проиграли не из-за слабости, но потому, что измена закралась в их ряды. Корсон почти поверил ему. Наверно, и земляне решили, что с них достаточно бесконечных избиений и страшных жертв. Может быть, партия кончилась вничью. Но, благодаря этому, теперешний результат делался еще более определенным. Люди на Урии и те огромные птицы, которые останутся на стороне мира, не продержатся и одного дня.

Корсон сказал:

— Армия вам необходима.

Перед его глазами упорно вставал образ миллионов убитых женщин, миллионов плененных мужчин, потом принял во внимание необходимость оккупации, восстановления порядка и повторил с нажимом:

— Армия необходима.

Еще он добавил:

— Утром космос будет ваш. Потребуется флот, специалисты. Сколько их вы можете мобилизовать?

Урианин был погружен в размышления. И Корсон перехватил инициативу:

— Сколько у вас сторонников?

Урианин ответил с поразительной искренностью, уставив на него плоские, желтые, усеянные ярко-голубыми звездочками глаза:

— Пятьсот, может быть, тысяча. Но уриане, опозоренные пребыванием в людских лагерях, в Диото, Сифаре, Нулкре, Ридене, поднимутся рядом со мной под знаменем Голубого Яйца.

— Возможно. Сколько их?

— Около тридцати миллионов.

— Так мало!

Он прикусил губу.

Во время древней войны миллиарды уриан угрожали Солнечной Державе. Несомненно, многие из них эмигрировали на другие планеты в рамках галактического мира. И все же Корсон додумался до кое-чего другого. Это была история расы, обреченной наступившим покоем, поскольку война и сражения слишком глубоко вписаны ей в гены. Сейчас перед ним были мерзость и разложение, очищенные длительным вырождением.

Существовали люди, обязанные своей неконтролируемой агрессивностью происхождению. У них было на один ген больше. Находясь в полной физиологической норме, в какой-то мере они были чудовищами. Общество, раньше по крайней

мере, избавлялось от них или изолировало, давая возможность избежать неизбежного. Возможно ли, чтобы по такой же причине монстрами становились целые народы?.. Поведение людей не очень-то отличалось от такого. Зато они обладали тем шансом, что их психологическое строение позволяло им жить в мире. Очень не значительным шансом.

Корсона поразила мысль: у уриан нет будущего.

Это значило и кое-что другое. Нет будущего у войны.

И тем не менее он должен вести ее.

Он сказал:

— Армия необходима. Оккупация, потом космос. Веран — наемник. Пообещайте ему битвы и власть в империи. И еще одно. Я говорил о диком гиппроне. Вскоре на этой планете тысячи их станут угрозой на своей собственной планете. Заройтесь в архивы, расспросите специалистов. Гиппроны могут стать основным нашим оружием. Достаточно того, что они могут делать скачки во времени. А вот Веран может их выследить и уничтожить. Он располагает дрессированными гиппронами. Заключите с ним перемирие. Потом вы успеете его уничтожить. Или же вы перепугались старого вояки и нескольких сотен его солдат?

Урианин прищурил свои двойные веки.

— Договариваться с ними пойдешь ты, Корсон. Тебя будут сопровождать двое уриан. Если ты вздумаешь обмануть меня, ты умрешь.

Корсон знал, что он выиграл. Малую партию.

26.

Они шли сквозь лес, и омертвевшие обломки деревьев, ничем не напоминающие земные, потрескивали под ногами Корсона. Уриане двигались бесшумно. Слишком нежное сложение. От своих крылатых предков они унаследовали пустые кости. Он мог бы избавиться от них двумя ударами, уже слышал их хрип, но в своих клешнях они сжимали нацеленное на него смертоносное оружие. А кроме того, пока они были еще нужны.

Его первая ночь на планете. Тьма была столь же непроницаемой. И он также прислушивался к звукам леса, пытаясь определить, где притаилась Бестия. Сейчас ему предстояло иметь дело с новой Бестией. В человеческом обличе. С Вераном.

Они оставили аппарат позади, подальше от лагеря, рассчитывая, что в суматохе, вызванной атакой, а точнее — его собственным бегством, их приближение будет замечено. Он посмотрел на часы. В эту минуту они пробирались по лагерю под руководством незнакомца, которым был он сам. Приближаются к гиппронам. Незнакомец с лицом из мрака, ко-

торое было его, Корсона, лицом, помогает Корсону и Антонелле пристегнуть ремни, садится на другое животное. Все трое и оба гиппрона исчезают в небе и во времени.

Вот в эту минуту. Сейчас.

Его первая ночь на планете. Сейчас он также не отваживался зажечь свет. Но на глазах были прикреплены контактные линзы, позволяющие видеть в инфракрасном диапазоне.

Земля, за исключением редких пятен, казалась черной, такой же черной, как небо, лишенное сегодня звезд. Стволы розовели. Места с поврежденной корой, участки сравнительно более интенсивного энергетического обмена, казались апельсиновыми. На земле то тут, то там какой-то камень отдавал накопленное за день тепло и слабо светился. Он заметил крохотно светящееся пятнышко, украдкой крадущееся сквозь заросли. Напуганная зверушка.

Он почувствовал запах горелой травы и расплавленного песка. Лагерь был рядом.

Неужели сейчас наступит этот исторический момент? — поразился он. Столько событий на этой планете зависело от него. Согласится ли Веран? Что будет, если люди Верана начнут стрелять, если его убьют?

Представление не дойдет до конца. Бестии так и останутся на свободе. Бестии — люди и прочие.

Начнется война. Может быть — две. Между аборигенами Урии и людьми. Между Урией и Советом Галактики или Службой Безопасности, неважно, как это называется, какая-нибудь такая организация наверняка существует. Что-то надломится. Трещина пройдет через века, и будущее содрогнется. В этом он был уверен. Иных причин для его присутствия здесь не существовало. Его отправили для заделки трещины, не объяснив, ни как, ни для чего...

Историческое мгновение. Дата и место, в которой пересекаются многие линии времени, где он повстречал сам себя, не зная о том, и где сейчас по собственной воле сам с собой разошелся. Исторический момент! Словно кто-то будет об этом помнить! Словно вся история складывается из битв, подписанных и нарушенных перемирий и договоров. В то время, как она была их прямой противоположностью. В настоящем спокойствии леса он понял, что то, что заслуживало именоваться историей, было противостоянием войне. История напоминала ткань. Война служила разрушителем; войны — тупыми ножницами, разрывающими ткань истории, которая всегда или по крайней мере до этой поры, сопротивлялась с биологическим упорством, — подумал он с неожиданным потрясением, какого не вызвало бы даже столкновение с часовыми Верана. Он, Корсон, ощутил себя наследником, ощутил свое единство с миллиардами, миллиардами людей, родившихся и умерших в прошлом, которые собственными

жизнями и своими телами соткали исполинскую сеть истории. Он ощутил свою ответственность, свою солидарность с миллиардами и миллиардами людей и других еще не успевших родиться существ. Он попробует дать им такую возможность, он предложит ответ тем, кто был уже мертвым.

Этот возможный конфликт даже нельзя назвать серьезной войной. И однако, ни одна война никогда не была более важной. Битва, в которой миллионы обрушиваются друг на друга, или же то сражение, что случилось здесь шесть тысяч лет назад, они имели значение не больше, чем первая драка между двумя питекантропами, вооруженными необработанными камнями. Все здесь зависело от точки зрения.

Деревья перед ними поредели. Замыгали огоньки. Тонкая пурпурная линия, о которой Корсон знал, что она смертельно опасная, разделяла ночь прерывающейся на стволах чертой. Корсон дал знак. Уриане молча застыли. Он едва мог слышать их короткое, легкое дыхание. Они договорились, что дальше он пойдет один и один будет разговаривать с Вераном. И так до заключения первого договора. Но на шею ему прицепили передатчик. Он не сомневался, что Нгал Р'нда сейчас слушает его.

Прерывистая линия исчезла. Корсон заколебался.

Из лагеря раздался спокойный голос:

— Корсон, я знаю, что ты там.

Голос Верана. Он направился в сторону закопченного диска какого-то рефлектора. Несмотря на сознание того, что в спину и в грудь ему направлено оружие, он старался казаться беспечным.

— Значит, вернулся. И даже нашел время сменить одежду.

Его голос звучал скорее с иронией, чем со злостью. Веран умел владеть собой.

— А дамочку спрятал в надежном месте.

— Вот именно,— беззаботно ответил Корсон.

— Я отлично знал, что ты вернешься. Достаточно было небольшого патруля, отправленного в будущее. Так же просто, как я знал, где тебя искать в первый раз. Ты же сам указал мне это место. Полагаю, у тебя есть серьезные основания предлагать мне разбить здесь лагерь после бойни на Аэргистале, полагаю, что ты мне хочешь кое-что сказать. Подойди-ка немного, я не собираюсь держать мою линию защиты отключенной все время.

Корсон подошел еще ближе. За ним засветилась пурпурная линия. Он почувствовал в костях характерную вибрацию.

— Ну, так что ты намерен мне предложить, Корсон?

— Перемирие,— сказал Корсон.— Перемирие, в котором вы так нуждаетесь.

Веран даже не моргнул. Его серые глаза так же поблескивали в уверенном свете прожекторов. Он напоминал грубо

вытесанное изваяние. И его люди были похожи на него. Двое из них стояли за Вераном, неподвижные, грузные, но с быстрыми тренированными пальцами на спуске небольших пистолетов с заостренным стволом и без видимого отверстия. Их можно было принять за игрушки. Шестеро других стояли вытянутым полукругом, в центре которого находился Корсон. Они располагались на соответственном расстоянии, чтобы он не смог добраться ни до одного из них после отчаянного прыжка, чтобы всегда оставались время и место для выстрела. Это были профессионалы, и в какой-то мере это его успокоило. С их стороны ему не грозило, что они примутся стрелять под влиянием каких-либо неожиданных побуждений, прежде, чем раздастся приказ, или же ситуация станет в самом деле опасной для них.

Только Веран был невооружен. Рук его не было видно за спиной, где он, скорее всего, скрестил их. Поза, свойственная полковникам. В иные времена, в иной жизни Корсону часто приходилось иметь дело с полковниками.

Верана нелегко будет убедить.

— Я могу убить тебя,— сказал Веран.— Я этого еще не сделал, потому что ты прислал мне то сообщение и избавил от того чертова капкана на ногах. Жду объяснений, Корсон.

— Разумеется,— согласился тот.

— Это было сообщение от тебя или от кого-то другого?

— А от кого оно могло бы быть?— поинтересовался Корсон спокойным голосом.

Сообщение, подписанное им, но он не помнил, чтобы высылал его. Он даже не смог бы адресовать его Верану. А в нем, вне сомнения, назначалась встреча именно в это время и в этом месте. И способ покинуть Аэргистал именно тогда, когда положение становилось для Верана безнадежным. Сообщение, которое он вышлет позже. Это сообщение может стать частью плана, который начал у него складываться. Это значило, что в будущем существовала более солидная, более полная версия. Версия, которую, быть может, он разработал сам, когда узнал больше. из того, с чем ему еще только предстоит ознакомиться. Но если бы что-то пошло не так, если бы Веран не согласился на перемирие, смог бы он тогда выслать ему сообщение? Поскольку он знал, что сообщение было, что без него Веран не смог бы оказаться на Урни, ему придется его выслать. Но когда ему пришло в голову то, что должно прийти ему в голову? Сейчас или позже? Выслал бы он его, не зная, что Веран его получит? Трудно было разработать стратегию и тактику, или хотя бы теорию войны во времени. Здесь в первую очередь требовались практические навыки.

— Ты слишком долго думаешь над ответом,— заявил Веран.— Не люблю этого.

— Мне предстоит тебе много сказать. Это место не самое идеальное.

Веран дал знак.

— У него нет при себе ни оружия, ни бомбы,— сказал один из мужчин.— Только передатчик на шее. Один звук, без изображения.

— Ладно,— сказал Веран,— пошли.

27.

— У каждого человека есть какая-то цель,— заявил Веран,— даже если он сам об этом не знает. То, чего я не понимаю, так это твоих побудительных мотивов. Механизмом действия одних служит честолюбие, как в моем случае, к примеру, другие предпринимают что-то из страха, третьи, в определенные эпохи, находят стимул в деньгах. Ну, хорошо ли у них получается, или плохо, но действия их как выстрелы направлены в эту цель. Твоя же цель, Корсон, мне не ясна. А это мне не нравится. Я не люблю иметь дел с кем-то, чья цель мне не ясна.

— Скажем, мной руководит амбиция. И я действую со страха. С помощью этих уриан я желаю сделаться кем-то важным. И — боюсь. Я — человек вне закона, военный преступник, как и вы, Веран.

— Полковник Веран,— поправил его Веран.

— Как вы, полковник! Мне вовсе не улыбается вернуться на Аэргистал, вновь испытать на себе бесконечную и бессмысленную войну. Разве это не разумно?

— Ты знаешь,— произнес неторопливо Веран, тщательно выговаривая каждое слово,— что войны на Аэргистале бессмысленны? Что там невозможно никого победить?

— Так мне кажется.

— Твое объяснение слишком логично. Когда враг хочет, чтобы я поверил, что он собирается сделать какой-то маневр, он старается иметь серьезные, основательные причины, чтобы якобы его сделать. Он обеспечивает себе возвращение и делает что-то другое. Тут он попадает в ловушку.

— Вам хочется, чтобы я начал плакаться. Ах, я несчастный, заблудившийся в пространстве и времени бедняжка, извлеченный с Аэргистала торговцем невольниками и проданный банде пернатых фанатиков.

— Это сообщение,— напомнил Веран.

Корсон оперся руками о стол и попытался расслабить мышцы.

— Ты утверждаешь, что отправил его с помощью уриан, но я его потерял. Ты не можешь напомнить мне его текст?

— Назначил вам здесь встречу, полковник. Объяснил, как покинуть Аэргистал. Говорил...

— Точный текст, Корсон!

Корсон разглядывал свои руки. Ему показалось, что кровь

отлила от пальцев, что ногти сделались снежно-белыми.

— Забыл, полковник.

— Я склонен предположить, что ты его не знаешь,— заметил Веран добродушно.— Мне кажется, что ты еще не выслал его. Если бы ты работал на кого-либо, кто выслал тот текст от твоего имени, ты знал бы текст. Это сообщение принадлежит твоему будущему: а я не знаю, могу ли я этому будущему доверять.

— Примем вашу гипотезу. Значит, я окажу вам огромную услугу впоследствии.

— Ты понимаешь, что это значит?

Наступила тишина. Потом Веран, разглядывая Корсона, нервно сказал:

— Я не могу убить тебя, по крайней мере, пока ты не выйдешь этого сообщения. Меня не огорчает та мысль, что я не могу убить тебя. Я не убиваю ради удовольствия. Но вот то, что я не могу тебя запугать...

— ... это я не люблю. Я не люблю работать с людьми, которых я не понимаю и которых не могу держать в руках.

— Пат,— произнес Корсон.

— Пат?

— Слово, связанное с игрой в шахматы. Оно обозначает ничейное положение.

— Я не игрок. Я слишком люблю выигрывать.

— Это не вероятностная игра, это скорее что-то вроде стратегической тренировки.

— Вроде Крейгспиля? С фактором времени как неизвестной?

— Нет,— возразил Корсон.— Без времени.

Веран коротко рассмеялся.

— Слишком просто. Меня бы это не развлекло.

«Время,— подумал Корсон,— и хорошо организованная механика. Я защищен сообщением, которое, скорее всего, вышло сам, содержания которого я еще в точности не знаю, и о существовании которого еще час назад ничего не знал. Я иду по своим собственным следам, но не знаю, как избежать ловушек».

— А что произойдет, если я буду убит, если не пришло этого сообщения?

— Тебя заботит философский аспект проблемы. А я понятия не имею. Может, кто-то другой пришлет это сообщение. Или — сообщение с другим содержанием. Или я никогда не получу, останусь там и позволю изрубить себя в клочья.

Он широко улыбнулся, и Корсон заметил, что у него совсем нет зубов, лишь заостренная полоска белого металла.

— Может быть, я уже сейчас взят в плен или того хуже.

— На Аэргистале мертвым надолго не останешься.

— И ты это знаешь.

— Я же вам сказал, что был там.

— Худшее, что может произойти,— сказал Веран,— это не оказаться убитым, это — проиграть сражение.

— Но вы уже здесь.

— Вот меня и волнует, как здесь остаться. Когда я жонглирую вероятностями, самым главным становится современность. Рано или поздно, но всегда так оказывается. Теперь же у меня появились совершенно новые возможности. И я не прочь ими воспользоваться.

— И все же убить меня вы не можете,— заметил Корсон.

— А жаль,— усмехнулся Веран.— Не ради самого факта. Из принципа.

— Вы даже не можете задержать меня. В выбранный мной момент мне придется уйти, чтобы выслать это сообщение.

— Я прогуляюсь с тобой,— пообещал Веран.

Корсон почувствовал, что его уверенность слабеет.

— Тогда я не стану высылать это сообщение.

— Заставим.

Корсону пришла на ум идея, подводящая итог проблеме. Он знал, что нашел трещину в системе Верана.

— Почему бы вам не выслать ее самому?

Веран покачал головой.

— Корсон, не стоит со мной шутить. Аэргистал находится на другом конце Вселенной. Я даже не знал бы, в какую сторону надо направиться. Без сообщения тобой сведений я никогда не отыскал бы дороги на эту планету.

Даже не миллиард лет. А кроме того, существует теория информации...

— Какая теория?

— Передатчик не может принимать себя сам,— принялся терпеливо объяснять Веран.— Я не могу дать знак сам себе. Это породило бы серию осцилляций во времени, что завершилось бы их концентрацией и устранением помех. Расстояние между точкой послышки и точкой получения исчезло бы, и исчезло бы все, что находилось в этом интервале. По этой причине я и не показал тебе текст сообщения. Я его не потерял, оно у меня здесь, под локтем. Но я не хочу уменьшать твоих шансов на его посылку.

— Вселенная не выносит парадоксов,— изрек Корсон.

— Это слишком антропоморфическая точка зрения. Вселенная все вынесет. Даже математика доказывает, что всегда возможно создание систем, в корне противоречивых, взаимоисключающих — вне зависимости от их значимости.

— Я всегда считал математику единой,— тихо заметил Корсон.— С точки зрения логики, гипотеза однородности...

— Корсон, ты меня поражаешь. Как своей безграмотностью, так и знаниями. Гипотеза однородности была разработана три тысячи лет назад по локальному времени. К тому же

она не имеет ничего общего с этим делом. Истинно лишь то, что теория, основанная на бесконечном числе факторов, всегда содержит в себе противоречия. Тогда она уничтожается, исчезает, обращается в небытие. На бумаге.

«Вот поэтому,— подумал Корсон, обратившись к своему прошлому,— я двигаюсь наощупь по тропе времен. Мой дубль из будущего не может сообщить, что я должен делать. Но все-таки какие-то щели появляются, крохи информации до меня доходят и я могу пытаться сориентироваться на их основании. Должен существовать какой-то физический порог, ниже которого помехи не имеют значения. Если попытаться вырвать у него этот листок, в будущем...»

— На твоём месте я этого не стал бы делать,— сказал Веран, словно мог читать в его мыслях.— Я тоже не особенно верю в теорию непрогрессирующей информации, но никогда не отважился попробовать.

«Однако в далёком будущем, там боги не колеблются,— подумал Корсон.— Они развлекаются вероятностями. Они подняли порог до уровня Вселенной. А в таком случае барьеры рушатся, Вселенная раскрывается, освобождается, развивается. Окончательность, то, что написано, смазывается. Человек перестаёт быть узником туннеля, соединяющего его рождение со смертью».

— Перестань грезить, Корсон,— попросил Веран.— Ты сказал, что эти птахи располагают оружием, которое может мне пригодиться. К тому же ты мне сказал, что без помощи уриан я никогда не локализирую местонахождение на этой планете дикого гиппрона. И что она, взамен, нуждается во мне, в человеке, имеющем опыт войны, способного выигрывать сражения, способного обезвредить этого гиппрона, прежде чем тот успеет размножиться, и, скорее всего, вызовет тем вмешательство Совета Безопасности, что приведет к нейтрализации их самых. Все так точно одно с одним сочетается?

Он выбросил вперед руки так стремительно, что Корсон не успел ни перехватить, ни уклониться. Пальцы наемника стиснули его шею. Но Веран не пытался задушить его. Он сорвал с его шеи подвешенный на цепочке передатчик, размером не больше, чем амулет. Быстро спрятал его в небольшую черную коробочку, оказавшуюся у него под рукой. Корсон схватил его за руку, но Веран резким движением высвободился.

— Теперь мы можем поговорить по душам. Нас никто не услышит.

— Тишина их встревожит,— сказал Корсон растерянно, но одновременно почувствовал что-то вроде облегчения.

— Ты недооцениваешь меня, приятель,— холодно произнес Веран.— Они и дальше будут слушать наши голоса. Как мы рассуждаем о ведении войны и о пользе перемирий. Наши голоса, ритмика беседы, длительность перерывов, да-

же шум нашего дыхания был проанализирован. Как ты думаешь, почему мы беседуем так долго? В это мгновение машинка выдает им болтовню, может быть, немного скучноватую, но вполне соответствующую их ожиданиям. И теперь мне не остается ничего другого, как прибегнуть еще к одной мере предосторожности. Я украшу твою шею новой безделкой.

Он не подавал никакого знака, но Корсон почувствовал, как сильные руки впиваются в него. Пальцы, которых он не мог видеть, заставили его задрать голову. На мгновение ему показалось, что сейчас перережут горло. Ради чего им надо теперь убивать его? И почему таким кровавым, чудовищным, омерзительным способом? Может быть, Веран любит купаться в крови своих жертв?

«А как же сообщение?— думал Корсон, ощущая холод металла на горле.— Он же сам сказал, что не может убить меня».

Шелкнул крохотный замочек. Корсон поднял руки к шее. Ошейник оказался большим, но легким.

— Надеюсь, он тебе не мешает,— сказал Веран.— Привыкнешь. Тебе грозит некоторое время пощеголять в нем. Может, всю твою жизнь. Внутри действуют два независимо действующих взрывных устройства. Если ты попробуешь снять его, он взорвется. И можешь мне поверить, взрыв окажется достаточно мощным, чтобы отправить на Аэргистал всех, кто окажется рядом. Если же ты попробуешь использовать какое-либо оружие против меня или моей армии, будь то дубина или трансфиксер, наиболее страшная штучка из всех, известных мне по опыту, ошейник впрыснет в тебя весьма неприятно действующий яд. То же случится, если ты отдашь приказ, заставляющий применить против нас оружие кого-либо другого. И даже тогда, когда ты будешь ограничиваться разработкой плана войн против нас. Эта игрушка основана на том, что ты сам заставишь ее сработать, вне зависимости от времени и пространства. Она реагирует на определенную сознательную агрессию. Ты можешь ненавидеть меня, если уж это так тебе нравится, можешь убивать меня в снах по сто раз в сутки, если это тебя утешит. И тебе ничто не угрожает. Ты можешь сражаться как лев, но не против меня и моих людей. В конце концов, ты можешь заняться саботажем, но это уж мои заботы. Теперь ты видишь, Корсон, ты можешь быть или моим другом, или сохранять нейтральность, но тебе не стать моим врагом. А если это унижает твое достоинство, то знай, что вся моя личная охрана носит такие же игрушки.

С удовлетворенным видом он посмотрел на Корсона.

— Именно это ты минуту назад назвал патом?

— Что-то в таком духе,— согласился Корсон.— Но уриане будут удивлены.

— Поймут. Кроме того, они уже получили отредакти-

рованную версию нашего разговора. Их крохотный передатчик не такая уж безделка. При соответствующем сигнале он может выделить достаточно тепла, чтобы убить тебя. Будь они предусмотрительнее, они бы поставили автоматический датчик. Выпьешь чего-нибудь?

— С удовольствием,— ответил Корсон.

Веран извлек из ящика стола бутылку и два хрустальных бокала. До половины наполнил их, сделал Корсону дружеский жест и отпил глоток.

— Я не хотел, Корсон, чтобы ты так сильно злился на меня за это. Ты мне нравишься, к тому же — ты мне нужен. Но я не могу доверять тебе. Все это уж слишком точно подходит друг к другу. И потому, что ты был здесь, что здесь сейчас, что здесь будешь. Я даже не знаю, что руководит тобой, что сидит в тебе на самом деле. То, что ты предлагаешь мне, Корсон, это измена человечеству. Это значит — пойти на службу к этим пернатым фанатикам, мечтающим лишь об уничтожении человечества, а взамен получить собственную безопасность и сравнительно неограниченную власть. Допустим, я могу пойти на это. Но ты? Корсон, ты не похож на изменника собственному народу. Или ты именно такой?

— У меня нет выбора,— ответил Корсон.

— Для человека, действующего по принуждению, ты слишком предусмотрителен. Тебе удается убедить этих птиц, чтобы они заключили со мной договор. Ты сам приходишь ко мне предложить его. Что больше, именно для этого ты меня сюда и вызвал. Ладно. Допустим, тебе удалось заманить меня в ловушку. Я исчез. Ты остаешься один с этими птицами. Уже сейчас ты предаешь род людской, отдавая меня существам, которые с твоей точки зрения заслуживают не большего, чем я, которые не гуманоиды даже, и ты знаешь, что тебе придется это сделать еще раз. Это на тебя не похоже. Пернатые не отдают себе в этом отчета, поскольку на самом деле знают людей паршиво, поскольку считают тебя за зверя, который станет разорять их гнезда и которого можно приручить или, скорее, выдрессировать. Но я таких вояк, как ты, Корсон, видел тысячи. Все они не способны предать свой народ, свою страну, своего предводителя. Нет, это идет не из какой-то там добродетельности, хотя все в это верят, а просто из воинского воспитания. И значит? Остается другая возможность. Ты пытаешься спасти род людской. Ты решил, что полезнее окажется завоевание Урии, а потом всей близлежащей космической зоны, осуществленное людьми, а не кем-то из этих фанатиков в перьях. Ты вызвал меня. Ты предлагаешь мне договор с урианами, поскольку полагаешь, что он будет непрочен, что рано или поздно, когда условия его окажутся выполненными, дело дойдет до конфликта. Ты надеешься, что мне удастся разгромить уриан. Может быть, тогда ты собираешься отделаться от меня? Тебе даже не на-

до ничего говорить мне. Просьба о моей помощи против уриан оказалась бы излишней, но ты боишься, что я предам тебя. Сам знаешь, насколько взрывоопасны договоры.

— Есть также дикий гиппрон, — крайне холодно заметил Корсон.

— Верно. Он мне нужен, к тому же, я избавляю Урию от грозной опасности. Ну, разве я не прав, Корсон?

— Вы принимаете мое предложение?

Веран криво усмехнулся:

— Но вначале позабочусь о безопасности.

28.

На этот раз они неслись за кулисами времени. Корсон следил за временем при посредстве нервной системы гиппрона. Витки от гривы животного охватили ему плечи и касались висков. Время от времени ему приходилось бороться со слабостью. Веран, висящий по другую сторону животного, добился, чтобы Корсон заглянул прямо во время. Он надеялся, что Корсон сможет быть проводником в лабиринтах подземного города.

Пока они пробирались по наброскам действительности, во все еще живой современности. Существо с очень острым зрением могло бы заметить шевелящиеся тени, может быть, — поблекшие краски, или, при определенном везении, огромного чудовищного призрака. Но прежде, чем оно успело бы моргнуть, сбрасывая невидимую пыль с глаз, они бы уже исчезли, поглощенные воздушной бездной, или растворившиеся в лишенном измерений проломе стены. А если бы свет оказался достаточно сильным, чтобы ореолом высветить какие-нибудь подробности, оно смогло заметить лишь плоский прозрачный контур. С современностью гиппрон был синхронизирован лишь на долю секунды, настолько лишь, чтобы Веран и Корсон смогли в ней сориентироваться. Стены, колонны, мебель виделись ими как туман. Живые существа или подвижные предметы оставались незамеченными. Это была обратная сторона медали, нельзя было подсматривать, не рискуя, что сам не окажешься обнаруженным, и нельзя было сохранять невидимость, но при этом видеть самому.

— Жаль, что ты не познакомился как следует с этой базой, — сказал Веран.

— Я же просил вас дать мне день или два, — возразил Корсон.

Веран пожал плечами.

— Есть риск, который я учитываю, и риск, которого я избегаю. Я не буду выжидать неделю, пока вы, вместе с пти-

цами не наставите ловушек у меня на пути.

— А если нас заметят?

— Трудно сказать. Может быть, ничего не произойдет. Или произойдет изменение. Нгал Р'нда может догадаться, что именно происходит, и уже не станет окружать тебя почетом, когда ты вернешься. Или же решит ускорить ход событий и начнет атаку намного раньше. Не надо, чтобы нас замечали. Мы не должны вносить изменений в ход истории, если они могут обернуться против нас. Мы отправимся против нас. Мы отправимся одни. Без эскорта, без тяжелого вооружения. Использовать какое-либо оружие в прошлом, от которого ты сам зависишь, равно-самоубийству. Надеюсь, ты это понимаешь.

— Значит, невозможно и устраивать засады в прошлом.

Веран широко улыбнулся, прикрывая рукой заменяющую ему зубы металлическую пластинку.

— Мне будет достаточно проведения небольшой модификации. Подробной модификации, которая не будет замечена, но которой я смогу воспользоваться в подходящее время. Ты ценный человек, Корсон. Ты указал мне слабую точку Нгал Р'нда.

— И еще должен сопровождать вас?

— Ты считаешь меня настолько ненормальным, чтобы я оставил тебя у себя за спиной? К тому же, ты знаешь все закоулки?

— Уриане заметят мое отсутствие. Они могут насторожиться.

— Мы могли бы рискнуть, оставив передатчик. Но он мог бы посылать какой-то сигнал, так мне кажется. Нет, я предпочитаю действовать в тишине. К тому же в том времени мы будем отсутствовать лишь несколько секунд. Как ты думаешь, сколько лет этой птахе?

— Понятия не имею,— немного поколебавшись, ответил Корсон.— Для своего вида он стар. А в мое время уриане жили дольше, чем люди. Мне кажется, сейчас ему должно быть по крайней мере двести земных лет, может быть, двести пятьдесят, если их гериатрия прогрессировала.

— Ныряем в аварийном режиме,— удовлетворенно сказал Веран.— Благодаря этому они не примут сигналов твоей безделки до того, как ее нацепили тебе на шею.

Теперь они мчались по аллеям времени. Вырвались в подземный город, пронзили километры скал, которые были для них лишь туманом. В галереях они появлялись как призраки.

Веран прошептал на ухо Корсону:

— Как его узнать?

— По голубой тунике. Но мне кажется, что здесь он проводит только часть своего времени.

— Это неважно. Когда гиппрон на него натолкнется, он

пойдет за ним вплоть до момента рождения. Или тут скорее следовало бы говорить про проклевывание?

Голубая тень, мелькнувшая на мгновение. Они уже не отрывались от него, шли настолько вплотную, что Корсон с трудом верил, что это были годы и месяцы, во время которых Нгал Р'нда играл на поверхности роль уважаемого и мирно настроенного урианина. Они шли против течения жизни этого существа, как лосось плывет против потока. Тень изменила цвет. Нгал Р'нда был молод, и туника князей Урии еще не покрывала его плечи. Может быть, он даже не лелеял еще в себя мыслей о грядущем сражении. Но в этом Корсон сомневался.

Новые голубые тени выступили из реки времени. Другие князья, выходившие из голубых яиц, издавна предвкушавшие месть. Нгал Р'нда говорил правду. Он был последним. Близкая смерть заставила его действовать. Предыдущим поколениям князей оставалось только мечтать.

Нгал Р'нда исчез на длительное время.

— А он наверняка здесь родился? — спросил обеспокоенный Веран.

— Понятия не имею, — ответил Корсон, обеспокоенный тоном наемника. — Но я считаю, что так. Нгал Р'нда слишком ценен, чтоб мог родиться вдали от святилища своей расы.

И в это мгновение тень, которой был Нгал Р'нда, появилась снова. Корсон не смог отыскать ее, но он уже начал приспосабливаться к реакции гиппрона.

— Что это за ловушка? — спросил он.

— Увидишь.

Веран отказался от дальнейших объяснений. Он направился к минуте появления на свет последнего князя Урии.

«Не хочет ли он вспрыснуть ему сразу же после рождения генетический сенсibilизатор, — подумал Корсон, — который начнет действовать лишь много лет спустя при введении своего исполнителя?» Или же он собирается встроить в него какой-нибудь датчик, размером с клетку, в такое место, где хирургический нож даже случайно не сможет на него наткнуться, и который позволит следить за его носителем всю жизнь? Нет, все это недостаточно тонкие методы. Они могут вызвать серьезные изменения в ткани времени.

Гиппрон затормозил и остановился. Корсону показалось, что все атомы его тела разлетаются в разные стороны, словно им надоело быть рядом друг с другом. Он сглотнул слюну. Слабость понемногу проходила.

— Еще не родился, — заметил Веран.

Через мозг гиппрона Корсон увидел обширный эллиптический зал, странно изменившийся и напоминающий зал созерцаний. Из стены торчало лишь несколько завитков из гривы Бести, и оба ее всадника были погружены в камень, невидимые для сторонних наблюдателей.

Света не хватало. В отполированной стене светились ниши, и в каждой из них покоилось яйцо. В конце зала, в нише больших размеров, лежало красное яйцо. Корсон сделал мысленную поправку. Для человека или урианина яйцо было голубым, это гиппрону оно казалось красным.

Яйцо, из которого должен был вылупиться Нгал Р'нда. Ниши были инкубаторными. Никто не входил в зал до начала родов.

— Придется немного подождать,— заметил Веран.— Мы слишком далеко забрались.

Легкий шум — это тысячи птенцов атакуют далекое счастье. Корсон понял. Молодые уриане, проснувшись, принялись проклевывать скорлупу. Смещение во времени и нервная система гиппрона изменяли и ложно увеличивали звук.

Гиппрон скользнул в сторону голубого яйца. Корсон делал прогресс в восприятии его ощущений. Сейчас он уже почти обладал круговым полем зрения животного. Он мог видеть движения Верана. Наемник направил какое-то устройство на голубое яйцо.

Корсон невольно вскрикнул:

— Не уничтожай его!

— Кретин! — сухо ответил Веран.— Я его замеряю.

Напряжение достигло максимума. В этот ключевой момент жизни Нгал Р'нда малейшее искажение могло обернуться для истории серьезными изменениями. На лбу Корсона выступили капельки пота, стекающие вниз по крыльям носа. Веран играл с огнем. Что будет, если он совершит ошибку? Оба они исчезнут из континуума? Или же объявятся в другом отрезке времени?

Голубое яйцо задрожало. Оно расколосось. У его острия появилась небольшая выпуклость. Засочилась жидкость. Оболочка отвалилась разорванная. Показалась верхушка головки молодого урианина. Он был огромен. Казалось, он такого же размера, как и яйцо. Наконец, скорлупа распалась окончательно. Птенец раскрыл клюв. Сейчас он издаст первый писк. Сигнал, ожидаемый снаружи няньками.

Яйцо рассыпалось на куски. К удивлению Корсона, голова птенца была не больше кулака взрослого мужчины. Однако он знал, что развитие нервной системы Нгала Р'нда еще далеко от завершения. Еще чаще, чем дети людей, уриане рождались в недоношенном состоянии, неспособные на самостоятельное существование.

Гиппрон вышел из стены и синхронизировался с современностью. Веран выскочил из своего седла с пластиковой сумкой в руках, швырнул в нее скорлупки от голубого яйца и вернулся к гиппрону. Не теряя времени на проверку упряжи, он направил животное под прикрытие стены и дал сигнал для десинхронизации.

— Конец первой фазы,— процедил он сквозь зубы.

В эллиптическом зале послышалось первое попискивание

птенцов. Дверь раскрылась.

— Они заметят отсутствие скорлупы,— сказал Корсон.

— Ты ничего не понял,— буркнул Веран,— я подброшу им другую. Если то, что ты сказал, верно, то их интересует только голубая скорлупа, до остальной им нет дела.

Они рванулись к поверхности. В укромном месте — ущелье, обнесённом скалами, Веран синхронизировал гиппрона. Корсон свалился на землю, ему вновь стало дурно.

— Следи за ногами,— посоветовал Веран.— Мы в нашем объективном прошлом; никогда неизвестно, не отразится ли сломанный сегодня стебелек травы гораздо худшими последствиями в дальнейшем.

Он открыл сумку и принялся внимательно обследовать осколки голубого яйца.

— Это не простое яйцо,— наконец сказал он.— Скорее, что-то вроде соединённых друг с другом пластин, как кости в черепе человека. Посмотри-ка на соединительные линии. Они совпадают, как крышка к банке.

Он отломил крохотный осколок, поместил его в какое-то устройство и припал глазом к окуляру.

— Пигментация по всей массе,— пробормотал он.— Генетическая фантазия. Может быть, это продукт слишком систематических скрещиваний внутри одного рода. Неважно. Я достаточно легко подберу такой краситель и того же самого типа, правда, менее стойкий.

— Вы собираетесь покрасить яйцо? — спросил Корсон.

Веран презрительно рассмеялся.

— Глупость твоя, мой милый Корсон, неизлечима. Я заменю эту скорлупу другой, более привычной, и именно ее перекрашу. Для этой цели я использую такой краситель, чтобы в случае необходимости его можно было нейтрализовать. Вся власть Нгал Р'нда происходит от цвета яйца. Поэтому он считает, что время от времени недурно его и продемонстрировать. Несомненно, именно по этой причине никто не присутствует в зале во время вылупливания птенцов. Подмена невозможна. Разве что ты располагаешь гиппроном. Мне кажется, что эта подмена не будет никем замечена, значит, и не вызовет особых пертурбаций во времени. Чтобы полностью застраховаться, мы возьмем скорлупу от яйца урианина, родившегося одновременно с Нгал Р'нда и того же самого размера. Самым трудным будет подбросить ее за время, равное в лучшем случае одной секунде, прежде, чем кто-либо успел войти и нас заметить.

— Это невозможно,— сказал Корсон.

— Существуют медикаменты, увеличивающие скорость реакции человека десятикратно. Допустим, ты о них слышал. Их применяют на звездолетах во время сражений.

— Они вредны,— сказал Корсон.

— Я же не прошу, чтобы ты их глотал.

Веран поднялся собирать осколки скорлупы и складывать их в сумку. Потом призадумался.

— Лучше будет обесцветить ее и подбросить на место фальшивой. Никогда не известно...

Он провел несколько тестов, потом опылил осколки какой-то аэрозолью. На несколько секунд они приобрели цвет слоновой кости.

— По коням! — выкрикнул Веран удовлетворенно.

Он вновь погрузился в реку времени. Достаточно быстро отыскали зал, где валялись десятки расколотых яиц. Веран синхронизировал гиппрона, принялся рыться в обломках, пока не отыскал подходящую скорлупу. В струе распылителя она приобрела идеально голубой цвет и отправилась в сумку, подменяя ту, обесцвеченную. Веран проглотил таблетку.

— Акселератор рассчитан на три минуты, — сказал он, — десять секунд сверхскорости равны примерно полутора минутам субъективного времени. Этого больше, чем достаточно.

Он повернулся к Корсону и широко улыбнулся.

— Вся хитрость здесь основана на том, что, если со мной что-то случится, тебе отсюда не выбраться. Представляю, какую рожу скорчат уриане, обнаружив в инкубационном зале одного мертвого и одного живого человека. А кроме того, прирученную Бестию, к которой они привыкли только в диком состоянии. Хорошие вещи придется тебе им говорить.

— Мы быстро исчезнем, — ответил Корсон. — Изменение окажется слишком значительным. Вся история этого отрезка континуума окажется вычеркнутой.

— Вижу, ты быстро учишься, — с иронией заметил Веран. — Но самая большая трудность — это возвращение сразу же после нашего старта. Мне как-то не хочется встречать самого себя. А особенно нарушать законы нерегрессивной информации.

Корсон не дрогнул.

— А в дополнение ко всему, — добавил Веран, — у гиппронов есть на этот счет свое мнение. Больше всего они не любят приближаться к себе самим во времени. Они этого просто не выносят. «И все же, — подумал Корсон, — я это сделал. Закон нерегрессирующей информации, как и все физические законы, — относительный. Тот, кто понимает его в совершенстве, способен его преодолеть. Это означает, что в один из дней я постигну механику времени. Что я выберусь отсюда. Что настанет мир, а я отыщу Антонеллу».

Все произошло настолько быстро, что у Корсона сохранились лишь туманные, расплывчатые воспоминания. Словно в калейдоскопе, тень Верана двигалась настолько быстро, что казалось, будто он заполняет все пространство самим собой. Голубоватое поблескивание осколков яйца, ниши, заполненные пищевыми фигурками крохотных уриан, двери, которые открываются и, должно быть, скрипят, и неожиданно словно

бы запах хлора, хотя ясно было, что атмосфера в зале не может проникнуть внутрь скафандра, нырок во время, голос Верана, высокий, прерывистый, быстрый настолько, что слова делались почти непонятными, пирует в пространстве, слабость, мельтешня перед глазами всех краев Вселенной.

— Конец второй фазы, — провозгласил Веран.

Ловушка поставлена. Искрошатся два, может быть, два с половиной века, прежде чем Веран свергнет Нгал Р'нда, последнего князя Урии, владыку войны, вылупившегося из голубого яйца, и предоставит его своей судьбе.

«Время, — подумал Корсон, пока сильные руки вынима-ли его из седла, — время — это самый терпеливый из богов».

29.

Бестия спала, как младенец. Забравшись на пятьсот метров под поверхность планеты, насыщенная энергией, достаточной для сокрушения горы, она хотела только спать. Она была полностью занята только развитием восемнадцати тысяч малышей ее вида, и поэтому она была настороже. По той же причине она погрузилась сквозь осадочные породы до слоя базальтовой лавы, где и свила себе гнездо. Слабая радиоактивность камня снабжала ее дополнительной энергией.

Бестии снились сны. В своих снах она вспоминала планету, которую никогда не видела, но которая была колыбелью их расы. Жизнь там была простой и радостной. И хотя та планета исчезла более пятидесяти миллионов лет назад (земных лет, единиц измерения, которые ничего не значили для Бестии), почти не искаженные воспоминания событий, пережитых ее далекими предками, были переданы ей при помощи генов. Теперь, когда пришла пора ей размножаться, растущая активность хромосомных цепочек оживляла память, цвета и обостряла детали.

Бестия сохранила память о расе, которая создала их вид более-менее по своему собственному подобию, и для которой они играли роль чего-то вроде домашних животных, ненужных, но приятных. Если бы люди времен первой жизни Корсона могли познакомиться со снами Бестии, в недолгий период ее размножения, они отыскили бы ответы на множество загадок. Они никогда не понимали, насколько Бестия отличается от своих прародителей, почему, сторонясь, за редким исключением, своих сородичей, она смогла достичь определенного культурного развития, разработать зачатки языка. Они знали ассоциальных животных, находящихся на предсоциальной стадии, развитых почти так же, как люди Земли, например — дельфинов. Но ни один из этих видов не выработал настоящего разговорного языка. Согласно с актуальными и с тех

времен не опровергнутыми теориями, появление цивилизаций языка требовало определенных условий — создание иерархических групп, племен, реакция на окружающую среду (ни одно практически непобедимое существо не вздумает приспосабливаться к внешним условиям или же изменить их себе на пользу), открытие полезности предметов (любое существо, конечности которого служат почти идеальным орудием познания окружающей среды, обречено на вымирание).

Бестия не выполняла три из условий. Она жила изолированно. Была, с точки зрения опыта людей, почти невосприимчива к окружающей среде. Она не имела понятия о применении даже самых простых инструментов. Не из-за глупости. Ее можно было бы обучить управлять довольно сложными механизмами, но ей самой это было ни к чему. Когти и грива полностью удовлетворяли все ее потребности. И все же Бестия была способна говорить и даже, согласно работам некоторых исследователей, пользоваться определенной символикой.

Происхождение Бестии тоже было непонятной и, скорее всего неразрешимой тайной. Уже во времена первой жизни Корсона, экзобиология была достаточно развита, чтобы сравнительная эволюция стала точной наукой. Было теоретически возможно, чтобы, исследовав только одно существо, создать довольно подробную картину вида, образец которого взят. Но Бестия заключала в себе признаки десятков разных видов. Никакая среда обитания не могла бы создать такое скопище парадоксов. Это была одна из причин, почему это создание окрестили попросту Бестией. Согласно одному из напрасно ломавших над всем этим голову биологов, который заявил, лет за десять до рождения Корсона, что Бестия была единственным известным доказательством существования Бога или по крайней мере какого-то божества.

Длинный палец энергии коснулся Бестии чуть дольше, чем на наносекунду. Она шевельнулась во сне. Инстинктивно проглотила появившуюся пищу, не тревожась тем, откуда она взялась. Второе касание, легкое, как перышко, наполовину пробудило ее. Третье ее удивило. Она могла различать большинство природных источников энергии. На этот раз источник был искусственным. Что-то или кто-то пытался поймать ее.

Она с удивлением поняла, что поглотив первую порцию пришедшей энергии, совершила ошибку. Она выдала свое присутствие и местоположение. То же она сделала и с другой. Она попыталась подавить аппетит, когда пришла третья доза. Но слишком испуганная, чтобы совладать с собой, она не смогла удержаться, чтобы не усвоить хоть немножко. Когда она боялась, инстинкт заставлял поглощать как можно большее количество энергии, причем любого вида. Она уже ощущала твердые энергетические щупальца, впивающиеся в ее нежное тело. Она начала задумываться над своим будущим,

крохотное, растерянное существо, способное манипулировать лишь частицей будущего, способное анализировать лишь десять из окружающих его факторов одновременно. Она сокрушалась над судьбой восемнадцати тысяч невинных созданий, скрытых в ее боках, которым теперь грозило расставание с жизнью.

Почти в шести тысячах километров отсюда склонились над аппаратурой огромные птицы под полным любопытства взглядом Верана. Нейтронный луч, ощупывающий нутро планеты, трижды был поглощен в одном и том же месте. Фаза наложения обратных волн указывала на небольшое, но отчетливое перемещение.

— Она там,— сказал Нгал Р'нда, успокоившись.— Вы уверены, что сможете ее обезвредить?

— Абсолютно,— презрительно ответил Веран.

Соглашение заключили без труда, но в его пользу. Лагерь находился под прицелом урианских орудий, но его это несколько не беспокоило. Он держал в руке козырную карту, Веран повернулся, чтобы отдать несколько распоряжений.

В пятистах метрах под землей Бестия собиралась с силами. Она ощущала себя калеккой.

Процесс созревания ее зародышей зашел слишком далеко, чтобы она могла перемещаться во времени. Она не смогла бы синхронизировать движения каждого из восемнадцати тысяч малышей. Они же, в свою очередь, приобрели уже достаточно автономии, чтобы помешать своей матери. Если угроза примет реальные формы, она будет вынуждена бросить их. Это был один из тех случаев, когда инстинкт самосохранения входил в конфликт с инстинктом продолжения рода. При большом везении, паре из них удастся выжить, но большинство не сможет синхронизироваться с современностью. Они внезапно соприкоснутся с окружающей их массой неподатливой материи. Энергия, выделенная при взрыве, будет эквивалентна распаду ядерного устройства небольших размеров. Это не могло серьезно повредить Бестии, но наверняка уничтожило бы ее эмбрионы.

Возможно, решение проблемы лежало в погружении еще глубже в кору планеты. Но Бестия выбрала для своего гнезда ее тонкий слой. Язык лавы, проходящий сравнительно близко от поверхности, притягивал ее как тепло от камина притягивает кота. В нормальных условиях Бестия с удовольствием поплескалась бы в лаве. Но в теперешнем своем положении заколебалась. Высокая температура ускорила бы созревание. А тогда бы она не смогла бы оказаться на достаточном расстоянии от малышей и, скорее всего, оказалась бы первой их жертвой.

Выбраться на поверхность и рискнуть? К несчастью для Бестии, планета-гигант, откуда были родом ее прародители, планета, которую они видели во снах, подверглась нашествию

хищников, для которых представители ее вида служили лакомой добычей. Они тоже умели перемещаться во времени. Они исчезли пятьдесят миллионов лет назад, но этот факт не мог оказать ни малейшего влияния на поведение Бестии. Ее наследственная память не принимала эти ценнейшие сведения во внимание. Для Бестии эти пятьсот миллионов лет попросту не существовали. Она не знала, что ее вид намного пережил своих создателей и первых хозяев, и что выживанию своему он был обязан роли домашнего животного, имеющегося почти в каждом жилище, изнеженного и изласканного представителями могущественного общества, погибшего в давным-давно позабытой войне.

Таким образом, поверхность оказалась запретной, глубины — опасными, во времени она не могла прыгнуть. И Бестия, на этот раз уже проснувшаяся окончательно, принялась оплакивать свою судьбу.

Неподалеку от себя, в каком-то десятке километров, она ощутила чье-то присутствие. В нормальной ситуации первой же ее реакцией было бы сместиться во времени. Но страх опасности, ощущения пробуждения сделались осязаемыми, многочисленнее. К ней приближалось несколько существ ее же вида. Однако установление этого ее не обрадовало. В прошлом ей приходилось баловаться каннибализмом, она по собственному опыту знала, что Бестия в положении представляет собой желанную добычу. Она не знала, каким образом каннибализм в таких случаях благоприятно влиял на сложный генетический обмен, и что его целью было спасти вид от вырождения. Может, она предпочла бы, если бы знала, половой способ продолжения рода, но ее создатели не подумали об этом.

В конце концов она отважилась на отчаянное усилие, чтобы избежать погони, но напрасно. Она выбралась на поверхность на гребне гейзера раскаленной лавы. Гиппроны Верана предвидели такой исход и действовали согласно с разработанным планом, совершенно чуждым повадкам их вида. Они появились со всех сторон одновременно вдоль отрезка времени, контролируемого Бестией. Они стиснули и обезвредили ее тем самым движением, каким тысячи лет назад, на Земле, делали то же дрессированные слоны, дружно подталкивая боками своего дикого сородича. Бестия оказалась в энергетической клетке, клетке, более надежной и удобной, чем клетка на борту «Архимеда». Сперва она пыталась разжалобить нападающих, потом, видя безрезультативность своих попыток, позволила себя забрать и вскоре заснула, утешая себя во снах милым пейзажем погибшей планеты.

Настал период тренировок с оружием. Корсон наслаждался, ведя образ жизни, регламентированный в малейших деталях. По приказу Верана утром и вечером он обучался езде на гиппронах. Тренирующие его солдаты, в обязанности которых, вне сомнения, входила и слежка за ним, не удивились, видя на его шее ошейник безопасности, или же ничем не проявили своих эмоций. Несомненно, они пришли к выводу, что Корсон — один из лучших охранников Верана. А тот в свою очередь, разработал планы в обществе Нгал Р'нда и верхушки урианской элиты. Видимо, он смог добиться их уважения, так как уриане изо дня в день позволяли убеждать себя и демонстрировали ему образцы наилучшего своего оружия, знакомя с его действием. Бросающаяся в глаза дисциплина маленькой армии Верана произвела на них впечатление. А может быть, их неискоренимое чувство превосходства не позволяло даже вообразить себе, что человек, их слуга, способен сорвать представление и ополчиться против них же. При случае, с точки зрения Корсона, они демонстрировали примеры величайшей наивности. Внешнее подобострастие Верана наполняло их удовольствием. Полковник приказал, чтобы все подчиненные уступали дорогу любому урианину, вне зависимости от его положения. Приказ выполнялся. Это давало урианам лишнее доказательство, что люди знают свое место и умеют вести себя. Как говорил Веран, правда несколько туманным образом, ситуация развивалась согласно задуманному.

Эта ситуация не представлялась Корсону такой ясной. На его глазах появлялась великолепная военная машина. Бестия, заключенная в неимеющую изъянов клетку, приближалась к концу инкубационного периода. Было решено, что малышам позволят сожрать ее, так как в таком возрасте она уже не годилась для тренировки. Корсону показалось, что объединенные силы Верана и уриан готовились к результату, диаметрально противоположному задуманному. Теперь он уже не мог вырваться. Могло бы оказаться и так, что он просто не знал бы, что делать со своей свободой. Он чувствовал, что в этом, одном из наиболее страшных в истории милитаристских предприятий, он с тем же успехом может остаться в роли наблюдателя. Его будущее не давало ему никакого знака. Предназначение его было начертано, но не в ту сторону в которую он двигался.

Но в одну из спокойных ночей мысли его пошли по менее печальному пути.

Он любовался деревьями и небом Урии, поражаясь, что активность в лагере не была замечена, и что никто из Диото или другого города не счел нужным поинтересоваться, что же здесь происходит, когда к нему подошел Веран.

— Прекрасный вечер, — сказал полковник.

В зубах он держал короткую сигару, что случалось с ним

нечасто.

Он выпустил колечко дыма, а потом внезапно сообщил:

— Нгал Р'нда пригласил меня на ближайшее созерцание яйца. Вот тот случай, которого я ждал. Пора уже с ним разделиться.

Он вновь затянулся сигарой. Однако Корсон не отважился на комментарий.

— Боюсь, он будет делаться более неуправляемым. Вот уже несколько дней он настаивает, чтобы была назначена дата начала войны. У этого старого сыча только бойни и резня в голове. Война всегда вызывает серьезные материальные потери и гибель хороших солдат. Я воюю лишь тогда, когда мне другими способами не удастся достигнуть того, к чему я стремлюсь. Я уверен, что когда Нгал Р'нда, наконец-то, исчезнет, я без труда договорюсь с властями этой планеты. Интересная вещь, но мне кажется, что их вообще здесь нет. Может, ты знаешь что-нибудь на эту тему, Корсон?

Молчание.

— Я так и предполагал, что ты ничего не будешь знать,— произнес полковник неожиданно резким голосом.— Так вот, я выслал шпионов в разные города этой планеты. На месте они не встретили ни малейших трудностей, но почти ничего не разузнали. В этом неудобство децентрализованных систем. Мне кажется, что эта планета, если не принимать во внимание крайне ограниченной власти Нгал Р'нда, вообще не имеет официального правительства.

— Вот вам то, что облегчает ваши планы,— заметил Корсон.

Веран бросил на него косой взгляд.

— Это худшее из того, что могло бы случиться. Как ты себе представляешь переговоры с правительством, которого не существует?

Он задумчиво покосился на сигару.

— Но,— продолжал он,— как ты, может, заметил, я сказал: кажется. Один из моих разведчиков, более сообразительный, все-таки разузнал кое-что интересное. Планета эта обладает определенной политической организацией, но совершенно определенного типа. Руководители этой организации, образно говоря, управляют сразу множеством веков и находятся не в том времени, в котором находимся мы. Говоря точнее, на три века в будущем. Это наиболее причудливая история, которую я когда-то слышал. Властвовать над умершими и над еще не родившимися детьми.

— Скорее всего, они пользуются не той концепцией правительства, что вы — негромко предположил Корсон.

— Демократия, верно? Может быть, даже почти анархия. Знаю я эти песенки. Свести администрирование людей и систем до критического минимума. Долго это никогда не длится. Вся система рушится при первом же вторжении.

— Здесь уже много веков не было вторжений,— возразил

Корсон.

— Ну так им придется вспомнить, что это такое. Я тебе еще не сказал, Корсон, об одном незначительном, забавном факте, Один из членов этого совета — человек.

— Я в этом не вижу ничего странного,— заметил Корсон.

— Он очень похож на тебя. Мне кажется, это какое-то причудливое стечение обстоятельств. Может, кто-нибудь из твоих близких?

— У меня нет столь высоких связей.

— Мой человек не видел его собственными глазами. Ему даже не удалось наложить руку ни на один представляющий его документ. Зато он весьма опытен. Этот разведчик — специалист по физиономистике. Типологию он спросонья выложит. Существует лишь один шанс из миллиона, что он мог ошибиться. Кроме того, он отличный рисовальщик. Он по памяти набросал твой портрет и показал его своим информаторам. И все, кто видел этого человека, Корсон, узнали тебя. Что ты теперь думаешь?

— Ничего,— искренне удивился Корсон.

Веран изучающе посмотрел на него.

— Возможно, что ты не врешь. Следовало бы проверить тебя на детекторе лжи, но тогда ты станешь чем-то вроде идиота. А идиот не мог выслать мне сообщения. К моему несчастью, ты мне еще нужен. Когда я узнал обо всем этом, то попытался сложить два плюс два, но ничего не получилось. Сперва я подумал, что может быть, ты — какая-то машина, андроид. Но ты подвергался исследованиям всевозможными способами с того мгновения, как оказался среди нас, и от такой вероятности пришлось отказаться. Я знаю все о тебе, за исключением того, что происходит у тебя под черепом. Ты — не машина, ты — не из тех, что родились в пробирке. Твой образ мышления, слабости и достоинства свойственны обыкновенному человеку. Несколько консервативному в некоторых делах, словно ты приходишь из давно прошедшей эпохи. Если ты выполняешь какое-то задание, то я должен признать, выполняешь ты его совершенно самостоятельно, оставляя себе определенные гарантии безопасности. Например, эту твою дьявольскую осведомленность. Почему бы тебе не сыграть со мной открытыми картами, Корсон?

— Их нет на руках,— ответил Корсон.

— На руках?

— Карт, которые мне нужны.

— Возможно. Но тогда ты — туз в чьей-то игре. А ведешь так, словно об этом ничего не знаешь.

Веран швырнул окурок сигары на землю и растоптал его.

— Подытожим ситуацию,— предложил он.— Эти люди располагают возможностями для перемещения во времени. Они скрывают это, но это правда. Без такого умения прави-

тельство, руководящее тремя веками, не смогло бы контролировать теперешнюю современность. Они уже знают, что произойдет, за исключением искажений во времени. И они до сих пор ничего не предприняли против меня, против Нгал Р'нда. Это означает, что для них ситуация еще не созрела. Они чего-то ждут, но чего?

Полковник глубоко вздохнул.

— Может быть, они уже взялись за дело. Может, именно ты — член их совета, прибывший со специальной миссией.

— Никогда не слышал ничего более глупого, — заявил Корсон. Веран отшатнулся на шаг и выхватил оружие из кобуры.

— Я могу тебя убить, Корсон. Возможно, это будет равно самоубийству. Но ты умрешь раньше. Ты никогда не выйдешь своего сообщения, я никогда не окажусь на этой планете, и, значит, никогда не смогу пленить тебя и убить, но искажение во времени будет таким, что и ты выйдешь из него искаженным. Ты уж не будешь самим собой. Станешь, кем-то другим. Что важнее для человека? Его имя, облик, хромосомы? Или же воспоминания, опыт, собственная судьба, личность?

Они зло уставились друг на друга. Потом Веран спрятал оружие.

— Я надеялся, что испугаю тебя. Честно признаюсь, мне это не удалось. Трудно напугать человека, побывавшего на Аэргистале.

Он уже улыбался.

— Если по правде, я тебе верю, Корсон. Скорее всего, ты и есть тот человек, что будет заседать в Совете Урии через три века, но ты об этом не знаешь. Ты еще не стал этим человеком. Пока что ты еще лишь его козырная карта. Сам он не мог явиться, поскольку уже знает, что произойдет. Иначе ему пришлось бы нарушить законы нерегрессивной информации. А это никому не может понравиться. Поэтому он решил использовать себя самого, выслать себя же из более раннего отрезка существования, и воздействовать на ход событий лишь легкими касаниями, ниже запретного порога. Прими мои искренние поздравления! Перед тобой великое будущее. Если только ты доживешь до той поры.

— Подождите-ка, — прервал его Корсон. Он побледнел. Опустился на землю и обхватил голову руками. Наверняка, Веран был прав. Он обладал опытом военного времени.

— Тебе это не нравится, да? — поинтересовался Веран. — Ты, наверное, прикидываешь, зачем я все это тебе сказал. Не ломай голову. Как только я разделаюсь с Нгал Р'нда, я отправлю тебя в этот Совет, в роли посла. Раз уже мне попался под руку грядущий государственный деятель, то почему бы его не использовать. Я уже говорил тебе, что собираюсь вступить в переговоры. Мне требуется немного: вооружение, роботы, корабли и обмундирование. А эту планету я оставляю в покое. Пальцем ее не трону, даже если мне удастся завла-

деть всей остальной галактикой.

Корсон поднял голову.

— А как Вы избавитесь от Нгал Р'нда? — спросил он с проясненным лицом.

Веран ухмыльнулся мгновенно, как волк.

— Этого я тебе не скажу. Вдруг тебе вздумается остановить меня. Сам все увидишь.

31.

В помещение рядом с Залом Созерцаний они вошли обнаженными. Их подвели к ритуальному омовению, потом обрядили в желтые тоги. Корсону показалось, что невидимое излучение, испускаемое бесчисленными детекторами, пронзает ему кожу, но это была лишь иллюзия, так как методы уриан отличались большей утонченностью. Он предчувствовал, что Веран собирается воспользоваться созерцанием Яйца, но понятия не имел, каким образом. Он был почти уверен, что у Верана нет с собой никакого оружия. Уриане слишком хорошо разбирались в анатомии человека, чтобы можно было воспользоваться естественными тайниками. А если бы Веран решил применить силу, то он явился бы во главе своих гиппронов. Рискованное дело, если бы урианам было чем ответить, но тут его противником выступало время. Нет, он должен был применить какой-то хитрый трюк.

И во второй раз Корсон совершил свой путь сквозь расступающиеся перед ним ряды. Верану же это приходилось делать впервые.

Веран молча, долго и внимательно рассматривал металлический алтарь. Светильники пригасили. Из распахнувшихся дверей выступил Нгал Р'нда. Корсону показалось, что он более озабочен, чем когда-либо. Под его знаменем оказалось два наемника-человека. Несомненно, уже сейчас перед его глазами на дымящихся руинах городов развевались голубые хоругви Урии или же мертвые свисали с клювов звездолетов, неподвижно застыв в океане пустоты. Ему грезились крестовые походы. Что-то жалко-величественное было в нем. Существо с его интеллектом оказалось пойманным в ловушку цвета, руководствовалось родившимися во тьме веков предрассудками, с которыми Веран разделался двумя словами: генетическая фантазия.

Яйцо. Корсон понял. И с сердцем, полным удивления, какой-то особенной жалости к последнему князю Урии, и не менее сильного удивления перед предусмотрительным хитроумием Верана, он внимательно следил за каждой деталью церемонии. Слушал выкрики Нгал Р'нда, голос толпы, отвечающий ему невозможными для передачи на бумаге словами, и являющийся перечнем имен некоей генеалогии. Он не отводит

глаз от раскрывающегося алтаря, от возникающего над ним подобно огромному турмалину, яйца, от вытягивающихся вопреки приличным манерам шей, от двойных век, мигающих со скоростью взмаха крыльев колибри.

Последний князь Урии раскрыл клюв, но прежде, чем он успел заговорить снова, началась суматоха. Веран, отпихнув окружающих его уриан, прыгнул вперед, левой рукой пережал шею Нгал Р'нда, указал свободной рукой на яйцо и выкрикнул:

— Шарлатан! Пииекиво! Пииекиво!

Корсону не потребовалось словаря, чтобы понять, что это слово означает на птичьем языке «самозванец».

— Это яйцо,— кричал Веран,— перекрашено! Этот негодяй обманывал вас! Я могу это доказать.

Уриане замерли. «Это и был шанс»,— подумал Корсон, тот шанс, на который рассчитывал Веран, так как даже урианская верхушка не имела права входить в Зал Созерцаний с оружием. Веран коснулся яйца ладонью. И в месте прикосновения яйцо утратило свой лазурно-голубой блеск. Оно приобрело цвет слоновой кости.

И тут же Корсон понял. Даже обнаженный, даже троекратно вымытый и вытертый грубым полотенцем, Веран обладал неким активным продуктом, щелочным и кислотным одновременно, находящимся в жидком состоянии.

Потом на ладонях.

Реакция на поверхности яйца ускорялась. На молекулярном уровне цепочки красителя распадались одна за другой. Краситель распадался на бесцветные составляющие, или, скорее всего, взаимоуничтожался. Веран не любил оставлять следов.

Из толпы послышался резкий свист. В руки Корсона намертво вцепились, но он не стал сопротивляться. Веран отпустил шею Нгал Р'нда, который осторожно, широко распахнув клюв, попытался наладить дыхание. Уриане в фиолетовых туниках схватили наемника, который продолжал кричать:

— Я доказал вам, доказал! Яйцо белое. Он — самозванец!

Наконец и Нгал Р'нда смог говорить.

— Он лжет. Он его покрасил. Я видел. Смерть ему.

— Разбейте его,— кричал Веран.— Разбейте яйцо! Если я вру, его нутро будет голубым! Разбейте!

Нгал Р'нда охватила растерянность. Уриане образовали вокруг него кольцо, еще полное уважения, но уже почти грозное. Его подданные склонились перед птицей, явившейся из голубого яйца, а не перед военным вождем. Князь издал несколько пронзительных высоких нот, вызвавших казалось, общее замешательство. Корсон не понял их. Но сопровождавший их жест был понятен:

— Я должен разбить яйцо?

Тишина. Потом раздались дружные посвистывания, короткие и безжалостные.

Нгал Р'нда опустил голову.

— Я разобью яйцо, которое должно быть истолчено лишь после моей смерти и смешано с моим прахом. Я, последний князь Урии, стану единственным из моего древнейшего рода, который разобьет его во второй раз при жизни, голубое, некогда оберегающее меня яйцо.

Он схватил яйцо своими конечностями, поднял его над головой и расколол о пьедестал. Посыпались на пол остатки. Нгал Р'нда подхватил один из задержавшихся на пьедестале осколков, поднес к глазам. Глаза его погасли. Он отступил на шаг и опустился на землю.

Тотчас же один из высокопоставленных уриан подскочил к нему, схватил за край голубой тоги и резко дернул. Материал не поддавался. Нгал Р'нда потянулся в нем как мешок. Тут на него набросились остальные. Корсон почувствовал, что его отпустили, как его толкают. Он чуть не упал и был вынужден распахивать толпящихся вокруг него уриан. Наконец наплыв поредел. На его глазах пьяные от ярости птицы раздирали последнего из князей Урии. Резкий запах хлора и мочевины наполнил воздух.

Кто-то коснулся его плеча. Это был Веран.

— Пошли, прежде чем они начнут думать, как я это сделал.

Они не спеша направились по направлению к двери, и яростные крики наполнили им уши. Выходя, Веран обернулся и пожал плечами.

Потом изрек:

— Вот как гибнут фанатики.

32.

Примерно раз в десять лет, он ставил ноги на землю, приближался к прохожему и спрашивал:

— Который сейчас год?

Одни теряли сознание. Другие спасались бегством. Некоторые исчезали. Эти, очевидно, умели перемещаться во времени. Но всегда отыскивался кто-то, кто сообщал ему необходимые сведения. Он без страха разглядывал человека и Бестию, и потом улыбнулся. Пожилой мужчина. Юноша. Урианин. Какая-то женщина.

Один вопрос так и рвался у Корсона с языка:

— Вы знаете, кто я такой?

Поскольку их улыбка и готовность сотрудничать казались ему слишком удивительными. Они знали, кто он такой. Они были как часовые, как фонари, освещающие его путь, но когда он пытался разговорить их, они умело уходили, позволяя бесе-

де угаснуть. Даже ребенок. Он не пытался уговаривать их. За шесть тысяч лет их культура прошла немалый путь. А он еще недостаточно долго варился в этом соку. Он все еще оставался варваром, даже если он разбирался в таких вопросах, о каких они и не подозревали.

Когда он увидел урианина, то чуть было не совершил глупость, намереваясь сразу же нырнуть во время. Но огромная птица сделала дружелюбный жест. Она была одета в голубую тогу, покрытую мелкими серебристыми узорами и произнесла с гримасой, которую Корсон мог расценить как улыбку:

— Чего ты испугался, сын мой?

Это поразительное сходство урианина с Нгал Р'нда зародило в Корсоне сомнения, но теперь он догадался, что это основано лишь на пожилом возрасте собеседника.

— Мне кажется, я знаю тебя. Однажды, в давние времена, полные покоя, ты появился из небытия. Я был тогда малышом, едва вылупившимся из яйца. Если память меня не подводит, я отвел тебя в душ, потом — в столовую, затем ты отправился на какую-то церемонию. С той поры многое изменилось, но только к лучшему. Я очень рад видеть тебя. Что ты желаешь?

— Я ишу Совет,— сказал Корсон,— мне надо передать ему сообщение, и не одно.

— Ты найдешь его на берегу моря, к западу отсюда, на расстоянии в триста-четыреста километров. Но тебе придется подождать лет сто двадцать — сто тридцать.

— Благодарю,— ответил Корсон.— Но я не могу ждать. Я путешествую во времени.

— Я в этом не сомневаюсь,— сказала птица.— Это лишь распространенное выражение. У тебя отличное животное.

— Я назвал его Арчи,— сообщил Корсон,— в память о прошлом.

Он сделал движение, словно собираясь вернуться в седло, но урианин остановил его.

— Надеюсь, ты не в претензии на нас за то, что некогда произошло. Это была случайность. Тирания порождает вмешательство. А разумные существа — лишь игрушки в руках богов. Боги приказывают им, ради удовольствия полюбоваться зрелищем, вести самоубийственные войны. Они повелевают нами. Любят балет огня и смерти. Ты тактично разрешил эту ситуацию. Кто-нибудь другой обратил бы ее в кошмар. Все уриане крайне благодарны тебе за это.

— Уриане?... и вы тоже?— спросил Корсон с недоверием.

— Древняя раса и люди. Все уриане.

— Все уриане,— задумчиво повторил Корсон.— Это добрая весть.

— Счастливого пути, сын мой,— напутствовал его старый урианин.

«Вот таким-то способом»,— думал Корсон, пытаясь про-

бить взором поднимающуюся с земли и обволакивающую его зеленую мглу. Люди и уриане подружились. Это хорошо. Урианам удалось побороть демонов войны. Их род не оказался обречен, как я считал.

Он уже неплохо знал планету. Локализация пляжа о чем-то напоминала. Именно сюда привела его Антонелла. Стечение обстоятельств?

Он решил отправиться туда через Диото. Нерациональный импульс, желание осуществить паломничество. Он синхронизировал гиппрона над землей и поднял голову, отыскивая в небе пирамидальное облако города, словно бы покоящееся на двух столбах вертикальных рек.

Небо было пусто.

Он проверил свое положение. Сомнений не оставалось. Там, на небе, ста пятьюдесятью годами ранее, парил чудесный град. Теперь от него и следа не осталось.

Он посмотрел вниз, на площадку, образованную тремя сливающимися долинами, со склонами, поросшими лесом и заросшим травяным дном. Там он обнаружил озеро. Чтобы лучше видеть, Корсон прищурил глаза. Острый пик вспарывал озеро в самом его центре. В других местах короткие волны разбивались о затопленные преграды, находившиеся в нескольких сантиметрах под водой. Под слоем растительности, покрывающей берега, он разыскал другие развалины геометрических форм.

Город распался, вертикальная река дала начало озеру. Его до сих пор наполняли подземные источники, а излишек тоненьким ручейком стекал по самой глубокой из долин. Диото был уничтожен. Исчезла сила, поддерживающая его конструкцию на высоте чуть ли не километра над землей. Должно быть, произошло это довольно давно, лет сто назад, если судить по слою растительности.

Корсон с печалью вспомнил оживление вертикальных и горизонтальных улиц, рой аппаратов, вылетающих из них как пчелы из ульев, магазин, который он обокрал, чтобы было, что есть, и даже голос, вежливо остановивший его. Он вспомнил женщин Диото.

Диото был мертв, как множество других городов, соприкоснувшихся с ураганом войны. Может быть, в озерной глубине покоились останки Флоры Ван Вейль, которая невольно ввела его в чудеса этого мира.

Старый урианин Нгал. И за его улыбкой крылась ирония. Война разразилась, и люди проиграли ее. От их городов остались лишь развалины.

Он надеялся, что Флора Ван Вейль погибла сразу. Она не была подготовлена к такой войне. Как и ни к какой войне, впрочем. Если же она еще уцелела на какое-то время, то для того лишь, чтобы оказаться игрушкой в руках солдат Верана, или — что еще хуже — добычей безжалостных последователей Нгал Р'нда.

А он, Корсон, проиграл.

Он с силой заставил себя побороть желание вернуться в прошлое. Он вдруг вспомнил свой сон об уничтоженном на его глазах городе и крики людей, слишком поздно узнавших свою судьбу. Пот выступил у него на лбу. Нет, он туда не вернется, по крайней мере сейчас. У него встреча в будущем, которой невозможно избежать.

Там, вместе с Советом, если только он уцелел, надо будет подумать и прикинуть, нельзя ли тяжкий воз истории перевезти на иные рельсы. И тогда будет время, чтобы вернуться посмотреть, что же произошло.

И даже в том случае, если ему ничего не удастся сделать, он убьет Верана. Глухо зазвенели в его голове колокола ада. Если он убьет Верана, то сам умрет. Ошейник вонзит ему в жилы ядовитые клыки. Он даже думать не должен о борьбе с Вераном. В ином случае, он просто убьет сам себя. А сейчас он не мог позволить себе этого.

Он отстранил в подсознании жажду мести. Утомленный, он тронул гиппрона и двинулся к цели.

Сейчас они передвигались как бы пешком, и он впервые заметил, что время — седое. В непроницаемой мгле веков, в чередовании перемешивающихся дней и ночей, он чувствовал, что теряет контроль над гиппроном. Он перебирал пальцами витки гривы, но напрасно. Животное, или устав, или же подчиняясь чужой воле, грозило синхронизацией. Он почувствовал страх и позволил ему это.

Шум моря. Медленный и регулярный ритм. Он оказался на длинном пляже, позолоченном заходящим солнцем. Его поразило это обстоятельство. Гиппроны спонтанно синхронизовали лишь в полдень. Причиной этого был их энергетический аппетит. Но на этот раз Арчи почему-то приглянулись сумерки.

Корсон широко раскрыл глаза. Перед ним на песке неподвижно лежали три нагих тела. Он сорвал шлем и вдохнул теплый воздух.

Три обнаженные тела, возможно — мертвые, все, что осталось от Совета Урии. Мужчина и две женщины на морском берегу, словно выброшенные волнами жертвы чудовищной катастрофы.

33.

Когда Корсон подошел ближе, мужчина шепельнулся. Оперся на локоть и внимательно посмотрел на приближающегося. Он улыбнулся и не было похоже, чтобы он особенно страдал.

— А-а,— протянул он.— Вы — тот человек с Аэргистала.

Мы вас ждем.

Корсон наконец обрел дар речи:

— А Совет...

— Он тут,— ответил мужчина.— Совет Урии на тысячу лет.

Корсон склонился над ним:

— Вам нужна помощь?

— Не сказал бы. Присаживайтесь.

— Эти женщины...— произнес Корсон, опускаясь на песок.

— Они — в контакте. Не надо мешать им.

— В контакте?

— У нас еще много времени. А вечер в самом деле изумителен, вам не кажется?

Он пошарил в песке, доставая хрустальный сосуд, распечатал его и протянул Корсону.

— Сделай-ка глоток, старина. У тебя странное лицо.

Корсон открыл было рот, но передумал. Если это жертва катастрофы считает, что у них есть время, то зачем возражать. Он глотнул. Вино оказалось холодным. Удивленный этим, он поперхнулся и чуть не захлебнулся.

— Не понравилось?— спросил мужчина.

— Лучшее вино, которое я когда-либо пил.

— Ну так допивай бутылку. Найдутся и другие.

Корсон скинул перчатку, чтобы было удобно пить. Второй глоток разобрал его. Но он тут же вспомнил, где находится и что ему сопутствовало.

— Вы не голодны?— спросил он.— У меня есть при себе несколько пайков.

— Благодарствую,— ответил мужчина.— Я бы предпочел курочку, или шашлычок, или печеную телятину. Глупо, что я не предложил тебе это раньше. Наверняка после такого путешествия ты проголодался.

Он приподнялся энергично, разворошил несколько лопат песка и открыл контейнер из червленного серебра. Приподнял крышку и с удивлением поглядел на содержимое.

— Угощайся. Есть придется руками. Мы за простоту.

— Я видел Диото,— начал Корсон.

— Прелестный город,— кивнул мужчина.— Немного старомодный.

— Сейчас он на дне озера. Война его совершенно уничтожила.

Удивленный мужчина приподнялся на локтях и сел.

— Какая война?

Он рассмеялся, негромко и добродушно.

— И правда, ты прибыл из беспокойного времени. Ты же не знал. Вот тебя это и шокировало.

— Что я должен был знать?— агрессивно спросил Корсон.

— Диото был покинут. Просто-напросто брошен. А не

уничтожен. Он уже не отвечал нашему образу жизни.

Корсон попытался как-то переварить это.

— И как же вы живете?

— Как видишь. Обыкновенно. Нам необходимы медитации. Мы готовимся...— тут он заколебался,— к будущему.

— Вы уверены, что вам не требуется помощь?— спросил Корсон, вытирая о песок руки, испачканные жиром от сочного куска курицы.

— Ты нам нужен, Корсон. Но не здесь и не сейчас.

— И вы уверены, что вам всего хватает?— недоверчиво поинтересовался Корсон.

— А разве я похож на человека, которому чего-то недостает? Одежды? Так мы ее вообще не носим.

— Пищи, лекарств. Не верится, чтобы весь пляж был наштапрован бутылками вина и кастрюлями с пищей. Что вы станете делать, когда этот запас кончится?

Мужчина с интересом посмотрел на море.

— Действительно,— сказал он,— мне это никогда не приходило в голову. Думаю, что...

Внезапно Корсон прервал его:

— Не отчаивайтесь, может быть, вы заболели, или плохо соображаете. Должен существовать какой-то способ, чтобы рыбачить в этом море, охотиться в этих лесах. Вам же, наверное, не захочется умереть с голоду.

— Я тоже так думаю,— ответил мужчина.

Он открыто посмотрел на Корсона, потом одним движением поднялся. Был он хорошо сложен, мускулист, выше ростом, чем Корсон. Длинные волосы обрамляли его лицо.

— Как ты думаешь, откуда взялся этот сосуд?

Теперь поднялся и Корсон, задумчиво копаясь носком ноги в песке.

— Не знаю.

— Когда у нас кончается вино, мы просим о следующей порции.

— Ага,— сказал Корсон, лицо его нахмурилось.— Вы живете на тех холмах, а на обед выбрались сюда, на пляж. А там у вас прислуга или роботы.

Мужчина покачал головой.

— На холмах вы не найдете ни дворцов, ни хижин, ни слуг, ни роботов. Не думаю, чтобы в радиусе сорока километров нашлась хотя бы одна живая душа. Я вижу, ты не понял нашего образа жизни. У нас нет иной крыши над головой кроме небосвода, иной постели, чем песок, другой одежды, чем ветер. Тебе холодно, или жарко? Могут это уладить.

— Но откуда все это берется?— спросил растерянно Корсон, отпихивая ногой пустую бутылку.

— Из иной эпохи. Из будущего или прошлого века, понятия не имею. Мы решили несколько десятилетий назад переехать сюда. Тут очень удобное место для отдыха, размыли

лений. Разумеется, мы контролируем климат. Но в эту эпоху на этой планете ты не отыщешь ни одной машины. Все, что нам нужно, находится за кулисами времени. Если нам что-нибудь потребуется, один из нас входит в контакт и просит об этом. И предмет высылают сюда.

— А Диото?

— Какое-то время назад мы заметили, что пошли неверным путем. И решили попробовать кое-что другое.

— Именно это,— произнес Корсон.

— Именно,— согласился мужчина.

Корсон разглядывал море. Он видел классический заход солнца, но что-то шевельнулось в нем, что-то ищущее выхода. В нескольких шагах от берега море плескалось о скалу как наконец-то прирученный хищник. Невидимое солнце зажигало облака. Он невольно попытался отыскать на небе Луну, но ее не было. Звезд, расположения которых он не знал, было достаточно много, чтобы озарять эту планету слабым светом.

— Разве тут не прекрасно?— сказал мужчина.

— Да, прекрасно,— согласился Корсон.

С колебанием он бросил взгляд в сторону погруженных в сон женщин, а может быть — просто спящих. В их фигурах было что-то знакомое. Ему показалось, что он узнал бронзовые волосы, очертания плеч. Он сделал шаг в сторону той, которую принял за Антонеллу. Мужчина жестом остановил его.

— Не надо им мешать. У них сейчас совещание. По твоему вопросу. Они в контакте с теми, с Аэргистала.

— Антонелла,— произнес Корсон.

Мужчина отвернулся.

— Антонеллы тут нет. Позже ты ее увидишь.

Корсон сказал:

— Она меня еще не знает.

— Я знаю,— голос его был низкий и ласковый, словно мужчина сожалел, что была затронута эта тема.— Ей еще предстоит научиться узнавать тебя.

Наступило молчание.

— Не надо сердиться на нас за это.

Потом он быстро добавил:

— Будешь спать, или предпочтешь, чтобы мы говорили о делах?

— Спать мне не хочется,— ответил Корсон,— я бы предпочел немного подумать.

— Как тебе угодно,— сказал мужчина.

Корсон долго молчал, сидя на песке и опершись локтями в колени. Солнце совсем исчезло. Над морем мерцали звезды. Воздух имел температуру кожи. Немного спустя он скинул скафандр и ботинки. Он еще не решился полностью обнажиться, но все больше хотел этого, хотел нырнуть в волны и поплывть, позабыв о богах войны. Приливы наверняка были

здесь небольшие. Из-за отсутствия спутника. Взволновать море могло только далекое солнце.

Потом он встряхнулся и нарушил тишину. Заговорил, сперва неуверенно, словно опасался нарушить нежную уравновешенность ночи или разбудить врага. Но немного погодя голос его приобрел уверенность.

— Я посол,— говорил он,— но особого рода. Был солдатом. Преодолею время. Слышал богов Аэргистала. Я знал, что три опасности угрожают миру на Урии. Первое было животное, такое же, как то, на котором я прибыл, но в диком состоянии, хищное. Вторая основывалась на заговоре, организованном первыми обитателями планеты против людей. Третья носила имя старого вояки, взявшегося ниоткуда, и которого, если верить его словам, я сам на эту планету заманил. Его-то я сейчас и представляю. И наконец, я являюсь своим собственным посланцем, желающим избавить Урию от всех этих опасностей, но у меня нет для этого средств. Я надеялся найти здесь помощь, хотя те, с Аэргистала, и говорили, что я могу рассчитывать лишь на самого себя. Ценой успеха, говорили они, я обрету свободу, и, может быть, нечто большее. Но я вижу, что это задание невыполнимо.

— Обо всем этом я знаю,— заметил мужчина.— Задание наполовину выполнено. Для человека из давно прошедших времен, Корсон, ты справлялся вовсе неплохо.

— Бестия в клетке,— продолжал Корсон,— заговор разгромлен. Не знаю, смог бы я сделать большее. Остается Веран, повелитель войны, на несчастье посланцем которого я здесь являюсь.

— Тот же Веран,— заговорил Корсон, сделав глоток из бутылки,— хочет завоевать Вселенную. Он требует оружия и людей или роботов. Взамен он обещает оставить эту планету в покое. Но я ему не доверяю. Что еще хуже, если совет безопасности попытается остановить его, то война неизбежна. И она понесется по планете, поскольку Веран не из тех, кто позволит легко избавиться от себя.

— Ты и есть наша служба безопасности,— добродушно сообщил мужчина,— а в нашем прошлом войн не было.

— Вы считаете, что я...— забормotal Корсон.

— Ты являешься в той эпохе представителем правительства. И в твои задачи входит ту войну предотвратить.

— Войны не было,— медленно произнес Корсон,— поскольку вы здесь. Это значит, что мне удалось. И оно противоречит закону нерегрессивной информации.

Мужчина пересыпал песок из руки в руку.

— Да и нет. Это не так просто. Закон нерегрессивной информации является частным случаем.

— А значит,— сказал Корсон,— будущее может вмешиваться в прошлое.

— Иногда вмешательство вызывает лишь незначительные

последствия, одни из них опасны, другие — благоприятны, по крайней мере с точки зрения беспристрастного наблюдателя. Тебя, меня или Верана. Контроль над временем несколько напоминает экологию. Представь себе планету, населенную насекомыми, птицами и травоядными животными. Насекомые взрыхляют землю и благоприятствуют росту травы. Птицы питаются насекомыми и опыляют растительность. Травоядные поедают траву. Их выделения и трупы служат пищей насекомым и удобряют почву. Так выглядит самое простое экологическое кольцо. Можно без опасений изъять из него хоть одно насекомое, хоть дюжину, и ничего не случится. Можно перебить птичье семейство, или питаться мясом травоядных, но нарушения равновесия не произойдет. Но если уничтожить всех насекомых на достаточно большой территории, то птицы или покинут ее или умрут с голоду. Трава через несколько сезонов исчезнет. Следом за ней исчезнут травоядные. Останется пустыня. То же самое произойдет, если ослабить любое из звеньев цепи. Для каждой из точек есть свой порог, который может оказаться достаточно высоким. Допустим, мы выпустим на планету несколько стай хищников, достаточно быстрых и сильных, чтобы они могли нападать на травоядных. Сначала они будут рассеяны на бесконечных просторах планеты. Годы подряд можно было бы обыскать равнины, но не заметить даже их следа. Но в дальнейшем, не встречая никакого противника, они размножатся до такой степени, что существенно отразится на поголовье травоядных. Сперва это отразится на насекомых, потом — на птицах, потом — на растительности. Травоядные подвергнутся угрозе с двух сторон сразу. Даже хищники начнут вымирать с голоду. При благоприятных условиях может возникнуть новое равновесие, весьма отличное от существовавшего вначале и, возможно, нестабильное. И для того и для другого вида будут существовать периоды голода и сытости. Критический порог станет намного ниже, чем в первом случае. И может оказаться достаточным появление еще одной пары хищников, чтобы это привело к непредсказуемым последствиям. В динамической экологии значащее существо никогда не представляет собой один элемент цепочки, но является конгломератором элементов. И этот процесс нельзя спонтанно предотвратить. Он влечет за собой незначительные, но в конце концов решающие изменения. Скажем, преследуемые хищниками травоядные ускоряют свой бег. Более длинные лапы увеличивают вероятность выживания.

С сохранением тех же самых пропорций аналогичное происходит и со временем. Если только не учитывать, что экологические проблемы детски просты в сравнении с проблемами времени. Вы можете стереть гору с поверхности планеты и даже погасить одну из звезд на небосводе, и в вашем будущем ничего серьезного из-за этого не произойдет. Можно,

скажем, уничтожить всю цивилизацию, и в прошлом, и в будущем, без каких-либо видимых последствий с вашей точки зрения. Но иногда достаточно того, чтобы наступить на ногу человеку, чтобы небо и земля оказались разрушены этим. Каждая точка Вселенной обладает собственной экологической Вселенной. Абсолютной истории попросту не существует.

— Так как можно предвидеть ее?— спросил Корсон.

— Производятся вычисления. В этом есть доля интуиции и доля опыта. А лучше всего смотреть на события сверху, по возможности, с отдаленного расстояния. Всегда легче разбираться во всяких перекрещивающихся путях, способных привести в настоящее, чем прокладывать новые, формирующие будущее. Потому те, с Аэргистала и поддерживают с нами контакт.

Он указал на двоих женщин.

— Но всего они не могут сказать нам. Они не могут допустить изменений в истории, которые повредили бы им самим. Сами они находятся у исхода времени. Все пути ведут в их направлении. Для них история почти абсолютна, почти завершена. И потому мы должны сами исполнять свое предназначение, даже если последствия его гораздо более значительны.

— Понятно,— сказал Корсон,— у меня тоже создалось впечатление, что я вроде пешки на шахматной доске. Сперва я верил, что перемашаюсь свободно. Но по мере того, как я все больше постигал игру, начинал понимать, что меня просто передвигают из клетки в клетку.

На секунду он заколебался.

— Я даже подумал, что это вы ведете игру. Что я реализую ваш план.

Мужчина покачал головой.

— Тут ты прав, Авторы этого плана не мы.

— Но вы знаете, что произошло.

— В определенной степени. Ты для нас — неизвестная функция. Ты появился в определенной точке, чтобы разрешить кризис. Мы — всегда думали, что автор этого плана — ты.

— Я?— переспросил Корсон.

— Ты. И никто другой.

— Я этот свой план еще даже придумать не успел,— заметил Корсон.

— У тебя для этого будет достаточно времени,— ответил мужчина.

— Но его осуществление уже началось.

— Это значит, что план появится.

— А если мне не удастся?— спросил Корсон.

— Ты ничего не будешь знать об этом, мы тоже.

Одна из женщин рядом пошевелилась. Повернулась, встала и с улыбкой посмотрела на Корсона. Лет ей было не больше тридцати. Корсону она была незнакома. Взгляд ее словно

блуждал еще где-то, далеко-далеко, с трудом отходя от слишком долгого самосозерцания.

— Едва могу поверить,— заявила она.— Знаменитый Корсон и среди нас.

— Пока еще у меня нет никаких причин считаться знаменитым,— сухо возразил Корсон. Он-то до последнего мгновения надеялся, что это окажется Антонелла.

— Не надо так сразу, Сельма,— вмешался мужчина.— Перед ним еще неблизкая дорога и он немного нервничает.

— Я его не съем,— ответила Сельма.

— И он всем нам нужен,— добавил мужчина.

— В какой фазе ты находишься?— поинтересовалась женщина.

— Я прибыл как посол...— начал было Корсон, но она сразу же прервала его:

— Это я знаю. Слышала, как ты говорил с Кидом. Но на каком этапе ты находишься в своих планах?

— Я могу нейтрализовать Верана, не выслав ему этого сообщения, поскольку все считают, что это я несу за него ответственность. Но, честно говоря, я не смог бы его и составить, не то что передать.

— С помощью креодов это элементарное дело,— заявила Сельма.— Я тебе это устрою в любую минуту. И мне кажется что Аэргистал согласится передать это сообщение.

— Допустим, ты его не вышлешь,— вмешался мужчина, которого Сельма назвала Кидом.— Кто займется Бестией и князем Урии? Решение лежит где-то в другом месте. Веран представляет собой часть плана. Ты не можешь его так просто зачеркнуть.

— Этого я и боюсь,— согласился Корсон.— Я полагаю, что идея воспользоваться его помощью пришла мне после того, как я встретился с ними на Аэргистале. Но в этом я еще не уверен. Скорее всего, к этой мысли я приду позже.

— Для такого дикаря, он весьма быстро прогрессирует,— заметила Сельма.

Кид нахмурил брови.

— Корсон не дикарь. И был на Аэргистале. Контакта ему было недостаточно.

— И верно,— признала Сельма.— Я и забыла.

Она выпрямилась, потянулась и побежала к морю.

Корсон подумал вслух:

— А кто займется Вераном?

— Ты,— ответил Кид.

— Я не могу воевать с ним. Не могу даже строить никаких планов против него.

— Ошейник!

В сознании Корсона появилась искорка надежды:

— Вы можете помочь мне от него избавиться?

— Нет,— ответил Кид.— Мы не можем. Веран родился

в нашем будущем. Его технология превосходит нашу.

— Значит,— подытожил Корсон,— выхода нет.

— Выход есть. Иначе бы ты там не оказался. Существует по крайней мере одна линия вероятности — креола — на которой ты довел план до конца. Не знаю, понимаешь ли ты всю запутанность ситуации, но твое будущее зависит только от тебя, Корсон, в буквальном значении этого слова.

— У меня такое впечатление, что это я от него завишу.

— Это другой способ сказать тоже самое. Долгое время люди размышляли над проблемой непрерывности существования. Будет ли человек, пробуждаясь, тем же самым, что засыпал? Не является ли сон абсолютным перерывом в непрерывности существования? И почему некоторые мысли, некоторые воспоминания полностью исчезают из сознания, чтобы появиться когда-либо позже. Имеем ли мы дело с единством или наложением существований? Однажды кто-то откроет правду. С момента своего появления теми же словами мы задаем почти те же самые вопросы. Сколько вероятностных факторов наложились друг на друга? Что соединяет прошлое, настоящее и будущее каждого живого существа? Порождает ли детство зрелость или детство выковывается зрелостью? Мы не знаем природы нашей экзистенции, Корсон, но мы должны жить, пользуясь тем, чем располагаем.

Вернулась Сельма, вся покрытая капельками воды.

— Тебе надо выспаться, Корсон,— сказал Кид.— Ты устал. Пусть тебе приснится твое будущее.

— Попробую,— согласился Корсон.— Обещаю вам, что попробую.

И растянулся на песке.

34.

Неожиданно он ощутил чье-то присутствие рядом. Открыл глаза и тут же закрыл их, ослепленный высоко стоящим солнцем. Он повернулся на бок и попытался заснуть снова. Но в этом ему мешали два настырных звука: протяжные вздохи моря и шелест легкого дыхания. Он вновь открыл глаза и увидел на уровне своей щеки песок, один песок вокруг, из которого ветер возводил крохотные барханы и тут же разрушал их. Он окончательно проснулся и сел. Рядом с ним дремала молодая женщина.

— Антонелла,— произнес он.

Одета она была в короткую красную тунику.

— Жорж Корсон,— сказала она тоном, в котором слышалось недоверие.

Он обвел глазами пляж. Кид, Сельма и вторая женщина исчезли. Антонелла поднялась и отошла на несколько шагов.

словно смущенная фактом, что он поймал ее на подглядывании.

— Ты меня знаешь?

— Никогда вас не видела, но много слышала. Это вы должны спасти Урию.

Он более внимательно посмотрел на нее. Она была одета в то время, как те ходили обнаженными. Вне сомнения, она прибыла из другой эпохи, где касающиеся одежды обычаи еще не достигли простоты членов Совета. Она была моложе, чем Антонелла из воспоминаний, намного моложе, почти ребенок. Он понятия не имел, сколько лет прошло между двумя их встречами. Для него эти годы сократились до нескольких месяцев. Он в точности вспомнил сейчас ту Антонеллу. Странно встретить кого-то, с кем было пережито столько приключений, когда человек этот о них еще понятия не имеет. Ему показалось, что он оказался вместе с человеком, страдающим провалами памяти.

— Вы воевали?— спросила она с ноткой неуверенности и в то же время с интересом.

— Да,— ответил Корсон.— Это было неприятно.

Она заколебалась.

— Я хочу спросить... но не знаю, можно ли...

— Можно.

Теперь она покраснела.

— Вы кого-нибудь убили, мистер Корсон?

«Что за детство? Глупая девчонка!»

— Нет,— ответил он.— Я был чем-то вроде инженера. Я никогда никого не задушил, никому собственноручно не перерезал горло, если это ты хочешь знать

— Я была в этом уверена.

Казалось, она была довольна.

— Но я нажимал кнопки,— жестоко добавил Корсон. Она не поняла.

— Сигарету хотите?— спросила она, извлекая пачку из складок туники. Пачку он узнал.

— Это табак, не какой-нибудь синтетик,— настаивала она.

— В самом деле нет. Я перестал курить.

— Как и все здесь. Одна я осталась со своим пороком. Но тоже отложила пачку в сторону.

«Как я мог любить ее?— поразился Корсон.— Она кажется мне такой поверхностной, такой пустышкой. Дело времени и, возможно, обстоятельств. Когда я начал любить ее?» — Он покопался в памяти и подробности их совместных приключений всплыли на поверхность вроде пузырьков болотного газа, вырывающегося из трясины. Аэростат, попытка вербовки, планета — мавзолеей, бегство, краткое пребывание в лагере Верана.

Это было до того, намного раньше. Это началось в то мгновение, когда он поцеловал ее. Нет, за минуту до того, как по-

целовал. Тогда он подумал, что это одна из наиболее обво-
рожительных женщин, которые только встречались ему в жизни.
А такого впечатления поначалу она не производила.

Он начал любить ее в то мгновение, когда из зажигалки
ударил луч. Он почувствовал гипнотическую ловушку и решил,
что она пытается заставить его разговаривать. А ей тем вре-
менем хотелось лишь того, чтобы он ее любил. И это ей уда-
лось. Теперь не следует удивляться ее спокойному ответу,
который она дала ему после того, как он спросил ее, как же она
не смогла предвидеть, что ее уловка не удастся. Или это был
обычай обитательниц Диото? Он ощутил нарастающий гнев.
Но почти сразу же успокоился. Во все времена женщины
ставили капканы на мужчин. Это был один из законов их вида
и женщины не могли отвечать за это. Можно было бы оставить
ее в лагере Верана, чтобы она убедилась, что мужчины тоже
обладают своими методами,— подумал он. Но он не сделал
этого. Потому что именно там начал любить ее по-настоящему.
Когда она показала свое хладнокровие. И потом на планете-
мавзоле, когда она была такой растерянной и человеческой.

А кроме того, у него не было выбора. Он будет вырывать
ее и самого себя из когтей Верана. На планете-мавзоле под-
бросит им сумку с продовольствием. Вплоть до того момента
поведение его было определено. А дальше? Придется ли после
отсылки сообщения ему еще позаботиться о рекрутах и оружии,
которые требовал беглец с Аэргистала?

Все это представлялось бессмысленным. Чего ради, другой
Корсон, после их бегства оставил их на планете-мавзоле?
Или же это обязательный ключевой пункт, местонахождение
узла времени? Но Корсон начинал уже хорошо ориентирова-
ться во временных маршрутах и был почти уверен, что ничего
такого в расчет не входило. Когда он проводил свою спасате-
льную операцию, он с таким же успехом мог бы доставить бе-
глецов сюда, на этот пляж, на котором заседал Совет Урчи,
сам готовый к возвращению на Аэргистал, если его присут-
ствие окажется там необходимым. Он знал, что был там. На
Аэргистале он изменился. И научился многим вещам, необхо-
димым для реализации плана.

Он вспомнил про металлическую табличку, положенную
на хорошо видное место, на сумке с продовольствием перед
дверями мавзолея. Тогда сообщение показалось ему не сов-
сем понятным. Он перерыл карманы скафандра. И хотя он
неоднократно менял одежду, но табличку все же нашел. На-
верно, он чисто автоматически перекладывал содержимое
карманов из скафандра в скафандр.

Одна часть текста стерлась. Но тем не менее другие фразы
остались глубоко врезаны в металл.

— Даже пустые упаковки могут еще пригодиться. Суще-
ствует больше, чем один способ ведения войны. Запомни это.

Он тихо приставил зуб. Пустые упаковки, опу-
стошенные тела? Разумеется, это означало полуживых из мав-

золея. Он подумал, что можно снабдить их синтетическими личностями и использовать как роботов. Он прикинул, что здесь можно говорить даже об андроидах. Но наличие пупка на животе каждой из них не оставляло сомнений. Они были живыми, но замедленная реакция их тел могла создать иллюзию жизни. Он насчитал их свыше миллиона и даже не дошел до конца мавзолея. Он даже не видел его. Это была великолепная потенциальная армия. Она удовлетворила бы наиболее безумным стремлениям Верана. Но то были женщины. Когда Антонелла оказалась в лагере, Веран решил, что недурно было бы усилить дисциплину. Он лишь частично был уверен в своих людях. Он не боялся измены ради денег и честолюбия. Но у физиологии свои законы, и ему не хотелось ломать их.

Корсон поднял руки к горлу. Ошейник все еще находился там, легкий настолько, что порой удавалось о нем забыть. Крепкий и холодный. Мертвый и более грозный, чем граната. Но змея пока спала. Видимо, мысль об использовании полуживых в виде солдат не заключала в себе враждебных намерений.

Он скорчился на песке, обессиленный внезапной слабостью, понимая, что Антонелла наблюдает за ним. Мысль об использовании полуживых, в виде солдат, стискивала ему сердце. Но что-то было в ней от метода бога Аэргистала. Чтобы избегнуть большей гутаницы, следует использовать отходы, военных преступников или жертв какого-то конфликта. Эти скверняки выбрали меньшее зло. Или же вернее — они были абсолютными реалистами. Поскольку эти женщины были мертвы — психологически мертвы. Пустые упаковки. Они уже не способны были ни мыслить, ни творить, ни действовать, и даже страдать иначе, чем в чисто биологической плоскости. Может, рожать они еще были способны. Это был вопрос, на который еще следовало остановиться впоследствии. Наделение их синтетическим разумом было несравнимо меньшим преступлением, чем уничтожение города, населенного мыслящими существами, путем простого нажатия кнопки. По сути дела это не было даже преступление, как не считается преступлением пересадка сердца, органов. Земные хирурги давно решили эту деонтологическую проблему: мертвое служит живому.

Он уселся на песке, полностью обессиленный, с трудом сглотнул слюну и вытер уголки губ.

— Уже лучше, — сказал он испуганно склонившейся над ним Антонелле. — Ничего, небольшой приступ.

Она ничего не сделала, чтобы помочь ему. «Еще слишком молода, — подумал он, — и воспитана в нежном мире, не знающем ни болезней, ни страданий. Словно прекрасный цветок. Жизненный опыт ее изменит. И вот тогда он сможет полюбить ее. О боги, чтобы отыскать ее, я разнесу Аэргистал камень по камню. Они не могут держать ее там. Она не запачкала своих

рук, не совершила ни одного преступления».

И это подтверждало необходимость Корсона. Антонелла не смогла бы сделать вместо него то, что сделал он, ни того, что ему предстоит еще сделать. Не смогли бы ни Кид, ни Сельма, никто из эпохи. У них не было достаточного твердого позвоночника. Они принадлежали к иному миру и сражались на ином фронте. К несчастью для них, опасность не оказалась полностью исключенной. И ее ликвидация стала делом людей, таких как Корсон. Мы ремонтники истории, ее мусорщики. Чтобы под ногами наших потомков асфальт был чист, мы копаемся в дерьме.

— Искупаемся?— спросила она.

Корсон кивнул, все еще не решаясь заговорить. Море обмывает его. Но чтобы очистить — всего моря не хватит.

Когда они вышли из воды, Кид уже вернулся. Корсон отослал Антонеллу под первым подвернувшимся предложением и изложил свой план. Основные детали укладывались в целое, хотя некоторые нюансы все же были неясны. Например, Корсону мешал ошейник. Он не знал, как бы ему избавиться от него. Может быть, на Аэргистале или во время одного из путешествий в будущее. Однако, временно это была серьезная неприятность.

Бегство не представляло никакой проблемы. Сам Веран, кроме ошейника, снабдил его целым арсеналом разнообразного оружия. Он полагал, что ему не следует ничего бояться и исходил из принципа, что каждый свободный мужчина может быть полезен на войне. Одно из устройств создавало поле, глущее свет. Модифицировав его, Корсон намеревался достичь более широкого радиуса действия, кроме того, он вмонтировал сюда генератор ультразвука, которым тоже располагал, это позволит ему видеть в темноте. Сумка с продовольствием, которую он должен был оставить на планете-мавзоле, входила в экипировку гиппрона. Оставались два скафандра, которые предстояло одеть Корсону и Антонелле. Он решил, что в суматохе, вызванной его вторжением, ему без труда удастся похитить их.

Вопреки ожиданиям, Кид даже не удивился, когда Корсон подошел к наиболее деликатной части своего проекта: реанимация полуживых на планете-мавзоле. Или же он был маловпечатлительным человеком, или умел держать себя в руках. Первое предположение казалось менее вероятным.

— У меня есть кое-какое понятие о технике реанимации, сказал Корсон,— и о подсадке Искусственной личности, но мне потребуется аппаратура, и, быть может, помощь специалиста.

— Я думаю, ты найдешь все на планете-мавзоле,— сказал Кид.— Эти твои кошмарненькие коллекционеры наверняка обо всем позаботились. А если потребуется совет, лучше всего связаться с Аэргисталом.

— Как? Покричать погромче? Или же глаза их все время на меня нацелены?

Кид слабо улыбнулся.

— Возможно. Но это не способ. Ты можешь говорить, с ним при посредстве гиппрона. Ты же совершил паломничество на Аэргистал. Эта дорога навсегда осталась запечатленной в твоей нервной системе. А кроме того, это скорее не дорога а метод взгляда на вещи. Аэргистал занимает поверхность Вселенной, это значит, что он повсюду. Поверхность гиперпространства — это пространство, в котором число измерений на одно меньше, чем в гиперпространстве. Это не совсем точно, поскольку число измерений этой Вселенной может быть миним или даже трансцендентным. Однако, для практических нужд тебе знать больше и не требуется.

— Но как я это сделаю?— беспомощно спросил Корсон.

— Я не разбираюсь в гиппронах так хорошо, как ты, и никогда не был на Аэргистале, но мне кажется, что достаточно установить с ним эмпативный контакт, который позволяет тебе на нем путешествовать, и припомнить свой путь. Гиппрон инстинктивно выполнит необходимую настройку и корректировку. Не забывай, что у него развитое восприятие твоего под-
сознания.

Кид потер подбородок.

— Заметь,— продолжал он,— все это началось с гиппроном, по крайней мере на этой планете. В этом звене вероятностей, или же в ином, соседнем.— Тут Кид печально улыбнулся,— именно ты доставил сюда первого гиппрона. Ученые Урии подвергли обследованию его потомков. Они смогли понять метод временной трансляции. Потом им удалось привить это свойство людям, сперва в незначительной степени. Я уже сказал тебе, что это не столько вопрос способностей, сколько метод видения мира. Нервная система людей не обладает каким-либо качеством. Зато обладает тем умением, что способна впитывать в себя недостающее; а что может быть лучше. Несколько веков назад, в начале контролируемого нами периода, люди на Урии могли предвидеть лишь несколько секунд своего будущего. По непонятным причинам у древних уриан, птиц, с этим было несравнимо больше трудностей.

— Вот и хорошо,— сказал Корсон, вспомнив Нгал Р'нда.

Но люди, с которыми я встретился после своего прибытия, уже обладали этими способностями. А изучение гиппронов могло произойти лишь после этого.

Кид снова улыбнулся, но на этот раз весело.

— Сколько человек вы видели на самом деле?

Корсон повернул память вспять.

— Двоих,— сказал он,— только двоих. Флору Ван Вейль и Антонеллу.

— И обе прибыли из твоего будущего,— сказал Кид.— В дальнейшем те, кто был наиболее способным или наиболее подходящим, вошли в контакт с Аэргисталом. Все стало лег-

че. По крайней мере, так можно было бы сказать.

Он выпрямился и глубоко вздохнул:

— Мы начали перемещаться во времени без гиппронов и машин, Корсон. Пока нам еще требуется крохотный аппаратик подручная память. Но вскоре мы будем обходиться без него.

— Вскоре?

— Наутро или же через сто лет. Не это самое важное. Для того, кто покорил его, время теряет значение.

— До той поры умрет немало людей.

— Ты уже умирал однажды, верно, Корсон? И это никак не мешает тебе выполнять свое задание.

Корсон замолчал. Он размышлял над своим планом. Подсказки Кида помогли избежать двух трудностей, обучения гиппрона тому, чтобы он доставил того Корсона и Антонеллу на Аэргистал, и информации, необходимой для того, чтобы отыскать планету-мавзолей. Раз он уже был там однажды, он сможет вернуться. Для человека, разумеется, было невозможным знать положение миллионов и миллиардов небесных тел во Вселенной, не принимая даже во внимание их взаимоперемещение с ходом веков. Но он всегда сможет найти дорогу, которой он однажды прошел. Это так же, как не требуется прочитать все книги, чтобы суметь прочитать несколько из них.

— Мы могли бы подвергнуть тебя определенной тренировке, Корсон,— сказал Кид, роясь в песке,— но на это ушло бы слишком много времени, а кроме того, эта линия вероятности слишком тонка. Лучше, чтобы ты воспользовался гиппроном. Это мы предпочитаем обходиться без них.— Он открыл контейнер из позолоченного гравированного серебра.

— Ты, наверное, уже проголодался,— сказал он.

Х Х Х

Корсон провел на пляже три декады. Полный отпуск, если так разобраться. Но большую часть времени он посвятил разработке плана. Он по памяти восстановил точный план лагеря Верана. У него будет очень немного времени, чтобы довести двоих беглецов до стойки гиппронов, и речи не может быть, чтобы налететь на какую-нибудь палатку или заблудиться в паутине растяжек. Он также отобрал основные черты синтетической личности, которой он собирался наделить полуживых. Он еще не знал, как переправить их с планеты-мавзолея на Урию, но когда будут выполнены предшествующие этапы программы, у него появится время подумать об этом.

А кроме этого он купался, баловался с Антонеллой, принимал участие в работе Совета. На первый взгляд она не представлялась особенно напряженной, но понемногу он начал понимать ответственность, лежащую на Киде, Сельме и другой женщине, по имени Ана. Порой им приходилось исчезать на неопределенное время, от нескольких часов, до нескольких

дней. Не один раз видел их утомленными, не способными произнести ни слова. Временами какие-то незнакомцы возникали ниоткуда, просили совета или приносили сведения. На долгие часы, чуть ли не каждый день, по крайней мере один из членов Совета вступал в контакт с Аэргисталом. Чаще всего это делали женщины. Может быть, они опередили Кида на пути познания времени? А может быть, те, с Аэргистала, предпочитали иметь дело с собеседницами? Некоторые из этих сеансов кончались поразительно. Однажды его разбудил вой. Это Ана корчилась в песке, в приступе эпилепсии. Прежде, чем он успел что-либо предпринять, Кид и Сельма легли по обе ее стороны и вошли в контакт. Вопли и судороги Аны через несколько минут прекратились. Утром у Корсона не хватило смелости спросить об этом.

Поскольку времени для размышлений у него не было, он попытался понять, какой была история шести тысяч лет, которые он перепрыгнул. Но полученные ответы не слишком его удовлетворили. Шесть тысяч лет — это изрядный отрезок времени, почти не поддающийся воображению. Столько времени даже не прошло с тех пор, как человек впервые покинул свою планету и до момента его рождения. Наука, наверняка, достигла великих достижений. Человеческая держава расширилась на целую энциклопедию новых планет. Но обнаружили ли первопроходцы очень древние расы из легенд, в миллионы раз более развитые, чем человечество? Ответ на это был явно отрицательный. Корсон сомневался, чтобы люди пережили бы такой шок. Вне сомнения, столь высоко развитые культуры уже достигли уровня Аэргистала, или согласно словам бога «уже нет разницы». Если эти культуры и влияли как-то на эволюцию человечества, то это не были наивные формы агрессии или «мирного сосуществования». Воздействие могло проявляться в любой точке реки времени. То, что более всего поражало Корсона, это «провинциальный» характер ответов Кида, Сельмы и Аны. Они немного знали историю Урии и нескольких десятков ближайших звезд. Однако, они ничего конкретного не могли сообщить о происходящем в масштабах всей галактики. Даже само понятие галактической истории было им почти полностью чуждо. Сперва Корсон решил, что это потому, что речь шла о делах слишком масштабных, чтобы один человек мог осознать их. Потом понял, что под историей они подразумевают нечто другое. Они понимали ее как наложение конфликтов и кризисов, из которых ни один не был неизбежным, а ход событий подчинялся сложным законам. Перечень всех возможных кризисов интересовал их так же, как каталог всех возможных решений интересовал инженера эпохи Корсона, или список всех возможных мутаций клетки, вызванной вирусом, интересовал медика, а таблица затмений — астронома. Существовали правила, описывающие большую часть конкретных ситуаций. Появление ситуации, необъяснимой с точки

зрения существующих принципов рано или поздно вело к появлению новой системы правил. Единственной признаваемой ими историей была история следующих друг за другом наук об Истории. Но никто из них не специализировался в этой области. И разнородность людских и иных миров — в данную минуту, насколько это выражение имеет смысл — представляла целую гамму разнобразнейших ситуаций. Галактическая цивилизация оказалась цивилизацией отдельных островков. У каждого острова была своя история, свои собственные законы общественной жизни, и взаимоналожения были сравнительно малочисленны. Корсон понял, что войны были первейшим жизненным правилом планет, назвавших себя Солнечной Державой, и тех, что сложились в Империю Урии, а также всех более поздних объединений.

Однако вопросы, касающиеся Урии, оставались. Корсон хотел знать, была ли Урия ключевой стратегической планетой, которая благодаря этому привлекла внимание богов Аэргистала. Для Кида, такая постановка вопроса была бессмысленной. Ана считала, что уриане были призваны сыграть особую роль во Вселенной благодаря своему открытию природы времени. Согласно Сельме, все планеты были равнозначны, а власть над временем предоставлялась культурам достаточно развитым, с благословения богов Аэргистала, в тот момент и таким образом, какой они сочли наиболее подходящим. Выслушав все это, Корсон понял, что ничуть не продвинулся вперед.

Иногда на него нападали сомнения. Глядя на них, живущих с ним рядом, он порой задумывался, в своем ли они уме. Не вытекала ли их уверенность в своих собственных возможностях из галлюцинаций? У него не было других доказательств их власти над временем, кроме их отсутствий. Они могли обманывать его, вольно или невольно. Но они слишком много знали о нём, о его прошлом, об Аэргистале. Правда, он был в этом уверен, с таким же успехом они могли допросить гиппрона. С этой точки зрения, в нормальном времени, в свободные минуты они не проявляли никаких признаков инородности. Вели себя как обычные люди, даже более уравновешенные, чем все, кто был известен Корсону по периоду войны. Это тоже удивляло его. Люди, на шесть веков старше, чем его общество, должны отличаться. Потом он вспомнил Турэ, вызванного из мифических времен Земли, из древней страны, откуда люди еще только-только переступили порог родной планеты. Тогда он тоже не заметил разницы. А Турэ поразительно успешно приспособился к жизни на Аэргистале. Ни Аэргистале, который будет создан миллион или миллиард лет спустя. Он подумал, что миллиард здесь более пригодно. И в те же минуты размышлений Корсон обнаружил, что его товарищи были другими. Они были тесно сплочены, в то время как его общество знало лишь индивидуализм и профессиональные связи. Особенно крепкие узы соединяли Кида и Сельму, но не так, чтобы Ана оказалась лишней, скорее на-

оборот. Все трое жили вместе, в разных сочетаниях. И старались не шокировать его. Жизнь на пляже может быть и носила идиллический характер, но зато исключала интимность.

Интересно, что Антонелла, казалось, осталась в стороне. Еще больше, чем Корсон, она играла роль приглашенного гостя. Вся троица не выделяла ее из группы, и даже поддерживала с ней демонстративно-дружеские отношения, но она была не в их стиле. Она не обладала ни пикантной непредсказуемостью Сельмы, ни несколько абстрактной рассудительностью Аны. Была она всего навсего, молоденькой девушкой, кружащей вокруг Корсона, словно пчела возле корки с медом. Она находилась в его обществе меньше, чем две остальные женщины, но тут Корсон отдавал ей должное — не проявляла по этому поводу никакого неудовольствия. Почти неуловимую, но существенную дистанцию между ней и остальной троицей Корсон приписывал ее меньшему жизненному опыту, более ограниченной образованности и факту ее прибытия из иной эпохи. Из какой — об этом он никогда не спрашивал, из-за отсутствия точки отсчета ответ был бы лишен для него смысла. В любом случае, когда он расспрашивал ее о том, чем она занималась раньше, Антонелла отделялась общими фразами. Казалось, у нее не было воспоминаний, которые заслуживали бы внимания. Какое-то время он пытался понять, почему в будущем, когда они встретятся во второй раз, она ничего ему не скажет, или не сказала, с его точки зрения — о Киде, Сельме, Ане, об этом спокойном существовании на пляже. Ответ был труден. Может быть, она опасалась временных изменений. Или, попросту, не имела никаких причин, чтобы сделать это. В ту пору Кид, Сельма и Ана были для него ничего не значащими именами.

Но сейчас они стали настоящими друзьями. Он не мог припомнить, чтобы в прошлом проникался такой симпатией к кому-либо из людей. Особенно он любил вечера, когда они потягивали вино и обменивались мыслями. Тогда ему начинало казаться, что все трудности преодолены, и сейчас они всего лишь воскрешают в памяти события былого.

— Не забудь выслать это сообщение, Сельма.

— Так, словно оно уже выслано, — говорила Сельма.

— И подпиши его моим именем, Жорж Корсон. Этот старый лис Веран знал его еще до того, как я ему представился. И скажи ему, что на Урии он найдет оружие, рекрутов и гипронов.

— Судя по беспокойству, Корсон, можно предположить, что речь идет о любовном послании.

— В последний раз я его видел на краю великого Океана Аэргистала. Там, где море упирается в пространство. Надеюсь, этого адреса окажется достаточно. Теперь, когда я об этом вспоминаю, мне кажется, что Веран был в опале. Он, наверное, убегал от кого-то.

— Мы вышлем ему сообщение до востребования, Аэргистал.

Однажды он объяснил военную систему почтовых секторов, применявшихся в его эпоху, ожидающих до востребования эскадры год, два, десять, а порой — и целую вечность. Это были автоматические корабли, самостоятельно отправляющиеся в нужные точки пространства. В этой точке они находились до момента вручения корреспонденции.

Сельма сочла эту историю одновременно и комичной и абсурдной. И чуть ли не разозлилась. Но позже он понял, что сама мысль об ожидании сообщения была для нее понятием совершенно невероятным. Она ежедневно получала сведения из эпох, в которых сама уже давным-давно не существовала.

Потом он обратился к Киду:

— Ты уверен, что ланики, вызванной в лагере Верана, окажется достаточно? Ты уверен, что обитатели Урии найдут общий язык с солдатами и гиппронами?

— Полностью, — ответил Кид. — За исключением Верана, ни у кого из них нет чина, выше капитанского. Как только он будет обезврежен, остальные не станут оказывать особого сопротивления.

— Вместе — возможно. Но каждый сам по себе — сомневаюсь. Они привыкли сражаться в самых суровых условиях.

— У них не будет на то охоты с подарком, который ты суешь им в руки. И ты недооцениваешь жителей Урии. Может они и не ветераны, но я не уверен, что Веран смог бы справиться с ними, даже без твоего плана. Было бы огромное число убитых, чего мы и стремимся избежать, но не сомневаюсь, что Верана бы разгромили. Но это уже наше дело.

Мысль об этом наполняла Корсона страхом. Он знал, что люди Верана будут деморализованы внезапным исчезновением дисциплины, к которой они были приучены. Но они располагали грозным оружием и умели им пользоваться.

— Хотел бы я быть при этом, — заметил Корсон.

— Нет, — тебе будет другое задание. Вдруг тебя ранят или убьют. Это привело бы к серьезным изменениям.

Кид с самого начала настаивал, чтобы Корсон держался подальше от возможного поля боя. Корсон согласился, но не понял причин. Он не мог привыкнуть к мысли, что это сражение уже произошло и в определенном смысле уже выиграно.

Однажды Кид не стал развивать свою привычную аргументацию, а просто сказал:

— Надеюсь, ты кончил свои приготовления, приятель. Время идет. Утром пора отправляться.

Корсон задумчиво кивнул головой.

В тот вечер они ушли с Антонеллой в конец пляжа. Она была покорной. Корсон сохранил другие воспоминания. Она не была ни испуганной, ни удивленной, просто — послушной, тогда как на том же самом пляже, тремястами годами ранее,

она доказала, что наделена темпераментом. В одном он был уверен, она не девица. Это было ему безразлично. Но он подумал, сколько еще мужчин встретятся ей, прежде чем она его отыщет. Потом он заснул, прижав ее к себе.

На следующее утро он надел упряжь на гипирона. Он редко находил время, чтобы заниматься им, но животное и не требовало присмотра. Он много думал о предоставляющихся возможностях войти в контакт с Аэргисталом, но так этими возможностями и не воспользовался. Он спросил Аэргистал, если в этом возникнет необходимость. При воспоминании о хрустальном голосе, который он слышал под пурпурными словами, ему делалось нехорошо.

Кид был один на пляже. Он подошел к нему, когда Корсон уже собирался вскочить в седло.

— Удачи, дружок, — сказал он.

Корсон заколебался. Он не намеревался выступать с прощальной речью, но и не хотел уйти, ничего не сказав. Утром, когда он проснулся, Антонеллы уже не было. Наверное, она хотела его избавить от сцены прощания.

— Спасибо, — сказал он.

Ему показалось это крайне недостаточным.

— Чтобы вы смогли жить здесь до скончания веков.

Он облизнул пересохшие губы. Сколько невысказанных слов, столько нерешенных вопросов. Время шло. Он выбрал единственное.

— В вечер моего прибытия ты сказал, что вам необходима медитация. Это для того, чтобы править веками?

— Нет, — сказал Кид. — Путешествия во времени — это один из наименее важных аспектов проблемы. Мы пытаемся достигнуть концепцию иной жизни. Мы называем ее надсуществованием. Это... как бы тебе сказать... жить одновременно, существовать на множестве вероятностных линий. Быть сразу многими, оставаясь самим собой. Стать многомерным. Подумай о том, что случится, когда каждое существо внесет свою модификацию в историю. Эти модификации наложатся на иные, породят интерференцию, изменения, одни — полезные, другие — нет. Ни одно живое существо не способно в здравом разуме и в одиночку достичь надсуществования, Корсон! Но чтобы отважиться на риск и влиять на него и твою судьбу, ты должен этого человека исключительно хорошо знать. К этому мы и готовимся. Сельма, Ана и я. Перед нами дальняя дорога... дальняя дорога до цели.

— И вы станете такими, как те, с Аэргистала, — сказал Корсон.

Кид покачал головой.

— Они будут другими, Корсон, воистину другими, измененными эволюцией, нет, это понятие здесь неприменимо, ни одна из наших концепций не в силах объяснить этого. Они не будут ни людьми, ни ядерами, ни потомками существующих рас. Они будут всем этим одновременно, или точ-

нее — были всем этим. Корсон, мы ничего не знаем об Аэргистале. Мы видим лишь то, что способны увидеть. Не потому, что они позволяют нам видеть лишь это, но из-за того, что большее мы увидеть не в состоянии. А это — почти ничего. Мы окрашиваем Аэргистал в цвета. Мы сами выдумываем его, Корсон. Они владычествуют над чем-то, чего мы боимся.

— Смерть? — спросил Корсон.

— О, нет. Смерть не страшна тем, кто узрел надсуществование. Не страшно умереть однажды, когда сохраняется бесконечность равнозначных жизней. Но есть нечто другое, что мы называем надсмертью. Она основана на переносе существования в сферу теоретических возможностей, на изменении, вычеркивающем тебя из всех линий вероятности. Необходимо контролировать все креоды Вселенной, чтобы быть уверенным, что такого не произойдет... Необходимо сопоставить свои возможности всего континуума. Тем, с Аэргистала это удастся.

— Ага, — произнес Корсон, — потому-то они и боятся того, что Снаружи, потому и обнесли свои владения стеной войн.

— Возможно, — сказал Кид. — Я там никогда не был. Но мои слова не должны пугать тебя. Возвращайся, как только сможешь.

— Вернись, — пообещал Корсон. — И надеюсь снова увидеть вас.

Кид двусмысленно улыбнулся.

— Корсон, друг мой, особо на это не надейся. Но возвращайся поскорее. Твое место в Совете Урии. Удачи.

— Прощай! — выкрикнул Корсон.

И рванул гиппрона.

36.

Чтобы обзавестись двумя космическими скафандрами, он совершил первый скачок. Надежнее было разбить бегство на два этапа. Он решил действовать за минуту до времени, назначенного для бегства. Благодаря этому он смог разведать оборону и вызвать панику, необходимую для осуществления другой стадии. С проникновением в одну из складских палаток у него не возникло особых хлопот. Так он надеялся, что и ночь не ослабила бдительности в лагере Верана. Едва он утишил два скафандра и вернулся к гиппрону, как завывли сирены тревоги. Палатка, которую он ограбил, находилась почти на противоположной стороне лагеря, относительно палатки, в которой находились Антонелла с тем Корсоном. Первым побуждением часовых будет прочесывание места кражи. Времени, чтобы вернуться, у них не будет.

Он скакнул на несколько дней в прошлое, выбрал пол-

ностью изолированное место и тщательно проверил скафандры. Удовлетворенный, он решил приступить ко второму этапу. Синхронизировался в выбранный момент и поставил гиппрона в загоне, предназначенном для животных. В суматохе никто не обратит на него внимания. Он был одет согласно уставу, вполне мог вернуться из одного из патрулей. Он сразу же включил глушитель света и побежал по петляющим улочкам лагеря так быстро, как позволял ему туманный образ, создаваемый ультразвуковым локатором. Он прикинул, что пройдет по крайней мере десять секунд, прежде, чем самые толковые из патрульных придут к верному выводу. Но это не поможет им, так как неизвестно, с какой стороны началась атака. Зона действия прожекторов была ограничена, а разные помехи создавали бы достаточно сбоев, чтобы исказить истинную картину. У офицеров уйдет, по крайней мере, минута на то, чтобы заставить своих людей выключить бесполезные сейчас прожектора. Этого было достаточно, лишь бы Антонелле, благодаря ее дару предвидения, удалось уговорить того Корсона к сотрудничеству. Но он-то знал, что ей это удалось.

Все произошло так, как он и предвидел. Он попытался закоптить свой шлем, чтобы тот Корсон не смог узнать его. Пользовался только жестами. Это была не та минута, чтобы вводить в сознание того Корсона дополнительный, все искажающий фактор.

Теперь же они мчались в пространстве, потом прыгнули во времени. Корсон приказал своему животному совершить несколько быстрых маневров, чтобы сбить погоню со следа. Второй гиппрон следовал за ним как ангел. Солдаты Верана не знали их цели и могли до бесконечности блуждать по лабиринту континуума, так и не отыскав планеты-мавзолей. Кроме того, Веран отзовет преследователей, как только патруль донесет ему, что Корсон вернется.

Планста-мавзольей. «Интересно,— думал Корсон,— когда же я открыл ее в первый раз».

Он показывал дорогу сам себе. Ему показалось, что здесь он нарушил закон нерегрессивной информации. Информация замкнулась сама по себе. У всего есть свое начало. Может, ему только так казалось? Может, намного позже он откроет планету-мавзольей в первый раз, и постарается придать информации круговой характер? Может быть, так же, что какая-то глубинная дорога, пока ему неведомая, соединяет вместе все возможные поступки в жизни Корсона? Пока что он не мог разрешить эту загадку. У него не было достаточно данных для ответа.

Над нужной точкой планеты, снабдив другого гиппрона, несущего того Корсона и Антонеллу, необходимыми инструкциями, он отпустил его. А сам совершил новый прыжок во времени, в свое будущее. Он не обнаружил никакого следа своего недавнего пребывания здесь. Это был добрый знак.

Сперва он побаивался, что окажется лицом к лицу с самим собой или же наткнется на два побелевших скелета.

Он спустился с гиппрона, и, не без опасения, вступил в хранилище мертвых. Здесь ничто не изменилось. Он неторопливо принялся за дело. Сейчас время уже не играло роли.

Предположения Кида оказались верными. Аппаратура, необходимая для реанимации и имплантации синтетических личностей, находилась на подземном этаже, под огромным залом. Но лишь с помощью гиппрона, позондировав фундамент, он смог отыскать вход. Работа оказалась даже более простой, чем он предполагал. Большую часть ее выполняли автоматические устройства. Боги войны, собравшие эту гигантскую коллекцию, любили работать быстро. Несомненно, они еще меньше, чем Корсон, разбирались в основных принципах реанимации тел.

И все же, руки у него тряслись, когда он приступил к первой попытке. Он запрограммировал синтетическую личность с пятисекундным сроком действия.

Результат первой попытки был крайне неприятен. Серьезной попытки. Огромная блондинка, с внушительными формами, чуть ли не на голозу выше его, сорвалась со стола, издала нечленораздельный звук, бросилась на него и заключила в объятия столь крепко, что он начал задыхаться. Ему пришлось оглушить ее. Немного оправившись, он поставил диагноз: слишком много фолликулина.

Чтобы немного опомниться, он решил пока подбросить записку и сумку с продовольствием. Небольшая маталлическая табличка казалась сейчас почти гладкой. Несколько тестов показали Корсону, что ее материал был чувствителен к воздействию времени. Деформированный, он стремился вернуть себе первоначальный облик под влиянием перемещений во времени. Значит, проблема состояла в основном в том, чтобы достаточно глубоко выгравировать центральную часть сообщения, поскольку ей предстояло испытать немало перемещений. Он произвел необходимые расчеты и взялся за дело. Он попытался прикинуть, что произойдет, если он изменит хоть слово. Скорее всего, ничего. Порог изменений не будет достигнут. Однако он решил ограничиться информацией, запечатлевшейся в его памяти. Игра шла на слишком большую ставку.

Оставалось решить еще проблему обучения гиппрона, который должен доставить Корсона и Антонеллу на Аэргистал. Здесь он решил осуществить подмену. С этой целью он провел наиболее, по-возможности, полный обмен информации.

Он не хотел, чтобы внимание того Корсона было привлечено каким-то несоответствием в ней. Сумку с продовольствием он поставил на заметном месте, рядом с дорогой.

Потом он вернулся в то время, в котором он предпринял попытки витализации пленниц богов войны. Он не знал, что

произошло бы, ошибись он на несколько часов и оказался лицом к лицу с самим собой. Но как бы то ни было, инстинкт гиппрона избавил его от такой возможности. Животное отказывалось двигаться в континууме уже проторенными им дорогами. Очевидно, оно ощущало собственное присутствие сквозь несколько секундный экран времени и перемещалось в другое место. В некотором смысле, оно слепо подчинялось закону нерегрессивной информации. И Корсон предпочитал не действовать вопреки его природе.

Он вновь принялся за приготовление рекрутов для Верана. Теперь он работал быстро, желая поскорее с этим разделаться. Он начал бояться, что боги войны вмешаются в его затею и ему придется объясняться с ними. Но несколько вырезок в будущее и недалекое прошлое успокоило его.

Он создал три принципиально различные матрицы искусственного разума. Слишком большая одинаковость в поведении женщин могла грозить преждевременным раскрытием его планов. С той же целью он постарался разнообразить свой выбор, стараясь избегать использования одного и того же соматического типа. В первой своей попытке реанимации он постарался наделить женщину сексуальной активностью. Однако, столкнувшись с последствиями, он, несмотря на внутреннее сопротивление, ввел в матрицы умение обольщать. Еще одним не дающим ему покоя вопросом была долговременность стабильности синтетической личности, слишком короткое существование матрицы могло разрушить весь план. И все же, он не мог заставить себя наделить полуживых слишком долгим существованием. И хотя он воспринимал их не иначе, как машины, при мысли о том, какому обращению они подвергнутся со стороны людей Верана, ему делалось нехорошо. В конце концов он решил, что срок существования матрицы будет равен приблизительно сорока восьми часам с десятипроцентной поправкой на ошибки. По прошествии этого времени рекруты Верана утратят все качества, присущие человеческим существам, а из-за отсутствия необходимого оборудования, смерть их станет неизбежной и окончательной. Если ситуация будет развиваться так, как он предполагает, то это произойдет через несколько часов, а то и минут. В ином случае план рухнет. У Верана окажется достаточно времени, чтобы приструнить своих людей и безжалостно уничтожить новых рекрутов.

На этой стадии своего плана Корсон задержался, он не знал, сколько тел ему следует оживить. Слишком ограниченное число грозило возникновением споров среди солдат, которые, скорее всего, быстро поддались бы призывам своего вождя. Слишком же большое количество вызвало бы замешательство в маленькой армии Верана. Кроме того, это усложняло проблему транспортировки, которую и без того Корсон еще не разрешил. Корсон оценивал численность людей Верана

примерно в шестьсот человек. Он решил витализировать две тысячи женщин. Он не смог бы справиться с этим сам за такое короткое время. Без всякого желания он отобрал двадцать тел и снабдил их синтетическими личностями, чтобы те смогли ему асистировать. Это были совершенные и непогрешимые конструкции. Ему пришлось приложить немало усилий, чтобы на первых порах не обходиться с ними по-хамски. Их молчание и неременная улыбка действовали на нервы. «Потенциально в моем распоряжении находится, — думал он, — гаем, самый большой и самый изысканный, о каком могли только мечтать наибогачейший делец, наивеличайший вождь, наинутонченнейший султана. Но это было не в его вкусе.

Когда он уже был уверен, что сможет вернуть к жизни две тысячи женщин за несколько часов, его беспокоила проблема их транспортировки и одежды на них.

В мавзоле не нашлось никакой одежды для них. К чему она мотылькам! — с горечью подумал он. Он совершил несколько экспедиций в соседнюю звездную систему и, наконец, воспользовавшись перемещением во времени отыскал военный склад, который бесстыдно ограбил. Он надеялся, что это событие не слишком сильно отразится на истории планеты. А кроме того, он по собственному опыту знал, что несмотря на автоматизированный учет, значительная часть запасов порой исчезала во все времена и во всех армиях Вселенной, но серьезных последствий это не вызывало. Какой-нибудь чиновник для оправдания несоответствия в накладных проведет несколько бессонных ночей, придумывая более-менее правдоподобные объяснения. В худшем случае, его разжалуют. Но это не те люди, которые творят историю.

С транспортом было другое дело. Совсем малости не доставало, чтобы он вызвал Аэргистал. Но эту идею он оставил на самый крайний случай. Мысль о том, что ему придется просить богов Аэргистала о помощи, представлялась ему неприемлемой. Слишком хорошо он запомнил снисходительную презрительность Голоса. Он был согласен быть пешкой, но под страхом всех семи кругов ада не согласился бы стать рабом! Может быть, это и инфантильная точка зрения, но это его решение. В конце концов он нашел решение, которое, хотя и лишенное элегантности, представлялось действенным. С помощью своих ассистентов он демонтировал несколько внутренних конструкций мавзолея и оказался таким образом обладателем массивных металлических плит, из которых он сконструировал нечто вроде щелястой корзины. В конце концов он и сам осуществил путешествие с Аэргистала на Урику в чем-то, напоминающем гроб. Один гиппрон мог зибрить с собой в пространство и время довольно значительный груз, особенно если рейс не очень длинный. Именно таким образом Веран доставил свой отряд. Несколько прогнорков убедили Корсона, что таким образом он может одновременно отпирать двести женщин.

Когда он подал сигнал к выступлению, то находился на планете-мавзолее больше двух недель. Его запасы продовольствия давно исчерпались, но он основательно запасся на складах ближайшей планеты. Своих ассистенток, за неимением другого, он подкармливал сывороткой и глюкозой, взятой из системы, питающей полуживых. Он чувствовал, что силы его подходят к концу. Он мог бы выкроить немного времени на передышку, но не имел никакого желания ни на секунду дольше; чем это необходимо, задерживаться в этом нерадостном мире.

Он внимательно наблюдал за реанимацией первого отряда и имплантацией синтетического сознания. Усталая улыбка появилась на его лице, когда он увидел, как двести женщин покидают свои гнезда, разрывают асептическую дымку, бывшую их защитой, одна за другой направляются к центральной аллее и формируют отряд. Потом пришла скука, сковывающая его, как неудобные перчатки.

Одна из ассистенток, удивившись, повернулась к нему. Он бессильно махнул рукой.

— Ничего,— сказал он.— Ничего. Это сейчас пройдет. Словно к человеку обращался.

Но в нацеленных на него изумительных фиалковых глазах он не увидел ничего, ни понимания, ни сострадания; два драгоценных камня, а на месте удивления — это отражение. Они могли понимать, они были послушны его голосу, они обладали даже ограниченным словарным запасом, стрательно отобранным им и вложенным в матрицы, но они не могли его слышать. Они не существовали. И каждый раз, как только он пытался забыть о их происхождении, ему напоминали об этом их глаза, их слишком расчетливые движения. Они были всего лишь грубым, упрощенным отражением его собственных намерений. За глазами у них не крылось никого, с кем он мог повстречаться.

Двери ангара не ошиблись. Они не распахнулись перед отрядом. Корсону пришлось все время стоять на пороге, пока они маршировали мимо него, поднимали с земли небрежно брошенную одежду и надевали ее. Повинуясь его голосу, они опустили капюшоны на лица и набились в приготовленную для них отвратительную кабину. Еще раз при звуке его голоса погрузились в гипнотический сон, тогда он захлопнул дверь кабины, проверил упряжь, вскочил в седло и нырнул во время, окружив себя призраками.

Отряд высадился на Урии вблизи лагеря Верана вскоре после того, как он покинул его, чтобы избежать возможных накладок в будущем. Он будет отсутствовать несколько секунд, хотя на его возвращение, реанимацию второго отряда и новое путешествие сюда уйдет много часов. Он совершил десять таких рейсов, которые растянулись на несколько дней собственного времени. На третий день гиппрон стал показы-

вать признаки истощения и Корсон, сдерживая слезы, свалился и заснул. Покидая планету-мавзолей в последний раз, он освободил своих ассистенток. Он отдал приказ. Они упали, все еще продолжая улыбаться.

Он разбудил всех своих рекрутов и они выступили длинной колонной. Когда лагерь оказался совсем рядом, он приказал им выстроиться на видном месте, в достаточном удалении от защитной полосы. Потом окликнул часовых. Минуту спустя появился Веран.

— Выглядишь ты усталым, Корсон,— сказал он.— С чего это ты явился?

— Я привел рекрутов.

Веран дал знак. Артиллеристы привели в действие замаскированные орудия, принявшиеся выискивать цель. Другие включили детекторы.

— Надеюсь, это не ловушка, Корсон. Хотя твое украшение...

— Никто не вооружен,— осторожно произнес Корсон.— Кроме меня...

— Оружия нет...— сообщил техник.

— Отлично,— сказал Веран.— Ты смог уговорить их, тех, из будущего. Я люблю добрую работу, Корсон. А они может, испытывали прилив самодовольства. Прикажи первой шеренге подойти. И пусть скинут капюшоны, я хочу полюбоваться на их рожи.

За исключением оставшихся на своих постах часовых весь лагерь столпился сразу за Вераном. Корсон с удовлетворением отметил, что мужчины казались менее настороженными, менее организованными, чем тогда, когда он увидел их впервые. Несколько недель отдыха на Урии сделали свое. Дисциплина не расшаталась, но почти незаметные детали позволили тренированному глазу Корсона уловить, что общая атмосфера изменилась. Один из солдат сунул руки в карманы брюк. Другой спокойно посасывал коротенькую металлическую трубку. Корсон попытался по ошейникам отыскать личных охранников Верана. Он насчитал их почти дюжину.

Он выкрикнул лишь одно слово. Лишенное значения. Первая шеренга двинулась вперед. Веран махнул рукой. Защитный пояс погас. Двое солдат смотали часть провода. Веран, очевидно, избавился от остатков подозрительности. Но Корсон знал предусмотрительность военачальника. Лично не убедившись, он никому не позволит войти в лагерь. Это он и собирался сделать.

Маршировала первая шеренга, за ней, с определенным интервалом, двигалась вторая. И третья, и четвертая. Мягкие волны шелестящих накидок. Корсон крикнул. Он был уверен, что никто в лагере Верана еще не обнаружил правды. Девушки были крупными и «воинственными», свободное одеяние скрывало их формы. При звуке его голоса первая шеренга одновременно откинула головы назад и капюшоны упали.

И тут же не стало ничего слышно, ни звука шагов, ни шелеста материи, только издали доносились повизгивание и похрапывание спящего гиппрона.

В лагере кто-то приглушенно кашлянул. Или подавил смешок. Потом раздался чей-то крик:

— Бабы! Одни бабы!

— Их две тысячи,— неторопливо произнес Корсон.— Они крепки и послушны.

Веран не дрогнул. Ни на долю дюйма не повернул головы. Только глаза его бегали. Он внимательно разглядывал лица женщин. Потом перевел взгляд на Корсона.

— Крепки и послушны,— повторил он как эхо.

В лагере началось движение. Задние проталкивались вперед. Вытягивали шеи. Казалось, глаза их сейчас выскочат из орбит.

— Ладно,— сказал Веран, не повышая голоса.— А теперь забирай их назад.

Какой-то солдат без оружия — поскольку на посту — перескочил через провод, который не был свернут на том участке, и побежал навстречу женщинам. Один из личных охранников поднял оружие, но Веран приказал опустить его. Корсон понял и почувствовал удивление. Веран боялся, что это какая-то ловушка, что солдат попадет в нее, и это послужит уроком для остальных.

Но ловушки не было, по крайней мере такой, на которую он рассчитывал. Когда бегущий преодолел половину расстояния, отделявшего его от женщин, Корсон произнес словосочетание, произнес тихо, но отчетливо. Он не хотел, чтобы люди в лагере приняли его приказ за сигнал к атаке.

Первая шеренга растегнула свои накидки и сделала полшага вперед. Одевания сползли на землю. Ничего другого женщины не носили. Они стояли, выпрямившись, в высокой вытопанной траве, окруженные солнечным ореолом. Волосы закрывали им плечи, и порой, груди. Они почти не шевелились, дышали медленно и глубоко, а руки их были пустыми и открытыми, ладони повернуты вперед.

В лагере Верана послышался какой-то звук, то ли крик, то ли стон, скорее — какой-то приглушенный исполинский хрип, словно звук кузнечных мехов, выдох сотен сокращающихся легких.

Два десятка солдат кинулись вперед. Остальные бросили оружие и мчались за ними, еще не верящие в свой поступок, не понимая, бегут ли они за первыми, чтобы вернуть их, или же бегут потому, чтобы не оказаться последними. Один из охранников Верана хотел открыть огонь, но его сосед, выбил у него оружие. Осторожности ради артиллеристы сперва отключили свои орудия, а потом тоже поспешили в сторону женщин.

Первые, еще растерянные, шли от одной к другой, не ре-

шаясь прикоснуться к ним. Корсон собрался произнести несколько слов, он хотел рискнуть и обратиться прямо к солдатам, минуя Верана. Но в этом уже не было необходимости. Лагерь опустел. Веран буйствовал. Падали тела. Кто-то попытался включить защитную полосу, но что-то получалось не так, полоса мигала. Очевидно, Веран пока еще пытался избежать слишком большого кровопролития. Он еще надеялся, что сможет прибрать людей к рукам. Но его окружила только личная охрана. И то, многие из них, деморализованные случившимся, сражались без всякого сражения.

В конце концов Веран решился. Корсон заметил, как взметнулась его рука. Выстрелы стихли. А потом упала ночь.

Затопила лагерь, солдат, женщин. Корсон невольно отступил на шаг. Потом бросился на землю. Веран поставил на свою лучшую карту — гаситель света. Возможно, он собирается открыть огонь из своих батарей вслепую, целясь на окрестности лагеря. Корсон попытался вжаться в землю, отползти. Сквозь приглушенный тьмою шум он услышал отзвук шагов. Перевернулся на бок, сжался в комок и вскочил как пружина, отчаянно пытаясь сохранить равновесие, молотя на ощупь руками по сгустившемуся воздуху. Чья-то рука поддержала его, развернула. Сзади обхватила его за шею, приподняв голову. Он услышал напряженный голос Верана прямо у своего уха:

— Ты меня подловил, Корсон. Ты силен. Сильнее, чем я думал. Я мог бы убить тебя. Но я не люблю хаоса. Оставляю тебе ключ... ключ от ошейника. Позаботься об остальных.

Что-то упало у ног Корсона. Хватка разжалась. Ему показалось, что его череп разросся сверх меры. Он упал на колени, пытаясь в темноте справиться с дыханием. Где-то там, в ночи, позади него, Веран бежал в направлении гиппрона, спрятать которого Корсон не удосужился. Он услышал, как он окликает его, грозным и одновременно смешным, заглушенным тьмой голосом:

— Я еще расквитаюсь с тобой, Корсон. Вот увидишь, я расквитаюсь!

Агрессивное шипение термического лука, которое ночь превратила в гудение осы. Корсон спрятал голову. Закрыв глаза. И ждал. Его ноздрей достиг запах дыма, горящего дерева, горелого мяса. Под его закрытыми веками запылала Вселенная.

Он открыл их. Стоял день. Не поднимаясь, он осмотрелся. Более ста женщин были убиты. И около двадцати солдат. Еще двенадцать были близки к этому. Часть лагеря горела.

Он поднялся и огляделся. Посмотрел в сторону леса и увидел, что осталось от Верана. Гиппрон исчез. Веран поставил на свою последнюю карту и проиграл. Он был убит двумя разными способами. Термический луч, возможно, против него и направленный, настиг его в ту минуту, когда он был уже у гиппрона. Долей секунды ранее животное, предвидя опас-

ность, сместилось во времени, не обратив внимания на окружающее. Оно прихватило с собой половину Верана. И глушитель света.

«Где-то во Вселенной, — подумал Корсон, — сквозь ночь и тишину несется гиппрон, мечется в непроницаемом мраке, на дне колодца, куда не может проникнуть, добраться никакая энергия, до тех пор, пока не исчерпаются батареи глушителя, или пока он не потяряет аппарат, при одном из панических своих прыжков. Но почему Веран выбрал именно этого гиппрона? — удивился Корсон. — В лагере их полно».

И понял. Им руководило любопытство. Веран умел проникать в память гиппрона. Он хотел знать, кто и как нанес ему поражение.

Корсон наступил на что-то. Наклонился и поднял небольшой, плоский кусочек почерневшего металла, на одном конце которого был проделан четырехугольный паз. Он поднял его к шее, приложил паз к ошейнику. Безрезультатно. Он начал медленно поворачивать ошейник. Руки его тряслись, он чуть не выронил ключ. В его животе взорвался ледяной кристалл. Пот заливал глаза. Капиляры скафандра не справлялись с осушением подмышек и паха. Внезапно ему захотелось пить.

Когда он уже полностью обернул ошейник, тот раскрылся, распавшись на две полозинки. Он успел подхватить их, какое-то время подержал в руках, разглядывая — соединения были гладкими, словно все это время он просто был приложен торцами друг к другу — потом небрежным движением отшвырнул их в сторону.

Он не мог понять смысла поступка Верана. То ли он надеялся удрать так далеко, где Корсон уже никогда не сможет быть для него опасным? Или он испытывал к нему что-то вроде солидарности? Смутная мысль замаячила у него в голове. Веран хотел отправиться на Аэргистал Там было его подлинное место. А если Аэргистал был адом — ему это удалось.

Корсон направился в сторону лагеря, надеясь отыскать какого-нибудь гиппрона. Война прекратилась. И скорее всего, уже через час обитатели Урии возьмут остальное в свои руки. Никакого сопротивления они не встретят. Умиравшие были добиты. Несколько легкораненых пытались перевязать свои раны. Но то, чего больше всего боялся Корсон, не происходило. Солдаты не насиловали женщин. Одни прогуливались, достаточно робко, сопровождаемые тремя-четырьмя красотками. Другие, усевшись на траве, пытались завести разговор. Казалось, они удивлены и даже напуганы таким незначительным сопротивлением. А может быть, они просто ошеломлены. «И будет еще больше, — подумал Корсон, — через сорок восемь часов». На лафете орудия он заметил сидящего солдата в ошейнике, обхватившего голову руками, с удрученным лицом. Он коснулся его плеча.

— Ключ. Ключ от ошейника.

Мужчина поднял голову. В его взгляде Корсон прочитал отчаянную надежду, недоверие и неожиданную тревогу. Он повторил:

— Это ключ от ошейника.

Нагнулся и растегнул ему ошейник. Подал две его части солдату, на лице которого появилась вымученная улыбка.

— Возьми ключ, — сказал Корсон. — Ошейники носят и другие. Займись ими.

Солдат согласно кивнул. Но его лицо так и осталось тупым. Ошейник упал возле его ног. Никакой ключ не мог избавить его от памяти о Веране, от призрака вождя, который уже погиб.

Не натываясь на возражения, Корсон выбрал себе гиппрона. С необычайной тщательностью доходящей до паникерства, запряг и оседлал его. Он выполнил свое задание, он замкнул кольцо. Теперь оставался лишь прыжок на пляж, где — он хотел так думать — его ждала Антонелла.

И так Совет Урии. Кид, Сельма, Ана. Его друзья.

37

На пляже лежала на животе обнаженная женщина, блондинка. То ли спала, то ли находилась в контакте. Ничьих других следов пог на песке не было видно. Корсон уселся рядом с ней и принялся ждать пока она проснется. У него было время. Часть вечности, подпирающей Аэргистал, лежала перед ним.

Он расслабился. Конец пути. Теперь можно любоваться морем, просеивать песок меж пальцев. Позже и он научится властвовать над временем. Он подумал, что некоторые практические навыки уже приобрел.

Женщина шевельнулась. Потянулась, перевернулась на спину и, садясь, начала тереть глаза. Корсон узнал ее.

— Флора Ван Вейль, — сказал он.

Она кивнула и улыбнулась. Но это была вымученная улыбка, почти печальная.

— А где они? — спросил Корсон. И, поскольку женщина, казалось, не поняла, добавил:

— Кид, Сельма, Ана. Я должен сделать отчет перед Советом Урии этого тысячелетия.

— Произошло изменение, — тихо сказала Флора. — Благодаря тебе, оно не достигло больших размеров. Но на этой линии вероятности их не существует.

— Их нет в живых, — выдавил Корсон.

— Они никогда не существовали.

— Я ошибся, — сказал он. — Спутал место, время, а может, и Вселенную.

— Ты стер их. Они были над историей. Твое вмешательство их вычеркнуло.

Корсон чувствовал, что бледнеет. Он судорожно сжал пальцы.

— Это были мои друзья, и я убил их.

Флора покачала головой.

— Нет. Они принадлежали другой вероятности. Ты сделал так, что реализовалась эта, лучшая. Они знали, что будет с ними, если тебе удастся, и надеялись, что тебе удастся.

Корсон вздохнул. У него были друзья и они исчезли, стали тенями, более блеклыми, чем тени тех, кого коснулась смерть. Они ничего не оставили после себя, ни следов своих ног, ни надписи на камне, не осталось даже ни имен в этой запретной для них Вселенной. Они не рождались. Они были лишь воспоминаниями, сохранившимися в мозгу Корсона, лишь абстракциями в призрачных реестрах Аэргистала. «Чего я коснусь, то исчезает — я резинка в руках божьих». Он вспомнил Турэ, отличного спутника, неудачливо оказавшегося в горниле бесконечных войн. Вспомнил Нгал Р'нда, последнего князя Урин разорванного своими же подданными. Верана, профессионального наемника, убитого его же людьми. С ужасом он подумал об Антонелле. Хотел спросить но ему не хватало слов.

— Я не существовала на той креоде, — сказала Флора. — И появилась лишь из-за твоего прибытия. Или ты думаешь, это была случайная встреча? И здесь я из-за тебя. Не надо меня смущаться.

— Значит, — с горечью сказал Корсон, — люди — это лишь рябь на поверхности явлений, и дуновение изменяет или устраняет их, согласно воле богов. Я был лишь игрушкой для тех с Аэргистала. Боги-марионетки, исправляющие историю.

— Они не боги, даже, если они нечто большее, чем мы. Они не могут поступать так, как им хочется.

— Знаю... — грубо перебил ее Корсон. — Они стараются ради добра. Вызывают войны. Формируют историю таким способом, чтобы она вела к ним. Все это я слышал на Аэргистале. Искоренить войны, познать войны, исцелить войны. Спрятались как крысы на дне времени. в страхе перед тем, что Снаружи.

— Это лишь половина правды, — терпеливо поправила его Флора. — Они — это мы.

— Они — наши потомки. И снисходят до нас с высоты своего миллиарда лет.

— Они — это мы, Корсон, — повторила Флора. — Те, с Аэргистала — это мы. Но не знаем о том, что мы должны открыть это и понять. Они — это все возможности и людской расы, и всех прочих рас, даже те, которые ты просто не способен вообразить, как и они тебя. Они — это все частицы Вселенной, все события Вселенной. Мы — не предки богов, и они — не наши потомки, мы — часть их, отделившаяся от своего начала, или,

вернее, от целого. Каждый из нас — одна из их вероятностей, деталь креода, которая неудержимо стремится к целому, которая бьется во мраке, чтобы властвовать, чтобы существовать отдельно. Что-то произошло, Корсон, где-то и когда-то, но этого я сама не понимаю. Но нет ни конца, ни начала времени. Не существует ни «до», ни «после», Для них, и немного для нас, время — это расстояние, на котором события существуют как объекты, обладающие длительностью. Мы — лишь ступень длинной лестницы, ведущей к Аэргисталу, к объединенному созданию всех возможных событий, и те, что с Аэргистала, это те, кто поднимается по этой лестнице.

— Боги — шизофреники,— сказал Корсон.

— Да, если это поможет тебе понять. Иногда я думаю, что они отправились на поиски всех возможностей, заплутали и стали нами, и что это и служит поводом для войн, этого уничтожения, этой ломки этого насилия над историей, которую теперь они так старательно берегут. И эти изломы не позволяют им, несмотря на огромное их могущество, немедленно и окончательно исправить испорченное. Поскольку они, это тоже, что и мы. Война — частица их самих. И мы наощупь должны преодолеть, открыть дорогу, ведущую к ним. И — к нам. Они родились из войны, Корсон, из этой поразительной неразберихи, играющей нашими существованиями, и будут существовать лишь тогда, когда ее ликвидируют. Тут и там они латают дыры, гасят пожар. Этим занимаемся мы, иногда — с их помощью. И ты делал это, Корсон. Не жалеешь?

— Нет.

— Чтобы стереть войну, те, с Аэргистала, пользуются теми, кто воевал. Те в свою очередь обладают достаточным военным опытом и через какое-то время начинают ненавидеть войну с такой силой, что желают ее уничтожить. Желают по-настоящему, любой ценой. Те, кто не постигают этого сразу, какое-то время проводят на Аэргистале. Но рано или поздно приходит понимание. Приходит ко всем, без исключения.

— Даже к таким, как Веран?—скептически спросил Корсон.

— Даже к Верану. Сейчас он гасит пожар в созвездии Лиры.

— Он мертв,— сказал Корсон.

— Никто не умирает,— возразила Флора.— Жизнь — как страница книги. Тут же рядом другая. Я не говорю потом, я говорю рядом.

Корсон поднялся и сделал несколько шагов к морю. На границе пены он остановился.

— Это долгая история. Кто докажет мне, что она истинна?

— Никто. Понемногу ты сам поймешь это. Может быть, то, что ты открываешь, окажется несколько другим. Никто не обладает привилегией обладания абсолютной правды.

Не поворачиваясь, Корсон с силой, почти невольно выкрикнул:

— Я вернулся, чтобы научиться власти над временем и контакту с теми, на Аэргистале. А вместо...

— Научишься. Всему, на что окажешься способен. Нам нужны такие люди, как ты. Пожаров много.

— А я-то надеялся обрести покой,—сказал Корсон.—И еще я вернулся из-за Антонеллы.

Флора подошла к нему и опустила руки на плечи.

— Прости нас,—сказала она.

— Я ее любил, или — я люблю ее. Она тоже исчезла, верно?

— Ее не было. Она давным-давно мертва. Мы взяли ее на планете—мавзолее. в коллекции одного из богов войны, и наделили искусственным разумом, так же, как это делал ты с рекрутами для Верана. Так надо было, Корсон. Без нее ты вел бы себя не так. А настоящее живое существо не могло бы проникнуть на Аэргистал.

— Если оно только не военный преступник,—сказал Корсон.

— Она была всего лишь машиной.

— Хватит.

— Мне очень жаль. Я сделаю все, что ты пожелаешь. Я стану твоей любовницей, Корсон, если ты пожелаешь.

— Это не так просто.

Он вспомнил, что сказал ему Кид: «Не надо сердиться на нас за это».

И исчез. Он знал, что будет вычеркнут и все же сочувствовал ему, Корсону.

— Никто не умирает,—сказал он.—Может быть, я отыщу ее в другом существовании.

— Может быть,—шепотом ответила Флора.

Корсон сделал шаг к морю.

— У меня ничего не осталось. Ни друзей, ни любви. Моя Вселенная исчезла шесть тысяч лет назад. Меня просто-напросто надули.

— Ты еще можешь выбирать. Ты можешь все вымарать, вернуть к нулю. Вспомни, что ты должен был умереть на «Архимеде».

— Могу выбирать,—повторил Корсон недоверчиво.

Он услышал, что она уходит, повернул голову и увидел, что она разговаривает сама с собой, разгребая песок в том месте, где отпечатался след ее тела. Когда она вернулась, то в ее протянутой руке была зажата опалесцирующая ампула размером с голубиное яйцо.

— Чтобы навсегда остаться с нами, тебе осталось выполнить еще одно задание. Дикие гиппроны не умеют перемещаться во времени, так же как первобытный человек не может пользоваться компьютером. Самое большое, им удается переместиться на несколько секунд. В этой ампуле содержится акселератор, который в миллиарды раз усиливает эту еле развитую

способность. В нужный момент, Корсон, ты должен сам ввести ее ему. Доза тщательно рассчитана. С твоей точки зрения, ее доставка в прошлое не вызовет серьезных изменений. Если говорить о моменте появления, то ошибка будет крайне незначительной и мы принимаем ее во внимание. Гиппрон в момент скачка во времени увлекает с собой определенную часть пространства. Теперь ты знаешь все, что надо, Жорж Корсон, выбор остается за тобой.

Он понял.

Последняя не сделанная вещь. Печать под договором. Рука, протянутая себе же через пропасть в шесть тысяч лет. — Благодарю, — сказал он, — но я еще не знаю.

Он взял ампулу и направился в сторону гиппрона.

38

Корсон осуществил более, чем шестистысячелетний скачок назад, произвел небольшой зондаж и ввел необходимые пространственные поправки.

Гиппрон синхронизировался. Какое-то время планета вращалась вокруг него, пока ему не удалось стабилизироваться. Он занял позицию на очень вытянутой орбите, такой же, какую избрал бы боевой звездолет, желающий лишь коснуться планеты, остаться на как можно меньшее время в ее соседстве и высадить какой-либо предмет в наиболее благоприятных для того условиях, оставляя солнце за кормой.

Корсон ждал и думал. Перед его глазами раскинулась Вселенная, но он почти не видел в ней. Вселенная была подобна колодезю, и все человеческие (и не только человеческие) воззрения пробивали новые тоннели в тесном ее пространстве, переплетались, не смешиваясь, и стремились к оболочке Вселенной, где все наконец-то сливалось воедино. Аэргистал.

«Каждая точка Вселенной, — сказал Кид, — содержит всю экологическую Вселенную. Для данного наблюдателя. Для данного актера». Каждый пытается читать основы своей судьбы на стенах колодезца. И, если он только может, каждый пытается улучшить набросок своего бытия. Словно крот, не ведая о том, что он рушит жилище соседа. Но не на Аэргистале. Не на поверхности Вселенной. Для богов Аэргистала экологическая Вселенная смешалась с космосом. Они не могли ни от чего отказаться.

Под Корсоном детектором Урии прочесывали небо. Они говорили о странах другого фрагмента перепутавшейся истории. Но общая масса гиппрона и его всадника была слишком незначительна, чтобы на таком расстоянии вызвать реакцию батарей.

Корсон колебался. Он мог уйти и тогда, вне сомнения, он будет убит при взрыве корабля. Или же опустится на землю в компании Бестии и погибнет немного позже, или попадет в руки уриан. Немногие взятые в плен вернулись с Урии. Но никто не вернулся здоровым. Корсон мог оставить лейтенанта Жоржа Корсона, случайного содата, специалиста по Бестиям, почти ничего о них не знающего, на произвол его собственной судьбы. И тогда он, странник во времени, перестанет существовать. Стоило ли трудиться, обрекая того Корсона на теперь уже пройденные испытания, чтобы он под конец вкусил горечь поражения и боль одиночества? Он попытался представить, что решил бы Корсон в конце своего пути. Потом вдруг вспомнил — что этот Корсон — это же он сам.

Стоил ли конечный результат приложенных усилий?

Ночь и страх в джунглях рядом с плачущей Бестией. Флора Ван Вейль. Она знала, что я брошусь на нее. Или она в самом деле не знала, что произойдет, за исключением того несколько секундного периода, когда будущее было для него явью? Диото, обреченный город, и краткая прогулка по его улицам. Вынырнувшая, казалось, ниоткуда Антонелла, которая из ниоткуда и появилась. Веран и плен. Дом мертвых на травянистой планете. Аэргистал, военная игра, где смерть являлась лишь перемирем. И эта сеть интриг, это идиотское переплетение фанатиков и милитаристов, из-за которого расплзалось само время.

А если он не сделает ничего. Если уйдет. Бестия достигнет места назначения. Произведет на свет потомство. Через какое-то время Земля выиграет войну. Залечит свои раны. Расширит империю. Будет силой или интригами контролировать родившуюся Конфедерацию. Восстания, новые войны.

Но одну вещь он уже знал. Это было давным-давно прошедшим. Событиями уже осуществившимися, реализованными, оставшимися в шеститысячелетнем прошлом. В будущем, которое было ему знакомо, война между Солнечной Державой и Империей Урии была завершенным делом. Никто не выиграл в ней, по сути дела — проиграли обе стороны. И так будет вне зависимости от того, что он сделает. Для него это уже перестало быть важным. Он уже не был лейтенантом Корсоном с крейсера «Архимед», заботящимся о будущем конфликте и о собственной шкуре.

Он стал кем-то другим.

Долгий процесс. Он глядел на звезды, золотые зернышки, прилепившиеся к стенкам колодца, более многочисленные, чем те, что горели на земном небосклоне. Через шесть тысяч лет они будут находиться примерно в том же положении. И каждая из них была какой-то загадкой, событием, фрагментом истории. Для лейтенанта Корсона они были лишь светящимися абстракциями и клыками страха. Корсону же они представлялись ступенями лестницы, приставленной к стене времени.

Он мог позволить лейтенанту Корсону прожить этот короткий отрезок времени, который ему остался, и стереть себя, ликвидировать горечь, выполнить наидальнейшее самоубийство во всей Вселенной. Но ведь тот же Корсон в черном корпусе «Архимеда» совсем не хотел умирать.

А не могу ли я отделить себя от него?— задумался Корсон. И ему пришло в голову, что Флора сказала ему половину правды, может быть, война была последствием разъединения общности всех возможностей тех, с Аэргистала. Но почему они... Почему должно быть их много? Неужели на Аэргистале не было точки, где все они реализовывались как возможности одного? И не может ли быть такого, что на этого напала сучка, и он решил сознательно вызвать из прошлого его тени, что он захотел стать каждым человеком и всеми людьми, любым существом и всеми существами? Скалой и рыбаком, волной и звездой, временем и пространством?

«Может, мне это снится,— подумал Корсон,— или же все это только мои воспоминания?

Если тот Корсон умрет, он никогда не узнает об этом. Он утратит жизнь и память о том, что жил.

Но ведь вне жизни было еще надсуществование. Страницы книги, сказала Флора. Гиперкуб содержит в себе бесконечное количество кубов, и все же объем его ограничен в четырехмерном пространстве. «Наша жизнь не бесконечна, но неограничена,— сказал ему голос на Аэргистале.— Ты научишься власти над временем. Станешь таким же, как мы.»

Имелись по крайней мере три уровня существования. Уровень виртуального существования, такого, как у Кида и Сельмы, которое было лишь вероятностью, вписанной в призрачные реестры Аэргистала. Уровень линейной жизни, жизни того Корсона, будущей отрезком между жизнью и смертью. И, наконец, уровень надсуществования, который символически развивался в пространстве, освободившийся от времени.

Это напоминало уровни возбуждения элементарных частиц в примитивной физике, словно ученые уже в самом начале истории человечества предвидели великую правду. Частица : атом, нуклон, мезон или кварк,— однажды возбужденная, перескакивает на более высокий энергетический уровень. Становится чем-то иным, не переставая быть самим собой. Она спонтанно может вернуться в первоначальное состояние, излучая частицы более низкого ранга, фотоны, электроны, нейтроны, мюоны и прочие.

Корсон достиг порога надсуществования. Он мог вернуться на уровень линейного существования, выделив этаким своеобразным вид нейтрино, его жизнь за последние недели сделалась бы виртуальной, почти лишенной возможности реализации. Он полностью не исчезнет, зато станет почти абсолютно извлечен от реальности. Ни массы покоя, совсем как у нейтрино. Кто-то в лаборатории Аэргистала заметил по-

явление пучка изхр. Регистрационная камера отметит исчезновение еще одного надсуществования.

Не могут же все страницы книги быть переполнены горечью.

Корсон принял решение.

Черный корпус «Архимеда» заслонил группу звезд. Корсон дефазировал гиппрона, приблизился, без труда преодолел защитную систему и панцырь корабля. Он синхронизировался, не опасаясь, что будет замечен. Для глаз наблюдателя, находившегося на борту «Архимеда», временная дефазировка почти полностью лишала его реальности.

Он ощутил колебания своего животного. Он не решался приблизиться к своему дикому собрату. Корсон успокоил гиппрона, поместил ампулу в один из завитков гривы. Он заметил самого себя, повернутого спиной. Фигура была искажена дефазировкой и особенностями восприятия гиппрона. Нить, несущая ампулу, проникла сквозь энергетическую защиту, окружающую Бестию. Когда ампула оказалась над мордой Бестии, Корсон синхронизировал гиппрона с интервалом в одну миллиардную доли секунды. Вспышка, сухой треск. Энергетический экран оборвал нитку гиппрона, который уже отпрыгнул в пространстве и во времени.

На несколько километров и несколько секунд.

Корсон ждал, зависнув в пространстве, всматриваясь в почти неразличимый, крохотный силуэт корабля. Вернулись старые воспоминания. Сразу перед катастрофой он заметил непонятную вспышку, но произошло это настолько мгновенно, что он усомнился в ее реальности. Тогда у него не было достаточно времени, чтобы подумать над этим.

На этот блеклый след наложилась новая молния. «Архимед» взорвался. А батареи Урии по-прежнему сохраняли молчание. Орбита, выбранная капитаном «Архимеда», выполнила свою роль: приближение крейсера не было обнаружено.

«Авария генераторов», — подумал он. — Но это казалось невероятным. Он сам вызвал катастрофу. Акселератор превосходно усилил возможности Бестии. Она не использовала их сразу, надеясь скрыться во времени. Она намеренно не покинула свою клетку. И генераторы не выдержали.

Разорванный корпус «Архимеда» проваливался в направлении джунглей Урии. Корсону показалось, словно что-то отделилось от него. Иллюзия. Он еще не научился наблюдать сквозь время.

Но это придет, — решил он, думая о своих мертвых товарищах. Для них он ничего не мог сделать. Он не мог вернуться назад, вступить в поединок с самим собой, чтобы удержать себя от введения ампулы. Гораздо позже, корпус «Архимеда» вошел в атмосферу Урии и загорелся. Тут-то и открыли огонь батареи с земли. Пространство заройлось от датчиков. Корсон пытался убедить себя, что корабль и без того был бы уничтожен. Иллюзия, замкнутая на себе.

Крейсер погас среди безразличных звезд.

Где-то там, на Урии, шесть тысяч лет спустя, тот Корсон попытается выжить. Он еще не знает, что под холодным надзором веков он ликвидирует какой-то конфликт, что услышит на Аэргистале голос подлинных богов и, возможно, достигнет надсуществования.

— Но почему я? — спросил Корсон, отправляясь в свой путь в будущее.

— Я, — ответило ему эхо Корсона, размещенное по всей длине жизни Корсона и рядом с ней, согласно остальным его существованиям. Ему казалось, что он слышит, что сознание отвечает ему шепотом в той точке, где рождаются слова, являющиеся порождением их сознания, и почувствовал, что начинает ощущать контакт с ними, бесчисленными Корсонами, разбегающимися в грядущем, и ему показалось, что он уже знает, что придется пережить им, что он уже видит их глазами, думает вместе с ними. Но он задержался на пороге, не имея решимости, сомневаясь, потому что время еще не истекло, и было недостаточно опыта, и потому что перед теми Корсонами еще только маячила тень успеха...

СОДЕРЖАНИЕ

НЕПОКОРНОЕ ВРЕМЯ.	3
ЗВЕЗДНЫЙ ГАМБИТ.	96
РАЗВИЛКА ВО ВРЕМЕНИ.	213
ИОНА.	243
ГОЛОСА ПРОСТРАНСТВА.	265
ВОСКРЕШЕННЫЕ ИЗ ПЕПЛА.	278
ЧЕРНАЯ МАГИЯ.	304
ТУНИКА НЕССЫ.	314
ВСАДНИК НА СТОНОГОМ.	322
БОГИ ВОЙНЫ.	340

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

ВЫПУСК 10

ЖЕРАР КЛЕЙН

Боги войны

Ответственный редактор **В. П. Кирчев.**

Художник О. Г. Полищук.

Корректор Бабилунга В. С.

Сдано в набор 10.X.91. Подписано к печати 16.XII.91

Формат 84×108¹/₁₂. Бумага типографская № 2.

Усл. печ. л. 26,04. Тираж 52000. Зак. 11160.

Цена договорная.

Издательство «ЭЯ». Новосибирск, ул. Мира, 14.

Кишинев, ул. П. Мовилэ, 35. Полиграфкомбинат.

